

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Ежеквартальный
научный журнал
ОСНОВАН В 1996 г.

2012. № 1 (63)

Quarterly
academic periodical
FOUNDED IN 1996

Включён в перечень ВАК

Редакционный совет Editorial board

Г.Д. Адеев (G.D. Adeev), д-р физ.-мат. наук, профессор
Г.И. Геринг (G.I. Gering, chairman), д-р физ.-мат. наук, профессор, председатель
В.И. Вершинин (V.I. Vershinin), д-р хим. наук, профессор
Л.А. Еловигов (L.A. Elovikov), канд. экон. наук, профессор
А.И. Казанник (A.I. Kazannik), д-р юрид. наук, профессор
Е.И. Лавров (E.I. Lavrov), д-р экон. наук, профессор
Б.И. Осипов (B.I. Osipov), д-р филол. наук, профессор
А.В. Ремнев (A.V. Remnev), д-р ист. наук, профессор
В.И. Струнин (V.I. Strunin, vicechairman), д-р физ.-мат. наук, профессор,
зам. председателя
Н.А. Томилов (N.A. Tomilov), д-р ист. наук, профессор
К.Н. Югай (K.N. Yugay), д-р физ.-мат. наук, профессор

Редколлегия журнала Editorial staff

Ю.В. Балакин (Yu.V. Balakin), канд. ист. наук, доцент
С.П. Бычков (S.P. Burchkov), канд. ист. наук, доцент, отв. секретарь
О.А. Голованова (O.A. Golovanova), д-р геол.-минерал. наук, профессор
Г.Г. Галич (G.G. Galich), д-р филол. наук, профессор
А.В. Глотов (A.V. Glotov), д-р мед. наук, профессор
Л.И. Дементий (L.I. Dementiy), д-р психол. наук, профессор
И.А. Ветренко (I.A. Vetrenko), д-р социол. наук, профессор
С.С. Ефимов (S.S. Efimov), канд. техн. наук, доцент
Е.В. Исаева (E.V. Isaeva), канд. экон. наук, доцент
Н.П. Мони́на (N.P. Monina), канд. филос. наук, доцент
Е.Л. Невзгодина (E.L. Nevzgodina), канд. юрид. наук, профессор
Н.В. Орлова (N.V. Orlova), д-р филол. наук, профессор
К.Н. Полещенко (K.N. Poleshenko), д-р техн. наук, профессор
В.С. Половинко (V.S. Polovinko), д-р экон. наук, профессор
А.В. Ремнев (A.V. Remnev, editor in chief), д-р ист. наук, профессор, гл. редактор
В.А. Романьков (V.A. Romankov), д-р физ.-мат. наук, профессор
А.В. Свешников (A.V. Sveshnikov), канд. ист. наук, доцент
С.А. Соловьев (S.A. Soloviev), д-р биол. наук, доцент
В.И. Хомяков (V.I. Homjakov), д-р филол. наук, профессор
В.М. Шкарупа (V.M. Shkarupa), канд. филос. наук, доцент
К.Н. Югай (K.N. Yugay), д-р физ.-мат. наук, профессор

Адрес редакции: 644077,
Омск-77, пр. Мира, 55а, ОмГУ
тел. –(tel.) (3812) 64-88-28
vestnik@omsu.omskreg.ru

Editorial office: 644077,
Omsk-77, pr. Mira, 55a, OmSU

Редакторы:
Л.Ф. Платоненко,
О.А. Сафонова

Технический редактор
Е.В. Лозовая
Дизайн обложки
З.Н. Образова

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-13169 от 22 июля 2002 г.

Подписной каталог
«Газеты. Журналы».
Индекс 53087

Издательство ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

Подписано в печать 22.03.2012
Ризография. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 50,2. Печ. л. 54,0.
Уч.-изд. л. 52,0.
Тираж 200 экз. Заказ 085.

© ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2012

Отпечатано
на полиграфической базе ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Безбородов В.П.</i> Формационные основания распада СССР и модернизации России.....	16
<i>Солощенко П.П.</i> Время как форма сознания: опыт философского дискурса.....	24
<i>Тетюев Л.И.</i> Актуальность трансцендентальной философии: контекст современной дискуссии	31
<i>Фигура А.О.</i> Онтологические основания социальной реальности в концепции трансцендентального реализма Р. Бхаскара.....	35
<i>Николина О.И.</i> «Временение» в структуре феномена в работе М. Хайдеггера «Время и бытие».....	40
<i>Першин Ю.Ю.</i> Основания принципа управления реальностью	43
<i>Порошина А.М.</i> Меональность русской речи	47
<i>Берсенева Т.П.</i> Синергия и мистика исихазма в контексте православного богословия.....	50
<i>Николин В.В.</i> Вечное и бесконечное как две схемы онтологии у Шеллинга.....	53
<i>Василюк К.В.</i> Коммуникативный аспект сравнения типов развития Запада и Востока.....	55

ИСТОРИЯ

<i>Вивчар В.М.</i> «Западно-руссистское» понимание Брестской унии М.О. Кояловича.....	58
<i>Караваева Е.В.</i> Нормативные акты – основа для участия православного клира Томской губернии в благоустройстве сельских кладбищ (вторая половина XIX – начало XX в.)	63
<i>Киселёв А.Г.</i> Возникновение западносибирских фирм: условия, мотивация и процедуры (конец XIX – начало XX в.)	68
<i>Клюев А.И., Метель О.В.</i> Совокупность всех ересей или обновление веры? Католический модернизм конца XIX – начала XX в.	73
<i>Мионов В.В.</i> Латиноамериканский вектор во внешней политике США: эволюция доктринальных установок и факторы формирования в современности.....	79
<i>Мухина Г.А.</i> Римские размышления Монтестье.....	87
<i>Наземцева Е.Н.</i> Русская эмиграция в Сынцзяне в коллекциях центральных российских архивов: проблемы научного поиска и анализа.....	94
<i>Родигина Н.Н., Ледовских А.Ю.</i> «Зависть к “этому русскому”, которому Господь отдал всю такую прекрасную страну»: компаративный анализ репрезентаций Сибири в путевых заметках иностранных путешественников второй половины XIX – начала XX в.	98
<i>Ростовцев Е.А.</i> Столичная профессура и благотворительность в начале XX в.: постановка проблемы	106
<i>Рудковский И.В.</i> Накосник из Еловского II могильника и некоторые спорные вопросы бронзового века зауральских степей	112
<i>Хряков А.В.</i> «Немецкое движение на Восток». Г. Аубин о средневековой колонизации Восточной Европы.....	116
<i>Худяков В.Н.</i> Становление сибирской исторической науки: дискуссия 1950–1970-х гг. об аграрном строе сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в.	122
<i>Чач Е.А.</i> Христианский Восток в изданиях для народа в России конца XIX – начала XX в.: к постановке проблемы	129
<i>Шевченко М.Н.</i> Представления русских книжников о «царской» власти конца XV – первой трети XVI в. в отечественной историографии	136

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Воскресенская Л.И.</i> Реализм и оценочность в описании социокультурного развития в художественной литературе Соединенных Штатов.....	140
<i>Грязнова М.А.</i> Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция медицинских специалистов	145

<i>Мещерякова-Клабахер В.А.</i> Атрибутивные характеристики как средство передачи вещественной и оценочной информации (на примере номинаций писателя в немецких газетно-журнальных текстах).....	148
<i>Моисеев М.В.</i> Типология мифологем в американской лингвокультуре.....	151
<i>Петрова Н.Н.</i> К вопросу о терминологии звуко-символизма (на материале текста песни “People are strange” группы “The Doors”).....	155
<i>Садчикова А.Е.</i> Сетевые электронные журналы.....	159
<i>Карабыков А.В.</i> Прагматика обета в европейской культуре Средних веков.....	166
<i>Коротун О.В.</i> Репрезентация аксиологической сущности внешности человека в русской пословичной картине мира.....	173
<i>Кочетова Л.А.</i> Динамические аспекты коммуникативной категории тональности в рекламном дискурсе.....	177
<i>Красовская Н.А.</i> Семантические диалектизмы в тульских говорах.....	183
<i>Максимюк Е.В.</i> К вопросу о моделировании языка как процесса и продукта речевой деятельности.....	187
<i>Ромашова И.П.</i> Гимн как жанр и новая дискурсивная практика отечественных корпораций.....	191
<i>Турьшиева О.Н.</i> Интертекстуальный диалог как компонент рецептивной стратегии текста (на материале новеллы Г. Айзенрайха «Приключение как у Достоевского»).....	197
<i>Штырлина Е.Г.</i> Обозначения кратковременности в поэтическом языке И. Бродского.....	202
<i>Быстрицкая Г.Г.</i> Русская классика как средство социализации несовершеннолетних преступников.....	208
<i>Ветелина Л.Г., Пашина А.В.</i> Омские дореволюционные газеты и их функциональные особенности.....	212
<i>Кутмина О.А.</i> «Минус-прием» в творчестве Андрея Битова.....	218
<i>Мерц З.С.</i> «Родительница степь» Павла Васильева и Ильяс Джансугурова.....	221
<i>Мисюров Н.Н.</i> Русская журналистика 1830–1840-х гг. в борьбе за «господствующее направление умов».....	225
<i>Хомяков В.И., Винская О.В.</i> Феномен юродства в прозе Г. Петрова.....	230

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

<i>Акелькина Е.А.</i> Ф.М. Достоевский: основные тенденции и актуальные аспекты изучения наследия в 2000-х гг.....	232
<i>Ваганова К.Р.</i> Статейный список Ф.М. Достоевского: жанровые и языковые особенности.....	237
<i>Гарвардт Е.В.</i> Произведения Ф.М. Достоевского в современной культуре: литературный текст и текст кинематографический, к вопросу о проблеме перехода.....	245
<i>Гиль О.Л.</i> Биография Ф.М. Достоевского в контексте современности.....	252
<i>Коптева Э.И.</i> Традиции малых повествовательных форм русской прозы XVIII в. в «дневнике писателя» Ф.М. Достоевского.....	257
<i>Ляпина А.В.</i> Рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» в контексте праздничной традиции середины XIX в. и педагогических воззрений автора.....	263
<i>Петрова Ю.В.</i> Образ «великого писателя» в неклассической биографической парадигме: биографии Достоевского конца XIX в.....	268
<i>Фролова Т.С.</i> Возвращение Фауста. Рецепция идей Достоевского в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».....	271
<i>Юнаковская А.А.</i> «Записки из Мертвого дома» и «Сибирская тетрадь» Ф.М. Достоевского как основа русской лингвокриминалистики.....	279

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

<i>Шмидт И.В.</i> «Интертекстуальность» птицы в культуре палеолита (на примерах материалов Северной Азии).....	286
<i>Тимашков А.Ю.</i> «Всё» и «Ничто»: интермедальная стратегия творчества К.С. Малевича.....	299

<i>Бакулина С.Д.</i> Сибирская действительность в источниках мемуарного характера XIX в.	305
<i>Межевикин И.В.</i> Локальные варианты погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского междуречья.....	309
<i>Шехурин Д.Ю.</i> О символике меча в культуре средневековых германцев	315
ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Довнер И.В., Попова Ю.В.</i> Характер участия студенческой молодежи Омской области в политической жизни	319
<i>Левашова Е.Л.</i> Анализ проблем российской молодежи в современных условиях преобразования общественно-политической жизни	322
<i>Лукьянов И.С.</i> О государстве	327
<i>Пыхтеева Е.В.</i> Детерминанты политического насилия в современной России	331
<i>Сизов С.Г., Малов Д.В.</i> Историко-культурные и политические факторы межэтнических отношений на территории Северного и Южного Судана	340
<i>Чиркин В.В.</i> Основные направления военно-технического сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан.....	346
СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Левенских И.А.</i> Ролевые позиции отца в современной семье	349
<i>Парунина Л.Д.</i> Модель профессиональной культуры современных муниципальных служащих.....	354
ЭКОНОМИКА	
<i>Грисько А.С.</i> Комплексные методы оценки капитала бренда	359
<i>Исаева Е.В., Ковалев В.А.</i> Формирование механизма поддержки коммуникаций сетевых предпринимательских структур	362
<i>Морозова Н.А.</i> Изменение парадигмы маркетинга высшего образования в современных условиях	366
<i>Соловьева А.М.</i> Особенности международных расчетов по договорам на оказание транспортно-экспедиционных услуг	370
<i>Тимофеев А.В.</i> Основные функции, цели и задачи инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности	376
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Казанник А.И.</i> Конституционное право коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания и его судебная защита в Российской Федерации	379
<i>Гринберг М.С.</i> Оправданный профессиональный и хозяйственный риск.....	386
<i>Ковальчук Н.И.</i> Участие органов местного самоуправления в обороте земельных долей в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения	390
<i>Степашин В.М.</i> Вопросы назначения наказания несовершеннолетним в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1	396
<i>Денисова Е.И.</i> Новеллы апелляционного производства в гражданском процессе	399
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Кузьмина Н.А.</i> Рецензия на монографию Е.Г. Малышевой «Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование» (Омск: Изд-во ом. гос. ун-та, 2011. 324 с.).....	402
<i>Кикимбаева А.</i> Мифы и заблуждения истории: современные подходы в исследованиях национализма	404
<i>Акелькина Е.А.</i> Международная научная конференция «Достоевский в смене эпох и поколений»	406
<i>Ляпина А.В.</i> Достоевский в современной образовательной парадигме (заметки о семинаре)	409

<i>Томилов Н.А., Жигунова М.А., Золотова Т.Н., Корусенко С.Н., Смирнова Т.Б., Соколовский С.В.</i> Исследования и научные трактовки в современной этнологии	410
<i>Кузьмина Н.А.</i> II Международная научная конференция «Речевая коммуникация в современной России» (26–30 июня); Международная летняя научная школа «Коммуникативная лингвистика» (26 июня – 5 июля)	413
<i>Смирнова Т.Б.</i> VI Международная научно-практическая конференция «Немцы Сибири: история и культура»	417
<i>Томилов Н.А., Герасимов Ю.В., Жигунова М.А.</i> Современные тенденции в развитии музеев и музееведения	419
<i>Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Мягков Д.А.</i> Послесловие к конгрессу: К оценке роли, потенциала и перспектив омского Тюркологического центра.....	422
<i>Осинов Б.И.</i> Памяти Т.А. Ивановой.....	425
Сведения об авторах	427
Информация для авторов	431

CONTENTS
PHYLOSOPHY

- Bezborodov V.P.** Formation foundations of the USSR's disintegration and modernization of Russia..... 16
 Formation foundation of the USSR and the Post-Soviet Russia is examined from positions of a modern global transitive epoch. Representation about concepts is given: "formation", "civilization", "a global transitive epoch", "socialism". Features of a modern epoch which consist in transition from formation identity to civilisation identity are given. Relations of the property from fundamental are transformed in dependent on cultural-information, legal and imperious relations. The determining role material life gradually is replaced with a determining role of public consciousness, the class ideology is replaced national.
Keywords: an epoch, a formation, a civilization. The big cycle of a world history, a minor cycle of a world history, a global transitive epoch. Socialism. Modernization of Russia.
- Soloschenko P.P.** Time as a form of consciousness: the experience of philosophical discourse 24
 In the article the philosophical problem of a parity of consciousness and time is considered. Communication of the given problem with certain philosophical tradition, with ideas of natural sciences, with prospects of social development is shown. The requirement of formation of culture of a conscientious attitude up the time of life of the person and a society is given reason.
Keywords: philosophy, time, consciousness, philosophical tradition, unity of philosophy and natural sciences, culture of time, social development, time calls.
- Tetjuev L.I.** The actuality of transcendental philosophy: the context of modern discussion 31
 The article is focused on the analysis of modern discussion concerning the possibility of substantiation of transcendental philosophy; the variants of analytics of language and transcendental-pragmatic approach are considered.
Keywords and word-combinations: transcendental philosophy, analytic of language and transcendental-pragmatic of K.-O. Apel, criticism of modern philosophy of empiricism.
- Figura A.O.** Ontological foundation of social reality in the conception of transcendental realism (R. Bhaskar) 35
 This article represents an overview of general postulates, principles and ideas of transcendental realism (R. Bhaskar, W. Outhwaite) and new metatheoretical concept of social sciences. The article grounds ontology of social reality in terms of transcendental realism, as well as reviews the causes of the crisis of Western and Russian sociology.
Keywords: transcendental realism, critical naturalism, social reality, ontology, philosophy of sciences.
- Nikolina O.I.** «Vremenenie» in the structure of the phenomenon in the work «Time and Being» by M. Heidegger..... 40
 The article analyzes «vremenenie» as a key element in the structure of the phenomenon. «Vremenenie» in the concept of the phenomenon of M. Heidegger plays an important role in determining the orientation of the phenomenon. The specific experience of vremenenie linked to the phenomenon, as the experience resulting from the inner world of man.
Keywords: vremenenie, personality, presence, selfhood.
- Pershin Yu.Yu.** Reality mastering principle 43
 In this article the author make an attempt to explicate foundations of reality mastering principle.
Keywords: pleasure principle, reality principle, reality mastering principle, psychic reality, conflict.
- Poroshina A.M.** Meonality of the russian speech 47
 There is a form demonstrating Russian understanding of Non-being distinct from the other cultures in the grammatical structure of Russian language. Non-being in the Russian culture is not an absolute denying; it is Nothing, basis of the life, creativity, freedom. That is why Russian adds «not» for expression absolute Non-being in such structure, as «I know that I nothing know» between the words «nothing» and «know».
Keywords: non-being, nothing, language, «I know that I nothing know».
- Bersenyova T.P.** Synergism and Mysticism of Hesychasm for the purposes of Orthodox theology 50
 In the article the subject of such mystic religious experience as Hesychasm was analyzed. It is concluded that the Orthodox tradition is ascetical and mystical one and its core was Hesychasm tradition in particular.
Keywords: theology, Orthodox, Hesychasm, mysticism, synergism.
- Nikolin V.V.** The eternal and infinite as the two Schelling ontologies schemas 53
 At the Schelling concept eternal is based on the tetrade and infinite on triad. These are two different dialectical schemas. The first type Schelling refers to him, and the second to Hegel, in his opinion, has distorted his schema.
Keywords: eternal, infinite, tetrada, triad, first synthesis, thesis, antithesis.

Vasiljuk K.V. The communicative aspect of East and West development types compare..... 55
The introduction of the principle of communicative actions allows Habermas compare two ways of development: West, principal at timose, and East, based on tradition and its improvement. The first way is better at the beginning of the case, the second one is in the development and optimization. This makes the task of searching for active and communicative synthesis, for which the analysis of ways of structure development is needed, including in the forms of their communication.

Keywords: timos, way better, competition, solidarity.

HISTORY

Vivchar V.M. “Zapadno-russizm” understanding of the Union of Brest by M.O. Koyalovich 58
In this article the opinion of the "zapadno-russizm" leader M.O. Koyalovicha about development of church union processes in Russian lands in XIV-XVIII centuries is analyzed. The Author matches standpoints of Belarusian historiography on the “zapadno-russizm” for generation of national consciousness and consideration the question of church’s “west-russian”s (belorussian) histories by bright representative of the official historiography.

Keywords: imperial historiography, M.O. Koyalovich, church union of Brest, Belarusian nationalism

Karavaeva E.V. Legal acts – the basis for the participation of the Orthodox clergy of Tomsk Province in the improvement of rural cemeteries (second half of XIX – early XX century) 63
The paper analyzes legislative and other normative acts of secular and religious authorities on the improvement of rural cemeteries ordered for execution in the second half of XIX – early XX century to the Orthodox clergy, in particular, the Tomsk Province. A comprehensive analysis of the sources revealed that the clergy were charged with the duty to observe sanitary requirements for funeral and burial, especially during epidemics, as well as the abduction of land for cemeteries and their improvement. The cemeteries had been under the jurisdiction of the Holy Synod of the Orthodox Church which was responsible for their keeping since 1896 till 1918.

Keywords: Tomsk Province, the Orthodox clergy, legislative and other normative acts, improvement of cemeteries, sanitary norms, Orthodox burial rites.

Kiselev A.G. The emergence of the West Siberian firms: conditions, motivation, and procedures (end of XIX – beginning XX centuries) 68
The article is devoted to defining the economic, social and cultural circumstances, as well as the motivation of the business affairs, procedures characterization for the establishment of companies in Siberia XIX–XX centuries.

Keywords: firm, business motivation, “homo economicus”, the quality of the entrepreneur, the “external morality”, the Foundation and its procedures.

Klyuyev A.I., Metel O.V. The range of all heresies or upgrade of faith? Catholic Modernism late XIX – early XX centuries 73
The purpose of this paper is to analyze the phenomenon of Catholic modernism, which was widespread in the Catholic Church in the late XIX – early XX centuries. The authors see their task to determine the nature of the course and its place in the ecclesiastical history of that time as well as its importance for the further development of Catholicism.

Keywords: Catholic modernism, heresy, Catholic Church.

Mironov V.V. Latin American vector of U.S. foreign policy: evolution of doctrinal guidelines and formation factors in the present 79
This article is about evolutions of main strategy ideas and steps in foreign policy of USA in the Latin America. The article studies specifics of American foreign discourse and factors, which form modern foreign policy USA in the region.

Key words: American Foreign Strategy, Doctrine Monroe, Roosevelt Corollary, NAFTA, FATT, bordering policy, drugs traffic.

Mukhina G.A. Montesquieu Roman thoughts (1734)..... 87
The article analyzes the historical views of Montesquieu, as they are reflected in his essay “Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence” (rise and fall of the Roman Empire)

Keywords: Rome, the republic, monarchy, empire, freedom, history, the Roman spirit.

Nazemtseva E.N. Russian emigration to Xinjiang in the collections of the central Russian archives: problems of scientific research and analysis 94
The article is dedicated to the problems of studying the history of Russian emigration in the largest province of China – Xinjiang. The main part of the documentary material has been closed to researchers over a long period of time. Currently, the access is still limited. Specificity of the documents reflects the policies of the Soviet Union against the Russian emigration, describes the basic directions of its military and political activities.

Keywords: Russian emigration, Xinjiang, Central Asian Military District.

Rodigina N.N., Ledovskikh A.Y. "The envy to "this russian" whom the Lord gave all this beautiful country": the comparative analyse of representations of siberia in the foreign travellers travelogs in the second half of XIXth – the beginning of XXth centurie..... 98

There was undertaken the comparative study of the representations of Siberia in the texts of foreign travelers in the second half of XIXth – the beginning of XXth century. There were revealed the factors determined the content of their ideas of the region: the goals of expedition, ethnic and ideological background of the authors, their word outlook. The authors detect the common and different features in the structure and content of Siberia's image in the travel essays of participants of scientific and "literature" expeditions.

Keywords: representation of Siberia, image of the region, comparative analyze, travel essays, "literature expeditions".

Rostovtsev E.A. Professors of the Capital University and charity in the early XXth century: posing the problem 106

The article is dedicated to some aspects of the activity of the academic corporation of the St. Petersburg University in the early XX century in the field of charity (participation in charities, humanitarian projects, national conferences and institutes, etc.). The author shows that although charity was considered by corporation as a significant social practice, there were some obstacles to its more active participation in this activity (such as regulatory role of government in this sphere and unwillingness of the academic community to sacrifice corporate values for the sake of public necessity).

Keywords: History of Russia in the early twentieth century, St. Petersburg University, the intellectual elite, the history of philanthropy and charity, the history of higher education, civil society.

Rudkovsky I.V. The adornments of plait from the burial ground of Elovka II and some controversial questions of Bronze Age of the Trans-Urals steppes 112

The occasion for writing of this article was the publication of materials from the burial ground of Elovka II (EK II) in 2004 (the author V. I. Matyushenko). For example, the fragments of the complex adornments of plait from the grave № 288 were published there. The author of this article proposes the integrate reconstruction of this product. The areal of the spreading of the arrow-heads, which were used as the details of the adornments of plait in EK II, is determined in the article. It was carry out the comparison of the complexes of EK II and of the settlement Kent. It allowed to suppose the cultural correlation between ceramics of Begazy-Dandyby and the picked type of the arrow-heads. In addition to this, it was set out the author's opinion about the question of the Andron belonging of the part of Elovka II complex. To all appearance, this part is the mesomorph - intermediate stage of formation of Elovka complex. A number of hypotheses on relevant topics bronze epoch of the Eurasian steppes were offered on the basis of certain materials from EK II burials. The decoration of the EK II is reconstructed, cartography of special bronze arrowheads is provided, and their relationship with Begazy-dandybaevskoy ceramics is traced. In addition, a dissenting opinion about the so-called Andron part of the EK II is expressed.

Keywords: EK II, nakosnik, bronze arrowhead, Begazy-dandybaevskaya ceramics, Andronov componens, cartography, chronology.

Hryakov A.V. "The German movement to the East." H. Aubin about medieval colonization of Eastern Europe 116

This article is about forming a concept German movement "On the East" by the historian Herman Aubin (1885–1969). The main reasons of the appearance this theme; social, political and science conditions of its creation are studied in the article. The main attention takes place German colonization in Medieval East Europe.

Keywords: German historiography, German movement "On the East", H. Aubin, medieval colonization, eastforschung.

Hudyakov V.N. Formation of the siberian history and the discussion of 1950–1970-es about agrarian system in siberia of the second half of XIXth – beginning of XXth century 122

This article is about the formation of the regional history schools (scholars' communities) in 1950-1970-es. The author supposes that the discussion about agrarian system as a proportion between elements of capitalism and remains of feudalism played the key role in the formation of the Siberian History as the specific school, its organization, research field, and scholars' community.

KEYWORDS: Siberian historiography, agrarian system, regional history, capitalism, Siberian peasants.

Chach E.A. The Christian East in editions for common people in Russia in the end of XIX and beginning of XX centuries: to the statement of a problem..... 129

There is the representation of the Christian East in editions for common people in Russia in the end of XIX and beginning of XX centuries in the focus of attention. Guide-books which were devoted to Holy places, encyclopedias which were issued by I. D. Sytin and other popular editions were reviewed as sources. The dynamics of the image of the Christian East, the desacralization of its territory and the absence of the main state ideology of the "Third Rome" in this sources make it possible to raise the problem of the Christian East in editions for common people in Russia in the end of XIX and beginning of XX centuries as one of key problems for understanding of the history of the development of Russian social consciousness.

Keywords: Christian East, Holy Land, editions for common people, I. D. Sytin, "Third Rome", Imperial Orthodox Palestine Society, Russian society in XIX–XX centuries.

Shevchenko M.N. Russian scribes representations of the "imperial" power of the end of XV – the first third of the XVI century in the Russian historiography 136

In this paper, the historiography of the question of the genesis and evolution of the Russian scribe's idea about 'imperial' power during the formation of Moscow centralized state (the end of XV – first third of the XVI century).

Keywords: Byzantine-Orthodox tradition, royal government, Russian historiography.

PHILOLOGY

Voskresenskaya L.I. Realism and evaluativeness in the description of socio-cultural development in the literature of the United States 140

In the article the reflection of the country life in fiction of the United States in the middle of XIX–XX centuries is investigated. The works of various genres are considered: novels, stories, plays and verses. The linguistic means of creating figures and reality description are revealed.

Keywords: literary legacy, real events, prototypes, struggle, literary skill, terminology.

Gryaznova M.A. Communicative professional competence of medical specialists 145

The article is devoted to the notion and structure of communicative professional competence of medical specialists. It describes the main components of the competence such as motivation, professional and general language, discourse, cultural awareness, socializing skills, personal and professional qualities of healthcare professionals.

Keywords: competence, medical specialists, international communication.

Meshceryakova-Klabaher V.A. Attribute characteristics as a means of transmission of the real and estimated data (for example, the nominations of the writer in the German newspaper and magazine texts) 148

This article deals with the attributive characteristics that accompany the German newspaper and magazine texts, one of the groups anthroponyms - namely, the category of writers. Aim of this paper is to determine what type of information able to pass these characteristics, how they are combined with the functions themselves attributes, as well as with the main features of newspapers and journalistic style.

Keywords: attribute characteristics, newspaper and magazine texts, the real and estimated information, newspaper and journalistic style.

Moiseev M.V. Typology of mythologems in American linguoculture 151

The concept of mythologem and its definition are considered in the article. The analysis of the texts by American authors allows to add to the current classification of mythologems another type: mythologems-situations. The language form of the mythologem-situation is a stable word combination forming a part of the cognitive base of the average representative of the culture and associated with the given situation.

Keywords: mythologem, typology, mythologem-situation, discourse, cognitive base, precedental phenomenon.

Petrova N.N. On the problem of the sound symbolism terminology (based on the lyrics of the song "People are strange" by "The Doors") 155

This article is an attempt to analyze a poetical text from the sound symbolism viewpoint. As the material for the analysis the author has chosen one of the texts by J. Morrison. The study touches upon the problems of both vowels' and consonants' semantics, as stand-alone and interacting sounds (alliteration).

Keywords: sound symbolism, phonosemantics, the meaning of the phoneme, articulatory feature.

Sadchikova A.E. Web Electronic Journals 159

The article contains the result of the search of six web electronic pedagogical journals. Detailed characteristics were obtained: year of foundation, periodicity, main headings, article's characteristics, bibliographic information, chronology of archives, search resources. Types of journals were defined.

Keywords: web electronic journals, independent electronic journals, analogues of printed journals, pedagogical journals.

Karabykov A.V. The pragmatics of vow in the medieval European culture 166

The article is devoted to analysis of vow, one of central speech genres of the medieval religious discourse. The author distinguishes main structural and semantic modifications of that genre, explores specifics of their pragmatic organization, and describes the role of vow in life and culture of the Middle Ages.

Keywords: Vow, sacred performative, communication, Christianity, the Middle Ages.

- Korotun O. V.** Representation of axiological values of a human appearance in the Russian proverbs picture of the world 173
The article analyzes the representation of axiological values of a human appearance and his fashion image in the traditional texts – proverbs and sayings of the Russian people. It is shown how the peculiarities of perception of a human appearance through a variety of valuation ratio of his external and internal appearance, striving for elegance and lifestyle are reflected in the structure of the content of these texts.
Keywords: axiology, linguistics, Old Testament, appearance, fashion.
- Kochetova L.A.** Dynamic aspects of the communicative category of tone in the advertising discourse 177
The article deals with the communicative category of tone in the advertising discourse. Diachronic approach is proposed: typology of tones is based on different stages of the operation of advertising. The dynamics of functional and stylistic characteristics of this category of verbalization in qualitative and quantitative aspects are revealed.
Keywords: category of tone, typology of tones, the advertising discourse.
- Krasovskaya N.A.** The semantic dialecticism of Tula subdialects 183
This article is focused on the dialect of Tula region. The lexical units of this area have not got its scientific description. The author analyses semantic dialecticism and try to define the stages of subdialect's formation in Tula.
Keywords: subdialect, lexical units, semantic dialecticism, lexical system, polysemy, homonymy, reasoning, subdialect of Tula region.
- Maksimyyuk E.V.** Some additions to the question of language modeling as a process and as a product of verbal activity 187
This article is devoted to the criteria analysis to distinguish and to divide language as a process and as a verbal activity product in differential model created by A.A. Zalevskaya. The text comprises an attempt to unify these criteria, to discover missed aspects and to continue further investigation and differentiation. The author adds model offered by A.A. Zalevskaya in order to deepen and extend knowledge paradigm about language.
Keywords: language, differential model, verbal activity, process, product.
- Romashova I.P.** Hymn as a genre and new discourse practice of national corporations 191
The article considers the corporate hymn genre as a new discourse practice of national corporations. It traces its historical roots and specific nature of current functioning. The genre interpretation through the lens of a “new discourse practice” notion allows to study dynamic characteristics of the genre at its development stage and to determine specific nature of the new genre perception by the discourse building practices and its ordinary participants.
Keywords: corporate hymn, corporate discourse, new discourse practice.
- Turysheva O.N.** Intertextual dialogue as a component of receptive strategy of a text (on material of G. Eisenreich’s “A Dostoevskiy-like adventure”) 197
The article’s aim is to analyze of an intertextual component of G. Eisenreich’s novel “A Dostoevskiy-like adventure” (1957). This component is regarded as an element of a text’s receptive strategy – a “task” to reconstruct the dialogue between his and K. Mansfield’s novel “A cup of coffee”, addressed to a potential reader. Within the theory of intertextuality the event of an intertextual dialogue is conceived to be an exclusively receptive event. The subject of the article is the text, where intertextual dialogue is a result of a deliberate author’s project.
Keywords: intertextual dialogue, intertext as an author’s project, text’s receptive strategy, potential reader, pictured reader, G. Eisenreich, K. Mansfield.
- Shtyrlina E.G.** Short duration designations in J. Brodsky's poetic language 202
The article is devoted to the analysis of features of functioning of designations of short duration in J. Brodsky's poetic language. In the article specificity of functioning of time lexemes instant, moment, minute, second in poet’s individual style, taking into account an originality of their semantic volume is defined.
Keywords: time, instant, moment, minute, second, J. Brodsky.
- Bystritskaya G.G.** Russian classics as a means of socialization of juvenile offenders 208
We consider the Russian classical literature as a necessary component of the socialization of juvenile delinquents. Reading is defined as the introduction to the spiritual basics and genuine values.
Keywords: reading, bibliomission, Russian classical literature, socialization, juvenile offenders.
- Vetelina L.G., Pashinina A.V.** Omsk pre-revolutionary newspapers and their functional properties 212
This article is devoted to the Siberian regional journalism, Omsk newspaper periodicals. The authors consider the different types of publications, their content characteristics, the purpose of publication, the structure, frequency output and other issues. Attention is also paid to the problems of socio-political, cultural and economic life of the Omsk region, presented in the pages of local newspapers and functional characteristics of Omsk publications and their role in the region.
Keywords: regional press, a Siberian seal, Omsk newspaper, the direction of publications, structure, headings, published material, themes and issues publications, liberal press, opposition papers.

Kutmina O. A. «No writing» in the works of Andrew Bitov 218

This article is devoted to a particular writing manner of a well-known modern Russian writer Andrew Bitov, which he defines as "no writing". This creative method is considered in the Bitov's book "Inevitability unwritten" and "Prisoner of the Caucasus".

Keywords: Andrew Bitov, russian modern literature, poetic.

Merts Z.S. "Roditel'nitsa steppe" by Pavel Vassilyev and Iliyas Dzhansugurov 221

The article deals with the history of creation of the "Roditel'nitsa steppe" (Mother steppe) poem written by Pavel Vassilyev that appeared to be an original translation of introduction to "Steppe" poem written by I. Dzhansugurov. Word-for-word translation from the Kazakh language of this introduction made by the author of the article together with the full text of Pavel Vassilyev's poem that has been found in archives are also introduced in the article.

Keywords: traditional, original, symbolics, semantics, artistic heritage, personification, burden, tenor.

Misyurov N.N. Russian journalism of 1830–1840-s years in the fight for "ruling direction of minds" 225

Political order, nature and the form of authority, public paradigm, civil ideals and intellectual values are only partly the result of the goal-directed intellectual activity. National concepts are caused by language and mentality, historical experience and social institutes, spiritual traditions of people. Epochal political and the journalistic "projects", aimed at the modernization of the country, influenced public self-consciousness, but they often underestimated phenomenology "national spirit". The productivity of the communication line process, which regulates the interrelations of authority and civic community as the role of journalism in molding of public opinion, depends on many objective and subjective factors.

Keywords: russian journalism, russian authority, civic community, public opinion, the original bases of domestic existence.

Homyakov V.I., Winski O. V. The phenomenon of foolishness in G. Petrova prose 230

The article is devoted to development of hagiographical genre in the Russian prose of the XX-XXI centuries that traces the traditions of ancient literature in the contemporary literary process.

Keywords: orthodoxy, righteousness, hagiography, holiness.

CENTER FOR F.M. DOSTOEVSKY STUDIES

Akelkina E. A. F.M. Dostoevsky: key trends and topical aspects of the study of heritage in the 2000 232

This article describes the most interesting works of Russian scholars of Dostoevsky's of 2000 years.

Keywords: culture of the transitional period, hermeneutics, philosophical prose, religious consciousness.

Vaganova K.R. Articles list of F.M. Dostoevsky: genre and language features 237

The present article represents the linguistic description of one important hand-written document of XIX century – the search list of writer F.M. Dostoevsky and poet-petrashevtsa S.F. Durov. It is sort out the main macro- and microcomponents of description system of that image. Resume about regional conditionality of the given model of portraiture is made.

Keywords: official style, search documents of XVIII century, description.

Garwardt E.V. Dostoevsky's work in modern culture: literary text and cinema text, to a question on a problem of transition 245

The modern culture represents by the set of the various significance texts. In conditions of art interpretation these texts are translated on other culture languages, distinguished from language of the original not only structurally, but also ontological. The specificity of polyphonic of the Dostoevsky's novels cannot be recreated by the movie discourse – so we deals with cultural game, handling of plot, characters, citations, ideas and images - but thus by absence characteristic conceptual forming and meaning core.

Keywords: text, cinema text, language, polyphonic novel, interpretation.

Hill O.L. Life of F.M. Dostoevsky in contemporary context 252

This article is dedicated to one of the most current issues – study the history of life and creation by F.M. Dostoevsky. Different views on the biography and two biographies are analyzed. The biography as genre and the history of biography are also studied.

Keywords: F.M. Dostoevsky, biography, genre, writer, reader, hero, image.

Kopteva E. I. The traditions of the little narrative forms of Russian prose of XVIII c. at Dostoevsky's «Notebooks» 257

The article deals with the traditions of rhetorical forms of Russian journalism of XVIII c. at Dostoevsky's «Notebooks». So this article is considering basic types of prose words, narrative "masks", forming at period from end XVIII c. to beginning XIX c. at Russian literature and affecting on genesis of philosophic prose in XIX c.

Keywords: russian prose, tradition of the Age of the Enlightenment, non-fiction literature, "primary" and "secondary" rhetorical genres.

Lyapina A.V. F.M. Dostoevsky's story "The beggar Boy at Christ's Christmas tree" in the context of the holiday traditions of the middle of XIX century and the pedagogical views of the author 263

In the present article the story "The Heavenly Christmas Tree" of F.M. Dostoevsky is considered in the context of the festive tradition of the XIX century. The article also deals with the pedagogical ideas of Dostoevsky, who reflected upon the ways that will help children to overcome their solitude. His thoughts are connected with the reasons that lead to appearance of "casual families".

Keywords: christmas story, Dostoevsky's pedagogy, family, home.

Petrova Yu.V. The image of the "great writer" in the non-classical biographical paradigm: the Dostoevsky biography of the end of XIX century 268

This article is devoted the analysis of biographies of Dostoevsky which have been written in the end of 19 centuries, concern non-classical biographic tradition and have brought the essential contribution to formation of an image of the great writer. The image of the «great writer» in the non-classical biographical paradigm: the Dostoevsky biography of the end of XIX century.

Keywords: biography, moral and rhetorical culture, non-classical culture, the image of a biographical character.

Frolova T.S. Return of the Faust. Reception of Dostoevsky's ideas in the Bulgakov's novel «Master and Margarita» 271

The present research reflects the ideas of F.M. Dostoevsky connected with the creative work of M.A. Bulgakov that are interwoven with the image of Faust and play one of linking roles in his novel 'Master and Margarita'. The comparison of the novels by Dostoevsky and the novel by Bulgakov reveals prevailing metaplot with the evolving collective hero Faust, by Goethe, Dostoevsky and Bulgakov.

Keywords: Mikhail Bulgakov, Dostoevsky's novels, reception of the ideas, the evolution of the hero, metaplot.

Yunakovskaja A.A. «Notes from the dead house» and «The Siberian writing-book» of F.M. Dostoevsky as the basis Russian linguistics of criminal sphere 279

Thanks to F.M. Dostoevsky's products there was an interest to «criminal sphere».

In the description center – an Omsk jail with the usages and levels of mutual relations, and also speech of the people deprived of freedom and its components has received reflection. It allows to make its cut of middle XIX century, and also to track history of its existence and functioning.

Keywords: linguistics of criminal sphere, criminal subculture, conditional language, an Omsk fortress, penal servitude, «the closed man's culture», town's speech.

ART AND CULTURE

Schmidt I.V. "Intertextuality" the Birds in the Paleolithic Culture (the Examples of Materials in the North Asia) 286

The study is devoted to the search strategy of interpretation ornithomorphic character of the Paleolithic era. It is built on an analysis of the North Asian archaeological material involving methodical tactics intertextualism. Ornithomorphic character is seen as a construct that was generated by the peculiarities of the relationship between man and bird in the context of everyday life.

Keywords: culture of everyday life in Paleolithic era, the interpretation of graphic symbol, paleolithic Art.

Timashkov A.Yu. "All" and "Nothing": intermediality strategy of K.S. Malevich creativity 299

Kazimir Malevich's effort to free his art from any elements of religion and ideology is reviewed as his strategy of intermediality.

Keywords: Kazimir Malevich, intermediality, non-objectivism, textual strategies, suprematism.

Bakulina S.D. Siberian reality in the sources of the XIX century memoirs 305

Based on the example of the sources of the memoirs nature XIX of century the author examines the values of the inhabitants of Siberia. The special features of the culture of the inhabitants of Siberia, who determine the priorities of the life of region, are revealed. The author turns himself to a study of the memoirs XIX of the century of the inhabitants of Siberia different classes. The author explains based on the example of memoirs, which the specific character of the culture of Siberia created the combination of the culture of aborigines, old residents, migrants.

Keywords: sources of the memoirs nature, value dominant of the Siberians, Siberian culture.

Mezhevikin I.V. On the question of locality and local versions of the funeral and memorial rites of the Russians of Tobol-Irtysh interfluve 309

The article is about the funeral and memorial rites of the Russians of Tobol-Irtysh interfluve in the principle of locality key. Typology of locus designed to diversify the consideration of traditions is used. Customs and rituals associated with death, which are characteristic of European Russia and western Siberia are compared on a base of archival, field data and scientific literature. The value of southern russian and north russian components of funeral and memorial rites of the Russian of Tobol-Irtysh region is identified.

Keywords: Tobol-Irtysh interfluve, funeral and memorial rites, locality, the traditional culture of the Russian in the XVIII–XX centuries.

Shehurin D.Yu. Symbolism of a sword in German medieval culture..... 315
 Symbolism of a sword in German culture is considered. Transforming imaginations of a sword's role of over past centuries is revealed. A sword is represented as an object invested personal qualities and special magical behaviors.

Keywords: sword, medieval Europe, culture, symbol, magic, religion.

POLITICAL SCIENCE

Dovner I.V., Popova Yu.V. The character of the political participation of the students' youth of the Omsk region in politics 319

In this article the author gives key characteristics of the students youth participation in politics and also the author determines the possible causes for this participation on the base of the research "The participation of the student youth in politics" (that the author had been conducted in April-May 2011 year).

Keywords: the political participation, the political activity, the students youth.

Levashova E.L. The analysis of problems of the Russian youth in modern conditions of transformation of political life 322

The conducted researches on a youth problematic fix an inconsistent condition of consciousness of youth. In its structure positive installations on dialogue with contemporaries, personal participation in any associations on interests, on the one hand, are distinctly expressed. But, on the other hand, young men show the lowest level of readiness for interaction and self-organizing.

Keywords: youth, the activity analysis, extremism, society, mobility, vital success.

Lukyanov I. S. About the state..... 327

As far as just political system built on the basis of socialized property is not self-regulating system, inasmuch as the basis (socialized property) of such state is necessary to "organize", "take care" and protect. Therefore, the state itself does not die, and remains, at least, for the protection of its base, that itself.

Summary: States to maintain, at least to protect their bases that is for the protection property and therefore itself.

Keywords: state, basis, the property, relations, just, equality, society.

Pykhteeva Y.V. The determinants of political violence in modern Russia..... 331

The analysis of the process of escalation of political violence in modern Russian society is a study of its determinants. They can be classified on two grounds: the area of origin and geographical (spatial) basis. The presence of political violence in Russia is defined by a set of circumstances that prevent the formation of a democratic political system.

Keywords: violence, the political system, political violence, the determinants, democratization, conflicts.

Sizov C.G., Malov D.V. Historical, cultural and political factors of interethnic relations in the Northern and Southern Sudan..... 340

The article is devoted to investigation of historical and cultural preconditions and political factors of interethnic relations in the territory of Northern and Southern Sudan. It also considers the process of transformation of identification and self-identification of the population of Northern and Southern Sudan. The article analyzes processes of nation-building in Sudan and explores the role of great powers in these processes.

Keywords: civil war, nation-building, nation, self-determination, Sudan, transformation, South Sudan.

Chirkin V.V. The basic directions of military-technical cooperation of the Russian Federation and Republic Tajikistan..... 346

In the work the historical and military-political factors causing necessity of military presence of Russia in the Central Asia are analyzed. In the given direction the cooperation with Tajikistan playing an important geopolitical, raw and transit role in the Central Asia looks especially significant.

Keywords: limit, the state power, geopolitical presence.

SOCIOLOGY

Levenskih I. A. Roles of the father in the modern family 349

The article presents an analysis of the role of the father in the modern family based on the data from the survey. The features of the distribution of family responsibilities between spouses depending on the model family. Specificity compared paternal roles in traditional and egalitarian families, as well as the emphasis on "new" image of fatherhood. The factors affecting the changing role of the father in a transformation of society.

Keywords: paternal role, maternal role, a new image of fatherhood, egalitarian and patriarchal family model, feminization, masculinization, head of the family.

Parunina L.D. Model of professional culture of modern municipal workers..... 354

Summary: This article's objective is to study the theoretical models of professional culture of municipal workers. On the ground of sociological research the author analyses and develops the state of professional culture. The conclusion is made on the present model of professional culture of municipal workers.

Keywords: municipal service; professional culture; model.

ECONOMICS

Grisko A.S. Complex methods of an estimation of the capital of a brand 359

In article the comparative analysis of the basic methods to an estimation of the capital of a brand is carried out, their advantages and lacks are estimated. Also the author proves necessity of the complex approach to a brand estimation.

Keywords: a brand, brand estimation of cost, the brand capital.

Isaeva E.V., Kovalev V.A. The mechanism formation of support communication of the network business structures 362

In this paper the authors examine the concept of construction and development of information systems network marketing business network aimed at creating and maintaining integrated marketing communications.

Keywords: marketing information systems, business networks, integrated marketing communications.

Morosova N.A. Changing in the paradigm of marketing of higher education in modern conditions..... 366

Article is devoted to the actual problems of marketing of higher education. The main trends in higher education in terms of modernization are analyzed; the factors that determine the main directions of development of marketing of higher education are identified; the necessity of a paradigm changing in marketing of higher education is justified. The basic problems in the marketing of higher education in the modern conditions are formulated.

Keywords: paradigm of marketing of higher education, modernization of the higher education system, regional educational space, quality of higher education, entrepreneurial marketing, communication concept of the marketing of higher education.

Solovyeva A.M. Features of international payments under contracts to render freight forwarding services..... 370

Development of international transportation under the current conditions is associated with growth of productive forces of any country and its external relations. This work analyzes use of various modes of transportation within the framework of fulfillment of contracts for sale and purchase of goods. The author presents particularities of organization of settlements and technique of provision of transportation and forwarding services. Recommendations are given for execution of contracts for provision of transportation services which will enable parties of settlements to avoid some difficulties with a bank when paying for transport services.

Keywords: international transportation, foreign trade transaction, international settlements.

Timofeev A.V. Key functions, goals and objectives of infrastructure provision of business 376

In this paper the author considers the business environment through meaningful and functional purpose of the enterprise. It is through understanding and clarifying the goals, objectives and purpose of business.

Keywords: infrastructure, entrepreneurship, business functions, the constituent elements of infrastructure.

LEGAL SCIENCE

Kazannik A.I. The Constitutional right of the indigenous minorities of the North to the immemorial human environment and its Court defence in the Russian Federation..... 379

The RF Constitution recognizes the right of the indigenous minority population of the North to the immemorial human environment. The article deals with urgent problems of its defence in court

Keywords: indigenous minorities of the North; the immemorial human environment; court defence.

Greenberg M.S. Justified professional and industrial risk 386

We investigate the subjective and objective criteria of professional and operational (industrial) risk as a reason to exclude the criminal liability, approaches to solving the problem are critically analyzed in the literature; the ratio of justified professional risk and criminal levity is considered.

Keywords: criminal liability, professional risk, industrial risk, technical risk, criminal carelessness, urgency.

Kovalchuk H.I. Participation of the local self-management bodies in the turn of the ground shares within the general property right to a share from the agricultural lands..... 390

The paper highlights the alterations in the powers of the local self-management bodies caused by the changes in the legislation of the agricultural grounds turn.

Keywords: ground shares, local self-management, powers, general meeting, share property participants.

Stepashin V.M. Matters of sentencing juveniles in the light of the new Supreme Court ruling the Russian Federation of February 1, 2011 № 1	396
Recommendations of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Justice from 2011, February, 1 are analyzed. The analysis of some current norms of the modern criminal law is given and the offers on their perfection are suggested, comments the position of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.	
<i>Keywords:</i> Resolution of the Plenum of the Supreme Court, juvenile, juvenile justice, punishment.	
Denisova E.I. Novels of appealing in civil procedure	399
New appellate rules in civil procedure are considered in the present article.	
<i>Keywords:</i> objects and subjects of appealing, appealing time, bench, jurisdiction.	
SCIENTIFIC LIFE	
Kuzmina N.A. The review to monograph of E.G.Malysheva «Russian sports discourse: lingvocognitive research» (Omsk, 2011. 324 p.).....	402
Kikimbaeva A. Myths and misconceptions of history: modern approaches to the study of nationalism	404
Akelkina E.A. International Scientific Conference "Dostoevsky in the change of epochs and generations"	406
Lyapina A.V. Dostoevsky in contemporary educational paradigm (notes on the seminar)	409
Tomilov N.A., Zhigunova M.A., Zolotova T.N., Korusenko S.N., Smirnova T.B., Sokolovsky S.V. Research and scientific interpretations of modern ethnology.....	410
Kuzmina N.A. II International Conference "Speech Communication in contemporary Russia" (June 26–30) International summer school of "Communicative Linguistics "(June 26 – July 5)	413
Smirnova T.B. VI International Scientific and Practical Conference "The Germans of Siberia: History and Culture".....	417
Tomilov N.A., Gerasimov Y.V., Zhigunova M.A. Modern Trends in the development of museums and museology	419
Seleznev A.G., Selezneva, I.A., Myagkov D.A. Epilogue to the Congress: To the estimation of the role, potential and prospects of Omsk Tyrkological center	422
Osipov B.I. In memory of T. A. Ivanova	425
Information about authors	427
Information for authors	431

ФОРМАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ РАСПАДА СССР И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Рассматриваются формационные основания распада СССР и модернизации постсоветской России в свете современной глобальной переходной эпохи. В общем плане дается представление о понятиях «формация», «цивилизация», «глобальная переходная эпоха», «социализм». Выясняются особенности современной эпохи, заключающиеся в переходе от формационной к цивилизационной идентичности. Отношения собственности из базисных трансформируются в зависимые от культурно-информационных, правовых и властных отношений. Определяющая роль общественного бытия постепенно замещается определяющей ролью общественного сознания, классовая идеология уступает место общенациональной.

Ключевые слова: эпоха, формация, цивилизация, большой цикл всемирной истории, малый цикл всемирной истории, глобальная переходная эпоха, социализм, модернизация России.

Для комплексного рассмотрения причин распада СССР и анализа специфики современных проблем трансформации постсоветской России следует взглянуть на эти вопросы с более широких социовременных и социопространственных позиций. Как говорил Ленин, нельзя решать «частные» вопросы, не решив вперед «общих». Современный мир вступил в глобальную эпоху перехода от формационной к цивилизационной определенности, поэтому сначала несколько слов о формации, цивилизации и глобальной переходной эпохе.

Понятие формации в литературе используется в двух значениях – узком и широком смысле слова. В узком смысле К. Маркс говорит о формации, когда пишет, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет... реальный базис, на котором возвышается *юридическая и политическая надстройка* и которому соответствуют определенные *формы общественного сознания*» [1]. В широком смысле слова Маркс использует понятие формации, когда распространяет его на первобытное и коммунистическое общество. Он выделяет три формации: первобытнообщинную, экономическую и коммунистическую. Есть существенные различия между экономической формацией и первобытной. В экономической формации существуют классы, частная собственность, государство, политика, право, монотеистическая религия, современный тип личности и т. д.

Первобытная формация, кровнородственная община с присваивающей экономикой, возникла около 55 тыс. лет назад. На протяжении более 40 тыс. лет не было классов, частной собственности и других перечисленных выше основных компонентов формации. Только в сельской общине, возникшей всего 10 тыс. лет назад в результате неолитической революции, когда стали шлифовать камень и появилась мотыга для обработки земли, формируются собственность, различия в уровне жизни и т. д. Каменные орудия (ножи, топоры, наконечники

копий) в кровнородственной общине не следует относить к какой-либо собственности, потому что они изготавливались предками людей задолго до появления общества на протяжении более миллиона лет, когда еще не было речи. Их изготовление не требовало больших физических и временных затрат. В связи с этим мы можем говорить о доформационном этапе развития в первобытном обществе и, вероятно, в будущем о постформационном этапе развития информационного общества.

Понятие цивилизации имеет несколько смыслов. Первое значение связано с именами Н. Данилевского, П. Сорокина и А. Тойнби, которые понимают под цивилизацией социальный организм, проходящий определенные этапы становления, роста, зрелости, угасания и гибели. Каждая цивилизация характеризуется своим специфическим набором социокультурных духовно-нравственных ценностей, традиционных ориентиров и установок, «каждая цивилизация обладает своим типом культуры» [2]. Вторым смыслом цивилизации связан с появлением институтов государства, права, мировых религий, переходом от первобытного общества к цивилизованному. Третье понятие цивилизации представлено О. Шпенглером в книге «Закат Европы», в которой он противопоставляет культуру и цивилизацию. Под цивилизацией О. Шпенглер имеет в виду технический прогресс, а под культурой – падающее нравственное и духовное состояние общества [3]. В данной статье мы прежде всего используем значение цивилизации в смысле социального организма, обладающего устойчивым набором социокультурных духовно-нравственных ценностей, традиционных ориентиров и установок.

В истории человечества, опираясь на марксову периодизацию исторического процесса, мы выделяем два цикла – большой и малый. Большой цикл развития включает в себя всю историю общества (первобытную, экономическую и коммунистическую формации), малый – только экономическую формацию (Античность, феодализм и капитализм). Детальный анализ периодизации исторического процесса Маркса представлен в работе [4]. Соответственно циклам существуют две глобальные переходные эпохи. Первая – от дикости к цивилизации приводит к появлению государств, философии, науки, мировых религий, самосознания, современного типа личности. Вторая разворачивается в XX–XXI вв. и связана, по К. Марксу, с переходом от экономической формации к коммунистической, от пре-

дыстории к действительной истории. В это время отношения собственности из базисных трансформируются в зависящие от культурно-информационных, правовых и властных отношений. Определяющая роль общественного бытия постепенно замещается определяющей ролью общественного сознания, классовая идеология уступает место общенациональной.

В настоящее время происходит смена эпохи модернизма эпохой постмодерна, связанная с ростом сложности, неопределенности, хаосомности, непредсказуемости, разнонаправленности, противоречивости и иррациональности. Одновременно происходит обострение глобальных проблем: демографической, войны и мира, экологической, энергетической, сырьевой, ядерного разоружения и т. д. Решению глобальных проблем в условиях постмодернистской эпохи, на наш взгляд, может способствовать смена парадигмы отношений между личностью и обществом. Приоритет прав личности необходимо заменить приоритетом прав общества, прав культуры. Ориентация на приоритет прав общества традиционно имеет место в странах восточной цивилизации. Видимо, не случайно в последние десятилетия мы наблюдаем в этом регионе самые высокие темпы развития в мировой экономике (Индия, Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия и др.).

О существовании двух фундаментальных переходных эпох в истории человечества говорили О. Тоффлер, К. Ясперс и другие ученые. Тоффлер писал: «Происходящие сегодня события шире, глубже и важнее, чем индустриальная революция... Настоящий момент представляет собой не более и не менее чем второй “великий раскол” в человеческой истории, сравнимый по значимости только с первым расчленением исторической целостности – переходом от варварства к цивилизации» [5]. Аналогичное мнение мы встречаем у Ясперса, когда он говорит о двух самых глубоких сдвигах в истории человечества, называя эти периоды «осевым временем». Первое осевое время он связывает с VIII–II в. до н. э., а второе – с XX в. [6].

Анализу предпосылок краха СССР и особенностей эволюции постсоветской России, по нашему убеждению, будет способствовать обращение к концепции социализма К. Маркса. Общепринятым представлением в отечественной литературе было мнение о том, что советский социализм построен в полном соответствии с марксистско-ленинской теорией. «Социалистический рай Маркса препод-

носился нам как общество людей, которые отдали свою свободу в обмен на равенство, это люди, которые удовлетворены в материальном смысле, но утратили свою индивидуальность и превратились в миллионы роботоподобных автоматов». В связи с данным заблуждением вполне уместно привести мнение Э. Фромма: «Ирония истории состоит в том, что, несмотря на доступность информации, в современном мире нет пределов для искажений и неверных толкований различных теорий. Самым ярким примером этого рода является то, что сделано с учением К. Маркса» [7, с. 376].

Во-первых, представления о социализме К. Маркса отличаются от взглядов Ф. Энгельса и В.И. Ленина, которые связывают социализм с общественной собственностью на средства производства, плановой системой, централизованным управлением экономикой и т. д. По Марксу, в социалистическом обществе нет места для плановой системы, общественной собственности, государственного управления экономикой. Вполне возможно, что сами классики тогда не придавали этим различиям какого-либо существенного или даже несущественного значения. Но сейчас для понимания новой духовно-политической ситуации эти различия важны. Если сравнивать советский «реальный социализм» с тем, что на самом деле писал Маркс о коммунизме, то получается, что реальный социализм соответствует данной Марксом характеристике грубого, уравнительного коммунизма, или утопического социализма. Такой коммунизм, говорит Маркс, «стремится противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность». Этот коммунизм, «отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности. Для него общность – есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» [8]. Для Маркса личность при коммунизме обладает большей свободой, чем при капитализме. А свободной личность может быть только тогда, когда она материально и социально не зависит ни от другой личности, ни от государства. «Какое-нибудь существо, – пишет Маркс, – является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно обязано своим существованием самому себе» [8, с. 125].

Во-вторых, искажения теории К. Маркса обусловлены отождествлением его взглядов с представлениями Ф. Энгельса

и В.И. Ленина по вопросу периодизации всемирно-исторического процесса. На самом деле, в отличие от Маркса, Энгельс и Ленин выделяют не три, а пять формаций (первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм), при этом ставят их в один ряд. В таком случае не существует принципиальных различий в механизмах перехода от феодализма к капитализму и от вторичной экономической формации к третичной коммунистической формации, что, по К. Марксу, методологически некорректно.

Механизм перехода от старого к новому в рамках экономической формации был разработан в немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегелем в виде закона перехода количественных изменений в качественные. Переход от старого качества к новому происходит всегда в форме скачка. Скачки могут быть одноактными или многоактными. Переход может быть кратковременным и сколь угодно длительным, когда мы имеем дело с многоактным скачком. Особенность скачка, по Гегелю, заключается в том, что не имеет смысла вопрос, как протекает скачок? Другими словами, не имеет смысла понятие «постепенного скачка». Принципиально иной механизм изменения качества существует в период глобальных переходных эпох. Здесь качественные изменения протекают постепенно, эволюционно.

Различия во взглядах на формационное членение истории между К. Марксом, с одной стороны, и Ф. Энгельсом, В.И. Лениным – с другой, обуславливают различия между ними в понимании противоречий капитализма и способов их разрешения при социализме. Так, Энгельс и Ленин считали, что основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. Соответственно, социализм Энгельс и Ленин трактуют как общество, основанное на общественной собственности, плановой системе и административном управлении. У Маркса ни в одном его произведении нет понятия *основного противоречия капитализма*. У него в «Капитале» есть понятие *противоречия, выраженного в самой общей форме*, которое «состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости... тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости» [9, т. 3, с. 273].

Социализм Маркс понимает как переходную стадию от классово-антагонистической формации к коммунистической, как общество, основанное не на общественной, а на индивидуальной собственности, кооперации, рынке и конкуренции. Маркс писал, что «капиталистический способ присвоения... и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность (и не общественную.– В.Б.), а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенного самим трудом средствами производства» [9, т. 3, с. 773]. Здесь К. Маркс не называет индивидуальную собственность частной только потому, что под частной индивидуальной он понимает собственность, основанную на собственном труде ремесленника, крестьянина эпохи феодализма, которая отрицается капиталистической собственностью. Он говорит, что после уничтожения капиталистического способа производства «определение стоимости... становится важнее, чем когда бы то ни было» [9, т. 3, с. 927], а это возможно только в рыночной экономике.

Различия между классиками марксизма в понимании социализма отчасти обусловлены еще и тем, что Ленин жил и работал в России, которая была аграрной империей, в то время как Маркс последние 25 лет работы над «Капиталом» жил в самой развитой капиталистической стране в мире. В истории мировой цивилизации XIX в. был веком Англии. Когда в России только провозгласили об отмене крепостного права, в Лондоне в 1861 г. уже работало метро.

До 1917 г. Россия оставалась в основном аграрной феодальной империей. Более 80 % населения России проживало в селе. Три попытки реформирования села на началах частной собственности на землю, предпринятые Николаем I в первой половине XIX в., П.А. Столыпиным и Временным правительством в начале XX в., особого успеха не имели. Об этом свидетельствует тот факт, что около 80 % делегатов первого крестьянского съезда в мае 1917 г. (организованного Временным правительством и предложившего передать помещичью землю крестьянам в ча-

стную собственность) выступили против частной собственности. Они проголосовали за передачу помещичьей земли в общинную собственность. Временное правительство не решилось передать землю в общинную собственность.

В феврале 1917 г. в России началась буржуазно-демократическая революция. Но поскольку необходимые для закрепления революции социально-экономические преобразования в стране Временным правительством не были проведены, то она, по сути, не состоялась. В результате в ноябре 1917 г. Советы захватили власть, осуществив политический переворот, который уже в декабре был подкреплен соответствующими социально-экономическими и политическими декретами большевиков. В итоге политический переворот перерос в большевистскую революцию.

Основная причина строительства в России примитивного, грубого, уравнительного социализма заключается в том, что страна была аграрной, где основная часть населения (крестьяне) мыслила уравнительными категориями. Это обусловлено тем, что крестьяне выполняли практически равную по квалификации работу: пахали, сеяли и убирали урожай. В итоге большевики, захватившие власть, смогли построить только грубый, уравнительный социализм, который к тому же был отягощен тоталитарным сталинским режимом. Однако даже такой социализм, благодаря сохранению социокультурных характеристик нации и соединению их с идеей коммунизма, позволил обеспечить до второй половины 1950-х гг. высокие темпы развития за счет «неслыханного энтузиазма народа» [10]. Успешной индустриализации СССР способствовало применение Сталиным тех же самых методов и резервов управления страной, которые использовал Петр I во время своего правления. По утверждению Э.С. Кульпина, Петр I ограничивал права народа на свободный выбор индивидуумом своей судьбы, принуждал к знаниям и технологической дисциплине как дисциплине военной, добился солидарности общества с государством, использовал потенциал патерналистского и меритократического характера власти, принуждал дворянство к несению бремени главной и коллективной ответственности за преобразования, не допускал приватизации прав государства одной социальной группой общества, ввел эффективную систему циркуляции правящей элиты. Правящее сословие было открыто на вход и выход: критериями входа стали техническая компетентность

и верность служения государственному делу. Школы и училища были открыты для всех сословий. Каждый офицер приобретал потомственное дворянство, а каждый классный чиновник – личное, начиная с VIII класса – потомственное [11].

О высоких темпах развития СССР свидетельствуют результаты конца 1950-х – начала 1960-х гг. Советский союз одержал победу в Великой Отечественной войне. К концу 1950-х гг. страна достигла военно-стратегического паритета с США, первенствовала в освоении космоса. По золотовалютному резерву мы занимали второе (после США) место в мире. В стране была создана самая надежная система социальной защиты трудящихся и т. д. Полностью солидаризируюсь с мнением Дмитрия Быкова, высказанным им по поводу оценки советского периода в передаче «Особое мнение» радио «Эхо Москвы» 10 ноября 2011 г., который, несмотря на острую критику со стороны своих коллег, считает, что реализованный большевиками «советский проект» был наиболее предпочтительным вариантом развития России после 1917 г. в сравнении со всеми другими предложениями кадетов, эсеров, монархистов, анархистов и т. д.

Обобщая тенденции мирового социально-политического процесса в начале второй половины XX в., русско-американский социолог Питирим Сорокин предложил в качестве стратегии развития отношений между США и СССР теорию конвергенции. В соответствии с данной теорией, развитые страны Запада будут заимствовать из опыта СССР систему социальной защиты трудящихся за счет развития общественных фондов потребления, а страны социализма будут внедрять рынок, частную собственность и конкуренцию.

Процесс постепенной социализации капитализма начался еще в первой половине XX в. в связи с кризисом 1929–1933 гг. Принцип невмешательства власти в экономику в США заменили кейнсианской теорией регулирования государством экономики. Не только в Америке, но практически во всех развитых капиталистических странах после Великой депрессии проводились социально-экономические реформы, направленные на внедрение государства в функционирование частного капитала, перераспределение доходов, создание правовых и социальных гарантий защиты интересов трудящихся.

После Второй мировой войны масштабы и направления социализации возросли. В результате на данный момент

практически все страны первого мира, или «золотого миллиарда», справедливо относятся к группе демократических правовых социальных государств. За последние 50 лет в этих странах произошли коренные качественные тектонические сдвиги в социальной структуре населения этих стран. Вместо 15 % среднего класса и 80 % трудящихся в начале XX в., в настоящее время средний класс составляет в США 60–65 %. В Германии, Японии, Скандинавских странах до 85 % населения имеют высокий средний уровень жизни. В остальных странах первого мира средний класс составляет 65–75 % населения. Кроме того, надо иметь в виду, что в странах «золотого миллиарда» 70–80 % капитала принадлежит мелким и средним предпринимателям. В свою очередь, оставшийся крупный капитал на 60–70 % является ассоциированным, т. е. контрольные пакеты акций крупных корпораций принадлежат благотворительным, пенсионным, инвестиционным фондам: банкам, холдингам и трастам. Руководители этих фондов не являются собственниками денег, они лишь управляют ими. В инвестиционных фондах аккумулируются деньги практически всего населения страны. В производственном процессе крупного капитала имеет место разделение функций на три относительно самостоятельные части между собственниками капитала, топ-менеджерами предприятий и советами директоров, определяющих бюджетную политику.

В странах «золотого миллиарда» в основном отсутствует главный признак капитализма – эксплуатация трудящихся, получение прибыли за счет неполной, частичной, оплаты труда рабочих. В этих странах базовую часть прибыли предприятия получают не за счет эксплуатации, а за счет инноваций (рационализации, внедрения новой техники, технологий и материалов, повышения эффективности менеджмента и маркетинга и т. д.). По сути, государства первого мира не являются капиталистическими в традиционном понимании капитализма, вернее их было бы называть посткапиталистическими.

К 1960-м гг. наша страна стала в основном индустриальной. К этому времени мы полностью исчерпали возможности развития уравнительного социализма. Если до 1960-х гг. на рубль, инвестированный в производство, мы получали 1,1 рубля отдачи, то с начала 1960-х гг. ситуация принципиально изменилась: производство в основной массе стало нерентабельным. Падение эффективности производства

было обусловлено сохранением уравнительных методов управления, присущих аграрному обществу в обществе индустриальном. В отличие от аграрного общества в индустриальном рабочие имеют качественно различную квалификацию 1, 2, 3, ..., 6-го разрядов, не говоря уже об инженерно-технических работниках. При этом даже сто рабочих 3–4-го разрядов не могут выполнить работу одного рабочего 6-го разряда, а зарплата между ними принципиально не различалась. В результате с 1960-х гг. пропадает стимул в повышении квалификации и росте производительности труда, сокращается инициатива, снижается творческий потенциал, пассионарность россиян. В начале 1960-х гг. на 1 рубль, инвестированный в производство, мы получали 90 копеек отдачи. В 1970-е гг. окупаемость инвестиций упала до 50 %. В 1980-е этот показатель был еще ниже.

В середине 1960-х гг. для повышения эффективности производства были приняты постановления Правительства СССР и Пленума ЦК КПСС о переходе всех предприятий на полный хозяйственный расчет. Однако реформа провалилась, поскольку для ее реализации необходимо было провести приватизацию, перейти на рыночную экономику, частную собственность и конкуренцию. В СССР с 1960 по 1990 г. реально ничего не было сделано в плане приватизации из-за страха политической элиты потерять привилегии и власть. У нас не нашлось своего Ден Сяопина, благодаря которому Китай имеет самые высокие в мире темпы развития производства за последние 30 лет в результате перевода экономики на рыночные отношения. По этому поводу Ф. Фукуяма в 2007 г. заявил, что Китай и Япония сумели успешно соединить свои традиционные национальные культурные ценности с рыночной экономикой.

Несмотря на впечатляющие темпы развития Китая, наша страна не может развиваться по китайскому пути. Во-первых, потому, что связи с западной цивилизацией (экономические, социальные, культурные, конфессиональные) у нас гораздо шире, чем с восточной. Во-вторых, стартовые условия перехода на рыночную экономику в СССР и Китае принципиально различны. В конце 1970-х гг., когда Китай начал переход на рыночные отношения, производительные силы и уровень жизни населения в России были на порядок выше. Переход на рыночную экономику в Китае не был связан с резким падением уровня жизни основной массы

китайского населения, как это было в России в 1990-е гг.

Негативные результаты в советской экономике на протяжении трех десятилетий (с 1960 по 1990 г.) привели к полной растрате золотовалютного резерва. Страна оказалась должна около 100 млрд дол. и не в состоянии была оплачивать даже проценты по ранее набранным кредитам. К 1985 г., когда к власти пришел М.С. Горбачев, все экономические проблемы обострились до предела. Необходимо было реформировать экономику с учетом негативного опыта 1960-х гг., прежде всего переходить на рыночную систему. Но вместо этого началась суета с лозунгами – сначала «ускорение», потом «перестройка» и «гласность» – до тех пор, пока страна окончательно не обанкротилась. Я, в частности, солидарен с В.Д. Зорькиным, председателем Конституционного суда РФ, который возлагает определенную ответственность за развал СССР на М.С. Горбачева [12].

Таким образом, в советской России следует выделить два этапа. Первый (до начала 1960-х гг.) – этап индустриализации. Второй этап (1960–1990-е гг.) из-за негативного тренда в экономическом развитии имел три названия: 1) развернутое строительство коммунизма, 2) развитой социализм, 3) застой. Я же считаю, что этот период в целом был этапом регрессивного движения. В этом заключается основная причина развала СССР, поэтому я солидарен с позицией Б.В. Пастухова, что «ни диссидентское движение, ни прямое давление из-за океана не были сами по себе факторами, способными не то чтобы уничтожить СССР, но даже поколебать его равновесие» [13].

С 1991 г. начинается постсоветский период. По меткому выражению Леонида Радзиховского, это эпоха номенклатурного капитализма, связанная с желанием коммунистической элиты поменять власть на собственность. В этой эпохе следует выделить свои этапы. *Первый период* (с 1991 по 2000 г.) в формационном плане можно назвать этапом дикого капитализма. При переходе к рыночной экономике было допущено много ошибок, несмотря на определенные успехи в развитии демократии и свободы. Несправедливая приватизация, залоговые аукционы, гипертрофия индивидуализма привели к резкому социальному расслоению, обнищанию масс, маргинализации значительной части населения, падению производства, сокращению населения и продолжительности жизни, росту преступности, наркомании, утрате духовных ориенти-

ров, чувств патриотизма и национальной гордости, небывалому расколу общества.

Второй период (с 2000 г. по настоящее время) характеризуется неустойчивым равновесием, поскольку в стране практически нет качественных сдвигов в развитии высоких технологий. Увеличение ВВП происходит за счет роста цен на сырьевые ресурсы. «Эффективность» экономики покоится на «беспределе», «откатах» и «распилах» федерального бюджета.

Проблемы постсоветской России частично связаны с предшествующим тридцатилетним бездарным правлением нравственно переродившейся коммунистической номенклатуры. Но в гораздо большей степени проблемы современной России связаны с разрушением духовно-нравственных ценностей российского населения, обусловленным апелляцией к индивидуализму, частному интересу, рынку как единственной панацеи от всех бед.

Опираясь на концепцию социализма К. Маркса и обобщая реальные социально-политические институциональные трансформации XX–XXI вв., выделим в странах первого, второго и третьего мира следующие типы социализма и посткапитализма: демократический, авторитарный и тоталитарный.

1. Тоталитарный социализм (СССР до 1950-х гг., Китай до 1970-х гг., Северная Корея и т. д.).

2. Авторитарный социализм (СССР с конца 1950-х до 1990 г., страны Центральной и Юго-Восточной Европы после Второй мировой войны, Куба и т. д.).

3. Демократический посткапитализм существует в двух формах: западной либеральной демократии (США, Канада, страны Западной Европы и т. п.) и восточной радикальной демократии (Япония, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Малайзия). Различия между западным и восточным посткапитализмом заключаются, в частности, в том, что на Западе интересы личности важнее интересов общества, а на Востоке интересы общества важнее интересов личности. Подробнее различия между западной либеральной и восточной радикальной демократией даны в работе Б.И. Зеленко [14]. Вероятно, следует выделить и промежуточный, четвертый, тип социализма в конце XX – начале XXI в. – рыночный переходный от авторитарного к радикально-демократическому социализму (Китай, Вьетнам, Монголия).

Впечатляющие успехи в развитии Сингапура и Малайзии за последние 30–40 лет обусловлены опорой на ресурсы идентичности авторитарной модерниза-

ции или радикальной демократии. В связи с этим премьер-министры Сингапура и Малайзии в совместном официальном заявлении выразили отрицательное отношение к западной либеральной демократии. В недалеком будущем, видимо, можно будет говорить о переходном теократическом социализме исламского типа.

В настоящее время основной проблемой современной России является необходимость перехода от экстенсивного к интенсивному развитию, иначе страна вновь покатится в пропасть и развалится на части. Одним из условий предотвращения такого исхода, на мой взгляд, будет разработка оптимальной для нашего общества шкалы приоритетных ценностных ориентиров, в которой соединение традиционных российских коммунистических и западных рыночных индивидуалистических ценностей осуществлялось бы при сохранении приоритета национальной духовной культуры. Это подтверждается успешным опытом развития ряда стран не только восточной цивилизации (Индии, Сингапура, Малайзии, Южной Кореи, Японии, Тайваня и Китая), но и западной. Европа и Северная Америка достигли высокого уровня развития благодаря сохранению своей национальной культуры, опоре на свои традиционные ценностные ориентации.

До сих пор цивилизационная идентичность российского общества неопределенна. Без четкой и ясной социокультурной концепции мы не можем серьезно бороться с сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом, коррупцией, активно противостоять в современной сетевой войне, проводить модернизацию, преодолеть раскол в обществе, мобилизовать людей на решение стоящих перед страной задач. При решении вышеперечисленных задач необходимо учитывать особенности не только современной глобальной переходной эпохи, но и российской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. : в 3 т. М. : Политиздат, 1985. С. 535–536.
- [2] Степин В. С. Куда идет российская культура? (Материалы круглого стола) // Вопр. философии. 2010. № 9. С. 7.
- [3] Шпенглер О. Закат Европы. М. : Мысль, 1993. 663 с.
- [4] См. об этом: Бородай Ю. М. и др. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М. : Политиздат, 1974. 309 с.
- [5] Тоффлер О. Футурошок. СПб. : Лань, 1997. С. 13.

- [6] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
- [7] Фромм Э. Душа человека. М. : Республика. 1992. С. 376–377.
- [8] Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. М. : Политиздат, 1978. Т. 42. С.114–125.
- [9] Маркс К. Капитал. М. : Политиздат, 1975.
- [10] Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. С. 16.
- [11] Кульпин Э. С. Альтернативы российской модернизации, или Реставрация Мэйдзи порусски // Полис. 2009. № 5. С. 158–169.
- [12] Зорькин В. Д. Повторение пройденного : к шестнадцатилетию российской Конституции // Рос. газета. 2009. 11 дек.
- [13] Пастухов Б. В. «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России // Полис. 2011. № 1. С. 21.
- [14] Зеленко Б. И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание // Вопр. философии. 2008. № 5. С. 3–14.

ВРЕМЯ КАК ФОРМА СОЗНАНИЯ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Рассматривается философская проблема соотношения сознания и времени. Освещается связь данной проблемы с определенной философской традицией, идеями естествознания, перспективами социального развития. Аргументируется требование формирования культуры сознательного отношения ко времени бытия человека и общества.

Ключевые слова: философия, время, сознание, философская традиция, единство философии и естествознания, культура времени, социальное развитие, вызовы времени.

Понимание времени в определенной связи с нашим сознанием тем или иным образом постоянно присутствует в практической и теоретической деятельности человека. Кроме того, определение нашего отношения ко времени всегда оказывается связано с необходимыми для нашего сознания поисками смысла жизни и утверждением основных жизненных ценностей. При этом определяющее значение в деле формирования связей и отношений между сознанием и временем, на наш взгляд, имеют две основные тенденции.

С одной стороны, на отношение нашего сознания к времени влияет нарастающее в процессе взросления человека ощущение быстротечности, мимолетности нашей жизни, печальным итогом которой является смерть. В бытовом опыте повседневной жизни, народной мудрости, художественном творчестве можно обнаружить различные по эмоциональной яркости описания переживания человеком кратковременности своего существования, бренности всего земного, недолговечности людей и созданных ими произведений. Сравнение времени с потоком, течением можно обнаружить в культуре разных времен и народов. При этом символический образ потока, выражающий степень эмоционального восприятия человеком времени, оказывается связан с характером переживания им качества происходящих событий, с его отношением к способу осуществления этих событий во времени. Время может «плавно течь», «медленно идти», «быстро бежать», «стремительно нестись» в зависимости от того, какой степени интенсивности событиями наполнена жизнь человека, насколько они соответствуют его ожиданиям и представлениям, принимаются или отвергаются его сознанием как условия, необходимые для убеждения в полноценности собственной жизни. И если мы соглашаемся с наличием такой зависимости, то проблема времени возникает для человека тогда, когда он начинает в своем сознании задаваться вопросом о том, каким образом собственное время жизни может быть ценностью в сопоставлении со временем мироздания? Каким образом время моей, быть может, более никому не интересной жизни необходимо для времени природы, истории, социума? С положительным ответом на этот вопрос связаны индивидуальные усилия человека по обретению необходимых знаний для реализации своего жизненного предназначения, призвания, его готовность взять на себя ответственность за свое будущее. Отрицательный же ответ ведет к отказу от своей самобытности, растворяет человека во времени универсума, делает его

зависимым от созданных собственным сознанием образов, неподвластных времени, а потому могущих диктовать ему свою волю, лишает уверенности в своем будущем.

С другой стороны, этим непосредственным эмоциональным ощущениям и переживаниям времени человек противопоставляет рациональное отношение ко времени как к постоянной физической величине, к равномерно проявляющейся длительности объективных процессов. Человек обнаруживает в своем сознании способность управлять таким временем, вычисляя его ход посредством календарей и часов, рассчитывая свою деятельность в соответствии с определенными им самими отрезками времени, изучая свойства этого физического времени с помощью научных методов. Деятельность человека в этом направлении помогла определить возраст Вселенной – 13–15 млрд лет, выяснить время возникновения нашей планеты – 4,6 млрд лет, узнать, что более 1 млрд лет назад на Земле возникла жизнь. И, наконец, наука установила, что около 5 млн лет назад на нашей планете появились первые существа, с развитием которых связана человеческая история. Хотя в сравнении со временем существования Вселенной человечество существует примерно 5 дней, люди уже освоили околоземное космическое пространство, произвели гигантские изменения на самой Земле и продолжают наращивать свои возможности по преобразованию естественного состояния мира. Уверенность человека в его рациональном отношении ко времени приводят научные способы измерять время расширения границ Вселенной и время существования объектов микромира. Человечеством созданы высокоточные атомные часы, которые будут отсчитывать время даже тогда, когда исчезнет само человечество. Однако, как и в первом случае, здесь человек и сталкивается в своем сознании с проблемой времени, когда пытается ответить на вопрос, что же собственно мы измеряем, когда измеряем время? Ответ на данный вопрос, предлагаемый физическими теориями времени, может нас устроить только в пределах самой физической теории. Что же касается более значимого для нашей жизни варианта ответа (измеряя время, мы знаем свои возможности рационально использовать его в качестве ресурса, способны распоряжаться им и расходовать его в своих интересах), то его у нас нет, точнее, поиски такого ответа являются одной из наиболее трудных задач для современного человека.

Философская рефлексия времени, соединяя эмоциональное отношение ко времени повседневной жизнедеятельности с рациональными приемами определения категориального статуса времени, за долгую историю своего развития выработала достаточно много концепций, в которых связь между временем и сознанием является краеугольным камнем выяснения сущности каждого из этих феноменов. Краткая характеристика такого рода концепций была дана таким известным представителем феноменологического направления в философии, как Э. Гуссерль: «Естественно, что такое время, знаем мы все: оно есть наиболее известное. Однако, как только мы делаем попытку отдать себе отчет об (о)сознании времени, установить верное отношение между объективным временем и субъективным сознанием времени и понять, каким образом временная объективность, следовательно, индивидуальная объективность вообще может конституироваться в субъективном сознании времени, и как только мы делаем попытку подвергнуть анализу также чисто субъективное сознание времени, феноменологическое содержание переживаний времени, мы вовлекаемся в сферу весьма специфических трудностей, противоречий, смешений» [1, с. 5]. Но именно в философском опыте эмоционально-рационального овладения временем человек способен осмыслить всю важность признания того факта, что время, оставаясь объективно существующим фактором продолжительности нашей жизни, не остается благодаря деятельности сознания всего лишь образом физического времени. Наоборот, та форма, которую принимает время в нашем сознании, связывает нас с многообразием возможностей в деятельности, разнообразием способов общения в культуре и истории, потенциально неограниченным творческим участием в улучшении социальной организации нашей жизни. Сам факт обращения к опыту философов прошлых времен доказывает, что время как форма сознания является реальностью, с которой необходимо считаться.

Уже в трактовке Аристотеля, который, в свою очередь, опирался на предшествующую философскую традицию, время есть «число считаемое, а не посредством которого считаем» [2, с. 149]. Когда у нас самих мысли не изменяются или мы не отмечаем в своем сознании, что происходят изменения, нам не будет казаться, что прошло некоторое время. Содержательный характер времени подтвер-

ждается также и тем, что непосредственное переживание момента «теперь» каждый раз наполняется новым смыслом. Времени «прежде и после всегда приходится быть иным, так как “теперь” различны» [2, с. 151]. Постоянная подвижность, изменчивость времени может быть объяснена подвижностью и изменчивостью самих материальных предметов, для которых время определяется в качестве «меры движения». Но Аристотель, спрашивая о том, «будет ли в отсутствие души существовать время или нет», дает достаточно определенный ответ. Поскольку время есть число считаемое, то оно не может существовать без считающего. Это значит, что считать может только «душа» или «разум души», и потому «без души не может существовать время» [2, с. 156]. Признавая за сознанием («разумом души») способность измерять время, тем самым утверждая его существование, Аристотель не отрицает и универсальность времени, которое «везде одно и то же», «всюду едино» [2, с. 158]. Таким образом, проведенный Аристотелем анализ связи времени и сознания показывает:

1) время, взятое как общее становление бытия, является везде одинаковым количественным временем, «числом», которое нуждается в самом тщательном учете и измерении;

2) время как состоявшееся «теперь» является по своему ставшему качеству везде разным, так как переживается и оценивается по-разному;

3) необходимым условием как количественного измерения времени, так и его качественного переживания является деятельность сознания, в котором объективный характер времени признается через субъективное отношение. Предложенная Аристотелем идея об оформлении времени сознанием и о формировании сознания как временного получила свое дальнейшее развитие у многих философов.

Не ставя перед собой задачу исследования проблемы времени в историко-философском ключе, считаем необходимым назвать неоплатоника Плотина, формула которого «Время есть жизнь души, пребывающей в переходном движении от одного жизненного проявления к другому» является утверждением «чисто смыслового характера времени» [3, с. 113]. Или Августина Аврелия, который в своем страстном стремлении узнать, что же есть время, достиг понимания времени в своей душе: «В тебе, душа моя, измеряю я время. Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас

существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Вот его я измеряю, измеряя время. Вот где, следовательно, время или же времени я не измеряю» [4, с. 176]. У Декарта, различавшего длительность как атрибут протяженной субстанции и время как модус мыслящей субстанции, способность разума «мыслить истинную длительность вещей» и составляет сущность времени, без которого невозможна интеллектуальная свобода мыслителя [5, с. 98–99]. Хорошо известна и позиция Канта, для которого время является априорным условием познания, необходимым для реализации активной деятельной природы сознания. «Время, – писал он, – не есть что-то объективное и реальное: оно не субстанция, ни акциденция, не отношение, а субъективное условие, по природе человеческого ума необходимое для координации между собой всего чувственно воспринимаемого по определенному закону, и чистое созерцание» [6, с. 400]. В философии XX в. проблема времени в его соотношении с сознанием становится фундаментальным основанием для размышлений о смысле человеческого бытия, истории, культуры, а также с поисками новых мировоззренческих ориентиров в кризисных ситуациях, возникающих в условиях стремительно нарастающего темпа всемирно-исторических перемен. Указав на имена А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, мы обратим наше внимание на те философские концепции, в которых понимание времени как формы сознания оказалось связано не только с поисками новых идей в самой философии, но и с осмыслением социальных потрясений той эпохи, в которой, собственно, и появились эти философские концепции.

Выражение М. Хайдеггера «Временность обнажается как смысл собственной заботы» [7, с. 326] при всем своеобразии авторского философского языка мыслителя может быть интерпретировано, на наш взгляд, как выражение стремления философии XX в. обратить внимание мыслящего человека на то, что в нашем сознании отсутствует: уверенность в укорененности нашего существования во времени; признание ценности жизни каждого родившегося человека; продуманное и ответственное отношение к неповторимости каждого прожитого мгновения. Современное человечество, ставшее единым целым, в масштабах физического времени по-прежнему разобщено в своем историческом, культурном, социальном, индивидуальном темпорализме. Мы сталкива-

емся с масштабными вызовами космоса, природных стихий, цивилизационных конфликтов различного рода, которые опережают нашу способность их предвидеть и предотвратить во времени. Мы уже оказались в такой ситуации, когда больше нельзя игнорировать факты, ставящие под вопрос нашу уверенность в перспективах дальнейшего существования человечества. Неуверенность в завтрашнем дне, которая в бывшем СССР приписывалась только гражданам капиталистических стран, сегодня является состоянием большинства цивилизованного человечества, особенно той его части, которая следит за выпусками новостей, где всевозможные эксперты от науки и политики соревнуются в апокалипсических прогнозах ближайшего и отдаленного будущего.

Следовательно, результаты философских размышлений о времени в его связи с деятельностью сознания уже не могут оставаться только эзотерическим знанием посвященных, а требуют своего применения в определенной социальной практике, связанной с формированием новой культуры обращения со временем. Сознательное отношение ко времени, став критерием эффективности социальных изменений, позволит охватить всю целостность отношений человека с миром – в природе, обществе, межличностном общении, требуя совершенствования систем управления социальными взаимодействиями и процессами взаимодействия общества и природы для обретения уверенности в готовности ответить на вызовы времени.

Рост уровня культуры осознания времени невозможен без объединения усилий естественнонаучного и социогуманитарного знания. В лице В.И. Вернадского мы находим яркий пример стремления научной мысли XX в. к такому объединению. Внимательное изучение биологической организации жизни, по его утверждению, существенно меняет представления о пространстве, времени, об энергии и других основных элементах мироздания. Явления жизни необратимы во времени, что отличает их от безжизненных явлений, для которых время обратимо. Жизнь как таковая имеет собственное, специфическое движение, несводимое к физико-химическим взаимодействиям. Сутью жизни является творческое становление, в котором есть место как новым условиям для жизни, так и новым жизненным формам, возникающим в результате самоорганизации. Не случайно, что подтверждение своим мыслям о существова-

нии особого биологического времени Вернадский обнаружил в философском творчестве А. Бергсона: «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали. Для этого оно не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, ибо тогда оно перестало бы длиться» [8, с. 93]. По мнению А. Бергсона, само по себе это течение не имеет никаких точек, отметин, по которым можно его реферировать, оно интуитивно, представляет собой чистую длительность. Его нельзя в обыденной жизни заметить, его можно только пережить. Таким образом, согласно его представлению, человек живет не во времени, он своей жизнью длит время, и, поскольку никаких внутренних свойств его заметить не может, принимает внешние отметки за течение времени, за причину, вызывающую течение времени. Реальная длительность, по А. Бергсону, и есть сама человеческая жизнь.

В.И. Вернадский распространил понятие Бергсона о длительности как реальном процессе жизни на все живое вещество, поскольку человек неотделим от всего остального универсума, он «временит» одновременно с ним. Время у него «есть время реальное, проявляющееся в процессе творческой эволюции жизни; оно выражается в научных явлениях и фактах и как таковое может изучаться и в науке, и в философии... Здесь мысль Бергсона очень глубоко проникла в реальное явление времени в его научном аспекте. Развитие этой стороны представлений Бергсона сейчас в научной работе получает, мне кажется, большое значение... Время идет в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция. Назад процесс идти не может, так как порыв и эволюция есть основное условие существования Мира. Время есть проявление – созидание творческого мирового процесса» [9, с. 109]. Человек в ноосфере является выразителем природных процессов и вместе с тем своей деятельностью «очеловечивает» природу, изменяет ее. В ноосфере должно осуществиться единство геобиосоциохронологической реальности в качестве нового этапа эволюции живого вещества во Вселенной. Единство времени человечества и природы предопределено самой «вселенскостью» жизни людей, в каком бы месте биосферы оно не находи-

лись. Однако синхронизация ритмов природы и общества, вне которой собственно и возникают экологические проблемы, может быть достигнута только путем единства всех людей в осознании ответственности за дальнейшее развитие биосферы во времени.

Еще один мощный импульс новому пониманию значения времени был придан исследованиями И. Пригожина, философские взгляды которого на время были изложены в написанной совместно с И. Стенгерс книге «Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой». Убеждаясь все больше в том, что мы живем в плюралистическом мире, отмечает Пригожин, наука вновь открывает для себя время. Наука постепенно избавляется от такой основополагающей классической предпосылки своих исследований, как представление о том, что мир устроен просто и подчиняется обратимым во времени фундаментальным законам. Современные же исследования показывают, что важную роль во всех процессах играют необратимость, многовариантность, вероятность, случайность. Новое концептуальное понятие о самоорганизации не может обойтись без времени. Время конструируется в самом процессе самоорганизации, поскольку будущее не задано. Реальность открывается нам только в процессе активного построения, в котором мы участвуем. «Примечательно, что восприятие ориентированного времени возрастает по мере того, как повышается уровень биологической организации и достигает, по-видимому, кульминационной точки в человеческом сознании» [10, с. 369]. Осознание своей причастности к необратимым мировым процессам является не субъективным впечатлением, отчуждающим нас от внешнего мира, а своего рода указанием человеку на его соучастие во всем, что происходит в мире. Любая деятельность ориентирована во времени, и с этой точки зрения человек занимает в мире особое положение. «Теперь мы знаем, – констатирует Пригожин, – что время – это некоторая конструкция и, следовательно, несет некую этическую ответственность» [10, с. 386].

Преодоление разобщенности естественнонаучных и гуманитарных исследований с помощью их вовлеченности в анализ времени человеческого бытия позволяет более ответственно подходить к использованию результатов этих исследований в социальной практике. Сознание того, что время принадлежит нам именно в той мере, в какой мы не уклоняемся от

ответственности познать, понять, освоить его в своем индивидуальном и социальном опыте, позволяет формировать оптимистические варианты становления нашего будущего. При этом и уже ставшее прошлое обретает новый смысл как необходимое духовное наследие, без сохранения и активного освоения которого мы утрачиваем свою временную целостность в истории. Историческое и есть такая конкретная и цельная реальность, в которой человек является одновременно и субъектом, и объектом истории, а настоящее пребывает в прошлом и будущем.

Например, в философии Н.А. Бердяева проблема исторического неразрывно связана с вопросом о специфике времени. Различая время космическое, историческое и экзистенциальное, или «метаисторическое», Бердяев подчеркивает, что уже историческое время, отличаясь от космического, направлено к грядущему, к новизне, в нем каждое событие неповторимо. А время экзистенциальное целиком зависит от напряженности переживаний, здесь нет различия между прошлым и будущим, концом и началом, но совершается вечная мистерия духа. Следовательно, необходимо именно духовными усилиями преодолеть эмпирическое, «дурное», «разорванное» время, в котором настоящим «пожирается прошлое», само настоящее, оказываясь ускользающе малой величиной, легко приносится в жертву будущему, а будущее становится культом, во имя которого различные теории исторического прогресса приносят в жертву настоящее и предают забвению будущее. Истинная философия истории «есть философия победы истинной жизни над смертью, есть приобщение человека к другой, бесконечно более широкой и богатой действительности, чем та, в которую он ввергнут непосредственной эмпирией» [11, с. 17]. В истории осуществляется свобода личности, а значит, существует и непредсказуемость исторического процесса. Погруженная в объективированный, равнодушный к трагизму человеческого существования мир, личность способна осознать себя творческой субстанцией, могущей возвыситься над эмпирическими условиями своего существования, во времени реализовать прорыв в вечность. История есть путь к иному миру и подготовка к нему человечества. «Разрывается связь времен, замкнутый круг мировой действительности перестает существовать; в него сливаются энергии иных ступеней действительности, история нашего мирового времени кончается и

потому только и приобретает смысл» [11, с. 160]. Но обретение смысла за пределами мирового времени не может состояться без сознательных усилий поиска смысла в пределах мирового времени. Сознание человека – сосредоточие сил, открывающих и удерживающих смысл как вневременный абсолют для всего длящегося во времени.

Мысль о том, что мир не устроен как законченная целостность, и поэтому в нем всегда найдется место для каждого, кто готов решиться на сознательное усилие понять свое бытие во времени, настойчиво проводится в философских исследованиях проблемы сознания М.К. Мамардашвили. Понять предназначение человека в этом мире выступает как задача для сознания установить какую-то связь или соотнесенность человека с иной реальностью, помимо реальности, его окружающей. В своей сущности сознание характеризуется не только мгновенной координируемостью множества связей и элементов, но и одновременно какой-то неведомой способностью удерживать эту координацию во все разрушающем потоке времени. Жизнь человека есть усилие во времени по сохранению себя в акте сознания. Размышляя о сознании в его соотнесенности с цивилизацией, М.К. Мамардашвили, опираясь на идеи Декарта, писал, что «возможность способна реализоваться только мной при условии моего собственного труда и духовного усилия к своему освобождению и развитию (это, конечно, труднее всего на свете)... В вечно становящемся мире для меня и моего действия всегда есть место, если я готов начать все с начала, начать от себя, ставшего» [12, с. 110]. Почему все это важно именно в контексте понимания связи сознания и цивилизации? Наверное, потому, что никакой гарантии сохранения цивилизации в объективно существующей реальности нет. Более того, как отмечает М.К. Мамардашвили, XX в. обозначил явную угрозу гибели цивилизации, противостоять которой можно только умением мыслить. Последнее состоит в том, чтобы быть собой в следующий момент времени, «при этом то, что я есть сейчас, не вытекает из того, что я был перед этим, и то, что я буду завтра или в следующий момент, не вытекает из того, что я есть сейчас» [12, с. 114]. Цивилизация, сохраняясь этим усилием сознания по удержанию мысли в каждый момент времени, «как раз и обеспечивает, чтобы нечто пришло в движение и разрешилось, установился смысл, и ты узнал, что думал,

хотел, чувствовал... Но тем самым цивилизация предполагает, следовательно, и наличие в себе клеточек незнаемого. Если не оставлять места проявлению не вполне знаемого, цивилизация, как и культура (что, по сути, одно и то же), исчезает» [12, с. 115].

На наш взгляд, цивилизация, как наиболее высокий уровень социальной самоорганизации, может успешно развиваться только в том случае, когда большинство индивидов, ее образующих (а в идеале все), обладает стратегией сознательного отношения ко времени. Стратегией, в которой есть время для моего личного осознания себя в качестве необходимого начала социальной целостности, в которой есть время «найти и обрести себя» (Г.С. Батищев). Опираясь такая стратегия должна на устойчивую связь между коллективным временем и временем индивида, проводимую в каждом виде социальной деятельности. Не человека надо поворачивать к обретению социального времени в своем сознании, а общество к сознательному отношению к индивидуальному времени человека. Преодолевать ограниченность пространства наличных омассовленных социальных отношений для овладения временем развернутого реального многообразия индивидуальностей. Во времени своего индивидуального развития человек всегда превышает социальное, что для выдающихся людей зачастую оборачивается трагедией непонимания и неприятия в своей современности. Большинство же, начиная свою жизнь во времени как неповторимую уникальность, для которой время детства наполнено громадностью возможностей в мире, проходя этапы социализации (такие, например, как «всеобщее среднее образование» в нашем обществе), утрачивают свою «незаместимость» во времени, становясь деталями единого хронометрического механизма, принося себя в жертву культу точности физического времени. И мечтает «социально адаптированный» человек в своем сознании о том, чтобы найти время для чего-то важного, но не востребованного в повседневности, на что всегда не хватает времени:

На свете счастья нет, но есть покой и воля,
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

А.С. Пушкин

Таким образом, несмотря на всю свою многовековую философскую историю, а скорее всего, благодаря этой истории, проблема времени продолжает удерживать

ваться в поле нашего сознания во всем многообразии своих интерпретаций. И уже не столько специальное философское исследование времени требует своего осуществления, сколько сама философия как способность человека соответствовать «духовной ситуации времени» (К. Ясперс) ставится временем под вопрос. Философия времени как формы сознания, пройдя через критику со стороны естественнонаучного знания, обретя прагматическую направленность в исследованиях социальной философии и философии истории, оказалась так или иначе задействована во всех теоретических концепциях современного социогуманитарного знания. Теперь необходимо сделать следующий шаг – утвердить в качестве мировоззренческого и методологического начала желаемых социальных преобразований всю полноту и богатство душевно-духовной жизни человека в его сознательном и ответственном отношении ко времени.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гуссерль Э. Собр. соч. Т. I : Феноменология внутреннего сознания времени / пер. с нем., составл., вступ. статья В. И. Молчанова. М. : Гнозис, 1994.
- [2] Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1981. Т. 3.
- [3] Максименко В. П. Время как философская проблема и ее решение у Плотина // Вестн. Караганд. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 1996. № 2. С. 110–117.
- [4] Августин Аврелий. Исповедь: Абельяр П. История моих бедствий : пер. с лат. М. : Республика, 1992.
- [5] См. об этом: Солощенко П. П. Категория времени в философии Рене Декарта // Гуманитарные науки : сб. науч. тр. Ч. I. Караганда : Изд-во КарГУ, 2010.
- [6] Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 2.
- [7] Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Ad Marginem, 1997.
- [8] Бергсон А. Собр. соч. : в 4 т. М. : Московский клуб, 1992. Т. 1.
- [9] Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе : в 2 кн. М. : Наука, 1975. Кн. 1.
- [10] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986.
- [11] Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990.
- [12] Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУССИИ

Проанализированы современные дискуссии вокруг возможности обоснования трансцендентальной философии, рассмотрены варианты аналитики языка и трансцендентально-прагматического подхода.

Ключевые слова: трансцендентальная философия, аналитика языка, трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля, критика современной философии эмпиризма.

Различение в современной дискуссии двух направлений – эмпирически-описательного и трансцендентально-философского – имеет совершенно концептуальный и оправданный характер. Это различие является фундаментальным в современной европейской дискуссии относительно возможности обоснования актуальной значимости философии и ее предметной нормативности [1; 2].

Обоснованная К.-О. Апелем трансцендентальная прагматика является своего рода попыткой разрешения возникшего спора. Вернуть основополагающее доверие философскому разуму, избежав в радикальной критике всевозможных форм релятивизма и скептицизма, возможно только масштабным обоснованием его *последнего норматива* – переформулировкой основных сомнений философии относительно идеи разума.

Трансцендентальная прагматика в этом смысле является той связующей путеводной нитью, которая может защитить трансцендентально-философскую программу обоснования от всевозможной критики ее основ со стороны гегелевски ориентированной *философии трансцендентного* – герменевтики, всевозможных направлений неопозитивизма и прагматизма, продолжающегося неогегельянства в философии права и философии политики. Это становится возможным, если ее трансформация будет осуществляться с учетом позиции сомневающейся стороны, а философская реформа исходить из аналитических задач философии языка и теоретических целей современной рефлексии. «Лингвистический поворот» задает именно такой поворот для современной философии, подвергая ее языковому и семантическому пересмотру. Критика и защита трансцендентальной философии перед лицом современной научной эмпирии и чрезмерной научной рационализации разума есть необходимое требование философского мышления, следовательно, оно как *определенное* (трансцендентально-философское) мышление не может быть всецело сведено к языку, семиотике или системе коммуникативной intersubjectивности.

Г. Крингс, современный немецкий философ, в данном критическом споре о статусе трансцендентальной прагматики все же прав: она в любом случае есть всего лишь своего рода «институализированный посредник» между эмпирическим и трансцендентально априорным мышлением [3] и не может «покрыть» всей основополагающей проблематики трансцендентальной философии. Трансцендентальная прагматика в состоянии лишь продемонстрировать *априорные предпосылки*

эмпирического, и то в ключе все той же эмпирической необходимости и случайности. Она лишена того, чем обладает трансцендентальная философия, а именно: в собственных *практических интересах* разум стремится найти всеобщее обоснование объективной значимости априорных правил и норм в системе его теоретического и практического действования. Дискуссия по этому вопросу нашла отражение и в статьях К.-О. Апеля [4].

Нормативные же правила, которые учреждает апелевский вариант прагматики языка, являются *следствием* трансцендентальной языковой игры и определяются ситуативной (т. е. случайной) значимостью intersубъективного понимания, непонимания или даже недопонимания. В любом случае, стало быть, речь идет о произвольном действии, которое, скорее всего, принадлежит к естественным причинам, нежели к свободной причине. Трансцендентальная прагматика, таким образом, основывается на таких логических критериях, которые несут в себе *перформативное* противоречие и двойственность норм. А сам критерий «демаркации» выбора «лучшего» и «худшего» аргумента и действия, удовлетворяющих условиям «успешности» (*felicity condition*, по Дж. Остину), имеет сугубо социальные корни и зависит от условных конвенций и легальных норм поведения, принятых в правовой системе общества.

К.-О. Апель не согласен со своими оппонентами: он все же считает, что трансформация трансцендентальной философии на основе прагматики языка и аргументативных стратегий остается в любом случае всегда возможной. Он убежден, что философия существует только для целей коммуникативного сообщества, поэтому ее следует понимать не как средство поиска истины, но как непосредственный «великий разговор» (дискурс), в котором возможным становится не только сам эксперимент и его интерпретация, но и поиск «наиболее лучшего» аргумента и аргументативной стратегии. Идею «коммуникативного сообщества» немецкий философ заимствует у американского логика и представителя прагматизма Ч.С. Пирса, преломляя в его семиотической проблематике классическую идею субъекта трансцендентальной философии [5].

В трактовке трансцендентально-прагматического измерения философии К.-О. Апеля, вслед за идеями Пирса, исходит из априорной фактичности коммуникативного сообщества, заменяя кантовский априоризм синтетических суждений

измерением intersубъективных предположений понимания и поиска обоюдного (коллективного) консенсуса [6]. Он, как и Ю. Хабермас в проекте универсальной прагматики, смещает традиционный философский интерес с проблематики познания и социального действия на уровень коммуникативной, обоснованной нормами *этического дискурса* рациональности. Таким образом, понятие языкового *a priori* опосредствуется – до всякой коммуникации – не только наличием языковой общности, но и *легальными нормами этики* коллективного поведения. В своей трансцендентальной аргументации прагматик опирается на хабермасовскую теорию коммуникативного действия [7] и программу обоснования дискурсивной этики [8], методические принципы обоснования реконструктивной прагматики [9]. В связи с этим парадигму коммуникативной рациональности как попытку обоснования «конечности мышления» К.-О. Апель определяет в качестве основы для критики очевидной аргументации, поэтому всякая критика, если она не желает остаться бессодержательной и потерять свою нормативную значимость, должна быть обоснована хотя бы потенциально возможно. И такой нормативной базой обоснования может выступать только «intersубъективно значимая» критика и самокритика.

Разумеется, дискуссия вновь заставила обратиться к основам *философской критики*, определить ее возможности и границы. Она выявила мотив прежнего убеждения, что сохранить силу и возможность критического принципа философии возможно только в том случае, если будет осуществлен «трансцендентальный переход» от догматизма и скептицизма, который в современных условиях выражается заветной формулой перехода от философии сознания и субъекта к философии языка. Кроме того, укрепились утверждения, что отрицание этой рефлексивной и трансцендентальной очевидности, наблюдаемое в традиционной теории познания и классической эпистемологии, будет всякий раз ввергать философию в перформативное противоречие с теорией познания и метафизикой.

Как ни парадоксально выглядит это на первый взгляд, но в философии продолжительное время слишком часто экспериментировали с различными, противоречащими друг другу метафизическими и теологическими дискурсами. Отсюда смысл и понятие реального аргумента несколько трансформировались, и он стал означать, по существу, синоним некой

реальной фактичности. Негативность такого «реализма» очевидна. Односторонность определяется физикалистской основой, выразившейся в онтологическом реализме, материализме и эмпиризме. Критика натурализма, разумеется, возможна только в русле трансцендентальной философии. В этом смысле хайдеггеровскую трансцендентальную формализацию критической философии И. Канта и феноменологии Э. Гуссерля можно считать *первым опытом новейшего* формулирования трансцендентальных задач и целей прагматической аргументации. Апель в данном случае справедливо считает основателя фундаментальной онтологии «радикальным языковым прагматиком» [10] в постметафизической философии XX в.

Открытие «фактического измерения противоречивой действительности», по мнению К.-О. Апеля, есть своего рода «путь возвращения» к истокам трансцендентальной философии, или, как его определяет сам философ, путь «ре-трансцендентализации» современной философии [11]. И этому можно найти достаточно подтверждений. В интерпретации И. Канта Апель восходит к хайдеггеровскому прочтению «Критики чистого разума». Лейтмотивом его анализа, однако, становится не онтологическая реконструкция *саморефлексивной* способности субъекта, но реконструкция дискурсивных условий исполнения (*Darstellung und Mitteilung*) «идеального субъекта коммуникации», исторически ограниченного материальными потребностями, интересами познания и этикой рациональных норм (реального и идеального коммуникативного сообщества). Г. Крингс все же прав в этой дискуссии, что преимущество философской прагматики языка ощутимо лишь в теоретическом решении спорных проблем, например, чтобы прояснить, что понимается под «эмпирическим и априорным» основанием, но обосновывает она свои трансцендентальные претензии все же «ценой потери свободы» [12]. Простая замена прямых интенций «сознания вообще», доставшихся в наследство от прежней классической философии сознания и трансцендентализма, новым – постнеклассическим прагматическим утверждением объективизма, выраженного максимой «прагматической свободы», вряд ли может рассматриваться в качестве удачной попытки трансформации трансцендентальной философии. Не есть ли это всего лишь «квази-трансцендентальная» и «формальная» инверсия? Ведь остается

непроясненным *основной вопрос* всякой трансцендентальной философии: что определяется в качестве трансцендентального субъекта и кто этот формальный субъект, принимающий «конечные решения» – отдельный человек, общность коммуникантов, сообщество ученых, государство или Бог? Что означает в данном случае префикс «до-», «pre-» в понятиях докоммуникативного, до-дискурсивного и до-речевого условий?

В принятии ответственных решений *не может* быть логики двух норм, в любом случае критерием правильного решения может быть только одно условие. В практическом плане нравственного выбора такой отличительный знак – свободное волеизъявление в пользу как «лучшего», так и «худшего» действия. Для И. Канта подобное условие должно всегда (трансцендентально, во всех местах и во всякое время) сохранять свою значимость и объективную очевидность. Следовательно, только оно может обладать необходимым, обязательным и всеобщим измерением законности и действительности. Возможность полагания трансцендентальной идеи свободы есть своего рода априорное основание для любой подобной конкретизации.

Именно в этой точке сопряжения современной дискуссии и пролегает та грань, которая отделяет *двусмысленность* постметафизической критики, исходящей как от аналитической философии и герменевтики, так и критической деконструкции Ж. Дерриды, М. Фуко и Р. Рорти. Справедливо в данной критике то, что она заостряет до предела философскую проблему истины: феноменологическое чувство очевидности – необходимое, но все же недостаточное условие. Правда, на это еще в свое время указывал в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн, когда он признал тотальную ограниченность языка и его потенциальную неспособность описать факт во всем его объеме, не прибегая к семантической и логической тавтологии. Логически и лингвистически любая очевидность должна быть для нас всегда прежде всего понятийно выраженной.

В этом плане философия языка Л. Витгенштейна имеет *трансцендентальное намерение* показать, что всякое достоверное знание (уверенность, навыки и умения, несомненность, вера) становится очевидным только посредством «здорового смысла» и жизненного опыта [13]. Однако в своем трансцендентальном проекте логик *переводит* кантовскую априорность аналитических и синтетических сужде-

ний в языковое априори, а тематику трансцендентальной очевидности предлагает рассматривать в контексте возможных условий осуществления «языковых игр». Неудивительно, что современные попытки постмодернистов, отчасти сформированные под воздействием философии жизни Ф. Ницше и аналитики бытия М. Хайдеггера, свести претензию философии на значимость к простой игре слов и жанровым приемам языковых игр, соизмеряемым с онтологическими формами жизни, наталкиваются на те же самые логические трудности и проблемные апории, что и их деструктивные предшественники: аргументация и ее значимость феноменологически обуславливаются очевидностью форм исторической и ситуативной изменчивости, замкнутостью «концептуальных каркасов» и множественной несоизмеримостью философских дискурсов. Прагматическое противоречие, вверяющее авторов современных теорий в постоянное действенное противоречие с собственными положениями и текстами, порождает в итоге нетерпимость относительно конкурирующих программ.

Кризис современного трансцендентализма в немецкой философии, как видим, связан с попыткой новой переформулировки понятия «чистой» субъективности и преодоления общемировоззренческой предпосылки философии как критики субъективных норм и общественной идеологии. Но в том и в другом случае эти «испрашивающие друг друга» попытки, развиваемые в философском дискурсе современности, оказываются концептуально связанными между собой единой постгегелевской платформой «конца философии» и «начала идеологий». Если К.-О. Апель считает, что современный образ европейского мышления отягощен в основном реминисценциями анализа языка М. Хайдеггера и герменевтики, то Ю. Хабермас справедливо усматривает в этом постметафизический мотив всей современной философии, исходящий от младогегельянских и марксистских устремлений критики разума и критики общественной идеологии.

В контексте реконструкции кантовской трансцендентальной философии *однородность* постгегелевского языка становится очевидной. И это не только теоретический вопрос истинности логических посылок, но и вопрос, имеющий чисто *практическое* значение: понимание зависит не только от переменчивых контекстов аргументации и исторической значимости философских дискурсов, но и

от *морального настроения* спорящих сторон. Формирование возможного коллективного консенсуса, о котором сегодня продолжает дискутировать современная философская общественность, имеет все же, кроме логической составляющей, еще и *этический* аспект. Кантовский замысел критики и трансцендентальной рефлексии, как видим, задает всякий раз философскому разговору новый оборот.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Современная философия: возможности обоснования : сб. науч. ст. / Л. И. Тетюев. Саратов, 2000. 136 с.
- [2] *Oelmüller W.* (Hg.). *Transzendentalphilosophie und Normenbegründung: Materialien zur Normendiskussion.* Paderborn, 1978.
- [3] *Krings H.* *Empirie und Apriori. Zum Verhältnis von Transzendentalphilosophie und Sprachpragmatik // Zur Zukunft der Transzendentalphilosophie. Neue Hefte für Philosophie.* Göttingen, 1978. Nr. 14. S. 57–75.
- [4] *Apel K.-O.* *Sprachpragmatik und Philosophie.* Frankfurt a. M., 1976; *Apel, K.-O.* *Warum transzendente Pragmatik? Bemerkungen zu H. Krings «Empirie und Apriori».* Zum Verhältnis von Transzendentalphilosophie und Sprachpragmatik // *Prinzip Freiheit.* München, 1979.
- [5] *Apel K.-O.* *Der Denkweg von Ch. S. Peirce. Eine Einführung in den amerikanischen Pragmatismus.* Frankfurt a. M., 1975; *Apel K.-O.* *Von Kant zu Peirce: Die semiotische Transformation der Transzendentalen Logik // Zur Kantforschung der Gegenwart.* Darmstadt, 1981. S. 405–228.
- [6] *Apel K.-O.* *Diskurs und Verantwortung.* Frankfurt a. M., 1989. S. 38–40.
- [7] *Habermas J.* *Theorie des kommunikativen Handelns.* In 2 Bd. 4. Aufl. Frankfurt a. M., 1987; *Фурс В. Н.* *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса.* Мн., 2000. 224 с.; *Назарчук А. В.* *Теория коммуникации в современной философии.* М., 2009. 320 с.
- [8] *Хабермас Ю.* *Моральное сознание и коммуникативное действие.* СПб., 2000. С. 67–172.
- [9] *Philosophie und Begründung.* Frankfurt a. M., 1987; *Boehler D.* *Rekonstruktive Pragmatik.* Frankfurt a. M., 1985; *Kuhlmann W.* *Reflexive Letztbegründung. Untersuchungen zur Transzendentalpragmatik.* Freiburg-München, 1984.
- [10] *Apel K.-O.* *Die Idee der Sprache in der Tradition des Humanismus von Dante bis Vico.* Bonn, 1980. S. 53.
- [11] *Apel K.-O.* *Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendental-pragmatischen Ansatzes.* Frankfurt a. M., 1998. S. 553, 559.
- [12] *Krings H.* *Empirie und Apriori. Zum Verhältnis von Transzendentalphilosophie und Sprachpragmatik.*
- [13] См. об этом: *Грязнов А. Ф.* *Язык и деятельность: критический анализ витгенштейнианства.* М., 1991. 141 с.; *Беляев Е. И.* *Людвиг Витгенштейн: обновление философии.* Саратов, 2007. 164 с.; *Engel S. M.* *Wittgenstein und Kant // Zur Kantforschung der Gegenwart.* Darmstadt, 1981. S. 301–344.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА Р. БХАСКАРА

Представлен обзор основных постулатов, принципов и идей трансцендентального реализма (Р. Бхаскар, У. Аутвейт), новой метагегоретической концепции социальных наук. Дано обоснование онтологии социальной реальности в категориях трансцендентального реализма, а также рассмотрены причины кризиса западной и российской социологии.

Ключевые слова: трансцендентальный реализм, критический натурализм, социальная реальность, онтология, философия наук.

Особенность развития социально-философской мысли в России XX в. определили идеологические запреты и господство догматического марксизма в советский период. Это заставило социологию в качестве онтологии социального принять тот факт, что в основе социальных процессов лежат принципы, разработанные в рамках советского исторического материализма. О выборе же между разными концепциями не могло быть и речи. Однако, приняв официально в качестве онтологии исторический материализм, российские социологи негласно и неофициально, не обозначая этого в своих исследованиях, придерживались концепций эмпирического реализма, в особенности функционализма, хотя и доработанной и расширенной его версии. Повлияв на это, по всей видимости, и факт участия российских социологов в III Международном конгрессе социологов (Голландия), где они познакомились с практическими исследованиями в рамках популярного тогда системного функционализма Т. Парсонса. В качестве особой черты социально-философской и социологической мысли 1960–1970-х гг. А.Г. Здравомыслов назвал «отвращение от философской риторики об обществе в целом» [1].

Сегодня ведется постоянная дискуссия о применимости западных теоретических конструкций к изучению российской действительности. Примерно такая же дискуссия проходила и в США во второй половине XIX в., когда распространение идей позитивной социологии О. Конта наткнулось на сопротивление протестантской ортодоксии. Позиция невозможности использования «западной социологии» в России XXI столетия также имеет своим источником ортодоксию, опирающуюся на представление о самодостаточности российского социума, и смыкается с традициями славянофильства.

В этом месте российской социологии необходимо как раз сослаться на социальную философию, онтологию социального, выйти на более высокий уровень обобщения. Однако в российской социальной науке это направление очень молодо, не имеет под собой никакой концепции или традиций, марксистская традиция практически полностью отвергнута, переосмысление западного же опыта идет медленно. Вместо разработки социальной философии, появляется «социология социологии» или «социология знания», фактически цель которых – перевод работ западных социологов и адаптация их к российской действительности под лозунгом мультипарадигмальности социальных наук,

что, по сути, означает конвенциональную позицию, опасность которой подчеркивал еще А.У. Гулднер на примере кризиса западной социологии [2].

В результате онтологическое, эпистемологическое и методологическое направления оказываются разобщенными и противоречащими друг другу. Официальная позиция касательно онтологии в социальных науках, особенно в социологии, размыта: существуют или не существуют нетранзитивные объекты социальной реальности, да и сама социальная реальность? На этот вопрос нет четкого ответа. Другие концепции и подходы исследования, особенно со стороны трансцендентального идеализма (феноменологии, этнометодологии, социального конструктивизма), фактически рассматриваются как побочная альтернатива, представленная в западной социально-философской мысли, но неприменимая в большинстве случаев к российской действительности.

У. Аутвейт, опираясь на работы Р. Бхаскара, дает характеристику ситуации, сложившейся в теории науки, и утверждает существование трех фундаментальных позиций исследователя [3]:

1. *Классический эмпиризм*: последними предметами научного познания являются элементарные события.

2. *Трансцендентальный идеализм*: являются предметами познания модели, идеальные формы естественного порядка и т. п. Мир природы становится конструкцией человеческого разума, или в современной интерпретации – инструкцией научного сообщества.

3. *Трансцендентальный реализм*: считает предметами научного познания структуры и механизмы, которые порождают явления, и знание произведено внутри социальной практики науки. Предметы познания не являются ни просто феноменами (эмпиризм), ни конструкциями, которые навязаны явлениями (идеализм), но они есть реальные структуры нашего опыта и условий, обеспечивших к ним доступ.

Разделяя человеческое действие, берущее начало в соображениях людей, и управляющие деятельностью социальные структуры, трансцендентальный реализм утверждает наличие «онтологической пропасти» между обществом и индивидами. Больше нельзя говорить, что структуру создают люди как агенты: если общество исторически предшествует индивидам, то возможны только процессы воспроизводства и трансформации. Так, структура власти воспроизводится без применения

власти, а власть применяется в отсутствие какого бы то ни было конфликта.

Сам Р. Бхаскар дает следующие основания своей философии: «Шла очень энергичная теоретическая дискуссия, связанная с концепциями Куна, Фейерабенда, Лакатоса и т. д. Я нашел это очень интересным. Эти теоретики ставили под сомнение стандартные ортодоксии эмпирики и разрабатывали сторону, которую я называю транзитивным или эпистемологическим аспектом науки. Однако им практически нечего было сказать, разве что косвенно об онтологии, т. е. теории бытия. Они в основном оставили онтологию эмпирического направления нетронутой... Я нашел некоторые подсказки о возможной альтернативной онтологии в работах таких людей, как Ром Харр (Rom Harré), которые двигались в реалистском направлении. Они могли немного рассказать о транзитивных измерениях, но у них были критически-дедуктивные, номологические модели объяснения. Неявно они ставили под сомнение достаточность оснований концепций Юма, Гемпеля, Поппера. То, что я сделал в «Реалистической теории науки» и других работах, так это поставил под сомнение необходимость этих теорий, которые доминировали в эмпиризме и анти-эмпиризме. В частности, я сделал это повторно через акцентирование внимания на онтологии и придание ей определенного нового содержания и формы» [4].

Трансцендентальный реализм рассматривается Бхаскаром как особая форма реализма. Этот философский подход, который отстаивает освободительный потенциал рациональных (научных и философских) исследований в отношении как позитивистской в широком смысле, так и «постмодернистской» проблемы. Его манифест – это осознание реальности естественного порядка, событий и дискурсов социального мира. Это означает, что «мы сможем лишь понять – а значит, и изменить – социальный мир, если мы определим структуры, которые порождают эти события и дискурсы... Эти структуры не являются очевидными в обозримой модели событий; их можно распознать только в практических и теоретических исследованиях социальных наук» [5]. Генеративные механизмы, действующие в области реального, существуют независимо от моделей событий, но способны породить их. Отношения в социальном мире порождают поступки. Область фактического состоит из этих событий и поступков. Следовательно, фактическое –

это область, в которой происходят наблюдаемые события или их наблюдаемые модели. Область эмпирического состоит из того, что мы испытываем; следовательно, это область пережитых нами событий. Р. Бхаскар утверждает, что «реальные структуры существуют отдельно от фазы фактических моделей событий. В сущности, это происходит лишь потому, что в последнем необходимо проводить эксперименты, и только с помощью первых наши действия приобретают смысл. Подобным образом это может представлять собой состояние интеллигибельности восприятия, что события происходят независимо от опыта. И опыт часто (с эпистемологической точки зрения) находится «вне фазы» событий – например в случае, если они неверно определены. Отчасти вследствие этой вероятности ученому необходимо специальное образование и подготовка. Так, я утверждаю, что то, что я называю областями реального, фактического и эмпирического, являются отдельными друг от друга областями» [6].

Трансцендентальный реализм, таким образом, утверждает, что реальный мир многослоен и неоднороден. Он состоит из многообразия структур (генеративных механизмов), которые порождают происходящие и не происходящие события. *Социальная реальность*, в свою очередь, является реальностью особого рода, которая порождает события в обществе и общественной жизни. С позиции эпистемологии, реалистический подход является непозитивистским, т. е. ценности и факты в нем тесно связаны, и эту связь сложно разорвать.

Р. Бхаскар при обосновании сути реализма начинает с вопроса «Какие свойства обществ могли бы сделать их для нас возможными объектами познания?» С этой точки отсчета началась и концепция Э. Дюркгейма. Вместо того чтобы применять социологические методы к изучению индивидов, социологи должны обследовать социальные факты – те аспекты социальной жизни, которые упорядочивают наши действия в качестве индивидов. Поэтому социальным фактам также свойственна принудительная власть [7]. Как и Дюркгейм, Бхаскар полагает, что общества обладают реальностью особого рода, т. е. общество представляет собой нечто большее, чем просто действия и интересы его отдельных членов. То есть общества не сводимы к людям, социальные формы являются необходимым условием любого интенционального акта, их предсуществование основывает их автономию как воз-

можных объектов научного исследования, их причиняющая сила основывает их реальность. Есть тут особое восприятие этой реальности, отличное от других форм познания, – то, что Ч. Райт Миллс назвал социологическим воображением, которое можно расширить и обозначить как *социально-реалистическое воображение*. Эта форма познания требует прежде всего «исключить себя» из рутины повседневной жизни для того, чтобы взглянуть на детали этой жизни по-новому.

Однако Р. Бхаскар не останавливается на постулировании реальности, и следующее его утверждение звучит так: «Это, в свою очередь, влечет за собой трансформационную модель социальной активности, *общество есть и вездесущее условие (материальная причина), и непрерывно воспроизводимый результат человеческой деятельности*» [8]. В свою очередь, это дальнейшее развитие мысли социальных конструктивистов и Гидденса. «Изучать структуризацию социальной системы, – пишет Гидденс, – значит изучать способы, которыми эта система через применение интегративных правил и средств, а также в контакте непредвиденных последствий, организуется и воспроизводится во взаимодействии» [9]. С точки зрения Э. Гидденса, структура – это не статичная система как некая кристаллическая решетка, а своеобразный набор правил или программ, определяющих трансформацию практик. Эти правила отличаются своей дуальностью, т. е. они одновременно являются и результатом, и условием действия индивидов. Социальная структура благодаря своему императивному характеру оказывается и вне субъекта, и внутри него; выступает и как возможность действия, и как его реальное воплощение.

Концепция реализма состоит в том, что люди в своей сознательной деятельности по большей части бессознательно воспроизводят (и попутно преобразуют) структуры, обуславливающие их самостоятельные «производства». Так, люди вступают в брак не для того, чтобы воспроизвести нуклеарную семью, и работают не для того, чтобы поддержать жизнь капиталистического хозяйства. Тем не менее семья и хозяйство являются непреднамеренным последствием (и неизбежным результатом, равно как и необходимым условием) их деятельности.

Подлинной философией общественных наук («философией для общественных наук») оказывается «умеренный натурализм» («qualified naturalism»). Суть этого

направления состоит в установлении «пределных» принципов объяснения всего существующего, где природа рассматривается в качестве единственного субстанционального начала. Учитывая эти моменты, Рой Бхаскар предлагает три «онтологических ограничения возможного натурализма»:

1) социальные структуры в отличие от природных структур не существуют независимо от видов деятельности, которые они регулируют;

2) социальные структуры в отличие от природных структур не существуют независимо от понимания (conceptions) деятелями того, что они совершают, осуществляя свою деятельность;

3) социальные структуры в отличие от природных структур могут быть лишь относительно устойчивыми.

Проводимое Бхаскаром различие между причинной взаимозависимостью (социальных структур и человеческих представлений о них), с одной стороны, и экзистенциальной нетранзитивностью, которая представляет собой априорное условие исследования и применяется равным образом как к природной, так и к социальной сфере – с другой. Оба эти принципа нужны реалистской социальной науке в противоположность позитивизму, отрицающему взаимозависимость, и герменевтическим теориям, отрицающим нетранзитивность. Герменевтика, однако, права, обращая внимание на преимущественную важность смыслов для социальных наук и то обстоятельство, что смыслы должны быть поняты, а не просто зарегистрированы и измерены. К этому следует добавить практические сложности измерения и эмпирической проверки в социальных науках: фактическую бесполезность проведения экспериментов и невозможность их завершения, а также необратимость большинства социальных процессов.

Согласно теории реализма, общество и институты внутри него не должны восприниматься как независимо существующие реалии, о которых мы порождаем символы. Скорее, они сами – символы, которые мы описываем при объяснении определенных проблемных ситуаций. Так, понятие тредюниона или университета следует трактовать как теоретическое понятие, оправдываемое его объяснительной силой, а не как описательное понятие, оправдываемое его соответствием независимой реальности. Считается, что формы социального и естественно-научного объяснений одинаковы, но их онто-

логические предпосылки и метафизические структуры совершенно разные. За символами действительности, которые придуманы в целях объяснения в естественных науках, кроется реальный мир действенных вещей, но за символами, придуманными для объяснения социальных взаимодействий посредством социальных действий, не лежит ничего, кроме самих действующих, их приспособительного поведения и идей. В этом фундаментальное отличие трансцендентального реализма от функционалистских направлений, и на этом же постулате, по сути, построено все социально-философское творчество Ж. Бодрийяра, особенно это касается идеи симулякров.

Притязания реализма не в том, чтобы любая конкретная наука в ее теперешнем виде действительно отразила бы объективные структуры природной или социальной реальности, но просто в том, что он осмысленно и прагматически полезно полагает существование таких структур, как возможных объектов научного описания. И еще раз: сходство реализма с прагматизмом и его сопротивление более предписывающим, нормативным философским теориям проявляется в отстаивании их положения, что выбирать между альтернативными описаниями – это в основном дело отдельных наук.

Данное положение выражает реалистическую позицию, равно отстоящую как от модернистского восхваления науки, так и от постмодернистского осуждения ее, позволяет предположить необходимую связь между «реализмом повседневно», точкой зрения «золотой середины» и определенным вариантом философского реализма, метатеоретической точкой зрения.

Основные положения в таком случае, резюмирующие отношение критического трансцендентального реализма к прочим направлениям социально-философской мысли, будут следующими:

1. Основные усилия реалистической критики позитивистской и неокантианской метатеории направлены против их тенденции сводить онтологию к гносеологии и обеих в конечном счете – к методологии.

2. Общественные науки требуют множественности методологических подходов не меньше, чем естественные. О достоинствах этих подходов можно судить только по практике наук и степени, в какой они обогащают понимание социального мира.

3. Оставляя за каждой теоретической точкой зрения свободу выбора онтологических установок и адекватных им методологических постулатов, утверждается,

что только реализм как метатеоретическая позиция создает возможность рациональной дискуссии относительно конкурентных метатеорий, представленных прагматизмом и конвенционализмом.

Сам Аутвейт утверждает, что общественные науки переживают драматические изменения в течение последних 20 лет и затрагивают понимание собственной природы общественных наук и их методов. Он даже усиливает это утверждение: «Эта ситуация отражает распространение среди социологов и представителей других общественных наук ощущение, что общественная теория требует радикального переосмысления. В этом случае в качестве исходного остается вопрос: «Какие свойства обществ могли бы сделать их для нас возможными объектами познания?» [10].

В таком случае и плюралистическая установка современной российской академической социологии и социальной философии означают, что идет напряженный творческий процесс переопределения доминирующих теоретических направлений в социологии с тем, чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в ее политическом, экономическом и культурном измерениях. Но несомненно и то, что тут необходим вектор и адекватность, для чего нужно проделать серьезную работу в рамках социальной философии, потому что терпимость конвенционализма грозит невозможностью выхода на

этот уровень обобщения и субъективным релятивизмом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Здравомыслов А. Г.* История российской социологии: к вопросу о периодизации социологии в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.edu.ru/data/2010/11/17/1214795939/3aZdravomyslov.pdf> (дата обращения: 24.05.11).
- [2] *Гоулднер А. У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб. : Наука, 2003. С. 542–545.
- [3] *Outhwaite W.* Laws and Explanations in Sociology // Collier, A. (ed.) *Critical Realism: An Introduction to Roy Bhaskar's Philosophy*, L. : Verso, 1994. P. 467.
- [4] *Bhaskar R.* Interview for "The Philosophers' Magazine" [Электронный ресурс]. URL: http://www.raggedclaws.com/criticalrealism/archive/rbhasaskar_rbi.html (дата обращения: 24.05.11).
- [5] *Carlsson S.* Advancing Information Systems Evaluation (Research): A Critical Realist Approach [Электронный ресурс]. URL: http://www.imamu.edu.sa/Scientific_selections/files/DocLib/issue2-art3-carlsson.pdf (дата обращения: 24.05.11).
- [6] *Bhaskar R.* A Realistic Theory of Science // Collier A. *Critical Realism...* P. 131.
- [7] *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. С. 102.
- [8] *Bhaskar R.* A Realistic Theory of Science // Collier A. *Critical Realism...* P. 131.
- [9] *Гидденс Э.* Устройство общества: очерк теории структуризации. М. : Академ. проект, 2005. С. 27.
- [10] *Outhwaite W.* Naturalisms and Antinaturalisms [Электронный ресурс]. URL: ecsocman.edu.ru/data/484/674/1217/outhwaite.doc (дата обращения: 24.05.11).

«ВРЕМЕНЕНИЕ» В СТРУКТУРЕ ФЕНОМЕНА В РАБОТЕ М. ХАЙДЕГГЕРА «ВРЕМЯ И БЫТИЕ»

Анализируется «временение» как ключевой элемент в структуре феномена. «Временение» в концепции феномена М. Хайдеггера играет ключевую роль, определяя направленность феномена. Специфическое переживание «временения» связано с феноменом как переживанием, обусловленным внутренним миром человека.

Ключевые слова: «временение», индивидуальность, присутствие, самость.

Обращение к проблеме феномена в антропологическом контексте в работе Мартина Хайдеггера «Время и бытие» позволяет выявить «временение» как ключевое понятие. В концепции Хайдеггера индивидуальность определена временем своего существования. Рассматривая проблему присутствия, Хайдеггер определяет движение экзистенции внутри присутствия. Основой движения является «временение». Его можно было бы определить как время экзистенции, обозначив тем самым отличие от физического времени. Временение определено будущим, которое на уровне индивидуальности включает в себя ожидание и надежду. Феномен определен его будущим состоянием, экзистенция определяет мир из будущего, а не из прошлого и настоящего. Это может быть собственное будущее, определенное индивидом и несобственным будущим, которое впоследствии становится собственным в результате принятия. «Исходная и собственная временность времени из собственного будущего, а именно так, что оно, настоящее бывшее, впервые пробуждает настоящее. *Первичный феномен исходной и собственной временности есть будущее*» [1, с. 329]. Таким образом, ключевым в схеме Хайдеггера становится временение с акцентуацией на будущее время. В настоящем происходит падение экзистенции. Схема этого падения связана с тем, что в обыденности, идущей от прошлого опыта, преобладает забота, подручность. Более того, наличие как суммарное достижение прошлого опыта не предполагает экзистенции, хотя путем повторения предполагает повторение прошлого успеха и состояния. Забота как составляющая мира, определяемая из прошлого, подавляет временение как другую составляющую мира, определяемую экзистенцией из будущего. Это подавление происходит в силу использования уже имеющихся подручных средств. Смысл падения присутствия и состоит в том, что в экзистенции доминирует будущее, а в мире, обыденности – прошлое и подручность под видом заботы о человеке. Таким образом, будущее по мере включения в мир все более превращается в повторение прошлого. В конечном виде это будущее и сохраняется как бывшая возможность, как пустое, но бывшее желательным ожидание, или в момент самого действия как временение, исходно отличающееся от подручных средств, его исполняющих. А так как средства вносят в реализацию прошлое, то в мире все меньше становится будущего, а значит, и присутствия человека.

Хайдеггер, рассматривая проблему времени в соотношении с проблемой экзистенции, выводит два вида временения. Временение экзистенциальное часто бывает экстатическим, оно совершается во времени мгновения. Существует также временение актуального, воз-

никающее в обыденности. Понятие экста-тического временения происходит от понятия экстаза. Экстаз – это прыжок, совершаемый экзистенцией, его можно понимать и как «выпрыг» из обыденности, проникновение мечтания и ожидания, идущего из будущего в обыденность. Экстаз совершается в «мгновение-ока», это момент индивидуального времени, тесно связанный с самостью, которая определяет длительность и направленность «мгновения-ока». Это особенное время собственного бытия, оно активно, это решительный прорыв присутствия в мир, когда решительность не зависит от наличного, подручного, а определена сама по себе или собственным экзистенциальным, способным появиться в экстазе. В отличие от времени экстаза – «мгновения-ока», в подручном существует секунда как зафиксированный извне отрезок времени. «Мгновение-ока» представляет собой индивидуальное время, в отличие от секунды оно может иметь различную длительность в индивидуальном переживании в зависимости от психического и эмоционального наполнения мгновения. Секунда же как время актуальное представляет собой строго внешне определенный для индивида отрезок времени. Таким образом, Хайдеггер противопоставляет экста-тическое собственное настоящее в «мгновении-ока» несобственному настоящему или актуальности. «В отличие от мгновения-ока как собственного настоящего несобственное мы называем *актуализацией*. Формально понятие, всякое настоящее актуализирующее, но не всякое “мгновенно-очно”. Когда мы применяем выражение актуализация без добавления, всегда подразумевается несобственная, безмгновенно-очная-нерешительная. Актуализация впервые прояснится лишь из временной интерпретации падения в озаботивший “мир”, имеющего в ней свой экзистенциальный смысл. Поскольку однако несобственное понимание набрасывает способность быть из могущего-озаботить, то значит, оно временит из актуальности. В отличие от этого мгновение-ока временит, наоборот, из собственного будущего» [1, с. 338]. Экстаз у Хайдеггера приобретает характер ответа собственного бытия на несобственное, неподлинное. Он может перевести несобственное бытие другого в подлинное бытие себя, может означать переживание бытия другого как подлинного, как подобного своему ожидаемому будущему. Экстаз становится точкой прорыва собственного бытия из будущего в настоящее. Экстаз также может быть пе-

реходом чужого в собственное. Прорыв носит характер внезапности, он всегда осуществляется вдруг, как некий прыжок. Внешняя форма представляет собой интенсивное эмоционально окрашенное переживание. Интенсификация переживания достигается путем нацеленности на будущее. Так что будущее как временение становится источником специфического переживания, которое может быть слабо связано с окружением человека и обусловлено его экзистенцией.

Таким образом, специфическое переживание временения мы связываем с феноменом как переживанием, обусловленным внутренним миром человека.

Хайдеггер рассматривал экстаз как некое мгновенное состояние, толчок человека к самости. Кроме того, экста-тическое переживание связано с большой дистанцией времени или пространства. Если переживание охватывает ближайшее время и пространство, ближайшие цели и действия, то вероятность экстаза мала. Экстаз можно рассматривать только в более длительном временном или пространственном отрезке. Хотя и не масштаб времени или пространства, а выход за пределы наличного мира дает его возможность.

Применимо к феноменам любви и смерти это означает, что экстаз исходит от отдаленного прошлого в форме памяти о пережитом и с необходимостью включает в себя отдаленное будущее. Отдаление же понимается как разрыв с актуальностью. Можно согласиться с Хайдеггером, что именно отдаленное будущее (или временение) определяет механизм экстаза. Ближайшее прошлое и ближайшее будущее соотносены с актуальностью, и если экстаз определен ближайшим будущим, то возникает забывание и падение экзистенции.

Итак, разрыв с актуальностью происходит при включении в состояние человека отдаленного будущего и пространства, которое в актуальную ситуацию не входит. Отдаление от актуальности приводит к осмыслению ситуации в терминах подлинности и неподлинности, которые связаны с переоценкой ситуации в терминах смысла своего существования. Таким образом, экзистенция порождает переоценку актуальности, разрывает ее. Таким способом возникает новая ситуация присутствия, связанная с интенсивными переживаниями не окружающего мира, а экзистенции.

Хайдеггер выделяет два сценария развития послеекста-тического присутствия. Первый сценарий – это падение экзистенции, что означает возвращение к

неподлинному существованию, т. е. к замещению переживания экзистенции переживаниями текущего момента. Когда экстаз исходит из несобственного прошлого, то в переживании подлинности он переживается как собственное или подобное собственному, он становится своим, что в итоге может означать как утрату самости, так и новый вектор ее развития. Причем этот процесс может носить циклический характер, когда увлечение чем-то новым и наступление нового экстаза, опять-таки носящего несобственный характер, приводит к новому забыванию себя, что возобновляет падение, хотя порождает переживания, родственные переживанию самости.

Второй сценарий – когда экстаз исходит из собственного. В этом случае происходит возобновление и продолжение себя, это есть переход к подлинному существованию. Временение из будущего задает ситуацию напряжения внутри индивидуальности. Это состояние, возможно, менее яркое по переживанию и характеру ситуации вне человека, но более напряженное внутри самого человека.

Два типа экстаза показывают сходство переживаний развития самости и ее подмены. Здесь уже следует разделять не временение из будущего или прошлого, которое использует Хайдеггер, но временение собственного от временения чужого. Собственное временение, помимо временных схем, задействует еще собственную уникальную схему повторения себя самого в присутствии, т. е. связано с идентификацией себя через разведение подлинной и неподлинной составляющей временения.

Экстаз как временение из будущего может иметь ддящийся характер, возникающий в результате переживания феномена. Причем разные феномены могут задавать разные типы дистанции относительно времени. А дистанция во времени опирается на самость, что и является отличительным качеством протекания переживания феномена, т. е. феномен должен опираться на элементы самости, в

нем задействованные. Например, экстаз в любви задан отдалением объекта любви, в то время как переживание в феномене смерти задано его приближением.

Ключевым в переживании феномена становится ожидание и надежда, которые связаны с самостью. Собственно феномен возникает с того момента, когда искусственно вводится момент ожидания, притом что само ожидание опирается на самость. Это ожидание как пред-проживание события как собственного определяет возможные варианты развития присутствия. Феномен оказывается возможностью присутствия не падать, а существовать. Таким образом, длительность протекания экстаза связана с опорой на самость, это схема универсальная для переживания феномена.

Итак, сделаем выводы.

1. В концепции М. Хайдеггера временение и самость являются элементами структуры феномена, определяющими его масштаб и направленность.

2. В присутствии Хайдеггера экзистенция, проявляющаяся в форме временения, направленного из будущего, вытесняется заботой и наличностью, которые актуализируются из прошлого и настоящего.

3. Экстаз может перевести чужое в собственное, прошлое в будущее, чем может создавать собственное и подлинное в присутствии. Экстаз может также провоцировать бегство за новым и отказ от собственного, а это циклическое повторение открытия может подавить собственное и подлинное, которое ведет себя «спокойнее».

4. Экстаз предполагает большую дистанцию временения, которая «выпрыгивает» за пределы актуальной ситуации. И здесь экстаз подлинного имеет менее яркую ситуацию, чем экстаз нового. Циклическость нового и длительность собственного имеют разное основание. Во втором случае речь идет о самости.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997.

ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Предпринята попытка эксплицировать основания принципа управления реальностью.

Ключевые слова: принцип удовольствия, принцип реальности, принцип управления реальностью, психическая реальность, конфликт.

В психоаналитической парадигме рассматриваются противостоящие друг другу принцип удовольствия и принцип реальности. На наш взгляд, они являются основными определяющими принципами видения человеком себя в двух реальностях, в которых одновременно существует человек. Принцип реальности актуален для материальной реальности, окружающего мира, а принцип удовольствия – для ментальной, или виртуальной, реальности, которую человек создает своими мыслями, мечтами, фантазированием, воспоминаниями и продуцированием будущих действий. Таким образом, говоря об экзистенциальном конфликте человека и мира, мы прежде всего имеем в виду конфликт этих двух реальностей. Человек – точка конфликта, и, таким образом, он является точкой соединения и сосуществования двух реальностей.

Впервые идеи соотнесения этих реальностей встречаются у З. Фрейда, определившего между ними четкую дихотомию (реальность против фантазии) в «Проекте научной психологии» (1895 г.). Он говорит о «реальности мысли» и «внешней реальности», в «Толковании сновидений» (1900 г.) упоминает «психическую реальность», в «Тотеме и табу» сравнивает ее с «фактической реальностью». В «Толковании сновидений» (издания 1919 г.) внешняя реальность выступает как «материальная реальность». В «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд говорит о том, что в ходе анализа пациенты рассказывали ему о сценах детства, свидетелями которых они якобы являлись, и он считал их реальными, но затем понял, что эти сцены были придуманы пациентами и имели отношение не к материальной реальности, а к психической. Тем не менее эти сцены, даже не основанные на реальных событиях, могли, по его мнению, радикально влиять на поведение людей. Некоторые люди, по мнению Фрейда, предпочитают психическую реальность «фактической» и ведут себя по отношению к фантазиям так же серьезно, как нормальные люди ведут себя в повседневной жизни, в реальности. «Эти фантазии обладают психической реальностью в противоположность материальной, и мы постепенно научаемся понимать, что в мире невротиков решающей является психическая реальность», – пишет Фрейд [1, с. 235]. Психической реальностью в данном случае называется все то, что представляется реальностью психике субъекта. Эта психическая реальность может быть настолько яркой, т. е., по мнению Фрейда, несущей такой энергетический заряд, что в некоторых случаях, судя по последствиям и результатам анализа, совершенно невозможно определить, какие события из биографии человека порождены фантазиями, а какие – реальностью [1, с. 237]. В результате неудовлетворенный человек, по Фрейду, отворачивается от действительности и переносит весь свой интерес на желанные образы своей фантазии.

Психоаналитик Ш. Ференци в противоположность дихотомии внешней и внутренней реальностей индивида, предложенной Фрейдом, предположил, что центральной является оппозиция между психической реальностью субъекта и психической реальностью объекта. Такое толкование противостояния реальностей переносит конфликт на интерсубъективный уровень, не придавая должного значения миру, окружающему человека. Однако эта схема Ференци работает, если человек манифестирует себя как субъекта, а внешний по отношению к нему мир – как объект. Для Дж.А. Арлоу, А.Д. Розенблатта, Р.С. Валлерстайна очевидно, что термин «психическая реальность» получил всеобщее признание. Для них понимание психической реальности заключается в том, что она предполагает смешение внутреннего и внешнего миров, переплетение восприятия внешних фактов и бессознательных фантазий. Восприятия, воспоминания и фантазии смешиваются и переживаются как актуальная запись событий [2, р. 659–666]. Р.С. Валлерстайн, с мнением которого нельзя не согласиться, уделял особое внимание тому, до какой степени психическая реальность способна влиять на восприятие внешней реальности: «Даже мир в научном понимании – это также акт нашего (человеческого) ментального конструирования и созидания» [3, р. 555–569]. Психическая реальность, с его точки зрения, формирует внешнюю реальность, оставляя материальную нетронутой. По его мнению, не существует чистой внешней реальности, неизменной и одинаковой для всех; скорее, есть сконструированная внешняя реальность, которой приписывается значение в рамках перспектив, ценностей и интересов человека.

С такой позицией Валлерстайна отчасти совпадает позиция В.В. Мейсснера, который сформулировал новое понятие психической реальности, определяя его как субъективное (сознательное) понимание, «включая все сознательные представления как о внешних объектах и реальностях, так и о внутренних объектах и реальностях» [4, р. 1117–1138]. Р.Х. Этчегоен считает, что психическая реальность есть теория пациента о нем самом и о других [5, р. 3–14].

Таким образом, в современном психоанализе прослеживается тенденция к пониманию двух реальностей как влияющих друг на друга, причем внешняя воспринимается только через посредничество внутренней, т. е. психической, реальности. Однако, по нашему мнению, подоб-

ное смешение реальностей представляет собой некоторую патологию, когда человек совершенно не ориентируется в окружающей обстановке, «теряет чувство реальности» происходящего. Именно при таком «синтезе» двух реальностей человек становится социально опасен, не умеет соизмерить то, что он хочет, т. е. то, что содержится в его внутренней реальности, с требованиями внешней реальности. Как раз при таком патологическом смешении реальностей перестает существовать такое необходимое условие и один из главных принципов становления человека, как конфликтность. При этом, как мы понимаем, снимается диалектическое единство и противостояние реальностей. Становление человека далее невозможно. Оно возможно только тогда, когда две реальности, материальная и психическая, составляют собой диалектическую модель. В этом отношении нормой мышления человека является не смешивание реальностей до невозможности различения, а их разделение и поддержание состояния разумного и гармоничного консенсуса.

В этом отношении К. Ясперс считает, что внешняя действительность – это природа, тело человека, совокупность соматических и интеллектуальных возможностей, общественный порядок, другие люди [6, с. 397], т. е. социальная реальность. Человека влечет к реальности, в которой он стремится осуществить свое бытие в гармонии со своей соматической природой и, в соответствии со своими способностями, занять подобающее положение в рамках существующего общественного порядка. В этой реальности человек также желает установить хорошие отношения с другими людьми, так как именно таким путем он может обрести себя. Однако именно с этой реальностью человек находится в постоянном конфликте, в ней он сталкивается с ограничениями, помехами, противодействием. Реальная жизнь постоянно требует от человека самоотречения, усилий для преодоления конфликтов, поэтому, как верно замечает Ясперс, человеку «свойственно отчетливо выраженное стремление отвлечься от действительности» [6, с. 400]. Иными словами, человек практически постоянно находится в поиске путей, позволяющих обойти трудности материальной реальности, укрыться, «сбежать» от этой реальности, найти ей замену. Это значит, что человек находится в постоянном состоянии выбора между существованием в материальной реальности, «проникновением в глубину реальности» и отречением от нее.

Отречение от материальной реальности, в которой человек существует, требует ее замены. Подобной «заменой» становится внутренний мир, внутренняя сконструированная реальность человека, причем, как точно подметил Ясперс, обращение человека к своему фантазматическому внутреннему миру «сопровождается мгновенным удовольствием или поверхностным облегчением», чувством умиротворения [6, с. 400]. Такая точка зрения К. Ясперса практически полностью совпадает с точкой зрения З. Фрейда, который полагал психическую реальность особой формой существования, где действует принцип удовольствия. Иными словами, человек, встречая трудности в материальной реальности, т. е. получая неудовольствие, обращается к внутренней фантазматической, или сконструированной им самим, реальности, где эти трудности хотя бы отчасти уменьшаются, и вследствие этого человек получает удовольствие. Именно поэтому Фрейд, и это следует подчеркнуть, совершенно верно говорит о том, что если действия человека совершенно неадекватны в физической реальности и «хотя бы в каком-нибудь смысле он должен быть прав» [7, с. 432].

Таким образом, отвлечение и отречение от материальной реальности, от мира происходит с помощью фантазирования, ухода в нереальный мир, о чем в свое время говорили многие философы и психоаналитики. Фантазирование – один из путей решения человеком конфликта с реальностью. Это одна из присущих человеческому разуму способностей, и человека можно было бы наряду с «человеком разумным» назвать «человеком фантазирующим». Еще в классической философии воображение признавалось за средство, призванное служить человеку для забывания тяжести, заключенной в его жизни [8, с. 203–204]. Фантазирование также вводилось в природу человека, так как оно, по мнению Гегеля, носит характер инстинктообразной деятельности [9, с. 114].

В свое время А. Камю также говорил о том, что человек любит фантазировать, грезить, «жить воображаемой жизнью, во сто крат более прекрасной, чем настоящая. Причина в том, что человек ощущает потребность в забвении собственной личности, в отождествлении со всем человечеством. У Ницше это называется аполлонизмом, иначе говоря, потребность преобразить действительность через мечту. Это своего рода экстаз, символом которого является экстатический Аполлон» [10, с. 24]. Человек, стремясь забыть о

жестокости мира, погружается в мечту, и происходит это потому, что он считает мир, создаваемый внутри себя, более совершенным, более способным дать удовлетворение, чем внешняя реальность. Все искусства, считает Камю, порождаются одним и тем же порывом человеческого духа к другому, лучшему, миру, миру забвения и мечты [10, с. 33–34]. Только этот мир может дать человеку удовольствие, так как это его основной принцип существования. Принцип удовольствия заставляет человека искать удовлетворения как можно скорее, не обращая внимания на свое окружение. В связи с этим, по Камю, человек «не очень-то любит медлить», и ничто «не занимает его больше, чем он сам, в особенности то, кем он мог бы быть» [11, с. 67]. Человек, по мнению Камю, чувствует себя несчастным, потому что мир противостоит, не подчиняется ему. Человек считает, что обретет счастье тогда, когда он окончательно познает мир, т. е. когда реальный мир подчинится ему, так как «разум, стремящийся постичь действительность, способен испытать удовлетворение только тогда, когда он сведет ее к собственным понятиям» [11, с. 19]. Сведение действительности, или мира, к собственным понятиям означает для человека его постижение, т. е. способность управлять миром по своему разумению, в соответствии со своими желаниями. И если бы это произошло и человек смог разобраться в меняющемся зеркале явлений, открыть для себя некие вечные связи, т. е. смог бы управлять своей судьбой, своим миром, то его мысль испытала бы такое счастье, «сравнительно с которым миф о райском блаженстве выглядит всего лишь смехотворной подделкой» [11, с. 19]. Иными словами, управление реальностью, окружающей человека, является для него наивысшим удовольствием и самым заветным желанием.

В смоделированном человеком виртуальном мире нет неудовольствия, так как там не работает фрейдовский принцип реальности. Это царство фрейдовского принципа удовольствия, в соответствии с которым все возникающие у человека желания должны полностью и немедленно удовлетворяться, причем разница во времени между возникновением и удовлетворением желания (в соответствии с тем же принципом удовольствия) стремится к нулю. Это означает, что желание, только возникая, уже удовлетворяется, оно само и есть одновременно удовлетворение и, таким образом, просто перестает существовать. Это и есть нирвана – состояние, в котором парадоксально сосуществуют

полнота внутреннего бытия, отсутствие желаний, совершенная удовлетворенность, самодостаточность и абсолютная отрешенность от внешнего мира. Но в то же время именно это состояние и есть состояние небытия, или смерти, так как простое поддержание в теле физиологических процессов на самом низком уровне при отсутствии внешних проявлений сознания, разума, общения и соотнесения с внешним миром нельзя назвать жизнью.

Философ Я.Э. Голосовкер предлагает достаточно необычный взгляд на феномен фантазирования. Он полагает, что человек обладает «имагинативным инстинктом», т. е. инстинктом воображения, причем это не телесный, а духовный инстинкт. Если мы признаем, что человек, фантазируя, создает новую реальность, которую мы называем психической, то имагинативный инстинкт, вводимый Голосовкером, следует называть инстинктом креативности, при удовлетворении которого происходит творческий акт, т. е. создается нечто новое. Голосовкер также полагает, что этот инстинкт является самым сильным из всех известных инстинктов, включая сексуальный и инстинкт самосохранения. Дело в том, что имагинативный инстинкт, по Голосовкеру, основан на фантазии, присущей природе человека, его разуму, мышлению. Фантазия, в свою очередь, оказывается сильнее инстинкта самосохранения, потому что она – работа воображения, а «воображение – также инстинкт, и притом высший: он инстинкт культуры, он выше и сильнее, чем инстинкт самосохранения». Виктор Гюго, по мнению Голосовкера, показал в главе «Баррикады» романа «Отверженные», как фантазия «романтиков оказалась сильнее их жажды жизни, и где, играя со смертью, смертью героя погиб вместе с ними чудесный парижский гамэн Гаврош» [12, с. 129].

Следует заметить, что в ситуации, схожей с той, что приведена Голосовкером как пример, человек переходит от конструирования внутренней реальности к «наложению» ее на внешнюю реальность. Таким образом, для человека планирование будущих действий и их осуществление также является косвенной попыткой изменить мир вокруг себя. Более того, из утверждений Я.Э. Голосовкера можно сделать интересные выводы: называя инстинктом стремление человека творить, мы также должны признать, что этот инстинкт требует удовлетворения, и при этом, как мы уже говорили, старается устранить то препятствие, которое мешает ему творить. Отсюда мы приходим к тому, что агрессия человека – это другая, или

обратная, сторона желания творить свою реальность, стремление устранить препятствие к созиданию своей реальности, которое может быть экстраполировано на весь окружающий человека мир. Изменения реальности делаются человеком не из желания что-то уничтожить, а из желания переделать уже существующий мир в соответствии со своими желаниями.

Помимо этого, если мы говорим о том, что разум нельзя представить без фантазирования, мечты, планирования, сожаления (как перепланирования ситуации) и прочего, то следует признать, что все эти свойства разума (в смысле создания и изменения в соответствии со своими желаниями психической реальности) присущи ему. Следовательно, разуму имманентно состояние стремления к изменению материальной реальности, мира в соответствии с создаваемой им психической реальностью. Это стремление подходит под определение инстинкта, который понимается как совокупность сложных врожденных реакций организма, возникающих в ответ на внешние или внутренние раздражения. В этом случае раздражителем является окружающая человека реальность – человек видит и ощущает ее. Эта же реальность является жестко закрепленным объектом инстинкта. Иными словами, вслед за осознанием реальности человек сразу же пытается ею манипулировать, улучшать, изменять, копировать ее, т. е. осуществлять над ней власть. Именно в этом и только в этом смысле «имагинативный инстинкт» как креативный можно считать инстинктом в прямом смысле этого слова.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. М., 1989.
- [2] Arlow J. A. The concept of psychic reality – how useful? // J. of Psychoanalysis. 1996. № 77.
- [3] Wallerstein R. S. The concept of psychic reality: its meaning and value // J. of American Psychoanalytical Association. 1985. № 33.
- [4] Meissner W. W. Reflections on psychic reality // J. of Psychoanalysis. 2000. № 81.
- [5] Etchegoyen R. H. Some views on psychic reality // J. of Psychoanalysis. 1996. № 77.
- [6] Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.
- [7] Freud S. Trauer und Melancholie. 1940–1952 // Gesamtliche Werke. L. : Imago, 1940–1952. В. X.
- [8] Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 1999.
- [9] Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике : в 2 т. СПб., 1999. Т. 2.
- [10] Камю А. О музыке // Соч. : в 5 т. Харьков, 1998. Т. 1.
- [11] Камю А. Миф о Сизифе // Там же. Т. 2.
- [12] Голосовкер Я. Э. Интересное // Вопр. философии. 1989. № 2.

МЕОНАЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ

В самой грамматической структуре русского языка есть форма, демонстрирующая не свойственное другим культурам понимание небытия. Небытие в русской культуре не есть абсолютное отрицание, оно есть ничто, основа бытия, творчества, свободы. Именно поэтому русский язык приобретает дополнительное «не» для выражения абсолютного небытия в такой структуре, как «ничего не», «никого не».

Ключевые слова: небытие/укон, ничто/меон, язык, оборот «я знаю, что я ничего не знаю».

В одном из своих писем Х. Вольфу В. фон Гумбольдт заявляет: «Мне удалось открыть – и этой мыслью я все больше проникаюсь, – что посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы и все многообразие мира» [1, с. 6]. Разделяя точку зрения «языкового мировидения», попробуем «поймать бытие на слове», ухватить его онтологическую модель, вслушиваясь в речь, слова которой, заложенные в таинственном существе мира, онтологичны (см.: [2, с. 98]).

Русский философ Семен Людвигович Франк замечает: «В ряде языков есть оборот речи, который – обычно употребляемый без осознания его подлинного смысла – при внимательном отношении оказывается непосредственным выражением исконной народной мудрости» [3, с. 278]. Исследуя структуру языка, отсылающую к бытию, предметом философского анализа Франка становится «непостижимое», представляющее как основа онтологического введения в философию религии.

На наш взгляд, более интересной для исследования онтологических особенностей оказывается структура, отсылающая к небытию. Интересна она именно потому, что в данном случае русский язык коренным образом отличается от большинства других языков, а ведь «можно считать общепризнанным, что различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [1, с. 324]. Тогда русский язык всем своим существом высказывает онтологически значимое содержание своей культуры, отличное от онтологических корней других культур.

Наверное, все изучавшие английский язык задавались вопросом, почему отрицательные предложения в нем строятся по иной схеме, нежели в русском. Погружаясь в глубь веков, мы обнаруживаем, что древнегреческий и латинский языки, являющиеся основой большинства европейских, также высказывают отрицание совсем иначе, чем русский. И так как «сама философия и есть попытка быть словом мира» [4, с. 16], попробуем найти ответ на мучающий доселе вопрос в рамках философии.

Так, мы говорим «я знаю, что я ничего не знаю», тогда как Сократ передает нам через своих учеников: «ἐν οἴδα ὅτι οὐδὲν οἴδα» на греческом или «scio me nihil scire» на латыни (которые дословно переводятся как «я знаю, что я ничего знаю»). И ведь ни один из переводчиков не забывает, совершая свое дело, вставить дополнительное русское «не» между словами «οὐδὲν/nihil» и «οἴδα/scire». Но ведь язык укоренен в бытии, а значит, непосредственно высказывает его. Тогда и причину появления невидимого другим языкам «не» нужно искать в понимании «ничто» русской ментальностью.

Ничто как таковое содержит в себе момент отрицания. Но какова сущность самого отрицания, полагаемого в Ничто? Сергей Николаевич Булгаков на примере учений отрицательного богословия убеждает в том, что о «Ничто говорится в них далеко не в одинаковом смысле, и в сумеречных полутонах отрицательных определений таятся двусмысленности, многомысленности и противоположности» [5, с. 130]. Как результат его исследования можно выделить три смысла «не».

Первый передает абсолютное отрицание. В греческом языке такому «не» соответствует частица οὐ – это «не», которого нет и не может быть (у-топия).

Второй смысл передается греческой частицей α и означает принципиальную невыразимость, неопределимость (α-пейрон, α-морфность, α-летейя). Это «не» не отрицает, но и не утверждает нечто, оно выражает сущность абсолютного, в котором бытие и иное ему ничто не различимы, не выделены. Это «не» антиномично; пытаясь осмыслить это «не», рассудочное мышление неизбежно натывается на непреодолимые противоречия (α-пория). Это «не» Божественного, Абсолютного Всеединства, которое, будучи по существу своему трансцендентно-имманентным, за пределами, непознаваемо рассудком, но в то же время обладает модусом присутствия по отношению к нашему знанию.

Третий смысл «не» передается частицей μή. Такое «не» не тотально, оно есть момент утверждения, «еще не», «пока не», неопределенность как состояние потенциальности, невыявленности. Будучи меональным, «не» влечет противоречие диалектическое, оно не загоняет в тупик, оно «есть не просто отрицание факта наличия, а утверждение факта оформления предмета, которое предполагает обязательно и нечто отличающееся» [6, с. 61], ведь «всякое определение есть отрицание» («omnis determinatio est negatio» (Б. Спиноза)). Такое «не» таится в глубине самоопределения, самоидентичности.

Три смысла частицы «не» намечают двоякий смысл Ничто. Третий смысл онтологически не выделен, так как α и μή выражают тождественное Ничто, их различие коренится в гносеологии, и лишь отсюда следует их различное употребление. Отчасти для удобства, отчасти из традиции, которую улавливаем в русской философской мысли, эти разные понимания будем выражать различными понятиями: «небытие» и «ничто».

Небытие есть полное отрицание бытия, абсолютная противоположность его.

С.Н. Булгаков именуется подобную разновидность небытия «уконом» – οὐκ οὐ. Это то самое небытие, которого нет. Парменид знает небытие лишь таковым, а потому бытие едино и неподвижно, ведь, будучи замкнутым в себе, оно не имеет потенциалов ни к развитию, ни к различию в себе. Становясь лишним, ничто извергается из такой системы мировоззрения. Такая культура не знает материнства, свободы, творчества, коренящихся в Ничто. Такое мировоззрение не приемлет Бога, «становящегося отцом всего сущего, открывающего себя в творении», ведь за небытием не видится ничто, потенциальность развития, рождение, материя.

В русской же культуре, поскольку «Абсолютное становится “Отцом всяческих”, то и ничто, не-сущая основа творения, становится Матерью, меоном, содержащим в себе все, потенциальным всеединством мира» [5, с. 170]. Ничто как меон обременено рождением, тогда как небытие, укон – основа онтологического бесплодия.

Ничто – μή οὐ – *не* есть глухое бездонное небытие, крошечная тьма, чуждая всякого света, оно есть «еще-небытие», «пока-небытие», меональная ночь уснувшего бытия, «тьма, в которой таится, однако же, все, подобно тому, как дневным светом изводится к бытию и обнаруживается все, скрывавшееся под покровом ночной тьмы» [5, с. 137]. Однако для утверждения Ничто путем его постижения меональная ночь должна перестать быть временем (или пространством?) «мирного сна на мягких метафизических подушках в объятиях обывательской формальной логики» [6, с. 42], иначе Ничто обращается в непостижимое, недоступное, скрывающееся от палящих лучей дневного света рассудка. Такое Ничто – небытие, образованное частицей α, – *есть* в отличие от укона, но оно исторгнуто из культуры, отделено от бытия непроницаемой оболочкой.

Ничто как меон есть божественное бытие (и в этом смысле оно есть Нечто), это «изначальное, неточное бытие в его неподвижной глубине, в его ноуменальном единстве, божественной первооснове» [5, с. 137]. В Ничто как изнанке бытия коренится все, они оказываются взаимоперетекающими друг в друга, а потому можно прорваться на ту сторону бытия, Ничто открыто для постижения.

Русскую культуру не интересует небытие, она утверждает понимание «ничто». Но при таком мировоззрении выговаривание такой структуры, как «никого», «ничего», принуждается к утяжелению дополнительным «не», чтобы подчеркнуть

абсолютный характер отрицаемого. Ведь Ничто содержит в себе все, но в невыявленном, неопределенном виде. Тогда утверждать, что «я ничего/ничто знаю», равносильно уверенности в некоем всеедином, всеохватном знании, но полученном путем иного, иррационального, схватывания. Человек же иной культуры утверждает в данной фразе принадлежность своего знания сфере абсолютного небытия, а русский человек, воплощая подобный смысл, вынужден добавлять частицу «не» и высказывает, таким образом, иную онтологическую модель.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гумбольдт В. фон. Избр. тр. по языкознанию. М., 2000. 400 с.
- [2] Бердяев Н. А. Философия свободы // Н.А. Бердяев. Судьба России : соч. М. ; Харьков, 2000.
- [3] Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // С. Л. Франк. Соч. М., 1990.
- [4] Бибихин В. В. Язык философии. СПб., 2007.
- [5] Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М., 1994.
- [6] Лосев А. Ф. Философия имени // А.Ф. Лосев. Самое само : соч. М., 1999.

СИНЕРГИЯ И МИСТИКА ИСИХАЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ

Анализируется содержание такого мистического религиозного опыта, как исихазм. Делается вывод, что православная традиция являлась мистико-аскетической, а ее ядром был именно исихастский опыт.

Ключевые слова: богословие, православие, исихазм, мистика, синергия.

Возникший в последнее время большой интерес к религии, ее истории и ценностям, признание ее в качестве органической составляющей мировой и национальной культуры представляется естественным итогом развития русской духовной культуры. Но вместе с процессом возрождения традиционных православных ценностей сегодня мы являемся свидетелями интересного феномена: желая проникнуть в «бесконечность» и «тайну» человеческой души, в обществе пробуждается все больший интерес к мистике и мистическим таинственным явлениям. Можно ли совместить православие с мистикой? Проблема сложная и многогранная. Попытаемся ответить на этот вопрос, рассматривая такое мистическое духовное движение в православии, как исихазм, и обращаясь к творчеству известных историков церкви и православных богословов.

В одном из словарей исихазм определяется как «мистическое течение в Византии» [1]. Если рассматривать мистику не как что-то загадочное и непонятное, связанное с различными радениями и спиритическими сеансами, а как опыт личностного переживания человеком своего единения с бесконечным бытием: Абсолютом, Богом, Единым, Универсумом – то анализ практики исихазма позволяет отнести его по всем параметрам к практике мистической.

Исихазм, без сомнения, сложное явление. Крупнейший современный исследователь исихазма о. Иоанн Мейендорф отмечал, что термин «исихазм» нельзя употреблять без уточнений [2]. Во-первых, в начальную пору восточного монашества, в IV в., отшельников, живших в безмолвии, или «тишине», называли «исихастами» (исихия – тишина) в отличие от монахов, живших общинами («киновиты»). Во-вторых, исихазмом называлась также техника регулирования дыхания, помогавшая сосредоточиться при «умной» или «Иисусовой молитве», имеющей своим ядром непрерывное повторение в уме фразы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». В-третьих, исихазм – это учение св. Григория Паламы (1296–1359), или «паламизм», богословское выражение и обоснование исихазма во втором смысле, в центре которого – концепция нетварных Божественных энергий, действующих на мир и человека. Кроме этого, в более позднем значении исихазм – широкое явление в религиозной жизни России XIV–XVI вв., охватывающее монашескую и монастырскую жизнь, духовную культуру и даже государственное строительство.

Остановимся на вопросах содержания исихастской практики, суть которой – путь духовного восхождения с целью «обожения». Этот путь, или процесс, четко структурирован на ряд ступеней, с каждой из которых связан определенный род внутренней деятельности и работы сознания подвижника.

Ступени выстроены в строгой восходящей последовательности, поэтому ко всему процессу традиция издавна применяет символ или метафору лестницы.

Церковный историк И.М. Концевич, основные труды которого посвящены истории русского монашества, в книге «Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси» подробно описывает последовательность в духовном восхождении, или «путь к Богу», который проходит аскет-подвижник, ведущий долгую и многотрудную борьбу со страстями для усвоения добродетелей. Прежде всего «путь к Богу» лежит через познание самого себя: от подвижника требовалось знание духовных и психологических законов и глубокое проникновение в свою душу для понимания собственной греховности. В основание познания должна быть положена «вера, а на это основание полагаются камни: послушание, долготерпение, воздержание, а на них уже воздвигаются другие камни: страдание, отсечение воли и т. д. Цементом, все соединяющим, служит смирение, без которого ни одно доброе дело не есть добродетель и без которого нельзя спастись» [3].

Смирившись, человек начинает борьбу со страстями, которые связаны между собой и одна порождает другую. Страстей насчитывается восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Борьба со страстями помогает молитва, которая, как писал Григорий Палама, «есть связь разумной тварей с Творцом» [4]. В практике исихазма была выработана так называемая Иисусова молитва, которая непрерывно произносилась подвижниками до тысячи раз в день. Благодаря такой молитве, «ум начинает пребывать в сердце». Таким образом, в силу непрерывного, постоянного внедрения в душу имени Бога, образ Христа проникает в подсознание и расцветает в сознании. Совершается преобразование души, начиная с ее скрытых глубин, преобразование, имеющее своим пределом полное «обожение», как оно выражено в словах апостола: «Не я живу, а живет во мне Христос». Это и есть цель и смысл молитвы Иисусовой.

Молитва и «трезвение» («нисшествие ума в сердце») неразрывно связаны между собой. Можно сказать, что «трезвение» – это внимание ума к тому, что происходит в сердце, во внутренней жизни, внимание, сопровождаемое неослабным напряжением сил с целью «охранения» сердца от дурных движений, для достижения чистоты сердца.

Такого рода подвиги (смирение, борьба со страстями, «умная молитва» и «трезвение») приводили человека в особое состояние, связанное с неизъяснимым блаженством, видением некоего небесного света, нездешнего, несотворенного, подобного свету, озарившему Спасителя на Фаворской горе. Таким образом, именно исихастский мистический опыт преобразования человека способствовал достижению «обожения» и соединения с Богом. Возвращаясь же к вопросу об извечной потребности человека в самопознании, надо отметить, что исихазм всецело отвечал этой потребности, но для него важно было не познание ради познания, а познание себя, осознание себя ради соединения с Богом, ради достижения «обожения».

Несмотря на то что написано немало работ, посвященных истории возникновения и развития исихазма и рассматривающих его сущность, представляется, что для решения вопроса об отношениях мистики и традиционного богословия, о роли исихазма в истории развития православия целесообразно все-таки обратиться к трудам известных богословов, историков православной Церкви и классиков русской религиозной философии. В первую очередь необходимо назвать имя В.Н. Лосского. Наряду с трудами прот. Г. Флоровского, прот. И. Мейендорфа, архим. К. Керна, работы Лосского послужили началом «освобождения из пленения» схоластической программы западного богословия, усвоенной академическим богословием Русской православной церкви в XVIII–XIX вв.

В своей книге «Очерк мистического богословия Восточной церкви», первая глава которой посвящена анализу отношений богословия и мистики в преданиях Восточной церкви, Лосский вполне определенно написал: «В известном смысле всякое богословие мистично, поскольку оно являет Божественную тайну, данную Откровением». Развивая свою мысль, он отмечал, что мистику часто «противополагают богословию как область, недоступную познанию, как неизреченную тайну, сокровенную глубину, как то, что может быть, скорее, пережито, чем познано, чем то, что, скорее, поддается особому опыту, превосходящему наши способности суждения, чем какому-либо восприятию наших чувств или нашего разума». Самое главное, как подчеркивал Лосский, мистичность исихазма вовсе не идет в разрез с традицией православной Церкви, наоборот, «богословие и мистика отнюдь не противопологаются; напротив, они под-

держивают и дополняют друг друга. Первое невозможно без второй: если мистический опыт есть личностное проявление веры, то богословие есть общее выражение того, что может быть опытно познано каждым» [5]. Иначе говоря, догмат, выражающий богооткровенную истину, лично переживается человеком, ведя его к изменению ума, внутреннему преобразованию, способности обрести опыт единения с Богом, – это и есть мистика в своем первом главном значении. По сути дела, христианское богословие является средством, совокупностью знаний, служащих той цели, «которая превосходит все знания», – соединению с Богом, или «обожению», о котором говорят восточные отцы и представители исихазма.

Таким образом, можно сказать, что вся православная традиция была мистико-аскетической, а ее ядром – исихастский опыт. Это подтверждали и историки Церкви, отмечавшие, что в своих постулатах Г. Палама опирался на истины традиционного церковного богословия, основывался на Божественном откровении в Священном Писании, на решениях Соборов и творениях отцов Церкви, поэтому его идеи глубоко укоренены в традиции.

По признанию И.М. Концевича, излагая свою концепцию исихазма, св. Григорий Палама постоянно говорил о новых отношениях между Богом и людьми. Эти новые отношения заключались главным образом в том, что человеку дано жить общей жизнью с Богом, соединиться с ним, «оживиться». Здесь он придерживался древней традиции. Для Паламы «обожение» означает личную встречу с Богом. Это общение человека с Богом, при котором Божественное присутствие как бы пронизывает всю полноту человеческого существования. Недостижимый Бог

открывается человеку в своих энергиях. Палама учил, что «обожение» человека возможно благодаря Божественным энергиям, которые вызывают в человеке ответное действие – синергию (греч., соработничество). Спасение – не только прощение, а подлинное обновление человека, которое, по мысли св. Григория, достигается не механически, не в силу одного только внешнего воздействия благодати, но путем долгой борьбы со страстями, очищением себя, приготовлением своего естества к восприятию Божественной энергии. Присущие исихазму идеи и устремления прослеживаются в творениях отцов Церкви первого тысячелетия. Они в дальнейшем оказали огромное влияние и на духовную жизнь Русской православной церкви: видением Фаворского света, верой в реальность богообщения и «обожения» человека проникнуты иконопись Андрея Рублева, деяния Сергия Радонежского, поучения Нила Сорского, Паисия Величковского, Серафима Саровского, старцев Оптиной пустыни.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Филос. энцикл. словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. С. 376.
- [2] *Мейендорф И.* Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей XIV в. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/m/meyendrf/vmr_13.html.
- [3] *Концевич И. М.* Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: http://www.hesychasm.ru/library/kontsevich/pn_0.htm.
- [4] *Палама Г.* Триады в защиту священно-безмолствующих [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/acts/14/2/palama_11.htm.
- [5] *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/vlossky/index.html>.

ВЕЧНОЕ И БЕСКОНЕЧНОЕ КАК ДВЕ СХЕМЫ ОНТОЛОГИИ У ШЕЛЛИНГА

Освещается концепция Шеллинга, где вечное основано на тетраде, а бесконечное – на триаде, это две разные диалектические схемы. Первый тип Шеллинг называет своим, а второй приписывает Гегелю, по его мнению, исказившему его схему.

Ключевые слова: вечное, бесконечное, тетрада, триада, первосинтез, тезис, антитезис.

Шеллинг говорит, что главным предметом философии является анализ времени. Он разводит время Бога как принцип и время человека, как место реализации этого принципа. «Время принципа времени еще не является действительным временем, скорее наоборот, оно есть негация действительного времени, не-время, собственно вечность» [1, с. 296]. Принцип времени кладет принцип конструирования, это бытие и инобытие. Принцип времени означает совпадение схем времени Бога и человечества.

Времена Бога зависят от состояния Бога относительно мира, до, в и после творения: «Три представленных времени – время замкнутости, творения и вечности – суть χρόνοι αἰώνιοι: выражение, которое можно перевести и как вечные времена, чтобы именем “вечные” подчеркнуть противоположность относительным временам этого мира, – и как мировые времена в соответствии с этим три времени суть мировые эпохи, а система этих трех времен – система мировых эпох» [1, с. 301].

Шеллинг так определяет три времени Бога: «В этих временах заключено тройное отношение: во-первых, отец в исключительном владении бытием; во-вторых, подчиненность бытия сыну – это время последовательного преодоления; наконец, в-третьих, время окончательного преодоления, время, вновь приведенное к свободе, – это время будущего, т. е. завершения времени, и это – время духа» [1, с. 301].

Тремя временами Бога, связанными с тремя ипостасями, Шеллинг и заканчивает лекции. Принцип времени оказывается тождественен потенциам развития Бога и мира. Сам Шеллинг оценивает концепцию времени как закон свободного творчества.

Таким образом, принцип времени означает, что тройственность как время Бога положено как вечное время, имеет ту же схему, что и время мира, действительное время. Только в Боге время дано как вечное, одновременное, а в мире – как последовательное. Тут можно вспомнить кантовское определение модальности во времени. Субстанция – это, по Канту, то, что не меняется во времени. Второй тип модальности: причинно-следственная связь, в данном случае причина предшествует следствию, но не так, что раньше по времени, а так: если появляется причина – неизбежно появится и следствие. Третий тип модальности у Канта – взаимодействие: то, что сосуществует в одном времени.

Применяя принцип времени, можно перевести эти категории в понимание Бога. Бог бы понимал время так, что существуют одновременно все три типа модальности, все три типа отношения, все три типа количества и качества. Человеческий рассудок ограничен, поэтому человек мыслит только по одной из схем категорий либо разными поочередно. Следовательно, понимание и выводы Бога человек может воспроизводить только после освоения категорий и правильного их чередования. Принцип конструирования в форме принципа

времени тут выступает как образец, к которому должен стремиться рассудок человека. Шеллинг пытается решить вопрос, который перед индивидуальностью ставил Фихте: как индивидуальность может воспроизводить божественное и всеобщее в своем единичном существовании?

Вспомним представление Лейбница о свободе человека и бесконечности монады. Лейбниц считал, что бесконечность времени мы можем представить как ряд в прошлое или как ряд в будущее. Но эти бесконечности ограничены, если мы не представим себе бесконечное настоящее время. Оно возможно как пространство возможности. Настоящее дано нам как бесконечный по потенциальности пласт возможности, который делает бесконечным не прошлое и не будущее, а настоящее время. Свобода же человека возможна только через понимание бесконечности настоящего. Только бегство от этой свободы порождает бесконечность в другом времени. Но при стремлении к этой бесконечности человек раскрывает в себе самом бесконечность.

Согласно концепции Шеллинга, существенным моментом бесконечности Бога является также зависимость творца от творения. Например, при производстве машины человек зависит от нее: чем совершеннее машина, тем больше зависимость, что равносильно зависимости творца от творения. В то же время машина также зависит от человека, он ее производит, без него она теряет смысл и не работает. Творение остается зависимым от творца. Этот способ творения всегда нацелен только на пользу, но не на истину. Это способ порождения бесконечного мира человеком, или мира заботы. Иной способ перед философией раскрывает религия, в которой Бог, сотворивший человека, не зависит от человека, так же как и человек не зависит от Бога. Примером такого типа творения можно принять семью и творение ребенка. Дети по мере развития становятся все более самостоятельными, и родитель также освобождается. Это творение вечного. Вечное присуще Богу и религии. Шеллинг считает, что гегелевская схема триады соответствует творению мира по принципу бесконечности, а творение мира по принципу вечности, которое он пытается найти в своем синтезе философии и религии, соответствует природе человека и божественному и имеет схему не триады, а тетрады.

Принцип конструирования Шеллинга – это земное отражение принципа времени. Конструирование человек может осуществлять двумя способами – по методу триады и тетрады.

Шеллинг противопоставляет широко известной триаде Гегеля (тезис, антитезис, синтез) свою схему тетрады: первичный,

или темный, вне сознания, синтез, тезис, антитезис, ясный синтез. В этом случае возникает тождество начального и конечного, которое становится необходимым элементом вечного как иного типа синтеза.

Первичный синтез тут означает синтез бесконечного и свободного развертывания человеческой природы. Он не осознается, но уже существует в человеке. Это то самое бесконечное настоящее. Из него человек черпает тезис, который в сознании изначально не охватывает всего синтеза. Он отчасти развивается, но все же остается существенно меньше по объему. Тем не менее появление тезиса есть прогресс. Антитезис появляется в опоре на те части первосинтеза, которые не входят в тезис. Антитезисы не могут объединиться ни между собой, ни с тезисом, они исходно критичны и отталкиваются от тезиса и синтеза. Следовательно, если и происходит развитие, то на стороне тезиса, который переживает метаморфозы и увеличивается включением моментов первосинтеза, выявленных антитезисами. Наконец, появляется второй синтез, который уже в сознании проявляет все, что было в темном синтезе.

Отметим, что такой тип развития Шеллинг увидел в развитии религии и духовной составляющей человека, или, говоря словами Гегеля, в самосознании человека. Между тем триада есть логика развития предметного мышления, которое идет по пути бесконечного развития, или по пути дурной бесконечности, где зависимость творца означает не приобретение, а утрату свободы.

Гегель в своей «Феноменологии духа» пытается изобразить развитие человечества как взаиморазвитие предметного сознания и самосознания и рисует эту картину как основание тождества мышления и бытия. Он подчеркивает свою принадлежность к учению Шеллинга, который в своих поздних лекциях говорит, что Гегель его совершенно не понял, и его идея тетрады является показательным примером этого.

Можно обобщить разницу позиций Шеллинга и Гегеля с позиции первого как сопоставление творения вечного и бесконечного. Этот контекст становится главным лейтмотивом борьбы Шеллинга против учения Гегеля, и затем от него происходят многие возражения и попытки отхода от гегелевской системы и метода. В итоге проблему можно зафиксировать как разное осмысление времени бытия человека.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Шеллинг Ф. В. Й. Система мировых эпох: мюнхенские лекции 1827–1828 гг. в записи Эрнста Ласо. Томск: Водолей, 1999. 320 с.

УДК 1

К.В. Василюк

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ СРАВНЕНИЯ ТИПОВ РАЗВИТИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Введение Хабермасом принципа коммуникативного действия позволяет сопоставить два пути развития: западный, основанный на тимосе, и восточный, основанный на традиции и ее совершенствовании. В начале дела целесообразнее первый путь, в развитии и оптимизации – второй. Это ставит задачу поиска деятельностного и коммуникативного синтеза, для чего необходим анализ структур путей развития, в том числе в формах их коммуникации.

Ключевые слова: тимос, путь совершенствования, конкуренция, солидарность.

Современное общество все еще строится на стремлении к власти и лидерству. Френсис Фукуяма называет это стремление тимосом и утверждает, что вся история западного мира строится на этом мотиве. Однако в XX в. он ослабевает [1], что и приводит к кризису западной цивилизации, утрате ею мирового лидерства. Альтернатива тимосу как стержню мотивации западного человека пока не предложена. Например, в практике рекламы господствует мнение, что лучше быть первым, чем быть лучше, поэтому лучше создавать свое авторское, нежели совершенствоваться, лучше занимать нишу новации, чем оптимизировать имеющееся. Западный путь – путь тимоса и героя, стремящегося к авторству, лидерству, подтверждению личной значимости. Альтернативой ему является путь совершенствования, характерный для восточного, прежде всего китайского и японского, человека. Возможно, пришло время Западу учиться у Востока. Опыт заимствования Америкой японских методов управления имеет длительную историю. Например, систему пожизненного найма американцы не могут позаимствовать, ибо она расходится с индивидуалистическим выбором собственной судьбы, но эта система на почве Америки породила направление когнитивного и корпоративного менеджмента, когда ставится задача увлечь работника оставаться после работы и «гореть» проблемами фирмы, быть проводником ее стандартов и бренда и т. п.

Реклама может стать материалом сопоставления пути тимоса и пути совершенствования, моделью их трансформации при переносе с Востока на Запад. Ее успешность является критерием эффективности и целесообразности этого заимствования. В рекламной коммуникации отношение путей определяется не только желанием хозяина и производителя, но и предпочтением покупателя и потребителя. Отметим, что на Востоке существенно иное распределение этих желаний, там второе важнее, и лидерство является побочным результатом самосовершенствования и оптимизации. В этом смысле между Западом и Востоком есть некое разделение функций. Запад изобретает и стремится к авторству, тем самым членится, причем в индивидуалистической манере, а Восток применяет и совершенствует, но при этом интегрируется.

Юрген Хабермас произвел революцию в понимании онтологии субъекта, предложив, что стратегии создания метафизических систем продолжают в позиции познающего субъекта, который рассматривает предмет вообще, как тот есть сам по себе, и это отношение переносится на отношения между людьми. У Хабермаса смена этого познавательного отношения означает появление третьего лица как наб-

людателя. В познании субъект есть первое лицо, а объект – второе. Появление наблюдателя означает появление конкретных правил общения и понимания другого без предварительного выстраивания его стратегии. На место стратегии познания как просчитывания объекта приходит эмпирическая стратегия закрепления удачных поступков.

В этом контексте путь тимоса предполагает вход на рынок через сознание потребителя и вторжение в его восприятие. Главным в маркетинге оказывается качество модели сознания клиента: чем точнее модель, тем надежнее результат. При этом происходит коммуникация конкурентного типа. Именно конкуренция, борьба за лидерство ускоряет развитие брендов и знаний. Более того, удачный бренд стремится к максимальному расширению, словно он один в мире.

Восточный путь не всегда противоположен тимосу, но он полагается на невозможность познания всех аспектов и делает акцент не на лидере, знающем, чего он добивается, а на традиции, на повторение интуитивно найденного состояния успеха. Модель оказывается все сложнее и неэкономной для использования. Лучше помогать конкуренту, который становится соседом, и тогда максимальное расширение, разрушающее соседа, приводит к разрушению собственного благополучия. Тут покупатель и продавец напрямую договариваются о сделке, что предполагает обратную связь. Эти переговоры несут еще и корпоративную связь. В современном магазине цена опосредует эту коммуникацию, в супермаркетах исчезают даже продавцы. Но второй путь делает возможным ценностную солидарность и объединение как потребителей с потребителями, так и потребителей с производителями. Между людьми возникают устойчивые отношения иного типа, причем нетрадиционного для экономической среды, помимо классовых и функциональных различий. Для их анализа скорее необходима коммуникационная теория, а их конструирование требует учета именно правил складывания сообществ иного, нежели в экономике, типа. Здесь «участники интеракции предстают теперь не создателями, которые с помощью соответствующих действий преодолевают ситуацию, а порождением традиций» [2].

Итак, первый путь тимоса порождает экономическую борьбу всех против всех, второй путь – солидарность и отношения неэкономического типа. В первом случае преобладает разделение игроков и отде-

ление ими своих сфер действия, во втором, наоборот, – солидарность и объединение. Отметим, что для нового дела, пожалуй, эффективнее первая стратегия, она прорывна, но в отношении успешности и непрерывности развития, а также поиска новых ресурсов и оптимизации. Этим обусловлена общая динамика: в сфере новых разработок и производств целесообразна первая стратегия, а в сфере старого производства – вторая. Следовательно, Запад становится новатором, а Восток – продолжателем эффективного развития.

В этом случае понятно желание отдельных фирм или государств овладеть обеими стратегиями. Искусство же этого овладения состоит в понимании качественного скачка в коммуникативных правилах мышления и поведения. Причем это не просто лавирование между Сциллой и Харибдой, а существенная перестройка методологии, что и требует философского осмысления смены ролей коммуникативных стратегий.

Рассмотрим основные аспекты пространства этого изменения.

В первом случае будущее строится на расширении и захвате, во втором – на сохранении состояния и круговом движении без существенного изменения положения. Следовательно, в первом случае коммуникация направлена на войну и истребление конкурентов, во втором – на солидарность и приветливость.

Первый путь предполагает ароморфоз, естественный отбор, смену лидера и, по существу, непредсказуем, что означает большие общие потери на развитие. Второй путь предполагает планируемое медленное прорастание, возможность гармоничного развития всех сторон жизни и действия. Первый путь включает блеф, риск, проект, неопределенность, проявляющиеся в неполноте знания и коммуникации. Второй означает прозрачность на базе повторения и понимание другого на высоком уровне, как это и существует в традиции.

Первый путь предполагает учебу у лидера и затем рывок, чтобы его обогнать. Со стороны лидера этому препятствует тайна успеха, авторское право, защищающее в основном старого лидера, новый же должен исхитряться в коммуникации для раскрытия тайны. Второй – не предполагает никакой тайны, построен на правде и очевидности как на принципиальном повторе того, что уже было. Можно сказать, что в этом случае преобладает коммуникация с прошлым как с посредником. В первом

случае также есть третий собеседник, но он потаен, он провокационного, скрытого типа, как туз в рукаве.

В тимосе имманентно предполагается миссия, означающая будущий слом того, что есть в настоящее время, при этом человек вовсе не неудовлетворен тем, что есть, скорее наоборот, он готов отказаться от хорошего, чтобы получить лучшее. Это предполагает переменчивость чувств и общение в стиле противоречивости с самим собой. При этом реализация проекта миссии означает также и ее понимание, и понимание себя.

В пути совершенствования себя понимать не надо, так как «Я» понимается как повторение предков. Человек гораздо более устойчив и традиционен, он дорожит тем, что имеет, и вряд ли способен отказываться от этого. В целом можно сказать, что общая динамика первой стратегии предполагает дивергенцию

всех и вся, аналитическое разделение понятий и позиций в коммуникации, во второй стратегии преобладает конвергенция и попытки возвращения и объединения состояний и положений.

Реклама является наглядным материалом сопоставления двух путей. Рекламная коммуникация отражает пути в своей собственной структуре. Более того, она отражает способы синтеза этих путей, показывает целесообразность использования первого пути на начальной стадии развития фирмы и эффективность второго в последующем ее совершенствовании.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2005. С. 304.
- [2] Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир, 2008. С. 309–310.

УДК 94

В.М. Вивчар

**«ЗАПАДНО-РУССИСТСКОЕ» ПОНИМАНИЕ
БРЕСТСКОЙ УНИИ М.О. КОЯЛОВИЧА**

Анализируются взгляды лидера «западно-руссизма» М.О. Кояловича на развитие унионных процессов в русинских землях XIV–XVIII вв.

Ключевые слова: имперская историография, М.О. Коялович, Брестская уния, белорусский национализм.

К середине XIX столетия белорусская нация еще находилась в формирующемся состоянии. Белорусы, не имевшие собственного дворянства и представленные в основном крестьянским населением, к середине века никаких национальных требований даже на уровне интеллектуальных элит не выдвигали. Более того, в среде интеллигенции белорусского происхождения зародилось такое сложное явление, как «западно-руссизм». Близкое к правительственной идеологии о триединой «большой русской нации» и славянофильству, он стал вариантом российской точки зрения на белорусские земли, противопоставленной сформировавшемуся в ходе восстаний XIX в. польскому взгляду на прошлое и будущее этих территорий [1]. Монархически настроенные «западно-руссисты» утверждали, что три «племени» – великороссы, белорусы и малороссы – составляют единый «русский народ», сущностным свойством которого считали православную веру. Это, впрочем, соответствовало широко распространенному в XIX в. пониманию тождественности восточнославянских народов.

В имперской государственности России «западно-руссисты» видели защиту от польского национализма, с которым самостоятельно «Западная Россия» (в особенности Белоруссия), по их мнению, совладать не могла. «Западно-руссисты» настаивали на использовании белорусами русского литературного языка: не пренебрегая собственной «мовой», они опасались ее привлечения для обоснования губительного сепаратизма [2]. Однако представители движения подчеркивали важность участия белорусского крестьянства и православного духовенства в административной жизни региона.

«Западно-руссистское» движение получило большую политическую поддержку администрации Виленского учебного округа в годы реализации деполонизаторской «системы» генерал-губернатора А. Муравьева [3]. Необходимое теоретическое обоснование это мировоззрение нашло в трудах М.О. Кояловича, основавшего собственную историческую школу в Петербургской духовной академии. В 1870-х гг. после корректировки политики в польском вопросе движение стало переживать определенный спад, однако идеи М.О. Кояловича были продолжены в работах его учеников-земляков П.Н. Жуковича, К.В. Харламповича и др. Важно, что консервативная белорусская интеллигенция в сословном смысле происходила большей частью из среды православного (бывшего униатского) духовенства. Отсюда закономерный интерес этих историков к прошлому русинской православной церкви, что подтверждается тематикой трудов представителей этого направления.

Говоря о некоторых историографических оценках данного течения общественной мысли, которое находится в проблемном поле современной белорусской исторической науки, укажем на следующие

моменты. Как известно, российский историк А. Миллер привлек для изучения украинского национализма сложившиеся в зарубежной науке подходы (Э. Хобсбаум, К. Вердери), рассматривающие национализм на этапе его формирования как соперничество альтернативных интерпретаций [4]. Часть современной белорусской историографии (А. Киселев, А.Ю. Бендин, В.А. Теплова) использует те же подходы к анализу развития белорусского национализма. Они характеризуют «западно-руссизм» как вариант национального движения, ориентированного на отстаивание «белорусских интересов в контексте символа... “общерусской нации”» [5]. С точки зрения этих настроенных пророссийски авторов, поддержка «западно-руссистами» официальной деполонизации белорусского крестьянства и изучение белорусской этнографии способствовали белорусскому культурно-национальному «возрождению». Эти исследователи выступают против советского (В. Щербаков, Е. Корнейчик) [6] и новейшего белорусского националистического (С.В. Морозова, Н. Сташкевич, В. Козляков) взгляда [7] на представителей движения как на «великодержавных шовинистов» или «местных ренегатов». Между тем ряд ученых, не отрицая полезности «западно-руссистской» активности для «белорусского культурного накопления», считают его «неожиданным», «побочным результатом» (П. Терешкович, В. Булгаков, А. Смоленчук) [8]. Несмотря на большое внимание в белорусской науке к «западно-руссизму», по сей день единственной специальной монографией по теме является труд А. Цвикевича, впервые изданный еще в 20-е гг. XX в. [9].

Несмотря на существенную разницу в трактовках русско-польских, а также русско-белорусских отношений периода империи в трудах современных российских и белорусских историков, общим для них является признание соответствия «западно-руссистских» идей официальной идеологии, что вело во второй половине XIX в. к поддержке их усилий правительственной пропагандой. Цель данной статьи – через анализ исторической концепции униатства М.О. Кояловича установить значение религиозных вопросов в возникновении и эволюции идеологии «западно-руссизма».

Историк и публицист Михаил Осипович Коялович (1828–1891) [10], ставший по окончании столичной духовной академии лидером либерального направления «западно-руссизма», начал изучать «коренные принципы» истории «Западной России»¹ еще в студенческие годы. Ученый активно

участвовал в публикации архивных документов об исторической связи «западно-русских» территорий с Россией [11], читал публичные лекции по истории западных губерний петербургскому высшему свету [12]. Эти «Чтения», выдержавшие несколько изданий, являлись публицистическим памфлетом, направленным против поляков и их притязаний на бывшие «польские кресы» (окраины). В завершение «Чтений» он подчеркивал, что «западно-русссы» при первой возможности «возсоединились» (здесь и далее в цитатах сохранена орфография первоисточника) с православной Церковью после разделов Речи Посполитой и Полоцкого собора 1839 г. «Это – беспримерное явление в истории! <...> Так мгновенно не совершаются крупные факты путем насилий, приказов», – говорил историк [13].

Выступления М.О. Кояловича содействовали закреплению официального понимания «русского народа», а также изживанию представления о русинских губерниях как «бывших польских». Однозначно идентифицируя национальность с конфессией (православный = русский, католик = поляк), автор заявлял, что польская цивилизация угрожала исконному характеру «западно-русссов», полагая спасением максимально тесное сближение с великороссами, но это не означало, что он призывал к «русификации» в смысле ассимиляции. Автор считал необходимым сохранение известной этно-лингвистической особенности «западно-русссов», хотя и не допускал самостоятельного государственного существования белорусов. Это во многом было следствием современного уровня национального развития белорусов и лингвистической науки того времени. По словам самого лектора, «историческая правда Западной России... заключается в том, что это – страна русская в самых своих корнях...» [14].

Как публицист М.О. Коялович одновременно выступил с целым рядом статей в славянофильской газете «День» и журналах «Русский инвалид» и «Гражданин», а позднее, в 1870-е гг., в «Церковном вестнике» и другой периодике. Лейтмотивом всех его статей было доказательство необходимости более тесного сплочения Западного края с центром России, пылкие слова в защиту «русского» края от поляков и католичества [15].

Антипольские взгляды ученого, на наш взгляд, объясняются тем, что он родился в семье белорусского униатского священника, «воссоединившегося» с православием и на себе испытывавшего давление со стороны преобладавшего католического окружения. В его детские годы уния, существовавшая в Северо-Западном крае, стояла перед вы-

бором между православным или католическим будущим; затем произошли польское восстание 1830–1831 гг. и усилилась деполонизаторская политика правительства Николая I, частью которой стала и ликвидация унии в 1839 г. Его же литературная и преподавательская деятельность началась незадолго до начала нового польского восстания, после которого вновь ужесточилась правительственная политика в «польском вопросе».

«Западно-руссистские» взгляды ученого нашли свое воплощение не только в публицистике, но и в его научных работах, многие из которых посвящены Брестской унии. Особое место среди них занимает его магистерская диссертация, ставшая первым специальным исследованием по теме и оказавшая огромное влияние на последующую историографию [16]. Предваряя этот труд источниково-историографической статьей [17], историк доказывал продуктивность изучения полемических, в том числе и иезуитских, сочинений. В свете этих материалов, по мысли автора, история унии предстает уже не в виде «картины страданий», но как «картина словесного, ученого спора» [18]. Характеризуя степень изученности вопроса, он отмечал, что немногочисленность специальных работ объясняется сложностью темы как в источниковом (разбросанность документов между удаленными архивами), так и в методикокритическом (влияние конфессиональной принадлежности авторов) плане. Своей задачей он поставил пересмотр долгое время бытовавшего мнения о причинах складывания церковной унии конца XVI в., когда сама уния, представленная либо «прихоть» порочных «западно-русских» иерархов, либо «легким и скорым замыслом» иезуитов, «делается совершенно непонятной» [19]. Общее содержание данной диссертации можно представить следующим образом: сперва рассмотрение зарождения «проекта» унии и его реализации в «Литовско-Русских областях», далее анализ распространения униатства вширь и «латинизации» вглубь.

В основе своей исторической концепции М.О. Коялович положил следующие основные тезисы. В полном соответствии с идеологией западно-руссизма он стремился подчеркнуть самостоятельность и «коренную» специфику Брестской «литовской» унии по сравнению с Флорентийской. Изучаемый феномен он представлял порождением длительных взаимоотношений польско-католического и русско-православного мира, сталкивавшихся на русинских территориях [20]. Называя Литовскую унию «антиисторич-

ной» по своей сути, историк, тем не менее, не считает ее «событием случайным», так как она прививалась поляками «русско-литовскому народу» из государственных соображений начиная с XIV в. сперва «униями гражданскими» и лишь позднее – религиозными, а далее она поддерживалась, с одной стороны, гонениями на православие, а с другой – намеренным формированием «беспорядков» в православной Церкви. Во второй половине XVI в. и то, и другое делалось под руководством иезуитов. Таким образом, взяв на вооружение закрепившееся к его времени мнение об иезуитско-польском характере униатства, Коялович стремился сделать идею унии старше и придать ей характер этноцивилизационных противоречий. Согласно его выводам, унии благоприятствовало также относительное равнодушие к религии собственно литовцев: прибалтийские язычники добровольно принимали православие, потом их насильственно крестили в католичество немецкие рыцари и польско-литовские власти, затем с подачи аристократов распространился модный протестантизм и т. д. [21].

М.О. Коялович старался показать, что не следует выводить унию из церковных «беспорядков», указывая, что в православной «литовско-русской» церкви конца XVI в. наблюдалось и обратное позитивное движение. Встречаются заботы «подлинных патронов» о церкви, деятельность многочисленных иноков при дворцах вельмож, деятельность городских братств и т. д. [22]. Тем не менее самому кризису он уделил большое внимание. Историк полагал, что для «исправления зла» существовали альтернативные пути: либо совместными усилиями духовенства и мирян, либо путем унии, предложенной иерархией и иезуитами [23].

Проанализировав непростые жизненные обстоятельства русинских владык в это время, он показал, что именно последние вынудили архиереев изменить православие. Высоко оценивая главных деятелей унии (особенно И. Потюя), историк выдвинул полемичный тезис о том, что не стоит преувеличивать порочность тогдашней иерархии [24], которая искала в унии не только привилегии, но также освобождения от чрезмерного произвола мирян [25]. По словам М.О. Кояловича, сложившимся положением успешно воспользовались иезуиты. Вообще, он находил участие иезуитов в каждой политической акции если не по современным документам, то из общего «хода дел» и более поздних источников.

Рассматривая порожденную Брестской унией литературную полемику, ис-

торик стремился подчеркнуть, с одной стороны, различное «настроение умов» поляков и «природных Литвинов», а с другой – был убежден в том, что два Брестских собора 1596 г. являли собой «две половины литовско-русского народа». Таким образом, он подходил к идее о расколе «западно-русского» общества после принятия унии.

Показывая другие проявления порожденной униатством социальной конфликтности, он отмечал, что в каждом конкретном месте исход противостояния вер зависел от множества «случайных обстоятельств». Продолжая эту тему, исследователь определил тенденцию демократизации общественных сил, участвовавших в этом религиозном противостоянии: сначала аристократия, затем мещане и, наконец, казаки и крестьяне. Причем одновременно это противоборство, выбиваясь из конституционного русла, все более «врезывается в колею насилия» [26]. Но деятельность братств и выступления престолюдинов привели и к негативным последствиям – отходу местной аристократии от защиты православия [27].

В развитии униатской церкви (XVII–XVIII вв.) М.О. Коялович выделял две тенденции: увеличение числа прихожан и неизбежную «латинизацию». Здесь важно его наблюдение: распространение униатской церкви в условиях польского «политического склада» происходило как насильем, так убеждением (сеймы, сенат, суды) [28]. И данный политический режим оказался весьма дорог для православных дворян, которые во имя его сохранения оказались готовы на «слитие» различных конфессий, на любые «унии» с королем и иезуитами. Но говорить о формировании реальной веротерпимости не приходится. Препградой этому стали противоречивость интересов католической Польши и православной России, а также сохранение важнейших управленческих рычагов в руках «латинской партии». При этом М.О. Коялович отметил, что трагической ошибкой польских властей стало стремление соединить интересы религии и политики (при Сигизмунде III), когда же придет понимание необходимости их разделения (при Владиславе и Яне Казимире), этому уже воспротивятся и католическое, и православное общества [29].

По поводу результатов осуществленных митрополитом Петром Могилой схоластических реформ историк указывал, что в первое время эти преобразования увеличили силы просвещения, однако в дальнейшей перспективе в «западно-русской» полемической литературе произошло «оскуднение содержания» и «гос-

подство внешних форм» [30]. Вместе с «латинской формой» в православное богословие, по мнению автора, проникла и «латинская мысль», а сходство с «латинством» было чревато для «Литовско-Русского народа» сближением с Польшей, что особенно сказалось на малороссийском дворянстве и высшем духовенстве. Значительная часть последнего, стремившаяся в 1670–1680-е гг. к независимости от Московского патриарха, все более сближалась с Польшей и унией. Очерчивая события последней четверти XVII в., происходившие в польской части Малороссии, он отметил новый всплеск католического фанатизма и усиление чрезвычайных мер по распространению унии [31], которая к XVIII в., по мнению историка, уже почти не отличалась от «латинства», и ее история закономерно должна была завершиться либо полным слиянием с католичеством, либо «возвращением» к православию.

Один из итоговых выводов автора относительно унии был следующим: «Опустошительным ураганом прошла она по всем странам литовско-русским и везде оставила развалины древняго, обширнаго здания... Слишком столетие трудилась Униятская Церковь для своего распространения, а латинство пожинало плоды ея трудов. Униятская Церковь была наемницею латинской, работою, не знающею ни отдыха, ни сладости труда» [32]. Так было, по словам знаменитого «западно-русса», до тех пор, пока польское правительство не решило, что пришла пора уже заменить унию «чистым латинством». Привлекая также эмоциональные аргументы, он сравнивал польское миссионерство с католической агрессией немецких рыцарей, а положение русинских крестьян в польских имениях приравнивал к статусу «негров Южных штатов Америки». Самое убедительное доказательство бесперспективности униатства он видел в том, что оно закончилось «возобновлением в западной России и православной веры, и русской народности» [33].

Итак, труды лидера «западно-руссизма» М.О. Кояловича о церковной унии стали крупным событием в историографии этой проблемы. Несмотря на несколько наивный авторский антиполонизм и антикатолицизм, обусловленные всплеском польского национализма середины XIX в., проблема впервые была изучена на широкой архивной базе с рассмотрением как общих, так и конкретных вопросов. Важно, что сложившаяся ранее отрывочная православная концепция Брестской унии получила у М.О. Кояловича развитие в нескольких направлениях. И хотя роль иезуитов и степень агрессив-

ности польского правительства и многочисленных магнатов представлены в гротескной форме, автору удалось выйти на уровень более серьезного обобщения. В его концепции учитывалась не только деятельность отдельных лиц, но и взаимодействия цивилизационных процессов в русинских землях, содействовавших складыванию предпосылок и для церковного синтеза. Таким образом, несмотря на всю свою публицистичность и пророссийский категориальный аппарат, автор рассмотрел проблему относительно взвешенно и с должным вниманием отнесся к этническим особенностям «западно-руссос» вне зависимости от их униатского или православного вероисповедания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кстати, он считается автором данного термина, в широком смысле, включавшем все белорусские и малороссийские земли.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Горизонтов Л. Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 129–151.
- [2] *Трещенок Я. И.* Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея) [Электронный ресурс]. URL: <http://sobor.by/zametki.php> (дата обращения: 07.03.11).
- [3] См. об этом: *Западные окраины Российской империи* / под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М., 2006. С. 211–220.
- [4] *Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000; *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
- [5] *Бендин А. Ю.* Граф М. Н. Муравьев Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е гг. XIX в. // *Исторический поиск Беларуси.* Минск, 2006. С. 53–77; *Киселев А.* Западнорусизм как белорусское национальное движение [Электронный ресурс]. URL: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/81-2010-08-02-14-36-53.html> (дата обращения: 12.05.11); *Теплова В. А.* Церковная история Беларуси в трудах отечественных историков XIX – начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://sobor.by/teplova.htm> (дата обращения: 15.05.11).
- [6] *Шчарбакоў В.* Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі. Гістарыяграфічныя нарысы. Мінск, 1934; *Карнейчык Я. І.* Беларуская нацыя. Гістарычны нарыс. Мінск, 1969.
- [7] *Маразава С.* Уніяцкая царква у культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596–1839). Гродна, 1996; *Ее же.* Берасцейская царкоўная унія 1596 г. у беларускай гістарыяграфіі. Гродна, 2002; *Сташкевич Н., Козляков В.* Исторический путь белорусского народа // *Беларуская думка.* 2003. № 10. С. 3–13.
- [8] *Смалянчук А.* Да пытання аб ролі палітычнай ідэалогіі ў развіцці беларускага нацыянальнага руху ў 19 – пачатку 20 ст. // *Гістарычны альманах.* 1999. Т. 2. С. 3–13; *Терешкович П. В.* Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004; *Булгаков В.* История белорусского национализма. Вильнюс, 2006.
- [9] *Цьвікевіч А.* «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі у XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993.
- [10] *Гальмов И.* Памяти Михаила Иосифовича Кояловича. СПб., 1891; *Коялович М.О.* // *Русский биографический словарь* / под ред. А. А. Половцева. Т. 9. СПб., 1903. С. 395–397; *Черепица В. Н.* Михаил Осипович Коялович: история жизни и творчества. Гродно, 1998; *Шикло А.Е.* Коялович Михаил Осипович // *Историки России: биографии* / сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001. С. 223–228.
- [11] Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношения к России и к Польше / собрал документы и сост. исследование М. О. Коялович; пер. на фр. яз. В. Поливанова, Л. Бросье. Текст парал. рус., фр. СПб., 1865.
- [12] *Коялович М. О.* Чтения о церковных западнорусских братствах. Чит. весной текущего 1862 г. в небольшом обществе в Санкт-Петербурге. М., 1862; *Его же.* Чтения по истории Западной России. 4-е изд. СПб., 1884 (1-е изд. // *День.* 1964. № 14–29); *Его же.* Лекции по истории Западной России. М., 1864.
- [13] *Коялович М.О.* Чтения по истории Западной России. С. 306.
- [14] Там же. С. 333.
- [15] См. напр.: *Коялович М.О.* Ответ газете «Le Monde», усиливающейся доказывать, что наше русское мнение об Иосифате Кунцевиче несправедливо. СПб., 1865; *Его же.* Глумление над русским и православным делом в Западной России: три письма об этом проф. М.О. Кояловича. СПб., 1880; *Его же.* Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности. СПб., 1883.
- [16] *Коялович М.О.* Литовская церковная уния. Т. 1. СПб, 1859; Т. 2. СПб., 1861.
- [17] *Коялович М.О.* Замечания об источниках Литовской церковной унии // *Христианское чтение.* 1858. № 2. С. 339–390.
- [18] *Коялович М.О.* Замечания об источниках для истории Литовской церковной унии // *Коялович М.О.* Литовская церковная уния. Т. 1. С. 175–176.
- [19] Там же. С. 222.
- [20] *Коялович М.О.* Литовская церковная уния. Т. 1. С. 166.
- [21] Там же. С. 3–5.
- [22] Там же. С. 55.
- [23] Там же. С. 70.
- [24] Там же. С. 154–155.
- [25] Там же. С. 89.
- [26] Там же. С. 108.
- [27] Там же. С. 88.
- [28] Там же. Т. II. С. 3, 12, 103.
- [29] Там же. С. 167–168, 179, 216–217.
- [30] Там же. С. 189.
- [31] Там же. С. 226.
- [32] Там же. С. 237.
- [33] Там же. С. 246.

**НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ – ОСНОВА ДЛЯ УЧАСТИЯ
ПРАВОСЛАВНОГО КЛИРА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В БЛАГОУСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКИХ КЛАДБИЩ
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Проанализированы законодательные и другие нормативные акты светских и духовных властей по благоустройству сельских кладбищ, предписанные православному клиру, в частности, Томской губернии, для исполнения во второй половине XIX – начале XX в. Установлено, что на причт были возложены обязанности по соблюдению санитарно-гигиенических требований при отпевании и погребении, особенно во время эпидемий, а также при отведении участков для кладбищ и их благоустройстве. После передачи в 1896 г. кладбищ в ведение Святейшего Синода РПЦ отвечала за их содержание до 1918 г.

Ключевые слова: Томская губерния, православный клир, законодательные и другие нормативные акты, благоустройство кладбищ, санитарно-гигиенические нормы, православный обряд погребения.

В отчетах и обзорах второй половины XIX – начала XX в., написанных представителями административных и медицинских органов, а также духовенством, сообщалось о наличии в Томской губернии, как и в иных местностях Сибири, ежегодных очагов эпидемий, существенно сокращавших продолжительность жизни населения, которые принимали характер народного бедствия и требовали экстренных мер.

Эпидемиологическая ситуация в регионах России в исследуемый период зависела от санитарно-гигиенического состояния не только населенных пунктов, дворов, жилищ, колодцев, но и кладбищ. Если говорить о состоянии кладбищ в конце XIX в., уместно привести отрывок из всеподданнейшего отчета о состоянии Черниговской губернии за 1895 г., в котором сообщалось: «Редко где достойное всякого внимания, ухода, охранения и уважения покоище усопших содержится в том состоянии, которого требовало бы религиозное чувство. Устранение пастьбы скота и свиней на могилах, возобновление оград, очистка погоста и расчистка дорожек были повсеместно предписаны к немедленному исполнению... сделано сношение с епархиальным преосвященным относительно воздействия в этом отношении на местных благочинных, протоиереев и священников; вообще замечено, что главная причина плохого содержания кладбищ лежала в отсутствии забот частных лиц о могилах близких им людей и в отсутствии ассигнований на сей предмет со стороны городов. Лучшим двигателем к исправлению этой ошибки должно явиться начавшееся повсеместно усиленное об этом напоминание духовными отцами при церковной проповеди». На полях отчета император Николай II написал: «Это вопрос, касающийся всей России», – и подчеркнул слова «содержание кладбищ» [1, с. 343].

Священно- и церковнослужители в силу своих профессиональных обязанностей (исповедь, причащение болящего и умирающего, отпевание усопшего, обязательное участие в похоронной процессии и погребении, совершение молебнов на кладбищах и пр.) были вовлечены в деятельность по отведению мест для захоронений и их благоустройству. Это участие постепенно, на протяжении XVIII–XIX вв., закрепилось.

лось в нормативных актах как светских, так и духовных властей. Например, во Врачебном уставе, содержащемся в Своде действовавших законов, к 1857 г. были сведены и систематизированы указы, касавшиеся правил устройства кладбищ и погребения умерших, а также определена ответственность за соблюдение этих правил, в том числе и духовенством [2]. Занимаясь изучением роли Русской православной церкви (РПЦ) в развитии санитарно-гигиенической культуры сельского населения Западной Сибири, в частности Томской губернии второй половины XIX – начала XX в., целесообразно изучить нормативные акты о благоустройстве кладбищ, предписанные для исполнения по духовному ведомству.

Цель данной статьи – выявить направления и виды деятельности по благоустройству сельских кладбищ Томской губернии, предписанные православному клиру законодательными и другими нормативными актами для исполнения во второй половине XIX – начале XX в.

В качестве исторических источников используются Врачебный устав из XIII тома «Свода законов Российской империи» (СЗРИ) (издания 1857 и 1912 г.), тематические сборники законодательных актов, относящиеся к ведомству православного исповедания, составленные С.В. Калашниковым [3], А. Завьяловым [1]. Востребованы законоположения и другие нормативные акты правительства и Синода, которые были прямо или косвенно предписаны духовному ведомству, – они опубликованы в еженедельном официальном журнале РПЦ «Церковные ведомости» (ЦВ) и официальном журнале «Томские епархиальные ведомости» (ТЕВ). Кроме того, использованы неопубликованные материалы Государственного архива Томской области: указ Тобольской духовной консистории об учреждении кладбищ на территории Томской губернии и другие документы.

В изучаемую эпоху продолжали действовать светские и церковные нормативные акты, определявшие место и порядок захоронений, которые были приняты задолго до исследуемого периода. Так, по указу Синода от 2 июля 1748 г. умерших предписывалось хоронить на особо отведенных для того кладбищах [3, с. 118], погребение на дому не позволялось (указ от 15 мая 1803 г.). На основании данных законодательных актов Тобольская духовная консистория издает указ от 25 сентября 1809 г., в котором Барнаульскому духовному правлению предписывалось: «Подтвердить строжай-

ше с подписками священно- и церковнослужителям, дабы они отнюдь при церквях умерших не хоронили, а придавали оные земле в учрежденных на то особых кладбищах, для чего духовное правление и просит волостные правления отвести для того места. Где мест для кладбищ при церквях подлежащих не отведено, то ныне же с согласия на то священника в пристойных местах отвести» [4, л. 548, 548об.]. Можно предположить, что данные указы способствовали повсеместному учреждению на территории Томской губернии в начале XIX в. кладбищ при церквях. Например, 3 октября 1809 г. по предписанию земельного управителя Богданова Тутальское волостное правление отвело участки под кладбища, которые приняли: по Кулаковскому приходу – священник Стефан Серебренников, диакон Никифор Попов, пономарь Петр Серебренников; по Иткаринскому приходу – священник Димитрий Недимин, пономарь Егор Дулепов [4, л. 549].

В синодальном указе 1765 г. были определены и санитарные требования к устройству кладбищ: «содержание общим иждивением обывателей, на высоких местах с сухим грунтом позади селений, не ближе $\frac{1}{2}$ версты, огороженных заборами или плетнями, или земляным валом (не выше 2 арш.) и окопанных рвами» [3, с. 118, ст. 698].

Согласно Уставу медицинской полиции, старые кладбища, существовавшие среди селений и по большим дорогам до 13 декабря 1817 г., было «велено переводить оттуда исподволь» и устраивать при построении новых церквей [2, с. 159, ст. 915]. В случае учреждения нового кладбища, старое должно было оставаться неприкосновенным. Запрещалось без особого дозволения вырывать находившиеся на старом кладбище гробы для перенесения их в другие места. Еще в феврале 1766 г. был принят указ, не позволявший на прежних кладбищах возводить постройки, обращать их в пахотное поле или каким-либо другим способом истреблять могилы [2, с. 159, 161–162, ст. 916, 931].

Для устройства новых кладбищ в случае реальной необходимости нужно было получить разрешение губернатора, сделанное «по предварительному обсуждению дела с местным врачебным управлением», а также с епархиальной духовной властью в лице архиерея или духовной консистории (ДК) [5, с. 263, ст. 706, 708; 6; 7 и пр.]. Медицинским департаментом МВД были составлены правила об устройстве кладбищ [8, л. 15, 16об.], предостав-

лявшиеся через ДК приходскому духовенству, которое вместе с представителями врачебной управы и полиции участвовало в отводе мест под кладбища. Важно сказать, что на городские и сельские общества возлагалась обязанность не только содержания кладбищ общим иждивением, но и оплаты прогонных и суточных денег, употребляемых землемерами губернских ведомств при их отводе (СЗРИ. 1892 г. Т. 16, ч. II, ст. 494) [3, с. 231].

Захоронения могли производиться как на кладбищах, так и (в определенных случаях) в церковных оградах сельских храмов. На основании указа Синода от 12 апреля 1833 г. дозволялось «погребать тела протоиереев и священников, честно и беспорочно проходивших свое служение и христиански скончавшихся; что же касается прочих лиц, погребение оных при церквях в селениях допускается сколько возможно реже и не иначе, как по особому разрешению епархиальных архиереев и по самым уважительным причинам, как-то: в благодарность создавшему храм своим иждивением или обеспечившему содержание причта и притом имевшему житие благозаконное и кончину непостыдную» [9, с. 684]. В определении Синода от 25 августа – 22 сентября 1882 г. было сообщено, что Медицинский совет МВД не встретил в санитарном отношении препятствий к дозволению погребать умерших при сельских церквях [9, с. 683].

Нужно отметить, что монастырские кладбища в отличие от городских и сельских являлись собственностью монастырей. Несмотря на это, были введены ограничения на погребение в монастырях, находившихся внутри городов, за исключением лишь тех, где погребение «издавна продолжается с ведома самого правительства и вошло в обычай, на котором основались благочестивые обеты и завещания лиц и семейств; в этих монастырях дозволяется погребать мертвые тела по-прежнему, но с тем, чтобы при том не были упускаемы *узаконенные медицинские предосторожности* (курсив мой. – Е. К.) и чтоб вновь по городам не учреждались кладбища там, где их прежде не было» (статья на основании указов от 24 декабря 1772 г., 16 июня 1838 г., 15 августа 1845 г., ст. 1039, 1041) [2, с. 161].

В Полном своде законов за 1841 г. имеется указ № 14409, предписывавший духовенству заведывание кладбищами, надзор же за их содержанием в добром порядке и попечение о благоустройстве возлагались на церковных старост (Инструкция церковным старостам, § 22). Си-

нод определением от 23 октября 1738 г. способствовал благоустройству кладбищ, разрешив духовенству по возможности из церковных доходов делать расходы на их содержание [3, с. 118]. Улучшению состояния кладбищ между тем способствовало и получение дохода от сдачи кладбищенской территории под сенокос. По Уставу общественного призрения, доходы от кладбищ, в том числе от сенокосения, поступали за удовлетворением всех нужд церкви в пользу епархиального попечительства о бедных духовного звания (СЗРИ. 1892 г. Т. 13. Устав общественного призрения, ст. 506) [3, с. 118].

Духовное ведомство, занимаясь поддержанием порядка на кладбищах, сотрудничало со светскими властями. Так, по указу от 8 февраля 1739 г., на местную полицию и сельское управление возлагалась ответственность следить за тем, чтобы могилы не подвергались разграблению. По определению Синода от 23 мая – 13 июля 1877 г., полиция допускалась к принятию мер против нищенства не только в монастырях и церквях, но и на кладбищах, так как группы нищих ухудшали санитарное состояние последних [10, л. 1–3]. Однако важно сказать, что одной из мер пресечения бродяжничества нищих, способствовавших распространению заразных болезней, по указу от 19 мая 1733 г. было учреждение для их содержания богаделен при православных монастырях [3, с. 176].

Указом Синода от 1 мая 1747 г. священники обязывались провожать тела умерших из их домов до могилы [3, с. 212]. В ст. 921 Врачебного устава издания 1857 г. предписывалось правило, по которому священник не мог уклониться от погребения умершего, если не имел к тому особых законных причин (от 23 ноября 1772 г., 15 августа 1845 г., ст. 1041) [2, с. 160]. Кроме того, кладбищенские священники обязывались наблюдать, чтобы могильщики и служители, присылаемые для погребения умерших от воинских команд и других мест, исполняли с точностью санитарно-гигиенические нормы, прописанные для церемонии погребения. В случае несоблюдения таких норм священники должны были сообщать об этом своему начальству и местной полиции, и виновные подвергались взысканию (от 7 июля 1738 г., 31 марта 1816 г., 9 июля 1844 г., 15 августа 1845 г., ст. 1042) [2, с. 161, ст. 929]. Санитарные нормы при погребении, предписанные еще в начале XVIII в., заключались в следующем: трупы необходимо было «зарывать сколь можно

глубже, так, чтобы глубина ямы была не менее двух с половиной аршин; могилы засыпать землею вровень с местностью» (Высочайшее повеление Синоду от 16 октября 1723 г.) [2, с. 161, ст. 926, 927].

Синод, являясь государственным органом, нормативными актами контролировал соблюдение православных обрядов, в том числе касавшихся отпевания и погребения. Так, в синодальном указе от 28 августа 1862 г. духовенству предписывалось следить, чтобы погребение не допускалось без отпевания. За погребение христиан без совершения надлежащих христианских обрядов в случаях, когда приглашение духовного лица было возможно и не было сопряжено с особыми трудностями, виновные подвергались аресту от трех недель до трех месяцев (Высочайшее утверждение Государственного Совета от 13 мая 1891 г.) [3, с. 210].

Следует сказать, что соблюдение христианских обрядов не мешало работе Медицинского управления на местах. Например, в циркуляре МВД от 15 января 1865 г. имелось предписание, по которому принятие святого таинства перед кончиной не служило препятствием к судебномедицинскому вскрытию [3, с. 212].

В 1896 г. вопрос о благоустройстве кладбищ обсуждался в Гражданском касационном департаменте Сената, и 10 апреля было принято решение о передаче кладбищ попечению духовного ведомства, на которое возлагалась забота об их благоустройстве [11, с. 90–92]. Синодом было поддержано это решение и высказано мнение, что: «1) попечение о содержании кладбищ в благолепном виде является естественным выражением не только уместного, но даже обязательного в христианах чувства уважения к праху предков и вообще ближних...; 2) такое отношение к праху почивших закреплено для православных христиан священным обычаем, свято сохраняемым церковью на протяжении многих веков ее существования, и сему же поучаются они повествуемыми в священных книгах Ветхого и Нового Завета примерами многих благочестивых мужей» [1, с. 344].

В предложении Синода от 6 февраля 1897 г. о принятии мер к содержанию кладбищ в благоустроенном виде было определено поручить синодальным контролам, епархиальным преосвященным, ДК предписать подведомственному им духовенству: наблюдать за содержанием кладбищ в благоустроенном виде; приводить в порядок кладбища, находившиеся в неудовлетворительном состоянии, а именно

исправлять обвалившиеся могилы, чинить ограды, заборы и плетни, укреплять насыпи, делать насаждения деревьев для благоустройства кладбищ и обеззараживания воздуха; расходы на работы по благоустройству кладбищ собирать из пожертвований частных лиц, городских и сельских обществ, а также использовать церковные и кладбищенские доходы [1, с. 344–345; 12, с. 3–4].

На православное духовенство возлагались обязанности по захоронению не только православных христиан, но в определенных случаях и старообрядцев, иноверцев христианского исповедания и лиц неизвестной веры. В отношении «раскольников» православному духовенству вменялось в обязанность отводить отдельные места при общих кладбищах для погребения умерших (Высочайшие повеления от 3 ноября 1838 г., 28 ноября 1839 г., 24 апреля 1840 г.) [3, с. 118]. Кроме того, не запрещалось погребать бывших в расколе на общих кладбищах со священническим отпеванием при условии, что сами они перед смертью раскаялись в своем заблуждении, или по просьбе их родственников, заявивших о желании умершего присоединиться к РПЦ (Высочайшее повеление от 3 ноября 1838 г.) [3, с. 118]. Если же умирал иноверец христианского исповедания и не было священника или пастора того исповедания, к которому умерший принадлежал, то препроводить труп до кладбища обязан был православный священник по правилам, означенным в Своде церковных законов (от 20 февраля 1800 г.) [2, с. 160–161]. По указу Синода от 17 мая 1873 г. эти правила должны были исполняться и в тех случаях, когда возникала необходимость погребения лиц неизвестной веры [3, с. 209].

К началу XX в. основными проблемами в устройстве сельских кладбищ на территории Западной Сибири, в частности Томской губернии, оставались размещение погоста в самом селе или на его окраине, пастьба скота на кладбищенской территории, отсутствие ограждений, неудовлетворительное состояние могил. Так, в медицинском отчете по Томской губернии за 1901 г. имеются следующие сведения по Тальменскому врачебному участку Барнаульского уезда: в 83 селениях Боровянской, Тальменской и Белоярской волостей «кладбища расположены большей частью среди них или на их окраине, в особенности старые, возникшие в те времена, когда селения состояли из незначительного числа дворов. Погосты редко содержатся в санитарном отноше-

нии удовлетворительно. Древесных насаждений на них почти нет. Некоторые кладбища оградой не обнесены, а большинство обнесено оградой ветхой и сломанной. Могилы встречаются не всегда достаточно глубокие и тщательно засыпаются» [13, л. 504об.]. По Богородскому врачебному участку в том же отчете сообщалось: «Из 84 кладбищ – 15 расположены в селениях, 8 – на расстоянии 60 саж., а остальные – на расстоянии от ½ до 1 ½ версты, и [имеется] 30 неогороженных погостов в селениях Мало-Шагарской инородческой волости в новых поселках переселенцев» [13, л. 229].

Наряду с неудовлетворительным состоянием сельского погоста существовала еще одна проблема, которая усугублялась массовым переселением крестьян в Сибирь, – это отсутствие кладбищ в некоторых сельских обществах [13, л. 229, 319об., 824об.; 14, л. 1; 15, л. 15; 16, л. 6 и пр.].

В 1902 г. на страницах ТЕВ было опубликовано обращение к приходскому духовенству Томской епархии с призывом, «не прибегая к помощи полиции, которая наравне с духовенством обязана следить за порядком в местах погребения христианских тел, приложить усилия по благоустройству кладбищ». В обращении содержались рекомендации по внешнему и внутреннему благоустройству сельского погоста, предлагалось использовать для этого средства приходских попечительств [17, с. 30–32].

Итак, изучение нормативных актов позволяет утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. на священно- и церковнослужителей РПЦ были возложены обязанности относительно соблюдения санитарно-гигиенических требований при отпевании и погребении, особенно во время непрекращающихся эпидемий, а также при открытии и благоустройстве кладбищ. Православному духовенству приходилось нести ответственность за соблюдение санитарных норм не только

при захоронении усопших православного вероисповедания, но и в определенных случаях – при погребении «раскольников», иноверцев христианского исповедания и лиц неопределенного вероисповедания. Говоря об открытии, благоустройстве и содержании кладбищ как об одном из значимых компонентов санитарных мероприятий, важно отметить, что в 1896 г. кладбища были переданы в ведение Синода, и с того момента до 1918 г. РПЦ отвечала за их содержание.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Циркулярные указы Св. Правительственного Синода 1867–1900 гг. / сост. А. Завьялов. 2-е изд. СПб., 1901.
- [2] Свод законов Российской империи (СЗРИ): уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб., 1857. Т. 3. Тетр. 3.
- [3] Алфавитный указатель канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Св. Правительственного Синода (1721–1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / сост. С. В. Калашников. 2-е изд. Харьков, 1896.
- [4] Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. 61. Оп. 1. Д. 29.
- [5] СЗРИ / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост.: Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. Изд. неофиц. СПб., 1912. Т. 13 (Устав медицинской полиции).
- [6] ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 389.
- [7] ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 493.
- [8] ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 314.
- [9] Определение Св. Правительствующего Синода // Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1882. № 24. Ч. офиц.
- [10] ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1447.
- [11] Указания и распоряжения правительства // Церковные ведомости. 1897. № 10.
- [12] Указ Св. Синода от 20 апреля 1897 г. на имя преосвященного Макария, епископа Томского и Барнаульского // ТЕВ. 1897. № 16. Ч. офиц.
- [13] ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 256.
- [14] Там же. Д. 239.
- [15] Там же. Д. 445.
- [16] Там же. Ф. 170. Оп. 7. Д. 285.
- [17] О кладбищах // ТЕВ. 1902. № 2. Ч. неофиц.

УДК 94(57)

А.Г. Киселёв

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ФИРМ:
УСЛОВИЯ, МОТИВАЦИЯ И ПРОЦЕДУРЫ
(конец XIX – начало XX в.)**

Определены экономические, социокультурные обстоятельства, а также мотивация начала предпринимательского дела, характеристика процедур создания фирм в Сибири рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: фирма, мотивация предпринимательской деятельности, «человек экономический», качества предпринимателя, «внешняя мораль», учредительство и его процедуры.

Одним из перспективных направлений в изучении истории предпринимательства является так называемая business history, сложившаяся на Западе. Активно пропагандируемое в нашей научной литературе И.В. Поткиной это направление первостепенное внимание уделяет истории фирмы [1]. Во многом исходным с точки зрения генетической и сущностной для понимания феномена фирмы является выяснение вопросов, связанных с самим процессом ее создания. Отсюда и задачи данной работы: определение экономических, социокультурных обстоятельств, мотивации начала предпринимательского дела, а также характеристика процедур создания фирмы.

Вопрос о происхождении капиталов фирм, действовавших в Сибири на рубеже XIX–XX вв., рассматривался в рамках проблем первоначального накопления, социально-сословных источников происхождения крупной буржуазии, мотиваций предпринимательской деятельности [2; 3]. Процедурная сторона возникновения фирмы описана цивилистами дореволюционной эпохи [4], а из современных историков – А.Н. Бохановым, И.В. Поткиной и С.В. Калмыковым [5; 6]. Среди использованных источников – податные материалы, учредительские договоры товарищеских предприятий, материалы периодической печати.

Изучая процесс первоначального накопления в целом, историю создания отдельных капиталов и фирм, имеет смысл начать с вопроса о мотивах, руководивших деятельностью предпринимателей. Общеизвестным считается, что она обусловлена прежде всего стремлением к богатству. Между тем очевидно, что стремление к богатству – качество социальное, и как таковое в разных исторических обстоятельствах оно мотивировалось и проявлялось различно. Развитие рыночных отношений в связи с пуском Транссиба быстро изменило повседневную жизнь, обыденное сознание и поведение сибиряков. Покупка и продажа различных товаров становятся повседневным явлением в жизни горожан. Сужается сфера их потребностей, удовлетворяемых за счет домашнего хозяйства, широко распространяется торговля.

Население не просто покупает, но втягивается в активную экономическую деятельность. «Сейчас эти люди начинают понимать, – говорил о сибирских крестьянах собеседник американского журналиста Д.Ф. Фразера, посетившего Сибирь в начале 1900-х гг., – насколько больше сена можно заготовить с помощью машин, что позволит им держать в четыре-пять раз больше коров, а сепараторы производят молоко лучшего качества; так что некоторые из них на пути к богат-

ству» [7]. Яркую картину перемен рисует один из корреспондентов омской газеты «Степной край»: «Много лет тому назад... Омск находился в самой слабой степени своего экономического развития, и местные хозяйки из простонародья не имели абсолютно ни малейшего понятия о сбыте на сторону (помимо рынка) продуктов молочного хозяйства. <...> В погоне за наживой теперь каждая омская «баба», имеющая всего-навсего одну «буренку», взялась за коммерцию и сбывает молоко в разные, датского происхождения, конторы, отчего кринка молока повысилась в цене уже до 10 копеек» [8].

Вышеупомянутая «коммерция» на микроэкономическом уровне вела к «рационализации», усвоению населением элементов предпринимательского ведения хозяйства. Во-первых, покупая сортовые семена, сельскохозяйственные машины, сепараторы, поставляя молоко на маслозаводы, масло – скупщикам и другое, хозяин вступал зачастую в новую для себя систему отношений. Приобретая машины в городских складах («уголки Европы») [9, с. 42], обращаясь сюда за ремонтом, крестьяне знакомились с рекламными проспектами, прейскурантами, заключали договоры с продавцами о продаже в кредит, в том числе с участием кредитных учреждений. Во-вторых, очевидно, что стремление выгодно продать, использование купленных орудий, также стимулирует расчетливость, вело к соответствующим переменам в образе жизни [10].

Существенно меняется характер труда земледельца, маслодела, отныне сопряженного с техникой, углубляется отраслевая специализация хозяйства, развивается дух спекуляции [11, с. 179]. Об этом пишут газеты, говорят биржевые комитеты и органы городского самоуправления [12]. Очевидно, что критический характер подобных выступлений был продиктован по преимуществу интересами потребителя. Заметен был и известный «антибуржуазный» налет: обогащение если не осуждалось, то и не приветствовалось. «Да какие это и хозяева, – читаем в газете «Степной край» за 1901 г. об омских заводчиках. – Не вернее ли их назвать аферистами, наехавшими из России с проведением железной дороги?» [13].

Иначе рассуждали сами коммерсанты и иностранные наблюдатели. Характерно, что в тюменской «Сибирской торговой газете», ориентированной на западносибирские деловые круги, при обилии материалов экономического характера крайне редко встречаются критические сентен-

ции, свойственные омскому «Степному краю» и тюменскому «Ермаку». Как, впрочем, нет и прямой апологетики предпринимательства как такового – подобного рода выступления не могли снискать газете сколько-нибудь широкой популярности. По-деловому прагматичны и суждения иностранных наблюдателей – «колонизаторов», интересовавшихся, помимо местной «экзотики», состоянием сибирского рынка в целом, условиями и возможностями экспортной сибирской торговли. Известный «колонизаторский» элемент можно увидеть во взглядах и действиях россиян, «энергичных людей» в «богатом крае», как говорил омский заводчик С.В. Хаберева, воспринимавших Сибирь как золотое дно [10, с. 81–82].

Итак, перед нами, условно говоря, два разных отношения к сибирским капиталам и «капитальчикам», перспективам обогащения в Сибири. Для «энергичных элементов разных категорий» – предпринимателей-переселенцев – крупные дельцы, быстро разбогатевшие в Сибири, очевидно, могли выступать образцом для подражания. Их интерес заключался не в потреблении, а в наживе. Для них сами сибиряки были чужими, что, безусловно, способствовало распространению в их среде подобия того, что М. Вебер называл «внешней моралью», выражавшейся в беззастенчивости в средствах [14, с. 222].

Среди «архетипических» качеств предпринимателя, выделяемых В. Зомбартом, жажда наживы, стремление завоевать, захватить, изобретательность явно доминировали над «мещанством» – склонностью к счету, осмотрительностью и хозяйственностью. При этом лишь стремление организовать дело можно рассматривать как предпосылку «рационализации» – превращения предприятия в цель самого себя [15, с. 44–48, 119, 133]. Для первого из вышеописанных – негативного взгляда на наживу – характерно сопряжение ее со всякого рода нечестными действиями, недобросовестным использованием обстоятельств обычно в ущерб потребителю, эксплуатацией и прямым насилием в отношении рабочих и служащих, скрытыми и явными преступлениями. Среди массы местного населения такой предприниматель (чаще мелкий делец-спекулянт, недобросовестный торговец, реже – крупный заводчик вроде омских Хаберева, Мариупольского, Рандрупа, Серебрякова) мог возбуждать зависть, но не симпатии.

И все-таки при всей негативности образа «афериста», критическом отношении

к делам, ведущимся ради наживы, в сознании широких слоев населения в условиях отмеченного поворота к рынку, распространения пресловутой «коммерции» возникает явно выраженное стремление к предпринимательству. «Торговый город Барнаул! Настолько торговый, что даже люди, ничего общего с торговлей не имеющие, превратились в коммерсантов», – иронизировали в «Алтайской торгово-промышленной газете» [16]. Автор-составитель адрес-календаря Тюмени (1913 г.) Т.Ф. Калугин заметил, что «каждый ремесленник и приказчик также стремится заняться самостоятельной торговлей и при счастье сделаться впоследствии купцом» [17, с. 45].

Как же отрицательное отношение к «торгашеству» соединялось со стремлением завести собственное дело? Можно с достаточной долей уверенности предположить, что этому способствовали, во-первых, осознание новых условий жизни, необходимость приспособиться к ним так, чтобы иметь возможность участвовать в их эксплуатации [18, с. 65–67]. Во-вторых, сопряженное с первым стремление вырваться из бедности, достичь достатка, как заметил А.А. Жиров, создать достойные условия существования, занять более высокое общественное положение [19, с. 80–82]. В-третьих, заразительный пример, зависть, которые могли быть стимулирующей силой, подвигнувшей, скажем, тарчан отправиться еще в середине XIX в. в далекую Кяхту [20, с. 312–313, 322]. В-четвертых, это, вероятно, положительное отношение к «мещанской» составляющей «предпринимательского духа» – труду, экономности, опытности. Не случайно о капиталах, нажитых тогда, говорили как о «благоприобретенных», т. е. добытых «благим путем» самостоятельно.

Итак, основные, архетипические качества предпринимательства по-разному проявлялись и воспринимались во всех слоях, группах населения, ориентировавшихся на экономический успех. Притом что завоевание и господство – это общий признак капиталистического духа (В. Зомбарт), что крестьяне-кулаки являли нередко «худшие образцы» эксплуатации, завоевателями-колонизаторами выступали прежде всего переселенцы, ищущие скорого обогащения в Сибири. «Внешняя мораль» давала им «свободу рук». Трудолюбие и экономность были нехарактерны для той части «наехавших», которая хотела обогащения любой ценой. В то же время для крупных «солидных» дельцов эти

качества, как и большее внимание к учету, были, безусловно, присущи.

Провинциальная мораль (подобие веберовской «внутренней»), активно будируемая интеллигенцией, склонна была осуждать крайности барышничества, которые били по карману обывателя. Стремление к господству у начинающих местных дельцов зачастую оставалось втуне, прорываясь только при определенных обстоятельствах (кулак-барышник в деревне, прасол на рынке и т. п.). Зато более выражены были мещанские добродетели, такие как труд, опытность, бережливость.

Стремление завести свое дело при наличии известных средств и благоприятной экономической конъюнктуре в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. подталкивало к занятиям предпринимательством многие тысячи людей, однако часть из них со временем вынуждена была отказаться от этой деятельности, вернулась к прежним занятиям. Однако обновление обстоятельств вновь толкало их к делу. Значительный слой крестьян и городского мещанства служил обширным резервуаром, из которого и выходили и куда временно или навсегда возвращались мелкие торговцы и промышленники. Характерно в этом отношении наблюдение тобольской податной инспекции, касающееся только скотопромышленности губернии. Даже при таком территориальном и отраслевом ограничении, численность предпринимателей-новичков оказалась весьма заметной. Из 1002 человек, совмещающих скотопромышленность с другими занятиями, 781 сочетал этот промысел с земледелием. В неблагоприятные годы они временно могли прекращать, а затем вновь возобновлять предпринимательскую деятельность [21, с. 118–119]. Переход от домашних занятий к мелкому предпринимательству и обратно, частое сочетание того и другого как характерную черту сибирского городского мещанства, правда, несколько более раннего времени (60–90-е гг. XIX в.) отмечали Ю.М. Гончаров и В.С. Чутчев [22, с. 75].

Наряду с вновь образуемыми делами, чаще всего индивидуальными предприятиями, название которых совпадало с фамилией «купца», на рубеже XIX–XX вв. имело место создание фирм на основе дел, уже имеющихся, связанных либо с открытием новой, либо с переходом ранее существовавшей фирмы.

Разнообразны были и мотивы, диктовавшие учредительство ассоциативных предприятий.

Это могло быть стремление к созданию нового дела. Показательны в этом отношении случаи проявления предпринимательства как новаторской деятельности, связанные с открытием таких предприятий, как электростанции, аптеки, книжные магазины, и других, как мы сейчас сказали бы, «социально значимых проектов». Именно так они выглядели даже на фоне фирм, создаваемых, например, для постройки новых винокурных заводов, мельниц и т. п. Не всегда имевшие ясную перспективу коммерческого успеха, эти начинания отличались большой общественной значимостью, становились заметными явлениями социокультурного порядка. Речь идет о создании в Бийске Товарищества «Электросвет», Торгового дома «Бийская книготорговля» (1904 г.), Семипалатинске – Товарищества «Здравие» (1906 г.), «Ярдам» (книготорговля) (1910 г.), Томске – Полного товарищества официантов (1901 г.), Сибирского товарищества печатного дела (1906 г.), Кургане – Союза сибирских маслодельных артелей (1907 г.). Скорее всего, не является совпадением то обстоятельство, что созданы эти новые предприятия были в эпоху «общественного подъема» предреволюционного 1904 и революционных 1905–1907 гг.

Другим мотивом объединения капиталов было стремление к расширению возможностей уже существующего дела. Интересно в этом отношении предложение зайсанского дельца Л.Ф. Сорокина. Описывая выгоды содержащих и им предприятий, он приглашал компаньонов «с вкладами не менее 15 тыс. руб.», гарантируя доходность от 30 до 40 % [23]. Известны и инициативные предложения о вложении средств в перспективные дела: «с капиталом от 5 до 10 тыс. руб. желают принять участие в хорошем прибыльном деле» [24]. Еще один часто встречающийся мотив состоял в желании привлечь к делу выросших детей (многочисленные «...и Сыновья» или «...и Сын»). В «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири» мы насчитали 22 фирмы с подобной формулой, оперировавшие в рассматриваемый период [25].

Вопрос о процедуре открытия новой фирмы вполне ясен только применительно к товарищеским и акционерным предприятиям. В процессе создания товарищеских предприятий Г.Ф. Шершеневич выделял моменты: 1) соглашения, устанавливающего обязательные отношения между членами товарищества, 2) оглашения, устанавливающего юридическую личность то-

варищества. В процессе создания акционерных обществ решающими являлись моменты: 1) подписания устава общества учредителями, 2) получения специального разрешения правительства (утверждение устава в порядке сепаратного законодательства), 3) созыва учредительного собрания акционеров, который и был моментом создания юридического лица. Что же касается предприятия индивидуального, то моментом возникновения фирмы, очевидно, следует считать начало торговли от собственного имени как промысла – занятия, которое и делало лицо «купцом», т. е. торговцем [4, с. 62–63, 112, 131, 156].

Важной составляющей процедуры, легитимирующей начало операций фирмы, была выборка соответствующих документов, которые условно можно разделить на три группы.

1. Документы, выборка которых, по сути, состояла в уплате основного промышленного налога.

2. Документы, хотя и фискального характера, эквивалентами налогов не являющиеся.

3. Документы, дававшие право на то или иное предприятие с точки зрения его соответствия действующему законодательству и общественной безопасности.

Налоговая система, сложившаяся в первые пореформенные годы, претерпев некоторую корректировку, была существенным образом преобразована в 1898 г.: произошел переход от обложения прав на занятия предпринимательской деятельностью к обложению предприятий. Соответствующим образом изменились и налоговые документы. Речь идет о промышленных свидетельствах на торговые, промышленные заведения, горные промыслы, личные промысловые занятия, о билетах на складские помещения, об акцизных патентах (на продажу спиртных напитков, табачных изделий, спичек и др.) и т. п. Разрешения эти носили именной характер, т. е. выдавались определенному лицу, торговому дому, обществу – общие налоговые разрешения через местные казначейства, городские управы, волостные правления, а в исключительных случаях – через податных инспекторов или их помощников; акцизные – обычно через окружные акцизные управления. Делалось это по отдельным на каждое заведение заявлениям и с принятием соответствующих платежей.

К иной группе документов относились акцизные разрешения на торговлю золотыми и серебряными изделиями, открытие винокурных заводов, производство

жидких дрожжей; документы, регулирующие порядок открытия заведений «для раздробительной продажи напитков» и др. Эти права также обычно предприниматели получали через окружные акцизные управления и органы местного самоуправления. Городские думы выдавали разрешения на открытие заведений трактирного промысла. В третью группу входили иные документы, подтверждающие право на то или иное предприятие с точки зрения его соответствия закону и общественной безопасности. Речь идет об открытии промышленных предприятий в целом (такое разрешение давала губернская власть, а в городах с самоуправлением – городские управы); производстве пороха, требовавшем разрешения министра финансов по согласованию с МВД, торговле ядовитыми веществами и т. п.

Искание и получение разрешительных документов было важным шагом на пути вышеотмеченной рационализации сознания и поведения человека, превращавшегося в «человека экономического». Сделавшись «купцом», «торгующим под фирмой», лицо или лица (в товарищеских предприятиях) легитимировали свой новый статус «купца», оказывались в новом для себя правовом поле, определявшемся торговым, шире – гражданским правом, вступали в новую систему связей-отношений как с соответствующими институтами, так и с лицами, их представляющими. С исторической точки зрения в этом и заключался социокультурный смысл фирменного учредительства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004.
- [2] *Рабинович Г. Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975.
- [3] *Старцев А. В., Гончаров Ю. М.* История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул, 1999.
- [4] *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права (по изданию 1914 года). М., 1994.
- [5] *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992.
- [6] История предпринимательства в России : в 2 кн. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000.
- [7] *Fraser J. F.* The real Siberia together with an account of Dash though Manchuria. London, 1904. P. 39–40.
- [8] Степной край (Омск). 1903. 19 декабря.
- [9] *Мартынов Л.* Воздушные фрегаты. М., 1974.
- [10] Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 г. в г. Омске. Омск, 1912.
- [11] *Боголепов М. Н.* Торговля Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.
- [12] ГУ ИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 204. Л. 6.
- [13] Степной край. 1901. 24 января.
- [14] *Вебер М.* История хозяйства. Пг., 1923.
- [15] *Зомбарт В.* Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., б/г.
- [16] Алтайская торгово-промышленная газета. 1913. 4 августа.
- [17] Тюмень: справочник и адрес-календарь по городу и уезду / сост. Т. Ф. Калугин. Тюмень, 1913.
- [18] *Ивонин И. Н.* Россия и современная цивилизация // Отечественная история. 1992. № 4.
- [19] *Жиров А. А.* Социально-психологические аспекты и вопросы менталитета в характеристике провинциального купечества Сибири // Проблемы историографии и истории : сб. науч. ст. Омск, 2002.
- [20] *Жиров А. А.* Провинциальное купечество Сибири (штрихи к социально-психологическому портрету) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 6. Омск, 1998.
- [21] Журнал заседаний податных инспекторов и их помощников Тобольской губернии 28 февраля – 7 марта 1911 г. Тобольск, 1912.
- [22] *Гончаров Ю. М., Чутчев В. С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004.
- [23] Омский вестник. 1914. 26 апреля.
- [24] Семипалатинский край. 1914. 23 марта.
- [25] Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири : в 4 т. Новосибирск, 1994–1999.

**СОВОКУПНОСТЬ ВСЕХ ЕРЕСЕЙ
ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ ВЕРЫ?
КАТОЛИЧЕСКИЙ МОДЕРНИЗМ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. ***

Проанализирован феномен католического модернизма, получившего широкое распространение в католической Церкви в конце XIX – начале XX в. Определены характер данного течения и его место в церковной истории того времени, а также значение для последующего развития католицизма.

Ключевые слова: католический модернизм, ересь, католическая Церковь.

Современное состояние отечественного исторического знания характеризуется повышенным вниманием к области истории идей, что является ответной реакцией на советскую парадигму, рассматривающую идеи производными от социально-экономических отношений эпохи. В результате религия, ранее «не имевшая собственной истории» [1, с. 25], признается фактором, оказывающим значительное воздействие на развитие общества и требующим пристального внимания и изучения. Для западноевропейской истории таким фактором, безусловно, явился католицизм, составляющий фундамент западной цивилизации. Иными словами, историю Западной Европы невозможно изучать в отрыве от истории католицизма.

Однако насколько данная тема исследована в отечественной историографии? К сожалению, мы вынуждены констатировать весьма тенденциозное освещение феномена католицизма в отечественной исторической науке, что объясняется для дореволюционной эпохи неприятием официальным православием католических идей, а для советской – общим взглядом на религию как на отрицательный институт, подлежащий искоренению. В целом можно утверждать, что если общая история католической Церкви, особенно в ее социально-политическом варианте, относительно неплохо представлена в дореволюционной и советской традициях, то изучение идейных течений занимает более скромное место. Так, обращаясь к истории католического модернизма, необходимо отметить, что в дореволюционной историографии преобладали обзорные труды, авторы которых видели своей задачей, скорее, проинформировать о протекающих процессах [2], нежели дать их полноценный анализ, в то время как советские историки, ставившие во главу угла политическую историю Ватикана [3], лишь вскользь упоминали о модернистских тенденциях [4, с. 39; 5, с. 122]. Кардинально не изменилась ситуация и сегодня, когда на волне всплеска переводной литературы [6] мы видим, скорее фрагментаризацию исследований, нежели расширение их проблематики, в частности интересующий нас феномен не становится предметом самостоятельного рассмотрения. Именно поэтому, учитывая неизученность католического модернизма в отечественной историографии и его важность для понимания современного развития католической доктрины, данный сюжет представляется весьма актуальным.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, государственный контракт № 14.740.11.1306.

На Западе интересующая нас тема имеет давнюю традицию исследования. Первые работы принадлежат уже современникам: как католикам различных ориентаций, так и светским авторам. Более того, из самой модернистской среды был выдвинут «историограф» движения, которым стал А. Утан (A. Houtin), из-под чьего пера ранее выходили работы о религиозном состоянии современной автору Франции [7–9]. Немаловажную лепту в осмысление проблем модернизма внесла энциклика «Pascendi Dominici Gregis», осудившая в 1907 г. данное течение.

Обобщая более чем столетнее развитие проблемы историографией Запада, мы можем говорить о двух сформированных образах модернизма: как течения, отступившего от ортодоксии и вобравшего в себя все отрицательные интеллектуальные новшества века («совокупность ересей»), или же как пути реформирования католицизма посредством приспособления последнего к реалиям нового времени («путь обновления веры») [10, с. 26–31].

Первый образ во многом был навеян упомянутой выше энцикликой, авторы которой, квалифицируя модернизм как серьезную опасность, разрушающую Церковь изнутри, представили его в виде стройной теоретической системы, базирующейся на неверных теоретических основаниях и, следовательно, приводящей к ошибочным выводам. В качестве первого основания выступает агностицизм – отрицание возможности познания Бога, – приводящий к признанию за историей и наукой атеистического характера [11, с. 196]. В качестве второго – принцип имманентности, в соответствии с которым религия и все ее догматы признаются производными религиозного чувства. На данной философской основе базируются собственно богословские положения модернизма, а именно: признание эволюции религии и ее догматов и стремление подчинить веру знанию [11, с. 208, 216]. Расхождение в указанных случаях с ортодоксией, базирующейся на философии Фомы Аквинского (тогда как модернисты исходили из идей И. Канта и Ф. Шлейермахера), настолько очевидно, что неприятие подобных выводов католиками-ортодоксами представляется вполне понятным и объяснимым. Однако любопытна другая позиция: некоторые светские авторы, в частности Ш. Гиньебер (Ch. Guignebert), также склонялись к подобным трактовкам. Ш. Гиньебер, будучи «независимым», т. е. не имеющим конфессиональной принадлежности, историком христианства,

считал невозможным обновить католицизм на путях модернизма, который со своим проектом дедогматизации христианства не столько продуктивен, сколько опасен [12, с. 184]. Католик-модернист «замирает между мирами»: он оторвался от почвы религии, но не ступил на твердую почву истории. Здесь чувствуется влияние Э. Ренана, рассматривавшего либеральных теологов как «птиц с подрезанными крыльями», которые не смогут стать историками, оставаясь связанными разделяемыми ими догматами [13, с. 21].

Второй из указанных образов связан с собственной идентификацией модернистов, настаивавших на спасении авторитета католической Церкви путем ее приспособления к нуждам современности. Данное утверждение нашло отражение в «Программе модернистов», созданной итальянскими католиками в ответ на папскую энциклику [14]. Сегодня подобных воззрений придерживается большинство западных исследователей, рассматривающих модернизм в качестве одной из фаз либерального католического движения [15–18], что было предложено еще Дж. Вейлем (J. Weill) [19]. Их программа эффективна, но ее появление несвоевременно, выдвинутые модернистами идеи оказались востребованы лишь в середине XX в., о чем наглядно свидетельствует II Ватиканский собор.

Однако подобные трактовки представляются лишь общими, весьма упрощенными схемами, требующими дальнейшей разработки и конкретизации. Стремление приблизиться к ушедшей действительности и попытаться представить всю палитру оттенков, отказываясь от манихейского противопоставления «модернистов» и «ортодоксов», требует от историка серьезной работы, связанной с обобщением значительного массива разнородного историографического материала (научные труды, статьи в периодических научных изданиях, документы личного происхождения), вышедшего из-под пера авторов, зачастую не связанных между собой, а также помещения модернизма в широкий социокультурный контекст. В отечественной исторической науке реализация подобной программы еще остаётся делом будущего. В рамках данной статьи мы ставим перед собой задачу лишь попытаться в целом охарактеризовать католический модернизм, осветив ряд важнейших спорных вопросов.

Сам термин «модернизм» является производным от существительного «модерн», субстантивировавшегося в евро-

пейских языках сравнительно поздно, в середине XIX в., в сфере изящных искусств, что объясняет, почему по сей день данный термин сохраняет эстетическое ядро своего значения [20, с. 13]. Философское осмысление данного концепта берет свое начало из философии Г. Гегеля, понимавшего под модернизмом «новый век», «новое время», отличное от предшествующей эпохи и обладающее отличительной чертой – субъективизмом [20, с. 11]. Именно последняя трактовка сохраняется на сегодняшний день в гуманитаристике. Применительно к истории католической Церкви термин «модернизм» был использован в упоминавшейся ранее энциклике «Pascendi Dominici Gregis» для обозначения новых «еретических» течений внутри католицизма. По мнению одного из участников модернистского движения Дж. Тайррела (G. Tugrel), слово «модернизм» пришло на замену слову «либерализм», имеющему политические коннотации и потому не вполне удачному применительно к области религии [21, р. 143]. Помимо термина «либерализм», для обозначения изучаемого нами течения до 1907 г. использовали такие наименования, как «прогрессизм» или «луазизм».

При изучении того, что собой представляет католический модернизм, первый и наиболее важный вопрос заключается в определении характера данного феномена: было ли оно целостным движением, имеющим официальные органы управления и печати и базирующимся на стройной теоретической системе, или же перед нами разрозненные инициативы, просто располагающиеся в одной плоскости? На сегодняшний день большинство авторов склоняются ко второй трактовке, принимая в расчёт мнения самих модернистов. Так, уже А. Луази (A. Loisy) подчеркивал, что они, т. е. модернисты, хотели идти различными дорогами в одном направлении – направлении современной мысли [22, с. 149], а Э. Леруа отказывался рассматривать их в качестве единой школы или секты [23, с. 106]. Пожалуй, можно согласиться с мнением А. Меня, отказавшегося признать за модернистами статус «движения» на том основании, что их идеи «не получили широкого распространения, их не поддержали епископат и ведущие богословы... они оставались одиночками, без общей программы, работали в разных областях и имели неодинаковые взгляды» [24, с. 221–222]. Наиболее удачно, на наш взгляд, рассматривать модернизм как *течение* внутри Римско-католической церкви, представленное отдельными интеллектуалами.

Сведение взглядов модернистов в единую стройную систему в духе энциклики «Pascendi Dominici Gregis» не соответствует реальному положению дел. Безусловно, взгляды модернистов имели ряд общих положений, вытекавших из общих философских посылок, однако не менее значимы были отличия. Если все же постараться найти точки соприкосновения, позволяющие говорить о принадлежности того или иного автора к модернизму, то таковыми станут следующие положения:

1) философские основания – кантизм, чье значение заключается в сведении религии к области морали и отказу от признания чудесного в евангельской истории;

2) основной принцип изучения христианства – признание *историчности* данной религии, прошедшей в своем развитии значительную *эволюцию*, затронувшую в том числе и *догматы*.

Дальнейшие трактовки более чем вариативны. Если воспользоваться в качестве примера историей модернизма во Франции, то здесь он включал в себя три основных крыла: левое, представленное идеями наиболее радикальных авторов, таких как А. Луази; правое, где ведущие позиции занимал П. Батиффоль (P. Batiffol); центр, где можно расположить большинство остальных участников [25, с. 63–108].

Иными словами, сказанное заставляет нас сделать вывод: модернизм – это интеллектуальное течение внутри католической Церкви, настаивавшее на адаптации католицизма к требованиям времени как единственном способе укрепления пошатнувшегося авторитета христианской Церкви внутри европейского общества.

Однако снимает ли данное определение все возникающие вопросы? Думается, что нет. В частности, говоря о модернизме, можем ли мы говорить об общекатолическом феномене? Именно такое определение представлено в предисловии к русскому переводу упоминавшейся нами ранее энциклики [11, с. 192]. Действительно, представителей модернистского течения мы встречаем во многих странах: Франции (А. Луази, М. Блондель (M. Blondel), Л. Лабертоньер (L. Laberthonnière), Э. Леруа (E. Le Roy), А. Утан, М. Эбер (M. Hébert), П. Батиффоль); Италии (Э. Буонаути (E. Buonaiuti), А. Фогадзаро (A. Fogazzaro), Дж. Дженокки (G. Genocchi)); Германии (Г. Шелл (H. Schell)); Великобритании (Дж. Тайррел и Ф. фон Хюгель (F. von Hügel)). Но наибольшего распространения модернизм достиг во Франции, где, по меткому замечанию Э. Пуля, модернизм нашел своего эпонимичного

ма А. Луази, своего предшественника Л. Дюшена (L. Duchesne), своих философов М. Эбера (M. Hébert) и Э. Леруа, своего «модератора» магистра Мино (Mgr Migno), своего публициста и историографа А. Утана, своих информаторов и пропагандистов, своего издателя Э. Нурри (É. Nourry), свой «Журнал религиозной истории и литературы» (*Revue d'histoire et de littérature religieuses*), своих адептов и симпатизирующих и, наконец, даже своего епископа магистра Лакруа (Mgr Lacroix) [26, р. 6–7]. Большинство модернистов были преданными католиками, искренне переживавшими за судьбу католической Церкви и не собиравшимися покидать ее лоно, но, наряду с ними, в рамках рассматриваемого течения были и светские авторы (Э. Леруа).

В каждой из указанных стран данное течение имело свои национальные особенности, наиболее ярко проявившиеся в Италии и Франции. Так, в Италии для модернизма, связанного с традициями Рисорджименто, была характерна практическая направленность, связанная с социально-политическим реформированием. Во Франции, напротив, модернизм был представлен теоретическими инициативами, затрагивавшими область науки, философии и экзегетики, что было связано с перенесением современных интеллектуальных техник на почву католицизма. В результате мы вслед за П. Колином [10, с. 57] считаем возможным говорить преимущественно о двух направлениях модернизма во Франции, занимавших наиболее значимые позиции: историческом, представленном в первую очередь инициативами А. Луази, стремившегося применить методы науки о религиях к области священной истории, и философском, визитной карточкой которого стал М. Блондель, настаивавший на необходимости создания новой философской базы католицизма, хотя в русле модернизма располагались и отдельные социальные инициативы, в частности группа «Сийон» (Sillon), созданная демократически настроенными епископами.

Следующий вопрос, на который нам предстоит ответить: можем ли мы точно указать хронологические границы католического модернизма? В целом это весьма затруднительно при изучении идейных течений, но приблизительные рамки могут быть установлены. В качестве нижней хронологической границы возможно использовать 1890-е гг., в качестве верхней – начало 1910-х гг. Наш выбор был обусловлен следующими факторами. Нижняя

хронологическая граница связана с появлением первых значимых трудов, в которых получили выражение идеи модернистов, в частности в 1893 г. была опубликована диссертация М. Блонделя [27], а также первые работы А. Луази [28]; верхняя – с официальным осуждением модернизма папским престолом сначала в 1907 г. в декрете «*Lamentabili Sane Exitu*» и энциклике «*Pascendi Dominici Gregis*» [29], затем личным отлучением А. Луази в марте 1908 г. и, наконец, принятием в сентябре 1910 г. «Антимодернистской присяги» [30].

Что же послужило причиной формирования подобного идейного течения? Думается, что непосредственной причиной стали общие процессы секуляризации, широко развернувшиеся во второй половине XIX в. на волне успехов науки. Если в период своего возникновения, как признает сегодня большинство отечественных и зарубежных исследователей, наука была тесно связана с религией, так как сам толчок к ее развитию был дан религиозными потребностями [31], то в указанный временной промежуток наука серьезно дискредитировала религию, отводя ей крайне ограниченное место в человеческом обществе или не отводя его вовсе, как предлагали О. Конт и основатели марксизма [32]. Но если последние просто упраздняли религию, не находя ей места при коммунистическом строе, то О. Конт настаивал на замещении религии *Бога религией Человечества*, являющейся единственной *позитивной* религией [33, с. 120].

Интенсивное развитие сначала естественных, а затем и гуманитарных наук нанесло серьезные удары по авторитету католической Церкви. Уже геология поставила под сомнение картину возникновения Земли, изложенную в первых главах книги «Бытия», показав, что процесс ее образования был гораздо более длительным, нежели это представляется с христианской точки зрения. Затем биология, благодаря теории эволюции Ч. Дарвина, развенчала уникальное положение человека в мире, поставив его в один ряд с другими живыми организмами. Археология «открыла» ранее неизвестные миры древних цивилизаций, предоставив, таким образом, материал для сравнения их с историей древних евреев, а развитие филологии и методов историко-филологической критики позволило прочесть найденные письменные памятники. В результате сама Священная история, изложенная в Ветхом Завете, была признана

не соответствующей действительности, а Библия оказалась сведена к статусу обычного, *созданного человеком* исторического документа. Именно так к 1880-м гг. был сформулирован «библейский вопрос»: можно ли доверять Библии [34, с. 10]?

Ортодоксальная католическая Церковь не смогла дать удовлетворительные ответы на поставленные эмансипирующимся разумом вопросы, ограничиваясь осуждением вновь сделанных открытий и рассматривая их в качестве ошибочных гипотез. Не могли кардинально изменить ситуацию инициативы Льва XIII, поддерживавшего имидж либерального понтифика путем открытия архива Ватикана, поощрения в четко установленных границах изучения Библии, для чего была создана папская библейская комиссия, наконец, возрождения схоластики, которая смогла бы противостоять новейшей философии. Не вполне удачными представляются и инициативы «конкордистов», стремившихся согласовать данные науки и Библии. В качестве наиболее яркого примера подобных инициатив можно привести суждения М. де Серра, указывавшего, что картина творения, изложенная в первых главах Бытия, соответствует новейшим открытиям геологии, ведь «день творения» – это условная категория, точная протяжённость которой просто не определена [7, р. 34]. Иными словами, на вызов брошенный наукой, Церковь в начале XX в. ответить не смогла. Именно поэтому можно согласиться с мнением Э. Пуля, располагавшего модернизм «в социорелигиозном антагонизме, который в течение XIX в. противопоставлял веру и разум» [16, с. 16]. Иначе говоря, модернизм был отнюдь «не случайным» явлением, имея глубокие корни в предшествующей истории римского католицизма.

Однако это «одна сторона медали». Помимо интеллектуальной направленности, модернизм имел и практическую, критикуя строго иерархическое церковное устройство и догмат о папской непогрешимости, принятый в 1870 г. I Ватиканским собором, считая, что данные положения являются установленными людьми, а не Богом. Однако для католической Церкви XIX в. они были необходимы, так как только таким образом папа смог восстановить и укрепить не только свою власть над национальными Церквями, претендовавшими на независимость, но и духовный авторитет.

Особенно острое противостояние модернистов с ортодоксами, обозначаемое термином «модернистский кризис», свя-

зано с публикацией в ноябре 1902 г. А. Луази знаменитой монографии «Евангелие и Церковь» [35], вошедшей в историю как «небольшая красная книга», и последовавших в 1903 г. комментариев к ней – «Вокруг небольшой книги» [36]. А. Луази, выступая против либерального протестантского теолога А. Гарнака, намеревался представить «апологию католицизма», подчеркнув, что сущность христианства отнюдь не сводима к Евангелию, а напротив, находит свое выражение в Церкви. Однако развиваемые идеи об эволюции догматов и разделении Иисуса Христа на Христа веры и Иисуса истории привели к тому, что книга в декабре 1903 г. была внесена в Индекс запрещенных книг.

В заключение хотелось бы сказать, что модернизм имел огромное значение для католической Церкви. Явившись своего рода лакмусовой бумажкой, наглядно продемонстрировавшей проблемы, имеющие место в католицизме нового времени, он показал путь их преодоления, пройдя по которому (о чем свидетельствовал II Ватиканский собор), Церковь получит шанс гармонично войти в структуру современного мира, отвечая его реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Маркс К, Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 7–544.
- [2] Керенский В. А. Римско-католический модернизм (его происхождение, сущность и значение). Харьков: Мирный труд, 1911; Современные течения религиозно-философской мысли во Франции : сб. ст / под ред. К.М. Милорадовича. Пг.: Целное знание, 1915; Братков С.С. [Пальмиери А.] Новокатолицизм и энциклика Пия X против модернистов // БВ. 1908. Т. 2. № 7–8. С. 410–457; Булгаков А. И. Римский католицизм во Франции в последнее время (в конце XIX в.) // ХЧ. 1905. Т. 220. Ч. 2. октябрь – декабрь. С. 427–438.
- [3] См. об этом: Шейнман М. М. Папство. М. : АН СССР, 1959; Ковальский Н. А., Иванова И. М. Католицизм и международные отношения. М. : Международные отношения, 1989; Мчедлов М. П. Католицизм. 2-е изд. М. : Политиздат, 1974; Григулевич И. Р. Папство. XX век. М. : Политиздат, 1981.
- [4] Шейнман М. М. От Пия IX до Павла VI. 2-е изд. М. : Наука, 1979.
- [5] Григулевич И. Р. Папство. XX век.
- [6] См., напр.: История II Ватиканского собора : в 5 т. / под ред. Дж. Альбергио, рус. изд-е под общ. ред. А. Бодрова и А. Зубова. М., Leuven, 2003; Николс Э. Контуры католического богословия: введение в его источники, принципы и историю. М. : ББИ, 2009.
- [7] Houtin A. La question biblique au xxe siècle. P. : E. Nourry, 1906;
- [8] Houtin A. La crise du clergé. 2 ed. P. : E. Nourry, 1908.

- [9] *Houtin A.* Histoire du modernisme catholique. P. : Chez l'auteur, 1913.
- [10] *Colin P.* L'audace et soupçon. Le crise du modernisme dans la catholicisme français. 1893–1914. P. : Desclée de Brouwer, 1997.
- [11] Энциклика папы Пия X об учении модернистов // Странник. 1908. Т. 1. Ч. 1. Февраль. С. 187–220.
- [12] *Guignebert Ch.* Modernisme et tradition catholique en France. P.: Chez l'auteur, 1908.
- [13] *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. М.: Политиздат, 1991.
- [14] Le programme des modernists. Replique à l'encyclique de Pie X «Pascendi Dominici Gregis». P., 1908.
- [15] Roman catholic modernisme / Ed. by M. G. B. Reardon. L. : Adam and Charles Black, 1970.
- [16] *Poulat E.* Histoire, dogme et critique dans la crise moderniste. P.: Casterman, 1962.
- [17] *Vidler A.R.* The Church in an age of revolution: 1789 to the present day. Harmondsworth: Penguin Books, 1961.
- [18] *Paul H.W.* In the Quest of kerygma: catholic intellectual life in nineteenth-century France // American historical review. 1969. Vol. LXXXV. № 2. P. 387–423.
- [19] *Weill J.* Histoire de catholicisme libéral en France, 1828–1908. P. : F. Alcan, 1909.
- [20] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир, 2003.
- [21] *Tyrrel G.* Medievalisme. A reply to cardinal Mercier. L. : Longmans, Green and Co, 1908.
- [22] *Loisy A.* Simples réflexions sur le décret du Saint-Office «Lamentabili sane exitu» et sur l'encyclique «Pascendi Dominici Gregis». P. : Chez l'auteur, 1908.
- [23] *Леруа Э.* Догма и критика. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
- [24] *Мень А.* Библиологический словарь : в 3 т. М.: Фонд им. Александра Меня, 2002. Т. 2.
- [25] *Vidler A.* A variety of catholic modernists. Cambridge: University Press, 1970.
- [26] *Poulat E.* «Modernisme» et «Intégrisme». Du concept polémique à l'irénisme critique // Archives des sciences sociales des religions. 1969. № 27. P. 1–28.
- [27] *Blondel M.* L'Action. Essai d'une critique de la vie et d'une science de la pratique. P. : Alcan, 1893.
- [28] *Loisy A.* Histoire du canon de l'Ancien Testament. P. : Letouzey and Ané, 1890; *Loisy A.* Histoire du canon de Nouveau Testament. P. : J. Maisonneuve, 1891.
- [29] Pascendi Dominici Gregis [Электронный ресурс]. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Pius10/p10pasce.htm>; Lamentabili Sane Exitu [Электронный ресурс]. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Piu10/p10lamen.htm>.
- [30] Антимодернистская присяга [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/acts/20/1910_16/1910_09_01_piy.htm.
- [31] *Гайденко П. П.* Христианство и генезис новоевропейского естествознания // Наука и религия: междисциплинарный и кросскультурный подход : науч. тр. / под ред. И. Т. Касавина. М. : Канон +; РООИ «Реабилитация», 2006. С. 79–119; *Брук Дж. Х.* Наука и религия: историческая перспектива. М. : ББИ св. апостола Андрея, 2004; *Александр Д., Уайт Р.* Наука и религия: друзья или враги? СПб. : Шандал, 2009.
- [32] *Конт О.* Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении) / предисл. М. Ковалевского. СПб. : Вестник знания, 1910; *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20. С. 5–338; *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М. : Политиздат, 1955.
- [33] См. об этом: *Любак А. де.* Драма атеистического гуманизма. Милан; М. : Христианская Россия, 1997.
- [34] *Montagnes B.* Marie-Joseph Lagrange. Une biographie critique. P. : Cerf, 2004.
- [35] *Loisy A.* L'Évangile et L'Église. P. : Alphonse Picard et fils, 1902.
- [36] *Loisy A.* Autour d'un petit livre. P. : Alphonse Picard et fils, 1903.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США: ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ

Рассмотрена эволюция основных стратегических установок США и классификация этапов внешней политики страны в Латинской Америке. Выделены базовые факторы, определяющие повестку современного содержания латиноамериканского направления внешней политики США. Проанализирована специфика американского внешнеполитического дискурса о международных отношениях.

Ключевые слова: американская внешнеполитическая стратегия, доктрина Монро, поправка Рузвельта, НАФТА, ФАТТ, пограничная политика, наркотрафик.

Одна из основных проблем, с которой сталкивается в работе любой международник, заключается в том, как взвесить роль державы в регионе, квантифицировать влияние того или иного государства в международных отношениях. Со времен доктрины американского президента Джеймса Монро от 2 декабря 1823 г. принято считать, что Латинская Америка относится к сфере непосредственных стратегических интересов Соединенных Штатов. Как минимум увязка ситуации в этом регионе с собственной безопасностью США, впервые прозвучавшая в указанном послании, закрепила место Латинской Америки в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики страны. Очевидность американской заинтересованности в этом регионе на протяжении почти двух столетий вообще заставляла отказываться от постановки и решения подобной задачи. Глобальный статус державы в XX в. еще более укрепил подобную уверенность. Он не оставлял места сомнению в проекции американского влияния на дела континента. Действительно, зачем тратить время, если просто достаточно указать, что со второй половины XX в. США – глобальная держава, а ее способность воздействовать на соседей определяется спецификой понимания национальных интересов политической элитой. Однако при таком допущении необходимо согласиться и с тем, что роль США здесь напоминает поведение слона в посудной лавке.

Справедливости ради отметим, что внешнеполитический опыт страны в исторической ретроспективе действительно давал основания для такой трактовки вопроса. В связи с этим подобная точка зрения широко распространена не только в отечественной, но и американской литературе. В качестве примера, иллюстрирующего данный подход, можно сослаться на оценку американских конструктивистов Дэвида Лейка и Патрика Моргана: «Силовая диспропорция между США и странами Латинской Америки настолько велика, что возможность провоцирования конфликта между Америкой и любой другой страной континента не зависит от факторов, подконтрольных латиноамериканским государствам. Безопасность латиноамериканских держав сводится к согласию на исполнение любой прихоти Штатов, а целесообразность применения силы Вашингтоном зависит только от объема затрат» [1].

И все-таки попытаемся определить роль латиноамериканского фактора для современной внешней политики США. Основными инструментами такой работы будут историко-социологический анализ и изучение эволюции американского политического дискурса.

Дискурсивно в разное время Латинской Америке было посвящено несколько внешнеполитических программ США. К числу наиболее важных стратегических установок принадлежат следующие:

1. Доктрина Джеймса Монро 1823 г., впервые связавшая в параграфах 7, 48, 49 ситуацию в Латинской Америке с национальной безопасностью США [2]. Этой доктрине в отечественной науке посвящено внушительное количество и российских, и советских исследований (одно из первых – монография академика Н.Н. Болховитинова) [3], поэтому нет необходимости специально на них останавливаться.

2. Две доктрины конца XIX – начала XX в. Первая – государственного секретаря США Ричарда Олни. В 1895 г. в конфликте между британской Гвианой (нынешним Белизом) и Венесуэлой США занимают сторону последней и заявляют о готовности применить силу в случае нарушения ее суверенитета. Вторая – американского президента Теодора Рузвельта. Основные императивы этой доктрины были озвучены в 1904 г. и именуется как «поправка» или «дополнение Рузвельта» к доктрине Монро, хотя выражение «большая дубинка», ставшее нарицательным для ее обозначения, прозвучало еще в 1901 г. Буквально Т. Рузвельт высказался тогда так: «Не повышай голоса, но держи наготове большую дубинку, и ты добьешься многого». С 1905 г. подобная риторика стала восприниматься как возможность исполнения Соединенными Штатами полицейских функций в делах Латинской Америки [4]. Как относительно предыдущих внешнеполитических доктрин, так и применительно к данной правомерно будет отметить, что латиноамериканские страны выступили против подобных заявлений, считая их вмешательством в собственные внутренние дела.

3. Политика «добраго соседа» 1930-х гг. Эта программа была связана с деятельностью администрации президента Франклина Делано Рузвельта и представляла собой смягчение дискурса об особой роли США в делах Западного полушария [5]. Развитие данной доктрины можно наблюдать и в послевоенные годы [6]. Собственно говоря, именно «доброе соседство» было первой попыткой отказа от сформиро-

вавшейся еще в 1840-х гг. концепции «предопределенной судьбы» (Manifest Destiny), которая открывала дорогу широко распространенным в американской общественно-политической мысли представлениям об особой роли страны в делах региона [7]. Для внешней политики США этот дискурс был поворотом к полному признанию самостоятельной субъектности латиноамериканских стран.

4. «Союз ради прогресса» Джона Кеннеди. Данный подход представлял собой программу помощи странам Латинской Америки и был обнародован в марте 1961 г. в экономическом и социальном совете Организации американских государств. Согласно этому плану, США в течение 10 лет (1961–1971) должны были ежегодно выделять 2 млрд долларов, из которых 1,1 млрд давало правительство, а 900 млн составляли частные американские и европейские вложения в экономику латиноамериканского региона [8].

Появление данной программы можно рассматривать, с одной стороны, как реакцию на кубинскую революцию, хотя Карибского кризиса в международных отношениях еще не случилось. И все же заинтересованность в ненасильственном регулировании региональных отношений, «мягкой силе», как сказали бы мы сегодня, была актуальной в контексте существенного «полевения» политических режимов в регионе. С другой стороны, «Союз ради прогресса» можно рассматривать как рецепцию идей рузвельтовского «доброе соседство» после доктрины «селективного вмешательства» Д. Эйзенхауэра и продолжение борьбы за экономические свободы, которые Рузвельт отстаивал в период Второй мировой войны.

Как и большинство других внешнеполитических подходов, данную программу не удалось реализовать. Частично это было следствием убийства президента, частично – следствием воровства средств коррумпированными режимами латиноамериканских стран. Вместо запланированного роста экономик в 2,5 %, максимальные темпы развития в указанные годы не превышали 1,7 %, и, что самое важное, долг спонсируемых стран США вырос в 2 раза за 1960-е гг. В 1970 г. в Чили к власти приходит правительство С. Альенде, который говорит о национализации иностранной собственности с учетом невозможности рассчитаться за долги.

5. «Инициатива для Америк» – программа, впервые высказанная 27 июня 1990 г. президентом Дж. Бушем-старшим и предусматривавшая создание единого

экономического пространства от Аляски до Огненной Земли [9]. Собственно эти идеи лежали и в основании деятельности в регионе администраций У. Клинтона и Дж. Буша-младшего до 2005 г., когда проект ФАТТ/АЛКА провалился. Клинтонская стратегия национальной безопасности добавляла сюда риторику демократизации, а доктрина Буша-младшего – вопросы борьбы с международным терроризмом. Но в проекции на проблемы региона эти идеи добавляли, а не видоизменяли вектор сотрудничества с Латинской Америкой. Магистральная задача внешней политики Штатов заключалась в создании американского центра силы на основе признания экономического лидерства США странами Латинской Америки. Взамен Вашингтон изменял направленность взаимодействия к сотрудничеству от конфронтации в двусторонних отношениях после установления гражданских правительств в латиноамериканских государствах на рубеже 1980–1990 гг. Основной формой сотрудничества были отказ от тарифного регулирования двухсторонних торговых связей и инвестирование в модернизационные проекты региона. Подобная повестка дня в конце прошлого столетия была продиктована, скорее, внешними (нерегionalными) факторами изменения структуры международных отношений на рубеже XX–XXI вв., чем реально сформировавшимися внутренними условиями развития латиноамериканских государств.

Ведущие мотивы последней доктрины были обусловлены макроэкономическими процессами, желанием не дать укрепиться в регионе КНР, ЕС, МЕРКОСУР и другим участникам современных международных отношений. Кроме того, масштаб сформулированных задач изначально не позволял за такой короткий срок создать даже единую зону торговли, а тем более общее экономическое пространство, в силу чего последняя доктрина изначально имела небольшие шансы на успех.

Указанные стратегические установки относятся лишь к числу специальных региональных внешнеполитических заявлений. Региональная направленность такого дискурса не подвергается сомнению. Помимо обозначенных программ, были и другие внешнеполитические идеи, не обращенные конкретно к Латинской Америке, но повлиявшие на идейный спектр латиноамериканского внешнеполитического дискурса. Как отмечал в своей ставшей уже классической работе патриарх американской внешней политики Генри Киссинджер, начиная с Вудро Вильсона аме-

риканские президенты вообще были склонны смотреть на мир сквозь призму универсальных ценностей и доктрин [10]. В связи с этим доктринальность и глобализм мышления в прошлом веке стали важным фактором американского внешнеполитического дискурса. Во второй половине XX в. каждый американский президент считал едва ли не своим долгом оставить после себя ту или иную международную доктрину, даже если его собственный вклад во внешнюю политику оставлял стране проблемы, а не достижения. Доктринальность была сопряжена с глобальной и региональной образностью и создавала неизбежный дискурсивный редукционизм, который проявлялся в упрощенном восприятии политической реальности.

Обратим внимание на то, что доминирующим объектом латиноамериканского дискурса в США выступал регион, а не страна, либо какие-то конкретные международные альянсы. Это позволяет предположить, что идеи, заложенные в доктринах, были обращены не к какому-то государству персонально, а предназначались в первую очередь для внутреннего «потребления» США. В связи с этим при характеристике данных внешнеполитических заявлений приходится принимать во внимание специфику формы и содержания стратегических установок относительно Латинской Америки.

По форме большинство из упомянутых заявлений были обнародованы в виде годичных посланий, инаугурационных речей, выступлений перед палатами Конгресса США. Соответственно, и аудитория, на которую были рассчитаны данные высказывания, – не латиноамериканские страны, а собственные и отнюдь не рядовые граждане, участвующие в формулировании национальных интересов. В этом отношении ключом к пониманию специфики формы внешнеполитических доктрин являются полномочия Конгресса в сфере принятия политических решений в США.

По содержанию доктрины отражали желаемый внешнеполитический образ страны, который планировалось продюцировать вовне. Пользуясь терминологией Макса Вебера, это идеальные типы для построения отношений, которыми должны были руководствоваться политики и которые Конгресс должен был профинансировать, не вдаваясь в детали. Отсюда широта и универсальная образность звучащих внешнеполитических заявлений.

Любопытно, что содержание доктрин и реальные внешнеполитические шаги США вызывали противоположную реак-

цию у тех, к кому они были обращены. Содержание доктрин способствовало резкому росту антиамериканизма в латиноамериканских странах, который часто становился единственной основой оформления общенациональных интересов для формирующихся внешних политик молодых соседних государств. Как писал Пол Холландер, именно внешний антиамериканизм был фактором, способствующим росту национального самосознания в странах Латинской Америки, а отношения с Вашингтоном на практике часто ухудшались в силу некорректности высказываний американских политиков [11]. Это лишь раз доказывает внутреннюю адресованность доктринального дискурса, а не последовательное формирование качественно новых внешнеполитических подходов. Недостатки доктринального дискурса в известном смысле напоминают историческую память, поскольку, с одной стороны, им свойственна универсальная образность и идейная селективность, а с другой – известная мифологичность. Не случайно до сих пор говорят о реализации доктрины Монро во внешней политике, в то время как на практике она последовательно не применялась даже в момент своего появления.

Таким образом, в разное время дискурс относительно региона во внешней политике США был неодинаковым и своеобразным. Он эволюционировал на протяжении почти двух столетий в сторону ненасильственных форм внешней политики. Доминирующим мотивом были не страны, а регион в целом. Отдельные высказывания о выведении Западного полушария из сферы внешней политики европейских стран, применении силы в качестве «большой дубинки» представляли именно идейную ценность внутреннего дискурсивного обновления внешней политики. Универсальный стиль мышления, характерный для указанных доктрин, изначально обрекал дискурс на проблемы с реальным воплощением внешнеполитических идей на практике.

В связи с этим риторика и содержание внешней политики не всегда соотносились. Доктринальные установки появились рано и в универсальной форме, но говорить о последовательности их применения исторически не всегда представляется возможным. В отношениях с Мексикой, несмотря на декларированный США в 1794 г. нейтралитет, явно просматривался экспансионистский характер политики. Он проявился в ходе войны за независимость, в период заключения транс-

континентального (флоридского) договора 1819 г., присоединения Техаса (1845), в период Орегонской войны (1846–1848) и «мексиканской авантюры» Наполеона III. В отношении Кубы в период конфликта с Испанией в 1868 г. США также вышли за рамки доктрины Монро и фактически заняли позицию деколонизации острова. Список подобных примеров не исчерпывающий и его легко можно продолжить. Он лишь подчеркивает, что стратегическая линия внешней политики США на латиноамериканском направлении формировалась долго, а ее конкретные формы часто противоречили высказанным представителями американской политики и дипломатии идеям.

В целом американские исследователи выделяют три этапа отношений США со странами Латинской Америки [12].

1-й этап (с 1898 по 1933 г.) содержание можно охарактеризовать как время американской гегемонии, основанной на интервенциях и экспансии. В 1898 г. в бухте Гаваны при невыясненных обстоятельствах был потоплен американский линкор «Мэн», что стало началом политики масштабного и целенаправленного применения силы США в регионе. Кроме того, в 1889 г. был образован и действовал вплоть до 1945 г. межамериканский союз, ставший основной площадкой многосторонней дипломатии США в этом регионе. Собственно Организацию американских государств (Боготинский пакт 1948 г.) можно рассматривать как новую форму трансформации региональной организации при сохранении американского доминирования в ней.

В 1903 г. в Панаме происходит восстание за отделение от Колумбии при активном участии США. Американская заинтересованность в этом проявилась в предоставлении на правах бессрочной аренды за небольшую плату территории в так называемой зоне канала. И фактически США удерживали здесь свое военное присутствие на всем протяжении XX в. Суверенитет Панамы над каналом был восстановлен только в первое десятилетие XXI в. В 1914 г. происходит хотя и неудачное, но все же вмешательство в мексиканскую революцию. С 1911 по 1917 г. американские войска находятся на территории Никарагуа. В 1916 г. президентом Доминиканы становится американский офицер. Таким образом, в рамках данного этапа экспансия США в регионе осуществлялась в самых различных формах.

2-й этап (с 1930 до середины 1950-х гг.) – это рузвельтовская и трумэнговская эпо-

хи. Специфика этапа проявилась в отказе от экспансии силы и была обусловлена следующими факторами.

Во-первых, сложности экономической ситуации внутри США на рубеже 1920–1930-х гг. Великая депрессия как показатель крупного экономического кризиса в истории XX в. не оставляла средств на продолжение наступательной региональной внешней политики.

Во-вторых, на изменение стратегических установок региональной политики США в этот период повлияла роль латиноамериканских стран в борьбе с фашизмом в 1939–1945 гг. Большинство стран выступило на стороне антигитлеровской коалиции и своеобразно, но поддержали усилия Вашингтона в Европе и Азии.

В-третьих, для США во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. приоритетным направлением оказалось вновь европейское, а силовая альтернатива в Латинской Америке была как минимум в тот период нерентабельной.

В-четвертых, страны Латинской Америки проявили заинтересованность в новых формах отношений с США. Для перехода к индустриальной экономике, модернизации, как сегодня принято говорить, были необходимы серьезные финансовые вливания. Подобные проблемы стояли перед многими государствами, и не только Латинской Америки. Рассчитывать на внутренние резервы при бедности ибероамериканских политических систем не приходилось, поэтому латиноамериканские страны надеялись на повторение в регионе плана Маршалла. Сдвиг во внешнеполитических приоритетах США к Европе не позволил реализовать такой проект, а сам этап закончился с первыми попытками установления «левых» политических режимов в регионе в начале 1950-х гг.

3-й этап – с момента свержения режима Ф. Батисты на Кубе в 1959 г. и до американской интервенции в Панаму в 1989 г. Куба 1962-го, Доминикана 1965-го, участие в Центральноамериканском конфликте в Никарагуа и Сальвадоре в начале 1980-х гг., Гренада 1983-го, Панама 1989-го – вот основные вехи возврата к политике силовых действий в регионе. Особенностью этого этапа была новая роль международного права в мире. Интервенции проводились в условиях запрета на применение силы, что, надо признать, не влияло на характер американского вмешательства в целом. С окончанием холодной войны и урегулированием Центральноамериканского конфликта отпала и необходимость ставки на «жест-

кую» силу, что можно наблюдать в региональной политике США сегодня.

В контексте выделенных этапов становится очевидным, что доктрины не всегда могут быть определяющим ориентиром для характеристики содержания данного внешнеполитического направления, а формы вмешательства в регион действительно демонстрируют многообразие подходов США к Латинской Америке. Необходимо признать, что силовой вектор в исторической ретроспективе был доминирующим мотивом международного поведения страны в этом регионе.

Современный этап, насчитывающий примерно 20 лет, характеризуется поворотом от конфронтации к сотрудничеству, что было следствием широкого круга внутренних и международных факторов по отношению к региону. При этом риторика во второй половине XX в. иногда имела в основе вовлеченность в глобальные процессы, а потому предвосхищала реальные возможности государства.

Дискурсивно современный латиноамериканский вектор внешней политики США характеризуется определенным кризисом идей. В ходе избирательной кампании 2008 г. сенатор Маккейн говорил, что дальнейшая демократизация является ключом к развитию Латинской Америки [13]. Остальные кандидаты в президенты почти никак не касались этой темы, хотя внешняя политика прежней американской администрации, как известно, была предметом критики в ходе выборов. Здесь любопытно, что идеи десятилетней давности, характерные для администрации Клинтона, были озвучены представителями республиканцев. Призыв к расширению демократизации в регионе мог быть следствием установления на рубеже двух веков левых режимов в четырнадцати государствах. Весной 2011 г. Барак Обама посетил ряд латиноамериканских стран, но никаких существенных новых заявлений, сравнимых с каирской речью для Ближневосточного региона, не последовало. В целом после неудачной попытки создания ФАТТ доктринального обновления не произошло.

Между тем все американские президенты и государственные секретари регулярно посещают латиноамериканские страны. Это свидетельствует о том, что регион по-прежнему находится в фокусе внимания Белого дома при любой администрации.

Поворот к ненасильственным методам внешней политики после окончания холодной войны вовсе не означает, что сила

навсегда ушла из внешнеполитических расчетов относительно данного направления. Даже в конце XX в. при наличии серьезных ограничений, наложенных международным правом на применение силы, вмешательство в дела региона для США проблемы не представляло. Среди факторов, которые могут способствовать рецепции силовой политики США в регионе и изменить вектор внешнеполитического взаимодействия, можно выделить следующие:

- вопросы о правах человека;
- проблемы наркотрафика;
- борьба с нелегальной иммиграцией;
- борьба с международным терроризмом;
- проблемы асимметричной интеграции в рамках НАФТА;
- пограничная политика и изменения социально-политических ландшафтов в приграничных районах США.

Не претендуя на исчерпывающий перечень наиболее важных факторов формирования современной внешней политики США на данном направлении, коротко охарактеризуем содержание выделенных.

Правозащитная политика становится важной составляющей международной повестки дня. В латиноамериканской политике США данный вопрос особенно важен в отношениях с Кубой. В 1990-е гг. в отношении этой страны был принят ряд важных национальных законов в США. Речь идет о так называемой поправке Торричелли (1992) и законе «О свободе и демократической солидарности на Кубе» (Закон Хэлмса-Бертон, 1996). Данное законодательство предусматривает нормы о том, что независимо от принадлежности к какой-либо стране лицо, совершающее сделки с кубинскими предприятиями, можно привлечь к суду в США, и оно будет отвечать в части возмещения ущерба перед бывшими американскими собственниками. Критика данного законодательства уже звучала в литературе. Основным аргументом критики выступает то, что указанные нормативно-правовые акты носят экстерриториальный характер. Они применяют собственное законодательство к отношениям за пределами страны. Справедливости ради отметим, что нормы экстерриториального действия присутствуют и в законодательстве других государств, в том числе и в России. Кроме того, нелюбовь к Кубе давно и широко распространена в американской внешней политике. Правда, в современных условиях закрытие тюрьмы в Гуан-

танамо в 2009 г. способствовало исчезновению одного из напряженных вопросов в американо-кубинских отношениях, но этим обстоятельством напряженность отношений не исчерпывается. Вряд ли в ближайшей перспективе будет возможно говорить о нормализации двухстороннего взаимодействия.

Кроме того, международно-правовое звучание вопросов касательно защиты прав человека сегодня становится формой нового интервенционизма в международных отношениях. Парадоксально, но сугубо позитивные изменения в международном законодательстве во второй половине XX в. сделали человека едва ли не субъектом международного публичного права. Нормативно-правовые акты многих государств сегодня не могут устанавливать национальные стандарты в области прав человека, и механизмы его защиты ниже тех, которые закреплены в универсальных международных актах и договорах. В этих условиях образуется опасный разрыв между декларируемым статусом человека и гражданина и фактическим соблюдением его прав в конкретной стране, тем более что перечень данных прав сегодня насчитывает три поколения и постоянно растет.

Подход кубинской дипломатии в отношении прав человека как раз исходит из того, что страна обеспечивает в первую очередь социально-экономические права своих граждан, иначе политические и корпоративные права не могут быть удовлетворены, если не обеспечены первые [14]. Однако действующее международное законодательство содержит положение о неделимости прав человека на отдельные группы и поколения [15]. В связи с этим Соединенные Штаты добиваются в ООН и ОАГ принятия резолюции, которая бы констатировала нарушение прав человека на Кубе. Несложно представить последствия принятия подобного документа в ситуации обострения отношений и условиях ослабления механизмов международного права в начале XXI в. В перспективе подобное решение может послужить и поводом для вторжения. Отметим, таким образом, что правозащитная политика в рамках данного направления политизируется, а Куба остается «лакмусовой бумажкой» для определения про- и антиамериканской политики латиноамериканских стран.

Пытаясь рассуждать с относительно объективных позиций, необходимо отметить, что вопрос о соблюдении прав человека и международных санкциях за их не-

соблюдение сегодня действительно имеет зыбкую грань между правом и политикой. В условиях ослабления универсальных международно-правовых механизмов в последние два десятилетия к нему необходимо подходить с осторожностью даже в рамках ООН, а сама оценка состояния прав человека в той или иной стране может быть дана только с учетом социокультурного контекста конкретного государства. Кроме Кубы, данный вопрос может повлиять на изменение вектора внешней политики США от сотрудничества к конфронтации в отношении стран с левыми популистскими режимами (Венесуэла, Боливия, возможно, Эквадор и Никарагуа).

Проблемы наркотрафика. Этот фактор вряд ли можно считать качественно новым для региона. Центральная Америка относится к одному из трех мировых центров по производству наркотиков естественного происхождения и бесспорным лидером по производству кокаина. Известно, что по уровню доходности наркоторговля занимает одно из первых мест в перечне преступной деятельности и конкурирует лишь с незаконной торговлей оружием. Уже в конце XX в. говорили, что наркотики представляют более серьезную проблему для безопасности, чем левые политические режимы в Латинской Америке [16]. Кроме того, «секьюритизация» данного вопроса может стать основой разработки совместных региональных военных программ и новой формой вмешательства в дела региона.

Центром производства наркотиков в Латинской Америке остается Колумбия, поэтому часто этот фактор еще называют колумбийским. Данная проблема объясняет, почему американцам в Афганистане не выгодно предпринимать серьезные усилия по борьбе с производством наркотиков. Наркотики, попадающие на американский рынок, латиноамериканского происхождения, а 90 % афганских опиатов идет в Европу, согласно экспертным оценкам [17]. Значение данного фактора как элемента региональной политики в последнее время возрастает по военно-политическим обстоятельствам (сворачивание Центра Южного командования и уход из зоны Панамского канала после 31 декабря 1999 г.), и в связи с втягиванием Мексики в сферу действия НАФТА, что существенно облегчило пересечение границы.

Остальные факторы, способные изменить внешнюю политику США в регионе, можно рассматривать в качестве «издержек» процессов глобализации мира. Увеличение транснациональной преступно-

сти, нелегальной иммиграции, изменения социально-политической картины в приграничных с Мексикой районах США представляют собой оборотную сторону роста транснационализации и усиления взаимозависимости в мире. В известном смысле транснациональная преступность развивается быстрее, чем межгосударственные транснациональные структуры за счет более гибкой организации, не связанной с правовыми рамками и национальными ограничениями.

Пограничная политика и изменения социально-политических ландшафтов в приграничных районах США. В рамках данного фактора речь идет об изменении так называемой доли WASP в приграничных районах США. WASP – это белые англосаксы, протестанты, которые традиционно составляли доминирующую категорию населения США. В 2003 г. впервые латиноамериканская диаспора (43 млн человек) превысила афроамериканскую (40 млн) в стране и стала второй по численности этнической группой в США. Локализация выходцев из Латинской Америки, 65 % которых составляют мексиканцы, – это как раз приграничные и южные штаты страны. Лингвистически пять бывших штатов, которые когда-то принадлежали Испании, говорят сегодня на странном смешении английского и испанского, который в литературе получил название «спенглиш» [18]. Эти изменения приводят к подвижкам в культурно-цивилизационном облике южных территорий США и представляют серьезные вызовы в области идентичности у населения. Происходит секьюритизация самосознания, что в перспективе чревато и международными проблемами.

Попытки ужесточения *пограничного режима* в начале XXI в., предпринятые на уровне отдельных штатов, имели прямо противоположные последствия. Количество лиц, желающих незаконно проникнуть в страну, резко стало расти, а те, кто уже находился в США, не спешили вернуться обратно, опасаясь закрытия границы. В силу этого даже президент США стал критиковать действия губернаторов и попытки строительства стены на границе с Мексикой. В целом данный фактор можно рассматривать в качестве одного из проявлений асимметричной интеграции в рамках НАФТА в современных условиях. Все большее количество политиков США рассматривают НАФТА как игру с отрицательной суммой для страны.

Таким образом, усиление барьерности в области границы наряду с относительно

слабой способностью контролировать миграцию и наркотрафик – основные объективные факторы формирования латиноамериканского направления внешней политики США в начале XXI в. Проблемы борьбы с международным терроризмом, как и вопросы международно-правовой защиты прав человека, могут иметь объективные и субъективно-конъюнктурные основания для организации новых форм международного вмешательства. Единственным противовесом, снижающим силовую альтернативу региональной политики США, остается не традиция внешнеполитического дискурса, а развитие интеграционных процессов в региональной экономике, что и создает неповторимое содержание современного этапа внешней политики США в Латинской Америке.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Regional Orders. Building Security in a New World / ed. by Lake D., Morgan P. Pennsylvania, 1997. P. 209.
- [2] См. об этом: Хрестоматия по истории международных отношений / под ред. Е. Е. Юровской. Т. 1. Европа и Америка. М., 1963. С. 119–120.
- [3] *Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро. Происхождение и характер. М., 1959; см. также : История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. М., 1994. С. 143–161.
- [4] Inaugural Address of Theodore Roosevelt, March 4, 1905 [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/troos.asp.
- [5] First Inaugural Address of Franklin D. Roosevelt. Saturday, March 4, 1933 [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/froos1.asp.
- [6] См. напр.: Waging Peace in the Americas : Address by Secretary Acheson; September 19, 1949 [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/decad063.asp.
- [7] См. об этом: История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. С. 217.
- [8] Declaration of the Presidents of America, Punta del Este, Uruguay, April 14, 1967 [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam19.asp; The Charter of Punta del Este, Establishing an Alliance for Progress Within the Framework of Operation Pan America. August 17, 1961 [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam16.asp.
- [9] См. об этом: *Сударев В. П.* Две Америки после окончания «холодной войны». М., 2004. С. 46–55.
- [10] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 196–200.
- [11] *Холландер П.* Антиамериканизм рациональный и иррациональный. СПб., 2000. С. 635–636, 656–660.
- [12] Regional Orders. Building Security... P. 209.
- [13] О некоторых новых чертах современной латиноамериканской геополитики (аналитический доклад ИЛА РАН). М., 2010. С. 2–3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=689>.
- [14] *Елбаева М. В.* Права человека на Кубе: мифы и реальность // Латинская Америка. 2008. № 12. С. 44–57.
- [15] Международное право / под. ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. М., 2007. С. 535.
- [16] *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке. М., 2002. С. 218.
- [17] Нелегальный рынок Центральной Азии. Алматы, 2005. С. 10.
- [18] *Проценко А. Е.* Мексикано-американские отношения в условиях глобализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 9–10; *Голунов С.* Пограничная безопасность: зарубежный опыт // Космополис. 2008. № 2(21). С. 115–128.

РИМСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ МОНТЕСКЬЕ

Проанализированы исторические взгляды Монтескье, их отражение в его сочинении «Размышления о причинах величия и падения римлян».

Ключевые слова: Рим, республика, монархия, империя, свобода, история, римский дух.

«Размышления о причинах величия и падения римлян» были опубликованы в Амстердаме в 1734 г. анонимно вскоре по возвращении Монтескье из Англии (1729–1731). Судя по названию, они, казалось бы, претендовали на обращение к конкретной истории и анализ фактов.

Однако французские современные авторы не считают их историческим сочинением, предпочитая определять этот жанр как эссе, и относят к философии истории. Да, Монтескье выделяет здесь этапы римской истории, чтобы дать ей объяснение. Но он отказывается от элегантности и эрудированности рассуждений историка. Как Боссюэ, этот признанный мэтр истории, он хочет найти динамику человеческой истории, но в отличие от провиденциализма этого классика отрицает, что судьба движет миром, что Бог – мотор истории. Он не разделяет фатализма Боссюэ. Его детерминизм – в принципах государств, т. е. в самой данности, к тому же не неизменной, а которую люди в состоянии поправить. Здесь есть ностальгия по величию Рима, есть настроение: как бы избежать его падения, ему лучше других виделась эти средства, тем более что республика тогда отвечала его мечтам [1].

По мнению Жана Дажана, Монтескье хочет только знать, как создавалась и разрушалась Римская республика как комплексная реальность, беспримерная, которая рождалась и разрушалась как идеальная форма под влиянием идущих чередой побуждений ее собственной природы. Он был убежден, что все частные причины зависят от некоего всеобщего начала, что по такой схеме меняется история римлян [2].

Авторы, принявшие участие в подготовке оксфордского издания Полного собрания сочинений Монтескье в двадцати двух томах (публикация которого началась с 1998 г. и продолжается до сих пор), Патрик Андриве и Катрин Вольпиак-Оже, утверждают, что именно с этим произведением просветителя связано рождение его исторического метода, что он писал не столько историю Рима, сколько рассуждение об Истории, смысл которого заключался в полемике с современными ему историками Рима. Кроме того, он хотел дать урок для современных политиков: тип гегемонии, достигнутый Римской империей, не мог являться для той Европы ни возможным, ни желательным [3].

Вольпиак-Оже подчеркивает, это сочинение является политическим размышлением и о масштабе свободы, поскольку все шло от факта: власть теряла те ценности, которые составляли ее силу (вытекающую из гражданской добродетели римлян), а все усилия римлян были направлены на обеспечение их свободы. Она находит оригинальность Монтескье в том, что в отличие от многих историков, которые считали признаком римской слабости их раздоры и особенно борьбу между народом и сенатом, он называл это сопротивление «лучшим знаком римской витальности» (жизненной силы) и лучшей гарантией витальной (жизненной) свободы [4].

Как в «Персидских письмах», Монтескье не покидает интерес к переходным фазам в истории. Прослеживая путь от основания Рима до падения Константинополя (Восточной Римской империи), он проходит мимо самого основания Рима, поскольку видит в этом нечто чудесное или анекдотическое. Но фиксирует внимание на факте самоубийства Лукреции – жены Коллатина Тарквиния, знатного родственника царя. Для него это «случай», но не простой случай, а «революция», хотя историки и до него и его современники применяли этот же термин. Но Монтескье пишет не о привычке к восстанию, он доводит этот факт до всеобщего закона: случай касается нравов, чести римского народа, который был поражен изнасилованием Лукреции Секстом, сыном царя Тарквиния Гордого. И тогда «гордый, предприимчивый и смелый народ» оказался перед выбором: или изменить правительство, или «остаться маленькой и бедной монархией». Народ не смог стерпеть бесчестия, изгнал этрусков, царей, ввел ежегодных консулов и тем открыл путь на вершину могущества [5].

Так, уже в главе I появляется в «Размышлениях» термин «революция», т. е. изменение, даже внезапное. С революцией он связывает альтернативность изменений: или – или. А еще он склонен говорить здесь о трех политических революциях: первая – это захват власти Тарквинием (он захватил трон, совершив убийство Сервия Тулия, а не был избран), вторая – он сделал власть наследственной, абсолютной, поводом к третьей послужило самоубийство обесчещенной Лукреции [6].

В главе XVII речь идет уже не о политике, революция связывается с экономикой и мировидением: таковыми являлись открытие Америки и обретение Европой ее богатств – золота и серебра [7]. В главе XVIII революция уже затрагивает Францию, ее социальную историю: когда варвары завоевывают галлов, превращают их в крепостных с прикреплением к земле, появляется «тягостное различие» между знатными и простонародьем [8].

Словом, революция у Монтескье – это значительное изменение, возможно, и как альтернативное и многократное явление: «Сами революции порождали революции, и само действие становилось причиной» [9]. Анализируя причины ослабления Восточной империи, Монтескье обращается к явлению многофакторности. Какие обстоятельства породили эту слабость? Завоевания, мятежи, смена религий, падение нравов, потеря уважения к власти,

вырождение ее носителей, всеобщее разложение, военное преобладание завоевателей – все это привело Восточную империю в оцепенение [10]. Здесь он не оперирует понятием «революция». Однако не может обойтись без упоминания о другой «знаменитой революции», но уже применительно к Англии середины XVII в. Это нужно, чтобы сравнить военное соотношение сил между арабами и Византией: армии Кромвеля были тогда похожи на арабские, а Ирландии и Шотландии – на греческие. У арабов была храбрость и лучшая кавалерия [11]. Как и в «Персидских письмах», он использовал Английскую революцию в качестве исторического критерия. И это касалось не только военной истории, а вообще фактора силы, преобладания в конфликте. Разделение Римской империи на Западную и Восточную, которое приблизили Диоклетиан и Константин I, Монтескье считал революцией: это разделение и привело империю к гибели [12].

Монтескье – несомненный государствовед, но какой? В его время, в эпоху абсолютизма, проявился спрос на сильное государство, отмеченное величием, процветанием, внутренним благополучием, внешним могуществом. То было время усиления милитаризма, роста международной напряженности, а ответом на него – стремление абсолютной монархии к стабильности. Пример Речи Посполитой (где не было абсолютизма), потерявшей в новое время (в последней четверти XVIII века) свою государственность, доказывал, насколько своевременным являлся абсолютизм, который стабилизировал и общество, и государство [13]. Французские короли этой эпохи просто не мыслили свое правление без претензии на величие, славу династии и монархии, на гегемонию Франции в Европе. Проблема величия Рима была востребована самим временем. Однако, по мнению Вольпиак-Оже, Монтескье не только не разделяет восхищение своего века римлянами, он «пишет против них», против всех хвалителей римлян, против тех, кто с легкостью «твердит об их несомненном превосходстве», ибо он знает, что точка зрения историков всегда идет за победителем [14]. Отсюда выходит, что его не устраивала абсолютная монархия, произвол власти центра.

Тем не менее его очень занимала тема величия Рима, которое он связывал с переходом от правления царей к республике: сначала к аристократическому правлению с сенатом, где все должности находились у патрициев, затем с постепенным

превращением его в демократическое, когда плебеи ослабили патрициев. Счастливыми он называет республики, где народ творит власть. Сила республики заключена в добродетелях: дисциплине, строгости нравов, соблюдении обычаев [15]. Чтобы убедить в том, какое «прекрасное» правительство было у Рима, Монтескье сравнивает его с современной Англией, которая обладает «мудростью» (т. е. парламентом, способным контролировать правительство и себя самого), и выводит общее правило: «Свободное государство (где есть борьба партий) может сохранить себя, только если способно исправлять свои ошибки – благодаря своим законам» [16]. Так появляется новая дефиниция: «свободное государство», преимущество которого состоит в заботе об общем благе и республике (лучше распределять доходы, не иметь фаворитов, уважать и исполнять закон) [17]. Он соединяет свободу с государством. На каких же основаниях это возможно? Где искать связь величия Рима со свободой? И он находит это состояние духа в материальных факторах: в равном распределении земель. Такой характер собственности и есть основание – и для свободных римлян, и для свободного государства. Это делало каждого гражданина патриотом, и стоило нарушить это равновесие, как больше нет «ни граждан, ни солдат». Римское республиканское общество Монтескье считал «благоустроенным», поскольку гражданство основывалось на равном владении землей – отсюда интерес защищать отечество и секрет могущественного и дисциплинированного народа и римских добродетелей: настойчивости, мужества, любви к себе, семье, отечеству. Когда же был нарушен этот земельный баланс, появились жадные, земля оказалась у немногих, тогда солдаты стали трусливыми, они уже «не имели отечества», и им больше «нечего было терять и сохранять» [18]. Проблема стабильности государства не могла состояться без стабилизации общества (особенно без соответствующего баланса собственности). При этом Монтескье настаивал на соответствии политических изменений общественным, трансформации нравов, которые считал «сильнее законов».

Изменение баланса собственности в римском обществе влечет за собой неслыханную роскошь и расточительство. Ссылаясь на свидетельства античных историков Тита Ливия и Саллюстия, автор «Размышлений» пишет о порче нравов у римлян: очень трудно богатому быть хорошим гражданином, а разорившиеся всегда го-

товы на преступление. Но главное – сама политика конца республики влияла негативно на состояние духа римлян [19].

К величию Рима у Монтескье весьма сдержанное отношение. Пожалуй, для него в истории Рима определяющим был внешний фактор: он вел «непрерывные и жестокие войны», и грабеж был единственным средством обогащения. И большие размеры республики представлялись ему единственным злом, тем более что законы малой республики не могли подойти стране, увеличивающей свою территорию [20]. Он без восхищения относится к «машине войны» (римскому легиону), но отмечает ее совершенство. Считая войну их единственным истинным искусством, автор особо делает акцент на их удивительный прагматизм, ибо их любовь к свободе – это любовь к «хорошо организованному обществу», где у каждого – земля, и он защищает общее благо – «эту добродетель бедных». Лишь Пуническая война, превратившись в оборонительную, позволяет оценить «силу институции», и тогда Монтескье, кажется, готов признать превосходство римлян [21].

Переход республики к империи в истории Рима Монтескье связывал с изменением духа римлян как «всеобщего начала». Смешавшись с варварами, римляне заразились их духом независимости, потеряли дисциплину, прежние республиканские добродетели. Причины более раннего падения Западной Римской империи видятся ему в «комплексе условий». Возникает идея «всеобщего духа» (*esprit général*) нации, который является результатом исторического становления: его формировали события, что затем претворилось в нравы. В связи с этим он ориентировал себя на тщательность поиска: «Я не должен пропустить ничего, что может послужить к познанию духа римского народа» (*le génie du peuple romain*). «Поразительная судьба» Рима кажется «непонятной» из-за разницы положения римлян и современных народов. Он показывает это различие через пропорцию военных к гражданским: в республиканском Риме – 1:100, в современном обществе – 8:100. В Риме война объединяла все интересы, он думал только о славе и господстве [22]. Римский «дух» объясняет историю Рима. По мнению Ж. Дажана, он освещает пути и формы истории, но без обозначения генерального плана. Этот компонент истории К. Вольпиак-Оже называет «культурой» нации, которая складывается из ее религии, институций, нравов и ума. Все это может радикально трансформироваться или, наоборот, обеспечивать ста-

бильность, что позволяет понять склонность римлян к свободе [23].

В связи с этим закат Рима, убеждал Монтескье, ведет свое начало от отказа римлян от свободы (при Августе, Цезаре). Не помогают и временные ремиссии при «славных» императорах: Тите, Траяне, Антонине I, Юлии. Тиранию императоров он выводит из «общего настроения умов римлян»: это и развращенность деньгами, зрелищами гладиаторских боев (что сделало их особенно жестокими), и подрыв власти магистратов, и проскрипции Суллы, которые сделали плебс падким на ограбление знатных фамилий. В итоге римский народ, т. е. плебс, потеряв власть, стал «презренным из народов»: он не стал отныне участвовать в войне (что явилось отходом от республиканского принципа – непрерывно воевать), не был занят в хозяйстве, выборах [24]. Так произошла настоящая ментальная катастрофа: с потерей республиканских ценностей общество вступило в стадию своего разложения.

Империя у Монтескье – ни монархия, ни республика, а «владыка вселенной», «голова тела», которое состояло «из всех народов мира», которых растворяли и делали римлянами [25]. Как считает Вольпиак-Оже, «самой замечательной» находкой Монтескье-историка было представление о долговременном влиянии господства Рима (этой «универсальной монархии») на мир: целые народы уничтожались или преследовались [26].

Естественно, что для Монтескье большой интерес представляли носители власти, особенно привлекали авторитарные правители и «честолюбцы» Август, Помпей, Цезарь, тирания которых укреплялась вместе с ослаблением власти народа и усилением коррупции. Их честолюбивые планы подпитывались поощрением анархии, безнаказанности преступлений, стремлением сделать своих сограждан не лучшими, а худшими, тем самым дискредитировалось республиканское правление. Однако Монтескье не склонен был в гибели республики обвинять «честолюбие отдельных лиц». В самой природе человека он находил неудержимое стремление к власти, которое возрастало, чем больше ее было (вплоть до обладания всем). Этому настолько был подвержен Цезарь, что Монтескье заключил: его преступление могло быть наказано только убийством. И это он воспринимал как выражение республиканской добродетели – любви к отечеству. Впрочем, тиранию он считал не столь губительной для государства, как равнодушие к общему благу, республике, и упадок боевого духа [27].

Из византийских императоров он особо выделял Юстиниана, «дурное правление» которого, отмеченное жестокостью и слабостью, считал настоящим бедствием. Более всего он порицал его религиозную политику: насильственное принуждение к христианскому единообразию. Его просвещенный взгляд не принимал византизма, ему претила заявка церкви на роль государственного организма, особенно отвергал несвоевременные богословские распри, которые подрывали государство и отвлекали его от борьбы с внешними врагами. В незнании природы и пределов духовной и светской власти он видел источник бедствий греков, так как считал, что их нельзя смешивать – они должны существовать отдельно друг от друга. Ему также ненавистна была непримиримая вражда греков и латинов. Здесь чувствовалось дыхание цивилизационных предпочтений, понимание близости римлян и греков (вопреки политике правителей Восточной империи, которые не захотели помочь Западной, предпочитая союзы с варварами) [28]. Воспринимаемая всю абсурдность раздела Римской империи, Монтескье, однако, отдает свои симпатии республиканскому правлению как гармоничному, где нравы и власть соответствуют друг другу.

В главе IX Монтескье воздавал должное Риму, который совершал «великие предприятия», «был создан для того, чтобы возвыситься» и преуспевал при всех своих формах правления: монархической, аристократической, демократической. Ученый писал о Риме как о едином целом, как об истинном, гармоническом союзе, где все части, какими бы противоположными они ни были, соединялись «в общем благе», подобно диссонансам в музыке, которые сливались в общем аккорде. Когда же Рим перестал быть единым целым, исчезла гармония, чувство римской привязанности – Рим прекратил свое существование. Автор жалеет, что Рим «слишком рано завершил свое творение» [29]. Так, по утверждению Ж. Дажана, «модель динамического равновесия должна была погибнуть через нарушение равновесия» [30].

«Размышления» не принадлежали к разряду академических штудий. Монтескье был полон дум о своей Франции, о современной Европе. Римская экспансия была ему явно не по душе: расширение территории за счет завоеваний соседей чревато испытаниями и распадом. Империя при Юстиниане с ее военной слабостью находила сравнение во французской истории: параллелью этому царствованию представлялась эпоха норманнских завое-

ваний, в течение веков разорявших Францию, а потом разделивших ее провинции [31]. Милитаризм Римской империи становился для него непривлекательным: «нет ничего более безрассудного, чем армия», когда она стала пользоваться верховной властью. При императорах исчезли республиканские добродетели, разложилось войско, и тогда Рим сам стал добычей других народов. Это позволило Монтескье сформулировать правило: «Империя, основанная на военной силе, обязана ее сохранять посредством оружия» [32]. Однако императоры предали забвению основной принцип республики – постоянно воевать, так как боялись армии, от которой зависели. Тирания императоров шла от настроений римлян, их жестокости.

Не принимая такую власть, Монтескье захотел сравнить империю с современной ему Европой. Выводы получились в пользу последней: власть императоров выглядела более тиранической, чем нынешних государей. Это объяснялось ограниченным характером монархической власти: ведь европейские короли были только законодателями, а не исполнителями законов, они не являлись и судьями, которые наказывали, у короля оставалось только право помилования. (Здесь явно содержится намек на возможность и желательность разделения властей.) При сравнении римского и европейского общества чаша весов тоже клонилась в пользу современных нравов: римляне не могли обладать добродетелью, которую «мы называем гуманностью» (*humanité*). В современных историях он не находил места римской жестокости, ибо здесь были более мягкие нравы, более кроткая религия, более умеренные богатства [33]. Как представитель дворянского сословия, Монтескье не может обойти его главную ценность – честь. В Восточной римской империи он не обнаруживал никакого представления подданных о верности государю [34]. Именно честь станет принципом монархии в «Духе законов» как оплот этой формы правления, по сути антиабсолютистской, и критерием дворянских привилегий и достоинства.

«Размышления» Монтескье готовят подступы к «Духу законов» и в теории правлений, и в теории размеров, и основаниях республиканской формы правления, также в них задается новая тональность в рассуждениях о свободе. Здесь он оказывается сторонником решительного отстаивания свободы вплоть до сопротивления. Не случайно он принимал необходимость внутренней борьбы, «раздоров»,

гражданских войн. Исходя из того, что римский дух заключался в любви к свободе, равенству, ненависти к тирании и важности противостояния сенату, он формулирует «общее правило»: «Когда в республике все спокойно, в нем нет свободы». Раздоры нужны были Риму: при гражданских войнах его могущество только возрастало. То же самое он замечал и в новом времени. Французы были сильны после раздоров Бургундского и Орлеанского домов, после смут при Лиге, после гражданских войн во времена малолетства Людовика XIII, Людовика XIV. Так и Англия – при Кромвеле в период Долгого парламента [35]. Что в этом? Принятие столкновения мнений? Право на сопротивление власти? Родовая традиция антиабсолютизма? По крайней мере, очевидно, что его «Размышления» не академические штудии, стремление не просто знать историю, а ее понимать, к тому же через связь времен. Такое намерение поднимало проблему научного метода.

Его новизна связана с изучением превратностей идеи свободы и ее гарантий. В этом он расходился и с теми, кто был ее защитником, и с теми, кто предпочитал ей гражданский мир. В то время его критиковали за лаконизм «Размышлений», особенно за отказ от нарратива (который предпочитали в XVIII в. в качестве благородного жанра), чтобы заставить читателя думать, а не просто увлекать шармом рассказа; за отказ от традиционного изображения героев, чтобы удовлетворить интерес тогдашнего читателя к познанию психологии сильных мира сего. Его же больше занимала психология народов, а упорство, с которым Монтескье выявлял ложные ценности римлян, сомневался в их превосходстве, тогдашнего читателя и вовсе приводило в замешательство [36]. Еще до появления «Духа законов» он как никто так не сосредоточивался на проблематике ментальности и тем самым начинал проявлять себя как социолог. Хотя, конечно, на первое место он ставил изучение политических форм, но опять же – во взаимоотношениях с общественными факторами. Его волновала проблема переходных политико-социальных состояний как своеобразных моделей и динамических процессов. Монтескье был одним из тех авторов, кто утвердил в европейской историографии представление о формально-юридическом складе мышления римлян, суровости их нравов, подчиненных идее государства, и оно сделалось традиционным.

Это своеобразие Рима противопоставлялось потом созерцательности древних

греков и их склонности к отвлеченному мышлению и искусству [37]. Так, на отличие римского духа от греческого обращал внимание Гегель в своей «Философии истории». В противоположность «прекрасной гармонической поэзии и спокойной свободе духа греков» он видел «крайнюю прозаичность духа» «в развитии римского права и римской религии». Он заключал: «Несвободной, бездушной и бессердечной рассудочности римского мира мы обязаны возникновением и развитием *положительного права*». В отличие от греков, у которых «обычай являлся в то же время юридическим правом, и именно потому государственный строй не находился в полной зависимости от обычая и образа мыслей», римляне придумали «правовой принцип, являющийся внешним, т. е. независящим от настроения и чувства». В Греции дух «еще не отрешился от природного элемента, от партикуляризма индивидуумов», а в Риме уже находим «свободную всеобщность», которая ставит «абстрактное государство, политику и власть выше конкретной индивидуальности» и создает личность [38].

История Рима давала богатый исторический материал, который служил основанием для раздумий над проблемами Античности и современными вопросами о приемлемом характере власти, общества, возможности его стабильности и необходимой динамики. Монтескье очень притягивала тема свободы, что утверждало его как мыслителя-гуманиста либеральных предпочтений. Выявление им некоторых аналогий в римской и последующей французской и английской истории готовило почву для открытия европейской цивилизации. Это обуславливало понимание преемственности европейского развития в будущей французской историографии. Между 1780 и 1830 гг. мыслители пришли к представлению о цивилизациях – самобытных, разнородных. Новыми значениями обогатились они у И.Г. Гердера, Э. Кине. Но один Франсуа Гизо в 1828–1829 гг. особо завладел понятием «цивилизация». По его мнению, это было явление, «мало доступное взору, сложное», которое нельзя исключить из истории. Оно словно «океан, в лоне которого соединяется все, что составляет жизнь народа, все силы его бытия, и которое составляет богатство каждого народа», а религиозные, философские идеи, науки, литература, искусства должны рассматриваться только «с точки зрения цивилизации». Гизо понимал, что «у человечества общая судьба, передача накоп-

ленного действительно происходит», поэтому можно написать всеобщую историю цивилизации. Она состоит из двух элементов: внешнего – социальное развитие и внутреннего – интеллектуальное развитие. Они находятся в единстве и взаимодействии [39]. У Монтескье нет этого понятия, но есть противопоставление Рима, Византии и варваров. Есть стремление представить читателю римский дух, своеобразие римского менталитета, чтобы через многофакторность его изображения понять изменения, которые происходили в истории Рима. Он создает свою версию понимания этой истории, предлагает свои аналоги ее отдельных моментов, когда сравнивает Античность с последующими событиями и процессами в Западной Европе. Его подход к римскому прошлому в немалой мере складывался из его отношения к французскому, европейскому абсолютизму и предпочтения английской социально-политической системы. Он обновлял историческое исследование поиском детерминированных связей в самих фактах, введением синтезирующего понятия «всеобщий дух», актуализируя римское прошлое во имя ответа на вызов приближающегося кризиса. Отсюда размышления о причинах стабильности государства и его динамических изменениях. Чувствуется, что для него история оставалась учительницей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Histoire littéraire de la France. T. 1–10. Sous dir. P. Abraham et R. Desné. P., 1974–1978. T. 5. Part 1. P. 388.
- [2] Dagen J. L'Histoire de l'esprit humain dans la pensée française de Fontenelle à Condorcet. P., 1977. P. 236.
- [3] URL: http://montesquieu.ens-lsh.fr/article.Php?id_article=8#t2.
- [4] Volpihac-Auger C. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence (1734) // Dictionnaire électronique Montesquieu [En ligne]. URL : <http://dictionnaire-montesquieu.ens-lsh.fr/index.php?id=196> (mis à jour le : 14.02.2008).
- [5] Монтескье Ш. Л. Размышления о причинах величия и падения римлян // Шарль Луи Монтескье. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. Гл. I. С. 262–264.
- [6] Там же. С. 262.
- [7] Там же. Гл. XVII. С. 352.
- [8] Там же. Гл. XVIII. С. 359.
- [9] Там же. Гл. XXI. С. 374.
- [10] Там же. Гл. XXI, XXII. С. 373–377.
- [11] Там же. Гл. XXII. С. 377.
- [12] Там же. Гл. XVII. С. 351.
- [13] Хобсбаум Э. Век революций. М., 1999. С. 36, 37.
- [14] Volpihac-Auger C. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence (1734).

- [15] Монтескье Ш. Л. Размышления... Гл. VIII С. 302, 303.
- [16] Там же. С. 304.
- [17] Там же. Гл. III. С. 274.
- [18] Там же. С. 270–272.
- [19] Там же. Гл. IV. С. 279; гл. X. С. 309–310; гл. XI. С. 311, 313.
- [20] Там же. Гл. I. С. 264, 266; гл. IX. С. 306–307.
- [21] *Volpilhac-Augier C.* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence (1734).
- [22] Монтескье Ш. Л. Размышления... Гл. III. С. 272; гл. IV. С. 274, 275; гл. XVIII. С. 356–358; гл. XIV. С. 333; гл. XXI. С. 374; *Montesquieu.* Considérations sur les Causes de La Grandeur et la Décadence des Romains. Ch. XIV. URL: <http://www.fbis.net/montesquieuconsiderations.htm>.
- [23] *Dagen J.* L'Histoire de l'esprit... P. 236; *Volpilhac-Augier C.* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence (1734).
- [24] Монтескье Ш. Л. Размышления... Гл. XI. С. 313; гл. XIII. С. 328; гл. XV. С. 334–335.
- [25] Там же. Гл. VI. С. 297.
- [26] *Volpilhac-Augier C.* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence (1734).
- [27] Монтескье Ш. Л. Размышления... Гл. IV. С. 275, 280; гл. XI. С. 312–313, 317–320; гл. XIII. С. 326–328; гл. XIV. С. 332.
- [28] Там же. Гл. XVIII. С. 359; гл. XIX. С. 363; гл. XX. С. 268; гл. XXII. С. 382–384; гл. XXIII. С. 386–389.
- [29] Там же. Гл. IX. С. 305–308.
- [30] *Dagen J.* L'Histoire de l'esprit... P. 235.
- [31] Монтескье Ш. Л. Размышления... Гл. XV. С. 337; гл. XIX. С. 362; гл. XX. С. 372.
- [32] Там же. Гл. XIII. С. 325; гл. XVI. С. 358; гл. XVI. С. 347.
- [33] Там же. Гл. XIII. С. 328; гл. XV. С. 334, 335; гл. XVI. С. 342; *Montesquieu.* Considérations sur les Causes de La Grandeur et la Décadence des Romains. Ch. XV.
- [34] Монтескье Ш. Л. Размышления... Гл. XXI. С. 373.
- [35] Там же. Гл. IX. С. 306–307; гл. XI. С. 316, 317.
- [36] *Volpilhac-Augier C.* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence (1734).
- [37] *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 91.
- [38] *Гегель Г. В. Ф.* Философия истории // Сочинения. Т. VIII. М., 1959. С. 272–273.
- [39] *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 262, 271–273.

УДК 94

Е.Н. Наземцева

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СИНЬЦЗЯНЕ
В КОЛЛЕКЦИЯХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ
РОССИЙСКИХ АРХИВОВ:
ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОИСКА И АНАЛИЗА***

Освещаются проблемы изучения истории русской эмиграции в крупнейшей провинции Китая – Синьцзяне. Основная часть документального материала на протяжении длительного периода была закрытой для исследователей. В настоящее время доступ к ним продолжает оставаться ограниченным. Специфика документов отражает политику Советского Союза в отношении русской эмиграции, характеризует основные направления ее военно-политической деятельности.

Ключевые слова: русская эмиграция, Синьцзянь, Среднеазиатский военный округ.

На протяжении последних лет изучения русского зарубежья основное внимание исследователей было обращено к наиболее известным регионам русского рассеяния – Европе и Китаю. В результате дальневосточная ветвь русской эмиграции к настоящему времени изучена достаточно подробно, опубликованы обобщающие труды [1]. В то же время история русской эмиграции в отдалённых районах Китая долгое время оставалась за пределами научного осмысления. Это было связано с комплексом объективных и субъективных причин.

Расположенная на окраине Поднебесной, провинция Синьцзян длительное время развивалась по особому пути. Это наложило особый отпечаток на ее историю. Экономически тесно связанной сначала с Российской империей, затем с Советской Россией, в силу своего пёстрого национального состава взрывоопасный в политическом отношении, Синьцзян в первой половине XX в. являлся одним из центров геополитических противоречий великих держав. Волею судьбы русские оказались в самом центре событий, развернувшихся здесь в первой половине XX в.

Сложнейшие международные противоречия стали тем важнейшим фактором, который оказывал серьёзное влияние на внутривнутриполитическую жизнь в провинции и положение русских. Это стало серьёзным препятствием для изучения региона и тех процессов, которые здесь имели место, поскольку основная часть документов на протяжении десятилетий была засекреченной, а результаты проведённых исследований оставались доступными только для «служебного пользования» сотрудников Министерства иностранных дел, военных, советской разведки.

Формирование русской диаспоры в Синьцзяне происходило в течение длительного периода. Первые русские появились здесь еще в XIX в. Это были старообрядцы, торговцы, консульские служащие, охрана. Однако основу русской колонии составили те, кто вынужден был покинуть Россию в 1920–1922 гг.: разбитые части Оренбургской и Семиреченской армий. Оказавшись в провинции, русские так и не обрели покоя. В 1921–1922 гг. в ходе двух военных операций, проведённых совместными усилиями китайских и советских военных час-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, № 10-06-90742.

тей, основные силы русской военной эмиграции были уничтожены. Оставшиеся же русские постепенно расселились по округам провинции. На протяжении 1920–1940-х гг. русские принимали активное участие в политической, экономической жизни провинции. Благодаря им в провинции активно развивались сельское хозяйство, торговля. Многие фирмы, которые основали русские эмигранты, вели успешную торговлю с СССР.

В 1931–1934 гг., 1944–1949 гг. в Синьцзяне развернулись мощные антикитайские восстания коренного населения. В первом случае русские эмигранты поддерживали китайское руководство, надеясь на улучшение своего положения в провинции. При их непосредственном участии был свергнут губернатор Цзинь Шужень. Его место занял генерал Шен Шичай. Однако надежды русских не оправдались. Более того, многие из тех, кто принимал участие в отмеченных событиях, позже были подвергнуты репрессиям. В 40-е гг. XX в. ситуация изменилась. Мусульманское движение приняло более широкие масштабы: была образована Восточно-Туркестанская республика. На этот раз русские эмигранты заняли иную позицию и поддержали мусульман. Однако движение потерпело поражение. Сложившаяся ситуация вынуждала русских покидать провинцию. Многие уезжали на Восток, другие же приняли решение возвратиться на родину.

Основная часть источников по истории русской эмиграции в Синьцзяне введена в научный оборот впервые: законодательные акты, распорядительная документация органов власти, документы советских, белогвардейских и белоэмигрантских военных формирований, статистическая документация, картографические материалы, периодическая печать, мемуары. Большая часть этих документов хранится в центральных российских архивах – Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном музее Вооружённых сил Министерства обороны.

Документы по истории русской эмиграции в Синьцзяне, содержащиеся в АВП РФ, представлены законодательными актами, распорядительной документацией органов власти [2]. Документы этих фондов характеризуют процесс формирования белой эмиграции в Синьцзяне, помо-

гают выявить особенности трансформации и факторы распада эмигрантской диаспоры. В этом плане наиболее информативной является ведомственная документация: доклады, обзоры, отчёты советских консулов, дипломатическая, ведомственная, межведомственная и личная переписка консульских служащих и сотрудников иных ведомств и организаций, агентурные материалы – донесения, разведсводки, информационные сводки, письма, аналитические обзоры (в 20-е гг. XX в. консульства в Синьцзяне имелись в следующих пунктах: в городах Урумчи и Кашгаре – Генеральные консульства, в городах Чугучаке, Шара-Сумэ, Кульдже – консульства). Они позволяют восстановить историю жизни белоэмигрантской колонии в Синьцзяне в 20–30-е гг. XX в., особенности ее политической деятельности, экономического положения, а также политики СССР в ее отношении [3].

Их дополняет распорядительная документация, которая, в свою очередь, включает директивные материалы (директивы, постановления, распоряжения, приказы органов власти – ВЦИК, НКВД, ОГПУ, ИНО ОГПУ).

Общую картину экономической жизни белоэмигрантской колонии дополняет переписка советских торговых организаций в Синьцзяне с НАРКОМТОРГОм СССР, ИНО ВСНХ СССР, НКВД. Переписка характеризует такие аспекты, как, например, сотрудничество белоэмигрантов с германскими, американскими фирмами и советскими торговыми организациями. Фрагменты ее рассредоточены по фондам АВП РФ, РГВА, РГАСПИ и не дают полного представления об этих обстоятельствах [4].

В фондах АВП РФ отложились распорядительные документов НКВД и ИНО ОГПУ, характеризующие проблемы реэмиграции русских из Синьцзяна на родину, а также процесс совершенно обратного характера: новую волну эмиграции в Синьцзян в конце 1920-х гг. [5].

В регионе были сосредоточены интересы нескольких великих держав. Кроме того, в межвоенный период особенно активной была антисоветская деятельность русской эмиграции, в том числе и в Синьцзяне. При исследовании вышеупомянутых вопросов особо ценными являются агентурные материалы – донесения, разведсводки, информационные сводки, письма, аналитические обзоры из коллекции фондов АВП РФ. В основном они касаются деятельности белоэмигрантских организаций в Синьцзяне, их связи с английской, китайской, советской разведками.

Кроме того, положение эмигрантской колонии в Синьцзяне в 30-е гг. XX в. характеризуют обзоры политической ситуации в Синьцзяне, подготовленные сотрудниками французской разведки из трофейных фондов РГВА. Их дополняют разведсводки и рапорты о связи белогвардейцев с английской разведкой, а также краткие биографические справки о наиболее активных эмигрантах, их антисоветской деятельности, которые направлялись в ИНО ГПУ [6].

Военно-политическую деятельность русской эмиграции в Синьцзяне подробно характеризуют документы фондов РГВА: Штаба РККА, Управления армиями Туркестанского фронта, документы Среднеазиатского военного округа. В основном это документы советских, белогвардейских и белоэмигрантских военных формирований: приказы по отрядам, оперативные сводки, рапорты, записи бесед, переписка командующих, в том числе личная. Они имеют особую специфику и дают представление об особенностях проведения боевых операций, стратегии и тактике командующих, их взаимоотношениях друг с другом, с рядовым составом, позволяют реконструировать ключевые детали описываемых событий: полную картину боевых действий белогвардейских войск в Сибири и Центральной Азии на завершающем этапе Гражданской войны, их отступление в Синьцзян и последующее интернирование на территории провинции, а также события 30-х гг. XX в. – военные операции, осуществлявшиеся отрядами русских эмигрантов совместно с красноармейскими частями при подавлении мусульманского восстания в провинции (1931–1934). Подробности этих событий раскрывают коллекции документов Туркестанского фронта, Среднеазиатского военного округа [7].

Вопрос о численности русских эмигрантов является одним из важнейших при изучении эмигрантских диаспор. Однако до сих пор эти данные противоречивы. В особенности это касается русской эмиграции в Китае. Большинство источников противоречат друг другу, многие из них пока остаются недоступными. Кроме того, миграционное движение на российско-китайской границе, как на ее дальневосточных рубежах, так и на северо-западе Китая – на границе с СССР в районе Казахстана, было довольно интенсивным в разные периоды существования диаспоры. В установлении количества русских эмигрантов в Синьцзяне существенную роль играет статистическая доку-

ментация. Она имеет свою специфику и включает в себя военную документацию: списки перебежчиков, военнопленных белогвардейцев, опросные листы, анкеты, послужные списки белых офицеров и рядовых остатков белых армий, боевые расписания эмигрантских военных формирований, следственные дела [8]. Эти документы также отложились в собраниях фондов РГВА.

В советский период вопросы, касающиеся миграции и эмиграции, находились в ведении специальных структур. Основная часть подобной документации до настоящего времени продолжает оставаться закрытой для исследователей. Те же документы, доступ к которым не является ограниченным, рассредоточены по разным архивам, а содержащаяся в них информация фрагментарна и не точна. Тем не менее по имеющимся источникам возможно восстановить численность русских эмигрантов на территории провинции в определённые годы, ее состав, а также состав и численность реэмигрантов, возвращавшихся на родину в 20–40-е гг. XX в. Более полную информацию можно почерпнуть в документах из указанных фондов РГВА и ГАРФ [9].

Географическое положение провинции Синьцзян особое. Она расположена на северо-западе Китая, в Центральной Азии, на перекрёстке торговых путей и политических интересов ряда государств. Для восстановления наиболее полной и объективной картины жизни русских эмигрантов в провинции, а также выявления ее особенностей необходимы картографические материалы. Они весьма разнообразны, находятся в основном в фондах РГВА и представлены географическими и экономическими картами провинции Синьцзян, Северо-Западного Китая, картами и схемами военных действий [10]. Географические и экономические карты составлены в первой трети XX в., что представляет особую ценность, поскольку в них сохранились названия многих географических, а также стратегических военных объектов, фигурирующих в текстовых документах, которые отсутствуют в документах более позднего времени и тем самым наиболее точно характеризуют разворачивавшиеся в регионе события.

Ценными являются карты и схемы боевых действий, хранящиеся в коллекциях личных фондов И.И. Серебренникова, Д.Н. Вергуна [11]. В этих же фондах достаточно богатые собрания периодической печати: «Военная мысль», «Возрож-

дение Азии», «Наша заря», «Слово», «Харбинское время», а также «Times», «The statesman». Эти материалы позволяют проследить судьбы некоторых эмигрантов, оценить вклад русской колонии в экономическое и политическое развитие провинции, а также выявить отношение представителей других центров русской эмиграции к событиям, развернувшимся в провинции в 30-е гг. XX в.

Позицию советского руководства в отношении политической ситуации и русских эмигрантов в Синьцзяне в 1920–1930-е гг. характеризуют директивные материалы советских государственных и партийных инстанций РГАСПИ: постановления военной комиссии СНК СССР по Западному Китаю, директивы по работе советских представительств в Синьцзяне во время восстания, протоколы заседаний Политбюро и обзоры по положению в Западном Китае, письма и записки представительства НКВД в Средней Азии и Западном Китае о положении русских эмигрантов [12].

Изменение политической ситуации в Российском государстве в конце XX в. позволило рассекретить многие архивы, что, в свою очередь, дало возможность исследователям обратиться к совершенно новым сюжетам и вывести их изучение на высокий научный уровень. Одним из них является история русской эмиграции в Синьцзяне. В связи с тем, что рассекречивание фондов российских архивов пока не завершено, а некоторые ранее открытые фонды снова закрываются, то многие аспекты, характеризующие жизнь

и деятельность русских в данном регионе, продолжают оставаться неизученными.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аблажей Н. Н.* С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007; *Аблова Н. Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1999; *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; *Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь, 2008; *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932 гг. М.: Русский путь, 2007.
- [2] АВП РФ. Ф. «Референтура по Синьцзяну», ф. «2-й Восточный отдел НКВД. Референтура по Синьцзяну».
- [3] Там же; РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 55. Л. 12.
- [4] РГАСПИ. Ф. 62; АВП РФ. Ф. «Референтура по Синьцзяну», ф. «2-й Восточный отдел НКВД. Референтура по Синьцзяну»; РГВА. Ф. 25895 «Среднеазиатский военный округ (САВО)».
- [5] АВП РФ. Ф. «Референтура по Синьцзяну».
- [6] Там же; РГВА. Ф. 25895.
- [7] РГВА. Ф. 25895, ф. 110 «Управление армиями Туркестанского фронта».
- [8] РГВА. Ф. 7 «Штаб РККА», ф. 58 «Штаб “ЧОН”»; ф. 110 «Управление армиями Туркестанского фронта»; ф. 1075 «Управление 62-й стрелковой дивизии».
- [9] Там же. Ф. 25895, ф. 110, ф. 1075; ГАРФ. Ф. «Особая папка Молотова», «Особая папка Берии», «Особая папка Сталина».
- [10] РГВА. Ф. 25895, ф. 110.
- [11] ГАРФ. Ф. 5873 «Серебренников И.И.», ф. 6121 «Вергун Д.Н.».
- [12] РГАСПИ. Ф. 495 «Коминтерн», ф. 62 «Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) (1922–1934)», ф. 17 «ЦК ВКП(б)».

**«ЗАВИСТЬ К “ЭТОМУ РУССКОМУ”,
КОТОРОМУ ГОСПОДЬ ОТДАЛ ВСЮ ТАКУЮ
ПРЕКРАСНУЮ СТРАНУ»:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ
СИБИРИ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ
ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Предпринят сравнительный анализ репрезентаций Сибири в текстах иностранных путешественников второй половины XIX – начала XX в. Выявлены факторы, оказавшие влияние на содержание представлений иностранцев о регионе: цели экспедиций, профессиональная и этническая принадлежность авторов, их мировоззренческие ориентиры. Показано общее и особенное в структуре и содержании образа Сибири у участников научно-исследовательских и «литературных» экспедиций.

Ключевые слова: репрезентации Сибири, образ региона, компаративный анализ, путевые очерки, «литературные экспедиции».

Во второй половине XIX – начале XX в., в связи с территориальным расширением Российской империи на восток, бурным развитием географии и этнографии, ростом национального и регионального самосознания, в русском образованном обществе появляется «мода на Сибирь». Этот край становится местом «паломничества» литературных, научно-исследовательских экспедиций. Наряду с известными русскими писателями С.В. Максимовым, Г.И. Успенским, А.П. Чеховым, статистиком А.А. Исаевым, в Сибирь устремляются иностранные путешественники – английский мореплаватель Дж. Виггинс и его шведский коллега А.Е. Норденшельд, немецкие ученые А. Брэм и О. Финш, американский публицист Дж. Кеннан и др.

Несмотря на то что образы Сибири в разных дискурсивных практиках в последние годы активно привлекают внимание исследователей, компаративный анализ путевых очерков иностранных путешественников еще не был предметом специального изучения.

Из многочисленных путевых очерков о Сибири, написанных иностранными путешественниками, мы выбрали четыре, вызвавшие наибольший резонанс в России и за рубежом. Два из избранных нами текстов (американца Дж. Кеннана и англичанина Дж. Фрейзера) были результатом литературных путешествий в Сибирь, два (А.Е. Норденшельда и Ф. Нансена) – написаны участниками научно-исследовательских экспедиций.

Наша статья посвящена выяснению мотивов экспедиций в Сибирь иностранных путешественников, сравнению структуры их путевых очерков, выявлению отраженных в них образов региона, метафор, слов-репрезентантов, при помощи которых описывалась Сибирь.

Мы исходим из того, что репрезентации Сибири в путевых заметках зависели не только от целей, маршрутов экспедиций, профессиональной специализации их авторов, реалий сибирской жизни, но и от картины мира, системы ценностей путешественников. Для нас важно

выявить ту «систему координат», в которую вписывался образ региона, определить его зависимость от национальной, мировоззренческой принадлежности его авторов, понять ментальные контексты его актуализации.

«Библией для революционеров» называли в России книгу американского путешественника Джорджа Кеннана «Siberia and the Exile System», вызвавшую восторженные отклики М. Твена, Л.Н. Толстого, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и других современников. Один из героев книги Кеннана, политический ссыльный Ф.В. Волховский, так писал о ее авторе: «Нас связывали не случайное кровное родство, не общность национальности или воспитания, даже не тождественность взглядов, но исключительно общее страстное стремление к правде и справедливости. Он наполнял наши сердца бодростью и надеждою, так как на собственной личности осуществил нашу веру в торжество правды, каковы бы ни были внешние победы кривды» [1].

После первого издания книги в 1891 г. она была переведена почти на все европейские языки. В России, несмотря на цезурные запреты, с 1905 по 1907 г. она была издана девять раз. Обстоятельства, предшествующие появлению книги Кеннана, довольно хорошо известны в исторической литературе, упомянем лишь об основных моментах, связанных с «сибирскими сюжетами» биографии ее автора [2]. Книга появилась в результате второго путешествия Кеннана по Сибири. Первый раз автор побывал в Азиатской России в 1864–1868 гг., преследуя главным образом прагматические цели, в составе экспедиции русско-американской телеграфной компании. Свои впечатления о поездке от Охотского моря до Берингова пролива он отразил в книге «Кочевая жизнь в Сибири» [3].

Ко второй экспедиции, «литературной», предпринятой при поддержке американского журнала «The Century Magazine» в 1885–1886 гг., Кеннан очень тщательно готовился. Он не только изучил всю доступную ему литературу о Сибири и ссылке, но и обратился с письмами о помощи к известным русским писателям, общественным деятелям, заручился поддержкой российских властей. Вспоминая о личном опыте общения с Кеннаном и оценивая его книгу, современники отмечали не только прекрасное знание русского языка, но и его осторожность, природную вдумчивость, стремление ничего не принимать на веру, а искать всему фактическое обосно-

вание. Известно, к примеру, что из России он привез несколько чемоданов сибирских газет, писем, мемуаров, официальных документов, характеризующих разные аспекты сибирской ссылки.

Кеннан так определял цель своей поездки: дать «справедливое описание Сибири и ссылки», развеять предубеждения против них, сформированные недобросовестными писателями. Странник либеральных идей, в ходе первой экспедиции познакомившийся с русскими чиновниками-реформаторами 1860-х гг., американский журналист первоначально относился к политическим ссыльным как к «внутренним врагам» «прогрессивной и благожелательной твердой власти». Русских политических преступников он рисовал себе «мрачными, непонятными оригиналами, с некоторым образованием, с большим фанатическим мужеством, с безграничной способностью к самопожертвованию, но с самыми нелепыми и фантастическими представлениями о правительстве и общественной организации» [4, с. 21].

Путевые заметки английского публициста Дж.Ф. Фрейзера были опубликованы в 1902 г. под названием «Реальная Сибирь». Название указывает, что цель его путешествия – разрушить стереотипные представления о Сибири. Он писал: «Десятилетиями в общественном сознании складывался образ Сибири – края снегов и ссыльных, во многом благодаря ледящим кровью историям о невинных заключенных, до смерти уставших и голодающих, продирающихся сквозь суровую метель, подгоняемых плётками жестоких русских тюремщиков... Возвращённый на подобных выдумках, отправился я в Сибирь, чтобы увидеть всё самому и написать еще одну книгу о том, как жестоки русские. Конечно, в России много негативных моментов. Но я увидел и другое. Я понял, что наше общее представление о Сибири абсолютно ошибочно. Я увидел страну необозримых сельскохозяйственных возможностей, огромных неспаханых полей, бесконечных лесов, прекрасных водных путей и больших городов с хорошими магазинами, гостиницами и электрическим освещением. Словом, вместо унылой, пустынной земли, заселённой одними каторжниками, я увидел страну, до мельчайших подробностей напомнившую мне Канаду и лучшее из того, что есть в Америке» [5]. Примечательно, что Фрейзеру была с детских лет хорошо известна книга Кеннана о каторге, которая произвела на него столь неизгладимое

впечатление, что породила в нем «странное желание» увидеть «огромные сибирские равнины» [6, с. 92].

Структура путевых очерков Кеннана и Фрейзера традиционна для такого рода текстов, написанных в XIX – начале XX в. как русскими, так и иностранными путешественниками. Они содержат упоминания о населенных пунктах, через которые протекал маршрут путешествия, описания окружающей природы, людей, путевых страданий, связанных с отвратительным состоянием сибирских дорог и антисанитарными условиями «постоялых дворов». Как известно, основным объектом внимания Кеннана стали ссылки и реалии сибирской пенитенциарии. Ссылки, чиновники, врачи, тюремные надзиратели – главные герои его произведения, а тюрьмы, этапы, жилища ссылнопоселенцев – декорация, на фоне которой разворачивается повествование. Фрейзер в своих путевых заметках, написанных через 10 лет после публикации книги Кеннана, делает акцент на том, что современная Сибирь перестала быть местом ссылки, «в этом столетии Сибирь завоевывает уважение», добивается от правительства изменения своего колониального статуса и превращается в район притяжения аграрных мигрантов. Более того, как уже было упомянуто, одна из основных задач публициста – развенчать представления о Сибири как о «жуткой холодной пустыне с разбросанными по ней мрачными тюрьмами, где все дороги через степь усеяны костями ссыльных, умерших под гнетом цепей» [7]. Причину популярности таких представлений Фрейзер видел в том, что страшные тюремные истории гораздо интереснее, чем, например, методы разведения скота, поэтому писатели и сосредоточены на самой сенсационной черте сибирской действительности – заключённых.

Ключевой элемент образа региона для Кеннана, как и для большинства русских вынужденных путешественников по Сибири (политических ссыльных), – Сибирь – тюрьма – место страданий ссыльных и произвола самодержавия в отношении политических оппонентов. В результате общения с политическими ссыльными первоначальные представления о них Кеннана поменялись на прямо противоположные. Можно говорить о романтизации и героизации «узников» Сибири. Показательно, что, выступая в Европе и Америке и рассказывая о результатах своего путешествия по Сибири, Кеннан выходил к публике в одежде узников, идущих по этапу,

и кандалах. Основной пафос его произведения сводился к разоблачению ужасных условий сибирской ссылки, стремлению показать негуманное отношение царского правительства к его оппонентам. Одним из ключевых аргументов в доказательной базе Кеннана были многочисленные свидетельства самих сибирских чиновников разного уровня, констатировавших неэффективность и чрезмерность ссылки как наказания, их упоминания о невозможности борьбы с «этим злом» бюрократическими методами. Как уже замечено исследовательницей Л.Б. Ус, Кеннан взял на себя роль адвоката политических ссыльных, назначив правительство на роль прокурора. У стремящегося к объективности Кеннана иногда сочувствие к ссыльным, стремление вызвать к ним сострадание читателей приводило к искажению реальности. Например, даже народники, осужденные за террористическую деятельность, назывались Кеннаном мирными пропагандистами и типичными либералами [8, с. 175]. Фрейзер тоже объединял политических ссыльных общим названием «либералы», однако идеализировал их в меньшей степени, чем Кеннан. Называя их «приятнейшими людьми, культурными и начитанными», он утверждал, что большинство из них не понимают истинного значения слова «свобода». Он, к примеру, замечал: «Всякий раз, когда я пытался направить разговор в русло реальной возможности приобретения гражданами России права голоса в управлении родной страной, они начинали витать в облаках и предавались общим рассуждениям о правах человека. Это очаровательные, но совершенно не приспособленные к реальной жизни люди» [9].

Для Фрейзера основной элемент образа Сибири – ее природные богатства и благоприятные условия для успешного развития земледелия и скотоводства. Рефреном через все его путевые заметки проходит мысль о плодородии сибирской земли, об обилии пушнины, зверей и птиц в сибирских лесах, о благоприятных для овцеводства природно-климатических условиях, красоте сибирских пейзажей. В отличие от Кеннана, критиковавшего правительство за потребительское отношение к Сибири, Фрейзер подчеркивал его роль в освоении региона, выражающуюся в организации переселенческого движения, строительстве Транссибирской железной дороги.

Второй устойчивый элемент образа региона для Кеннана, характерный и для большинства русских путевых заметок о

Сибири, – «страна бессудия и несправедливости», место чиновничьего произвола. Плохое управление, чиновничье всевластие, отсутствие всяких свобод привели, с его точки зрения, к тому, что население такого богатого ресурсами края было малокультурно и имело низкий уровень жизни.

Примечательно, что Кеннан предлагал такой же рецепт спасения Сибири, как и большинство русских либерально ориентированных путешественников: свободное переселение в сибирские губернии, реорганизацию местного управления, увеличение числа школ и создание условий для свободного предпринимательства. Так, Кеннан писал: «Пока деспотическая администрация из Санкт-Петербурга будет держать закрытыми ее газеты и университеты, сама будет выбирать учителей и предписывать программы обучения, запрещать чтение лучших сочинений... связывать население по рукам и ногам суровой паспортной системой, управлять страной при посредстве подкупных и жалко оплачиваемых чиновников и ежегодно насильственно бросать сюда испорченный элемент уголовных ссыльных – до тех пор она останется тем, что она теперь есть, то есть колонией, по характеру предприимчивой и многообещающей, но связанной бесцельно и гнетущею опекою бюрократической метрополии» [10, с. 45].

Выстраивая иерархию содержательных элементов образа региона для Фрейзера и в качестве критерия выбирая количество упоминаний и объем текста, вторым по степени значимости был такой элемент образа, как характеристика социокультурного облика сибиряков. Как известно, сюжет о культурном своеобразии населения региона был популярен в русской публицистике изучаемой эпохи. Сибирские областники (Н.М. Ядринцев, А.П. Шапов) тезис о формировании в регионе особого этнографического типа «русских сибиряков» сделали одним из ключевых элементов своей регионалистской теории. Если областники идеализировали сибиряков, подчеркивая их большую хозяйственную самостоятельность, независимость по отношению к власти, меньшую религиозность в сравнении с крестьянами из европейской части страны, то Фрейзер, наоборот, отмечал отсутствие предприимчивости у сибирских крестьян. Причину отсутствия инициативы и трудолюбия у населения Сибири путешественник видел в последствиях крепостного права, в том, что предки крестьян «были практически рабами, ничем не отличавшимися от вьючных живот-

ных, кроме как умением разговаривать. Нельзя ожидать, что из такого народа выйдут добросовестные и разумные земледельцы» [11]. При этом Фрейзер обращал внимание на свободомыслие сибиряков и утверждал, что они обязаны своему демократизму отсутствием и раболепием, и крепостного права. Противоречивость оценок и аргументации английского публициста можно объяснить тем, что его суждения о хозяйственных способностях сибиряков были основаны на наблюдениях за жизнью аграрных мигрантов из Европейской России, переселившихся в регион во второй половине XIX – начале XX в., а выводы об оппозиционности и независимости сибиряков были сделаны в процессе общения с жителями сибирских городов, главным образом из числа сибирской интеллигенции.

Один из важных элементов образа Сибири, актуализированный Кеннаном и зафиксированный Фрейзером, – Сибирь, как Америка. Вновь отметим, что романтизация образа североамериканских штатов была характерна для подавляющего большинства русских текстов о Сибири XIX в. Для Кеннана Америка выступает каноном, с которым он сравнивает современное состояние Сибири и в соответствии с которым определяет ее будущее. Полюбив Россию и ее жителей, журналист был искренне уверен в том, что только достижения американской цивилизации, главными из которых он считал политическую и экономическую свободу, могут сделать русский народ счастливым и процветающим. Фрейзер также достаточно часто сравнивал сибирские города с американскими, а крестьян с американскими фермерами. Подобно Кеннану, он считал, что развитие политических свобод – одно из необходимых условий успешного развития и Сибири, и России в целом. Заметим, что Фрейзер разделял критический пафос разоблачений Кеннана. Он, например, писал: «Разумеется, есть вещи, которых британец не может ни понять, ни принять: например, железная рука деспотического правительства, которая крушит и уничтожает свободу мысли. Каждый раз, когда я открывал английскую газету, из которой цензор старательно удалил даже малейшую критику Российской империи, мне хотелось вскочить на стол и с жаром отстаивать свободу слова и печати. Вымарывание критики и высылка мальчишек в голодный Якутск за их юношеское увлечение социализмом внушает британцу мысль о крайней незрелости правительства России» [12].

Можно говорить о том, что в творчестве Кеннана и Фрейзера отражены те же репрезентации Сибири, что и в творчестве известных русских путешественников второй половины XIX – начала XX в. С.В. Максимова, А.П. Чехова, Н.Д. Телешова, В.М. Дорошевича. Это ставит под сомнение точку зрения, бытующую в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей о том, что, изображая Сибирь страной каторги и ссылки, Дж. Кеннан и Дж. Фрейзер выполняли некий социальный заказ, суть которого состояла в утрировании недостатков других стран (в данном случае России, традиционно конкурировавшей с США в борьбе за влияние на Дальнем Востоке) для того, чтобы подчеркнуть достоинства западного образа жизни.

Репрезентации Сибири в текстах участников научно-исследовательских экспедиций представлены в отчете шведского путешественника А.Е. Норденшельда об экспедиции к устьям Енисея в 1875–1876 гг. [13] и путевых заметках норвежского полярника Ф. Нансена, сделанных во время знаменитого плаванья корабля «Фрам» [14]. Эти тексты имеют между собой несколько точек соприкосновения. Во-первых, внимание обоих исследователей привлекали приполярные территории, в том числе и те, что входили в состав Российской империи. На первом этапе своего путешествия на корабле «Фрам» Нансен фактически повторил путь Норденшельда и пользовался собранными им данными для уточнения своего маршрута. Во-вторых, Норденшельд и Нансен были связаны между собой биографически. Именно к Норденшельду, как к одному из авторитетнейших полярных исследователей того времени, молодой Нансен обратился за консультацией перед своей экспедицией в Гренландию. План экспедиции подвергся жесткой критике со стороны правительства, общественного мнения, научного сообщества, в этих условиях поддержка Норденшельда имела для Нансена огромное значение [15, с. 5].

Обращаясь к отчетам и путевым заметкам А.Е. Норденшельда и Ф. Нансена, мы в первую очередь учитываем то обстоятельство, что научно-исследовательские экспедиции имели совершенно иные задачи, нежели «литературные» путешествия. Их главной целью было описание природных условий малоизученных, а то и вовсе неизвестных территорий, картографирование, сбор коллекций, наблюдения гидрографического и климатологического характера. Сибирь воспринималась путешественниками как *terra incognita*,

белое пятно на карте, которое было необходимо освоить и заполнить информацией, а не как особая социокультурная общность со своей историей, традициями и проблемами. Особенно ясно это звучит у Нансена, который вообще воспринимал свою исследовательскую деятельность как продолжение древней традиции викингов по освоению окружающего пространства. В предисловии к своей книге «Среди льдов и во мраке полярной ночи» он замечает, что «древние викинги были первыми полярными мореплавателями... несомненно, что и древние норвежцы, с Эриком Рыжим, Лейфром и другими во главе были первыми пролагателями путей для всех последующих полярных экспедиций» [16, с. 3].

Тем не менее исследователи были вынуждены контактировать с местным населением, и этот опыт отражался в их путевых заметках и экспедиционных отчетах. Суровые условия, в которых оказывались путешественники, накладывали особый отпечаток на характер взаимодействия с «туземцами» (как русскими, так и сибирскими аборигенами). С одной стороны, успех экспедиции, а зачастую и жизнь исследователей во многом зависели от лояльности местных жителей. Эта зависимость от доброго расположения «туземцев» значительно снижала градус критичности по отношению к ним. Путешественников больше впечатляла положительный опыт контактов с коренными жителями (оказанная помощь, гостеприимство, полезные навыки, которые можно было перенять), чем их социально-экономические и политические проблемы. С другой стороны, риск и лишения, которым подвергали себя полярники, а также очевидная значимость их исследовательской миссии вызывали ответное уважение со стороны сибиряков. Для сравнения можно привести достаточно резкий отзыв автора, скрывшего имя под криптонимом S. S., о путешествии в Западную Сибирь немецких исследователей О. Финша и А. Брема, которое протекало в более комфортных условиях, чем полярные странствия. Он охарактеризовал эту экспедицию как своего рода увеселительную поездку, «рекогносцировку немецких пионеров, желавших проложить своим соотечественникам пути в страну, где не всех раков еще выловили» [17, с. 32].

Следует отметить, что в отличие от путешествия Кеннана экспедиции Норденшельда и Нансена вызвали широкий резонанс не столько в русском общественном мнении в целом, сколько в среде

узких специалистов – географов, биологов и других, стимулируя их интерес к районам Крайнего Севера. Кроме того, исследователи получили значительную поддержку со стороны имперской администрации [18, с. 10], частного капитала [19, с. 124] и научного сообщества [20, с. 191].

Подготовка к научно-исследовательским экспедициям также отличалась от подготовки к «литературному» путешествию. Она была связана в первую очередь с сугубо практической стороной – созданием мощной материально-технической базы. Особенно это касается рискованного предприятия Ф. Нансена, для которого по специальному проекту было сконструировано судно «Фрам». Вторым важным аспектом подготовки становился сбор сведений географического характера и картографического материала. В меньшей степени путешественников интересовали этнография и история местностей, по которым пролегал маршрут экспедиции. Опираясь на доступные нам источники, можно предположить, что, в отличие от Кеннана, у исследователей не было устойчивых представлений о Сибири, и они не были воодушевлены идеей разоблачения мифов, связанных с регионом, либо, напротив, верификации сложившихся образов и установок.

Структура текстов, созданных участниками полярных экспедиций, в целом не слишком отличается от других путевых очерков за исключением отсутствия пассажижей о тяготах путешествия (напротив, полярники часто писали о тех неожиданных радостях и приятных моментах, которые дарило им путешествие) и обилия сведений естественнонаучного характера. Несмотря на то что интересующие нас описания Сибири с социокультурной точки зрения встречаются в экспедиционных отчетах фрагментарно, нам все же удалось выявить несколько ключевых элементов образа региона.

Сибирь – страна нереализованных возможностей. Особенно часто размышления на эту тему встречаются в тексте Норденшельда. Например, он подробно описывает впечатления одного из участников экспедиции при виде «плодородия почв, необозримых лугов и обилия травы». Такое изобилие вызывало и зависть к «этому русскому», которому Господь отдал всю такую прекрасную страну», и удивление, «что ни одно животное не пастется на дугах и ни одна коса не косит травы» [21, с. 81]. Удивление путешественника вызвал также тот факт, что русские не используют богатые залежи ка-

менного угля для обеспечения топливом пароходов, отдавая предпочтение дровам. В то же время, в отличие от Кеннана, полярные исследователи были склонны воспринимать Сибирь не как колонию, а, скорее, как место, обладающее значительным потенциалом, который, несомненно, будет освоен в будущем. Нехарактерны для них и критические высказывания в адрес чиновников, которые подавляли бы развитие богатого края. Причиной сибирского запустения, с точки зрения полярников, было, скорее, отсутствие рачительности у русских в целом.

Второй ключевой элемент образа региона – Сибирь как контактная межэтническая зона. Во время своих путешествий Норденшельд и Нансен постоянно обращали внимание на примеры взаимодействия русских с «дикарями», сектантов с православными, староверов с приверженцами «новой веры» и старожилов с ссыльными. Основным лейтмотивом этих описаний стало постоянное указание на мирный характер контактов. Характеризуя отношения русских насельников и аборигенов, Норденшельд и Нансен практически не попадают под очарование либерально-демократического публицистического дискурса, в ярких красках рисуя вымирание «иностранцев» вследствие столкновения с европейской цивилизацией. Путешественники фиксируют факты взаимопроникновения русского и аборигенного быта, проявляющиеся в первую очередь в одежде, способах охоты, устройстве жилища. Впрочем, Норденшельд мягко замечает: «Они дружно живут между собою, но очевидно, что дикие здесь, как и везде, где они приходят в соприкосновение с белокожими, постепенно вытесняются своими вышестоящими по развитию товарищами» [22, с. 82]. Упоминаются и вредное влияние на «иностранцев» водки, а также неравноценная торговля русских купцов с аборигенами. Отношение Нансена к этому вопросу более радикально, чем его шведского предшественника. Он указывает на факты эксплуатации коренного населения [23, с. 60–61] и красочно рисует неприглядные картины массовой алкоголизации «туземцев». Это неудивительно, учитывая то, что после экспедиции в Гренландию он написал целую книгу, посвященную коренным жителям острова, где резко критиковал отношение к ним датских властей. Негативные характеристики результатов столкновения двух культурных моделей, по всей видимости, были плодом его личных размышлений, а не

навеяны дискуссиями на общественно-политические темы.

Относительно взаимодействия ссыльных преступников и старожилов Норденшельд делает замечания, несколько противоречащие выводам Кеннана: «Безопасность жизни и имущества была полная, и замечательно, что никакого особенного сословного различия не существовало между русско-сибирскими туземцами и сосланными в эти местности преступниками» [24, с. 87]. Даже такой острый вопрос сибирской жизни, как уголовная ссылка и ее последствия, не был воспринят путешественником в качестве актуальной проблемы и не разрушил общего представления о миролюбивом характере взаимодействия представителей разных этносов и слоев общества на территории Сибири.

Третий ключевой момент образа региона – Сибирь как напоминание о далекой родине. Исследователи постоянно обращаются к Скандинавии как к некоему эталону при описании сибирских реалий. Норденшельд сравнивает прежде всего природно-климатические условия, ресурсные потенциалы этих территорий, климат и растительность и констатирует их поразительное сходство. Нансен большое внимание обращал на схожесть русских и скандинавов. В описании встречи с русскими купцами читаем: «Здоровые бородатые лица, которые отлично могли бы принадлежать древним викингам; вообще, весь их вид неволью напоминал картины из эпохи викингов...» [25, с. 60]. Это ощущение схожести русских и скандинавов в дальнейшем только усилилось у автора, и, вернувшись в Сибирь спустя несколько лет, он высказал предположение о том, что скандинавы могли быть предками части сибирского населения [26, с. 113].

В результате предпринятого нами сравнения репрезентаций Сибири в текстах иностранных путешественников мы пришли к следующим выводам:

1. Очевидны два основных мотива путешествий иностранцев в Сибирь, зависящих от их профессиональной принадлежности. Публицисты-участники «литературных экспедиций» стремились развенчать стереотипы массового сознания о Сибири, а ученые-исследователи ставили целью изучение географии и природных богатств региона.

2. Несмотря на разные задачи, маршруты путешествий, этническую и профессиональную принадлежность авторов, структура их путевых очерков была схожей и совпадала со структурой аналогичных текстов русских литераторов.

3. Все путешественники транслировали такую устойчивую характеристику образа региона, как *Сибирь – страна больших возможностей*. Не случайно слова А.Е. Норденшельда, отражающие данное представление о регионе, вынесены нами в название статьи. Все авторы проанализированных текстов акцентировали внимание на высоком экономическом и социальном потенциале региона, подчеркивали его природные богатства (обилие плодородной земли и полезных ископаемых, разнообразие флоры и фауны, удобное географическое положение с точки зрения международной и внутренней торговли). В числе факторов, препятствующих успешному развитию региона, иностранные путешественники традиционно выделяли пагубное влияние уголовной и политической ссылки, злоупотребления местной администрации, непродуманную политику центральной власти по отношению к региону, заключающуюся прежде всего в нерациональном использовании природных ресурсов. Публицисты и ученые-исследователи были единодушны в том, что главной бедой Сибири, как и Российской империи в целом, было отсутствие политических свобод. С их точки зрения, всевластие государства и отсутствие демократии делали неэффективным участие общества в решении государственных и региональных проблем и обуславливали статус Сибири в тезаурусе иностранных путешественников как «края снегов и ссыльных» и «бескрайних равнин». Предпринятый нами анализ свидетельствует о том, что так же, как и участники русских литературных экспедиций С.В. Максимов, А.П. Чехов, В.М. Дорошевич, англоязычные публицисты уделяли наибольшее внимание политическим аспектам сибирской жизни, в то время как ученые-исследователи не вдавались столь глубоко в анализ социально-политических реалий. Это объясняется прежде всего различными задачами путешествий.

4. В очерках о Сибири нашла отражение общая черта, характерная для путевых заметок иностранцев как особого литературного жанра. Как правило, эталон для сравнения выступала реальная или воображаемая родина (для Д. Кенна – Америка, Дж.Ф. Фрейзера – Великобритания, А.Е. Норденшельда и Ф. Нансена – Скандинавия) или страна-референт (для Дж.Ф. Фрейзера – Америка).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Волховский Ф. Дж. Кеннан и его место в русском освободительном движении // Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С. IX.

- [2] Меламед Е. И. Джордж Кеннан против царизма. М. : Книга, 1981. 128 с. ; Ус Л. Б. Международные научные связи Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Сова, 2005. 238 с. ; Ковалев В. В., Ермолаева Л. В. Сибирь за правдой // Енисей. 1986. № 3. С. 71–78 ; Иванов А. А. «Чудовищная и либеральная»: иностранные журналисты о политической ссылке в Сибирь конца XIX в. // Сибирская ссылка. Иркутск, 2006. Вып. 16. С. 222–228.
- [3] Кеннан Дж. Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других племен Камчатки и Северной Азии / пер. А. Кондратьевой. СПб. : С. В. Звонарев, 1872. 330 с.
- [4] Кеннан Дж. Сибирь и ссылка : в 2 ч. / пер. с англ. И. Н. Кашинцева ; ред. Ф. Дедов [и др.] ; авт. предисл. Ф. Волховский. СПб. : Распопова, 1906.
- [5] Фрейзер Дж. Ф. Реальная Сибирь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibtours.com/?pid=50&gid=53> (дата обращения: 27.02.11).
- [6] Frazer J. F. The Real Siberia. London ; Paris ; N. Y. ; Melbourne : Cassel and company, 1904. 408 p.
- [7] Фрейзер Дж. Ф. Реальная Сибирь.
- [8] См. об этом: Ус Л. Б. Указ. соч.
- [9] Фрейзер Дж. Ф. Реальная Сибирь.
- [10] Кеннан Дж. Сибирь и ссылка.
- [11] Фрейзер Дж. Ф. Реальная Сибирь.
- [12] Там же.
- [13] Норденшельд А. Е. Экспедиция к устьям Енисея 1875 и 1876 гг. СПб. : Тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1880. 199 с.
- [14] Нансен Ф. Среди льдов и во мраке полярной ночи / пер. А. А. Крубера ; под ред. Д. Н. Анучина ; авт. ст. Д. Н. Анучин. М. : Типолит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. 456 с.
- [15] Визе В. Ю. Фритъоф Нансен : вступительная статья к книге Ф. Нансена // Нансен Ф. «Фрам» в полярном море. М. : Географгиз, 1956. 368 с.
- [16] Нансен Ф. Указ. соч.
- [17] S. S. Исследования страны, где раки зимуют // Дело. 1880. № 2. С. 24–36.
- [18] См. об этом: Нансен Ф. Указ. соч.
- [19] Разумов О. Н. Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 1999. Т. 268. С. 123–126.
- [20] См. об этом: Норденшельд А. Е. Указ. соч.
- [21] Там же.
- [22] Там же.
- [23] Нансен Ф. Указ. соч.
- [24] Норденшельд А. Е. Указ. соч.
- [25] Нансен Ф. Указ. соч.
- [26] Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / авториз. пер. с норв. А. и П. Ганзен. Красноярск : Кн. изд-во, 1982. 335 с.

СТОЛИЧНАЯ ПРОФЕССУРА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ XX В.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Рассматриваются различные аспекты деятельности академической корпорации Петербургского университета начала XX в. в сфере благотворительности (участие в благотворительных обществах, гуманитарных проектах, всероссийских съездах и институтах и т. п.). Указывается, что хотя благотворительность рассматривалась корпорацией как значимая социальная практика, существовали определенные препятствия для ее более активного участия в этой деятельности (регулирующая роль государства в этой сфере и неготовность академического сообщества жертвовать корпоративными ценностями ради запросов общества).

Ключевые слова: история России начала XX в., Петербургский университет, интеллектуальная элита, история благотворительности, история высшей школы, гражданское общество.

Начало XX в. обоснованно рассматривается в историографии как эпоха становления «гражданского общества» в России; в этой связи поднимается и вопрос о роли элиты и интеллигенции в его формировании. В литературе, в частности, неоднократно возникал вопрос об особом ценностном мире российских «мандаринов» (известный термин немецкого историка Ф. Рингера [1]) – интеллектуальной элиты, претендующей не только на культурную и образовательную, но и на политическую роль в обществе и государстве. Столичный университет в этой связи предстает в роли одного из центров этого неформального сообщества [2, с. 90–104; 3, с. 47–52]. В последнее время внимание также уделяется роли общественных институтов и российского социума в целом в системе российской благотворительности начала XX в. (см., напр.: [4]). Представители профессуры столичного университета принимали участие в целом ряде общественно значимых предприятий (см. подробнее: [5, с. 139–156]), в ряду которых определенное место занимали и благотворительные проекты различного характера. В настоящей статье дан краткий обзор этой деятельности, при этом речь идет о проектах и инициативах, связанных с внешней для университета средой (отдельная и важная тема, уже имеющая собственную историографию, – организация внутриуниверситетской благотворительности (см., напр.: [6, с. 128–140; 7, с. 176–185] и др.).

Традиции активного индивидуального и корпоративного участия в благотворительных проектах членов коллегии столичного университета к началу XX в. уже в значительной степени сложились. Университетские деятели считали своим нравственным долгом отзываться на такие события, как массовые неурожаи и голод, организуя в пользу

* Статья подготовлена при поддержке тематического плана НИР СПбГУ (№ 5.38.51.2011 «История Санкт-Петербургского университета в контексте истории российского государства и общества», № 5.39.144.2011 «История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве»), в ее основе – доклад на Международном научном colloquium «Мыслящие миры российского либерализма: графиня Софья Владимировна Панина: к 140-летию со дня рождения» (Москва, Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, 29–31 мая 2011 г.).

пострадавших подписки, благотворительные сборы, чтения лекций. В качестве примера можно привести реакцию корпорации на голод 1891–1892 гг. Тогда по призыву профессора, бывшего ректора университета А.Н. Бекетова был организован сбор пожертвований для помощи голодающим (см.: [8, с. 15]). По предложению И.Я. Фойницкого в стенах университета также читались публичные лекции в пользу пострадавших. Для заведования этими чтениями была создана специальная профессорская комиссия (В.П. Васильев, И.Я. Фойницкий, Д.П. Коновалов, Н.И. Кареев), а сбор от этих чтений составил порядка 3000 рублей [9].

Примером корпоративной благотворительности в образовательной сфере является финансирование за счет университета низших учебных заведений, которые попадали под его покровительство. Так, с 1871 г. за счет пожертвований университетской корпорации содержалось Мариинское женское училище в селе Молвитине Буйского уезда Костромской губернии, информация о деятельности которого регулярно печатались в отчетах университета [10, с. 7–8]. Другой подобный пример – деятельность школы для детей служителей университета. По инициативе профессора Н.Д. Смирнова Университетский совет в 1899 г. принял решение о создании «в возможно скорейшем времени начальной школы в память столетия рождения А.С. Пушкина для детей служителей университета, академий наук и историко-филологического института» [11, с. 25–28]. Школу планировалось открыть осенью 1899 г., однако из-за финансовых трудностей дело было отложено, и, хотя финансирование устройства школы началось в 1900 г. [12, с. 65–66; 13, с. 41], ее открытие задержалось до 1906 г. [14, с. 54]. Школа располагалась непосредственно в университетском комплексе (в здании Jeu de Paume) и была объектом постоянных забот правления университета: в 1908 г. количество занимаемых ею помещений было существенно увеличено в связи с ростом числа учащихся [15, с. 79–80].

Начало века – время бурного роста структур гражданского общества, числа благотворительных организаций, которые получали новое качество, обретая в некотором роде правозащитные функции. Не остался в стороне и Петербургский университет. Например, так называемые младшие преподаватели университета вместе со своими коллегами из других высших учебных заведений столицы соз-

дали в 1903 г. Санкт-Петербургское общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений, которое в период общей либерализации университетской жизни стало организацией, отстаивающей права младших преподавателей [16]. Без сомнения, общественной заслугой универсантов этой эпохи является активная работа в различных общественных ассоциациях образовательного и просветительского характера (Лига образования, Санкт-Петербургское общество народных университетов, общество «Маяк», Санкт-Петербургское общество мира, Народный дом графини Паниной и др.) (см. об этом подробнее: [17, с. 244–246]). Широким было участие преподавателей университета наряду с другими представителями петербургской интеллигенции в различных обществах вспомоществования учебным заведениям. Само собой разумеется, что большинство профессоров и многие приват-доценты считали своей обязанностью состоять в Обществе вспомоществования студентам университета (учрежденном еще в 1873 г.) [18; 19, с. 9–14]. Однако очень многие преподаватели состояли и в других аналогичных обществах. В их числе Общество вспомоществования окончившим Высшие женские курсы (ВЖК), Общество вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии при Императорском Петроградском Историко-филологическом институте, Общество вспомоществования учащимся Императорского Женского Педагогического Института и Константиновской Женской Гимназии, Общество вспомоществования студентам Петроградского политехнического Института и др. (здесь и далее сохранено написание учреждений и общественных организаций, существовавшее в конце XIX – начале XX в.) [17, с. 246–248]. Отдельная тема – деятельность представителей университетской корпорации в Петербургском общественном управлении, где многие из них (И.Я. Фойницкий, А.К. Дымша, И.М. Тютрюмов, И.И. Боргман и др.) были связаны с городскими социальными программами (см. об этом подробнее: [17, с. 292–295]).

Следует подчеркнуть и ту видную роль, которую университет играл в годы Первой мировой войны. В этот период он становится одним из центров городской общественной благотворительности, а его представители (и преподаватели, и студенты) принимали участие в разных сторонах жизни «воюющего» города. Одним из отличий военного времени можно назвать бесконечные «кружечные сборы» на

нужды раненых и пострадавших от военных действий. Среди благотворительных акций такого рода, по-видимому, наибольшее значение для университетской администрации имели те, которые были непосредственно связаны с благотворительной деятельностью высших учебных заведений. Так, в марте 1915 г. в университете проводился сбор на устройство этапного лазарета Петроградских высших учебных заведений (см. об этом: [17, с. 301–303]). Свою роль в жизни города играло 17-е Городское попечительство о бедных на Васильевском острове во главе с профессором А.И. Введенским, которое организовало целую систему мер, направленных на поддержку семей запасных (выдача денег, закупка дров, съём жилья, поиск работы и т. п.). К этой работе была привлечена «учащаяся молодежь» и служащие высших женских курсов [20, стб. 1031–1038].

Кроме участия университета в Комитете и Исполнительной комиссии Петроградских высших учебных заведений, созданных для организации помощи высшей школы фронту, отдельные члены университетской корпорации принимали участие в общественных благотворительных установлениях, возникших в условиях военного времени. Например, профессор М.И. Ростовцев входил в комитет «Петроград – беженцам», организовавший сборы в пользу беженцев, в том числе и на территории университета [21]. Следует указать и на попытки университетской коллегии Петроградского университета (по инициативе профессоров М.И. Ростовцева и С.А. Жебелева) организовать в 1916 г. Комитет помощи русским военнопленным студентам в Германии [22]. Через Комитет великой княжны Татьяны Николаевны университет организует активную помощь своим недостаточным студентам-беженцам (под которыми понимались все студенты, происходившие из областей, затронутых войной) [23].

Говоря о деятельности преподавателей университета в благотворительной сфере, нужно отметить и то важное обстоятельство, что им принадлежит определенная роль в институционализации благотворительного движения как в Петербурге, так и России в целом. Начало XX в. в литературе справедливо относят к «золотому веку российской благотворительности» (см., напр.: [24, с. 18–203]). Уже к 1906 г. в столице было порядка 1300 обществ и учреждений, занимавшихся благотворительностью [25, с. 1–161; 26, с. 35–38], однако какая-либо зримая ко-

ординация их деятельности практически отсутствовала (см.: [27, с. 195–204]). Как известно, в целях преодоления этого положения в феврале 1909 г. был создан Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению [28, с. 1–9], среди основных целей которого стояло изучение вопросов общественного и частного призрения, «правильная постановка благотворительности в России», «содействие образованию благотворительных учреждений» [29, с. 10]. Председателем правления Союза с момента основания бессменно оставался приват-доцент юридического факультета университета С.К. Гогель (затем профессор Психоневрологического института). По его словам, Союз «прилагал старания к тому, чтобы освещать жизнь русской благотворительности, ее неудачи, ее полную неустроенность и, конечно, ее нужды» (цит. по: [30, стб. 893]). По инициативе Союза в 1910 г. был созван Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению [31; 32, с. 3–11]. Примечательно, что среди участников съезда были как видные деятели русской благотворительности и меценаты (например, графиня Софья Владимировна Панина, которая впоследствии входила в Совет Союза), так и представители академической элиты, которые уже давно на практике и в теории занимались темой благотворительности, – профессор И.Я. Фойницкий (представлявший Петроградское общество «Патронат», основателем и председателем которого он являлся) [33, с. 224; 34, с. 13], профессор В.Ф. Дерюжинский, много лет редактировавший журнал «Трудовая помощь», приват-доцент И.М. Тютрюмов, попечитель двух профессиональных училищ и 28 классов в начальных школах Петербурга. Среди основных докладчиков секции, связанной с организацией общественного призрения, были приват-доценты юридического факультета В.Ф. Матвеев [35, с. 1–24], С.К. Гогель [36, с. 293–304], И.М. Кулишер [37, с. 187–195], М.А. Сиринов [38, с. 197–209], которые с разных сторон остановились на задачах организации общественного призрения на местах. Вообще, в работе Союза следует особо отметить роль поколения молодых приват-доцентов юридического факультета П.И. Люблинского, М.А. Сиринова, И.М. Кулишера, В.Ф. Матвеева, Ф.А. Вальтера, В.В. Степанова. Неформальным лидером этой юридической группы был старше их на поколение приват-доцент С.К. Гогель. Членами Совета Союза стали упомянутые выше юрист

В.Ф. Дерюжинский и философ А.И. Венденский [30, стб. 906–908]. С 1912 по 1917 г. Союз издавал журнал «Призрение и благотворительность в России» [39, с. 409–433], на страницах которого, кроме перечисленных выше, активно выступали члены Союза приват-доценты юридического факультета П.И. Люблинский и Г.Г. Швиттау (см., напр.: [40, с. 484–495; 41, с. 137–149; 42, стб. 110–111; др.]). С.К. Гогель многократно, до и после революции, возвращался к идее юридической институционализации благотворительного дела в России, которая в определенной степени нашла свое воплощение в создании Министерства государственного призрения во главе с князем Д.И. Шаховским (его товарищем была назначена гр. С.В. Панина) [43, стб. 481–500]. Интересно, что с момента организации Союза от его деятельности устранились лидеры университетской корпорации и юридического факультета, которые, правда, регулярно принимали участие в самых разных общественно-политических мероприятиях, – действующий декан Д.Д. Гримм (в этот момент избранный, но еще не утвержденный ректором), прежний декан А.Л. Петражицкий и будущий декан И.А. Покровский. Предполагаемая причина заключается, на наш взгляд, в том, что устав Союза устанавливал формирование Совета из представителей «главных управлений благотворительных ведомств» (учреждения ведомства императрицы Марии, Общества Красного креста и т. п.) и трех представителей МВД, что, вероятно, для руководителей университета, по идеологии близким к кадетам, было неприемлемо.

Впрочем, возможно, что была и другая причина, которая мешала университету принимать *in соgro* в лице руководителей университетской администрации участие в такого рода начинаниях. Речь идет о своеобразии представлений об университетской автономии, прочно сформированных в сознании либеральной профессуры начала XX в. Идеал университета как своеобразной башни из «слоновой кости», который независим от политических и социальных бурь, ярко представил, например, последний дореволюционный ректор Э.Д. Гримм. По его словам, целью университета является «осуществлять свое высокое научное назначение, не отдавая дани ни задаче образования разных категорий служилых людей, ни каким бы то ни было ненаучным целям» [44, с. 111]. Когда в кризисной ситуации в годы Первой мировой войны вопрос об организации необходи-

мого для города медицинского факультета в очередной раз был поднят городским общественным управлением, в Университетском совете разразилась дискуссия. С особенной резкостью против его создания выступил академик В.А. Стеклов. Весьма интересно его утверждение (в споре с профессорами, более лояльными к идее создания факультета) о том, что невозможно в качестве причины организации медицинского факультета рассматривать стремление университета установить связи с максимально широкими общественными кругами и слоями общества или, как замечает автор записки, действовать «в угоду общественному мнению» и «подлаживаться под мнение общественных организаций» [45]. В результате проект организации медицинского факультета, по существу, провалился [46, с. 318–320].

Данная статья наглядно показывает, что академическая корпорация рассматривала благотворительность в самых разных формах в качестве значимой социальной практики, одного из способов «общественного служения» и инструментов общественно-политического влияния. В то же время воздействие российских «мандаринов» на эту сторону общественной жизни, как можно предположить, было ограничено. С одной стороны, препятствием к расширению своего участия в системе российской благотворительности для академической элиты была активная и регулирующая роль в этой сфере государства, к которому российские «мандарины» находились в очевидной оппозиции. С другой стороны, немаловажным обстоятельством, мешавшим более активному корпоративному участию в благотворительных проектах, была неготовность академического сообщества жертвовать корпоративными ценностями (и/или «научными идеалами») ради интересов и запросов государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество Германии, 1890–1933. М., 2008.
- [2] Александров Д. А. Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // НЛО. 2002. № 53.
- [3] Ростовцев Е. А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра.
- [4] Lindenmeyer A. Poverty is not a Vice: Charity, Society and State in Imperial Russia. Princeton, 1996; Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005.

- [5] *Ростовцев Е. А.* Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / отв. сост. А. Ю. Андреев. М., 2009.
- [6] *Тихонов И.Л.* Традиции благотворительности и меценатства в Петербургском университете XIX – начала XX века // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст : матер. междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. / отв. ред.: А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб., 2010.
- [7] *Ахадова Н. А., Тихонов И. Л.* Благотворительность в Петербургском университете // Знаменитые универсанты в духовном мире России. СПб., 2011.
- [8] Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 30 сентября 1891 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1891 г. СПб., 1892. № 45.
- [9] Обзор деятельности университета за 1881–1894 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9506. Л. 11.
- [10] Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 16 августа 1871 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1871–1872 гг. СПб., 1872. № 5.
- [11] Журнал экстренного заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 8 мая 1899 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб., 1900. № 55.
- [12] Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 24 мая 1899 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб., 1900. № 55.
- [13] Смета прихода и расхода специальных средств Императорского Санкт-Петербургского университета на 1900 г. // Там же. СПб., 1901. № 56.
- [14] Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1906 г. СПб., 1907.
- [15] Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909.
- [16] Устав С.-Петербургского общества взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений СПб., 1905.
- [17] *Ростовцев Е. А.* Университет столичного города // Университет и город в России / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. М., 2009.
- [18] 25 лет деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета, основанного 4 ноября 1873 г. СПб., 1899.
- [19] Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета: отчет за 1915 год. Пг., 1916.
- [20] 17-е попечительство. Как поставлена квартирная помощь семьям запасных в 17-м городском попечительстве о бедных (из доклада проф. А.И. Введенского на общем собрании Союза учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению) // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 8–10.
- [21] Комитет «Петроград – беженцам» по сбору в пользу беженцев – ректору университета, 10 сентября 1915 г., № 57 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10980. Л. 78.
- [22] Дело Совета Петроградского университета об учреждении при Петроградском университете Комитета помощи военнопленным студентам // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11184. Л. 1–12об. ; Протоколы заседаний Совета Петроградского университета от 15 февраля и 23 мая 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 19об., 33об.–34.
- [23] Переписка с разными учреждениями и прошения студентов по вопросу Татианинского комитета помощи беженцам и списки студентов на пособие // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 142. Л. 3, 7–9, 11–20 и др.
- [24] *Занозина В.Н., Адаменко Е.А.* Благотворительность и милосердие. СПб., 2004.
- [25] Благотворительность в России. СПб., 1906. Т. II: Список благотворительных учреждений. Ч. II: Санкт-Петербургская губерния.
- [26] Там же. Ч. II: Дополнительный список благотворительных учреждений.
- [27] *Булгакова Л. А.* Неудавшиеся попытки созыва съездов по общественному призрению начала XX века // Россия в XIX–XX вв. : сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998.
- [28] *Гогель С. К.* Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. Ч. 1.
- [29] Устав Всероссийского Союза учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Там же.
- [30] Деятельность Всероссийского Союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 8–10.
- [31] Труды Первого съезда...
- [32] Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910.
- [33] Список членов Первого съезда деятелей по общественному и частному призрению // Труды Первого съезда... Ч. 1.
- [34] С.-Петербургское общество патроната // Призрение и благотворительность в России. 1913. № 1. Январь.
- [35] *Матвеев В. Ф.* Основная первоначальная единица организации общественного призрения // Труды Первого съезда... Ч. 2.
- [36] *Гогель С. К.* Городские попечительства о бедных в провинциальных городах России // Там же. Ч. 2.
- [37] *Кулишер И. М.* О приискании средств на покрытие расходов местных союзов на общественное призрение // Там же. Ч. 2.
- [38] *Сиринов М. А.* Земские и городские финансы как источники покрытия расходов по обязательному общественному призрению // Там же.
- [39] *Булгакова Л. А.* Из истории русской периодической печати: журнал «Призрение и благотворительность в России» // Проблемы соци-

- ально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. : сб. ст. памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб., 1999.
- [40] *Люблинский П. И.* О призрении сирот воинов // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 6–7.
- [41] Новое законодательство Норвегии о правах внебрачных детей и материнстве // Там же. 1917. № 2–3.
- [42] *Швиттау Г. Г.* [Рец.] Трудовая помощь в России. Ч. 1–2, 1915 // Там же. 1916. № 1–2.
- [43] *Гогель С.* Министерство государственного призрения // Там же. 1917. № 6–7.
- [44] *Гримм Э. Д.* Организация университетского преподавания по проекту нового устава // Русская мысль. 1916. № 4.
- [45] Мнение акад. В. Стеклова о нежелательности учреждения медицинского факультета при Петроградском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 7–8об.
- [46] *Ростовцев Е. А.* Испытание патриотизмом: профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. М., 2009. Вып. 29.

УДК 902

И.В. Рудковский

НАКОСНИК ИЗ ЕЛОВСКОГО II МОГИЛЬНИКА И НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ

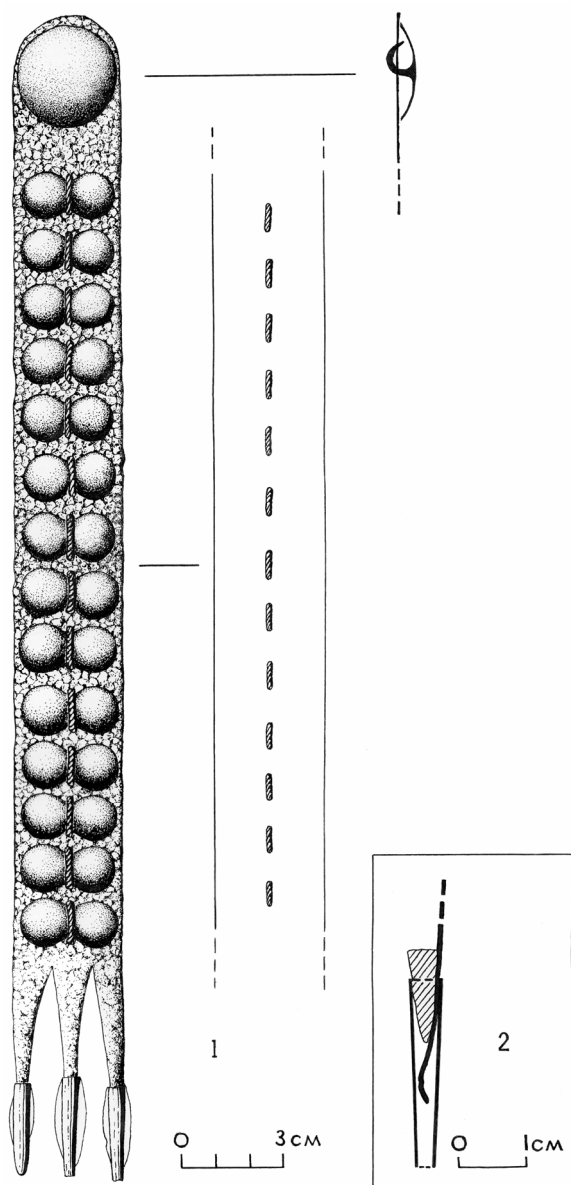
На основе некоторых материалов из погребений ЕК II предлагается ряд гипотез по актуальным темам эпохи бронзы евразийских степей. Реконструируется наконечное украшение из ЕК II, даётся картография особого рода бронзовых наконечников стрел и прослеживается их связь с бегазы-дандыбаевской керамикой. Кроме этого, высказывается особое мнение о так называемой андроновской части ЕК II.

Ключевые слова: ЕК II, наконечник, бронзовые наконечники, бегазы-дандыбаевская керамика, андроновский компонент, картография, хронология.

Публикации материалов уникального Еловского II могильника (ЕК II) из Томского Приобья еще долго будут источником самых разнообразных исследований и полемики. Не будет исключением и вторая часть исследований В.И. Матющенко по Еловскому археологическому комплексу [1], в котором представлены все доирменские материалы ЕК II. Проблематика, в рамках которой выстраивалась предлагаемая статья, отчасти не нова, отчасти реактивна на качество публикации некоторых находок и отчасти спонтанна, поскольку спровоцирована решением предыдущей проблемы. Последовательно изложить суть этих проблем в виде преамбулы к статье не представляется возможным, и причина этому станет понятной в дальнейшем. Проблемы эти будут решаться (или полемизироваться) в определенном порядке. Первая из них, послужившая «детонатором» появления проблем иного рода, связана с публикацией в последней книге В.И. Матющенко некоторых находок из могилы № 288 ЕК II [1, рис. 352, 353].

Среди инвентаря могилы № 288 значится наконечник в виде кожаной ленты с нашитыми на нее четырнадцатью восьмёркообразными бляшками. Он представлен отдельно [1, рис. 353, 1] и обозначен на плане могилы [1, рис. 352, 1]. Однако конфигурации наконечника на рисунках совпадают только частично. На плане могилы, помимо упомянутой кожаной ленты с нашивками, просматриваются и другие детали наконечника, но их либо нет на отдельных прорисовках, либо они никак с наконечником не увязаны. Разрешить эту проблему помогла удача двадцатилетней давности. В 1990 г. автору настоящей статьи выпал случай работать с коллекциями ЕК II. К тому времени я участвовал в реконструкции андроновских наконечных украшений по просьбе Г.Б. Здановича и Э.Р. Усмановой, и поэтому еловский наконечник вызвал у меня естественный интерес, результатом которого стала прорисовка интереснейшего артефакта из ЕК II с подробным масштабированием большей части деталей. В дальнейшем этот рисунок был не востребован и сохранился, в общем-то, случайно. Когда же в 2004 г. была издана часть с материалами ЕК II, несоответствие давно прорисованной вещи и ее последней «редакции» продиктовало необходимость вернуть в научный оборот облик наконечника из могилы № 288 (см. рис.), более соответствующий реальному прототипу.

В целом длина наконечника из могилы № 288 – 35 см. Основой наконечного украшения послужила кожаная лента шириной 3 (или несколько больше с учётом усадки материала) и длиной около 33 см (см. рис., 1). К вершине ленты была прикреплена круглая выпуклая бляха из бронзы

Бронзовый наконечник
из пистонных бляшек, нашитых на кожу

диаметром около трёх сантиметров. Здесь возможна небольшая ошибка, так как масштаб этой детали не ясен ни на давней прорисовке, ни на таблице в книге [1, рис. 353, 4]. Крепление производилось прокалыванием ленты шпеньком бляхи с последующим его загибом. Ниже, в вертикальный ряд, пришито четырнадцать восьмёркообразных бронзовых блях. Длина этого ряда около двадцати трёх сантиметров. Ширина блях чуть меньше трёх, а диаметры полусфер около полутора сантиметров. Нижняя часть кожаной основы разрезана на несколько коротких ленточек, к которым прикреплялись бронзовые наконечники стрел (мною зарисованы три, но на плане могилы просматриваются четыре).

Способ крепления наконечников заключался в следующем: во втулку вдевалась кожаная ленточка, а затем туда же

вгонялся костяной (или роговой) клинышек (см. рис., 2). Шумящие подвески такого рода можно считать оригинальным изыском, учитывая, что в кругу андроновских и андроновидных культур для этого в основном использовались специальные «ножевидные» пластины, которые найдены в большом количестве и на ЕК II [1, рис. 417, 4–11]. К сожалению, эти наконечники-подвески в рассматриваемой публикации отсутствуют и среди находок из могилы № 288, и среди прочих материалов могильника (вероятно, утеряны). Два обломка наконечников подобного типа присутствуют только (судя по иллюстрациям) среди находок из могил № 303 [1, рис. 269, 6] и № 284 [1, рис. 348, 8].

Сложно сказать, сколько подобных изделий было изначально на ЕК II. Определённо можно утверждать, что детали похожих наконечников зафиксированы в могилах № 251 [1, рис. 331, 332] и № 338 [1, рис. 387]. С большой долей вероятности можно предполагать наличие таких же изделий в могилах № 48, 258, 308 и 322 (примечательно, что они везде сопутствуют исключительно девочкам до 8 лет, судя по описаниям могил). Особого рода наконечник в виде сдвоенных низок пастовых бус, скреплённых бронзовыми скрепками, найден в могиле № 230 [1, рис. 418, 16]. В задачу статьи не входят типологические, функциональные и статусные определения наконечных украшений из ЕК II и других памятников эпохи бронзы. Эти исследования достаточно компетентно проведены моими коллегами [2; 3].

Реконструкция наконечника из могилы № 288 ЕК II достаточно неожиданно способствовала появлению другой проблемы. Она оказалась напрямую связана с наконечниками стрел, использованных в этом наконечнике как оригинальные шумящие подвески. Они представляют собой довольно редкий и интересный тип. Это небольшие (до 3 см в длину) втульчатые двухлопастные наконечники очень тонкого литья. Втулка не выступающая, лопасти тонкие, едва намеченные. Характерны также следующие признаки: притуплённое, даже скорее скруглённое, остриё или сквозная втулка, что не предполагает острия вообще. Такие наконечники, если судить по публикациям, нигде более по Томскому и Верхнему Приобью до недавнего времени не встречались. До сих пор их находили на памятниках значительно более отдалённых территорий.

Наиболее часто наконечники обозначенного типа встречались в Верхнем Прииртышье: это поселение Мало-Красноярка, рудник Асу-Булак, находки в Кал-

бинских горах [4, с. 123), дюны под Семипалатинском, могильник Измайловский [5, с. 159; 6 с. 74]. Второй район, заслуживающий внимания, – это Центральный Казахстан. По крайней мере, один наконечник аналогичного типа найден на поселении Мыржик [7, рис. 118, 7]. Особый статус занимает поселение Кент, на котором найдено (при деятельном участии автора этой статьи) не менее десятка наконечников. Некоторые из них были с литейным браком в виде недолива, что может указывать на их местное происхождение. Из Кента опубликованы только лучшие образцы [8, рис. 28, 8–10]. Третий район значительно восточнее – в Приарале. Здесь интересующие нас наконечники найдены на поселении Якке-Парсан [9, с. 158, рис. 78, 16, 17] и в могильнике Тагискен (северный) [10, табл. 2, 7). В последние годы аналогичные наконечники зафиксированы и в степном Алтае [11, рис. 1, 6]. Пунктирный абрис местонахождений наконечников этого типа выглядит довольно интересно: протяжённость этой зоны по линии ЮЗЗ – СВВ около 2500 км, а ширина около 300 км. ЕК II, где найдены подобные наконечники, в этот ареал пока не вписывается. Но очерченная зона маркирует интереснейшую закономерность: здесь сосредоточены памятники поздней бронзы, содержащие так называемые бегазы-дандыбаевские древности, главным образом керамику («чистых» комплексов с подобной керамикой не зафиксировано).

Вообще, зауральские памятники поздней бронзы, содержащие валиковую керамику, в силу разных причин называли и называют по-разному [8, с. 59]: алексеевские, замараевские, замараево-бегазинские, ильинские, саргаринские, дандыбаевские, бегазинские, бегазы-дандыбаевские, алексеевско-саргаринские, трушниковские. В последнее время чаще отдаётся предпочтение названию «алексеевско-саргаринские». Я вполне согласен с последним определением, полагая, что в основе алексеевско-саргаринских комплексов господствует керамика валикового круга. Что же касается собственно бегазы-дандыбаевской примеси, то, во-первых, таковой называют любую керамику, которая лепная и не относится к валиковой (в связи с этим какая-то приемлемая типология этой весьма пёстрой серии до сих пор не проведена). Во-вторых, а это уже интересно, почти вся эта странная керамика сосредоточена в очерченной зоне распространения заинтересовавших нас наконечников. Надо отметить отсутствие на сегодняшний день надёжной

корреляции между так называемой бегазы-дандыбаевской керамикой и «родными» ей иными изделиями, в том числе из металла. Нельзя пока говорить наверняка, но очерченная нами зона Арал – Алтай, возможно, такую корреляцию предлагает, хотя бы по отношению к определённому типу наконечников стрел. В какой-то мере это подтверждает тот факт, что в ЕК II есть керамика, которую можно рассматривать как бегазы-дандыбаевский импорт (особенно круглодонные приземистые горшки с прямой и часто неорнаментированной шейкой). Ничего похожего на алексеевско-саргаринскую керамику в могильнике не обнаружено. Вместе с тем, керамический импорт в ЕК II и наконечники с наконечника из могилы № 288 составляют замечательную однокультурную пару, наблюдаемую от Аральского моря (северный Тагискен) до степного Алтая. Теперь мы знаем, что в это пространство вошли и алексеевско-саргаринские памятники Алтая, так как бегазы-дандыбаевский импорт в ЕК II поступал, скорее всего, с верховьев Оби.

Существует проблема датировки обозначенного типа наконечников. Помимо того, что они безусловно относятся к позднебронзовому времени, нет уверенных абсолютных дат, в рамках которых эти наконечники можно было бы поместить. Самая верхняя дата этих наконечников (VIII в. до н. э.) определена по комплексам могильника Измайловский [5], поселения Якке-Парсан [6], некрополя Северный Тагискен [10] и некоторым другим. Однако «слабость» верхних дат для археологических вещей в их принципиальной открытости (в конце концов, многие древности доживают и до наших дней и, будем надеяться, проживут еще дольше). По нижним датам расхождение достигает 400 лет: от XII [8, с. 60] до IX в. до н. э. [6, с. 161]. В этом контексте ценную информацию дают стратиграфические наблюдения на поселении Кент в Центральном Казахстане. Здесь очень чётко отбиваются три хронологических горизонта [8, с. 55–60]. Ранний, содержащий позднечеркаскульские керамику и металл (XIII в. до н. э.), кентский с алексеевско-саргаринскими древностями (XII–X вв. до н. э.) и третий, донгальский, представляющий материалы финальной бронзы (IX в. до н. э.). Бегазы-дандыбаевская керамика и наконечники интересующего нас типа содержатся исключительно во втором, кентском, горизонте. Такие же наконечники (могилы № 284, 288 и 303) и такая же керамика в ЕК II отмечены только в еловской части.

Сопоставляя хронологические диапазоны еловской части ЕК II и кентского го-

ризонта поселения Кент (XII–X вв. до н. э. в обоих случаях), отмечаем их полное совпадение. Помимо этого, отмечу еще два примечательных факта.

В первый год раскопок на поселении Кент (1985 г.) в жилище № 2 были найдены фрагменты сосуда [8, рис. 25, 6], который явился почти полным аналогом еловским сосудам из ЕК II [1, рис. 385, б и 392, 2].

Раскопки в 2004 г. на том же поселении дали бесспорные свидетельства железодельного производства в эпоху бронзы [12, с. 147–149]. Это позволяет говорить о сдвиге нижней границы начала раннего железного века в азиатских степях, по крайней мере, до IX в. до н. э. Такое открытие делает не таким уж случайным нахождение в еловской могиле № 339 ЕК II фрагмента железного предмета [1, рис. 388, 9].

Прежде чем подвести черту под наблюдениями, «спровоцированными» реконструкцией достаточно рядовой, хотя и, бесспорно, интересной вещи, необходимо сказать несколько слов о культурной атрибуции доеловского комплекса ЕК II. Речь идёт главным образом о той части некрополя, которую В.И. Матющенко интерпретировал как андроновскую. Сам автор раскопок ЕК II признавал условность деления некрополя на культурные и субкультурные группы в предложенном виде [1, с. 13] и допускал внутри памятника иные градации. Эти сомнения особенно обоснованы по так называемой андроновской части [1, с. 354–355]. В принципе, вопрос следует ставить о том, есть ли вообще на ЕК II андроновский компонент? Компонент, безусловно, есть, но в виде не цельных комплексов, а отдельных артефактов. Из керамики это сосуды из могилы № 6 «кургана» 52 [1, рис. 35], № 13 «кургана» 52 [1, рис. 42, 2], могилы № 2 [1, рис. 45, 2], могилы № 184 [1, рис. 184] и могилы № 307 [1, рис. 252, 2]. Из прочего инвентаря, безусловно, андроновского облика все серьги с раструбом, кинжал «срубного» типа из могилы № 8 «кургана» 52 [1, рис. 37], браслет из могилы № 47 [1, рис. 93, 1] и два наконечника стрел из могил № 90 и 196 [1, рис. 416, 27 и 28]. Но основная доля «андоновской» части могильника – это или вполне сформировавшаяся «еловка», или в разной степени похожести имитация андроновского стиля. В целом же эту часть ЕК II можно интерпретировать как комплекс начала формирования еловской культуры, и, следовательно, она может быть отнесена к периоду завершения трансформации культур андроновской общности. Это допущение делает более корректным хронокультурное сопоставление еловской части ЕК II и кентского горизонта поселения Кент.

Итак, каковы основные итоги приведённых наблюдений? Во-первых, осуществлена реконструкция наконечника украшения из могилы № 288 ЕК II, что позволило ввести в научный оборот некоторые утерянные артефакты памятника. Во-вторых, произведено картографирование бронзовых наконечников стрел, фигурирующих, в частности, в наконечнике из ЕК II. В-третьих, предложена карта взаимовстречаемости этих наконечников и бегазы-дандыбаевской керамики, а это даёт основание предполагать эту пару артефактов однокультурными (вне валикового комплекса). И, в-четвёртых, предложена новая атрибуция «андоновского» комплекса ЕК II как постандроновского культурного мезоморфа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.
- [2] Евдокимов В. В., Усманова Э. Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология волго-уральских степей. Челябинск, 1990. С. 66–76.
- [3] Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские наконечники украшения Казахстана эпохи бронзы. Лисаковск, 1998. 64 с.
- [4] Арсланова Ф. Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 119–125.
- [5] Ермолаева А. С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 154–163.
- [6] Ермолаева А. С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шувльбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64–94.
- [7] Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата, 1992. 247 с.
- [8] Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: учебное пособие. Караганда, 2002. 138 с.
- [9] Итина М. А. История степных племён Южного Приаралья, II – начало I тысячелетия до н. э. М., 1977.
- [10] Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 494 с.
- [11] Иванов Г. Е. Вооружение населения степного и лесостепного Алтая в эпоху поздней бронзы // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 2. С. 44–58.
- [12] Ломан В. Г., Варфоломеев В. В. Археологические раскопки поселения Кент // Отчёт об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие – 2004». Алматы, 2005. С. 147–149.

УДК 930.1

А.В. Хряков

**«НЕМЕЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОК»:
Г. АУБИН О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Освещается формирование концепции «немецкого движения на Восток» историка Германа Аубина (1885–1969). Рассматриваются причины обращения ученого к данной теме, общественно-политические и научные условия ее существования. Большое внимание уделяется средневековой колонизации и ее месту в немецкой колонизации Восточной Европы.

Ключевые слова: немецкая историография, немецкое движение на Восток, Г. Аубин, средневековая колонизация, остфоршунг.

Поражение в Первой мировой войне, которое привело к политической эмансипации Восточной Европы, оказало на немецкое восприятие Востока гораздо большее воздействие, чем вся имперская пропаганда кайзеровской Германии. Споры о границах, межнациональные конфликты, притеснение национальных меньшинств в соседних государствах стимулировали научное обращение к прошлому Восточной Европы. Но существовавшая с середины XIX в. немецкая славистика и зародившиеся в начале XX в. восточноевропейские исследования не смогли удовлетворить этого возросшего интереса. На первый план в послевоенной Германии вышла так называемая региональная история и связанный с ней остфоршунг. Познавательный интерес остфоршунга был направлен не на историю восточной части Центральной Европы в ее первоначальном виде, не на особую историческую судьбу различных восточноевропейских государств и наций. Остфоршунг вел речь исключительно об истории распространения немецкого народа в восточноевропейском направлении, о политическом, экономическом, социальном и культурном воздействии немцев на соседние восточные народы и мнимом превращении славянско-балтийской Восточной Европы в «немецкий Восток».

Столь стремительный взлет остфоршунга и обретение собственной парадигмы и организационной самостоятельности привел к тому, что целый ряд немецких медиевистов и регионоведов обратились в 20–30-е гг. XX в. к истории Центральной и Восточной Европы. Подобное движение совершил и один из виднейших представителей немецкой исторической науки XX в. Герман Аубин (1885–1969). Он с 1919 г. преподавал в ведущих университетах Германии (Бонн, Гиссен, Бреслау, Геттинген, Гамбург и Фрейбург), т. е. в течение полувека определял персональный и теоретико-методологический состав немецкой историографии [1]. Учитывая выдающуюся академическую карьеру ученого, неудивительно, что Г. Аубин стал одним из тех, чей научный путь сегодня является предметом пристального внимания немецких историков. В отличие от однозначно апологетических суждений, высказанных в мемориальных сборниках коллегами и учениками ученого, с одной стороны, и таких же односторонних обвинений в адрес Аубина историков бывшего социалистического лагеря, с другой стороны, современные авторы предлагают нам более сложный и противоречивый образ знаменитого немецкого историка [2].

В первые послевоенные годы Аубин, отталкиваясь от своих довоенных вполне традиционных историко-экономических и историко-конституциональных работ [3], а также привлекая методы К. Лампрехта, почерпнутые им в Рейнском историческом обществе, сформулировал собственный оригинальный научный подход. Его суть заключалась в ориентации исследовательского интереса на единые с точки зрения культуры и быта местного населения ландшафты (области культуры), имевшие большее значение по сравнению с территориями в рамках административных и государственных границ. Ландшафт Аубин определял «не только как природу, но преимущественно как вырастающий исторически культурный ландшафт», т. е. как «культурную провинцию» [4].

В начале 20-х гг. XX в. научный интерес Аубина затрагивал исключительно Рейнскую область (Рейнланд), территорию Германии, оккупированную французскими войсками. Отталкиваясь от своих наблюдений за «крушением внешних сил государства» в конце Первой мировой войны и «реакции современного рабочего на неукорененность его суетливой жизни», немецкий историк пришел к выводу, что сегодня необходимо усиленное «припоминание корней нашей народной силы, идеальных ценностей общинного чувства родины и народа» [5]. Ввиду политико-территориальной ситуации, сложившейся вокруг Рейнланда, научные проблемы пространства и культурного ландшафта, интересовавшие Аубина, приобрели гигантскую общественно-политическую актуальность и даже некоторую брызгантность. Рассмотрение Рейнланда как единого «культурного ландшафта» (или же «культурной провинции»), накрепко привязанного к окружающей местности и неотделимого от нее, приобрело в рамках «борьбы за Рейн» совершенно иное звучание [6].

Главная заслуга в культурном освоении ландшафтов, согласно Аубину, принадлежит народной колонизации, в ходе которой народ, располагая своим специфическим национальным сознанием, материализуется в конкретном культурном и хозяйственном достоянии. Осознание такого общего культурного достояния связывает народ и делает его единым, несмотря на государственные границы. В методологическом отношении Аубин все ближе сходил к такому новому в немецкой исторической науке направлению, как «история народа» (Volksgeschichte), сделавшим народ решающим субъектом исторического развития [7]. Начиная с

середины 1920-х гг. он все чаще обращается к истории немецких поселений, а в сферу его интересов попадает «немецкий Восток»; и одно с другим связано совершенно не случайно, ведь восточная часть Центральной Европы дает поразительные примеры массовой колонизации и возникновения новых поселений.

Несмотря на разнообразие научных интересов Г. Аубина, «немецкое движение на Восток», рассматриваемое историком с момента зарождения и вплоть до современности, являлось центральной линией его творчества. К данной теме примыкают и работы историка по средневековой колонизации восточной части Центральной Европы, а также история Силезии. Необходимо отметить удивительное постоянство в трактовке основных вопросов, которое продемонстрировал Аубин на протяжении своей почти полувековой научной карьеры. Зародившись в эпоху Веймарской республики, концепция «немецкого движения на Восток» практически не изменилась в условиях господства национал-социализма, и лишь крушение Третьего рейха привело к смягчению наиболее одиозных ее положений.

Первая публикация Аубина, посвященная истории «немецкого Востока», относится к 1925 г., когда немецкий историк в своем докладе по случаю празднования тысячелетия Рейнланда в юбилейном сборнике «Союза рейнландцев в Данциге» попытался исторически связать западную часть Германии с восточной [8]. Он установил связь между снижением политического веса Рейнланда в XIII в. и общим ослаблением имперской власти, с одной стороны, и стремительным проникновением немцев на Восток – с другой. Вместе с «удвоением» немецкой территории и расширением «жизненного пространства» Рейн потерял свое значение географической оси империи. Но вместе с тем именно Рейнланд благодаря своей богатой культуре и более развитой цивилизации внес решающий вклад в «колонизацию Востока» [9]. В этой работе уже можно обнаружить в сжатом виде все элементы его будущей концепции «немецкого движения на Восток». Во-первых, это понимание Востока как широкого, открытого для колонизации пространства. Во-вторых, рассмотрение «движения на Восток» как постоянного непрерывного процесса. В-третьих, «движение на Восток» непременно вело к расширению немецкого «жизненного пространства» и, соответственно, удвоению немецкой территории. Наконец, проникновение немцев

на Восток вело и к распространению сюда «превосходящей цивилизации», а значит, и к приобщению населения восточной части Центральной Европы к выдающимся достижениям немцев.

Для Г. Аубина «немецкое движение на Восток» – это «хроническое состояние» немецкой истории, которое определяет чуть ли не все сферы национального бытия и одновременно является «беспрерывной борьбой», постоянным «противостоянием с соседними восточными народами». Несмотря на длительность этого процесса и его постоянную изменчивость, Аубин сделал «движение немцев на Восток» центральной линией своего повествования, всей истории немецкого Востока, т. е. всего восточного пространства. Этапы этого движения, его взлеты и падения определили периодизацию, движущие силы, форма и содержание указали направление для отдельных интерпретаций, последствия и результаты, а также географическая широта определили пространство познавательных интересов историка. Возникшее в ходе беспрерывной колонизации «восточное германство» должно вне зависимости от актуальных государственных границ преподноситься как неразрывное единство [10]. Это потребовало целостного рассмотрения «немецкого движения на Восток» в единстве трех составляющих: пространства, времени и содержания [11]. Данное методологическое требование исходило из внутринаучных стремлений объединить разнообразные подходы и методы, а также из национально-политических соображений. Концепция «национальной и культурной почвы» предоставляла вполне приемлемый в научном плане инструмент для выполнения задачи «осознать собственное достояние и собрать обломки» [12].

Несмотря на присутствующую в работах Аубина расовую терминологию и рассуждения о значении «немецкой крови», в своих основных выводах он остался не затронут угаром гитлеровского расизма. При этом постоянство немецкого «Дрангах Остен» он рассматривал ни как биологически или расово детерминированное, но исторически обусловленное. Ввиду постоянства географии европейского пространства, национальной и культурной дифференцированности, проникновение немцев за пределы Центральной Европы, конечно же, обладало серьезным постоянством, но все же не обнаруживало антиисторической статичности. Динамика и изменчивость этого процесса произрастают из основополагающих геополити-

ческих и культурно-географических факторов цивилизационной разницы между Западом и Востоком.

Периодизация «немецкого движения на Восток», предложенная Аубином, исходит из довольно эксплицитной логики и строится по принципу действия и противодействия, действия германцев-немцев и противодействия со стороны соседних восточных народов или, как выразился сам историк, «взлетов и падений» [13]. Он выделяет всего семь эпох «немецкого движения на Восток» [14]. Первой эпохой в формировании «Востока» является тысячелетний период до нашей эры, когда «непосредственные предки» немецкого народа освоили практически все пространство к востоку от Одера вплоть до Черного моря и Дуная. Оно фактически не было занято, и поэтому германцы были объявлены его первыми покорителями. Это также объясняет, почему позднейшее движение на Восток Аубин нередко называет «возвращением» на «родину германских племен» или «повторным заселением» [15]. Но уже в IV–VI вв. наступает «глубокая цезура», связанная с уходом германских племен с этих территорий и заполнением образовавшегося вакуума славянами и аварами. Именно с этого момента в основном и начинается противостояние немцев со своими соседями, а значит, исходя из логики Аубина, были заложены основы разделения народов Центральной и Восточной Европы, определилась главная движущая сила, сформировавшая Восток, – противостояние. С этого, собственно, начинается не только «движение на Восток», но и вся немецкая история.

С деятельностью на исходе VIII столетия Карла Великого связано начало нового этапа, когда восточная часть Центральной Европы была включена в культурное сообщество западноевропейской цивилизации. Но в это же время начинают зарождаться и первые попытки сопротивления местного населения укоренению здесь немецких форм государственного и церковного устройства и, напротив, проявляется политическая самостоятельность венгров, поляков и чехов.

Третья эпоха взаимоотношения немцев и Востока, а значит, и истории самого восточного пространства связана с немецкими средневековыми поселениями XII–XIV вв. в этом регионе. К концу этого периода проникновение немцев сюда достигло наивысшего уровня, а их политические силы здесь были сильны как никогда [16].

XV столетие является отдельной эпохой выделяемого Аубином движения, именно

тогда в результате действий поляков и литовцев произошло падение орденового государства и «ярость гуситов» в Богемии. Впервые существовавшая еще в классическое Средневековье реакция восточного населения приобрела явные контуры и достигла политических успехов [17].

XVI в. и Реформация связаны с пятой эпохой «немецкого движения на Восток», когда немецкие крестьяне несли с собой более высокую агрокультуру, а религиозные переселенцы многократно усилили этот поток.

Шестая эпоха приходится на эпоху Нового времени и деятельность династий Гогенцоллернов и Габсбургов, «вернувших германство в восточные территории... под знак централизованного абсолютизма» [18].

Последняя эпоха, по мнению Аубина, приходилась на XIX – начало XX в. и была связана с формированием современного национализма, стремлением малых народов к политическому самоопределению и возникновением национальных государств в Восточной Европе. Государственная эмансипация бывших немецких и австрийских владений, по мнению Аубина, являлись не чем иным, как неблагодарностью, враждебным «ударом восточных народностей», направленным против немцев [19].

Одним из основных факторов, определивших постоянство процессов «движения на Восток», явилось географическое положение немцев в центре Европы между Западом и Востоком. Положение в «центре Европы» обусловило постоянное «двойное давление», которому подвергались немцы в своей истории. Исходя из такой «оборонительной» перспективы, историческое противостояние немецкого народа со своими западными и восточными соседями расценивалось как «жизненная борьба» на два фронта.

Самым выдающимся и успешным примером немецкого формирования Востока Аубин считал «заэльбскую колонизацию XII–XIV вв.». Предметом внимательного исследования немецкой историографии она стала еще в XIX в., очень скоро получила статус «колонизаторского подвига немецкого народа в средневековье» [20] и в годы кайзеровской антипольской политики и вильгельмовского империализма была пропагандистски инструментализирована [21]. Аубин представлял средневековую немецкую колонизацию «одним из величайших достижений немцев», как составную часть «немецкого движения на Восток», создавшую само понятие о «немецком Востоке».

В вопросе причин и движущих сил средневековой колонизации Аубин исходил из сочетания различных факторов и нередко заявлял, что в данном вопросе нельзя обращаться лишь к историческим условиям колоний или, напротив, метрополии. Но, как и в других вопросах, на передний план у него повсеместно выходила история «немецкой мутерланд». Средневековая «немецкая колонизация Востока» являлась, по мнению Аубина, непосредственным продолжением внутринемецкого территориального развития, прежде всего роста населения [22]. Вторую движущую силу Аубин видел в «стремлении к улучшению социально-правового положения». Распространение денежных отношений, а также процессы урбанизации привели к росту напряжения между новыми хозяйственными возможностями и старыми феодальными социально-правовыми условиями. В этой ситуации миграция обещала народу не только новые земли, но совершенно иное общественное положение, освобождение от личной зависимости [23]. Еще одним фактором, предопределившим успех немецкой колонизации, стала для Аубина незначительная географическая разница между Восточной Европой и собственно Германией. Сходство природно-климатических условий облегчило процесс перемещения и сделало возможной очень быструю акклиматизацию населения [24]. Таким образом, делает вывод историк, «немецкий народ для восточной задачи был подготовлен уже на родине» [25].

К внутренней истории славянских государств Аубин обращался лишь в той мере, в какой это позволяло показать объективную необходимость присутствия немцев в восточной части Центральной Европы и тот прогресс, который они принесли с собой в эти края. В отличие от современных ему немецких славистов и историков, бреславльский профессор крайне редко обращался к истории самих восточноевропейских народов и стран, предпочитая направлять на эти темы своих учеников. Он характеризовал славянские зоны поселений как «*tabula rasa*», миссия заполнить которые была возложена на немецкий народ. Но «восточная территория» – это не колония в ее нововременном значении, скорее, это расширение немецкой территории, т. е. составная часть Германии – «мутерланд» [26].

Несмотря на активное использование «милитаристской» фразеологии таких слов, как «нападение», «атака», «клещи», «восточный фронт», «командование» и

другие, восточную колонизацию Аубин представлял как процесс стихийный, никем не координируемый и большей частью мирный. Это был результат деятельности бесчисленного множества людей и групп, и поэтому колонизация является «достижением всего народа». Если абстрагироваться от деятельности Немецкого ордена, то в восточной колонизации сложно найти примеры единодушной государственно-военной политики в отношении Востока, так же как и проявления «расовой борьбы». Последняя, по мнению Аубина, была невозможна в силу малой этнической дистанции между немцами и славянами. Немецкие поселенцы, как правило, не встречали враждебного отношения автохтонного населения, напротив, их нередко приглашали местные правители в качестве гостей и помощников, понимая неизбежность приобщения к более высокой земледельческой и политической культуре немцев. Устанавливая разницу между романскими, славянскими народами и собственно немцами, Аубин отталкивался не от биологической природы. Культурное превосходство германцев и немцев он объяснял не природно-биологической составляющей, а историческими обстоятельствами, прежде всего причастностью немцев к жизни ранних цивилизаций, т. е., к Античности [27].

Многие авторы отмечали, что Аубин придал новый облик исследованиям восточных поселений, применив выработанные им в историческом регионоведении методы и подходы. Чаще всего называют такие «новации», предложенные немецким историком, как интерес к культурно-этническому взаимодействию, междисциплинарный подход и сравнительно-историческую методологию [28]. С этой оценкой можно согласиться только наполовину. Исходя из перспективы «истории народа», ориентированной на изучение народа, а не деятельности государства и политической элиты, работа Аубина действительно дала серьезный тематический и методологический толчок. Но если исходить из общего тогдашнего состояния медиевистических исследований Восточной Европы, то вклад Аубина не выглядит таким уж инновационным и способствующим будущему развитию медиевистики.

Надо отметить, что если Аубин и ставил процессы этнической и культурной ассимиляции в центр историко-культурных исследований Востока, то делал он это не для того, чтобы познать комплексные исторические результаты этого процесса и прежде всего специфический славяно-гер-

манский характер региона, многослойность существующих здесь идентичностей, а также смешанный характер местных этносоциальных отношений. В его работах речь шла о ранжировании вклада соответствующих национальных групп в формировании Востока, т. е. об оценке участия немцев и славян в освоении данной территории. Для него все без исключения проявления местной культуры должны быть описаны либо как однозначно немецкие, либо как славянские, причем на стороне немцев оказывалась также деятельность всех германских племен.

Именно для решения этой задачи необходимо использование всего имеющегося арсенала исторической науки с привлечением самых разнообразных научных методов. Но его требование междисциплинарности, очень часто некритически воспринимаемое как инновационный методологический характер не только концепции Аубина, но и всей немецкой исторической науки нацистского периода, серьезно ограничивалось изначально заданной концепцией. Г. Аубин совсем не использовал весь интегративный познавательный потенциал своей методологии, его конкретно-исторические работы серьезно противоречили задуманному. В его интерпретации нет всеобъемлющего анализа всех исторических факторов, участвовавших в формировании исследуемого культурного ландшафта, а есть попытки этнокультурного ранжирования. Подобное стремление меньше всего было мотивировано научными соображениями, но прежде всего национально-политическими. Такая искусственная сепарация должна была служить доказательством того, что различные этнические группы внесли большой или меньший вклад в формирование спорной территории, а следовательно, установление того, что различные группы обладают большим или меньшим правом владеть данной землей и, значит, рассматривать ее как собственное «жизненное пространство».

Ограниченное методологическое и содержательное воздействие работ Аубина коренилось в его односторонних познавательных интересах. Если в 1920-е гг. Аубин и придавал серьезное значение социально-экономическим факторам миграционных процессов, то в 1930–1940-е гг. он концентрировался исключительно на причинах немецкого присутствия в Восточной Европе. В центре его внимания оказывались лишь вопросы пространственного распространения немцев в Средневековье, т. е. прежде всего география

колонизации. Если социально-экономические или культурные факторы и оказывались востребованы немецким историком, то лишь как влияющие на площадь территориального расселения немцев, как факторы, которые или способствуют, или, напротив, тормозят это распространение.

Использование сравнительного метода и междисциплинарного подхода, о которых Аубин говорил очень много и призвал использовать при изучении «немецкого движения на Восток» [29] в теории, конечно же, обладали новизной, но в практической плоскости натакивались на серьезные препятствия. Служить они должны были одной цели: способствовать научному познанию немецкого участия в политическом, экономическом, демографическом, социальном и культурном формировании восточного пространства. Политический потенциал этой историографической интерпретации «Востока» и истории немецко-славянских взаимоотношений лежит на поверхности – легитимация немецких претензий на спорные пограничные территории.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] См. об этом подробнее: *Савчук В. С.* Герман Аубин и его место в исторической науке Германии XX века // *Человек второго плана в истории.* Ростов н/Д, 2004. Вып. 1. С. 136–160.
- [2] *Burleigh M.* Germany Turns Eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988; *Volkman H.-E.* Historiker aus politischer Leidenschaft. Hermann Aubin als Volksgeschichts-, Kulturboden- und Ostforscher // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* Jg. 49. 2001. S. 32–49; *Mühle E.* Für Volk und deutschen Osten. Der Historiker Hermann Aubin und die deutsche Ostforschung. Düsseldorf, 2005.
- [3] *Aubin H.* Die Verwaltungsorganisation des Fürstbistums Paderborn im Mittelalter. Berlin ; Leipzig, 1911; *Aubin H.* Die Entstehung der Landeshoheit nach niederrheinischen Quellen. Studien über Grafschaft, Immunität und Vogtei. Berlin, 1920.
- [4] *Aubin H.* Aufgaben und Wege der geschichtlichen Landeskunde // *Aubin H.* Geschichtliche Landeskunde der Rheinlande. Anregungen in vier Vorträgen. Bonn, 1925. S. 28–45.
- [5] *Aubin H.* Heimat und Volksbildung // *Ibid.* S. 93.
- [6] *Wein Fr.* Deutschlands Strom – Frankreichs Grenze. Geschichte und Propaganda am Rhein 1919–1930. Essen, 1992. S. 114–130; *Schöttler P.* Der Rhein als Konfliktthema zwischen deutschen und französischen Historikern in der Zwischenkriegszeit // 1999. *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20./21. Jahrhunderts.* Bd. 9. Heft. 2. 1994. S. 52–54.
- [7] *Hettling M.* Volk und Volksgeschichte in Europa // *Volksgeschichten im Europa der Zwischenkriegszeit / Hrsg. von M. Hettling.* Göttingen, 2003. S. 7–38.
- [8] *Aubin H.* Die Jahrtausendfeier der Rheinlande und die Ostmark // *Festschrift zur Jahrtausendfeier der Rheinländer in Danzig / Hrsg. vom Verein der Reinlaender in Danzig.* Danzig, 1925. S. 9–15.
- [9] *Ibid.* S. 12.
- [10] *Aubin H.* Zur Erforschung der deutschen Ostbewegung. Leipzig, 1939. S. 13, 33–34.
- [11] *Ibid.* S. 10, 12.
- [12] *Ibid.* S. 6–8.
- [13] *Aubin H.* Der deutsche Osten und das deutsche Volk // *Aubin H.* Von Raum und Grenzen des deutschen Volkes. Studien zur Volksgeschichte. Breslau, 1938. S. 93.
- [14] *Aubin H.* Geschichtlicher Aufriß des Ostraumes. Berlin, 1940.
- [15] *Aubin H.* Der deutsche Osten... S. 93.
- [16] *Aubin H.* Geschichtlicher Aufriß... S. 29.
- [17] *Ibid.* S. 30.
- [18] *Ibid.* S. 36.
- [19] *Ibid.* S. 39.
- [20] *Hampe K.* Der Zug nach dem Osten. Die kolonialisatorische Großtat des deutschen Volkes im Mittelalter. Leipzig, 1921.
- [21] *Wippermann W.* Der «deutsche Drang nach Osten». Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt, 1981. S. 85–194.
- [22] *Aubin H.* Der deutsche Osten... S. 96.
- [23] *Ibid.*
- [24] *Aubin H.* Das Gesamtbild der mittelalterlichen deutschen Ostsiedlung // *Deutsche Ostforschung. Ergebnisse und Aufgaben seit dem 1. Weltkrieg / Hrsg. von H. Aubin, W. Kohte, I. Papritz.* Leipzig, 1942. Bd. 1. S. 343.
- [25] *Aubin H.* Der deutsche Osten... S. 96.
- [26] *Aubin H.* Das Gesamtbild der mittelalterlichen deutschen Ostsiedlung... S. 343.
- [27] *Aubin H.* Zur Erforschung... S. 89; см. также: *Aubin H.* Zur Frage der Historischen Kontinuität im Allgemeinen // *Historische Zeitschrift.* 1943. Bd. 168. S. 239–250.
- [28] *Oberkrome W.* Volksgeschichte: methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945. Göttingen, 1993.
- [29] *Aubin H.* Zur Erforschung... S. 53–81.

УДК 94(57)

В.Н. Худяков

СТАНОВЛЕНИЕ СИБИРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ДИСКУССИЯ 1950–1970-Х ГГ. ОБ АГРАРНОМ СТРОЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Освещена проблема становления региональных исторических школ в 1950–1970-е гг. Выдвинута гипотеза о том, что решающую роль в формировании сибирской исторической науки как самостоятельного направления со своей тематикой, организационной структурой, собственным кадровым потенциалом сыграла дискуссия об аграрном строе сибирской деревни, о соотношении в нем капиталистических элементов и феодально-крепостнических пережитков.

Ключевые слова: сибирская историография, аграрный строй сибирской деревни, история региона в эпоху капитализма, сибирское крестьянство.

Становление региональной исторической науки в советскую эпоху – процесс нелегкий, противоречивый, осложненный идеологическими зигзагами, организационно-кадровыми проблемами, неразрешимыми спорами. Историография сибиреведения второй половины XX в. к настоящему времени имеет сложившуюся научную традицию. В работах М.Б. Шейнфельда, Л.М. Горюшкина, Н.А. Миненко, Л.М. Дамешека и других, а также в подробных историографических очерках, монографиях исследователей этого периода представлена эволюция взглядов историков, их идей, точек зрения на развитие Сибири периода капитализма. Однако во всех этих исследованиях господствует проблемно-тематический подход. Внутренняя логика сибиреведения, становление и развитие сибирской исторической науки как самостоятельной структуры, как важной части отечественной историографии, на наш взгляд, изучены недостаточно.

Советская историография, выделяя в особый этап развитие советской исторической мысли после XX съезда КПСС, не отмечала такого важного явления, как становление региональных исторических школ. Сибирская историография как самостоятельный элемент советской исторической науки со своей тематикой, научным потенциалом, институтами в основном начала формироваться в середине 50-х гг. XX в., после смерти И.В. Сталина. Попытки создания ее в 1920–1930-е гг. закончились обвинением историков в национализме, местничестве, отходе от линии партии и т. д. Задачей историков было не искать национальные и региональные особенности, а изучать общие черты развития различных регионов. В итоге всё это закончилось разгромом исторических школ, в основном краеведческих.

Решения XX съезда привели к оттепели в разных сферах жизни советского общества, в том числе повлияли на развитие исторической литературы. Одним из самых заметных явлений, свидетельствующих о преодолении идеологических элементов «сталинского» общества, следует считать возобновление дискуссий по ключевым проблемам истории России. Наибольший резонанс из них вызвала дискуссия о предпосылках Октябрьской революции. Уже в 30-е гг. XX в. в исторической литературе уживались два противоположных взгляда на данную проблему, высказанные в основных «теоретических трудах»: «Кратком

курсе ВКП(б)» и многотомной «Истории Гражданской войны». С одной стороны, Россия объявлялась полуколонией Англии и Франции, и великое значение революции выводилось из того, что она предотвратила процесс превращения страны в полную колонию [1, с. 156], с другой – говорилось о наличии предпосылок, т. е. развитого самостоятельного капитализма, необходимых для социалистического характера революции. Обе эти точки зрения были высказаны еще в 1920-х гг.: первая – в работах Н.Н. Ванага, С.Л. Ронина, вторая – в трудах А.А. Сидорова, Е.А. Грановского и др. [2, с. 188–189 и т. д.]. Обе эти точки зрения в том или ином виде перекочевали в работы историков 1950–1970-х гг., так что говорить о так называемом новом направлении в исторической литературе, делавшей упор на отсталости, зависимости и «военно-феодальной» форме организации капитализма и пережитках феодализма в сельской деревне, можно лишь условно, тем более что «старое» направление (П.В. Волобуев, А.А. Сидоров и др.) окрепло в значительной степени на фундаментальной критике «Краткого курса ВКП(б)».

Цель данной статьи – выявление содержания дискуссии региональных историков об аграрном строе сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в., определение причин разногласий и роли научной полемики в становлении и развитии сибирской исторической научной школы. Как уже отмечалось, формирование региональной сибирской исторической науки проходило в чрезвычайно сложных условиях. Само по себе наличие Томского университета, а также исторических факультетов в ряде областей Сибири до 60-х гг. XX в. все-таки не могло привести к созданию устойчивого сообщества сибирских историков, объединенных совместными целями, предметами исследования, имеющих общую площадку для дискуссий. К концу 50-х гг. XX в. были созданы необходимые условия для ее становления:

– наступила определенная политическая стабильность – прекратились массовые репрессии или просто гонения по отношению к обществоведам вообще и к историкам в частности;

– значительно выросло число кандидатов и докторов наук (по нашим подсчетам, их количество достигло свыше ста человек), занимающихся историей Сибири. Большинство из них приняло участие в создании обобщающих работ по истории Сибири;

– появилась авторитетная организация, объединяющая историков, занимающихся историей края, – Институт истории, философии, филологии СО АН СССР во главе с А.П. Окладниковым. Именно в этом институте и была создана дискуссионная площадка. Первоначально на ней собирался авторский коллектив по созданию многотомного издания «История Сибири», а с 1969 г., в течение десяти лет, регулярно проводились тематические симпозиумы и совещания;

– вместо разнородных учёных записок, в вузах начали издавать тематические сборники, посвященные различным проблемам истории Сибири¹ [3].

Одной из главных особенностей становления сибиреведения был пропуск монографического этапа в изучении социально-экономических отношений в сибирской деревне. Сибирская историческая наука начала свою биографию с создания многотомной истории Сибири. Это научное произведение, получившее высокую оценку со стороны как власти², так и столичных учёных [4], не обобщало имевшиеся в наличии статьи и монографии, а создавало историю региона с чистого листа. Так, по аграрной истории Сибири в распоряжении ученых были лишь полусправочные, полупублицистические работы досоветских авторов³, диссертации А.К. Захаровой и А.А. Храмова [5], очерки по социально-экономическому положению в крае в конце XIX – начале XX в. в трудах, посвященных революционному движению в Сибири [6]. Гораздо глубже исследовалось переселенческое движение. Изучение этого вопроса опиралось на солидную общероссийскую историографическую традицию [7], базирующуюся на статьях В.И. Ленина, поскольку переселенческое движение оказало значительное влияние как на исторические судьбы крестьянства Европейской России, так и Сибири.

Начало длительной и плодотворной дискуссии об аграрном строе и путях развития капитализма в сибирской деревне положило заседание сектора истории СССР периода капитализма Института истории АН СССР в 1956 г. [8], но особенно активно вопрос начал обсуждаться на сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» в 1960 г. [9] и конференции историков Сибири и Дальнего Востока в 1962 г. в Иркутске [10]. На сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической

революции» с противоположными точками зрения выступили С.М. Дубровский и А.М. Анфимов. Первый говорил об относительно высоком уровне капитализма в российской деревне, что создавало необходимые предпосылки для социалистического характера революции в аграрном секторе. Второй фактически повторил свой вывод о том, что в российской деревне вплоть до 1917 г. господствующими оставались полукрепостнические отношения [9]. На сессии разгорелась дискуссия о путях развития капитализма в России в общем и отдельных ее регионах в частности. Естественно, что при создании третьего тома «Истории Сибири» проблемы уровня развития капитализма, степени сохранения феодально-крепостнических отношений, а также типа капиталистической эволюции стали ведущими. И хотя в самом третьем томе эти вопросы были изложены с предельной осторожностью, страсти вокруг них кипели нешуточные и продолжались при создании еще одного коллективного труда – «Истории крестьянства Сибири».

Фактически историческая общественность раскололась в решении перечисленных проблем на три направления. Первое направление составляли историки Томского университета, излагавшие свою точку зрения, как правило, на страницах регулярно выходивших «Вопросов истории Сибири». Основные воззрения данного направления были изложены в статье А.П. Бородавкина, Г.Х. Рабиновича, Л.Г. Сухотиной, вывод которой заключался в том, что аграрный строй Сибири второй половины XIX в. представлял собой картину господства феодально-крепостнических элементов, даже в сравнении с обремененным крепостническими пережитками земледельческим центром страны [11, с. 16]. По мнению томских исследователей, в условиях полукрепостнического государства широкая и быстрая колонизация Сибири не могла стать основой действительно свободной капиталистической эволюции по американскому пути, так как феодальные пережитки мешали развитию капитализма в сельском хозяйстве, обрекая его на мучительно медленный путь эволюции прусского типа. Согласно данной позиции, Сибирь признавалась не только в экономическом, но и в социальном и юридико-политическом плане наиболее отсталым регионом страны. Столь крайняя точка зрения требует объяснения.

По нашему мнению, на позицию томичей оказали влияние различные факторы. Первый: они все в той или иной

степени были учениками такого маститого ученого, как И.М. Разгон. Он являлся одним из авторов «Истории Гражданской войны в СССР», где, как известно, не был даже поставлен вопрос о социально-экономических предпосылках Октябрьской социалистической революции и провозглашался тезис об освобождении страны от превращения ее в колонию. Тезис отсталости России до октября 1917 г., естественно, еще в большей степени проецировался на Сибирь. Дело еще и в том, что основной областью научных интересов томской исторической школы было изучение реформы 1861 г. на кабинетских землях Алтая, где уровень феодально-крепостнических отношений в феодальную эпоху и остатки феодализма в пореформенный период были значительно выше, чем в других районах Сибири. Огромную роль в этом, по их мнению, играла консервация отсталых форм хозяйствования и политика государства, которая, в отличие от европейской части России, в Сибири носила более реакционный характер [12, с.73].

Справедливости ради следует сказать, что томичи в своих оценках характера аграрного строя Сибири были неодинокими. Так, в монографии ленинградского исследователя А.Ф. Склярова, наряду с показом влияния переселенческого движения на развитие капитализма в сибирской деревне, делается вывод о сохранении системы государственного феодализма в Сибири вплоть до 1917 г. и о принципиальном сходстве государственного, кабинетского и помещичьего землевладения [13].

Столь неоднозначная, можно сказать, провокационная (в научном отношении) точка зрения, естественно, вызвала возмущения у ряда историков, занявших противоположную позицию (второе направление). Среди них ведущую роль играли сторонники В.И. Дулова, в число которых входил И.Н. Новиков из Омска, В.А. Степынин из Красноярска. Но самой заметной фигурой среди них был В.Г. Тюкавкин. Именно ему принадлежат наиболее весомые и фундированные значительным фактическим материалом аргументы.

Концепция В.И. Дулова и В.Г. Тюкавкина в основном базировалась на материалах исследований Восточной Сибири, где отсутствовало помещичье землевладение, а земли Кабинета не оказывали существенного воздействия на систему хозяйства, и крестьяне сохраняли вплоть до 1917 г. относительную свободу пользования и распоряжения землей. При этом отсутствие частной собственности на зем-

лю не только не тормозило, но, наоборот, всячески способствовало развитию капитализма, поскольку не отвлекало капитала на уплату абсолютной земельной ренты. Историки аргументировали и основные положения об американском типе капиталистической эволюции Сибири: в основе лежит крестьянское хозяйство, свободное приложение труда и капитала, быстрые темпы капиталистического развития [14]. Пережитки феодализма, сохранявшиеся в системе казенных повинностей, административном гнете, политике царского правительства и сословном неравноправии крестьянства, лишь сдерживали фермерскую эволюцию сибирской деревни, замедляли темпы капиталистического развития, но не меняли его содержания. «Основным фоном развития капиталистического земледелия в Сибири, – писал В.Г. Тюкавкин, – было перерастание патриархального крестьянина в капиталистического фермера» [15, с. 189].

Компромиссную, промежуточную позицию заняли воспитанники томской школы историков А.А. Храмов и Л.М. Горюшкин (третье направление), работавшие в Барнауле и Новосибирске. Первый в своих работах 1958–1962 гг., с одной стороны, фиксируя свое внимание на влиянии пережитков феодализма на уровень и темпы развития сельского хозяйства Томской губернии, утверждал, что сибирские крестьяне вплоть до 1917 г. оставались на положении временнообязанных, с другой стороны, подчеркивал, что в Сибири преобладали хозяйства мелкого и среднего фермерского типа. А.А. Храмов первым из сибирских историков заявил о наличии в сибирской деревне двух путей развития капитализма: фермерского и прусского с преобладанием первого [16].

Несомненно, самую заметную роль в решении дискуссионных вопросов сыграл Л.М. Горюшкин, долгое время возглавлявший сектор дооктябрьской истории, а затем ставший директором Института истории СО АН СССР. Ученый, хорошо знавший труды своих предшественников и современников, проделавший громадный труд по выявлению, обработке и введению в научный оборот значительного количества источников, талантливый организатор, склонный к компромиссам, уважающий мнение своих коллег, он, несомненно, оказался в нужное время и в нужном месте. Его монографии [17], а также подготовленный под его руководством коллективный труд «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» [18] подве-

ли определенные итоги длительной дискуссии.

Было доказано, что уровень развития капитализма в количественном и качественном отношении не поддается определению. В количественном отношении можно было лишь проследить показатели сельскохозяйственного производства: динамику посевных площадей, объем сельскохозяйственного производства, рынки сбыта, развитие агрокультуры. Норма товарности, рынок труда и капитала, степень эксплуатации оказались под мощным воздействием таких докапиталистических отношений, как торгово-ростовщическая кабала, широкое использование в кулацком хозяйстве «помочей», что определить их не представлялось возможным. Фактически в сибирской деревне, как и в большинстве районов России, процесс пауперизации (формирование бедноты с наделом) преобладал над процессом пролетаризации, а из зажиточных слоев формировался отнюдь не свободный фермер или капиталист, а русский «кулак», применявший как капиталистические методы ведения хозяйства, так и торгово-ростовщическую кабалу.

Столь противоречивые, в отличие от других стран, социально-экономические процессы поставили вопрос о правомерности использования для российской и сибирской деревни аналогий с прусским или американским типом капиталистической эволюции. В конце концов, множественное количество вариаций элементов того и другого типа аграрной эволюции завело дискуссии в тупик, и актуальность проблемы отпала ввиду появления новых тем для обсуждений. Была установлена неравномерность как экономического, так и социального развития различных районов Сибири. Наиболее развитыми оказались южные районы Сибири, местности вдоль железной дороги, пригородные села, на большей же ее территории господствовали патриархальные отношения. В связи с этим подтвердились известные слова В.И. Ленина: «К северу от Томска, к югу от Омска...». Участники дискуссии пришли к выводам, что развитие капитализма в сибирской деревне можно разделить на два этапа.

Первый – 1860–1890-е гг.: до строительства Сибирской железной дороги и начала массового переселенческого движения в Сибири преобладало патриархальное, полунатуральное хозяйство, находящееся под сильным влиянием торгово-ростовщического капитала. Преимущество вольного крестьянского землева-

дения в большинстве районов Сибири нельзя было использовать из-за отсутствия рынков сбыта. Замедленное развитие капитализма было связано не столько с наличием феодально-крепостнических пережитков, сколько объяснялось отсутствием рыночных условий для развития капитализма.

Второй – начало XX в.: после постройки железной дороги началось бурное развитие некоторых отраслей сибирского сельскохозяйственного производства: маслоделия, животноводства, а после отмены челябинского тарифного перелома – и зернового хозяйства. Вот тогда и проявили свою тормозящую роль феодально-крепостнические пережитки, сословная неполноправность крестьянства, податная система, государственная политика в области землевладения и землеустройства. Именно поэтому изучение степени влияния на аграрную эволюцию политики государства стало одной из ключевых тем сибирской исторической науки. Не случайно в 1970-е гг. историки обратили внимание на особенности крестьянской общины в Сибири. Тема общины, влияния общинных процессов на социально-экономическое развитие сибирской деревни, управления крестьянами заняла центральное место в исторических работах на два десятка лет. Изучение этой проблематики показало сложность, противоречивость сибирской крестьянской общины. Исследователи единодушно пришли к выводу об эволюции сибирской крестьянской общины как административно-податной единицы к поземельной аналогичной крестьянской, общине Европейской России. Эта эволюция свидетельствовала о сближении социальных условий функционирования сибирского крестьянства и крестьянства Европейской России, что не могло не сказаться на системе крестьянского производства [19].

Отсюда и возник интерес к аграрной политике. Было заявлено, что нерешенность, дискуссионность проблем капиталистической эволюции в значительной степени связаны со слабой изученностью влияния государства на процессы аграрной политики правительства в Сибири в эпоху капитализма, что, в свою очередь, привело к появлению работ А.Т. Топчого [20], В.Н. Худякова [21] и И.В. Островского [22]. Было установлено, что аграрная политика наложила свой отпечаток на размеры крестьянских земельных участков, на объем и методы взимания податей, темпы и уровень классового разложения крестьянства, формы арендных

отношений и т. д. Однако она не предопределила ни уровень развития капитализма, ни тип капиталистических отношений. Цель и результаты аграрной политики не совпадали. «Неудачи, – писал И.В. Островский, – терпели те мероприятия царизма, которые, казалось бы, совпадали с общенациональными интересами» [23] (например, переселения).

Надежда на то, что обстоятельные исследования помогут разрешить спорные проблемы, не оправдалась. Осознание этого подтолкнуло историческое сообщество к изучению психологической готовности сибирского крестьянина принять новые социальные отношения, эволюцию семьи, соотношения трудовых традиций и новаций. Наиболее плодотворно трудились в этом направлении ученики Е.И. Соловьевой, особенно В.А. Зверев, З.П. Горьковская и др. [24]. Затем открылись новые направления в исторической науке, и, таким образом, исследователи сибирского крестьянства конца XIX – начала XX в. всё дальше и дальше удалялись от первоначально поставленных задач.

С учетом вышеизложенного, можно подвести некоторые итоги. Почему в статье акцент сделан на дискуссии об аграрном строе сибирской деревни как одной из главных составляющих сторон становления сибирской исторической науки? Ведь дискуссия велась по многим вопросам социально-экономической и политической жизни Сибири: о характере ее вхождения в состав России (завоевание, присоединение); о роли казачества и государства в этом процессе; о народной, военной, правительственной и церковной колонизации края; о характере сибирского города в феодальную эпоху; об оценке декабристов и декабризма; областничестве и др. Начало большинства из этих дискуссий приходится также на вторую половину 1950-х гг., что еще раз подтверждает нашу мысль о становлении исторического сибиреведения именно в этот период⁴ [25, с. 85].

Однако дискуссии об аграрном строе Сибири все-таки имели особое значение:

во-первых, общественное, поскольку велись по значимой для советской историографии этого периода проблеме: социально-экономических предпосылках Октябрьской революции. Данная проблема поднималась не только в научной, но и партийной печати, в научную дискуссию прямо вмешались партийные органы (достаточно упомянуть совещание историков 21–22 марта 1973 г. в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС) и т. д.;

во-вторых, научное, ибо уровень развития капитализма, степень сохранения феодально-крепостнических пережитков, тип капиталистической эволюции стали основными темами обсуждения, отодвинув на некоторое время переселенческое движение на задний план. Последнее чаще всего изучалось лишь как катализатор ускоренной модернизации сибирской деревни;

в-третьих, организационно-мобилизующее, так как особенности аграрной эволюции сибирского сельского хозяйства обсуждались не только на региональном уровне, но и становились предметом обсуждения на всесоюзных симпозиумах, в центральной печати и т. д. Увеличилось количество участников дискуссии, в которую были вовлечены не только историки-аграрники, но и специалисты по истории революционного движения, политических партий, ссылки, различных течений общественной мысли, в связи с тем, что характер аграрного строя сибирской деревни позволял им рассуждать о предпосылках, факторах, характере общественно-политических процессов в Сибири. Кстати, именно этим можно объяснить и продолжительность данной дискуссии. Если в европейской части России она была свернута после «исторического» совещания 1973 г., то в Сибири не затихала до конца 70-х гг. XX в., прежде всего в процессе подготовки коллективного труда «Крестьянство в Сибири в эпоху капитализма»;

в-четвертых, концептуальное, ибо именно эта дискуссия предопределила новые тематизмы в сибиреведении эпохи капитализма, так как историки, начав с рассмотрения уровней развития капитализма, типов аграрной эволюции, аграрной политики правительства, влияния последней на аграрный строй, постепенно пришли к культурной истории социального уровня, т. е. к исследованию ценностных ориентиров (их эволюции, соотношения традиций и новаций, умонастроений и т. д.).

Все это позволяет нам сделать вывод о значительной, а может быть и решающей, роли дискуссии об аграрной эволюции в сибирской деревне в становлении отечественного исторического сибиреведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, «Из истории Западной Сибири» – научные труды Новосибирского государственного педагогического университета 1969, 1970 гг. и т. п. Подобные тематические сборники издавались в Омске, Красноярске, Иркутске.

² Работа получила Государственную премию СССР.

³ Среди них следовало бы выделить солидные исследования сибирского крестьянства А.А. Кауфмана (Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905 и др.), в том числе работы по экономическому изучению крестьянских хозяйств Сибири по поручению Министерства государственных имуществ.

⁴ Л.М. Горюшкин и Н.А. Миненко отмечают, что именно во второй половине 1950-х гг. начинают интенсивно изучаться многие проблемы сибирской истории: русское заселение Сибири, город и промышленность, переселенческое движение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938. 352 с.
- [2] См. об этом: Советская историография / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГУ, 1996. 589 с. Кн. 2.
- [3] Вопросы истории Сибири. Томск, 1964–1974. Вып.1–8.
- [4] См.: *Симонова М. С., Твардовская В. А.* [Рецензия] // История СССР. 1969. № 6. С. 178–182. Рец. на кн.: История Сибири. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, 1968. 527 с.
- [5] *Захарова А. К.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири. Пореформенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952; *Храмков А. А.* Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года (по материалам Томской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1955.
- [6] См., напр.: *Ветошкин М. К.* Очерки по истории большевистской организации и революционному движению в Сибири. М.: Госполитиздат, 1953. 309 с.; *Дулов В. И.* Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1956. 270 с.
- [7] См., напр.: *Соловьева Е. И.* Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1956; *Тюкавкин В. Г.* Переселение крестьян в период столыпинской реформы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1958.
- [8] Обсуждение вопроса о развитии капитализма в пореформенной России // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 196–198.
- [9] Особенности аграрного строя России в период империализма: материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960 г. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 352 с.
- [10] Конференция по проблеме истории капитализма в Сибири (1861–1917 гг.) // История СССР. 1962. № 5. С. 248–250.
- [11] *Бородавкин А. П., Рабинович Г. Х., Сухотина Л. Г.* Об особенностях развития капитализма в Сибири (1861 – середина 90-х годов XIX в.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 3–19.
- [12] См. напр.: *Сухотина Л. Г.* Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по матери-

- лам Томской губернии) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 61–73.
- [13] *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. 588 с.
- [14] *Дулов В. И., Тюкавкин В. Г.* О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 45–60.
- [15] *Тюкавкин В. Г.* Характер аграрных отношений в Сибири в начале XX в. // Сибирь периода капитализма. Вып. 3: Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1967. С. 166–189.
- [16] *Храмков А. А.* К вопросу о путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока (секция истории и этнографии советского периода). Томск, 1960. С. 21–26 ; *Его же.* О некоторых вопросах развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Особенности аграрного строя России в период империализма. С. 146–150.
- [17] *Горюшкин Л. М.* Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне: об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1962. 129 с. ; *Его же.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1967. 412 с.
- [18] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983. 399 с.
- [19] См. об этом: Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. 286 с. ; *Громько М. М.* Община в обычном праве сибирских крестьян XVIII–70-х гг. XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974. С. 67–81 ; *Горлова И. Д.* Особенности пореформенной общины на Алтае // Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976. С. 17–24; *Никулин В. И.* Управление крестьянами Сибири в 1861–1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979.
- [20] *Топчий А. Т.* Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 277 с.
- [21] *Худяков В. Н.* Аграрная политика царизма в России в пореформенный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. 264 с.
- [22] *Островский И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1991. 311 с.
- [23] Там же. С. 268.
- [24] См. об этом: *Давыденко Н. А.* К изучению социокультурных факторов развития сибирского животноводства (конец XIX–XX в.) // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1999. С. 105–117.
- [25] *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 317 с.

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК В ИЗДАНИЯХ ДЛЯ НАРОДА В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В центре внимания – представление христианского Востока в изданиях для народа в России конца XIX – начала XX в. В качестве источников рассмотрены путеводители по святым местам, энциклопедии, изданные И.Д. Сытиным, и другие «народные» издания. Динамика образа христианского Востока, десакрализация его пространства и почти полное отсутствие в рассматриваемых источниках базовой государственной идеологии, связанной с идеей Третьего Рима, позволяют поставить проблему христианского Востока в изданиях для народа в России конца XIX – начала XX в. как одну из ключевых для понимания истории развития русского общественного сознания.

Ключевые слова: христианский Восток, Святая Земля, издания для народа, И.Д. Сытин, Третий Рим, Императорское Православное Палестинское Общество, русское общество в XIX–XX вв.

Христианский Восток в течение многих столетий занимал важное место в сознании русских православных людей. Конец XIX – начало XX в. – период, когда, с одной стороны, резко увеличилось количество печатных изданий для народа, а с другой – выросло число книг, посвященных святым местам Востока (что произошло во многом благодаря активной деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО)) (в статье сохранено написание собственных имен существительных, принятое в конце XIX – начале XX в.). Этот период непосредственно предшествовал установлению в России советской власти и всесторонней секуляризации русского общества. Исследование образа христианского Востока в изданиях для народа в России конца XIX – начала XX в. необходимо для понимания последующих масштабных процессов в русской истории, однако до сих пор научных работ в этой области не существует. В задачи данной статьи входит рассмотрение ряда «народных» изданий и анализ имеющихся в них ключевых моментов, связанных с образом христианского Востока и отношением к нему. Исследование ограничено рамками 1882–1914 гг., выбор нижней границы связан с датой учреждения Православного Палестинского Общества (наименование «Императорское» оно получило в 1889 г.), верхней – с началом Первой мировой войны, внесшей свои изменения как в положение России на христианском Востоке, так и в его образ, транслируемый массам.

Понятие «христианский Восток» существовало и в рассматриваемый период. Так, «Русская Энциклопедия» сообщает: «Восток христианский – условный термин, обнимающий христианскую культуру на территории Востока Ближнего, Востока Древнего и Средней Азии (арабов, абиссинцев, армян, грузин, коптов, персов, сирийцев и других), между прочим и господствующие там своеобразные направления христианства (несториан, манихейцев, монофизитов и др.). Ныне некоторые ученые термин «Восток христианский» понимают шире: как изучение христианства во всей Азии (в Индии, Китае и т. д.) и во всей Африке» [1]. Данное исследование связано с христианским Востоком в первом из указанных, более узком, значении.

В русском сознании главное место среди всех стран христианского Востока занимала Палестина, Святая Земля. Так, в середине XIX в. в народных стихах о Голубиной Книге мать всем городам – Иерусалим, всем рекам – Иордан, всем горам – Фавор [2]. Сведения о христианских святых на условной народно-поэтической карте Святой Земли часто легендарны и связаны вовсе не с теми местами, где они реально находятся [3]. Иерусалим – «начальный град» – находится в центре Земли, в нем – пуп Земли [4], и на лубочных картинках второй половины XIX в. над Кувуклией¹ мы видим надпись: «Центр Земли» [5]. И в середине XIX в. паломники стремились в Иерусалим, ожидая увидеть там висящий на воздухе Гроб Господень и другие чудеса, описанные в апокрифических преданиях, но, разочарованные реальностью, по возвращении, однако, повторяли рассказы о чудесах как лично виденных [6].

В конце XIX – начале XX в. вышло множество изданий, посвященных святым местам Востока. Среди них – «Воспоминания о Св. Земле – Палестине» [7] и «Путеводитель по Святой Земле»² [8] Ильинского скита на Афоне, «Путеводитель во Святейший Град Иерусалим ко Гробу Господню и прочим святым местам Востока и на Синай»³ [9] русского Пантелеймонова монастыря на Афоне, допущенное в библиотеки церковно-приходских школ «Живописное обозрение святых мест. Святейший Град Иерусалим»⁴ [10], «Святые места Палестины», изданные редакцией журнала «Чтение для Солдат»⁵ [11]. В этих изданиях нередки отсылки к Ветхому и Новому Завету, цитаты из Евангелия и богослужебных текстов, а также восторженный настрой и «слезы умиления» [12]. Эти же черты можно было наблюдать и в более ранних изданиях [13]. Однако в отличие от них в вышедших после 1881 г. книгах дано краткое, но вполне реальное и конкретное описание пути в Святую Землю [14] и путешествия по ней самой с такой же конкретной характеристикой святых мест (и с их гравированными изображениями) [15]. Слово «достопримечательности» (или «достопримечательный») [16] и фразы вроде «Обратите внимание на хорошо сохранившиеся мозаические изображения на стенах...» [17] отдают туризмом. В 1903 г. выходит подробный, иллюстрированный многочисленными фотографиями двухтомный «Путеводитель по святым местам Востока», изданный в 1903 г. П.П. Сойкиным и содержащий значительный объем информации без пересказа христианских преданий, оценочных и эмоциональных характеристик [18]. В

«Чтениях о Святой Земле для народных школ» (1912), изданных синодальной типографией, сказано: «Размеры Святой Земли весьма незначительны. <...> Теперь Святая Земля представляется опустевшею и одичавшею странною, которая с трудом прокармливает местных жителей» [19]. В храме Гроба Господня – «отсутствие художественного вкуса, даже заботливости об опрятности и порядке...» [20]. Так, к началу 1910-х гг. образ Палестины (и Иерусалима в ней) деградирует от «Центра Земли» к «незначительности» и неопрятности.

Во всех рассмотренных книгах была упомянута деятельность ИППО, и именно издания этого общества занимают основное место среди всей печатной продукции о Святой Земле. В первую очередь это путеводители для паломников [21]. В них – руководство по важным для паломника практическим вопросам, есть здесь и современная карта Палестины, и подробное описание дороги туда. Помимо Иерусалима⁶, который, безусловно, является главной целью путешествия в святые места Востока, путеводитель включает Афон, Синай (в Египте), а также итальянские города Бар⁷ и Рим, которые, строго говоря, Востоком не являются. В самом тексте путеводителя описано и пребывание в Константинополе (впрочем, там «пароход стоит не более 1 ½ суток») [22]. Похоже на путеводитель вышедшее с 1895 по 1908 г. одиннадцать раз⁸ издание члена ИППО П.П. Свецкого «Поездка в Иерусалим и Святые места» [23]. Здесь, наряду с рекомендациями по посещению святых мест, есть упоминания других «небезынтересных» мест, и указания, где можно приобрести различные сувениры на память [24]. Так, в издании для паломников постепенно проникают туристические моменты. В конце своей книги П.П. Свецкий рекомендует для прочтения «рассказ старого паломника В.Н. Хитрово» [25]. Книга «К Животворящему Гробу Господню» «старого паломника» В.Н. Хитрово⁹ с 1884 по 1914 г. была издана ИППО одиннадцать раз [26]. В ней подробное внешнее описание ряда святых мест с гравюрами-иллюстрациями и воспоминанием евангельских событий. Основатель ИППО В.Н. Хитрово пишет книгу от лица русского крестьянина, в ней Константинополь – Царьград, турки – басурманы и нехристи [27], а храм Святой Софии – «был он православным храмом и, даст Бог, еще будет» [28]. Храм Гроба Господня был при царе Константине православным, однако при нашествии арабов и турок «Латиняне и армяне... где деньгами задобрили турецкое

начальство, а где просто силою захватили и оттягали несколько Святынь» [29]. Эти и другие примеры свидетельствуют о желании автора не только описать святыне места, но и довести до сведения читателя важные политические и исторические моменты в нужном ключе (немалое внимание при этом уделено деятельности Русской Духовной Миссии и ИППО на Святой Земле). Во время повествования автор, стилизуя текст под народный, употребляет даже срединные сказочные формулы («Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» [30]). Однако путь в Иерусалим не только не сказочный, но даже довольно простой («съездить легче и дешевле, чем прежде бывало в Питер» [31]).

В 1900 г. в типографии И. Д. Сытина выходит книга русского писателя и публициста В.М. Дорошевича «В земле обетованной» [32]. В художественном тексте, полном восторженных описаний, отражены и палестинские пейзажи, и различные святыне места, и население Иерусалима, и туристы, и русские паломники, и воспоминание евангельских событий, и схождение Благодатного огня, и многое другое. Но стиль описания несколько далек от «паломнического»: Палестина – «чудная страна», где «родилась лучшая, чистейшая, прекраснейшая религия мира» [33]; «Чудная страна, населенная, как феями, преданиями и легендами... Страна, полная воспоминаниями великого прошлого, ожиданиями страшного грядущего»¹⁰ [34]; «Мечеть Омара – этот храм, полный красоты и гармонии, эта чудная симфония красок и линий, – неудержимо влечет к себе» [35]. И образ Палестины в книге Дорошевича оказывается чем-то между действительно Святой Землей и одной из стран «чудного» волшебного Востока.

Хотя и не так полно и детально, как Святая Земля, однако отражены в «народных» изданиях и другие места христианского Востока. В книгах о путешествиях в Палестину обычно упоминаются Константинополь¹¹ [36], Афон¹² [37] и Египет (чаще всего речь идет о Синае) [38]. В изданиях афонских монастырей также есть рассказ о Бейруте [39], греческих городах, находившихся под властью Турции [40], и Кипре [41] (а в «Путеводителе по Святой Земле» есть информация о Тире, Сидоне и Акре [42]). Повествование об этих местах обычно включает в себя описание их общей панорамы, рассказ о русских, греческих, коптских церквях и монастырях (иногда и воспоминание о разрушенных), а также легенды и предания о святых местах. Кроме того, в «Путеводителе по Свя-

той Земле» Свято-Ильинского скита дана объемная историческая информация, а в издании П.П. Свецкого немало внимания уделено и вполне светским, туристическим достопримечательностям [43].

В «народном» христианском Востоке мы не увидим Грузию и Армению (есть только редкие сообщения об армянской церкви в Иерусалиме [44]), а православные арабы чаще всего упоминаются только при описании схождения Благодатного огня [45].

Не могла рассматриваться в путеводителях – ввиду как опасности путешествий, так и отсутствия христианских святынь – Эфиопия (или Абиссиния, как ее тогда называли в России), зависящая от коптской церкви. Эта часть христианского Востока была описана в других «народных» изданиях. Ее называли страной «древнего православия», «несчастной единой верной страной», изнемогающей в борьбе с врагами и возлагающей все надежды на Россию [46]. Абиссинцы – уже в названиях книг – «черные христиане», «наши черные единоверцы» [47]. Указывалось, что абиссинцы и русские близки друг другу «по силе религиозного чувства и восточной вере, почерпнутой из одного источника», причём «африканские христиане» – это «особенно религиозные люди» [48]. Проводилась мысль о близости эфиопской и русской церквей, об их единении и расширении влияния России в Эфиопии [49]. Создавался образ Абиссинии, основное население которой издавна твердо держится православия, управляется мудрым, любящим свой народ негусом (ведущим свой род от сына царя Соломона и царицы Савской) и его добродетельной супругой, при этом абиссинцы довольно симпатичны по характеру, открыты к общению с иностранцами и усвоению достижений европейской цивилизации¹³ [50].

Отдельного рассмотрения требует образ христианского Востока в энциклопедиях И.Д. Сытина. В 1910–1912 гг. появляется «Народная Энциклопедия научных и прикладных знаний» [51], главная цель которой – «научное самообразование широких кругов народа, а также прохождение курсов в народных университетах» [52]. В отличие от всех предыдущих, эта энциклопедия была разделена на тома по отраслевому принципу, и представление о народах и странах было включено в антрополого-географический том [53]. В нем полностью проигнорирована роль в христианском мире Константинополя: он сведен к «столице Турции», которая имеет

большое торговое и политическое значение ввиду своего географического положения [54]. Нет ничего о столь важном для российской политики православии балканских народов. Информация о Сирии и Палестине сведена к краткому очерку размером в один абзац, а на иллюстрациях приведены ливанский кедр, общий вид Дамаска и мечеть Омара [55]. Таким образом, не представлено не только ни одной христианской святыни, но даже ни одного места, наиболее знакового для христиан (для общей панорамы выбран не Назарет, например, а Дамаск). Мечеть Омара подспудно переносит и Иерусалим почти целиком в мусульманскую сферу (и нигде в энциклопедии нет ни слова об иудаизме). Об Абиссинии сказано мимоходом и предельно кратко, есть замечания о невежественности абиссинцев и смешении в стране христианства с «магометанством» и язычеством [56]. Учитывая обширные экскурсы в буддизм и мусульманство, Восток в «Народной Энциклопедии» представлен буддийско-мусульманско-языческим пространством, христианство на Востоке как бы стирается и становится чем-то крайне незначительным¹⁴. Ничего подобного не позволяло себе ни одно из рассмотренных ранее изданий. Парадоксально, что это издание было предназначено «для народа», т. е. для тех социальных слоев населения, которые были традиционно наиболее религиозны и в основной своей массе являлись православными.

Тенденцию десакрализации христианского Востока можно увидеть и в «Детской Энциклопедии», изданной Сытиным в 1913 – начале 1914 г. [57]; она «имела исключительный успех и очень быстро разошлась» [58]. В ее основу было положено одноименное английское издание, хотя при этом все отделы были «вновь переработаны и дополнены» [59]. При сравнении даже самого первого тома «Детской Энциклопедии» Сытина с его английским «прообразом» [60] видно, что русский вариант почти ровно в три раза тоньше английского¹⁵, т. е. при превращении английского издания в массовое русское сознательно была отобрана только треть из имеющегося материала. В центре внимания оказались главным образом сведения научно-популярного характера. Среди прочего не были востребованы отдельные статьи по истории культуры, сказочные истории, материал, связанный с Библией. Показательно, что в издании Сытина христианский Восток полностью отсутствует. Как и в «Народной Энциклопедии», здесь

нет изображений христианских святых мест Востока. Христианство в целом и Евангелие в частности в тексте упоминаются крайне редко: в рамках информации о сомнительном православии осетин [61], мученической смерти князя Михаила у татар¹⁶ [62], варварстве крестоносцев при захвате Константинополя [63], миссионерской деятельности Ливингстона в Африке [64] и в утверждениях о том, насколько важен «вечный» Рим для католического мира¹⁷ [65], а Ветхий Завет цитируется только в качестве исторического источника [66]. С оттенком сомнения, но все-таки приведено предание о происхождении абиссинского правителя от царя Соломона, однако о христианстве в этой стране не сказано ни слова¹⁸ [67]. Западноевропейское возвеличивание роли Рима полностью исключает столь важный для России того периода Константинополь («Восточная империя... конечно, далеко не имела того мирового значения, какое создал себе вечный Рим») [68], более того, «Константинополь – город мечетей» (и есть изображение двух мечетей, ни одна из которых не является Айя-Софией – христианское прошлое даже в таком виде исключено полностью)¹⁹ [69].

Артур Ми называл целью своего издания формирование у детей концепции мира, в котором они живут, и своего места в нем [70]. Сытин убрал из этой концепции все то, что связано с верой в Бога, при этом не внес ничего из русской православной картины мира. Издание приобрело предельно светский характер²⁰, а христианскому Востоку как явлению в нем не нашлось места. Почти атеистический взгляд на вещи подрывает традиционные основы коммуникации России с христианским Востоком.

В целом в 1882–1914 гг. относительно христианского Востока в изданиях для народа заметны следующие тенденции.

Происходит резкое увеличение количества «народных» изданий, напрямую посвященных христианскому Востоку: он становится реальным, а представление о нем из сферы легенды переходит в сферу чуть ли не туристическую (сам факт появления жанра путеводителя по святым местам свидетельствует о зарождении такого явления, как религиозный туризм). При этом В.М. Дорошевич и В.Н. Хитрово, описывая христианский Восток, прибегают к элементам «сказочности», и их книги «выпадают» из стиля основной массы изданий для народа (книга В.Н. Хитрово свидетельствует о его понимании «народного» как лубочного; учитывая лег-

ко избличаемую мистификацию, она вы­глядит на фоне других изданий почти ко­мично).

Основная масса изданий является нейтральным описанием святых мест Востока с рекомендациями для паломни­ков, но на этом фоне появляются полити­ческие и идеологические концепции. К православному Востоку относится Кон­стантинополь (лишь «временно» захвачен­ный турками), однако государственная идеология Третьего Рима не доведена до народного сознания. Она, скорее, прогля­дывает в отношении к менее важной для русской политики и общественной мысли «православной» Абиссинии. В рассчитан­ных на массового читателя энциклопеди­ях И.Д. Сытина происходят десакрализа­ция пространства христианского Востока и дехристианизация Востока в целом, способствующие созданию атеистическо­го образа мира. Таким образом, на уровне базовой историко-культурной идеологии в изданиях для народа существовали зна­чительные проблемы: традиционная госу­дарственная линия оказалась не пред­ставлена (попытки В.Н. Хитрово предста­вить ее в книге «К Животворящему Гробу Господню» выглядят довольно слабо), при этом возникла направленная в другую сторону четкая политическая (либераль­ная и англофильская) линия в энциклопедиях И.Д. Сытина.

Эти тенденции позволяют считать проблему христианского Востока в изда­ниях для народа в России конца XIX – на­чала XX в. как одну из ключевых не толь­ко для исследования истории и культуры указанного периода, но и для понимания дальнейшего развития русского общест­венного сознания. Данная проблема тре­бует внимательного изучения на более широком материале.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кувуклия – небольшая часовня в центре храма Гроба Господня, возведенная над самим Гробом.
- ² С 1886 по 1894 г. вышло три издания.
- ³ 1882 г. – 4-е, 1908 г. – последнее (9-е) издание книги.
- ⁴ Выдержало с 1896 по 1905 г. четыре издания.
- ⁵ Издание редакцией журнала «Чтение для Солдат» книги о святых местах Палестины началось в 1859 г. [71], к 1885 г. (5-е изд.) она претерпела значительные изменения.
- ⁶ Выделение Иерусалима среди всех мест Пале­стины свидетельствует о его центральности для русского сознания и значности самого его наименования. Иерусалим – и город, выступающий на фоне всей Палестины, и город, олицетворяющий Святую Землю.

- ⁷ Современный город Бари. В нем в течение мно­гих веков находятся мощи святителя Николая Чудотворца.
- ⁸ Первые десять изданий вышли с 1895 по 1902 г. С 4-го издания – заглавие «Поездка в Иеруса­лим, Палестину, Афон, Синай, Бар-Град и Рим».
- ⁹ Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) – по­томственный дворянин, состоял членом Совета министра народного просвещения, был основа­телем ИППО. Его фамилия, стоявшая на всех, кроме первого (1884 г.), изданиях книги «К Живо­творящему Гробу Господню», самим своим при­сутствием избличала мистификацию о крестья­нине Василии Никитиче, от лица которого велось повествование.
- ¹⁰ Ср.: «Страна... легенд правдивых и действи­тельности неправдоподобной. <...> Страна... чья история – сказка, чья судьба – печальная поэма...» [72]. Сходство между стилем описания Палестины Дорошевичем и цитатой из очерков о Мексике поэта Серебряного века Константина Бальмонта свидетельствует о том, что сам текст Дорошевича близок не столько к традиционной паломнической литературе о Святой Земле, сколько к описаниям экзотического Востока в ду­хе романтизма.
- ¹¹ «Благочестивый странник земли русской верит, что наступит время, когда на Св. Софии снова заблещет золотой крест и помрачит временную славу полумесяца» [73].
- ¹² В изданиях Ильинского скита Афону уделено особое внимание. Существовал и изданный ски­том «Путеводитель на Св. Афонскую Гору» [74].
- ¹³ Мода на Абиссинию не была явлением, свойст­венным исключительно «народным» изданиям. Так, она нашла свое выражение, например, в жизни и творчестве поэта Серебряного века Н.С. Гумилева и русского офицера А.К. Булато­вича.
- ¹⁴ Однако копты в энциклопедии все же упомянуты [75].
- ¹⁵ 248 и 724 страницы соответственно.
- ¹⁶ «Татары были язычники и поклонялись идолам. Между прочим, они верили, что огонь очищает человека и прогоняет недобрые мысли. Поэтому всякий князь, когда шел к хану, должен был пройти между двух огней; тогда татары верили, что у него нет никаких недобрых мыслей. Один из русских князей, приехавший к хану на поклон, черниговский князь Михаил, отказался идти меж­ду огней, думая, что это обычай языческий и христианину его исполнить нельзя. Тогда тата­ры, думая, что он не хочет оставить недобрых мыслей против хана, замучили князя до смерти» [76]. В традиционном варианте этого сюжета указано, что татары требовали от князя покло­нения «солнцу и идолам» [77], и за верность христианству князь Михаил был канонизирован Русской православной церковью как первомуче­ник в Орде. В «Детской Энциклопедии» Сытина святость становится недостатком коммуникатив­ной образованности.
- ¹⁷ Последние два примера, по-видимому, являются «наследием» английского издания. Само утвер­ждение о духовной «вечности» Западного Рима отрицает идею преемственности «Рим – Кон­стантинополь – Москва», укоренившуюся в рус­ском сознании: Рим в метафизическом смысле не только не пал, но и остался связан с тем же

- географическим пространством. Здесь текст «Детской Энциклопедии» оказывается примером англофилии, встраивания в западноевропейское мировоззрение и полного игнорирования русской традиции отношения к идее Рима.
- ¹⁸ Характеристика абиссинцев как дикарей не является традицией исключительно сытинских энциклопедий: это же можно увидеть в других, уже не «народных», энциклопедических изданиях данного периода, хотя при этом христианство абиссинцев в них все же упоминается [78]. Сытин находился в целом в русле общей энциклопедической традиции, идущей вразрез с традицией «народных книжек», и усиливал ее в своей «Детской Энциклопедии» переходом к полному умолчанию о христианстве в Абиссинии.
- ¹⁹ Такая позиция полностью противоположна общественно-политической мысли в России 1880–1910-х гг. [79].
- ²⁰ Видимо, религиозная часть детского образования была целиком отнесена к сфере таких изданий, как Закон Божий, которые, однако, ничего не давали для образа современного христианского Востока.
- #### ЛИТЕРАТУРА
- [1] Восток христианский // Русская энциклопедия: [1911]–[1915] / С. А. Адрианов и др. Т. IV: Ваяри до Выла. СПб., [1913]. С. 406.
- [2] См., напр.: Книга Голубиная // [Бессонов П.] Калеки переходные : сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. С. 271, 276–277, 284.
- [3] См., напр.: Там же. С. 271, 278, 285, 286, 289.
- [4] Там же. С. 289.
- [5] См., напр.: Вид Храма и Гроба Господня в Иерусалиме. М., 1872. Хромолит. А. Абрамова // Святая Земля в русском искусстве : каталог. М., 2001 (Государственная Третьяковская галерея). С. 317; Вид Храма и Гроба Господня в Иерусалиме. М., ценз. 1884. Хромолит. И. Д. Сытина и К^о // Отдел эстампов Российской национальной библиотеки. ЭЛТ35/И307 Э лб9294 80-РЛ-2945/134.
- [6] См., напр.: Русские народные картинки / собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 2002. С. 243–246.
- [7] Воспоминания о Св. Земле – Палестине : альбом / Издание Русского Св. Ильинского Скита на Афоне. Одесса, 1886. 20 с.
- [8] Путеводитель по Святой Земле. С 19-ю литографированными рисунками, новейшим планом Иерусалима и картой Палестины / Издание Русского Св. Ильинского Скита на Афоне. Одесса, 1886. 301 с.
- [9] [Арсений (Минин А. И.)]. Путеводитель во Святой Град Иерусалим ко Гробу Господню и прочим святым местам Востока и на Синай. 4-е изд. М., 1882. 230 с.
- [10] Живописное обозрение святых мест. Святой град Иерусалим. 3-е изд. Одесса, 1902. 60 с.
- [11] Святые места Палестины : с 32-мя рисунками и картою Палестины. 5-е изд. СПб., 1885. 100 с.
- [12] См., напр.: Воспоминания о Св. Земле... С. 7, 9, 17; Живописное обозрение святых мест. С. 59.
- [13] См., напр.: [К. Т.]. О святых местах Палестины (Иерусалим). СПб., 1859. 39 с.; Краткое описание Святого града Иерусалима и его окрестностей. М., 1873. 32 с.
- [14] [Арсений]. Указ. соч. С. 6–11; Живописное обозрение святых мест. С. 7–9; Святые места Палестины. С. 9–14; Путеводитель по Святой Земле. С. 1–33.
- [15] [Арсений]. Указ. соч. С. 27–207; Воспоминания о Св. Земле... С. 5–19; Святые места Палестины. С. 14–25, 43–97; Живописное обозрение святых мест. С. 11–25, 34–47; Путеводитель по Святой Земле. С. 34–290.
- [16] См., напр.: Воспоминания о Св. Земле... С. 1, 14, 17; Живописное обозрение святых мест. С. 34, 44.
- [17] Воспоминания о Св. Земле... С. 15.
- [18] Иллюстрированный путеводитель по святым местам Востока : в 2 кн. / А. А. Павловский, А. И. Поповицкий. СПб., ценз. 1903. 240 + 217 с.
- [19] Чтения о Святой Земле для народных школ. СПб., 1912. 48 с. (Бесплатное приложение к журналу «Народное образование» за март 1912 г.). С. 5–6.
- [20] Там же. С. 13.
- [21] См., напр.: Путеводитель по Святым местам Востока: руководство для русских паломников, отправляющихся в Иерусалим, на Афон, Синай, в Бар-град и Рим, с приложением карты Палестины. СПб., 1910. 115 с.
- [22] Там же. С. 24–26.
- [23] [Свецкий П. П.]. Поездка в Иерусалим и Святые места. [СПб.], 1895. 24 с.
- [24] Там же. С. 14–17.
- [25] Там же. С. 20.
- [26] [Хитрово В. Н.]. К Животворящему Гробу Господню : рассказ старого паломника. СПб., 1884. 121 с. (Издание ИППО).
- [27] Там же. С. 18–23.
- [28] Там же. С. 22.
- [29] Там же. С. 42.
- [30] Там же. С. 4.
- [31] Там же. С. 10; см. об этом также: [Свецкий П. П.]. Указ. соч. С. 1.
- [32] [Дорошевич В. М.]. В земле обетованной: (Палестина). С 76 рисунками. М., 1900. 232 с.
- [33] Там же. С. 6.
- [34] Там же. С. 231.
- [35] Там же. С. 153.
- [36] См., напр.: [Арсений]. Указ. соч. С. 8–11; Путеводитель по Святым местам Востока. С. 24–26; Путеводитель по Святой Земле. С. 5–17.
- [37] См., напр.: [Арсений]. Указ. соч. С. 12–17; Воспоминания о Св. Земле... С. 3, 20; Путеводитель по Святым местам Востока. С. 31–34.
- [38] См., напр.: [Арсений]. Указ. соч. С. 208–223; Путеводитель по Святым местам Востока. С. 101–108; Путеводитель по Святой Земле. С. 291–301.
- [39] См., напр.: [Арсений]. Указ. соч. С. 25–26; Путеводитель по Святой Земле. С. 27–28.
- [40] См., напр.: [Арсений]. Указ. соч. С. 17–23; Путеводитель по Святой Земле. С. 17–25.
- [41] См., напр.: [Арсений]. Указ. соч. С. 23–24; Путеводитель по Святой Земле. С. 25–27.
- [42] Путеводитель по Святой Земле. С. 28–32.
- [43] См., напр.: [Свецкий П. П.]. Указ. соч. С. 18–19.
- [44] См., напр.: Путеводитель по Святой Земле. С. 161–163.
- [45] См., напр.: Чтения о Святой Земле для народных школ. С. 17.

- [46] [Груздев Ф. С.]. В стране черных христиан: Очерки Абиссинии / [Соч.] Ф. Волгина [псевд.]. СПб., 1895 (Полезная библиотека). Приложение к журналу «Природа и люди». С. 3–4.
- [47] Васин Н. Страна черных христиан: описание Абиссинии – ее жителей и природы. М., ценз. 1905. 64 с.; [Груздев Ф. С.]. Указ. соч.; Наши черные единоверцы, их страна, государственный строй и входящие в состав государства племена / Вл. Бучинский, С. Бахланов. СПб., ценз. 1900. 239 с. (Дешевая библиотека «Русского паломника»).
- [48] Наши черные единоверцы... С. 3, 13.
- [49] Там же. С. 11–12.
- [50] Васин Н. Указ. соч. С. 44, 47, 51–56; [Груздев Ф. С.]. Указ. соч. С. 24–25; Наши черные единоверцы... С. 68–69, 86–87, 90–99, 235–237.
- [51] Народная Энциклопедия научных и прикладных знаний : в 14 т. / Харьковское общество распространения в народе грамотности. М., 1910–1912.
- [52] См., напр., обложку издания: Народная Энциклопедия научных и прикладных знаний : в 14 т. Т. VI : Антрополого-географический. М., 1910–1911. 830 с.
- [53] Народная Энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. VI.
- [54] Там же. С. 418–420.
- [55] Там же. С. 562–564.
- [56] Там же. С. 612.
- [57] Детская Энциклопедия : в 10 т. / Ю. Н. Вагнер, С. А. Князьков и др. М., 1913–1914.
- [58] Динерштейн Е. А. Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. С. 253.
- [59] Детская Энциклопедия. Т. I. М., 1913. С. V.
- [60] The Children's Encyclopedia : in 10 vol. / Arthur Mee. Volume One. London: Educational Book Company Ltd, 1908. 724 p. URL: <http://childrensencyclopedia.blogspot.com>.
- [61] Детская Энциклопедия. Т. VI. М., 1913. С. 62.
- [62] Там же. Т. VIII. М., 1913. С. 122.
- [63] Там же. Т. IX. М., 1914. С. 131.
- [64] Там же. Т. IV. М., 1913. С. 69.
- [65] Там же. Т. III. М., 1913. С. 166.
- [66] См., напр.: Там же. Т. II. М., 1913. С. 134–135, 144.
- [67] Там же. Т. IV. С. 67–68.
- [68] Там же. Т. III. С. 166.
- [69] Там же. Т. IX. С. 129.
- [70] The Children's Encyclopedia... P. 3.
- [71] [К. Т.]. Указ. соч.
- [72] Бальмонт К. Д. Страна красных цветов // Бальмонт К. Д. Змеиные цветы. М., 1910. С. 3.
- [73] Живописное обозрение святых мест. С. 8.
- [74] [Антоний]. Путеводитель на Св. Афонскую Гору, а также по ее монастырям, скитам и прочим достопримечательным святыням. С литографированными рисунками и 2-мя большими видами Афона / Русский общежительный Скит Св. Пророка Или на Св. Афонской Горе. Одесса, 1884. 132 с.
- [75] Народная Энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. VI. С. 610.
- [76] Детская Энциклопедия. Т. VIII. С. 122.
- [77] Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Л. А. Дмитриев // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4957>.
- [78] См., напр., Абиссиния // Русская энциклопедия. Т. I: А до Аркас. СПб., [1911]. С. 14; Абиссиния // Энциклопедический словарь : в 41 т. Т. I : А – Алтай / И. Е. Андреевский. СПб., 1890. С. 32; Крубера А. Абиссиния // Энциклопедический словарь товарищества «Братья А. и И. Гранат и К°» / В.Я. Железнов, М.М. Ковалевский [и др.]. Т. 1 : А – Актуарий. 7-е изд. М., 1910. Стб. 33.
- [79] См., напр.: Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 141, 150, 152, 195–199, 444.

УДК 930

М.Н. Шевченко

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ КНИЖНИКОВ О «ЦАРСКОЙ» ВЛАСТИ КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследуется историография вопроса о генезисе и эволюции представлений русских книжников о «царской» власти в период становления Московского централизованного государства (конец XV – первая треть XVI вв.)

Ключевые слова: православно-византийские традиции, царская власть, отечественная историография.

В дореволюционной исторической литературе изучение вопросов формирования представлений русских книжников о «царской» власти и международном религиозно-политическом статусе Московского государства было тесно связано с отношением исследователей к вопросу о византийском влиянии на формирование этих представлений.

Одни исследователи во главе с В.С. Иконниковым безоговорочно признавали влияние византийских религиозно-политических идей на формирование воззрений русских книжников [1]. Другие вслед за Н.М. Карамзиным полагали, что оно было куда менее значимо по сравнению с основополагающим влиянием золотоордынских политических порядков [2]. Третья группа исследователей во главе с В.И. Сергеевичем вообще отрицала подобное влияние на развитие русской политической мысли второй половины XV – первой трети XVI в. [3]. Историки полагали, что идея самодержавия русских князей «не есть продукт византийских влияний, это плод освобождения от этих влияний». В. Савва не разделял полностью позицию В.И. Сергеевича, считая, что византийские религиозно-политические идеи, взятые за основу, были существенным образом переосмыслены на Руси.

В контексте формирования представлений о пределах и прерогативах царской власти, ее церковно-политическом статусе во всем православном мире и международных отношениях находится «Сказание о князях владимирских». В дореволюционной историографии его возникновение было принято связывать с падением Византии. Считалось, что «Сказание» появилось между 1480 и 1523 г. [4]. Большинство исследователей рассматривало его в комплексе идей «Москва – Третий Рим». Было принято полагать, что легенды о приобретении Владимиром Мономахом «царского» венца из Византии и происхождении русских князей от Пруса, родственника Августа, римского императора, были придуманы для доказательства прав русских на византийское наследие и объединены в одно произведение Спиридоном-Саввой [5].

В историографии советского периода закрепилось мнение, что «Сказание о князях владимирских» подчеркивало единство процесса русской истории, устанавливая связь между князьями киевскими, владимирскими и московскими, говорило о месте Русского государства в мировой истории. Считалось, что его появление было вызвано потребностью молодого Русского государства в укреплении власти великого князя, что оно отразило идеи, уже назревшие в русской действительности и русской литературе, и что оно, скорее, говорило не о

праве русских князей на византийские земли, а об их праве на все русские земли, в том числе и на киевские [6].

После того как были опубликованы сочинения старца псковского Елеазарова монастыря Филофея [7], историософская модель Третьего Рима надолго приковала к себе внимание исследователей. Изучение проблемы модели Третьего Рима в последней трети XIX в. осуществлялось в двух руслах – научном и философско-публицистическом. У истоков научного направления стоял Н.Ф. Каптерев, философско-публицистического – В.С. Соловьев [8]. Н.Ф. Каптерев писал о постепенном формировании у русских книжников взгляда на Русь как «на представительницу и хранительницу истинного, неповрежденного православия...»; на Москву как на наследницу павшей Византии и других православных «царств», как на новый Третий Рим, на московского великого князя как на прямого потомка и наследника бывших греческих императоров, как на «главу православного государства, как представителя, поборника и защитника вселенского православия». При этом автор добавлял, что «московские цари хотели быть наследниками византийских императоров, не выступая, однако, из Москвы и не вступая в Константинополь». В.С. Соловьев приводил два образа Третьего Рима – исторический и проективный; один он соотносил с допетровской Русью, второй – с будущей миссией или задачей, завершающим, примиряющим этапом в вековом соперничестве Востока и Запада.

Другой вариант трактовки «восточного вопроса», Третьего Рима и его связи с «национальным самосознанием» представлен в трудах византиниста Ф.И. Успенского. Автор увидел то звено историософской модели Третьего Рима, которое отождествляло Российское «царство» с «Ромейским царством». Не менее тонко он уловил разницу между идеей Третьего Рима и идеей «константинопольской вотчины» московских великих князей: «не одно и то же – создавать политическую идею и принимать меры к ее осуществлению». Если идея Третьего Рима выводится Ф.И. Успенским из эволюции «национального самосознания» и трактуется в терминах ответственности России за судьбы поработанных Турцией христиан, то идея «константинопольской вотчины», по мнению автора, «впервые высказана не в русских памятниках, а, так сказать, подсказана нам из Рима в начале XVI в.» [9].

М.А. Дьяконов, указывая на «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы, по-

лагал, что «старец Филофей не был творцом теории о Москве – Третьем Риме. Элементы этой теории были уже налицо, и ему принадлежит только окончательная и полная ее формулировка. Но в истории идей это была, бесспорно, важная заслуга». Мнение М.А. Дьяконова разделял и П.Н. Милюков [10].

Самым значительным явлением в исследовании идеи Третьего Рима стала книга В.Н. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания» [11], где было опубликовано литературное наследие Филофея Псковского и другие сочинения, составлявшие, по мнению автора, его литературный контекст. Книга вплоть до 70-х гг. XX в. оставалась единственной специальной работой на эту тему. Хотя полемика по поводу происхождения, содержания, смысла идеи продолжалась, никто не обращался к исследованию рукописной традиции, так как она казалась исчерпанной.

Из представителей русского зарубежья особого внимания заслуживает Г.В. Флоровский, который рассматривал теорию Третьего Рима в «перспективах апокалиптического беспокойства» XIV–XV вв., усиленного падением Константинополя. Он называл ее эсхатологической теорией, строго выдержанной «в эсхатологических тонах и категориях». Третий Рим Г.В. Флоровский рассматривает в рамках концепции «кризиса русского византизма», и в соответствии с этим автор утверждает, что он «заменяет», а не продолжает Второй [12].

В отечественной историографии советского периода долгое время не было специальных исследований, посвященных идее Третьего Рима. В работе по национальному самосознанию Древней Руси Д.С. Лихачев дифференцировал разные течения в представлении русских книжников. Он обозначил три важных разграничения: во-первых, между идеей «константинопольской вотчины» и «греческой идеей», во-вторых, между «политической теорией, направлявшей меч великокняжеской власти», и «мистической теорией», зревшей в среде русского духовенства и связанной отчасти с «греческой идеей», в-третьих, между теорией «Москва – Третий Рим», не вышедшей, по преимуществу, за пределы церковных кругов, и идеями «Сказания о князях владимирских», получившими широкое распространение как в дипломатической практике, так и официальной литературе XVI в. Вслед за П. Пирлингом и Ф.И. Успенским [13] Д.С. Лихачев полагал, что идея «констан-

тинопольской вотчины», «византийского наследия» внушалась русскому правительству западными державами в расчете на участие России в борьбе с Турцией, однако в самой Москве никогда не ссылались на права Московского престола, полученные через брак Иоанна III с Софьей Палеолог [14].

Заметный вклад в исследование идеи Третьего Рима внесли работы А.А. Гольдберга, опубликованные в 70-е гг. XX в. Исследователю удалось существенно расширить источниковедческую базу. Введение в научный оборот нового рукописного материала позволило по-другому решать проблемы генезиса, атрибуции, датировки изучаемых текстов, взаимоотношения между ними, последовательности их создания, а на основе этого предлагать более аргументированные решения, касающиеся содержания и смысла теории [15].

Широкий подход к теории Третьего Рима отличает работу Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Исследовательская программа семинара – это «Историко-религиозные и юридические аспекты идеи Рима: традиция и преобразования». Одной из ведущих тем семинара является пространственно-временное распространение римских традиций, их взаимодействие с национальными культурами, своеобразии привлечения и преломления этого опыта в разные эпохи у разных народов [16].

В работе Н.В. Синицыной рассматривается проблема генезиса и эволюции историософской модели Третьего Рима. В своей книге автор проводит качественный историографический обзор и опирается на все последние достижения отечественной исторической науки по проблеме «Третьего Рима» [17].

В исторической науке констатируется факт перенесения на московских государей «царских» титулов и регалий в связи с Ферраро-Флорентийской унией, падением Константинополя и освобождением от золотоордынского ига. Однако исследователи зачастую представляют в своих работах только выводы, конечный этап своих рассуждений. До сих пор неясно, в чем именно заключалось переосмысление православно-византийских традиций на Руси, имела ли место эволюция взглядов русских книжников или же представления о «царской» власти были взяты ими в готовом виде и не претерпели существенных изменений. Если эволюция взглядов русских книжников о сущности и характере «царской» власти имела место, то с какими ис-

торическими явлениями и событиями она была связана, а также о каких этапах эволюции этих представлений может идти речь. В литературе остается открытым вопрос о позиции Церкви и государства в отношении развития церковно-государственных отношений как основы общественно-политического созидания.

В целом, несмотря на определенные успехи, достигнутые в решении проблемы, ее изучение в публикациях современных авторов далеко от завершения. Отсутствие до сих пор специальных обобщающих трудов по проблемам генезиса и эволюции представлений русских книжников о «царской» власти, недостаточная изученность многих важных вопросов, стремление исследователей воздержаться от теоретических обобщений, наличие в литературе спорных точек зрения – все это свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки указанной темы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869; *Дьяконов М. А.* Власть московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889; *Сокольский В.* Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой трети XVI вв. Киев, 1902; *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.
- [2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. II. М., 1989. Т. VI. Гл. 2, 3. Стб. 37 – 126; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III. М., 1989. Т. V. Гл. 2, 3. С. 45–88; *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. II. М., 1988. С. 99–112, 130–162.
- [3] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. II. Вып. 2. СПб., 1900; *Савва В.* Московские цари и византийские Василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
- [4] *Жданов И. Н.* Повести о Вавилоне и «Сказание о князях владимирских». СПб., 1891; *Архангельский А. С.* Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (конец XV – XVII вв.). Казань, 1913.
- [5] См. об этом: *Иконников В. С.* Указ. соч. С. 370; *Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 73–78; *Пирлинг П.* Россия и Восток: царское бракосочетание в Ватикане. Иван III и Софья Палеолог. СПб., 1892. С. 158–165; *Сокольский В.* Указ. соч. С. 104–114.
- [6] История русской литературы. Т. II. Ч. I. М.; Л., 1945. С. 307; История Москвы. Т. I. М., 1952. С. 127; *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 103–104; *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1956. С. 244–246; *Дмитриева Р. П.*

- Сказание о князьях владимирских М. ; Л., 1955. С. 13, 152–156; Памятники литературы древней Руси. Конец XV – первая треть XVI вв. М., 1984. Комментарии. С. 725–726; др.
- [7] Православный собеседник. 1861. № 5. С. 78–96.
- [8] *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1883–1884; *Его же.* Характер отношений России к православному Востоку. М., 1885. С. 348; *Соловьев В. С.* Великий спор и христианская политика // Русь. 1883; *Его же.* Сочинения: в II т. Т. I. Философская публицистика. М., 1989. С. 59, 71–72.
- [9] См. подробнее: *Успенский Ф. И.* Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887.
- [10] *Дьяконов М. А.* Указ. соч.; *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. II. СПб., 1897. С. 22.
- [11] *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
- [12] *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1983. (1-е изд. – Париж, 1937.) С. 10–12.
- [13] *Пирлине П.* Россия и папский престол. Кн. I. М., 1912; *Успенский Ф. И.* Указ. соч.; *Его же.* Брак царя Ивана Васильевича III с Софией Палеолог // Исторический вестник. 1887. Декабрь. С. 680–693.
- [14] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 100, 104.
- [15] *Гольдберг А. Л.* Три «послания Филофея» (опыт текстологического анализа) // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. XXIX. С. 177–205; *Его же.* К предыстории идеи «Москва – Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 115–116.
- [16] Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика : IX Международный семинар исторических исследований: «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29–31 мая 1989. М., 1995.
- [17] *Синицына Н. В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.

РЕАЛИЗМ И ОЦЕНОЧНОСТЬ В ОПИСАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Исследуется отражение жизни страны в художественной литературе Соединенных Штатов середины XIX–XX вв. Рассматриваются произведения различных жанров: романы, рассказы, пьесы и стихи. Выявляются лингвистические средства создания оценочных образов и описания действительности.

Ключевые слова: литературное наследие, реальные события, прототипы, борьба, мастерство, терминология.

Упоминание о какой-либо стране ассоциируется с ее историей, уровнем развития экономики, общественно-политической жизнью, научной деятельностью, культурой, литературой и т. д. Мы обратимся к литературе Соединенных Штатов, главным образом XX в. В этот период писали свои произведения многие замечательные известные писатели Джек Лондон (1876–1916), Френсис Скотт Фицджеральд (1896–1940), О. Генри (1862–1910), Эрнест Хемингуэй (1899–1961), Джон Рид (1887–1920), Эптон Синклер (1878–1968), Теодор Драйзер (1871–1945), Джон Эрнст Стейнбек (1902–1968), Артур Хейли (1920–2004), Джером Давид Сэлинджер (1919–2010) и многие другие.

Каждый из перечисленных писателей оставил после себя большое литературное наследие: ими написано такое огромное количество романов и произведений других жанров – статей, эссе, памфлетов, что невозможно проанализировать и описать их в одной статье. Например, Джек Лондон написал более 200 рассказов, Теодор Драйзер – 8 романов, 5 сборников рассказов и множество очерков, Эптон Синклер – более 90 произведений различных жанров, Джером Сэлинджер – 37 романов, Джон Стейнбек – 29 различных произведений прозы, О.Генри – 273 рассказа.

Кроме того, существует множество литературоведческих исследований творчества этих писателей, представленных либо в виде предисловий к изданиям на русском или английском языках, либо изданных отдельными книгами [1]. Тем не менее мы представим свой собственный обзор богатейшей американской литературы второй половины XIX–XX вв. в аспекте отражения в ней элементов социокультурного развития США преимущественно с точки зрения лингвокультурологии. Для этого мы ставим задачу выявить, какими языковыми средствами писатели отражали реальность, в которой живут и действуют их герои, а также какими средствами они интерпретируют действительность и выражают отношение к ней. Как пишет В.А. Маслова, «все тонкости культуры народа отражаются в его языке» [2, с. 3], поэтому, чтобы понять описываемые ситуации, поступки героев, следует изучить речь персонажей и авторов. Взаимодействие культурного и языкового факторов является предметом когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. «Человек познает мир через осознание своей... деятельности в нем» [2, с. 6], а это в художественных произведениях передается различными средствами языка: употреблением слов в

переносных, иронических значениях, использованием научных и технических терминов, различными стилистическими приемами.

Произведения американских писателей отражали различные стороны жизни страны – период золотой лихорадки в рассказе Джека Лондона «Белое безмолвие» (*The White Silence*, 1899); отношения между людьми в разных слоях общества в его рассказе «Белый клык» (*White Fang*, 1906) и автобиографическом романе «Мартин Иден» (*Martin Eden*, 1909); в психологических романах Теодора Драйзера «Американская трагедия» (*An American Tragedy*, 1925) и трилогии о финансовом магнате «Финансист» (*The Financier*, 1912), «Титан» (*The Titan*, 1914) и «Стоик» (*The Stoic*, 1945), а также его первом романе «Сестра Керри» (*Sister Carrie*, 1900); в романе Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби» (*The Great Gatsby*, 1925).

Содержание многих произведений американских писателей связано с реальными событиями и реально существующими людьми. Джек Лондон описал свою жизнь и неравные социальные отношения в разных слоях общества в романе «Мартин Иден», Эрнест Хемингуэй восторженно, в светлых тонах описывает время, проведенное с Фицджеральдом и его женой Зельдой Сейр в Париже в своем романе «Праздник, который всегда с тобой»; сам Скотт Фицджеральд в романе «Великий Гэтсби», прославившем его, описал жизнь человека, настоящее имя которого Джеймс Гэтц и который происходил из бедной семьи фермера в Северной Дакоте; прототипом «Трилогии желаний» Драйзера является финансовый магнат второй половины XIX в. из Филадельфии – Чарльз Тайзон Йёркес; Эптон Синклер в романе «Автомобильный король» описывает жизнедеятельность всемирно известного изобретателя автомобиля Генри Форда; кроме того, в его романе «100 %» почти все персонажи – реально существующие люди: Гаффи, Мак-Гивни, Билли Нэш, Глэдис Фрисби и самый главный среди них – Питер Гадж.

Общей характеристикой художественных произведений американских писателей второй половины XIX–XX вв. следует считать выражение критически негативного отношения к развивающемуся капитализму, который породил стремление к наживе, стяжательству и бездуховности. Когда один из персонажей романа «Великий Гэтсби» в конце книги сообщает другому о смерти Гэтсби, тот отвечает, что это не должно его касаться:

«When a man gets killed I never like to get mixed up in it any way. I keep out» и добавляет: «Let us learn to show our friendship for a man when he is alive and not after he is dead. After that, my own rule is to let everything alone» [3, с. 172].

Эптон Синклер в романе «100 %» описывает стремление к наживе таким способом, как «гнуть колени там, где раболепие приносит прибыль» [4, с. 26]. Главный герой этого же романа Питер Гадж всегда находил человека, которому угождал и тем самым извлекал выгоду: «В жизни Питера, начиная с самого детства, всегда был такой “старик”, неограниченный властелин, олицетворявший собой источник всех жизненных благ» [4, с. 25].

Автор данного романа выступает против сложившейся по всей стране системы борьбы с рабочими союзами и судебных процессов над их представителями, а также их осуждения на основании ложных показаний. Чтобы подчеркнуть, что вся страна поражена таким пороком, Синклер называет место действия романа «100 %» нарицательным именем – Американский город.

Ярко и остро разоблачал страсть к наживе любым путем О.Генри. Наиболее показательным в этом отношении является его рассказ «The Roads We Take» – «Дороги, которые мы выбираем». Рассказ написан в 1910 г. и показывает банкира с Уолл-стрит, достигшего богатства ценой уничтожения многих людей. Высочайшее литературное мастерство писателя дает возможность в рамках короткого рассказа описать весь жизненный путь дельца, бывшего налетчика и грабителя. Автор, давая ему красноречивое метафорическое прозвище Shark, показывает, что Акула Dodson всю жизнь руководствовался философией, согласно которой нельзя делиться ни с кем, и выражал свое жизненное кредо фразой «Боливару не вынести двоих» (*Bolivar cannot carry double*).

Для многочисленных романов американских писателей характерна документальность, описание реальных событий. В романе Артура Хейли «Аэропорт» описываются события, когда человек, испытывающий серьезные материальные затруднения, оформляет «фиктивную» страховку и готовит взрыв самолета с тем, чтобы деньги после его смерти достались семье. В романе описывается, как работают все службы аэропорта. При этом используются многочисленные технические термины, чем достигается достоверность описания. Таковым является описание диспетчерского пункта с терминами *computer*,

electric gear, automatic teletypes, machinery, radarscopes, controls, radio communications panels [5, с. 73, 129], а также процесса расчистки взлетных и рулежных дорожек с использованием автомобильных и дорожных терминов – trailer, windshield-wipers, compressor vanes, engine, fuel, brakes, S-turn, plow, grader и др. [5, с. 322, 434].

В другом романе Артура Хейли «Колеса» также с использованием многочисленных автомобильных терминов описывается процесс производства автомобилей [6, с. 128–130]. Как бы ни осуждал Хейли империю, созданную когда-то Фордом, автомобилю придается в романе первостепенное значение: «Perhaps it was because the city lived by automobiles, which became symbols of power...» [7, с. 25].

Документальность и классовость особенно присущи такому писателю, как Эптон Синклер. Он описывает бесцельное прожигание жизни в романе «Столица», тяжелый, беспросветный наемный труд – в романе «Джунгли», разоблачает махинации биржевых маклеров в романе «Дельцы», забастовки и борьбу шахтеров за свои права в романе «Король – уголь» и, наконец, классовое неравенство и нещадную эксплуатацию рабочих в романе «Автомобильный король». Один из главных героев Абнер Шатт, рабочий, непосредственный создатель автомобиля, является винтиком этого автомобиля, мелкой сошкой в системе производства Форда: «So Abner Shutt became a cog in machine which had been conceived in the brain of Henry Ford...» [8, с. 25].

Прием использования специальных и узкоспециальных терминов для реалистичного описания обстановки, в которой действуют герои, присущ также четырем романам Теодора Драйзера «Финансист», «Титан», «Гений», «Стоик», где он использует многочисленные экономические, банковские и биржевые термины. Среди них функционируют такие термины, как: franchise – франшиза (особое право, привилегия, льгота); beneficiary – бенефициар (лицо, получающее экономическую выгоду); requisite – реквизит (требование платежа на товар); acquisition – получение, приобретение; promoter – учредитель фирмы; accession – доступ, прирост, прибавление; money-lender – ростовщик; shares – акции; investors – вкладчики; stockholders – акционеры; property – собственность; interest – процент; discount rate – учетная ставка банка.

В связи с задачами статьи следует коснуться анализа и описания речи авто-

ра и характеристики его героев. Но нельзя не отметить, что Драйзер всегда выражал свое отношение к описываемым событиям и действующим лицам. Для характеристики своего главного героя Фрэнка Каупервуда Драйзер использует многочисленные эпитеты, метафоры, сравнения, инверсию и другие стилистические приемы. Главным стремлением Каупервуда было желание владеть всем – и Лондонской железной дорогой, и участками земли для постройки тоннеля, и акциями банка, и это желание иметь особое право на все неоднократно выражается сочетаниями с терминами franchise: acquisition of franchises [9, с. 94]; franchise extension [10, с. 32].

Среди упомянутых замечательных писателей следует назвать и талантливого писателя конца XIX – начала XX в. Фрэнка Норриса и его великолепный роман «Спрут» (The Octopus, 1901). В романе отражена одна из страниц американской истории – борьба фермеров Калифорнии за свои права и результаты своего труда с всепоглощающей, бесчестной компанией Южно-Тихоокеанской железной дороги. В романе художественно отображены события конца 70-х гг. XIX в., начала фермерского движения против эксплуатации, разорения и даже физического уничтожения. В романе можно найти множество литературных и стилистических достоинств, но хотелось бы выделить одно из них – символизм. С первых строк романа частотными словами становятся railroad, wheat, crop, ranch [11]. Самым ярким символом является название романа – «Спрут», с которым Норрис связывает железнодорожную компанию, которая своими разветвлениями, как щупальцами, охватила все земли вокруг и подавляет все живое.

Нельзя не отметить также социокультурные аспекты в творчестве крупнейшего американского писателя Уильяма Фолкнера (William Faulkner, 1897–1962). Начиная с 1925 г. им написано довольно большое количество значительных произведений, которые принесли ему всемирную славу. Первыми романами были «Расплата солдата» (Soldier's Pay, 1925) и «Москиты» (Mosquitoes, 1926). В знаменитой трилогии – саге о семье Сноупес (Snopeses) он описывает события, связанные с противостоянием богатых и бедных Юга страны. Там даже затрагиваются идеи коммунизма, к которым тяготела дочь главного героя, Линда, хотя и не четко выраженные. Первый роман трилогии – «Гамлет» (The Hamlet) написан до войны, в 1940 г., второй – «Город» (The Town) – значительно

позже, в 1957 г., и третий – «Особняк» (The Mansion) – в 1959 г.

Заметным направлением в американской литературе XX в. стал жанр новеллы, который отражает особенности социального развития этого периода в истории США. Новеллы (рассказы) писали такие крупные писатели, как Драйзер, Хемингуэй, Фолкнер. Литературоведы анализируют многочисленные рассказы писателей-новеллистов Вашингтона Ирвинга, Эдгара По, Джона Рида, Шервуда Андерсона, Синклера Льюиса, Эрскина Колдуэлла и, конечно, Альберта Мальца и относят некоторые из них к направлению социалистического реализма. Мы бы назвали это направление социальным реализмом. Остановимся кратко на творчестве Альберта Мальца. Самым известным сборником его рассказов является «Такова жизнь» (The Way Things Are, 1938). Наибольшую симпатию вызывает герой рассказа «Человек на дороге» (Man on a Road, 1938). Автор описывает трагическую судьбу бедного, истощенного тяжелым трудом и болезнью человека. В рассказе используются многочисленные стилистические приемы для раскрытия этого образа: несобственно-прямая, изображенная, авторская речь, сравнения, метафоры, оноματοпья, фразеологические единицы, повторы, перечисления, профессионализмы, просторечие, а также многочисленные научные и технические термины. Особое сочувствие и симпатию к герою вызывают те части рассказа, где передается его речь – неграмотного человека, который как бы только и способен выполнять опасную и вредную для здоровья работу, которая в конечном счете и погубила его [12, с. 522–531].

Кроме стремления к справедливости, Мальц выражал позитивное отношение к борьбе с фашизмом в романах «Глубинный источник» (The Underground Stream, 1940) и «Крест и стрела» (The Cross and the Arrow, 1944).

Обзор художественной литературы Соединенных Штатов не может ограничиваться только одним жанром – прозой. Кроме романов и многочисленных рассказов существовала и драматургия. Среди известных драматургов XX в. нужно назвать Юджина О'Нила (1888–1953), Лилиан Хеллман (1905–1984) и Теннесси Уильямса (1911–1983). Следует отметить, что поначалу драматургия Соединенных Штатов развивалась не такими темпами, как художественная проза, и основным ее качеством был романтизм, мало затрагивающий реальную жизнь. В 20-е гг. XX в.

стали появляться драмы, отражающие недостатки экономической, социальной, политической жизни страны. В драматургических произведениях отчетливо просматривалась сатира и критика общественной и семейно-бытовой ситуации. Родоначальником такого прогрессивного направления в драматургии следует считать, по мнению многих исследователей, Юджина О'Нила. Первые его пьесы появились в 1916 г. и на протяжении всего творчества отличались новизной тематики. Последней его пьесой стала семейно-психологическая драма «Долгий день уходит в ночь» (Long Day's Journey into Night), написанная в 1941 г. Продолжательницей направления социально-психологической драмы является Лилиан Хеллман. Во многих ее пьесах прослеживается реалистическое изображение событий, происходящих внутри страны, а также за ее пределами, например «За лесами» (Another Part of the Forest, 1946), «Стража на Рейне» (Watch on the Rhine, 1941), «Порыв ветра» (The Searching Wind, 1944) [13, с. 361].

Яркими представителями драматургического направления в литературе Соединенных Штатов до- и послевоенного периода считаются Уильям Сароян и Артур Миллер. Некоторые драматурги довоенного периода предлагали искать решение социальных проблем в межличностных отношениях, в семье, в себе. К ним можно отнести У. Сарояна с пьесой «Пути нашей жизни» (The Time of Your Life, 1939).

В пьесах самого яркого, на наш взгляд, драматурга XX в. Теннесси Уильямса социально-бытовые и общественно-политические проблемы американского общества доводятся до критической точки и решаются иногда с трагическими нотами, иногда с лирическими, а также юмористическими. Теннесси Уильямс написал множество прекрасных пьес, известных во всем мире и поставленных театрами разных городов и стран, самыми известными из которых являются: «Татуированная роза» (The Rose Tattoo, 1951); «Трамвай "желание"» (A Streetcar Named Desire, 1947); «Стеклянный зверинец» (The Glass Menagerie, 1945); «Орфей спускается в ад» (Orpheus Descending, 1956). Во многих пьесах Теннесси Уильямса действие строится на контрасте спокойных эпизодов из жизни персонажей и бурных сцен, где герои в своих высказываниях не щадят ни себя, ни противника. Трудно согласиться с мнением автора предисловия к книге «Three American Plays», что Теннесси Уильямс отрезал себе пути к подлинному проникновению в психоло-

гию и духовный мир своих персонажей [13, с. 331].

Расовые и националистические проблемы страны выражаются автором через трагические воспоминания Леди, главной героини пьесы «Орфей спускается в ад», и других персонажей о гибели ее отца [14, с. 229, 251, 267, 268, 286].

Не следует забывать, что в художественной литературе Соединенных Штатов успешно и талантливо создавался еще один жанр – поэзия. Среди поэтов XIX – XX в. можно назвать Генри Водсворта Лонгфелло (Henry Wadsworth Longfellow) (1807–1882), Волта Витмена (Walt Whitman) (1819–1892) и Роберта Фроста (Robert Frost) (1874–1963). В своих стихах Лонгфелло боролся против политического и религиозного угнетения (Poems on Slavery, 1842). Прекрасным поэтическим языком автор создает образ угнетенного негритянского населения и передает чувства одного из его представителей:

Wide through the landscape of his dreams

.....
He saw once more his dark-eyed queen
Among her children stand;

.....
A tear burst from the sleeper's lids
And fell into the sand [15, с. 22].

А о его рабском положении говорят такие строки:

In dark fens of the Dismal Swamp
The hunted Negro lay;

.....
A poor old slave, infirm and lame;
Great scars deformed his face;
On his forehead he bore the brand of shame,
And the rags, that hid his mangled frame,
Were the livery of disgrace [16, с. 23].

Лонгфелло отражает историческое прошлое соединенных Штатов, основываясь на индейских легендах в известном поэтическом произведении «Песнь о Гайявате» (The Song of Hiawatha, 1855), призывающем к миру и свободе. Любовь автора поэмы к своей родине прослеживается в его ответе о том, откуда эти истории, легенды и традиции:

I should answer, I should tell you,
From the forests and the prairies,
From the great lakes of the Northland,
From the land of the Ojibways,
From the land of the Dacotahs,
From the mountains, moors, and of the fen-lands... [17, с. 24].

Поэма призывает к миру, и не случайно первая глава названа «Трубка мира» (The Peace-Pipe). Название поэмы «Песнь о Гайявате» полностью оправдывается, стихи звучат, как песня, как прекрасная музыка.

Другая тематика прослеживается в стихах поэта Роберта Фроста, дожившего до второй половины XX в. Его поэтическими образами были природа и крестьянский труд. Самыми известными его поэмами являются: «Охапка цветов» (The Tuft of Flowers, 1915), «Березы» (Birches, 1915) и многие другие. Первый его сборник «Желание мальчика» (A Boy's Will) вышел в 1913 г., а последний – «На вырубке» (In the Cleaning) – в 1962 г.

В заключение можно сказать, что в обширном творчестве американских писателей, драматургов и поэтов нашло свое отражение богатое историческое прошлое и настоящее страны. Оно отразилось в палитре стилистических приемов, способствующих передаче разнообразных авторских оценок, а также в повышенной реалистичности описаний с использованием специальных терминов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Горбунов А. Н. Романы Френсиса Скотта Фицджеральда. Новосибирск, 1975. 150 с.
- [2] Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для вузов. М., 2001. 204 с.
- [3] Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. Kiev, 1973. 182 p.
- [4] Синклер Э. 100 %. М., 1957. 363 с.
- [5] Haily A. Airport. N. Y., 1968. 440 p.
- [6] Воскресенская Л. И. Смысловая структура английских технических терминов : дис ... канд. филол. наук. М., 1980. 165 с.
- [7] Haily A. Wheels. N. Y., 1971. 374 p.
- [8] Sinclair Up. The Flivver King. London, 1938. 236 p.
- [9] Dreiser Th. The Titan // Хрестоматия по американской литературе. М., 1972. 207 с.
- [10] Dreiser Th. The Stoic. М., 1962. 438 p.
- [11] Norris F. The Octopus. М., 1962. 646 p.
- [12] Maltz A. Man on the Road // Modern American short stories. М., 1963. 588 p.
- [13] Злобин Г. Послесловие // Three American Plays. М., 1972. 381 p.
- [14] Tennessee W. Orpheus descending // Three American Plays. М., 1972. 381 p.
- [15] Longfellow H. W. The Slave's Dream // Хрестоматия по американской литературе. М., 1972. 207 с.
- [16] Longfellow H. W. The Slave in a Dismal Swamp // Там же.
- [17] Longfellow H. W. The Song of Hiawatha // Там же.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Рассматриваются понятие и структура коммуникативной профессиональной компетенции медицинских специалистов. Описываются основные составляющие компетенции, такие как мотивация, профессиональный и общий язык, дискурс, культурное сознание, навыки общения, личные и профессиональные качества работников здравоохранения.

Ключевые слова: компетентность, медицинские специалисты, международное общение.

Возрастающее международное сотрудничество в области медицины требует эффективного взаимодействия медицинских работников со своими зарубежными коллегами на иностранных языках. Качественный обмен опытом при решении глобальных проблем здравоохранения зависит от уровня языковой подготовки медицинских специалистов, их иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции (ИПКК). Компетентностный подход означает постепенную переориентацию доминирующей образовательной парадигмы с преимущественной трансляцией знаний, формированием навыков и умений на создание условий для овладения комплексом компетенций, означающих потенциал, способности специалиста к выживанию и устойчивой жизнедеятельности в условиях современного многофакторного социально-политического, информационно и коммуникационно насыщенного пространства [1].

Термин «языковая компетенция» был введен американским лингвистом Н. Хомским как «определенная система интеллектуальных способностей, система знаний и убеждений, которая развивается в раннем детстве» [2, с.15]. Первоначально термин обозначал способность (от лат. *competentis* – способный), необходимую для выполнения языковой деятельности на родном языке [2].

В отношении владения иностранным языком используется термин «коммуникативная компетенция», которая включает в свой состав следующие виды компетенций: лингвистическую, социолингвистическую (речевую), дискурсивную, стратегическую, социальную, социокультурную, предметную [3].

В структуре ИПКК медицинского специалиста мы будем выделять следующие компоненты:

- 1) *мотивационный* (желание и потребность изучать медицинский английский язык, стремление повышать свой образовательный и культурный уровень, потребность в самореализации и самосовершенствовании);
- 2) *лингвистический* (владение фонетическими, морфологическими, лексическими и грамматическими особенностями общелитературного и медицинского английского языка в его устной и письменной формах);
- 3) *дискурсивный* (способность связно и логично излагать свое мнение, готовность вести диалог или дискуссию, умение реагировать на реплики собеседника);
- 4) *социокультурный* (знание особенностей родной и иноязычной культуры, понимание различий в профессиональной и учебно-научной деятельности медицинских работников в разных странах);

5) *социальный* (искусство межнационального общения);

6) *личный* (включает определенные личностно-профессиональные качества, эмоции и речевое поведение).

Под ИПКК медицинского специалиста будем подразумевать *высокий уровень речевой культуры и культуры общения на иностранном языке, широкий кругозор, развитость творческого мышления и набор личностных и профессиональных качеств, позволяющих медицинскому специалисту интегрироваться в мировое информационное пространство и реализовывать себя в процессе межнационального общения в профессиональной и научной деятельности*. Далее подробнее рассмотрим компоненты ИПКК медицинских специалистов.

Мотивационный компонент. Общественная и трудовая жизнь взрослого формирует его познавательные интересы и запросы, цели и мотивы учения. Взрослые в целом обладают высокой и устойчивой мотивацией к продолжению образования и овладению новыми компетенциями.

Мотивы медицинских работников к изучению английского языка могут быть определены как стремление быть высокообразованным квалифицированным специалистом, повысить свой социально-экономический статус, использовать иностранный язык в своей профессиональной и научной деятельности, ознакомиться с зарубежным опытом в медицине, реализовать себя в иной, научной или международной, сфере деятельности. Как правило, взрослыми людьми в целом движет и стремление к реализации личностно-профессионального потенциала, достижению личностной зрелости, раскрытию творческого начала в себе, постоянное самосовершенствование и самообогащение.

Согласно А.А. Деркач, стремление к самоосуществлению, самосовершенствованию и самореализации является коренным, врожденным свойством человеческой природы, и течение жизни личности подчинено закону развития этого свойства [4].

Лингвистический компонент ИПКК медицинских специалистов необходимо рассматривать в связи с понятием «медицинский английский язык», под которым будем подразумевать особую разновидность профессионального английского языка, используемого медицинскими работниками в различных ситуациях устного и письменного межнационального общения.

Для обозначения профессионального языка медицинских работников исследователи используют и другие термины:

подъязык медицины [5; 6], английский язык для медиков [7], английский язык для медицинских специальностей [8], английский для медицинских целей [English for medical purposes], английский в медицине [English in medicine] [9].

Под лингвистическим компонентом ИПКК медицинских работников будем понимать знание определенных морфем, типичных для медицинского английского языка (суффиксы *itis, osis/asis* – *appendicitis, tuberculosis*), владение английской медицинской терминологической и общенаучной лексикой, знание определенных сокращений, принятых в медицинском английском языке (GP, TB), а также владение фонетической и грамматической системой общелитературного английского языка.

Дискурсивный компонент ИПКК медицинских специалистов включает способность связно и логично излагать свое мнение, готовность вести диалог или дискуссию, умение реагировать на реплики собеседника, воспринимать, перерабатывать и порождать информацию в ходе ее обмена, развивать тему беседы с помощью вопросов, уточнений, выражения согласия/несогласия, одобрения/неодобрения, предложения, совета и пр.

Устное и письменное общение медицинских специалистов в основном проходит в форме диалога, и ведение информационного, проблемного или научного диалогов на иностранном языке предполагает высокий уровень владения им [10].

Социокультурный компонент ИПКК медицинских специалистов включает знания об особенностях системы здравоохранения в России и за рубежом, о различных типах медицинских учреждений, статусе врача и медицинской сестры в разных странах, различиях в проведении научно-исследовательской работы, организации лекций и дискуссий, а также традициях, обычаях, культуре других стран в целом.

Медицинским специалистам следует понимать, что объемы значений понятий *staff nurse* (штатная медсестра), *registered nurse* (дипломированная медсестра), *charge nurse* (старшая медсестра), *practice nurse* (практикующая медсестра), *scrub nurse* (операционная медсестра) в английском и русском языках не всегда совпадают, так как в разных странах медсестры выполняют разные функции и имеют различное образование и статус. В разных странах отличаются также образование, функции и обязанности таких медицинских специалистов, как врач общей практики [*general*

practitioner], физиотерапевт [physical therapist], трудотерапевт [occupational therapist], эрготерапевт [ergotherapist], социальный работник [social worker], парамедик, спасатель [paramedic] и др.

Социальный компонент ИПКК медицинских специалистов включает способность и желание общаться с представителями других культур, умение устанавливать и поддерживать международные контакты, строить межличностные взаимоотношения с зарубежными коллегами. Умение общаться и хорошие межличностные взаимоотношения являются залогом успешной международной профессиональной и научной деятельности.

Для установления и поддержания успешных взаимоотношений с зарубежными коллегами Sylee Gore и David Gordon Smith считают необходимым тренировать определенные техники и стратегии ведения беседы [conversational techniques and strategies], а также «мягкие (или желательные) навыки» [soft skills] – навыки использования определенных фраз, необходимых в той или иной социокультурной ситуации [11].

Личностный компонент ИПКК медицинских работников включает особые личностно-профессиональные качества, необходимые медицинским работникам в международной коммуникативной деятельности, такие как активность, креативность, критическое мышление, уверенность, ответственность, рефлексивность, а также эмоции и речевое поведение – стиль и манеру общения, выступления перед аудиторией, представления результатов своих научных достижений.

Исследователи подчеркивают, что кризис дегуманизации образования в XXI в. должен быть преодолен посредством формирования качественно новой личности специалиста, неотъемлемыми качествами которой должны стать самоорганизованность, высокий интеллект, профессиональная мобильность, ответственность за последствия своей деятельности, стремление к саморазвитию, творческая интуиция, экологическая воспитанность, чувство долга перед своим народом и человечеством [12–14].

Итак, все компоненты ИПКК равнозначны и требуют гармоничного развития. Не следует сводить цель совершенствования ИПКК медицинских специалистов только к развитию ее лингвистического компонента, игнорируя дискурсивный, социокультурный, социальный и личностный компоненты. Совершенствование личности учащегося, раскрытие его

творческого потенциала, обогащение его общей культуры и культуры общения способствуют более эффективному, успешному и полноценному взаимодействию с зарубежными специалистами в профессиональной и научной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Богданова Л. В., Вавилова Л. Я. Конструирование иноязычной профессионально-предметной компетенции будущего специалиста [Электронный ресурс]. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0112236.pdf.
- [2] Хомский Н. Язык и мышление. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1972. 122 с. (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 12).
- [3] Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика : учеб. пособие для преподавателей и студентов. 3-е изд. М. : Филоматис, 2007. 480 с.
- [4] Деркач А. А., Селезнева Е. В. Акмеология в вопросах и ответах : учеб. пособие. М. : Изд-во Московского психолого-социального института ; Воронеж : МОДЭК, 2007. 248 с. (Серия «Библиотека психолога»).
- [5] Балишин С. И. О сокращениях в подъязыке медицины (на материале английского языка) // Разновидности и жанры научной прозы: лингвостилистические особенности. М. : Наука, 1989. С. 147–155.
- [6] Колобаев В. К. Лексический состав подъязыка медицины (статистика словаря и методика преподавания) // Квантитативные методы отбора учебного материала по иностранному языку для неязыкового вуза : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. А. Широкова. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1990. С. 43–50
- [7] Муравейская М. С., Орлова Л. К. Английский язык для медиков : учеб. пособие для студентов, аспирантов, врачей и научных сотрудников. М. : Флинта ; Наука, 1999. 384 с.
- [8] Афанасова В. В., Долтмурзиев Д. О., Черезова Т. Л. Английский язык для медицинских специальностей = English for Medical Students : учеб. пособие для студ. высш. мед. учеб. заведений. М. : Академия, 2005. 224 с.
- [9] Glendinning E. H., Beverley A. S. Holmstrom English in Medicine: A course in communication skills. Third edition. Cambridge University Press, 2005.
- [10] Славгородская Л. В., Кусков В. В., Тарасова И. Ю. Научный текст как предмет коммуникативного обучения иностранному языку // Дидактико-педагогические основы обучения иностранному языку научных работников / отв. ред. Е. А. Рейман. Ленинград : Наука, Ленинград. отд-е, 1988. С. 202–210.
- [11] Gore S., Smith D. G. English for Socializing // Express Series. Oxford University Press, 2007. 80 p.
- [12] Дружинина М. В. От языковой политики к качеству образования : монография. Архангельск: Помор. ун-т, 2004. 224 с.
- [13] Искандрова О. Ю. Лингвопедагогический подход при изучении иностранного языка в неязыковом вузе (на примере медицинского) / Баш. мед. ун-т. Уфа, 2001. 54 с.
- [14] Нейматов Я. М. Образование в XXI веке: тенденции и прогнозы. М. : Алгоритм, 2002. 480 с.

**АТРИБУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ВЕЩЕСТВЕННОЙ
И ОЦЕНОЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
(на примере номинаций писателя в немецких
газетно-журнальных текстах)**

Рассматриваются атрибутивные характеристики, сопровождающие в немецких газетно-журнальных текстах одну из групп антропонимов – номинации писателей. Определяется, какой тип информации способен передавать данные характеристики, как они сочетаются с функциями самих атрибутов, а также с основными функциями газетно-публицистического стиля.

Ключевые слова: атрибутивные характеристики, газетно-журнальные тексты, вещественная и оценочная информация, газетно-публицистический стиль.

Как известно, основными функциями газетно-публицистического стиля являются информационная и побудительная, т. е. цель сообщений, публикуемых в периодических печатных изданиях, – проинформировать читателя о чем-либо и одновременно повлиять на него, сформировать его мнение или даже побудить к каким-либо действиям [1].

Для достижения этой цели журналисты часто используют атрибутивные характеристики антропонимов (в нашем случае того или иного писателя), так как именно они позволяют передать вещественную информацию о данном лице, выразить не только общепринятое в данном социуме мнение о нем, но и свое личное отношение к нему.

Под атрибутом в статье понимается словоформа с признаковым значением, посредством которой реализуются атрибутивные отношения между наименованием субстанции и признаком, который мыслится в неразрывном единстве со своим носителем [2]. Посредством атрибута можно сообщить практически о любом свойстве объекта. Аtribuтивные конструкции могут передавать самый широкий спектр семантических отношений: спецификацию на основании внешней и возрастной характеристики, происхождения, социально-статусной характеристики, характерологических свойств и качеств, отношения принадлежности и владения, субъектно-объектные отношения, количественные и т. д. [3]. Обозначение атрибутами свойств, качеств и признаков объектов определяет их функциональные характеристики. Не указывая на референт непосредственно, атрибуты, тем не менее, способствуют его идентификации, указывая на конкретные признаки и характеристики референта и давая ему оценку [4].

Использование атрибутов определяется коммуникативными потребностями, которые отражаются в том числе и в принадлежности текста к определенному регистру речи или функциональному стилю. Именно поэтому изучение конкретного использования атрибутов связано с исследованием соответствующих текстов. Количественная и качественная концентрация атрибутов может даже служить одним из тексторазличительных показателей [5].

Что касается текстовых функций атрибутов, то они должны определяться в соответствии с типом текста, а также их отнесенностью к

коммуникативно-тематической перспективе текста. Различают три основных вида этих функций: выделительно-интродуктивные, собственно-информационные и актуализирующие [6].

Анализ атрибутивных характеристик номинаций писателей в немецких газетно-журнальных текстах показал, что они в целом могут передавать либо вещественную, либо оценочную информацию об описываемых лицах. В первом случае они сообщают, например, о происхождении, возрасте, внешности писателя, а во втором – служат средствами передачи отношения автора к тому или иному писателю, оценивая значение его творчества, степень известности, популярность его произведений и т. д.

Так, атрибутивные конструкции могут характеризовать писателя с точки зрения его происхождения и национальности (часто для этого используется имя прилагательное, согласованное со следующим за ним именем собственным или нарицательным, выступающим в качестве номинации писателя):

„Im vergangenen Jahr war **der österreichische Autor Walter Kappacher** geehrt worden“ [7].

В данном примере с помощью атрибута **österreichisch**, выраженного относительным прилагательным, сообщается о национальности писателя. Данный атрибут выполняет выделительно-интродуктивную функцию, представляя нам австрийского писателя Вальтера Клаппахера. Естественно, что одна из первых важнейших характеристик, о которой автор статьи считает необходимым сообщить читателям, – это национальность писателя, получившего литературную премию.

Атрибутивные характеристики часто сообщают нам также о возрасте писателя:

«**Der 57-jährige Berliner Autor** habe in einem Romanwerk „von epischer Fülle und sinnlicher Anschaulichkeit ein eindringliches, oft verstörend suggestives Panorama der deutschen Geschichte im 20. Jahrhundert entfaltet“, teilte die Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung am Freitag in Darmstadt in ihrer Begründung mit» [8].

В данном примере атрибуты **57-jährig** и **Berliner** характеризуют писателя Райнхарда Йиргла с точки зрения его возраста и происхождения. Подобные атрибуты часто используются в контактной позиции (особенно в начале статьи), что помогает в сжатом виде передать большой объем информации о писателе. Интересно, что в таком компактном виде передаются, как правило, достаточно тривиальные, но необходимые сведения об авторах. В тексте

данные атрибуты выполняют собственно-информационную функцию.

Атрибуты часто могут характеризовать писателя с точки зрения его действий или состояний. Для этого в роли атрибутов используются в основном причастия I или II. В силу своей частеречной принадлежности они позволяют параллельно к основной предикативной линии предложения указать на некоторые другие события из биографии того или иного писателя:

„Der berührendste Text erhielt am Ende den Preis: **Jens Petersen, aus Pinneberg bei Hamburg stammender und in Zürich lebender Arzt und Schriftsteller**, hat am Sonntag in Klagenfurt den 33. Ingeborg-Bachmann-Preis gewonnen“ [9].

В приведенном примере оба причастия I **stammender** и **lebender** позволяют ввести дополнительную информацию о писателе Йенсе Петерсене, а именно сообщить о том, где он родился и живет. При этом читатель, получив эту дополнительную к основному для данного предложения информацию, может сосредоточиться на изображении главного события – вручении премии. Данные атрибуты выполняют выделительно-интродуктивную текстовую функцию, так как это первичное упоминание о писателе в статье: с помощью данных атрибутов автор представляет нам писателя.

Наконец, атрибуты, передавая вещественную информацию, могут сообщать о некоторых обстоятельствах из жизни писателя:

„Er schrieb und schrieb, blieb aber in der DDR **ein Schriftsteller ohne Verlag, aber mit voller Schublade**“ [10].

В данном примере речь вновь идет о писателе Райнхарде Йиргле. Благодаря несогласованному атрибуту, выраженным предложными субстантивными группами **ohne Verlag, mit voller Schublade**, читатель узнает некоторые подробности из жизни этого писателя в ГДР, поэтому данные атрибуты выполняют собственно-информационную функцию.

Атрибуты, характеризую лицо, способны передавать не только вещественную, но и оценочную информацию:

„Ich glaube Daniel Kehlmann, denn er bewundert auch Max Goldt, **den besten Prosa-Autor meiner Generation**“ [11].

В приведенном примере мы имеем дело с номинацией писателя, снабженной двумя атрибутами – **der beste Prosa-Autor meiner Generation**. Один из атрибутов, выраженный прилагательным в превосходной степени, передает мнение автора статьи о писателе и характеризует высоко

кую степень качества его произведений. С помощью второго несогласованного атрибута высказанная оценка суживается за счет указания на определенную возрастную группу читателей, солидарную с мнением автора статьи. Функцию первого атрибута можно определить как актуализирующую, так как он в данном случае выступает номинативно и повторяет то, что уже было ранее известно реципиенту. Его функция в данном случае заключается в том, чтобы выделить тематическую направленность дальнейшего повествования. Как видно из приведенного примера, оценочная и вещественная информации часто соотносятся с одним и тем же определяемым словом.

„Das über **den kältesten, unerschrockensten, komischsten Psychologen der Literaturgeschichte!**“ [12].

Эта субъективная оценочная номинация относится к Марселю Прусту, цепочка согласованных атрибутов в препозиции (имена прилагательные в превосходной степени) позволяет дать многогранную характеристику данного писателя. Они характеризуют его с точки зрения и его личностных свойств, и его индивидуального стиля, передавая таким образом субъективное мнение автора о нем. Они выполняют в данном случае актуализирующую функцию и меняют «качество» того лица, о котором идет речь в данной статье. Следующий за определяемым словом несогласованный атрибут в постпозиции подчеркивает глобальный характер данной М. Прусту оценочной характеристики. При этом очевиден тот факт, что в коммуникативно-прагматическом аспекте роль оценочной характеристики оказывается более значимой.

„Man muss nur einmal in einer Veranstaltung gewesen sein, in der Günter Grass oder Martin Walser – beide sind **glänzende Vorleser** – ihr Publikum in den Bann schlagen, um zu ahnen, wie wenig der kunstfromme, vom Geniekult genährte Satz "Der Dichter hat immer recht" in Deutschland an Geltung verloren hat“ [13].

Актуализирующий атрибут **glänzende**, выраженный причастием I, относится одновременно к двум писателям – Гюнтеру Грассу и Мартину Вальзеру. Он характеризует их по профессиональным качествам и передает оценку автора статьи, базирующуюся на мнении той части социума, которая является почитателями данных авторов и посещает встречи с ними.

Проделанный анализ позволил продемонстрировать, что атрибуты активно используются авторами газетно-публицистических текстов, посвященных творчеству писателей, чтобы передать о них самый

широкий спектр вещественной или оценочной информации. Вид передаваемой информации во многом зависит от лексической семантики конкретных лексем, используемых в роли атрибутов. При этом атрибуты, передающие вещественную информацию, выполняют в тексте, как правило, собственно-информационную или выделительно-интродуктивную функции. Атрибуты же, передающие оценочную информацию, используются в актуализирующей функции. Сообщаемые посредством атрибутов виды информации и выполняемые ими текстовые функции переключаются с ведущими функциями газетно-публицистического стиля, к которому относится анализируемый тип текста, – информационной и побудительной. Несмотря на то, что атрибуты, передающие самые разнообразные виды информации, могут соотноситься с одним и тем же определяемым словом, читатель без труда способен декодировать посылаемые ему на основе включенных в текст атрибутов авторские установки. В результате анализа было установлено, что при взаимодействии оценочной и вещественной информации, сопровождающих одну и ту же антропонимическую номинацию, первая несет на себе более весомую коммуникативную нагрузку.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М., 1990. С. 136–149.
- [2] Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 348–349.
- [3] Проскура Я. В. Атрибутивные конструкции в немецком языке: когнитивный и функциональный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. С. 5–6.
- [4] Харитончик З. А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск, 1986. С. 17–18.
- [5] Эйхбаум Г. Н. Текстовые функции атрибутов // Вопросы функциональной грамматики немецкого языка. Л., 1986. С. 17.
- [6] Там же. С. 18.
- [7] URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/literaturauszeichnung-buechner-preis-fuer-reinhard-jirgl_aid_528484.html.
- [8] URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/literaturauszeichnung-buechner-preis-fuer-reinhard-jirgl_aid_528484.html
- [9] URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/bachmannpreis-fuer-jens-petersen-von-liebe-und-tod-1.91691>.
- [10] URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/buechnerpreis-fuer-reinhard-jirgl-fuer-das-auge-geschrieben-an-das-ohr-adressiert-1.972921>.
- [11] URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/helmutkrausser-substanz-grosser-menschen-toilettenpapier-1.977865>.
- [12] URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/helmutkrausser-substanz-grosser-menschen-toilettenpapier-1.977865>.
- [13] URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/2.220/reich-ranicki-zum-unser-stoerenfried-1.953108>.

ТИПОЛОГИЯ МИФОЛОГЕМ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматривается понятие мифологемы, ее определение и типология. В результате анализа текстов американских авторов представляется возможным дополнить существующую классификацию мифологем, выделив в отдельный класс мифологему-ситуацию. Языковой репрезентацией мифологемы-ситуации является устойчивое словосочетание, входящее в когнитивную базу среднего представителя лингвокультуры и ассоциируемое им с данной ситуацией.

Ключевые слова: лингвокультурология, мифологема, типология, мифологема-ситуация, дискурс, когнитивная база, прецедентный феномен.

Термин «мифологема» в последнее время часто используется в трудах по лингвистике, культурологии, лингвокультурологии, политологии. К сожалению, понятие, выражаемое данным термином, существенно различается у разных авторов. Соответственно, определения мифологемы и ее классификации характеризуются значительными отличиями в научных работах. Так как всех исследователей, занимающихся этой проблемой, объединяет тот факт, что они понимают под мифологемой часть мифа, то в основном расхождения в трактовке мифологемы определяются неоднозначностью понятия «миф». В современных исследованиях можно выделить следующие направления толкования данного понятия. В традиционном понимании миф – это возникающее на ранних этапах повествование, в котором явление природы или культуры предстает в одухотворенной и олицетворенной форме. В более поздней трактовке, характерной для трудов по культурологии, это исторически обусловленная разновидность общественного сознания. В новейших исследованиях под мифом подразумевается некритически воспринятое воззрение [1]. Миф в политическом дискурсе большинство современных исследователей трактует как принимаемые на веру определенные стереотипы массового сознания [2]. Последнее понимание мифа представляется наиболее актуальным для лингвокультурологического изучения проблемы, так как стереотипы признаются всеми исследователями как один из предметов лингвокультурологии. В связи с тем, что анализ стереотипа позволяет выделить признаки и атрибуты, формирующие структуру последнего, которые устойчиво ассоциируются с данным стереотипом, можно утверждать, что структуру мифа образуют компоненты, устойчиво ассоциирующиеся с мифом и являющиеся его структурными элементами. Такие компоненты и следует считать мифологемами.

Тем не менее в работах по лингвокультурологии, признающих мифологему компонентом мифа, можно выделить существенные ограничения, которые значительно сужают определение мифологемы и, следовательно, исключают из их числа те элементы мифа, которые могут быть с полным правом отнесены к мифологемам.

Так, В.А. Маслова считает, что мифологема представляет собой важный для мифа персонаж или ситуацию, как бы «главного героя», который может переходить из мифа в миф [3]. Во-первых, структура мифа формируется всеми компонентами, входящими в миф. Все элементы мифа являются важными для его существования в национальной когнитивной базе, если этот миф относится к национальным ми-

фам, или для существования мифа в когнитивных базах разных наций, если миф относится к кросскультурным мифам. Во-вторых, структуру мифа образуют не только персонажи или ситуации, но и предметы, с которыми эти ситуации связаны: золотое руно, ящик Пандоры и другие. Кроме того, частью более крупного мифа могут быть тексты, которые в таком случае можно считать мифологемами-текстами. Определение В.А. Масловой сужает возможную классификацию мифологем. Если исходить из ее определения, то возможно выделить только два вида мифологем: мифологемы-персонажи и мифологемы-ситуации, что представляется недостаточным для анализа и описания мифов лингвокультуры.

Е.И. Шейгал к числу параметров структурирования корпуса политических мифологем относит характер референции, аксиологическую направленность, временную отнесенность, базовую семиотическую функцию и языковой статус (тип вербальной единицы – мифоносителя) [4]. Последний является основным, так как любой миф существует в языковой форме. Для лингвокультурологического исследования особое значение имеет анализ языковых единиц, поэтому предлагается более подробно рассмотреть ее типологию мифологем по языковому статусу. Согласно концепции Е.И. Шейгал, языковая репрезентация мифа имеет статус прецедентного феномена. Как следствие, она выделяет типы мифологемы по соотношению с классификацией прецедентных феноменов, предложенной В.В. Красных. Е.И. Шейгал выделяет три типа: мифологему-текст, мифологему-высказывание и мифологему-антропоним [5].

Согласно трактовке Е.И. Шейгал, мифологема-текст – это прецедентный текст, представляющий собой историографию политического движения или легенду политического деятеля [6]. Применительно к мифологемам, не относящимся собственно к политическому дискурсу, понятие мифологемы-текста можно расширить и определить как текст, известный среднему представителю лингвокультуры, содержание или само существование которого не соответствует научным (например, историческим) данным. Так, к мифологемам-текстам можно отнести книгу тайн (Book of Secrets), хранящуюся якобы у президента США, фигурирующую в американском фильме «The National Treasure: Book of Secrets (Сокровище нации: книга тайн)». Считается, что книга тайн пишется президентами США и только для президентов. В ней находится информация о величайших тайнах Америки, таких как

убийство Дж.Ф. Кеннеди, хотя ее существование официально отрицается.

По мнению Е.И. Шейгал, содержание мифологемы-высказывания составляет миф-пропозиция, который представляет собой суждение-констатацию ложного или неverifiedируемого мнения [7]. Анализ происхождения прецедентных высказываний, входящих в когнитивную базу среднего носителя американской культуры, позволяет расширить понятие мифологемы-высказывания. Например, средний носитель американской лингвокультуры считает, что фразу «If this be treason, make the most of it» произнес известный участник борьбы за независимость Америки Патрик Генри. Но нет никаких исторических данных, подтверждающих это. Это высказывание впервые появилось в связи с именем Генри в его биографии, которая была написана через 17 лет после его смерти человеком, никогда с ним не встречавшимся. Более того, воспоминания его авторитетных современников (таких, как Томас Джефферсон) свидетельствуют о том, что он был плохим оратором [8]. Также не имеется фактических данных, подтверждающих принадлежность Генри другой широко известной фразы, которая приписывается ему: «I know not what course others may take; but as for me, give me liberty or give me death». Таким образом, мифологема-высказывание по отношению к прецедентному высказыванию представляет собой либо отдельную фразу, не входящую в состав более крупного текста и имеющую самостоятельный характер, либо часть текста, состоящую из нескольких предложений или одного предложения, которая может иметь или не иметь предикативный характер, если ее происхождение не подтверждается фактами, а денотат носит фантомный характер.

Третий тип мифологем, выделяемый Е.И. Шейгал, определяется ею как мифологема-антропоним. В классификации В.В. Красных этому типу соответствует прецедентное имя, под которым она понимает индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией [9]. Класс имен не ограничивается антропонимами. К мифологемам могут относиться и топонимы. Мифологема Camelot (Камелот), которую в своей работе приводит в качестве примера Е.И. Шейгал [10], восходит к названию столицы короля Артура и его благородных рыцарей, содержит идеализацию президентства Дж.Ф. Кеннеди, романтический миф о минувшей эпохе аристократизма и элегантности, уподобляя Камелоту Вашингтон и особенно Белый дом эпохи правления Кеннеди. По сути своей эта мифологема является топонимом. Другим

топонимом, который можно отнести к мифологемам, является так называемый Плимутский камень (Plymouth Rock). Согласно убеждениям средних американцев, именно на этот камень, который ныне почитается в США как национальная святыня, высадились первые переселенцы-англичане (Pilgrims), прибывшие в Америку на корабле «Mayflower» в 1620 г. [11]. Однако в сохранившихся письмах и документах того периода нет никаких упоминаний об этом камне. Впервые этот топоним появляется в документах только в 1715 г. Прочно ассоциироваться в сознании американцев с высадкой пилигримов он стал только после опубликования в 1826 г. поэмы британской поэтессы Ф.Д. Хеманс (F.D. Hemans), посвященной этому событию. Сама Хеманс, проживавшая в Уэльсе, узнала о высадке пилигримов случайно из небольшой статьи двухлетней давности, описывающей празднование Дня основателей в бостонской газете, в которую владелец бакалейной лавки завернул ее покупки [12]. Все исторические данные свидетельствуют о несоответствии реального топонима мифическому характеру истории, входящей в когнитивную базу среднего американца и образующей вместе с другими мифологемами миф об основании нации. Следовательно, данный топоним является элементом мифа, т. е. мифологемой. Таким образом, этот тип мифологем при рассмотрении американской лингвокультуры представляется возможным определить как мифологему-имя. В рамках этого типа мифологем возможно выделить две основные разновидности: мифологему-антропоним и мифологему-топоним.

Хотя Е.И. Шейгал основывается в своей типологии мифологем на классификации прецедентных феноменов В.В. Красных, она не выделяет четвертый тип мифологем, соответствующий прецедентной ситуации. Анализ текстов, относящихся к американской лингвокультуре, показывает, что существует большое количество примеров, доказывающих существование особого вида мифологем, не рассматриваемого Е.И. Шейгал. Этот тип можно определить как мифологему-ситуацию. Прецедентная ситуация – это некая идеальная ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности либо описанная в литературных произведениях, относящихся к мировой или национальной классической литературе. Инвариант восприятия прецедентной ситуации аккумулирует не только знания о данной конкретной ситуации, но и весь предшествующий опыт национального лингвокультурного сообщества, представленный в виде уже

существующих знаний и системы оценок. Д.Б. Гудков показал, что механизмом такой обработки является некий национально-детерминированный алгоритм, позволяющий выделить существенные/несущественные элементы, которые оцениваются по шкалам «плюс/минус», «верх/низ» [13]. В результате этой обработки и появляются мифологемы-ситуации. Соответственно, мифологему-ситуацию можно определить как ситуацию, не имевшую место в реальной действительности, или как реальную ситуацию, представление которой в когнитивной базе носителей лингвокультуры отличается по каким-либо параметрам от реальной ситуации, не соответствующая научным (например, историческим) данным. Так, один из эпизодов войны за независимость носит название «Battle of Bunker Hill» (битва при Банкер Хилл), но фактически это сражение произошло в другом месте – Breed's Hill. Таким образом, хотя средний носитель американской культуры полагает, что сражение произошло при Bunker Hill, согласно историческим данным, оно имело место при Breed's Hill [14]. Следовательно, данный пример можно отнести к мифологемам-ситуациям.

Очень часто в американской лингвокультуре аксиологический аспект ситуации не соответствует оценкам историков. Например, ситуация «Custer's Last Stand (Последний рубеж Кастера)» относится к периоду военных действий американских войск против индейцев в XIX в. Название данной ситуации относится к военной экспедиции Кастера, когда он во главе сравнительно небольшого отряда американских войск приблизился к лагерю индейцев и, нарушив инструкции, немедленно ввязался в бой. В индейском лагере находились несколько тысяч воинов. Отряд Кастера был полностью уничтожен, сам Кастер убит [15]. Хотя экспедиция носила агрессивный и авантюрный характер, а индейцы защищали свои земли, американская пропаганда сделала из погибшего генерала Кастера героя. Ситуация «Custer's Last Stand» вошла в когнитивную базу среднего американца как пример героизма и стойкости. Например, в романе П.Дж. Вудхауза содержится следующий эпизод. «Speech failed Lord Tilbury. He jerked his thumb doorwards. And such was the magic of his personality that Monty found himself a moment later with his fingers on the handle. Its cold hardness seemed to wake him from a trance. He halted, making a sort of **Custer's Last Stand**» [16]. Национально-детерминированный алгоритм, описанный Д.Б. Гудковым, выделил существенные элементы оценки данной ситуации. Попытка моло-

дого человека задержаться в кабинете увольняющего его владельца концерна характеризуется через апелляцию к минимизированным национально-детерминированным знаниям и представлениям о данной ситуации, представляя его поведение героическим и стойким. Мы видим, что оценочный параметр ситуации, запечатленный в когнитивной базе, не соответствует реальному характеру событий. Следовательно, мы можем отнести данную ситуацию к мифологемам.

Наконец, сама ситуация, входящая в когнитивную базу среднего американца и являющаяся частью лингвокультуры, может не находить фактического подтверждения. Хотя средний носитель лингвокультуры считает ситуацию действительно имевшей место, нет никаких данных, подтверждающих это. Более того, могут существовать факты, позволяющие поставить под сомнение реальность всей ситуации в целом.

Например, по данным словаря культурной грамотности американского исследователя Э. Хирша, в когнитивную базу среднего американца входят два наиболее известных предания о первом президенте США Джордже Вашингтоне [17]. В одном из эпизодов прославляется его честность, присущая ему с молодости. Юный Джордж Вашингтон срубил подаренным ему топориком любимую вишню своего отца, но нашел в себе мужество признаться ему в своем проступке. «I can't tell a lie, Pa; you know I can't tell a lie. I did cut it with my hatchet» [18]. Этот эпизод впервые был описан в биографии Дж. Вашингтона, опубликованной в 1806 г. Книга была написана Мейсоном Вимсом, который на титульном листе представлял себя как «Rector of Mount-Vernon Parish» (настоятель прихода Маунт-Вернон) [19]. Маунт-Вернон – название родового поместья семьи Дж. Вашингтона. Соответственно, подразумевалось, что настоятель этого прихода – тот человек, рассказам которого о Вашингтоне следует доверять. Но Мейсон Вимс никогда не был его настоятелем, потому что такого прихода не существовало [20]. Фактические данные позволяют поставить под сомнение данную ситуацию в целом и отнести ее к мифологемам.

Таким образом, мифологема-ситуации обладают отличительным признаком мифологем, выделяемым Е.И. Шейгал, – фантомным денотатом, либо несуществующим, либо настолько неясным и размытым, оторванным от реальной действительности, что это создает простор для работы ложного сознания [21]. С другими типами мифологем мифологема-ситуации объединяет и наличие у них названия –

устойчивого сочетания языковых единиц, являющихся репрезентацией данной мифологема-ситуации, которая выступает в качестве формы хранения мифологема в когнитивной базе представителей лингвокультуры. Например, легендарное событие, ознаменовавшее начало Американской революции, было воспето Г. Лонгфелло в балладе «Paul Revere's Ride (Скачка Пола Ревира)» [22]. Под этим названием (или его устойчивым вариантом Midnight Ride) данная ситуация хранится в когнитивной базе носителей американской лингвокультуры. К мифологемам-ситуациям ее можно отнести на том основании, что под влиянием баллады Г. Лонгфелло, которую изучают в американских школах, средний носитель американской лингвокультуры полагает, что Пол Ревир добрался до Конкорда, хотя он был арестован по дороге туда [23]. Примерами языковой репрезентации мифологема-ситуации могут служить такие сочетания слов, как Custer's Last Stand, Battle of Bunker Hill, Washington and the Cherry Tree, Midnight Ride, the Rosetta Stone.

Таким образом, существующую типологию мифологем можно с полным основанием дополнить классом мифологем-ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гуревич П. С. Мифология наших дней // Свободная мысль. 1992. № 11. С. 43.
- [2] Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. С. 134.
- [3] Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие. 3-е изд. М.: Академия, 2007. С. 38.
- [4] Шейгал Е. И. Указ. соч. С. 145.
- [5] Там же. С. 141–144.
- [6] Там же. С. 141.
- [7] Там же. С. 142.
- [8] Bryson V. Made in America: an informal history of the English language in the United States. N.Y.: Perennial, 1996. P. 32.
- [9] Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003. С. 197.
- [10] Шейгал Е. И. Указ. соч. С. 153.
- [11] Американа: англо-русский лингвострановедческий словарь. Смоленск: Полиграмма, 1996. 1185 с.
- [12] Bryson V. Made in America... P. 1.
- [13] Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1997. № 4. С. 111–114.
- [14] Bryson V. Made in America... P. 30.
- [15] Американа... С. 297.
- [16] Wodehouse P. G. Heavy Weather: 7 Heavy Weather. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. P. 7.
- [17] Шейгал Е. И. Указ. соч. С. 141.
- [18] Bryson V. Made in America... P. 61.
- [19] Ibid.
- [20] Ibid.
- [21] Шейгал Е. И. Указ. соч. С. 140.
- [22] Американа... С. 667.
- [23] Bryson V. Made in America... P. 33.

**К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ
ЗВУКОСИМВОЛИЗМА
(на материале текста песни “People are strange”
группы “The Doors”)**

Предпринята попытка анализа поэтического текста с точки зрения звуко-символизма. В качестве материала для исследования выбран один из текстов Дж. Моррисона. Затронуты вопросы семантической значимости звуков (гласных и согласных) как в отдельности, так и во взаимодействии друг с другом («аллитерация»).

Ключевые слова: звуко-символизм, фоносемантика, значение фонемы, артикуляторный признак.

Одной из новых для XX столетия проблем фонетики стала проблема звуко-символизма, то есть вопрос о том, может ли звук непосредственно, минуя лексическую семантику, выражать какое-то значение, и если да, то какое именно. Первыми попытались показать семантические возможности звука как такового поэты-футуристы, теоретическая же разработка проблем звукового символизма, обозначаемого также термином «фоносемантика», началась во второй половине XX в.

Современное языкознание уже считает звуко-символизм одним из универсальных лингвистических явлений, которое соединяет основополагающие сферы языковой действительности. Признание того, что в основе происхождения языка лежит именно звукоизобразительность, позволяет науке объяснить механизмы эволюции единого праязыка во множество современных языков.

Основоположник фоносемантики в России С.В. Воронин подчеркивал, что «звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью “между звуком и значением”, но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа (подкрепленного “внешними” данными типологии) эта связь выявляется...» [1].

Соответственно, возникает и вопрос о терминологии этого научного направления. Многообразие реально произносимых звуков различных языков необходимо было как-то сгруппировать в их отношении к выражаемой ими семантике, если таковая обнаруживалась. В результате предшествующих многочисленных фонологических исследований все языковое изобилие фонологической терминологии было сведено к компактной типологической классификации, в основе которой лежат артикуляторные и акустические признаки: способ и место артикуляции согласных и ряд и подъем гласных. Артикуляторная терминология была дополнена и уточнена акустической: многие ученые считают акустическое изучение речи наиболее важным [2]. Однако артикуляторная терминология в данной статье оказалась более приемлемой в силу ее большей доступности.

Такие обобщения чисто внешних признаков звукопроизводства позволили выявить определенные группы звуков (звуковых архетипов, по А.Б. Михалеву) и установить семантические области, которым эти

звуковые группы принадлежат А.Б. Михалев в своей работе «Фоносемантические универсалии» приходит к выводу, что «исследования лексики родственных и неродственных языков не оставляют сомнения в определенной корреляции между базовыми фонологическими координатами (место, способ, ряд, подъем), являющимися универсальными, и семантическими категориями, символизируемыми по принципу: признак денотата = признак артикуляции > смежные/сходные семантические признаки...» [3].

Проявления звукоимовизма в поэтическом языке были, как уже сказано, замечены довольно давно. Одним из ярких примеров подобных наблюдений являются многочисленные исследования «зауми» Велимира Хлебникова [4]. Р. Якобсон считал, что поэзия – не единственная область, где ощутим звуковой символизм, но это та область, где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее ощутимо и интенсивно [5].

Настоящая статья представляет собой попытку применения указанного терминологического аппарата для звукоимовизмического анализа текста одной из песен группы Doors «People are strange»:

1-й куплет

People are strange
When you're a stranger,
Faces look ugly
When you're alone.

2-й куплет

Women seem wicked
When you're unwanted,
Streets are uneven
When you're down.

Припев

When you're strange
Faces go out of the rain,
When you're strange
No one remembers your name,
When you're strange,
When he's strange,
When you're strange.

Ниже дана транскрипция, составленная по варианту исполнения 1967 г. Анализировались согласные и гласные под ударением, последние выделены жирным шрифтом:

[pi:pl ə streɪndz I
wen ju ə streɪndzə I
feisiz luk ʌgli I
wen jur ə əlθun II

wimin sim wikid I
wen juə lwontid I
stri:ts ə ʌni:vn I
wen juə daun II

wen ju ə streɪndz I
feisiz goə **aut** əv ðə **rein** I
wen ju streɪndz I
noə wən rimembəz jə **neim** I
wen ju streɪndz I
wen hi streɪndz
wen ju: ə streɪndz II]

А теперь проанализируем выбор ударных гласных с точки зрения их принадлежности определенному ряду и уровню подъема.

В первом куплете из 8 ударных гласных 6 – переднего ряда [pi:pl, streɪndz, wen, streɪndzə, feisiz, wen vs ʌgli, əlθun], причем в первых двух строках использованы гласные только переднего ряда, а в третьей и четвертой гласные переднего ряда контрастируют с гласными среднего ряда.

Во втором куплете ритм чередования гласных переднего и среднего ряда слегка меняется: во-первых, контраст наблюдается во второй и четвертой строках ([wen – lwontid, wen – daun]), а в первой и третьей строках рядность гласных не меняется [wimin – wikid, stri:ts – ʌni:vn], во вторых, обе контрастирующие гласные более сдвинуты назад, чем в первом куплете, это гласные заднего ряда.

Что касается припева, то из 16 ударных гласных, которые там использованы, 14 – переднего ряда, а контрастирующие гласные: **oə** (четвертая строка) – среднего ряда, **u:** (седьмая строка) – заднего ряда.

В первом куплете все ударные гласные кроме первого i: характеризуются средним подъемом, т. е. являются полуоткрытыми

	ei	
e		ei
ei		ʌ i
e		əu

Во втором куплете первая и третья строки с закрытыми гласными противопоставлены второй и четвертой строкам с полуоткрытыми гласными:

I	i
e	o
i:	i:
e	au

Обращает на себя внимание тот факт, что в припеве также все ударные гласные, кроме **au** и **u:**, имеют среднюю степень подъема.

e	ei	
ei		ei
e		eiI
oə	e	ei
e		ei
e		ei
		ei

Таким образом, наблюдается интересная картина употребления ассонантных гласных на протяжении всего текста с элементами сингармонизма в словах **women, wicked, remembers**.

В своем эксперименте, который описан в работе «Об одном исследовании в области фонетического символизма», Э. Сепир ставил своей целью удостовериться в том, что «звучание определенных гласных и согласных вызывает ощущение большей величины, чем звучание других согласных и гласных» [6]. Его результаты демонстрируют прямую корреляцию между подъемом (степенью раствора) гласного и психологическим ощущением изменяющейся величины (чем выше степень подъема гласного, тем меньше вели-

чина). Таким образом, в анализируемом тексте мы наблюдаем назойливо повторяющуюся на фонемном уровне идею тесноты, сдавленности и несвободы.

Что касается согласных фонемы текста, в первом куплете используется 29 фонем, во втором куплете – 30, в припеве – 45. Согласно трактовкам звукоизображения, представленным Шарлем де Бросом и А.Б. Михалевым, а также С. Ворониным, наиболее значимым является употребление следующих классов фонем: лабиальных, губно-зубных, глухих смычных и сочетаний взрывного и фрикативного; носовых фонем в целом и фонемы «п» в частности, а также велярных фонем [7; 8]. Результаты анализа звукоимоволической фонематики песни представлены в табл. 1–3.

Таблица 1

Анализ согласных фонем 1-го куплета

Авторы	Передаваемое значение				
	Отвращение, презрение, нетерпимость	Ненависть и агрессивность	Отвращение	Презрительно-уничжительное отношение	Сомнение и расхождение во взглядах
Ш. де Бросс, С.В. Воронин	Лабиальные – 2 W:	–	–	–	носовые 4 n
Повседневная экспрессивная речь по А.Б. Михалеву	Губно-зубной f	Глухие смычные p, p, t, t, k, - , значение усилено употреблением двух сочетаний st	4 фонемы n	W, w, k, g	–

Таблица 2

Анализ согласных фонем 2-го куплета

Авторы	Передаваемое значение				
	Отвращение, презрение, нетерпимость	Ненависть и агрессивность	Отвращение	Презрительно-уничжительное отношение	Сомнение и расхождение во взглядах
Ш. де Бросс С. Воронин	Лабиальные – 5 W	–	–	–	Носовые 8 n – сомнение и расхождение во взглядах
Повседневная экспрессивная речь по А.Б. Михалеву	Губно-зубной v	Глухие смычные p, p, t, t, t, k , значение усилено употреблением сочетания st	7 фонем n	5 W, k	–

Таблица 3

Анализ согласных фонем припева

Авторы	Передаваемое значение				
	Отвращение презрение, нетерпимость	Ненависть и агрессивность	Отвращение	Презрительно-уничжительное отношение	Сомнение и расхождение во взглядах
Ш. де Бросс С. Воронин	Лабиальные – 6 W:	–	–	–	носовые 13 n
Повседневная экспрессивная речь по А.Б. Михалеву	Губно-зубной f, v	Глухие смычные 6 t , значение усилено употреблением двух сочетаний st	10 фонем n	6 W, g	–

Если объединить фонемы, выражающие отвращение в разных классификациях, то результаты таковы: в первом куплете из 29 фонем 7 выражают отвращение, 7 – ненависть и агрессивность, 4 – презрение, таким образом, 17 фонем имеют негативную коннотацию.

Во втором куплете из 30 фонем 13 выражают отвращение, 5 – ненависть и агрессивность, 6 – презрение, т. е. 24 фонемы имеют негативную коннотацию.

В припеве 18 фонем из 45 выражают отвращение, 11 – ненависть и агрессивность, 7 – презрение, таким образом, 36 фонем имеют негативную коннотацию.

Эту картину дополняют и усиливают рифмующиеся и создающие аллитерацию на протяжении всего текста фонемы **N**, которые в трактовке Ш. де Бросса несут значение сомнения.

When you're a stranger,
When you're alone.

When you're unwanted,
When you're down.

When you're strange
No one remembers your name,
When you're strange.

В вокализме и консонантизме песни нашел отражение тот факт, что ее автор пребывал в жесточайшей депрессии на момент написания; заметно многократное усиление лексических смыслов наложением смыслов звуко-символических.

Таким образом, на примере данного текста можно еще раз убедиться в том, что языковое восприятие не может ограничиваться лишь лексическим уровнем, который представляет собой всего лишь вершину айсберга – живого и бесконечно человеческого языка.

Возникает также вопрос, следует ли описывать фоносемантику в терминах собственно произносительных или же в терминах фонологических. Поскольку

речь идет о непосредственном воздействии произношения, то предпочтительнее произносительные термины. Но поскольку в разных языках одни и те же звуки могут либо служить аллофонами одной и той же фонемы, либо принадлежать разным фонемам или даже быть фонологически нулями (ср. хотя бы нейтральный гласный [ə] в английском и в русском языках), постольку устранимся от фонологического анализа, по-видимому, и в данном случае не представляется возможным. Нельзя уходить и от различия позиционных изменений фонем (таких, как аканье в русских безударных слогах при отсутствии этого явления в английском или сохранение звонкости конечных согласных в английском при их оглушении в русском). Отнесённость звука к той или иной фонеме и позиционные возможности этой фонемы, по-видимому, также не безразличны для звуко-символических особенностей текстов на том или ином языке и должны быть учтены также и в фоносемантической терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воронин С. В. Основы фоносемантики. М., 2006. С. 22.
- [2] Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 8–9.
- [3] Михалев А. Б. Фоносемантические универсалии // Университетские чтения – 2006 : материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск : ПГЛУ, 2006. Ч. 1. С. 42–46.
- [4] Шапир М. И. О «звуко-символизме» у раннего Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова : статьи и исследования 1911–1998. М., 2000. С. 348–354, 812–814.
- [5] Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 224
- [6] Сепир Э. Об одном исследовании в области фонетического символизма // Избранные тр. по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 323–325.
- [7] Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 1995. С. 20–21, 50–51.
- [8] Воронин С. В. Указ. соч. С. 94–95.

СЕТЕВЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ЖУРНАЛЫ

В результате изучения шести сетевых электронных журналов по педагогике получены их многоаспектные характеристики: дата основания, периодичность, основные рубрики, характер статей, библиографическая информация, хронологические рамки архива, поисковые возможности. Уточнена видовая принадлежность журналов.

Ключевые слова: электронные сетевые журналы, самостоятельные электронные журналы, аналоги печатных журналов, педагогические журналы.

Десять лет назад составители «Краткого справочника школьного библиотекаря», давая характеристику журнальному потоку по педагогике, отметили его особенность в 1990-е гг.: «Увеличение количества названий с одновременным резким сокращением их тиражей (а следовательно, и увеличением цены) привело к недоступности большинства педагогических изданий для многих учителей, повлияло на снижение комфортности информационной среды...» [1, с. 110].

С начала XXI в. структура отраслевых информационных ресурсов претерпевает существенные изменения. Все более заметное место в ней занимают электронные документы, среди которых особая роль принадлежит электронным журналам. Они привлекают внимание отечественных и иностранных исследователей [2–5]. Появление все большего числа электронных журналов, наличие компьютера дома и/или на работе обуславливает многоаспектное использование этой части ресурсов специалистами образовательной сферы.

В данной статье будут выявлены особенности электронных журналов, определяющие их роль в системе отраслевой документальной коммуникации.

Существуют различные определения понятия «электронный журнал».

Согласно Википедии, «электронный журнал – периодическое рецензируемое издание, электронный аналог печатного журнала, доступный для просмотра на компьютере. Распространяется через Интернет или на любых носителях информации (магнитных, оптических)» [6]. Здесь не учитываются самостоятельные электронные журналы, а также нерецензируемые издания. Т.Н. Косенко определяет электронный журнал как «комплекс научных и технических публикаций, распространяемый через глобальную сеть», и указывает, что «этот способ представления информации позволяет неограниченному кругу читателей ознакомиться с новейшими научными разработками, свободно вести дискуссии по опубликованной информации с авторами статей и другими заинтересованными лицами» [7, с. 80–81]. Этот же источник содержит важное уточнение: «Термин “электронные журналы” (electronic journals) обычно используется для обозначения публикаций, которые сохраняют большинство характеристик печатных изданий, но производятся и распространяются он-лайн» [7, с. 87].

В настоящее время мы не располагаем стандартизированным определением термина «электронный журнал». ГОСТ 7.83-2001 «Электронные издания. Основные виды и выходные сведения» включает определения более общих понятий – «серийное электронное издание» и «периодическое электронное издание» [8, с. 571]. Сравнение их с содержанием действовавшего в то время стандарта на традиционные

издания [9] показало, что ряд определений нового официального документа отличается лишь словом «электронный» («электронное»). Поступив таким же образом, получаем следующее: электронный журнал – периодическое электронное журнальное издание, имеющее постоянную рубрикацию и содержащее статьи или рефераты по различным вопросам и литературно-художественные произведения.

При определении состава объекта исследования мы стремились к тому, чтобы выборка включала электронные журналы, различающиеся по видовой принадлежности, возрасту, периодичности, наличию печатного эквивалента, степени цитирования. В результате в список вошли три аналоговых (А) и три самостоятельных (С) журнальных издания. После их названий указаны число цитирования, импакт-фактор и место в рейтинге РИНЦ в 2010 г.: А – «Вопросы образования» (209; 0,942; 323), «Высшее образование в России» (1257; 0,506; 53), «Высшее образование сегодня» (451; импакт-фактор не указан; 168); С – «Педагогическая наука и образование в России и за рубежом: региональные, глобальные и информационные

аспекты» (далее – «Педагогическая наука и образование») (в РИНЦ не включен) [10], «Полином» (отсутствует), «Эйдос» (число цитирований 393, год не указан) [11].

Журнальные комплекты за 2010 г. и часть за 2011 г. анализировались по схеме, которая объединила аспекты, предложенные для веб-сайтов и традиционных журналов [12; 13]: 1) название журнала; 2) адрес сайта, дата основания; 3) периодичность; 4) объем (количество страниц в номере или публикаций за год); 5) основные рубрики; 6) авторы; 7) характер статей; 8) библиографическая информация; 9) хронологические рамки архива, поиск; 10) учредитель; 11) редколлегия; 12) обратная связь с пользователем; 13) регистрация; 14) условия доступа; 15) вид журнала (а – заявлен, б – определен); 16) включение в список ВАК. Анализировались сайты журналов, содержание номеров и статей. Последнее необходимо для определения жанров публикаций, круга авторов и специфики библиографической информации.

Основные результаты изучения представлены в таблице. Добавим к ней необходимые разъяснения.

Характеристика электронных сетевых журналов

1	Вопросы образования (А)	Высшее образование в России (А)	Высшее образование сегодня (А)	Педагогическая наука и образование в России и за рубежом: региональные, глобальные и информационные аспекты (С)	Полином (С)	Эйдос (С)
2	http://vo.hse.ru 2004	http://www.vovr.ru 1992	http://www.hetoday.org 2001	http://rspu.edu.ru/university/publish/pednauka/index.htm 2002	http://www.mathedu.ru/e-journal 2009	http://eidos.ru/journal/ 1998
3	4 номера	12 номеров	12 номеров	1–3 номера	4 номера	8 номеров
4	300–350 с., 60 стат.	160–170 с., 281 стат.	70–100 с., 253 стат.	1–4 ст.	110–150 с.	~100 стат.
5	– образовательная политика – научные и практические сообщения – теоретические и прикладные исследования – практика – статистика и социология образования – дискуссия – из истории образования – размышления о... – рецензии и обзоры – работы конкурсантов	– практика модернизации – интернационализация образования – на перекрестке мнений – из жизни вуза – обсуждаем проблему – научный дебют – рецензии. Информация – социология образования – в помощь соискателю – редакционная почта – юбилей	– момент истины – мировые тенденции – императив образования – компетентность специалиста – кафедра – трибуна – Pro et kontra – своими словами – круглый стол преподавателей – школа истории – психолого-педагог. форум – университетская библиотека	– теория и практика педагогического науковедения – единое европейское образовательное пространство – дистанционное образование в России и за рубежом – педагогический менеджмент – теория и методы педагогического исследования – социология образования и культуры	– из истории математики – из истории просвещения – живая история – вокруг математики – учим математику – размышления – дискуссия – математики-педагоги – события – обзор книг, статей, электронных ресурсов – информация	– научные исследования – модернизация образования – дистанционное образование – эвристическое обучение – методика в школе – ученическая страница

Продолжение табл.

	– мастерская научных публикаций	– актуальная проблема: позиция ПГТУ – education online – страницы истории – семинары – конференции		– педагогика, дидактика, лингвокультурология		
6	– доктора и кандидаты наук – преподаватели вузов – аспиранты – студенты – директора школ – консультант по обр-ю представительства Всемирного банка в России и др.	– академики РАО – член-кор. РАО – доктора и кандидаты наук – преподаватели вузов – аспиранты – соискатели – руковод. учеб. завед. и др.	– Д.А. Медведев – В.В. Путин – Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл – академики РАО – доктора и кандидаты наук – преподаватели вузов – аспиранты – руковод. учеб. заведений и др.	– кандидаты наук – преподаватели вузов – педагоги учреждений дополнительного образования	– преподаватели вузов, школ, лицеев – сотрудники различных образовательных и других центров	– сотрудники ЦДО «Эйдос», – академики – член-кор. РАО – доктора и кандидаты наук – аспиранты – магистранты – преподаватели и руководители учеб. заведений – учащиеся и студенты
7	– теоретические – результаты эмпирических исследований – методические – дискуссионные	– теоретические – экспериментальные – опыт работы	– теоретические – опыт работы – публицистика – информация о конференциях и т. п.	– теоретические – экспериментальные – научно-практические	– теоретические – методические – хроникальные – мемуары	– теоретические – экспериментальные – опыт работы – методические
8	– «Рецензии и обзоры» – пристатейные списки	– Рецензии. Информация» – пристатейные списки	– пристатейные списки	– пристатейные списки	– пристатейные списки – обзоры – рецензии	– пристатейные списки – обзоры – рецензии
9	2004–2010, 2011 № 1–3 – год, номер; автор, рубрика. В двух последних номерах – содержание, аннотации на статьи	2000–2010, 2011 № 1–5 – год, номер № 6–11 – содержание	2006 (№ 5–12); 2007–2009, 2010 № 1–7 – год, номер 2010 № 8–10, 2011 № 1–9 – содержание	2002–2010 – год, номер	2009, 2010 № 1 – год, номер	1998–2010, 2011 № 1–6, 8–9 – год, номер – рубрика
10	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	Министерство образования и науки РФ	Издательско-книготорговый дом «Логос»	НИИ СППО РАО совместно с Южным отделением РАО и кафедрой управления образованием РГПУ	В.М. Бусев – сотрудник Научной педагогической библиотеки им. К.Д. Ушинского, редактор издательства «Просвещение»	ЦДО «Эйдос»
11	– член-кор. РАО – академики РАО – вице-президент Рос. академии образования – зам. министра обр-я и науки РФ – руков. учебн. заведений	– академики РАО – член-кор. РАО, РАН – доктора наук и кандидаты наук и др.	редсовет: – ректоры ун-тов – доктора наук – вице-президент Рос. академии образования – депутаты Гос. Думы и др.	– не выявлена	– сотрудники РАО и Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН – преподаватели вузов и школ	– не выявлена
12	e-mail, рубрика «Обсуждение»	e-mail	e-mail	e-mail	e-mail	e-mail, форум
13	Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия	Министерство печати РФ	Не выявлено	Гос. центр «ИНФОРМРЕГИСТР»	Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций РФ	Не выявлено

Окончание табл.

14	Бесплатно	Бесплатно	Бесплатно. Подписка на эл. версию	Бесплатно	Бесплатно	Бесплатно
15а	Научно-образовательный	Научно-педагогический	Научный и профессиональный	Научный	Научно-методический	Научно-популярный
15б	Научно-теоретический	Научно-теоретический	Научно-практический	Научно-теоретический	Научно-методический	Научно-методический
16	+	+	+	-	-	-

Периодичность указана на 2010 г. У аналоговых изданий она обозначена четко. Определить ее для самостоятельных журналов, кроме четырех номеров «Полинома», оказалось несколько затруднительным. «Педагогическая наука и образование...» не имеет определенной периодичности: судя по архиву, в 2002, 2008 – 2010 гг. вышло по одному номеру, в 2006–2007 гг. – по три номера; в 2003–2005 гг. – по два номера. Вероятно, выпуск журнала приостановлен или прекращен. Возможно, это продолжающееся издание, а не периодическое. В журнале «Эйдос» до 2011 г. номера не были обозначены. В октябре 2011 г. сайт содержит материалы № 1–9. В соответствующей графе нами указаны данные Научной электронной библиотеки [11]. Особый интерес представляет то, что редакция относит это электронное издание к продолжающимся [14]. (Заметим, что в ГОСТ 7.83–2001 по признаку периодичности выделены две разновидности сериального электронного издания: периодическое и продолжающееся [8, с. 571]).

Тематическая направленность журналов представлена в пятой позиции таблицы. Дополнительные сведения содержат сайты электронных изданий. Например, журнал «Вопросы образования» информирует читателей о том, что «с 2006 года журнал входит в список ВАК по психологии и педагогике, а с 2008 года также по философии, социологии и культурологии; филологии и искусствоведению; экономике». Далее следует разъяснение: «Обращаем Ваше внимание, что статьи по указанным дисциплинам принимаются, если предмет исследования относится только к сфере образования» [15]. В содержательной характеристике журнала «Высшее образование в России» отмечается, что в нем «публикуются результаты исследований современного состояния высшей школы России, обсуждаются вопросы теории и практики гуманитарного, естественнонаучного и инженерного высшего образования. Журнал входит в перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК для публикации результатов научных исследований по направлениям:

философия, социология и культурология; педагогика и психология; история» [16]. Подобным же образом обозначены приоритеты на сайте журнала «Высшее образование сегодня» [17]. Как видим, аналоговые журналы носят многоотраслевой характер. Публикации самостоятельных электронных журналов посвящены проблемам педагогики и образования в целом или истории и современному состоянию математического просвещения («Полином») [10; 14; 18].

Наряду с содержанием статей, рассматривалась и авторская структура потока публикаций. Первое место в ней занимают работники вузов, затем – общеобразовательных, среднеспециальных и других учебных заведений. Это академики, доктора и кандидаты наук, аспиранты, преподаватели и руководители учебных заведений, практики-новаторы. В журнале «Эйдос» в этот перечень входят учащиеся (рубрика «Ученическая страница»), а в «Вопросах образования» – специалисты из других стран.

Журналы помещают публикации почти одинаковой жанровой принадлежности. Изучение этого аспекта характеристики позволило уточнить или конкретизировать видовую принадлежность пяти изданий по признаку их целевого назначения (п. 15 в табл.). При этом мы руководствовались ГОСТом 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения» [19]. В последнем отсутствуют определения научно-педагогического, научно-образовательного и профессионального журналов, но указаны разновидности научного журнала: научно-теоретический, научно-практический, научно-методический. Характеризуя периодичность, мы уже ссылались на мнение редакции журнала «Эйдос». Здесь приведем его полностью: «Согласно ГОСТ 7.83–2001 журнал является сетевым, научно-популярным, продолжающимся, текстовым, самостоятельным, электронным изданием» [14]. Просмотрев содержание статей за 2010–2011 гг., находим, что некоторые из них носят теоретический и экспериментальный характер, другие – практический и методический. В рубрике «Ученическая

страница» помещаются письма, в которых школьники делятся впечатлениями об олимпиадах. Таким образом, правомерно отнести «Эйдос» к научно-методическим журналам. Журнал «Высшее образование сегодня», на сайте которого обозначено, что это «научный и профессиональный журнал по проблемам высшей школы» [17], является, скорее всего, научно-практическим.

Библиографическая информация существует в формах, традиционных для разновидностей научных журналов. Основную часть библиографических данных содержат списки литературы, которые носят научно-вспомогательный характер.

Существуют также разделы с рецензиями и обзорами. В «Полиноме» (в отдельных номерах) выделена рубрика «Обзор книг, статей, электронных ресурсов». Например, в № 4 (2009) она содержит обзор нескольких книг И.А. Кушнира с библиографическим описанием и цветной фотографией обложки одной из них. Достаточно стабильна рубрика «Рецензии и обзоры» (в печатном варианте – «Обзоры и рецензии») журнала «Вопросы образования». Обзорную информацию публикует и «Эйдос». Так, журнал за 2010 г. включает подробный тематический «Обзор изданий научной школы А.В. Хуторского». Иногда помещаются рецензии. В аналоговых изданиях в течение года публикуется 5–7 рецензий на отдельные издания или учебно-методический комплект.

На обложках печатных журналов помещается значительный объем издательско-книготорговой библиографической информации, отсутствующей в электронных изданиях. Так, «Высшее образование в России» содержит информацию о продукции издательства «Наука» в виде фотографий обложек 12 книг (2010, № 1, 4, 7, 8/9; 2011, № 4). В «Высшем образовании сегодня» новые книги издательской группы «Логос» характеризуются с помощью библиографического описания, аннотации и цветного фото обложки (№ 1, 3–12 за 2010 г., № 1–8 за 2011 г.). В журнале «Вопросы образования» после основного содержания номера на отдельных страницах располагается информация о новинках Издательского дома Государственного университета «Высшая школа экономики» в виде описания, аннотации и черно-белой фотографии обложки (2010, № 1, 2, 4; 2011, № 1, 2).

Архив статей за весь период существования имеют четыре журнала. Сравнение архивов с бумажными версиями показало идентичность рубрик и статей.

Аналог не повторяет обложку бумажного журнала, поэтому теряется расположенная на ней издательско-книготорговая библиографическая информация.

Различаются между собой поисковые возможности как электронных, так и печатных и электронных журналов. В архивах четырех журналов реализован поиск по году и номеру. Так, в «Высшем образовании сегодня» для ознакомления с конкретной статьей необходимо «листать» номер журнала. В архиве «Высшего образования сегодня» синим и красным обозначены номера, тексты которых открываются, и черным – неоткрывающиеся номера (последних немного). Многоаспектный поиск возможен в архиве журнала «Вопросы образования»: по году, номеру (содержание), авторам и рубрикам. В архиве журнала «Эйдос» тексты статей можно найти по году, номеру и рубрикам. В традиционных версиях поиск облегчают содержание и помещенный в последнем номере указатель статей, опубликованных за год. Отметим, что на сайте электронного журнала «Высшее образование в России» имеется указатель статей, опубликованных за 10 лет (1992–2001). Большинство изученных журналов общается с авторами и читателями по электронной почте. В «Эйдосе» после каждой статьи следует: «Поделись своими впечатлениями прямо сейчас в форуме или по e-mail...» [14]. Среди форумов Центра дистанционного образования (ЦДО) «Эйдос» есть рубрика «Форумы педагогов», один из которых посвящен журналу. В журнале «Вопросы образования» после аннотации есть рубрика «Обсуждения», в ней вопросы, просьбы о предоставлении информации и т. д. [15].

Для специалистов представляет интерес следующая особенность некоторых журналов: наличие на сайте разнообразной тематически близкой информации фактографического и библиографического характера. Так, выпускающий журнал «Эйдос» ЦДО проводит Всероссийскую дистанционную августовскую педагогическую конференцию, дистанционные эвристические олимпиады. Он предлагает научное и научно-методическое руководство и сопровождение инновационной деятельности. В структуре Центра есть издательство и интернет-магазин. Каталог и прайс-лист помогают учителям, методистам, аспирантам и преподавателям вузов выбрать необходимые учебные и научные издания [14]. Редакция журнала «Высшее образование в России» предлагает материалы по теме «Болонский про-

цесс»: тексты книг и список статей, опубликованных в журнале в 2003–2010 гг. Есть подборка материалов круглых столов. «Полином» «возглавляет» сайт «Математическое образование: прошлое и настоящее», автор которого – учредитель и редактор журнала В.М. Бусев. Приведем цитату из раздела сайта «О проекте»: «Сайт... имеет своей целью накопление и систематизацию методического наследия в области преподавания математики. Современные информационные технологии позволяют хранить и передавать на расстоянии книги, журнальные и газетные публикации. Мы хотим сделать наиболее интересные из них доступными для широкой аудитории: учителей, методистов, преподавателей и учащихся педагогических вузов. <...> Если у Вас есть какие-то материалы, которыми Вы готовы поделиться с другими, присылайте их. Со всеми предложениями и замечаниями можно обращаться по адресу...» [18]. Очевидно, что проект реализовывался: на главной странице сайта, кроме характеристики журнала и перечня его номеров, есть ряд содержательных разделов. В них библиографическая информация: описания статей, научных, учебных, официальных и производственно-практических изданий; библиографические списки персонального характера. Есть тексты воспоминаний и сведения о персональных и других сайтах, относящихся к математическому образованию. Приведены адреса электронных журналов, традиционных и электронных библиотек. Учредитель и редактор электронного журнала сообщил автору статьи о том, что намерен в 2012 г. выпускать журнал как в электронном, так и в печатном виде.

Сравнивая печатные и электронные журналы, специалисты отмечают опережающий выход номеров последних. Изучение аналоговых журналов подтвердило это не в полной мере. Так, в октябре 2011 г. читатели журнала «Высшее образование в России» имели возможность познакомиться с материалами десяти печатных номеров или пяти номеров электронной версии, № 6–11 представлены на сайте содержанием. В это же время научная библиотека ОмГУ им. Ф.М. Достоевского располагала двумя номерами журнала «Вопросы образования», а на сайте его электронной версии были представлены тексты первого номера и содержание второго и третьего с аннотациями статей. В то время когда на сайте электронного журнала «Высшее образование сегодня» размещено семь номеров за 2010 г., в

библиотеке уже имеются восемь номеров за 2011 г. Вероятно, значительно раньше с текстами последних номеров знакомятся подписчики, получающие журнал на CD-ROM.

Обобщение полученных данных позволило сделать ряд выводов.

Проанализированные журналы доступны неограниченному числу пользователей. Их можно читать бесплатно дома, на работе, в библиотеке, можно скачивать тексты. В архиве удобно осуществлять ретроспективный и нередко многоаспектный поиск. В сравнении с бумажными версиями на это уходит значительно меньше времени. В ряде случаев самостоятельные электронные журналы весьма оперативно предоставляют полученные статьи читателям. Сайты отдельных электронных журналов включают дополнительную первичную и вторичную информацию («Эйдос», «Полином», «Высшее образование в России»). Аналоговые электронные журналы повторяют печатные версии за исключением части издательско-книготорговой библиографической информации. Для авторов важным является отсутствие ограничений по объему публикаций, возможность общаться с коллегами. Отдельные электронные журналы характеризует нестабильность существования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Краткий справочник школьного библиотекаря / О.Р. Старовойтова при участии Т. И. Поляковой и Ю.В. Лисовской ; под. общ. ред. Г.И. Поздняковой. СПб. : Профессия, 2001. 352 с. (Серия «Библиотека»).
- [2] Электронные журналы в библиотеках // Науч. и техн. б-ки. 1997. №10. С. 61–67.
- [3] Торн К. Серийные издания в электронный век // Там же. 1999. № 4. С. 4–18.
- [4] Бойченко Е.Н. Периодические издания по техническим наукам в Интернете: доступность электронных ресурсов // Там же. 2009. № 5. С. 31–45.
- [5] Садчикова А. Е. Электронные журналы по педагогике // Медиадискурс и проблемы медиаобразования : материалы I Международ. науч.-практ. конф. (Омск, 27–29 сентября 2010 г.) / отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск, 2011. С. 275–280.
- [6] Электронный журнал // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://www.wikipedia.org/>, свободный (дата обращения: 30.10.11).
- [7] Косенко Т. Н. Электронный журнал как педагогическое средство обеспечения качества научно-исследовательской деятельности преподавателей : дис. ...канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2002. 206 с.
- [8] ГОСТ 7.83-2001. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения // Стандарты по библиографии, библиотечному и из-

- дательскому делу. М. : Либерея-Бибинформ, 2009. С. 569–578.
- [9] ГОСТ 7.60-90. Издания. Основные виды. Термины и определения // Стандарты по библиотечному делу : сб. СПб. : Профессия, 2000. С. 270–307.
- [10] Педагогическая наука и образование в России и за рубежом: региональные, глобальные и информационные аспекты: [сайт]. URL: <http://www.rspu.edu.ru/university/publish/pednauka/index.htm> (дата обращения: 30.10.11).
- [11] Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: [сайт]. URL: <http://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 30.10.11).
- [12] *Никандров С. В.* Научно-техническая информация в русскоязычной части Интернет: цели, методика и результаты изучения // Науч. и техн. б-ки. 2003. № 8. С. 42–62.
- [13] *Смирнова Е. М.* Информационные ресурсы социально-гуманитарных наук : учеб.-метод. пособие. Омск : Ом. гос. ун-т, 2005. 64 с.
- [14] Интернет-журнал «Эйдос» : [сайт]. URL: <http://www.eidos.ru/journal/> (дата обращения: 30.10.11).
- [15] Вопросы образования: науч.-образоват. журн. : [сайт]. URL: <http://www.vo.hse.ru> (дата обращения 30.10.11).
- [16] Высшее образование в России : науч.-пед. журн.: [сайт]. URL: <http://www.vovr.ru> (дата обращения 30.10.11).
- [17] Высшее образование сегодня : [сайт]. URL: <http://www.hetoday.org> (дата обращения 30.10.11).
- [18] Полюном: науч.-метод. журн. : [сайт]. URL: <http://www.mathedu.ru/e-journal> (дата обращения: 30.10.11).
- [19] ГОСТ 7.60-2003. Издания. Основные виды. Термины и определения // Стандарты по библиографии, библиотечному и издательскому делу. М. : Либерея-Бибинформ, 2009. С. 400–434.

УДК 801

А.В. Карабыков

ПРАГМАТИКА ОБЕТА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Анализируется один из центральных речевых жанров религиозного дискурса христианского Средневековья – обет. Выявляются основные структурно-семантические разновидности обета, исследуется своеобразие их прагматической организации и описывается роль этого коммуникативного действия в жизни и культуре Средних веков.

Ключевые слова: обет, сакральный перформатив, коммуникация, христианство, Средние века.

Речевой жанр обета (*votum*) располагался в самой средоточии религиозной сферы средневековой коммуникации. В исследуемой культуре встречаются основные разновидности этого жанра, унаследованные ею из речевых реальностей Древнего Израиля и Рима. Объяснение этому следует искать в генезисе интересующей нас цивилизации. Христианское Средневековье формировалось на античной, по преимуществу римской, почве, «засеянной» библейским, древнееврейским «семенем». Однако заметим, что в целом образ переживания и осмысления существа обета был ближе к ветхозаветному типу, чем к римскому. Об этом в какой-то мере свидетельствует тот факт, что древнеизраильский вид данного жанра (*Если Ты (Бог) сделаешь ρ1, то я сделаю ρ2*) активно циркулировал на протяжении Средних веков в своём чистом виде. Впрочем, он же – хотя похоже, что реже, – использовался в древнеримской культуре, имевшей свою, специфически-римскую, разновидность обета (*Вот я делаю / сделал ρ1, и поэтому Ты (Бог) должен сделать ρ2*) [1]. Также известная в Средневековье, эта разновидность, как правило, употреблялась в значительно трансформированном виде, лишавшем ее того поразительно самонадеянного тона, который противопоставлял ее ветхозаветному образцу.

Церковная идеология сохранила за обетом ту религиозно-этическую ценность, которой он обладал в Израиле и особенно в Риме, но вместе с тем отчасти переосмыслила назначение данного перформатива. Характеризуя суть этого переосмысления, отметим, что, на наш взгляд, средневековому обету свойственна пониженность роли договорного начала в пользу экспрессивного. Это видно, например, из того порядка, в котором Максим Грек (XV–XVI вв.) расставляет цели совершения обета, выделенные им на основе обобщения библейских фактов: «Давать обеты Богу *по доброму своему изволению, в случае скорби или по желанию получить что-либо весьма полезное* (курсив мой – А. К.) – это везде в Священном Писании я нахожу делом похвальным, когда обет исполняется...» (XI) [2, с. 194]. Представленный ранжир является не просто констатацией очевидности или случайностью. Как и всё произведение Максима, откуда мы заимствовали эту выдержку, он имеет назидательную функцию. Перед нами эталон и правило, предписывающее верующим совершать обеты в первую очередь из одной преданности Богу, дабы выразить свою веру и любовь к Нему; во вторую – чтобы побудить Бога исправить некую бедственную ситуацию, в которой оказался человек; и лишь в третью – ради заключения с Ним определённого договора (последнее было особенно характерно для римлян).

Указанная черта средневекового обета способствовала его сближению с родственными жанрами обещания. Эта тенденция запечатлелась в известных средневековых определениях, пояснявших смысл исследуемого нами речевого действия. По словам Майстера Экхарта (XIII–XIV вв.), обеты «означают, что Самому Богу обещают совершить нечто по отношению к Нему» [3, с. 100]. Почти за тысячелетие до рейнского мистика эта идея была точнее сформулирована Григорием Назианзиним. Определяя обет как «обещание умиловительной жертвы», каппадокийский богослов уточняет, что жертва такого рода «есть дар, приносимый в честь» [4, с. 376]. Приведённое уточнение призвано подчеркнуть контраст между христианским и языческим пониманием жертвоприношения и природы Божества. В отличие от многих язычников, христиане обещают нечто Всевышнему вовсе не потому, что Он нуждается в этом. Это мир, созданный Им ex nihilo, всецело зависит от Его промысла и поддержки. Напротив, Творец абсолютен в Своём могуществе. Как предупреждает тот же учитель Церкви, ссылаясь на Екклесиаста, «ничего не обещай Богу, даже и малости, потому что всё Божие, прежде нежели принято от тебя» [4, с. 274]. Таким образом, дар, который мы обещаем принести Богу «в честь» в качестве умиловительной жертвы, есть не что иное, как знак нашего благоволения и благодарности Ему. Для того чтобы лучше осознать степень новизны описанного представления, взглянем на римскую культуру рубежа двух эр. Под влиянием стоицизма, господствовавшего в Риме той эпохи, люди и боги мыслились в ней как равноправные граждане общего мира. И тип отношений, который считался самым естественным между ними, был близок, скорее, к деловому партнёрству, чем к адорации смертных и милости Божества [1].

Итак, мы видим, что оба названных мыслителя, отдалённых друг от друга во времени и пространстве, отождествляют обет с чистым обещанием, что полностью соответствует экспрессивной направленности этого жанра в христианском Средневековье. Рассмотренные воззрения обусловили практики совершения обета, а также наложили отпечаток на устройство интересующего нас перформатива. Одним из самых заметных проявлений их влияния, по нашему мнению, стало распространение «усечённой» римской формулы, внешне идентичной обычному обещанию: «Я сделаю для Тебя (Бога) ρ ». Как и в полном ее варианте, инициатором обетного дейст-

вия в ней является человек. Он принимает на себя обязательство совершить нечто Богу, не прося у Него выполнения некоего первичного условия, на которое делается смысловой акцент в классической ветхозаветной структуре: «Если Ты (Бог) сделаешь ρ_1 , то я сделаю ρ_2 ». Но, в отличие от исходной для нее специфически римской формулы (Я сделаю ρ_1 , и поэтому Ты сделай ρ_2), в этом обете за человеческим обещанием не следует указание на то, что должен в качестве воздаяния выполнить Бог. При этом не исключено, что во многих случаях воздаяние всё же молчаливо подразумевалось. Но и тогда оно мыслилось агентом обетного акта в другой – не высокомерной римской – тональности. Человек лишь дерзал надеяться, что Господь милостиво «призрит на него», узрев выказанную им религиозную ревность. Обусловленный мировоззрением эпохи ход его мысли можно изложить примерно следующим образом: «Я сделаю ρ_1 , и это даст мне некоторое основание надеяться, что Ты, видящий мою преданность и покорность Тебе, захочешь сделать для меня ρ_2 . Я смею так думать, не потому что полагаю, будто свяжу Тебя обязательством посредством совершения ρ_1 , но потому что допускаю, что, совершив ρ_1 , я смогу побудить Тебя этим захотеть сделать ρ_2 . Ведь я знаю, что Ты любишь меня и созданный Тобой мир». Очевидно, что тональность рассматриваемого обета сродни молитвенной. Это коммуникативное действие могло органично переходить в молитву. Даже принося нечто в дар Всевышнему, люди Средневековья могли только просить и молчаливо верить, что по Своей неизреченной милости Бог воздаст им благом; но всё в конечном счёте зависит единственно от Его абсолютной воли.

Порой обет не просто переходил в молитву, но словно растворялся в ее контексте, испытывая на себе его прямое влияние. Сказанное проливает свет на причины «усечения» римской формулы в исследуемой культуре. Ответный акт Божества, который без стеснения диктовал своим небесным «согражданам» римлянин, в христианском обете был поглощён молитвой. Так что вместе два этих действия можно представить в виде такой структуры: «Я сделаю ρ_1 – молю Тебя, сделай ρ_2 ». Но даже и в этом образе мысли для утончённого христианского чувства слишком много гордыни. Не случайно, что мы находим его не в тишайших устах монаха, но в исполненных тщеславия письмах византийского василевса. Так, Феофилакт Симокатта, придворный историк

VII в., сообщает, что незадолго до своей гибели «император Маврикий во всех самых чтимых храмах вселенной умолял в своих письмах Христа... чтобы Он принял в обмен за совершённые им прегрешения его жизнь, полную кратковременной и смертной пышности» (Hist. 8, XI, 6) [5, с. 187]. Если верить историку, в этом действительно было немало тщеславного оболыщения: молить Бога, чтобы Он простил ему грехи, думая при этом, что его жизнь настолько находится в его собственной власти, что он может предлагать ее Творцу в качестве инициального действия. Обратим внимание на еще одну деталь в сообщении Симокатты, указывающего на факт письменной коммуникации с небом (см. также: 5, XIV, 4–5) [5, с. 134]. Издревле отличавший ближневосточные культуры этот обычай был унаследован Византией от Древнего Египта, Вавилонии и Израиля.

Надо полагать, что там, где имел место обет-обещание, встречный акт Бога всё же чаще лишь молчаливо ожидался, являя собой предмет сердечной надежды обещающего. И трудно сказать при этом, мог ли движимый благоговейным энтузиазмом человек чётко изъяснить, в чём хотелось бы ему узнать плоды этого акта. Вероятно, спрошенный о том, чего он ждёт в ответ от Всевышнего, он нередко мог бы ответить нечто в высшей степени банальное для своей эпохи: чтобы Господь хранил его с близкими в этой жизни и отверз двери рая в будущей. Характерно, что именно институализованные и близкие к ним виды обета, как правило, представляли собой чистое обещание. Такова, например, ритуальная формула, произносившаяся монастырским послушником при его пострижении. «Я, брат Мартин, – говорил молодой Лютер, становясь монахом августинской обители, – принимаю монашеский обет и пред лицом всемогущего Господа Бога и Пресвятой Девы Марии, а также пред тобой, брат Винард, представляющий здесь главного приора Ордена братьев-отшельников святого епископа Августина и его законных последователей, отрекаюсь от своей воли и даю зарок до конца своих дней влачить существование в бедности и целомудрии, как велит устав святого Августина» (цит. по: [6, с. 51]). Отрекаясь от собственной воли и всецело вверяя себя Господу и настоятелю, новоиспечённый инок в принципе не мог и желать получить взамен свыше что-то конкретное, описуемое. Это противоречило бы смыслу его самоотречения. Он отдавал себя Богу, чтобы в от-

вет принять Самого Бога, невыразимого и бесконечного.

Сходный обет совершали крестоносцы. Его принесение тоже сопровождалось символическим действием, которое направлялось представителем духовенства и имело название «взятие креста». Показывая суть именуемого обряда, это название служило напоминанием о самом категоричном евангельском призыве: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16:24). Этот обет, подтверждавший согласие рыцаря участвовать в крестовом походе, был настолько однозначен, что главную роль в его совершении играло не слово, а простой ритуальный жест. Его описание предлагают нам записки Робера де Клари, незнатного пикардийского рыцаря XII–XIII столетий, участвовавшего в Четвёртом крестовом походе (1202–1204 гг.). Вот как он рассказывает о том, как принял решение возглавить это предприятие маркиз Бонифаций Монферратский: «Когда он поразмыслил, то ответил, что из любви к Богу и ради того, чтобы помочь Заморской земле, возьмёт крест. А епископ Суассонский тотчас облачился и дал ему крест» (IV) [7, с. 8]. Надо заметить, что, согласно идеологии средневековой Церкви, миссии рыцарства и монашества имели между собой черты сходства. Оба названных института толковались в ней как формы служения Богу, одинаково требовавшие самоотречения и строгой внутренней дисциплины. Но цель рыцарства, понимавшегося как *militia Christi*, Христово воинство, по преимуществу заключалась в защите земной Церкви от зримых врагов; тогда как удел монашества состоял в духовном подвиге, включавшем войну с «духами злобы поднебесной». С наибольшей отчётливостью связь этих институтов реализовалась в создании духовно-рыцарских орденов.

Источники показывают, что обет, включая обсуждаемую сейчас его жанровую разновидность, наряду с клятвой, был весьма распространён в среде всего рыцарства. Примерами этого речевого действия изобилует эпос высокого Средневековья. Соблюдение принимаемых на себя обязательств было центральным пунктом рыцарского кодекса чести. В связи с этим совершение и исполнение перформативов такого рода являлось необходимым способом самоидентификации рыцаря, проверки его соответствия корпоративному идеалу.

А я останусь тут – мне честь велит
Обет, что дал я Богу, соблюсти:
Вовеки не казать в сраженье тыл...

Так заявляет один из персонажей «Песен о Гильоме Оранжевом» перед началом неравной битвы (XXV, 291–293) [8, с. 232]. Позднее, в самый разгар сражения, он молится о ниспослании ему мужества и стойкости, чтобы «сдержаться, сходя во гроб, обет», приведённый нами выше (LXVII, 311–312). Хотя в данном случае принесение обета и молитва разделены значительным временным промежутком, мы считаем, что в этой просьбе следует видеть то ответное действие Бога, которое думал вызвать своим обещанием воин. Если применить к этой ситуации очерченный ранее ход мысли, сопровождавший, по нашему мнению, совершение обетного обещания, получим примерно следующую картину: *«Я обещаю Тебе никогда не отступить перед врагом. Но в жизни могут так сложиться обстоятельства, что одних моих сил будет недостаточно, чтобы исполнить этот обет. И тогда, я надеюсь, Ты поможешь мне, Боже, потому что я пообещал это Тебе, зная о том, что Тебе приятно взятое мной обязательство»*. Рыцарь действительно знал, что его воинская доблесть в борьбе с неверными приятна Богу: это знание, усвоенное им с молоком матери, составляло часть «жизненного мира» средневековых людей.

Общее содержание представленного образа мысли соответствует основным положениям христианской антропологии. В согласии с ними человек, обладая свободой воли, способен предпринимать доступные его природе действия. Но из-за ограниченности этой свободы их успешное завершение зависит прежде всего от абсолютной воли Всевышнего. «Ведь немощь наша, подвигаемая [на творение] добрых [дел], без Подателя благ не может ничего довести до конца», – с монашеским смирением констатирует Максим Исповедник (Сар. de car. II, 38) [9, с. 157].

Итак, обет, тождественный обещанию, был, если можно так выразиться, самой благочестивой разновидностью этого жанра. Она лучше всего отвечала той главной цели, с которой следовало совершать обет христианам. В идеале это коммуникативное действие должно быть результатом одного только «добраго изволения», не зависящим от давления каких бы то ни было внешних обстоятельств. Совершаемое из чистой преданности Богу, оно, так сказать, абсолютно безвозмездно. Обеты такого рода практиковались и в Древнем Израиле, но в культуре христианского Средневековья обрели законченную форму и получили наибольшее

распространение. При этом, однако, будет ошибкой думать, что на фоне рассмотренного обета-обещания классическая разновидность этого жанра имела сомнительную «репутацию». Переходя к обсуждению обетной структуры данного типа (*Если Ты (Бог) сделаешь $\rho 1$, то я сделаю $\rho 2$*), мы спешим подчеркнуть ее полную легитимность и активность в исследуемой культуре. Да, считалось, что лучше ничего не просить у Бога, а всецело полагаться на Его святую волю и промысел. Но «лучше» не значит «единственно правильно». Даже самые строгие, ригористически настроенные аскеты признавали, что иногда события в жизни смертных принимают такой экстремальный оборот, что люди начинают нуждаться в том, чтобы помощь Божия приняла самую конкретную форму. Для подобных случаев прежде всего и нужна была та разновидность обета, о которой сейчас идёт речь. Вспомним слова Максима Грека, который одобрял не только чистые обещания Богу, творимые «по доброму изволению», но также обеты, приносимые «в случае скорби или по желанию получить что-либо весьма полезное». Только порядок следования этих поводов говорит о мере их предпочтительности: святые вовсе не предлагают Господу договоров; менее совершенные прибегают к ним лишь в крайних ситуациях, вроде тяжёлой болезни или иной смертельной угрозы; еще более далёкий от христианского идеала рассчитывает получить нечто от Бога, движимый собственными желаниями.

Вне всяких сомнений, утверждению обета описываемого типа во многом способствовала его активность в Ветхом Завете, не говоря о том, что он был также распространён в древнеримской культуре. В этой связи мы сочли небезынтересным проследить реакцию средневековых интеллектуалов на шокирующе-одиозную историю в библейской Книге Судей. Еврейский военачальник Иеффай принёс в жертву Иегове свою дочь, к чему понудил его обет, данный им, когда он отправлялся на войну. Он обещал Богу в случае победы заклать первое живое существо, которое выйдет ему навстречу из родных ворот (Суд 11:30–40). Так вот ни Августин, ни упомянутый выше российский подвижник не осуждают поступок Иеффая, хотя и не одобряют его прямо. Пусть это деяние ужасно, но разве еврейский вождь не совершил его из совершенной покорности Иегове, разве Бог, для Которого нет ни будущего, ни прошлого, не подвёл его к этому по Своей собственной

воле, не связанной узами человеческой нравственности? (см. De civ. 1, XXI) [10, с. 38]. Максим Грек как идеолог монашества видит хороший знак в том, что преданная смерти дочь Иеффая сохранила девственность. И если умереть невинной было благом для нее, то это, надо полагать, служит сугубым оправданием священного убийства, исполненного по обету (см. XI) [2, с. 195]. Иначе считал выдающийся рационалист XI–XII вв. Пьер Абеляр, охарактеризовавший обсуждаемый поступок как «безрассудство» [11, с. 74]. Но Абеляр был подобен метеориту, влетевшему из Нового времени в чужую эпоху, дух которой воплотил его гениальный враг Бернар Клервосский, мистик-клерикал, идейный вдохновитель Второго крестового похода (1147 г.).

То, что идеология средневековой Церкви признавала обет во всех его жанровых вариациях, также подтверждают жизнеописания святых. Так, например, Григорий Богослов в своей поэтической биографии рассказывает о том, как однажды в юности он спасся во время шторма, «усмирённого святыми обетами» [4, с. 73]. Вспоминая своё обращение к Богу с тонущего корабля, он воспроизводит классическую обетную формулу: «Для Тебя буду я жить, если избегу двойной опасности (погибнуть некрещёным. – А. К.). Ты утратишь Своего служителя, если не спасёшь меня» [4, с. 430]. История донесла до нас завораживающие рассказы о том, как застигнутые опасностью или несчастьем приносили сходные обеты те, кому суждено было стать впоследствии великими деятелями Духа. Среди них родоначальник общинного монашества Пахомий (IV в.), который, поражённый милосердием христиан, пообещал Богу, что в случае своего освобождения (он был военнопленным) «станет рабом Его воли и будет служить людям» (цит. по: [12, с. 371]). Здесь же и Лютер, который, будучи молодым человеком, оказался во время ночного бурана в безлюдном поле, а также Амвросий Оптинский, подкошенный на заре своей юности внезапной болезнью¹. За своё спасение в этом мире названные люди предложили Творцу равновеликий дар – свою земную жизнь.

Между тем чаще, когда дело касалось не столь экстраординарных ситуаций, в качестве ответного действия представители изучаемой культуры обязывались предпринять паломничество к святыням, совершить какой-либо благотворительный акт и т. д. Кроме того, были нередки обетные посвящения детей: потенциальных,

если обет давался ради зачатия и успешной беременности, или уже рождённых, когда, например, над ними нависала смертельная опасность. Посвящённых младенцев с детства готовили к тому, что, достигнув совершеннолетия, они должны будут избрать путь духовного служения Богу и Церкви. Здесь же можно упомянуть особые рыцарские обеты, зачастую производившие впечатление игры. В настоящем случае мы имеем в виду не официальные институализованные процедуры, но произвольные акты, вроде описанных Хейзингой обещаний спать не раздевшись, смотреть одним глазом, воздерживаться от определённой пищи и т. д. [13, с. 111–112]. Направленные на то, чтобы стимулировать скорейшее осуществление задуманного, эти обеты обычно имели специфически римскую структуру: «Я делаю / сделаю $\rho 1$, и поэтому Ты сделай $\rho 2$ ».

Возвращаясь к обетной разновидности классического типа (*Если Ты (Бог) сделаешь $\rho 1$, то я сделаю $\rho 2$*), отметим, что, подобно обетам-обещаниям, сакральные перформативы этого вида могли сопровождаться молитвой – ключевым религиозным действием христианина. Специфичной для анализируемой разновидности обета была тенденция к сближению с клятвой. Наряду с обетом, клятва являлась чрезвычайно активным жанром в средневековой коммуникации, чем объясняются некоторые причины их взаимного тяготения. Но почему именно эта обетная структура могла становиться объектом такой контаминации? В поиске ответа на вопрос попробуем написать в контекст клятвы обет-обещание. Получается очевиднейший плеоназм: «Я клянусь, что обещаю сделать ρ ». Вместе с тем, применительно к обету классического типа аналогичная процедура может дать вполне правильное высказывание благодаря тому, что действие Бога и акт человека разьединены во времени: «Я клянусь, что если Ты сделаешь $\rho 1$, то я сделаю $\rho 2$ ». Таким высказыванием я словно заверяю Бога, что намерение, объявляемое мною в данный момент, пребудет в силе до тех пор, когда я буду обязан исполнить его после совершения Им первичного действия. Следует, однако, признать, что представленная конструкция обладает только формальной правильностью. Ведь, согласно христианскому богословию, для «Творца веков», пребывающего вне времени, нет ни прошлого, ни будущего. Его настоящее, говоря словами Петра Дамиани (XI в.), никогда не обращается в прошлое, равно как и не ограничивается бу-

душим: «Его сегодня ни во вчера, ни еще куда-либо с течением времени не переходит» (De omnip. Dei XV) [15, с. 389–390]. Поэтому Всевышнему всё ведомо «заранее», и заверять Его в чём-либо просто бессмысленно.

Тем не менее описываемая модель действительно использовалась, но в таком «развороте», что непосредственным адресатом клятвы, содержащейся в ней, являлся не всевидящий Бог, а человек. «Чем докажете вы это, Тристан? – спрашивает король героя знаменитого романа XII в. Тогда Тристан простирает руку в сторону часовни и клянётся, что если Бог поможет ему и благословит его, он сделает всё, что в его силах» [16, с. 172]. Совершая этот клятвенный обет, племянник Марка стремится к тому, чтобы уверить дядю в серьёзности своего намерения (отправиться в странствие по миру и найти ему подходящую жену). Но, будучи сакральным перформативом, данная клятва создаёт такое коммуникативное событие, в котором роль одного из его агентов принадлежит Богу. Как и в других подобных ситуациях, Всевышний выступает здесь в качестве свидетеля и гаранта исполнения обязательств, принимаемых на себя клянущимся. Не случайно Тристан сопровождает свои слова указанием на часовню, которая, как любой священный предмет, с позиции средневековой ментальности служила символом Божества. Жест героя знаменовал собой то, что он призывает Бога быть свидетелем и судьёй его клятвы. Но «привлечённый» на роль свидетеля Господь должен выслушать содержание клятвы, а им являлся опосредованный ею обет, ближайший адресат которого – Сам Всевышний. Таким образом, уверяя Марка, Тристан совершает действие, обращённое косвенно к Богу. Своим перформативом он пытается усилить впечатление серьёзности, которое должно произвести его намерение и на земного короля, и на небесного Царя. Он будто мысленно говорит Вседержителю: «Видишь, я настолько серьёзен, что дерзаю клясться Тобой, желая разделить с Тобой ответственность за успех моего начинания. Ибо хотя я намерен сделать всё, что в моих силах, его результат, в конечном счёте, будет зависеть от Твоего произволения».

От клятвенного обета в духе совершённого героем «Отрочества Гильома» оставалось несколько шагов до прямого вызова небу, откровенного богохульства, облечённого в сакральную форму. Эти духовные преступления, являвшие собой

предельную форму злоупотребления обсуждаемым жанром, были возможны только в свойственной Средневековой атмосфере «сгущенной» религиозности. Примером такого злоупотребления может послужить речевое действие, совершённое королевой Филиппой Геннегауской, героиней французского произведения «Le Vœu de Héron»:

Речь королева так вела им: из примет
Узнала плоть моя, дитя во мне растет.
Чуть зыблется оно, не ожидая бед.
Но я клянусь Творцу и приношу обет...
Плод чрева моего не явится на свет,
Доколе же сама, в те чужды земли вшед,
Я не узрю плоды обещанных побед;
А коль рожу дитя, то этот вот стилет
Жизнь и ему, и мне без страха пресечет;
Пусть душу погублю и плод за ней вослед!
(цит. по: [13, с. 111]).

Завершая рассмотрение структурно-семантических нюансов средневекового обета, еще раз отметим, что, если говорить в целом, «идеологию» данного жанра отличал приоритет экспрессивной задачи над договорной. Церковное учение об обете наложило след на его прагматическое устройство, «переместив» его в сторону ветхозаветного, а не древнеримского прообраза. При этом постулируемый приоритет вовсе не препятствовал широкому распространению таких обетных структур, в которых преобладало договорное начало. В качестве двух основных моделей названного типа мы выделили классическую древнееврейскую модель «Если Ты (Бог) сделаешь $p1$, то я сделаю $p2$ » и модель, чрезвычайно активную в древнеримской культуре «Вот я делаю / сделал $p1$, и поэтому Ты (Бог) должен сделать $p2$ ». Нередко опосредуемая другим коммуникативным действием – молитвой, эта формула приобретала новую тональность: высокомерное указание язычников сменялось в ней смиренной мольбой: *Молю Тебя, сделай $p2$ в ответ на моё действие $p1$* . Кроме того, мы показали, что обет в его классической ветхозаветной разновидности мог становиться объектом коммуникации с родственным ему сакральным перформативом – клятвой. Это вело к созданию сложных прагматико-семантических образований, также характеризовавших религиозный дискурс Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хотя этот великий подвижник жил в XIX в., но, как верно заметил А.Ф. Лосев, настоящий монах – всегда средневековый монах. Это тем более справедливо, когда речь идёт о русском провинциале времён крепостного права. Вот как сам

Амвросий позднее описывал свой обет: «Я разделался сильно болен. Надежды на выздоровление было очень мало. Почти все отчаялись в моём выздоровлении; мало надеялся на него и сам я... Я сказал: прощай, Божий свет! И тут же дал обещание Господу, что если Он меня воздвигнет здоровым от одра болезни, то я непременно пойду в монастырь» (цит. по: [14, с. 28]).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Карабыков А. В.* Система сакральных перформативов и их роль в культуре и жизни Рима I в. до н. э. – I в. н. э. // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия «Филология». 2009. № 11.
- [2] *Преподобный Максим Грек.* Духовно-нравственные слова. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.
- [3] *Мейстер Экхарт.* Духовные проповеди и рассуждения. СПб. : Азбука, 2000
- [4] *Григорий Богослов.* Собрание творений : в 2 т. Т. 2. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000.
- [5] *Феофилакт Симокатта.* История. М. : АН СССР, 1957.
- [6] *Гобри И.* Лютер. М. : Молодая гвардия, 2000. 513 с.
- [7] *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М. : Наука, 1986. 174 с.
- [8] *Песни о Гильоме Оранжском.* М. : Наука, 1985.
- [9] *Избранные творения преподобного Максима Исповедника.* М. : Паломник, 2004.
- [10] *Августин Блаженный.* О граде Божьем. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000.
- [11] *Абеляр П.* История моих бедствий. М. : АН СССР, 1959.
- [12] *Эксле О. Г.* Проблема возникновения монашества // Другие Средние века : к 75-летию А. Я. Гуревича. М. ; СПб. : Университетская книга, 1999.
- [13] *Хэйзинга Й.* Осень Средневековья. М. : Айрис-пресс, 2002.
- [14] *Игумен Андроник (Трубачёв).* Преподобный Амвросий Оптинский. Жизнь и творения. Киев : Изд-во им. святителя Льва, папы римского, 2003. 272 с.
- [15] *Пётр Дамиани.* О божественном всемогуществе // Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М. : Канон, 1995. С. 356–395.
- [16] *Средневековый роман и повесть.* М. : Художественная литература, 1974.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Анализируются репрезентации аксиологической ценности внешнего облика человека и его модной ипостаси в традиционных текстах – пословицах и поговорках русского народа. Показано, как в содержательной структуре этих текстов отражаются особенности восприятия внешности человека через разнообразные оценочные соотношения его внешнего и внутреннего облика, стремления к щегольству и образ жизни.

Ключевые слова: аксиология, лингвокультурология, паремии, внешний облик, мода.

Известно, что понятия, наиболее важные для конкретного лингвистического сообщества, репрезентированы в языке разнообразными средствами. Это и синонимические средства языка, и паремии, и фразеологизмы, и другие устойчивые словесные комплексы, в которых выражено то или иное понятие, раскрыты его различные грани, эксплицировано оценочное отношение к нему человека.

С тем чтобы более полно представить «народное мнение» о предмете нашего исследования – аксиологической сущности внешности человека («внешний человек») в русской языковой картине мира, мы обратимся к паремиологическому фонду русского языка, почерпнутому из сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля [1].

Пословицы и поговорки наиболее отчетливо и, вероятно, достаточно полно фиксируют особенности менталитета народа, дух нации (по В. Гумбольдту), что объясняется, во-первых, их известной прецедентностью и, во-вторых, их целостностью, легкой воспроизводимостью в коммуникации: пословицы и поговорки – это «готовые» к употреблению самостоятельные тексты. Так как пословицы и поговорки отличаются регулярностью употребления, можно заключить, что в них действительно выражены наиболее актуальные понятия, суждения их носителей. Пословицы и поговорки – это зеркало, отражающее состояние общества на том или ином этапе его развития, фиксирующее его быт, нравы, традиции. Многие ученые (см., напр.: [2, с. 3–4; 3, с. 154–161; 4, с. 73–75]) отмечают, что пословично-поговорочные высказывания – это *суждения* людей; объектом же суждений и рассуждений становятся наиболее *важные* темы жизни конкретного социума в конкретных обстоятельствах его существования.

В.Н. Телия считает пословицы «мощным источником интерпретации, поскольку они есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в синтаксической форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [4, с. 241].

Н.Н. Панченко справедливо отмечает: «В паремиях, наряду с общечеловеческим, выражается характерное и специфическое для данной лингвокультурной общности, т. е. то, что принято называть “душой народа”, национальным характером. Паремии есть культурный код, встроенный в язык, который выполняет роль сокровищницы и орудия передачи человеческого опыта» [5, с. 26].

Как языковые знаки ситуаций пословицы и поговорки выполняют кумулятивную функцию. Они, согласно утверждению О.А. Дмитриевой, «вызывают в сознании носителей языка определенную сумму сведений, которая, с одной стороны, определяет логическую конструкцию выражения, а с другой – обуславливает границы употребления данного выражения, связь с определенными жизненными ситуациями, явлениями истории и культуры народа» [3, с. 67].

В иерархии человеческих ценностей важное место занимают представления о наиболее типичном для этноса телесном (внешнем) облике индивида. В связи с этими представлениями выделяется понятие «этнический телесный образ». Это «представление о внешнем облике человека, о его телесной выразительности, типичной для данного этноса, и о поведении этого человека» [6, с. 49].

Лингвокультуролог В.М. Богуславский определяет национальный образ внешности как «один из наиболее значительных фрагментов в картине национального самосознания и языковой картине мира. Этот феномен основывается на национальной психологии, культуре, является результатом социально-исторического развития, формируется под прямым воздействием геоклиматических условий существования нации. Он воплощает взгляд на личность на различных этапах ее исторического развития» [7, с. 216].

В русской наивной (языковой) картине мира воплощено это обыденное представление о типичном (национальном, русском) внешнем облике человека – женщины и мужчины. Пословицы и поговорки полны оценочных суждений. Известно, что оценка бывает положительной, отрицательной и амбивалентной. Под оценкой мы вслед за М.А. Ягубовой понимаем «разнообразные логические или эмоциональные реакции человека на познавательную действительность, возникающие при сравнении ее с идеализированной моделью мира» [8, с. 134–135]. Приведём также знаменитое высказывание Е.М. Вольф: «Оценка – это суждение о ценностях» [9, с. 6]. Иными словами, оценка – это выражение говорящим или пишущим своего отношения к тем или иным жизненным ситуациям.

Русский человек в первую очередь отмечает какой-либо недостаток в человеке, его внешности: *Хорош, пригож, на лиху болезнь похож; Такая красава, что в окно глянет – конь прынет; На двор выйдет – три дня собаки лают.* Отметим, что

иронических устойчивых высказываний о внешности человека в русском языке значительно больше, чем безусловно положительных. В то же время красота лица в языковой ментальности не главное достоинство человека: *Личиком беленок, да душой черненок; Басок, да червоват; С лица воду не пить.*

Народно-поэтическая традиция соотносит требования идеальной внешности с положительными внутренними качествами, душой. Внешняя красота сама по себе не связана в народном самосознании с безусловно положительной оценкой. Традиционным является противопоставление и сопоставление внешнего и внутреннего, тела и души. Между внутренними и внешними качествами человека устанавливаются следующие виды отношений: (а) гармоничные со знаком «плюс» (безусловно положительная оценка); (б) внутреннее в человеке превосходит по своим качествам внешнее (положительная оценка); (в) прекрасному внешнему не соответствует внутреннее (отрицательная оценка); (г) внешние качества и внутренний мир гармонируют, но со знаком «минус» (безусловно отрицательная оценка):

(а) *И в лице – душа, и душа хороша; Справна баба и хозяйством, и лицом; И сам сокол, и делом справен,*

(б) *Рожа кривая, да совесть прямая; Хоть телом не видна, да на деле могушна; У кривого один глаз, да видит больше нас;*

(в) *Собой краса, да не по красаве слава; Лицом хорош, да душою непригож; Облицье соколье, а смельство воронье;*

(г) *У худой рожи худой и обычай; Ногами хром, а душою крив; Нос крив, и нрав не прав.*

Отметим общие особенности восприятия внешности человека в отношении к его внутренним личностным качествам, обратимся к анализу оценочного отношения к феномену моды, отражённому в русской пословичной картине мира. Несмотря на кажущуюся современность феномена моды, понятие о нем давно и прочно обосновалось в русской лингвокультуре. Сплошная выборка из словаря пословиц и поговорок русского языка В.И. Даля позволила составить корпус паремий, содержащих признаков отношения к моде и включающих лексические компоненты, относящиеся к сфере моды. Признак отношения к моде ниже будет охарактеризован прежде всего с точки зрения оценки, которая выражена в соответствующих паремиях.

Следует отметить, что не всегда конкретную пословицу или поговорку можно

толковать однозначно. На это указывал еще В.И. Даль [10, с. 12]. Хотелось бы также сказать о том, что нередко пословицы и поговорки дают прямо противоположные рекомендации и оценки. Так, А.М. Жигулев пишет: «Порой одна пословица утверждала какое-либо положение, а другая это положение отвергала» [2, с. 12]. Это противоречие объясняется, по его мнению, особенностью самого жанра: пословицы и поговорки обычно применяются к какому-то определенному случаю, и для разных случаев есть свои варианты [2, с. 16]. Добавим от себя, что в пословицах отражены как противоречивые представления о предмете оценки, который может обладать неоднозначными, порой взаимоисключающими признаками и свойствами, так и противоречивое отношение говорящих к этому предмету. Как считает В.Н. Телия, противоречивость утверждений, содержащаяся в паремиях, допустимо объяснить также тем, что «язык может отражать и доминирующие в той или иной культурной среде и в то или иное социальное время факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания» [4, с. 235]. Иначе говоря, пословицы создаются в разных социальных группах; они по-разному могут и истолковываться. Еще один исследователь, Е.В. Бабаева, разделяя суждение В.Н. Телии, высказывается в том же духе. Парадоксальность паремий, по мнению Е.В. Бабаевой, можно объяснить «неоднородностью субъектов, выступающих в качестве носителей оценочных норм, наличием различных мотивировок оценки и оценочных стереотипов» [11, с.157].

Нами выделены следующие группы паремий, объективирующих связи концепта *мода* с разнообразными внешними признаками человека и его образа жизни:

1) соотносится с понятием **голод**: *модная три дня сидит голодная; сапожки под скрыпом, а каша без масла; камзолы зеленые, а щи не соленые; в брюхе солома, а шапка с заломом; кафтан (сапог, лапоть) каши просит (т. е. разорван); в брюхе хоть щелк, да на брюхе шелк; щеголял смолоду, а под старость умирает с голоду; дома – щи без круп, в людях – шапка в рубль;*

2) является причиной **бедности**: *гол, да в шляпе, – тот же шляхта; полог браный, да весь драный; всякого нищего не перещеголяешь; фата коноватна, а голь перекатна; слуги в шелках – бояре в долгах; чулки новы, пятки голы; хоть голо, да щепетко; ковры семи шелков, а рубаха и не прядена; живем в неге, а ез-*

дим в телеге, на плечах блестит, а в карманах свистит; лапти дырявы, да оборы долги.

3) скрывает или подчёркивает **физические недостатки щеголя**: *не гляди на ватолу (чем воз покрыт), а гляди под ватолу; щеголь, да ноги коровьи; лбом красится, а затылок вши едят; как смерд ни нарядится, а кус дерьма на себе унесет; рожей поддулял (дурен), так запонкой взял; наряд соколий, а походка воронья; и толста, и пестра, а рыло свиное;*

4) делает человека **смешным, причиняет неудобства**: *он в перчатках моется (говорится о щеголе); хоть жмут – да коты, просторны – да лапти; холодно (худо тому), на ком платье одно; а и двое, да худое, не лучше (не теплее) того; сторожковая да колотковая, а греет не хуже собольей (т. е. шуба собачья, кошачья); ненадолго шути хохол: ходя стрясет; пронести шляпу на ухе (пройтись щеголем); курочка Ивашка о семидесяти рубашках: ветер дунул – и зад знать; оделся клушей, окутался кувалдой: бабьи рубашки те же мешки: рукава завяжи да что хошь положи; наряжается, что баба на Юрья; пряжки с искорками, да вон повыскакали; сапог не ломает, чулок не марает (щеголь); стрижена борода, подпаленный ус; растегаем оделся, да шлык набекрень;*

5) свидетельствует о **богатстве, социальном статусе человека**: *погодье вольно, у кого шуб довольно; широко рукава, видно, что с Трубецкого двора; наш чин не любит овчин; по платью видят, кто таков идет; сударь не сударь, а пуговики лоснятся;*

6) не может скрыть **истинную сущность человека**: *свинья в золотом ошейнике все свинья; в нынешних обрядах и фофаны в нарядах; по моде и мышь в комоде; есть шуба и на волке, да пришита; наряди пня, и пень хорош будет; сорока в платье, ворона в платье, будет платье и на нашей братье; корова в рогоже, да всех дороже; масляна головка (щеголь) – отцу-матери не кормилец; в рогожу одеться – от людей отречься; хоть дурень, да фигурен; в долгом платье, да в коротком разуме.*

Заметим, что в рассмотренных пословицах и поговорках, судя по их составу, выражено отношение к моде, щегольству главным образом российских крестьян. Укажем также, что большинство паремий возникло не сегодня, а много десятилетий тому назад, о чем свидетельствуют устаревшие лексемы, в них употребляемые.

Аксиологическая шкала восприятия внешнего облика человека характеризуется национально-культурной спецификой, с одной стороны, и индивидуальными коннотациями – с другой. Представления об идеальном облике, конечно, меняются со временем, но в языке современные и архаические представления о внешности человека сосуществуют. В пословичной картине мира репрезентирована народная эстетика, которая базируется, на наш взгляд, на древнерусской эстетике, легкой в основу русской эстетической мысли, в качестве основных характеристик природной красоты человека признававшей величину, высоту, округлость, «искусную сделанность», выделенность в пространстве (Иларион, Кирила Туровский, игумен Даниил). В эстетическом сознании русского человека видное место занимает нравственная красота (гармоничное сочетание положительных внешних и внутренних качеств как единство внешней и внутренней красоты; известны соответствующие этому идеалу положительные образы народных героев (былинных богатырей, князей, царевен, сказочных героев).

В русской пословичной картине мира концепт мода (мода – часть эстетики) имеет в основном отрицательно-оценочное преломление, излишнее увлечение модой, нарядами не поощряется. Об этом свидетельствует большое количество паремий, в которых выражен данный признак отношения к моде и щегольству. Мотивировкой здесь выступает то, что на следование моде, на одежду тратится много средств, что, в свою очередь, становится причиной бедности и голода. С одной стороны, человек за одеждой пытается спрятать свои недостатки, с другой – одежда, мода могут сделать его смешным и уродливым. В подобном отношении

объективированы как в словесном составе, так и содержательно, на наш взгляд, сущностные когнитивные признаки концепта мода – ее *изменчивость, сменяемость, непостоянство*, в то время как в традиционной культуре ценятся прямо противоположные качества: постоянство, верность культурной многовековой традиции, нерушимость законов, установленных предками.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957.
- [2] *Жигулев А. М.* Сокровища мудрости народной. // Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А. М. Жигулев. 3-е изд., испр. и доп. Устинов, 1986. С. 3–20.
- [3] *Дмитриева О. А.* Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов. // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996.
- [4] *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- [5] *Ланченко Н. Н.* Национально-специфическая интерпретация понятий «обман» / «ложь» в паремиологическом аспекте // Языковая личность: вербальное поведение : сб. науч. тр. Волгоград : РИО, 1998. С. 26–30.
- [6] *Яременко С. Н.* Внешность человека в культуре. Ростов н/Д : Ростов. ун-т, 1992.
- [7] *Богуславский В. М.* Словарь оценок внешности человека. М.: Космополис, 1994.
- [8] *Ягубова М. А.* Оценки и эмоции // Язык и эмоции : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1995. С. 133–142.
- [9] *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 226 с.
- [10] *Даль В. И.* Напутное // Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : сб. : в 2 т. СПб. : Литера, Виан, 1997. Т. 1. С. 5–26.
- [11] *Бабаева Е. В.* Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград : Перемена, 1997. 21 с.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ТОНАЛЬНОСТИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается коммуникативная категория тональности в рекламном дискурсе. Предлагается диахронический подход: типология тональностей строится на различных этапах функционирования рекламы. Выявляется динамика функционально-стилевых характеристик вербализации данной категории в качественном и количественном аспектах.

Ключевые слова: категория тональности, типология тональностей, рекламный дискурс.

Коммуникативная лингвистика, т. е. лингвистика, изучающая способы взаимодействия участников общения, широко использует категорию коммуникативной тональности. В работах отечественных ученых тональность понимается как разновидность субъективной модальности [1]; как эмоциональная окраска речи, которая может быть торжественной, нейтральной, нейтрально-обиходной, вульгарной и др. [2]; как установка в общении – тональность восприятия, готовность понимать информацию в заранее заданном формате [3]. В модели коммуникации Д. Хаймса тональность рассматривается как составляющая коммуникативного события (дискурса) и трактуется как тон или способ общения (цит. по: [4]). Таким образом, можно утверждать, что тональность выступает как необходимое условие способа организации коммуникации и представляет собой важный аспект исследования в дискурсивной парадигме. Мы определяем тональность как «голос» говорящего в дискурсе, который передает его субъективное отношение к предмету речи и партнеру по коммуникации и интерпретируется слушающим с учетом лингвостилистических, синтаксических и грамматических средств, используемых для передачи сообщения.

Выбор говорящим тональности общения, устойчивость и вариативность ее основных видов определяется рядом факторов: типом дискурса, условиями коммуникации, характером взаимодействия между участниками общения, интенциями говорящего, дискурсивными практиками социума, отношением к данному виду дискурса со стороны агентов, т. е. интерпретирующих субъектов, динамическими процессами в реализации форм убеждения и др.

Исследования данной коммуникативной категории ведутся в плане выявления таксономии всех возможных тональностей и описания средств их стилового выражения в различных типах дискурса. Установлено, что некоторые дискурсивные образования обладают широкой палитрой коммуникативных тональностей (бытовой дискурс, виртуальный дискурс); в институциональных типах дискурса коммуникативная роль адресата, как правило, накладывает ограничения на способ выражения интенций. Единый континуум рекламного общения представляет собой систему подвижных и изменчивых форм речевого поведения, мгновенно реагирующих на любое изменение в структуре социального взаимодействия.

Особый интерес для исследователя представляют динамические процессы в способах общения партнеров по коммуникации в ходе

становления и развития институциональных типов дискурса. В фокусе нашего внимания находится анализ тональных характеристик рекламного дискурса на различных этапах его функционирования. Современный рекламный дискурс как тип институционального общения обладает достаточно вариативной системой тональностей, что является результатом его внутреннего развития и воздействия ряда экстралингвистических факторов. В процессе эволюции рекламы, ее трансформации в форму социальной коммуникации и усложнения репертуара рекламных функций спектр тональностей рекламы расширился и приобрел новые оттенки, что делает важным проследить динамику данной коммуникативной категории и вариативность средств ее выражения в историческом ракурсе. В качестве основных типов в рекламе мы предлагаем выделить информативную, фатическую (в ее шутовой, юмористической и других разновидностях), фасцинативную и статусную тональности и рассмотреть их с точки зрения значимости на том или ином временном отрезке дискурса. Материалом нашего исследования послужили печатные рекламные тексты, опубликованные в газетах *The Times* с 1788 по 2010 г., *The Graphic*, *Penny Illustrated News* – с 1800 по 1900 г. и других современных печатных периодических изданиях.

Принято считать, что текст выполняет информативную функцию, если говорящий/пишущий дает реципиенту понять, что в его коммуникативное намерение входит передача информации. Как известно, информативная тональность определяется как серьезное нейтрально-эмоциональное общение, целью которого в рекламе является одностороннее информирование адресата, к основным признакам которого относятся: перформативность, однозначная интерпретация текста адресатом; заданность смысла; кооперативность общения, соответствующая максимуму Грайса. Содержательные аспекты информации в рекламном тексте касаются: утилитарных характеристик и свойств товара/услуги (цена, качество, условия продажи, скидки, состав и др); места продажи товара/услуги; процесса использования товара/услуги, результатов использования товара/услуги.

Тексты, интерпретируемые адресатом в информативной тональности, являются широко распространенными в рекламе на всех этапах ее развития. В информативной тональности интерпретируются декларативные предложения и личные фор-

мы глаголов в изъявительном наклонении, которые служат лингвистическими маркерами информативной тональности на протяжении всего периода ее существования. Ранним примером является рекламный текст производителя печей и решеток для камина *Langmead*: *'His patent range contains an oven, and coppers, both heated by the same fire'* (*The Times*, Febr. 16, 1780). Грамматическое время является признаком, дифференцирующим информацию и обещание, высказывания в настоящем времени обозначают факты или привычные действия и являются информативными, равно как и описания результатов использования товара, например, *Chio Paste* *'it imparts a genial nourishment to the skin; renders it finely smooth and white'* (*The Times*, Apr. 16, 1788). В 1996 г. рекламный текст витаминов *Centrum* сообщает: *Centrum contains 29 vitamins, minerals and micronutrients, with more essential vitamins and minerals at 100 % EC RDA* (*The Times*, July 15, 1996). Типичными маркерами информативной тональности в англоязычной рекламе в конце XVIII – начале XIX в. выступали перформативные глаголы, такие как *inform*, *announce*, *acquaint*, *invite*. Например, владельцы лотереи *Galley and Deardmore* *'think it a duty incumbent on them to inform the Public, that by the late Lottery Act, no shares of tickets, English or Irish, are legal without duly stamp by the Commissioners of the Stamp Office in London'* (*The Times*, Oct. 20, 1788). Анализ практического материала показывает, что перформативы содержатся приблизительно в третьей части текстов с 1788 по 1825 г. Глагол *acquaint* встречается в нашей выборке текстов этого периода 97 раз и в целом ограничен данными временными рамками. Доминирующими являются глаголы *announce* и *inform* – 231 и 490 случаев употребления соответственно. Во второй половине XIX в. количество перформативных глаголов в рекламе значительно возрастает, и доминирующие позиции занимают глаголы *inform* (978 употреблений), *announce* (1050) и *invite* (853). Данный факт, вероятно, объясняется господствовавшим в то время отношением общества к рекламе. Как отмечает И. Тернер, хвастливая тональность и призывы к покупке вызывали отрицательную реакцию аудитории, и рекламодатели пытались защитить свою репутацию, делая акцент на фактуальной информации [5]. Резкое снижение числа перформативных глаголов в начале XX в. (приблизительно в 5 раз) объясняется ростом производства и

переходом в разряд потребителей широких слоев населения. Этот период отмечен возникновением современного формата рекламного текста, в котором внешняя текстовая рамка сигнализирует о текстовой функции. Изменения в композиции рекламного текста, процесс институционализации рекламы и ее превращение в инструмент маркетинга ведут к расширению репертуара тональностей, которые будут рассмотрены ниже.

Статусная тональность, под которой обычно понимают вариативное динамичное общение с целью обеспечения комфортного диалога, в ранней рекламе XVIII – начала XIX в. проявляется как подчеркнутая демонстрация превосходства адресата, что выражается в использовании стратегий негативной вежливости, например: *Greenwood; Pringle and CO. most respectfully inform the Nobility; Clergy and Gentry of Gloucestershire, that the Map of that County is now Published* (The Times, Febr. 10, 1825). Использование данной стратегии обусловлено относительно высоким социальным положением потенциальных потребителей. В связи с тем, что доход большей части населения был невысоким и «даже увеличение заработной платы не способствовало значительному улучшению уровня жизни из-за относительно высоких цен на продовольствие до середины XIX века» [6], всего лишь небольшая часть населения могла позволить себе потреблять товары не первой необходимости. Статусная тональность в ранней рекламе проявляется в использовании перформативов, форм обращения, адресованных во многих текстах высшему классу. Так, *Philip Day*, производитель зеркал, использовал в своих текстах обращение *Noblemen and Gentlemen* (The Times, Oct. 16, 1788). В обращения также включалась массовая аудитория: например, *Snuggs and Co.* сообщает “*their friends, the Nobility, the Gentry and the Public*” о своем вновь открывшемся складе (The Times, Dec. 16, 1788). Цель обращения состоит в том, чтобы польстить рядовым членам общества, позиционируя их в одном ряду с представителями высших классов. Так как в XIX в. потребление стало рассматриваться как статусный показатель [7], потенциальные потребители интерпретировали такое обращение как знак социального продвижения, которого они могут достичь, покупая рекламируемые товары или услуги. Лесть и иллюзия социальной мобильности через потребление предполагает, что широкое использование стратегий вежливости явля-

лось не только следствием соблюдения социальных норм, но и дискурсивной стратегией. Данная тенденция характерна и для современной рекламы, когда товары, символизирующие высокий социальный статус, предлагают купить в кредит, например:

It's rare to wear a Rolex without attracting any interest.

People will always notice the classic shape of a Rolex on your wrist.

They recognise it instantly and it says a lot about the type of person you are.

In fact, the only time it won't attract any interest is when you buy one from us at watches of Switzerland.

That's because our entire range is available on Interest Free Credit...

(Hello, 1997).

Текст утверждает, что *Rolex* носят только преуспевающие люди. Местоимение *their* содержит импликацию, что, выбирая часы, британцы делают однозначный выбор в пользу *Rolex*, символизирующих успех. Статусная тональность в современной рекламе передается признаками разного порядка, что позволяет адресовать текст некоторой целевой группе, и соотносится с разнообразными формами социальной идентичности. К данным признакам относятся: 1) семиотические (вербальные: риторические фигуры, игра слов; невербальные: образно-стилистические: стилистический тип – комиксы, стиль художественного фото и т. д.); 2) тип реализации текстовых действий (вербальный: аргументативные модели, стратегии убеждения; семиотический: способы визуализации); 3) семантические (содержание); 4) когнитивные (обращенность к социокультурным знаниям целевой группы). Так, товары класса люкс, предназначенные для потребителя с высоким социальным статусом, рекламируются с использованием книжной лексики, слов иностранного происхождения, сложных синтаксических конструкций:

The essence of travel

On departure, the heady scent of anticipation and the lure of a fresh destination. Once aboard the delicious frisson as time begins to slow down...

(The Illustrated London News, Summer Issue, 1998).

Присутствие в рекламных текстах разговорной, сниженной лексики, сокращений, сленга, разговорной оценочной лексики, орфографических отклонений в написании слов интерпретируется адресатом рекламы как голос старого друга (подруги) и указывает на адресата среднего и ниже среднего классов, например:

Kwik save. Great value. Low prices always (The Sun, 7 Aug. 1997).

Основной характеристикой фасцинативной тональности является ориентация на форму речевого поведения, целью которого является получение удовольствия. Фасцинативное восприятие представляет собой эстетическое переживание, применительно к рекламному дискурсу данный вид тональности проявляет себя в использовании рифм, параллелизма, аллитерации, т. е. лингвостилистических приемов, формирующих просодический аспект дискурса, тесно связанный с его формой.

Формирование фасцинативной тональности в рекламном дискурсе начинается в конце XIX в., который, как отмечалось выше, считается поворотным пунктом в истории рекламы и связан с появлением нового формата рекламного текста. В качестве основных средств реализации данного типа тональности выступают параллельные конструкции, аллитерация, рифма. Интересно отметить, что число параллельных конструкций на рубеже веков достигает максимального значения. В нашей выборке 1896 г. количество рекламных текстов, содержащих полный и частичный параллелизм, – 21,7 % и 16,7 % соответственно. См., например: *HIERATICA What is it?*

Hieratica – It is the best Note Paper of the day

Hieratica – It is the Ancient Writing Paper of the Priests

Hieratica – It is delightful to write upon

Hieratica – It is the best Note Paper of the day

Hieratica – It is the best Note Paper of the day

Hieratica – It is to be suitable for sermons...

(The Times, March 3, 1896).

В отличие от текстов XVIII–XIX вв., параллелизм в которых встречается редко и носит, скорее, случайный характер, использование параллельных конструкций в этот период выражает интенцию адресанта, направленную на установление контакта с адресатом рекламы и привлечение его внимания. В 1917 г. количество конструкций полного и частичного параллелизма было примерно одинаковым и составляло 11,6 и 13,3 % соответственно. В последующие периоды отмечается значительное преобладание структур с полным параллелизмом: 1937 г. – 15 % против 3,2 %; 1956 г. – 13,3 % против 3,2 %; 1996 и 2005 гг. – 15 % против 2,2 %, что, вероятно, свидетельствует об их большем воздействующем потенциале.

В начале 1950-х гг. меняется качество параллельных конструкций, так как на смену семантическому повтору, типичному для первой половины XX в., приходят структурные параллельные конструкции, которые используются в целях создания семантического контраста. Например, в рекламном тексте 1917 г. читаем: *Absolute comfort, good cuisine, all modern requirements* (The Times, May 5, 1917). Частичный синтаксический параллелизм используется для перечисления преимуществ, предлагаемых посетителям отеля. В заголовке рекламного текста, предлагающего компьютеры *Dell*, видим: *High Spec, low prices* (The Times, May 15, 1996). Адресат интерпретирует данный заголовок в том плане, что высокое качество и низкие цены не исключают друг друга. Перлокутивный эффект усиливается за счет того, что параллельные структуры помещаются в заголовки и слоганы, способствуя таким образом привлечению внимания, в отличие от рекламных текстов XVIII–XIX вв., когда они располагались главным образом в основном тексте.

В XVIII–XIX вв. рифма встречается в основном тексте; ее использование, так же как использование параллельных конструкций, является ненамеренным. В 1930-е гг. рифмы намеренно помещаются в более заметные позиции текста – заголовки и слоганы, где они привлекают внимание, например: *Don't be vague ask for Haig* (The Times, Jan. 1, 1937). В конце XX в. компания *Bosh* использует заголовок: *Bosh for less Dosh* (The Times, Dec. 2, 1996); *Dine for nine* (The Times, March 12, 2010). В рекламном тексте авиакомпании *Lufthansa* рифма используется в основном тексте:

First to bring broadcast internet to your seat.

First to give you access to your network in flight.

First to let you follow your team at 35.000 feet.

(The Times, Nov. 25, 2005)

Следует отметить, что данный пример находится в русле общей тенденции функционирования фасцинативной тональности рекламы, наметившейся во второй половине XX в. и выражающейся в комбинации нескольких лингвостилистических средств в рамках одного рекламного текста. Так, помимо рифмы, в нашем примере используются параллельные конструкции в сочетании с лексическим повтором и аллитерацией, что является качественным сдвигом в использовании лингвостилистических средств. Эк-

вивалентные фонологические и грамматические позиции, занимаемые номинативными группами *your seat; your network in flight; your team at 35.000 feet*, акцентируют возможность с пользой провести время в полете, не теряя связи со своими партнерами, коллегами и т. д.

В XX в. значительно возрастает количество случаев использования аллитерации как лингвостилистического средства выражения фасцинативной тональности. В 1937 г. по сравнению с XVIII в. их число увеличивается в четыре раза, а в 1956 г. – в пять раз. В 1980 г. аллитерация присутствует в четверти всех рекламных текстов. Например, *Yardley Lavender* сообщала, что их духи “*Makes you feel so fresh and feminine*” (The Times, June 4, 1956). В конце XX в. использование аллитерации резко сокращается: в 1996 г. данный прием встречается только в 5 % рекламных текстов. Вместе с тем меняется качество аллитерации, так как эффект воздействия этого стилистического приема усиливается за счет сочетания нескольких приемов аллитерации и их комбинирования с другими стилистическими приемами. Магазин *Sainsbury's* в заголовке *Sparkling savings* (The Independent, Nov. 28, 2005) сочетает аллитерацию и игру слов. Прилагательное *sparkling* имеет значение *very lively and interesting*. В рекламе, предлагающей средства *Domestos* и *Persil*, данное прилагательное приобретает контекстуальное значение сияющей чистоты. Примеры показывают, что аллитерация, так же как и рифма, начинает занимать наиболее заметные позиции в тексте, а именно заголовки и слоганы. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время.

Насыщение коммуникативного пространства, связанное с развитием средств массовой коммуникации и массового производства, расширение потребительских рынков способствовали возникновению развлекательной функции рекламы и возрастанию роли ее игровой составляющей, что находит отражение в использовании фатической тональности, целью которой является установление контакта и сокращение социальной дистанции между участниками коммуникации. Выступая в различных частных разновидностях доверительной, шуточной, юмористической, иронической тональностей, данный тип характеризуется неоднозначностью, открытостью смысла и, как следствие, усилением интерпретативной активности адресата. Доверительная тональность как частный тип фатической тональности появляется в рекламе в первой половине

XX в. и характеризует отношения участников коммуникации как равные в отличие от рекламы XVIII–XIX вв., подчеркивающей статусное превосходство адресата рекламы. Например, текст, предлагающий автомобиль *Daimler*, предполагает тесные отношения между коммуникативными партнерами, поскольку адресант претендует на знание не только желаний клиента, но и его чувств, что является проявлением близких дружеских отношений: *You want to look ahead, to the time when the first novelty of your latest acquisition has worn off. After years of exacting service a Daimler is still a car you will be very proud to own* (The Times, March 24, 1937).

Шутливая тональность в рекламе отмечается нами уже на рубеже XIX–XX вв., но ее системное использование начинается лишь в 1950-е гг., и к концу XX в. она становится одним из ведущих типов тональностей в рекламе. Так, в 1956 г. каждое четвертое рекламное объявление в газете *The Times* содержало лингвистическую шутку, а в 1996 и 2005 гг. – каждое второе. Активная роль в формировании шуточной тональности принадлежит языковой игре. В период с начала XX в. до середины 1950-х гг. языковая игра была связана с информативным аспектом, нацелена на передачу многопланового смысла и создание положительного образа товара. Шуточная тональность в рекламе отмечается нами уже на рубеже XIX–XX вв., но ее системное использование начинается лишь в 1950-е гг., и к концу XX в. она становится одним из ведущих типов тональностей в рекламе. Так, в 1956 г. каждое четвертое рекламное объявление в газете *The Times* содержало лингвистическую шутку, а в 1996 и 2005 гг. – каждое второе. Активная роль в формировании шуточной тональности принадлежит языковой игре. В период с начала XX в. до середины 1950-х гг. языковая игра была связана с информативным аспектом, нацелена на передачу многопланового смысла и создание положительного образа товара, например: *Cyma Watches '100 shocks a day for 50 years'* (The Times, June 3, 1956) не передает дополнительную информацию о товаре. Основное значение существительного *shock* – ‘*sudden upsetting or surprising event or experience*’ не имеет отношения к товару. Текст актуализирует значение *a violent shaking movement*, сообщая читателю, что *Cyma watch has been tested with as many as two million blows- equal to 100 falls daily from table to floor for 50 years*. Тем не ме-

нее, заголовок несет эмоциональную нагрузку, вызывающую интерес адресата.

В конце XX – начале XXI в. значительно возрастает число текстов, использующих шутливую тональность, основанную на интерперсональной функции языка. В реализации данной тональности используются семиотические невербальные средства. Так, например, рекламный текст смартфона *Nokia 7710* содержит заголовок: *Definitely not for the narrow-minded* (The Times, Nov. 25, 2005). Прилагательное *narrow-minded* имеет значение *disliking or not interested in ideas or cultures different from your own*. Форма рекламируемого смартфона отличается от привычного для многих людей мобильного телефона и вызывает ассоциации с прилагательным *broad* и далее, через интерпретацию заголовка с прилагательным *broad-minded*, означающим *willing to accept many different types of behaviour and not easily shocked*. Идея того, что телефон предназначен для людей, открытых инновациям и техническому прогрессу, следующих тенденциям моды, передается при помощи языковой игры. Следует отметить, что ассоциации с прилагательными *broad* и *broad-minded* поддерживаются визуально изображением предлагаемого товара. В ироничной тональности интерпретируется следующий текст, предлагающий ипотечное кредитование. Рекламодатель подчеркивает уникальность своего предложения, сравнивая его с шансом стать свидетелем того, что англичанин выиграет теннисный турнир в Уимблдоне:

A mortgage rate like this appears as rare as an English Wimbledon Champion.<...> It's possible you'll witness an English Wimbledon Champion in your life time. But a mortgage rate as good as this? We fear you won't see it like again (The Independent, June 30, 1997).

Таким образом, можно сделать вывод, что вариативность тональности как коммуникативной категории рекламного дискурса является ситуативно- и культурно обусловленной. Динамика коммуникативной тональности в рекламе связана с расширением рекламных функций, позволя-

ет проследить меняющийся характер взаимоотношений участников рекламной коммуникации и способов воздействия на адресата рекламы. Типы тональностей обнаруживают качественные и/или количественные характеристики, обусловленные меняющимися условиями коммуникации, усложнением воздействующей коммуникации, что приводит к расширению репертуара тональностей в рекламе.

Информативная тональность является инвариантной для рекламного дискурса, ориентирует адресата на восприятие сообщения в прямом смысле и согласуется с Принципом кооперации Грайса. Результатом усиления роли воздействующей функции в условиях насыщенного коммуникативного пространства, возрастающей конкуренции в условиях массового производства является использование фацингативной и фатической тональностей в их разнообразных видах и смысловых оттенках, что проявляется в выборе адресантом различных функционально-стилевых средств, в том числе и языковой игры. Менее важное место в современной рекламе занимает статусная тональность, в которой дифференцированное и вариативное выражение получает социальная идентичность. Изучение типов тональностей и их модификаций в различных видах дискурса позволяет построить более полную модель общения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Баранов А. Г. Динамическая стилистика (контекстуализм VS актуализм) // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994. 22 с.
- [2] Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации. Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С. 255–273.
- [3] Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007. 386 с.
- [4] Schiffrin D. Approaches to Discourse. Blackwell Publishing, 2003. 142 p.
- [5] Turner E. S. The Shocking History of Advertising. Harmondsworth, 1965. P. 52–55.
- [6] More Ch. The industrial age: economy and society in Britain, 1750–1985. London, 1989. P. 97–99.
- [7] Воськов Р. Consumption. London, 1993. P. 15–16.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ТУЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Рассматривается диалектная лексика, бытующая на территории Тульского региона. Эти лексические единицы пока еще не получили достаточного научного описания. Анализируются семантические диалектизмы, и предпринимается попытка определить этапы их становления в тульских говорах.

Ключевые слова: говор, лексика, семантические диалектизмы, лексическая система, полисемия, омоним, мотивация, тульские говоры.

Лексические факты тульских говоров еще не получили своего полного и системного анализа: не существует ни словаря тульских говоров, ни монографического их описания, поэтому так важно фиксировать каждое диалектное слово, бытующее в Тульском крае, и давать ему адекватную научную интерпретацию. Мы рассмотрим этапы формирования семантических диалектизмов в говорах Одоевского района Тульской области.

Системный подход к анализу языковых, в частности диалектных лексических фактов был разработан в главных своих чертах исследователями XX в. (см. работы Р.И. Аванесова, О.И. Блиновой, Т.С. Коготковой, И.А. Оссовецкого, Ф.П. Сороколетова, Ф.П. Филина и др.). В последние десятилетия антропоцентрические и лингвокультурологические исследования повернули прежние научные размышления в новое русло. Диалектные факты анализируются в системе культурных смыслов и этнических взаимосвязей (см. работы Е.А. Березович, Т.И. Вендиной, А.С. Герда, С.А. Мызникова, С.М. Толстой и др.).

В Одоевском районе Тульской области встречаются слова, которые совпадают с литературными по своей форме, но отличаются содержанием, значением. Ф.П. Филин в «Проекте «Словаря русских народных говоров»» называл такие диалектизмы семантическими (эта традиция в диалектных исследованиях поддерживается и сегодня). Например, в селе Стояново Одоевского района нами неоднократно фиксировались следующие семантические диалектизмы. *Индю'х* – государственный крестьянин, однодворец, чаще богатый, зажиточный. *Индюхи* – они богатые были, у них понёвы какие были (ср. лит. индюк – «самец индейки; индейский петух»). *Шуб'ка* – особая разновидность украшенной юбки с помочами и грудкой. *Шубки были на помочах, украшали их, тоже с рисунком, шубка, она как юбка, но повыше так будет* (ср. лит. шубка (уменьшит. к шуба) – «верхняя одежда из меха или на меху»). *Козёл* – дикая груша. *Там в барском саду козлы растут, кислые, тугие. Вон видишь, зеленеется козёл* (ср. лит. козёл – «самец козы» и др.). *Пя'льцы* – украшение на одежде из скрученных и обрезанных нитей. *Занавески украшали пяльцами, раскол был тоже* (ср. лит. пяльцы – «приспособление для вышивания в виде рамы, на которую натягивается и закрепляется ткань»). *Занаве'ска* – длинный фартук, закрывающий грудь и плечи (ср. лит. занавеска – «полотнище ткани для занавешивания или отгораживания чего-нибудь»). *Раско'л* – украшение на нижней части изделия, чаще изготавливаемое из блестящих нитей или других ярких деталей и материалов (ср. лит. раскол

– «действие по значению глагола расколоть» и др.). Эти слова известны в Одоевском крае в своих литературных значениях, но существуют в говорах и в диалектном употреблении. Следует отметить, что функционирование таких слов в системе говора и в системе литературного языка может быть расценено как факт особой диалектной омонимии. Подобные лексемы практически полностью расходятся в литературном и диалектном значении; сем, объединяющих эти значения, не наблюдается. Но, по мнению исследователей (см., например, работы И.А. Оссовецкого), диалектоноситель, наряду с территориально маркированной лексикой, чаще всего владеет и словарным составом общенародного языка, т. е. в системе говора сосуществует лексика диалектная и лексика общеизвестная, литературная. Это и даёт право рассматривать семантические диалектизмы как факт диалектной омонимии: «Такие идентичные фонемные комплексы являются истинными омонимами лишь в том случае, если их литературные значения представлены, наряду с диалектными, также и в говоре, будучи в нем либо исконными, либо заимствованными из литературного языка» [1].

Лингвистами неоднократно отмечалось, что такие явления – результат переосмысления общенародных слов. Приведённые выше семантические диалектизмы не характеризуются наличием одинаковых сем с литературными словами, но, безусловно, интересно, какие смысловые или ассоциативные особенности привели к употреблению лексемы в том или ином говоре в абсолютно ином значении. По всей видимости, в семантических диалектизмах мы можем наблюдать результат определенных мотивационных процессов.

Сами жители села Стояново так объясняют использование слова *индюхи*: «Они всегда богатые, понёвы яркие, расшитые, у всех грулёвки были. Ну, знаешь, ходят, как индюхи». По всей вероятности, образ яркой, необычной, важной и гордой птицы и лёг в основу переосмысления данной лексемы.

Возможно определение мотивационных признаков и для семантического диалектизма *занавеска* – «то, чем закрывают; то, что навешивают» (безусловно, в этом был еще и глубокий сакральный смысл). *Занавеска* в значении «фартук» представляет собой часть женского костюма, распространенного в Одоевском районе. *Занавески* очень часто отделялись вышивкой, узорами, что, безусловно, подчеркивает важность этого элемента

женского костюма, его не только утилитарное, но и скрытое символическое значение: быть границей, которая скрывала женщину, закрывала ее от посторонних взглядов.

Труднее выяснить мотивацию слова *козёл*. Думается, что в основу переосмысления лёг образ палки, бруса, ветки, возможно, острой (ср. гимнастический козёл, козёл для распиловки брёвен). Но, по нашему мнению, *козел* в значении «дикая груша» может восходить и к образу растения *Artemisia dracuncululus* – горькая полынь, эстрагон, тархун (см. об этом у М. Фасмера), тоже горького, с заострёнными листьями, голым стеблем. В других районах Тульской области нами фиксировались такие размышления информантов: «Козел всегда горький и кислый, еще трава тоже такая есть, рот обжигает, и в лесу растут козлы – дикие яблони и груши» (д. Ливенское, Ленинский район). Определить однозначно появление семантического диалектизма *козел* в Одоевских говорах пока не представляется возможным, скорее всего, эта лексема имеет множественную мотивацию, как это нередко бывает в народных названиях трав и растений.

Исходным для употребления слова *шубка* в значении «юбка» мог стать образ верхней одежды (см. у М. Фасмера «длинное и просторное верхнее платье»), который со временем трансформировался в широкую поясную одежду. Но следует отметить, что в Одоевских говорах различаются понятия *шубки* и *понева*, т. е. *шубка* и *понева* – это разновидности женской поясной одежды, эти лексемы не являются синонимами. *Шубка* – менее нарядная, шьётся из простых тканей. *Понева* же имеет многочисленные украшения, несколько иной пошив и изготавливается из тонкой (часто клетчатой) шерсти.

Мы не берёмся утверждать абсолютно точно, какие признаки при образовании и употреблении общенародных слов в диалектном значении становятся основными, ведущими. Но, по всей видимости, в процессе номинирования той или иной реалии активными являются процессы выделения наиболее ярких, устойчивых признаков предметов и явлений, которые и ложатся в основу номинации. Помимо этого, существенную роль играют ассоциативные признаки, влияющие на закрепление лексемы за определенным фактом реальной действительности. Проблемы диалектной мотивологии глубоко разработаны представителями Томской лингвистической школы (см. работы

О.И. Блиновой, Н.Д. Голева и др.), которые неоднократно подчеркивали динамизм, упорядоченность и глубокую внутреннюю структурированность явлений мотивации. Так, О.И. Блинова неоднократно отмечала связь мотивации с метаязыковым сознанием говорящего: «Антропоцентричны все основные исходные понятия мотивологии, поскольку они связаны с метаязыковым сознанием говорящего: мотивированность – свойство слова, связь звучания и значения которого взаимообусловлена...» [2]. И для нас важно, что на основании определенных внутренних, порождающих процессов развивается особое употребление в говоре лексических единиц, известных литературному языку.

Заметим, что в Одоевском районе также отмечаются слова, которые имеют несколько лексико-семантических вариантов, связанных общими семами. При этом одно из значений соответствует литературному языку, а второе – диалектное. От приведенных выше семантических диалектизмов такие лексемы отличаются лишь частичным расхождением в значении, лишь одним своим лексико-семантическим вариантом, который имеет диалектную отнесенность. Эту проблему можно рассматривать как вопрос о полисемии в говорах, о тождестве слова. Е.А. Нефёдова по этому поводу замечает: «Принадлежность разных значений общерусского слова литературному языку и диалектам, по мнению многих исследователей, не разрушает тождества слова, поскольку эти значения относятся к одной и той же системе национального языка, характеризующейся генетической и исторической общностью...» [3]. К таким словам можно отнести: *Корзи'нка* – 1. Плетёное изделие из прутьев, дранки, камыша и т. п., служащее для упаковки, хранения, переноски чего-либо (лит.). 2. Плетенное из ивняка приспособление, обычно продолговатое и низкое, с двумя ручками, служащее чаще для переноса овощей и фруктов. *Мы ездили в Суворов вишни продавали, по пятьдесят корзинок продавали* (д. Ново-Архангельское). 3. Тележка овальной формы, плетенная из ивняка. *У нас еще корульки были, корзинки, бедность была, ездить не на чем, досок не было, вот корзинки плели и ездили* (с. Николо-Жупань). *Моло'дка* – 1. Молодая замужняя женщина (лит.). 2. Молодая незамужняя девушка. *Молодки песни на вечеринках играли, а замужние по домам сидели* (с. Николо-Жупань). 3. Молодая женщина во время свадебного обряда

(невеста). *Молодка без серёг пришла – целуются, молодка без сапог пришла – становится на стул и жених смотрит на ноги (во время свадебного пира)* (с. Николо-Жупань). *Дерю'жка* – 1. Вид грубой ткани из низкосортной пряжи (лит.). 2. Покрывало на кровать, сотканное из тряпок или ниток. *Дерюжки – это как половички, их сами ткали, разрезали на две части, шивали и спали* (с. Стояново). *Дерюжка была вместо простыни на кровати, а половик, он был под ногами, узкий* (с. Лосинское). 3. Половик из грубых ниток. *Пол помыла, теперь дерюжки постелю. Дерюжку на пол стелили* (с. Николо-Жупань). *Гор'ница* – 1. Комната (в верхнем этаже), чистая половина избы (лит.); 2. Неотапливаемая, летняя часть дома, порой служащая для хозяйственных нужд. *Да вот такой дом: с одной стороны вот изба, а с другой горница, там сундуки стояли, летом там и спали, а вход у них вот видишь один, сюда бабка на лето из Москвы приезжает, она, кажись, в избе спит, а не в горнице* (с. Стояново). *Изба'* – 1. Деревянный крестьянский дом; внутреннее помещение крестьянского дома; жилое помещение (лит.). 2. Отапливаемая часть крестьянского дома (см. пример выше).

Подобные лексемы, наряду с литературным значением, приобретают в говорах и другие лексико-семантические варианты, которые могут номинировать какие-то особые артефакты, существующие только на данной территории, могут быть связаны с особой детальностью и расчленённостью картины мира диалектоносителя. Но лексико-семантические варианты таких слов (литературные и диалектные) пока еще оказываются связанными общими семами: «плетеное изделие»; «женщина по отношению к моменту замужества», «помещения крестьянского дома» и др. Именно наличие близких сем в структуре значения отмеченных слов и позволяет признать факт полисемии. На наш взгляд, такие полисеманты могут рассматриваться в диахронии говора как один из этапов появления в нём полных семантических диалектизмов.

Следующей ступенью становится развитие многозначности уже у семантических диалектизмов. Так, в одоевских говорах встречаем случаи, когда подобные лексемы имеют несколько значений: *Ин'дю'х* – 1. Государственный крестьянин, однодворец, чаще богатый, зажиточный; 2. Часть села, где проживали государственные крестьяне. *Пойти на индюхи*. (с. Стояново). *Козёл* – 1. Дикая груша; 2. Плоды дикой груши. *Козлы такие ту-*

гие, их и не укусишь. (с. Стояново)» [4]. Основным средством развития полисемии в этом случае является метонимический перенос. Таким образом, становление семантических диалектизмов в говорах может иметь следующие этапы:

1-й этап: развитие у общенародного слова диалектного значения или диалектных значений при существующих общеизвестных;

2-й этап: абсолютное переосмысление литературного слова. Появление так называемых семантических диалектизмов;

3-й этап: развитие у семантических диалектизмов многозначности.

Несмотря на то, что в наши дни диалекты подвергаются активным процессам нивелирования, переходят в региолекты (см. работы М.А. Бородиной, А.С. Герда), лексика того или иного говора и сегодня может быть охарактеризована с точки зрения системного подхода. И многочисленные факты существования семантических диалектизмов в говорах Одоевского района Тульской области (мы намеренно

коснулись примеров из нескольких населённых пунктов, из нескольких частных диалектных систем), их взаимосвязь с другими лексическими элементами это положение подтверждают. Действительно, столь небольшой и весьма ограниченный корпус территориально маркированного лексического материала даёт возможность рассматривать его с точки зрения системных отношений и позволяет представлять лексические факты данной замкнутой территории в их единстве, взаимодействии и динамизме.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Оссовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. М., 1982. 62 с.
- [2] *Блинова О. И.* Сопоставительная мотивология: итоги и перспективы // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2006. Выпуск 5 (56). 66 с.
- [3] *Нефёдова Е. А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве : монография. М., 2008. 24 с.
- [4] *Романов Д. А., Красовская Н. А.* Материалы к словарю тульских говоров. Тула, 2010.

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ЯЗЫКА КАК ПРОЦЕССА И ПРОДУКТА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются и унифицируются критерии разграничения языка как процесса и как продукта речевой деятельности в дифференцирующей модели А.А. Залевской, выявляется неохваченный спектр признаков, осуществляется дальнейший анализ и дифференциация. Предложенная А.А. Залевской модель дополняется с целью углубления и расширения парадигмы знаний о языке.

Ключевые слова: язык, дифференцирующая модель, речевая деятельность, процесс, продукт.

Объективное состояние лингвистики выдвигает на первый план в качестве принципа интеграции знаний принцип дополнительности. Это соответствует и гетерогенности исследуемого объекта, и нелинейности познавательной деятельности [1].

В научном процессе язык как объект изучения постоянно «реформируется». Меняются аспекты его рассмотрения и модели интерпретации. Каждый этап в развитии языкознания сопровождается не только изменениями в объекте-языке или абсолютизацией какого-то аспекта объекта, но и поиском новых средств анализа языкового материала. Все это приводит к появлению специфических характеристик методологии языковедческого процесса на определенных этапах его развития.

В последние десятилетия переход в иную парадигму осуществляется путем постепенного заимствования психологических и психолингвистических экспериментальных методик, категорий интерпретаций, моделей научного объекта. Субъективно это проявляется в использовании психологических, психолингвистических и когнитивных категорий интерпретации в анализе языка как лингвистического объекта.

Современная лингвистика характеризуется универсализацией теоретических моделей; акцентированием внимания на соотношении лингвистической и экстралингвистической систем; вниманием к способам вербальной фиксации знаний (языковой способности). Детерминированное соответствие одной единицы языка другой единице заменяется обусловленностью использования единицы языка психикой человека – речь и сознание рассматриваются как среда обитания единицы языка.

Цель современного лингвистического исследования – не установление соответствия между речью и внешним миром, а установление соответствия между содержанием, мотивом и формой обозначения, между структурой и элементами речевого высказывания, поскольку речевая деятельность предполагает порождение или интериоризацию какого-либо смысла в процессе целенаправленного взаимодействия индивидов.

В связи с актуализацией вопроса о дискурсивности научного знания встает вопрос о границах моделирования объекта и специфике способов его познания. Для того чтобы интегрировать имеющееся лингвистическое знание в целях создания теории более высокого уровня,

необходимо четко представлять себе разницу в объектах исследования и интерпретирующих категориях.

В работе «О тройном аспекте языковых явлений» Л.В. Щерба выделяет не три, а четыре аспекта языковых явлений: речевая деятельность, языковой материал (тексты), языковая система (словари, грамматики) и речевая организация (продукт переработки речевого опыта) [2].

С учетом сделанного Л.В. Щербой очень важного разграничения понятий процесса и продукта А.А. Залевской была построена схема соотношения в анализе разных аспектов языковых явлений [3]. Ставится вопрос о понимании языка как процесса и продукта. Основное различие моделей состоит в том, что язык как про-

цесс (Язык 1) формирует опоры для говорящего; язык как продукт (Язык 2) – для исследователя.

Дифференцирующая модель А.А. Залевской представлена в табл. 1. Выделенные шрифтом фрагменты являются первичными дополнениями и комментариями автора статьи.

В табл. 2 показано, что являлось критериями сравнения языка-процесса и языка-продукта в концепции А.А. Залевской.

Теперь унифицируем полученные результаты (табл. 3).

Вне зоны внимания остался еще ряд областей, отраженных в табл. 4.

Теперь проведем сравнение по новым направлениям сопоставления. Его результаты отражены в табл. 5.

Таблица 1

Дифференцирующая модель А.А. Залевской

№ п/п	Речевая организация индивида как процесс-продукт (Язык 1; «язык для себя»)	Описательная модель языка как продукта (Язык 2)
1	Комплексная переработка и переживание перцептивного, когнитивного и аффективного характера, протекающие по законам психической деятельности	Строгий логико-рациональный анализ
2	Субъективность	Объективность
3	Континуальность	Дискретность
4	Динамика	Относительная стабильность в синхронии
5	Частичная осознаваемость и вербализуемость	Полное осознание и вербальное описание
6	Использование средств внутренней символизации	Использование средств внешней символизации
7	Предметность	Абстрактность
8	Неосознанное слияние значения и смысла	Попытка разграничения значения и смысла
9	Пристрастность	Отстраненность
10	Включенность во внутренний контекст разностороннего опыта познания и общения	Учет исключительно внешнего контекста (вербального, ситуативного, культурного)
11	Опора на знания, выводимые по разным основаниям	Сведения на основании прямых импликаций, проверенных опытным путем (эксперимент, сведения статистики)
12	Открытая динамическая система	Относительно стабильная система с конечным числом состояний
13	Функциональная организация системы	Организация через структуру системы
14	Многообразие и варьирование связей, оснований и свойств	Четко определяемый набор оснований
15	Наличие расплывчатых множеств с нечеткими границами, определяемых по различным основаниям	Четко отграниченные области с перечнем признаков, условий и ограничений
16	Эвристичность поиска	Алгоритмичность поиска
17	Описание с различных позиций	Описание исключительно по законам логики с опорой на схемы
18	Функционирование посредством постоянного выхода на индивидуальную картину мира (образ мира) через перцептивно-когнитивно-аффективно детерминированные образы сознания	Опора на языковую картину мира, которая выводится из значения языковых единиц путем логико-рационального анализа
19	В качестве единиц выступают концепты (образы сознания), не поддающиеся прямому наблюдению и полному вербальному описанию	В качестве единиц выступают конструкты в качестве четкой системы постулируемых научной концепцией сущностей, связей и отношений

Таблица 2

Критерии сравнения Языка 1 и Языка 2 у А.А. Залевской

№ характеристики сравнения	Основание для сравнения
1	Тип и принцип ментальной обработки информации
2	Степень включенности мнения говорящего в результат речевой деятельности
3	Степень (мера) расчлененности процесса и результата
4	Характер устойчивости
5	Степень возможности осознания и вербализации
6	Средства символизации
7	Характер процесса
8	Степень аналитичности

Окончание табл. 2

№ характеристики сравнения	Основание для сравнения
9	Степень включенности мнения говорящего в результат речевой деятельности
10	Характер опорного контекста
11	Характер опорных знаний
12	Тип системы
13	Принцип организации системы
14	Количество связей, оснований и свойств
15	Характер границ
16	Характер поиска
17	Характер описания
18	Принцип функционирования
19	Единицы структуры

Таблица 3

Унификация результатов

Принцип сравнения	Вектор сравнения
Тип и принцип	– ментальной обработки информации – организации системы – функционирования
Степень \ количество	– включенности мнения говорящего в результат речевой деятельности – расчлененности процесса и результата – возможности осознания и вербализации – аналитичности – связей, оснований и свойств
Характер	– процесса – опорного контекста – опорных знаний – поиска – описания – границ – устойчивости
Средства	– символизации
Единицы	– структуры

Таблица 4

Новые векторы сравнения

№ характеристики сравнения	Выдвигаемые нами векторы сравнения
1	Природа явления
2	Прагматика
3	Характер внутренней организации
4	Характер возникновения
5	Вектор аксиологизации
6	Характер доминирующей установки
7	Отношение к социуму
8	Эмоциональная окрашенность
9	Степень участия сознания и подсознания в формировании языковых структур
10	Степень необходимости предварительной профессиональной подготовки
11	Отношение к верификации
12	Отношение к норме
13	Длительность актуализации
14	Характер фиксации
15	Отношение к врожденным способностям
16	Характер внутренней организации
17	Количество мотивации
18	Отношение к этносу и культуре

Таблица 5

Характеристики Языка 1 и Языка 2, полученные по новым направлениям сопоставления

№ n/n	Речевая организация индивида как процесс-продукт 1 (для себя)	Описательная модель языка как продукт 2
1	Физиологичный	Логико-рациональный
2	Ситуативный	Интерситуативный
3	Стремится к индивидуальности и креативности	Стремится к универсальности и системности
4	Рождается спонтанно	Является результатом предварительного исследования, анализа и описания

Окончание табл. 5

№ п/п	Речевая организация индивида как процесс-продукт 1 (для себя)	Описательная модель языка как продукт 2
5	Актуальный для меня здесь и сейчас	Направлен на фиксацию, долгосрочное хранение и передачу информации (долго сохраняющей свою актуальность) другим
6	Доминантная цель – выражение мыслей, переживаний и чувств	Доминантная цель – раскрытие и сохранение информации о качественных и количественных характеристиках и принципах функционирования системы
7	Индивидуальный	Общественный по своей сути (цель – корректировка речевого поведения и оценка его с точки зрения языковой системы)
8	Эмотивный	Эмоционально нейтральный
9	Интуитивный	Аналитичный
10	Не требует дополнительной профессиональной или теоретической подготовки от индивида (наивный подход)	Требует предварительной профессиональной и теоретической подготовки ученого (научный подход)
11	Не требует проверки и верификации	Требует проверки и верификации
12	Допускает отклонения от языковой нормы	Требует строгого соответствия языковой норме
13	Ситуативная актуализация	Интерситуативная актуальность
14	Может не иметь письменной фиксации	Всегда фиксируется в письменном виде
15	Врожденная способность	Результат эволюции
16	Синкретичный	Аналитичный
17	Преимущественно полимотивирован	Преимущественно мономотивированный
18	Национально и индивидуально специфичный	Стремится к универсальности и системности

В уточненной модели разница между языком-процессом и языком-продуктом стала еще ярче и очевиднее. Современную лингвистику интересует вербальный характер представления любого знания, поэтому основной категорией описания является языковая способность как совокупность операциональных ментальных механизмов, осуществляющих вербализацию знаний и мнений. К когнитивной парадигме современные лингвисты обращаются по причине того, что системноцентрическая лингвистика не может решить проблему содержания языковой единицы. Несмотря на понимание языка как системы стабильных взаимозависимых единиц, лингвистика вынужденно обращается к анализу речевых процессов, а очевидная процессуальность последних ведет

к приписыванию процессуальности и лингвистическому объекту. Подчеркивая необходимость разграничивать язык-феномен и язык-объект, выражаем надежду, что в итоге представленных здесь наблюдений граница между этими категориями стала еще более четкой.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пищальникова В. А. Психолингвистика и современное языковедение // Методология современной психолингвистики : сб. статей. М. ; Барнаул, 2003. С. 4–22.
- [2] Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
- [3] Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики. С. 35–50.

ГИМН КАК ЖАНР И НОВАЯ ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ

Анализируется жанр корпоративного гимна как новая дискурсивная практика отечественных корпораций. Прослеживаются его исторические корни и особенности современного функционирования. Интерпретация жанра сквозь призму понятия «новая дискурсивная практика» позволила автору рассмотреть его динамические характеристики, а также особенности восприятия специалистами по дискурсивному строительству и рядовыми участниками коммуникаций.

Ключевые слова: корпоративный гимн, корпоративный дискурс, новая дискурсивная практика.

Проблема изучения дискурсивных практик стала весьма актуальной для современной лингвистики. Ряд подобных практик активно формируется в России с конца 1980-х гг. в рамках корпоративного дискурса (далее – КД). Будучи, как и «дискурс», междисциплинарным понятием, термин «дискурсивные практики» (далее – ДП) пока не получил общепринятого истолкования. Чаще всего в гуманитарных науках под ДП понимается любое использование дискурса (работы М. Фуко, Н. Фэркло, Т.А. ванн Дейка, Ю. Хабермаса, А.Н. Баранова, П.Б. Паршина, Е.И. Шейгал, Р. Водак, Н.А. Ипатовой, Л.Н. Ульмамаевой, Ю.Н. Синицына, С.Б. Белецкого и др.). Тогда ДП отождествляется с понятием «речевая практика» (института или персоны) или с речевой практикой, ставшей тенденцией. Данная точка зрения выражена, например, в работах Е.И. Шейгал, которая считает, что дискурс имеет реальное и потенциальное измерения. Дискурс в реальном измерении – это «поле коммуникативных практик... это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве». В потенциальном измерении дискурс рассматривается исследователем как «вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также... представления о типичных моделях речевого поведения и наборе речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации» [1, с. 12–13]. Как совокупность «процесса и результата» понимает дискурс В.В. Красных, относя понятие ДП к динамическому (процессуальному) аспекту [2, с. 113]. Аналогичной точки зрения придерживается А.Н. Баранов, который интерпретирует дискурс как «набор дискурсивных практик» [3, с. 40]. Общий подход, идущий от М. Фуко, подразумевает под дискурсивными (речевыми) практиками не только воспроизведение говорящими устоявшихся дискурсивных форм, но также инновации внутри функционирующих дискурсов и возникновение новых дискурсов [4]. «Дискурсивными практиками» О.С. Иссерс предлагает называть кроссдискурсивные изменения [5, с. 50–51]. В настоящей статье понятие ДП объединяет все динамические процессы, происходящие в дискурсивном пространстве: появление новых дискурсов, использование имеющихся и возникновение кроссдискурсивных тенденций.

Обозначенный подход, взятый за основу в настоящей статье, позволяет применить понятие «дискурсивные практики» и к самому

КД как новой сфере коммуникации, и к формирующимся в рамках КД жанрам, одним из которых становится корпоративный гимн. Как всякая языковая новация, вносящая значимые изменения в жизнь социальных групп, жанр корпоративного гимна активно обсуждается сотрудниками организаций, профессионалами дискурсивного строительства (PR-, HR-специалистами, бизнес-тренерами) и общественностью. Благодаря развитию интернет-коммуникаций лингвисты получили доступ к материалам таких обсуждений, отражающим рефлексию носителей языка относительно назначения, исторических корней и особенностей современного функционирования нового жанра [6].

Гимн как новая дискурсивная практика активно включается в корпоративные коммуникации уже на этапе своего зарождения. Сам процесс разработки гимна становится серией PR-мероприятий, включающих конкурс на лучший гимн среди сотрудников, презентацию гимна коллективу компании. В дальнейшем гимн входит как составной элемент в другие корпоративные ритуалы и обряды: его исполняют во время торжественных мероприятий, на утренних линейках и коллективных молитвах, при поднятии флага компании и пр. Иначе говоря, гимн становится в России неотъемлемым жанром КД, частью его обрядов и ритуалов.

Будучи первоначально «жанром религиозной лирики, хвалебной песнью богам» [7], в Новое время гимн стал «торжественной песней или мелодией, принятой как символ государственного или социального единства, исполняемой обычно во время торжественных официальных собраний, спортивных состязаний, национальных праздников» [8]. Культура корпоративных гимнов пришла в Россию вместе с западными компаниями и их традициями, хотя аналоги можно найти и в недавнем советском прошлом. «Гимны призваны убедить сотрудников в том, что они не просто так сидят на стуле с 9:00 до 18:00 и получают за это зарплату, а являются неотъемлемой частью чего-то важного, достойного почитания, любви и единения. Они позволяют сотруднику почувствовать себя частью мощной структуры, ощутить командный дух и поднять ему настроение. Если же гимн или песня исполняется в эфире, то у аудитории создается ощущение солидности компании», – так описывается функционал корпоративных гимнов на сайте одной из звукозаписывающих студий, предлагающих услуги по созданию корпоративных песен [9].

Иначе говоря, **функциями корпоративного гимна** как жанра являются:

– эмоциональное воздействие (вдохновить, поднять настроение, внушить чувство гордости за компанию, любовь к ней и к своей работе; вселить чувство единства);

– изменение поведения (предполагается, что после коллективного исполнения гимна или его прослушивания сотрудники интенсифицируют работу);

– изменение картины мира (в идеале работник должен усвоить и разделить ценности компании);

– создание имиджа организации как серьезной, солидной, а имиджа работы в компании как необходимой и важной деятельности.

К имиджевой роли следует добавить и функцию позиционирования, поскольку для этого жанра она является ведущей: гимн служит визитной карточкой структуры.

Материалом для анализа послужили тексты более чем 40 корпоративных гимнов организаций различных форм собственности и профилей деятельности, в том числе: интернет-компания Mail.ru Group, компания-производитель плодово-ягодных сиропов «Селеновый дар», фирмы-дистрибьютора косметики «Мир красоты», московской сети уличного фастфуда «Крошка-картошка», Енисейского речного пароходства, компании «Сибнефть», компаний сотовой связи («Мегафон», «МТС»), Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Удмуртской республике и др. Количество и состав организаций, имеющих гимн, позволяют говорить о широком распространении жанра в практике корпоративных коммуникаций, что является доказательством правомочности применения термина ДП к исследуемому феномену.

Так как отечественные корпоративные гимны пока не анализировались в работах лингвистов, специалистов по маркетингу, менеджменту, рекламе или PR, ниже приведены образцы нескольких текстов этого жанра:

«Картошка» – фирменное блюдо

И плод усердного труда:

Доступна всем, всегда, повсюду –

Отменно вкусная еда.

Припев:

Мы – флагман русского фастфуда.

Мы будем первыми всегда.

И наше фирменное блюдо –

Союз «Картошки» и Труда!

(Крошка-картошка)

Под сибирскую землю

Летит могучий Енисей

*И катит воды за собою
В просторы северных морей.*

*Идут речные капитаны.
Суда на север и на юг
Через пороги и туманы
Уходят за полярный круг.*

Припев:

*Здесь когда-то Енисеем в даль тайги
Шли отважные сыны-первопроходцы,
А сегодня стало гордостью реки
Енисейское речное пароходство!
(Енисейское речное пароходство).*

*Не думай о бензине свысока,
Наступит время – сам поймешь,
наверное:
Закончится бензин, и вот тогда
Зальешь бензин «Татнефти» –
дело верное.*

*Зальешь бензин хороший, как глоток,
Глоток воды во время зноя летнего.
И совершишь стремительный рывок
От первого этапа до последнего.*

*Бензин «Татнефти»
льется сквозь года
И будет литься не одно столетие.
И мы не понимаем иногда,
Где первое столетье, где последнее.
(Татнефть)*

Главный герой корпоративных гимнов – **компания** – получает в текстах разнообразные метафорические обозначения: планета (сказок, счастья, любви), рай, мир чудесный (мир красоты), царство звездных блогов, место, «где ночует сказка, там любовь и ласка» (Селеновый дар), но в любом случае речь идет о локусе космических масштабов – это царство, мир, планета, галактика, чаще фантастическая, чем реальная (сказка, рай, волшебный мир, страна мечты).

В текстах ярко выражена идея служения, **миссии компании**, эксплицитованная прямо или метафорически:

*Чтоб жили вы без бед,
В окнах был теплый свет,
Даст криминалу достойный ответ
Следственный комитет!
(Следственный комитет);*

*В России много лет
мобильный перезвон
Сопровождает каждое событие –
От Невских берегов раскинул
Мегафон
Своей сети невидимые нити.
(Мегафон);*

*И если б не связисты с их
редкостным умением,
То замер бы весь мир,
работу отложив.
(Ростелеком).*

В гимнах прогосударственных структур практически всегда присутствует идея служения родине, России, т. е. компания позиционирует себя как патриотическая:

*А речники – народ надежный,
Опора Матушки-Руси...
(Енисейское речное пароходство);*

*Великая Россия,
В ней много славных дел.
Но есть еще Россия,
в которой беспредел.
Нам с этим беспределом
Поручено судьбой
Решительно и смело
Вести упорный бой.
(Следственный комитет)*

Как видно из примеров, деятельность компании, с одной стороны, увязывается с жизнью каждого человека, с другой – имеет глобальный, эпохальный, планетарный масштаб. В текстах доминирует идея тотального охвата деятельностью компании:

а) сотрудников («С тобою мы одна семья, любимая компания!» (Рублевские колбасы));

б) клиентов, их жизненных ситуаций и эмоций («...мир чудесный, миллионам он известный» (Селеновый рай); «Вам скажет здесь любой: «Мой выбор – «Мегафон»»); (Мегафон);

в) товаров и услуг («Каждый, кто любит бигмак, не может забыть нас никак» (Макдональдс);

г) производственной сферы («Но теплоходы грузовые в низовья день и ночь идут» (Енисейское речное пароходство);

д) географических территорий («от Петербурга до Камчатки»; «нас знают во всем мире» (Северсталь);

е) пространства и времени («и день, и ночь идут»; «звезды и планеты»; «на север и на юг»).

Использование топонимов в метонимическом значении и прецедентных имен собственных подчеркивает масштабы и уровень деятельности организации: «**Россия** нас зовет» (Северсталь); «Ты гордость, честь **Ростова-на-Дону!** Российской славы труженик надежный!» (Донской табак); «Если есть вопрос к погоде или к **Путину Володе**, то Mail.ru найдет на все ответ...» (Mail.ru). Лингвостилистическая

категория и речевая стратегия глобализации становится основным жанрообразующим средством в риторике гимнов: *«Второе столетие мы служим стране»* (Донской табак); *«Здесь побеждают **все всегда**»* (Мегафон); *«Бензин “Татнефти” льется сквозь года и будет литься **не одно столетие...**»* (Татнефть).

Образ компании создается благодаря ассоциации с теми положительными чувствами, которые компания приносит в мир. Чаще всего это: а) радость, счастье (*«Счастье бьет ключами»; «Да возрадуются люди»; «Мы – создатели машин степных – строим счастье новых поколений»*); б) ощущение единства (*«единение душ и сердец»; «А сотовую связь придумал человек, чтоб в этой жизни не терять друг друга...»*); в) мир, покой, надежность (*«У всей Руси нет надежней нас поставщика»; «Надежный механизм огромнейшей страны»*); г) дружба и любовь (*«там любовь и ласка»*); д) комфорт, тепло (*«комфорт тут, как в раю»; «они согрели край морозный теплом и щедростью души»*); е) гордость за компанию (*«ты гордость, честь Ростова-на-Дону»*).

Тема труда, работы становится ведущей в корпоративных гимнах. Она раскрывается через метафоры «боя» (*«поручено судьбой вести упорный бой»* (Следственный комитет), «спортивного состязания» (*«И к финишу мы первыми придем!»* (Сибнефть); *«И в состязании с природой мы будем первыми всегда!»* (Мостовик)). Создается героический **образ сотрудников**, их титанического труда: они *«отважные сыны-первопроходцы»* (Енисейское речное пароходство), *«...те, кто для людей готов искать, творить и строить»* (Мегафон); *«Не надо нам еды. Работой упорной гордимся мы своей...»* (Следственный комитет).

Итог деятельности компании символизируют лексемы «успех», «триумф», «победа», «лидерство»:

Нас москвичи предпочитают.

Но для успеха нет грани –

Триумф «Картошку» ожидает.

(Крошка-картошка);

*Это выбор наш – здоровье и **успех!***

(Сбербанк);

*Мы **лидеры** московские, российские, рублевские!*

(Рублевские колбасы).

В текстах находят яркое воплощение категория «свой круг» и базовые концептуальные метафоры корпоративной культуры («корпоративный дух», «мы – одна команда», «компания – одна семья» и др.):

И командный дух

нас снова всех собрал.

Вместе мы сильны, пусть

каждому из нас

Свою мечту спортивный

праздник даст.

(Сбербанк);

Сообщество прагматиков и скептиков

Практиков, теоретиков,

Талантливых и прогрессивных,

Вместе мы – великая сила!

(Российская ассоциация

по связям с общественностью);

Команда наша лучшая всегда (МТС).

Героический торжественный пафос гимнам придает отбор книжной, высокой лексики: *«чреде суровых дней»; «надежда и опора»; «во имя торжества закона и порядка»; «сыны-первопроходцы»; «все свершения возможны»; «стороне широкой и привольной», «мы служим... и верой, и правдой»* и т. п.

Уровень песенной корпоративной поэзии становится объектом иронической рефлексии сотрудников компаний, специалистов по работе с кадрами, пользователей сети Интернет. На форумах и в блогах гимны называют «сектантскими песнопениями», «шедеврами пароксизма корпоративной лояльности» и т. д.: «Шедевров, действительно берущих за душу, среди гимнов компаний не встречается. Да и как могут пробираться слова восхваления работе, среди которых чаще всего встречаются «мы одна семья», «мы идем к общей цели», «мы лучше всех на свете». Оды компаниям бывают как банальные и «никакие», так и совершенно уморительные с точки зрения общего пафоса и лексики» [10]. По поводу выложенного на сайте livejournal.com гимна компании X5 Retail Group развернулась целая дискуссия:

Anton DAS: «Весь мир нас ждет, Вперед!» – вот это вообще убило. высшая степень заплесневевших мозгов просто... даже как-то обидно. Интересно, а их всех учить его заставляют?»

melku: «большой город» зимой выкладывал корпоративные гимны, от пятёрочки (имеется в виду сеть магазинов «Пятёрочка». – И.Р.) до какой то ассенизаторской конторы. запомнил только «крошка-картошку», которые пели про «ататата союз картошки и труда!»

Lieraja: Это так унижительно для людей которые там работают. на мой взгляд гимны по своей концепции подходят для стран (ну это как бы априори) и спортив-

ных клубов. потому что нельзя всем сердцем переживать за корпорацию. а спорт можно.

melky: Ой! Только не про наш народ... вечная совдепия Мы на МММ молились! Я сегодня был на лекции одной корпорации (потом раскрою секрет какой) и там не только гимны, там еще и планета отдельная, тибетский дух...

Acid Jewel Case: зомбирование. если работа займёт такое место в жизни что ты начнёшь петь гимны. во имя работы забивать на семью/друзей. это будет п...ц. у вменяемых людей такого не может произойти. я не смог например так.

MARK5: а если финансово прижмет, и работать надо будет и пойти больше некуда...» (стилистика, пунктуация и орфография интернет-переписки сохранены. – И.Р.) [11].

Таким образом, корпоративный гимн воспринимается носителями языка как недавно появившаяся дискурсивная практика, «новизна» которой относительно: стилистика гимнов напоминает говорящим пропагандистские тексты советских времен (см. «вечная совдепия» и др.). За этой новой практикой носители языка видят также «чуждые» им дискурсы и дискурсивные практики зарубежного менеджмента и PR (ср.: «перенятая у запада и по-нашему переосмысленная корпоративная забава, называемая частью внутреннего PR и внутреннего же корпоративного брендинга»), религиозного и сектантского дискурсов («в духе протестантов или кришнаитов»; «любая корпорация – секта»). Обилие нецензурной лексики в блогерском дискурсе при обсуждении гимнов и ироническая тональность в отзывах специалистов обусловлена в первую очередь низким литературным уровнем рассматриваемых текстов.

Тексты гимнов не выполняют возложенную на них функцию эмоционального воздействия ввиду целого ряда ошибок и просчетов в языковом оформлении. В первую очередь обращают на себя внимание многочисленные штампы: жанровые (типичные для гимна как разновидности эпидейктической речи); характерные для «корпоративных гимнов» («мы одна семья», «мы идем к общей цели», «мы лучшие всех на свете»; «ни на одной из планет на свете лучше нет», «мы компании верны»); общеязыковые устойчивые обороты («служить и верой, и правдой», «честь и гордость», «широким жестом» и пр.); публицистические («первопроходцы», «умножать богатство страны», «катит воды могучий Енисей»); принадлежащие корпоративному

дискурсу в целом (уже упомянутые «мы – одна команда», «мы лидеры»).

Штампы не способны оказывать эмоциональное воздействие на аудиторию, плохо запоминаются (ср.: «запомнил только “крошку-картошку”, которые пели про “атататата союз картошки и труда!”»). Как следствие, текст гимна не выполняет одну из главных своих функций – функцию позиционирования, ведь гимны компаний, их мелодии похожи друг на друга и по стилистике, и по содержанию.

Не способствуют реализации прагматических целей жанра многочисленные речевые ошибки, алогизмы. Так, не поддается рациональному объяснению фраза: «**Под сибирскую землю (?) летит могучий Енисей и катит воды за собою (?)**» (Енисейское речное пароходство); «**Великая Россия, в ней много славных дел...**» (неверно употреблен падеж, кроме того, далее следует бедная рифма «дел – беспредел»). Весьма двусмыслен текст гимна «Татнефти» (на мотив песни «Мгновение» из х/ф «Семнадцать мгновений весны»): «**Зальешь бензин хороший, как глоток, глоток воды (?) во время зноя летнего. И совершишь стремительный рывок от первого этапа до последнего**». Комически звучит последняя строка: «**Бензин “Татнефти” всем дает бессмертие**». Большие сомнения в нравственных качествах сотрудников той же компании «Татнефть» вызывает строка: «**Мы за нее [компанию] готовы все отдать, все самое, что есть в нас, сокровенное**».

Из-за неточной рифмы и нарушения ритма сложно прочитать и спеть такие строки:

*Знают **Волгодизельаппарат***

В каждом уголке большой России.

(Волгодизельаппарат);

За это благодарность на века

***Айдару Асхабетдиновичу** отдельная*

(Татнефть).

И все же основной причиной неприятия «фирменного» гимна как новой дискурсивной практики считаем несоответствие жанровой формы объекту изображения: гимн, по мнению носителей языка, создается для крупных социальных общностей (например, нации), а не для «любой конторы». Соответственно, пафосная тональность текста, созданная в произведении гиперболическая картина мира не соотносятся в сознании людей со столь «низким» объектом изображения, как отдельная организация. Даже в советское время объектом прославления не были

руководители отдельных предприятий. Песни посвящались только историческим, «знаковым» личностям эпохи (вождям революции, руководителям страны). Возможно, по этой причине попытки современных корпоративных мифотворцев создать руководителю имидж «личности вселенского масштаба», «отца и благодетеля» воспринимаются критично или иронично.

Таким образом, корпоративный гимн стал в России неотъемлемым жанром КД, частью его ритуалов и традиций. Сохраняя функционал и некоторые стилистические особенности государственного гимна, корпоративные песнопения отличаются от классического прототипа снижением объекта восхваления (от государства к отдельной организации), что в сочетании с патетической тональностью и создаваемой в тексте широкомасштабной картиной деятельности организации формирует ироническое, отстраненное, а зачастую и негативное отношение к данной дискурсивной практике со стороны сотрудников и общественности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
- [2] *Красных В.В.* Свой среди чужих: миф или реальность? М., 2003.
- [3] *Баранов А. Н.* Метафорические модели как дискурсивные практики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63. № 1. С. 33–43.
- [4] *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996. 208 с.
- [5] *Иссерс О. С.* Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики. Омск, 2011. С. 37–62.
- [6] *Ромашова И. П.* Закономерности дискурсообразования (на примере корпоративного дискурса) // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 231–236.
- [7] Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 2. М., 1964. С. 304.
- [8] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 234.
- [9] Брендинг. Креативная реклама [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ru/brending> (дата обращения: 04.09.10).
- [10] URL: www.adme.ru/.../10-idiotskih-korporativnyh-gi... (дата обращения: 14.10.08).
- [11] URL: <http://community.livejournal.com/transhculture/307537.html> (дата обращения: 14.10.08).

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК КОМПОНЕНТ
РЕЦЕПТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ТЕКСТА
(на материале новеллы Г. Айзенрайха
«Приключение как у Достоевского»)***

Предпринят анализ интертекстуального компонента новеллы австрийского писателя Г. Айзенрайха «Приключение как у Достоевского» (1957). Данный компонент рассматривается как элемент рецептивной стратегии текста в качестве адресованной потенциальному читателю «задачи» по реконструкции диалога новеллы с текстом новеллы К. Мэнсфилд «Чашка чаю». В рамках теории интертекстуальности событие интертекстуального диалога мыслится исключительно как событие рецептивное. Предмет статьи образует текст, в котором интертекстуальный диалог является результатом сознательного авторского проекта.

Ключевые слова: интертекстуальный диалог, интертекст как авторский проект, рецептивная стратегия текста, потенциальный читатель, изображенный читатель, Г. Айзенрайх, К. Мэнсфилд.

Теория интертекстуальности, сложившаяся в рамках французского постструктурализма, в качестве субъекта интертекстуальной деятельности мыслит, как известно, субъекта читающего. Согласно знаменитым идеям Р. Барта и Ю. Кристевой, отношения между текстами, подчас находящие в произведении свою фиксацию вне сознательного намерения автора, реализуются только в акте читательского восприятия – посредством читательских усилий по вычленению из текста (или по присвоению тексту) той или иной совокупности звучащих (или слышимых) в нем голосов. Читатель, привлекая в акте рецепции кажущиеся ему релевантными литературные ассоциации, так осуществляет понимание текста. В рамках данной концепции событие интертекстуального диалога мыслится исключительно как событие рецептивное, имеющее только читательский регистр осуществления, и о его содержании автор может и не догадываться.

В рамках данной статьи мы обратимся к тексту, в котором интертекстуальный диалог является результатом *сознательного* авторского проекта – в отношении подразумеваемого им типа рецепции его произведения. Это новелла австрийского писателя Герберта Айзенрайха «Приключение как у Достоевского» (1957) [1].

В сюжетном плане новелла Г. Айзенрайха представляет собой обыгрывание новеллы Кэтрин Мэнсфилд «Чашка чаю» [2]. Фабула новеллы английской писательницы получает у Айзенрайха почти демонстративное воспроизведение. При этом цитатность авторского замысла в тексте новеллы явно не представлена: новелла не содержит никаких *прямых* отсылок к прецедентному тексту. Декодирование ее интертекстуального заряда, таким образом, делегируется компетентному читателю – читателю, в рецепции которого может быть осуществлен тот интертекстуальный диалог, который подразумевается автором. Читательская

* Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации № НК–643П–50.

реконструкция взаимоотношений текста К. Мэнсфилд и текста Г. Айзенрайха, очевидно, входит в рецептивную стратегию последнего: его автор сам выступает в роли субъекта интертекстуальной деятельности, сознательно и настойчиво инспирируя к таковой и своего реципиента.

Интересно, что интертекстуальное предприятие автора осуществляется посредством изображения героя, который конструирует собственное поведение в опоре на ту литературную модель, которую актуализировала его читательская память. В качестве субъекта такой деятельности в новелле выведена героиня, поступающая по образцу сострадательных героев Достоевского. Опора на этот литературный материал в жесте героини контекстна и ассоциативна: она выстраивает событие по той модели, которую ей подсказывает ее читательский опыт, выбирая то, что ей «нужно» в конкретной ситуации для конструирования смысла происходящего. Именно конструирования, а не понимания: героиня заинтересована не в проникновении в смысловое существо случая, а в придании ему того смыслового потенциала, который соответствует ее внутренним потребностям. В этом плане деятельность изображенной героини отчасти напоминает деятельность интертекстуальную: выстраивая нарратив личного поступка, она опирается на опыт собственного чтения, выбирая из «резервуара» своей памяти те модели, в соответствии с которыми ей представляется разрешимой ее экзистенциальная ситуация.

Такого рода взаимоотношения человека с литературой, когда читательский опыт привлекается субъектом в качестве фактора понимания событий его собственной актуальной практики, в науке о литературе получили множественное осмысление, например в теории фрейма У. Эко, теории повествовательной идентичности П. Рикера, последних работах В. Изера о функциональной ценности литературы [3], идее М. Фуко об идентичности как продукте распространенных в культуре дискурсивных форм, теории литературного переживания А. Зорина, дополняющей теорию литературного поведения Ю. М. Лотмана [4], и т. д. Речь в данном случае идет о феномене текстуализации («олитературивания») эмоции и поведения: субъект выстраивает собственное переживание и собственный поступок в опоре на те модели, сценарии и схемы (нарративные и жанровые), источ-

ником которых для него является художественная словесность.

В самой художественной литературе данная ситуация также нашла свое отражение – в произведениях о героичитателе, герое, изображении читательского опыта которого становится сюжетогенным событием. Такой герой функционирует в литературе уже на протяжении нескольких веков, если иметь в виду его первые изображения в литературе европейского Средневековья – у Августина Блаженного, Данте, Сервантеса и Шекспира. К данной парадигме принадлежит и текст Г. Айзенрайха – исключительный случай в сфере литературы о читателе, так как в нем не только герой изображен в акте «применения» литературной модели ради конструирования смысла собственной истории, но и читатель настойчиво привлекается автором к воспоминанию того прецедентного текста, «применение» которого, в соответствии с рецептивной стратегией новеллы, является важнейшим фактором формирования смысла читаемой истории.

Героиней новеллы Г. Айзенрайха является молодая женщина, образ которой с первых же фраз детерминируется ее высоким социальным статусом: «Она родилась в богатой семье, да и замуж вышла за ровню, с мужем и детьми она жила теперь в двухэтажной вилле на берегу озера... той налаженной жизнью, которая дается привычным, потомственным благосостоянием» [5]. Услышав на улице обращенную к ней просьбу молодой девушки о милостыне, она внезапно чувствует себя втянутой «в нечто такое, чего до сих пор еще не испытывала, о чем только читала, – в приключение, как у Достоевского!» [6]. Возбужденная предоставленным шансом пережить «литературное приключение», героиня в благотворительном порыве приглашает девушку в ресторан, принимая ее робкие попытки отказа за выражение стеснения и испуга. На «приключение как у Достоевского» героиня возлагает совершенно определенные надежды: это не только стремление пережить удовлетворение собственным гуманизмом, но и попытка преодолеть мучительное чувство утраты самоидентичности. Не решившись на дорогой подарок мужу, она «по собственной воле очутилась в каком-то низменном, неподобающем ей положении», сделавшем ее «бесконечно несчастной». В этой ситуации «полной сумятицы чувств» и «ощущения неблагополучия» неожиданную просьбу о помощи героиня воспринимает как «шанс возмес-

тить себе» утрату чувства собственного достоинства. Бедную девушку она воспринимает как «редкостную, бесценную добычу, которую счастливый случай прямо-таки отдал ей в руки» [7], чтобы «заполнить горестный провал». Моделирование литературного события в цитации русского классика, таким образом, расценивается героиней как отмена унижительного эпизода, засвидетельствовавшего ее «мелочность и черствость», и замена его высоким гуманным жестом, освященным литературой. Воспринимая апелляцию к литературе как форму искупления, героиня предпринимает не что иное, как экспансию в жизнь своего читательского опыта: она не только сама воспроизводит литературный жест, но и просительнице присваивает «литературную принадлежность», ожидая исполнения повествовательной схемы, в которой за благотворительностью дарителя должна последовать благодарная исповедь одариваемого.

Однако в своих «литературных» ожиданиях героиня терпит неудачу: довести до конца задуманную роль великодушной подаятельницы ей не удастся из-за неожиданного сопротивления и бегства девушки. Как выясняется в ходе повествования, та незначительная сумма, о которой просила героиню бедная девушка, нужна была ей вовсе не «на кусок хлеба», а на трамвай и перронный билет, чтобы попасть на вокзал и проводить своего друга, с которым она была разлучена злой волей опустившегося родителя. Но, боясь отказа, девушка обратилась к незнакомке с обманной просьбой и, попав «в тиски ее благотворительности», упустила последнюю возможность встречи с любимым. Благотворительное намерение героини воплощается в невольном, но разрушительном акте. Цитация, которой она была одержима в стремлении компенсировать собственную недостаточность, разрушает саму возможность диалога, понимания и помощи.

Впрочем, «приключение как у Достоевского» не удалось только на первый взгляд: цитата, жестоко-неуместная по отношению к просительнице, в отношении ее инициатора оказывает благотворное воздействие. В финале новеллы героиня признается себе в глубокой ценности и значительности происшествия, в котором она, казалось бы, потерпела фиаско. Пройдя через искус примитивного раздражения и злобы по поводу бессмысленно потраченных усилий и осознав непроницаемость чужой судьбы для постороннего, эгоистически заинтересованного взгляда, героиня переживает катарсиче-

ское просветление. «Литературное приключение», пусть и закончившееся вопреки «читательским» ожиданиям героини, осмысливается ею как способ «обретения истинного опыта», подлинного знания о себе, о другом и как способ обновления, начала «новой жизни». «Она плакала, уткнувшись лицом в колючий шерстяной платок, понимала, что домашние это заметят, но не могла остановиться и продолжала тихо и беззвучно плакать по дороге домой, она плакала в постели, со слезами уснула и со слезами начала новый день, новую жизнь, в которой очутилась с пустыми руками – и тем богаче» [8]. Катарсис героини многосмыслен, но преодоление веры в возможность подчинения действительности литературной схеме составляет его очевидный элемент.

Автор, как мы сказали выше, умалчивает о том, что почву его интертекстуального предприятия составляет новелла К. Мэнсфилд, рассчитывая на счастливый случай читательской компетенции. В рамках этого случая «образцовый читатель» (У. Эко), очевидно, должен обнаружить не только «вторичность» сюжета новеллы Айзенрайха, но и то отличие в изображении события, ради которого, вероятно, и затевался интертекстуальный проект Айзенрайха. Для его выявления остановимся на новелле К. Мэнсфилд.

В ее тексте эгоистическая подоплека «благотворительного», предпринятого по высокому литературному образцу жеста героини представлена более чем определено. Возможность оказать помощь молодой нищенке героиня Мэнсфилд также воспринимает как увлекательное приключение – «совсем как у Достоевского», приключение, которое позволило бы ей пережить неведомые чувства, проявив сладостное великодушие и сыграв привлекательную роль «доброй волшебницы». Недаром в мыслях героиня именуется бедную девушку «собственной пленницей» и «настоящей находкой»: милостыня по адресу просительницы позволит ей осуществить то, о чем «все время пишут в книжках»: «Показать ей... Проявить к ней... Пусть она почувствует» [9] – так объясняет героиня мотивы своей «акции» мужу. Однако, будучи уязвлена замечанием последнего о необыкновенной красоте девушки, героиня легко отказывается от собственного намерения устроить ее судьбу по той простой причине, что внешне проигрывает на ее фоне.

Г. Айзенрайх, предпринимая вторичную разработку той же фабулы, сохраняет эгоистическую подоплеку благотвори-

тельного поступка своей героини, в то же время значительно усложняя его мотивацию. В основе отзывчивости безымянной героини австрийского новеллиста лежит не только желание пережить литературное приключение и потом рассказать о нем приятельнице, но в первую очередь потребность в преодолении унижительного чувства утраты тождества с самой собой.

Этот мотив смятенности чувств намечался и в новелле К. Мэнсфилд. Отказавшись от немедленной покупки антикварного ларчика, показавшегося ей слишком дорогим, героиня испытывает странное чувство, впрочем, ничего общего не имеющее с чувством утраты внутренней целостности героини Айзенрайха. Хотя подробно этот мотив у Мэнсфилд не развернут, очевидно, что речь идет об эстетическом, а не экзистенциальном переживании: героине становится досадно, что она не унесла с собой красивую вещь, радость обладания которой позволила бы ей остаться безучастной по отношению к печальной картине зимних сумерек: «У воздуха был холодный, горьковатый привкус. Только что зажженные фонари казались печальными, как и огни в доме напротив. Они горели тускло, точно о чем-то сожалели... А люди шныряли взад и вперед, укрывшись под уродливыми зонтиками. У Розмери странно защемило сердце. Она поднесла муфту к груди. Ей было жаль, что она не унесла с собой ларчик, – его же можно было прижать к себе... В жизни бывают такие минуты – страшные минуты, когда человек внезапно вылезает из своей скорлупы и видит мир, и это ужасно» [10]. Это переживание и прерывает просьба «призрачной девушки».

Айзенрайх меняет и причины провала благотворительной акции героини. В новелле К. Мэнсфилд «литературная» несостоятельность героини обусловлена ее ревностью о своей внешности: откупившись от просительницы незначительной суммой, причесавшись и поправив макияж, она обращается к мужу с вопросом «А я хорошенькая?», совершенно позабыв о своих «литературных» амбициях. В новелле же Айзенрайха, как мы видели, неудача героини обусловлена совершенно другим фактором, а именно эгоистическим равнодушием к тайне чужой жизни. Причем Айзенрайх значительно усложняет структуру повествования по сравнению с текстом-первоисточником, вводя фрагменты, в которых событие подается сквозь призму восприятия девушки. Моделируя таким образом полифонический эффект, автор так и оставляет свою ге-

роиню (богатую даму) в неведении относительно подлинных причин собственной несостоятельности в роли героини Достоевского. Однако понимание сокровенности чужой жизни, непроницаемости для эгоистического вторжения, пусть и под маской благотворительного поступка, выливается в благой катарсический итог «приключения».

Таким образом, Айзенрайх, демонстративно воспроизводя «готовую» фабулу, значительно усиливает драматизм человеческих взаимоотношений в ситуации опосредованности их читательской деятельностью одного из участников ситуации. Присваивая своей героине и опыт разочарования во всемогущей литературе, и опыт смысловых обретений в опоре на нее, он подтверждает мысль М. Пруста о «важности и, одновременно, ограниченности чтения в нашей жизни» [11]. Важность литературного опыта здесь связывается с тем, что он обеспечивает энергию духовной жизни. Однако, делегируя читателю привлекательный образ, книга может стать для него и инструментом эгоистического самоосуществления – если, вовлекая в этот процесс другого, читатель не рассматривает его в качестве носителя сокровенной субъективности. В этой ситуации цитирование литературного жеста обрекает читателя на поражение, неважно, осознанное (как в новелле Айзенрайха) или не осознанное им (как в новелле Мэнсфилд). Если же цитирование, помимо ценности самоосуществления, подразумевает ценность свободы другого, его итог оборачивается значительными обретениями.

В новелле К. Мэнсфилд семантика подобного обретения отсутствует. Недаром композиционно новелла закольцована изображением одного и того же переживания героини, и ее последняя фраза очевидно коррелирует с первой: новелла начинается с констатации того факта, что «Розмери не была красива», и заканчивается ее взволнованным вопросом относительно своей внешности. В новелле Айзенрайха, наоборот, первая и последняя фразы находятся в напряженных антитестических отношениях. В первой фразе констатируются прочность и благополучие как основные черты жизни героини, в последней фразе круг налаженного существования оказывается разомкнут к «новой жизни» – и именно благодаря неудаче эгоистического (вне фактора ответственности перед другим) воплощения читательского опыта, неудаче, ставшей предметом рефлексии героини.

В счастливом случае читательской реализации той «разницы потенциалов» (С. Шабоук) между текстом Айзенрайха и текстом Мэнсфилд, которую, очевидно, подразумевал первый автор, восприятие его текста оказывается акцентированно сосредоточено на проблематике ответственности. Регистр интертекстуального диалога, подразумеваемого в текстовой структуре новеллы Айзенрайха, выводит эту проблематику на уровень катарсического переживания – подобно катарсическому разрешению «достоевского» приключения самой героини. В акте «образцовой» рецепции читатель Айзенрайха понимает, что «литературное приключение» в эгоистическом простодушии его инициатора является предприятием не просто смешным (как в новелле Мэнсфилд), но и бесповоротно разрушительным. Усмешку сменяет «моральная рефлексия» (Г.-Р. Яусс) – запрограммированный результат того интертекстуального диалога, на осуществление которого нацелена рецептивная программа австрийской новеллы.

Итак, в рамках этого уникального текста в пространство интертекстуальной коммуникации оказываются вовлечены все литературные субъекты: и автор, и читатель, и герой. Для автора материалом интертекстуального диалога является отношение собственного текста к прецедентному, для читателя – корреляции двух литературных текстов, для героя –

отношение нарратива собственного поступка к тексту заимствованной литературной роли. В новелле Айзенрайха интертекстуальный диалог, будучи включенным в рецептивную программу текста, является его (текста) объективной данностью, а не только вероятностным событием рецепции (как он был описан в интертекстуальной теории), хотя реализация его, конечно, остается уделом читательской удачи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Айзенрайх Г.* Приключение как у Достоевского // Австрийская новелла XX века : пер. с нем. М., 1981. С. 450–462.
- [2] *Мэнсфилд К.* Чашка чаю // Английская новелла : пер. с англ. М., 1997. С. 322–331.
- [3] *Изер В.* Изменение функций литературы // Современная литературная теория : антология / составление, перевод и прим. И. В. Кабановой. М., 2004. С. 22–45; *Его же.* К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 7–21.
- [4] *Зорин А.* Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива // История и повествование : сб. ст. М., 2006. С. 12–27.
- [5] *Айзенрайх Г.* Ука. соч. С. 450.
- [6] Там же. С. 454.
- [7] Там же. С. 455.
- [8] Там же. С. 462.
- [9] *Мэнсфилд К.* Указ. соч. С. 330.
- [10] Там же. С. 325.
- [11] *Таганов А.* Мотив книги в творчестве Марселя Пруста // Теория и мифология книги. Французская книга во Франции и России. М., 2007. С. 124.

ОБОЗНАЧЕНИЯ КРАТКОВРЕМЕННОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И. БРОДСКОГО

Проанализированы особенности функционирования обозначений кратковременности в поэтическом языке И. Бродского. Определена специфика репрезентации временных лексем *миг*, *мгновение*, *момент*, *минута*, *секунда* в идиостиле поэта с учетом своеобразия их семантического объема.

Ключевые слова: время, миг, мгновение, момент, минута, секунда, И. Бродский.

Время, являясь одной из ключевых бытийных категорий, отражает объективную реальность через систему языковых средств и формирует концептуальную основу мира. Изучение времени в художественных текстах способствует раскрытию общей картины мира, переосмысленной сознанием писателя и наделенной особыми авторскими оценками и коннотациями. Своеобразную реализацию категория времени находит в поэтических произведениях И. Бродского, где она занимает центральное место и становится ключом к пониманию всего художественного мира писателя.

Временная действительность в текстах И. Бродского большей частью создается с помощью лексических средств языка, поскольку они наделены большим индивидуально-авторским статусом, нежели грамматические показатели. Временная модель, воплощенная в произведениях поэта, представляет собой сложную разноуровневую систему, состоящую из темпоральных лексем, выражающих разную длительность.

Своеобразную актуализацию, наполненную богатством смысловых оттенков, в поэтических текстах И. Бродского содержит группа темпоральных слов, описывающих короткий интервал времени (*миг*, *мгновение*, *момент*). Каждый из показателей кратковременности представляет собой неделимую единицу соответствующей временной системы, передает восприятие, переживание времени субъектом речи и подразумевает оценку событий, заполняющих определенные временные промежутки [1].

Миг, *мгновение* и *момент* «входят в лексико-фразеологическое поле концепта *время* как видовые значения, обозначающие определенные отрезки времени, наполняя и дополняя концепт *время* новыми смыслами», способствуя более полному осознанию концептуальных признаков основного мыслительного образования, объективируемого словом *время* [2].

Согласно толковым словарям русского языка лексемы *миг*, *мгновение* и *момент* являются синонимами, передающими значение очень короткого промежутка времени [3; 4]. Однако Е.С. Яковлева, подробно исследовавшая специфику употребления обозначений кратковременности, указывает на наличие в их семантике дополнительных, коннотативных смыслов, связанных со своеобразием понимания названных отрезков времени носителями русского языка. По мнению Е.С. Яковлевой, в сферу описания данных темпоральных лексем попадают значимые для субъекта события, поскольку значение непродолжительности того или иного эпизода повышает ценность всего происходящего, а следовательно, такие слова передают особое, эмо-

ционально насыщенное мироощущение говорящего. В зависимости от интерпретации темпоральных единиц, Е.С. Яковлева выделяет три модели времени: «бытовое, повседневное» (*минута, секунда*), «исключительное, надбытовое» (*миг, мгновение*), «рациональное, аналитическое» (*момент*) [1, с. 87]. Тем самым автор указывает на различие данных слов: если *минуты* и *секунды* выступают как «объективные показатели точного (“квантифицированного”) времени», задающие «повседневную» интерпретацию событий, то *мгновение* и *миг* являются «показателями субъективными, не имеющими объективных характеристик длительности», и описывают какие-либо уникальные явления человеческой жизни [5, с. 102].

В поэтическом языке И. Бродского слова *миг, мгновение* и *момент* выступают в традиционном словарном значении и называют предельно краткий временной отрезок. Необходимо отметить, что данные лексемы в произведениях поэта не всегда имеют те дополнительные смыслы, которые выделяет в своих работах Е.С. Яковлева. Однако следует подчеркнуть, что вышеуказанные слова способны обретать в текстах И. Бродского индивидуально-авторские, окказиональные смыслы и содержать в своей структуре новые семы.

Временные единицы в произведениях И. Бродского в большинстве случаев входят в состав устойчивых синтаксических конструкций, передающих определенное темпоральное значение. Наиболее регулярными и частотными в поэтическом языке являются структуры типа *на + миг/мгновение, в миг/мгновение*. Первая из названных конструкций передает значение очень короткого временного интервала, в течение которого успевают произойти какое-либо явление или событие: *Вот в ту минуту я, клянусь вам, мог/убить его. В глазах моих стемнело,/ я ощутил, как заливает мозг/ горячая волна, и на мгновение,/ мне кажется, я потерял сознание или Канал, деревья замерли на миг./ Холодный вечер быстро покрывался/ их взглядами, а столик между них/ той темнотой, в которой оказался* (здесь и далее курсивом выделены фрагменты произведений И. Бродского из источника [6]). Вторая конструкция чаще всего используется с прилагательным *данный* и указательными местоимениями (*тот, этот*), задающими конкретный промежуток времени, или неопределенными местоимениями (*какой-то*), которые встречаются гораздо реже: *Еще один*

продлись все это миг,/ сатир бы одиночество постиг,/ ручьям свою ненужность и земле;/ но в то мгновение мысль его ослабла или Мужик, гуляючи, забрел в дремучий бор,/ где шел в тот миг естественный отбор. Примеры употребления конструкции *в миг/мгновение* без указательных лексем единичны, в таких случаях данная структура характеризуется либо с помощью придаточного, либо определительного оборота: *Все вышло лучшим образом. Луна,/ собаки, кошки, суеверье, сосны –/ весь механизм сработал. Он взобрался/ на перевал. Но в миг, когда уже/ одной ногой стоял в другой державе,/ он обнаружил то, что упустил:/ оборотившись, он увидел море или Почувствуешь ли в панике большой/ бессмертную погоню за душой,/ погоню, чтобы времени не ждать,/ с той выгодой, чтоб чувства передать/ в мгновение, схватившее виски,/ в твой век по мановению тоски,/ чтоб чувства, промелькнувшие сквозь ночь,/ оделись в серебро авиапочт.* Таким образом, наречные сочетания *в тот же миг, на миг* и другие передают в поэзии И. Бродского краткость совершаемого действия и выступают в значениях «тотчас же» и «сразу же», указывая на максимальную быстроту наступления события: *И те врача признать в нем в тот же миг/ готовы под воздействием иголок,/ когда б не расковыривал он их,/ как самый настоящий археолог.*

При употреблении конструкции *в миг* с существительным в родительном падеже происходит расширение значения темпоральной лексемы, обозначающей состояние человека или время протекания какого-либо события; количественная семантика в таком случае заменяется качественной, событийной: *Забудем о дешевом графе!/ Заломим брови!/ Поддать мы в миг печали вправе/ хоть с принцем крови! или Фразам, проглоченным в миг ареста./ Помеси голого тела с хвойным/ деревом, давшей Сан-Себастьяна.*

Качественную дифференциацию слово *миг* приобретает в составе сочетаний с прилагательными *последний, смертный*, обозначая наступление смерти, ее приход: *Не все ль равно – нет-нет, блестит звезда,/ листва безмолвно слышит крик суровый,/ слова о том, что в смертный миг уста/ шепнут – то их настигнет в жизни новой или Снег, снег летит; о чем в последний миг/ подумает, тем точно станешь после, –/ предметом, тенью, тем, что возле них,/ птенцом, гнездом, листвою, тем, что подле.* В подобных словесных формулах лексема *мгновение* в

поэзии И. Бродского не употребляется, хотя указанные конструкции являются регулярными в системе русского языка.

Лексема *мгновение* в произведениях И. Бродского входит в состав аллюзий к А.С. Пушкину (*спустить бы с лестницы их всех,/ задернуть шторы, снять рубашку,/ достать перо и промокашку,/ расположиться без помех/ и так начать без суеты,/ не дожидаясь вдохновенья:/ «я помню чудное мгновенье,/ передо мной явилась ты»*) и И. Гёте («*Остановись, мгновенье, ты прекрасно»*). Меж нами дьявол бродит ежечасно/ и поминутно этой фразы ждет). Необходимо отметить, что, вводя в контекст цитаты из И. Гёте, И. Бродский подчеркивает не столько прелесть мгновения, сколько его необратимость: *Остановись, мгновенье! Ты не столь/ прекрасно, сколько ты неповторимо*. Неповторимость того или иного темпорального промежутка создает образ однонаправленного времени. Такое время имеет границы минувшего и настоящего, в пределах которых происходит изменение сущности временного отрезка, вследствие чего меняется и его восприятие человеком: *В новой жизни мгновенью не говорят «постой»:/ остановившись, оно быстро идет насмарку*. Современная интерпретация знаменитых поэтических откровений наблюдается во многих текстах И. Бродского, крылатые выражения словно служат в произведениях поэта для обрисовки жизненных явлений и характеристик человеческих образов: «*Остановись, мгновенье, ты прекрасно»*. Меж нами дьявол бродит ежечасно/ и поминутно этой фразы ждет./ Однако, человек, майн либе геррен,/ настолько в сильных чувствах неуверен,/ что поминутно лжет, как сивый мерин,/ но, словно Гёте, маху не дает.

Особому осмыслению в творчестве И. Бродского подвергается сочетание *каждый миг*, оно в текстах поэта всегда связано с какими-либо изменениями, затронувшими определенные предметы и вещества: *Жизнь – сумма мелких движений. Сумрак/ в ножнах осоки, трепет пастушьих сумок,/ меняющийся каждый миг рисунок/ конского щавеля, дрожь люцерны,/ чабреца, тимофеевки – драгоценны/ для понимания законов сцены или По существу, вода –/ сумма своих частей,/ которую каждый миг/ меняет их чехарда;/ и бредни ведомостей/ усугубляет блик*. Несмотря на быстротечность и непродолжительность мига, в пределах его границ также наблюдается закон движения и изменения, затрагивающий всё существующее и живущее в этом мире.

Кроме того, в текстах И. Бродского присутствует еще одна структура, с состав которой входят лексем *мгновение* и *миг* (показатели кратковременности + *спустя*). Данная конструкция, с одной стороны, свидетельствует о быстрой смене временного промежутка, с другой – указывает на возможность перемен, которые могут произойти с человеком за это короткое время: *В два часа пополудни силуэт почтальона/ приобретает в подъезде резкие очертанья,/ чтоб, мгновенье спустя, снова сделаться силуэтом или он выпрямляется и, миг спустя,/ со лба отбрасывая пряди,/ кидается к автобусу – хотя/ жизнь позади длиннее жизни сзади*.

Несмотря на моносемантическую лексем *миг* и *мгновение* и довольно четкую их семантическую структуру, поэтическому языку И. Бродского свойственно наделение данных временных единиц дополнительными индивидуально-авторскими коннотациями. Новое, своеобразное наполнение вышеуказанные слова получают в текстах И. Бродского за счет особой сочетаемости, создающей оригинальный временной образ.

Так, например, временные отрезки, несмотря на свою фиксированную продолжительность, могут в поэтическом языке быть продленными, что связано с их субъективным авторским восприятием: *Жива, мертва ли –/ но каждой Божьей твари/ как знак родства/ дарован голос для/ общенья, пенья:/ продления мгновенья,/ минуты, дня*. В таком случае *миги* и *мгновения*, не обладая объективной мерой длительности, способны передавать субъективное переживаемое время, соответствующее целому жизненному фрагменту, и выступать в качестве показателей повышенной эмоциональной напряженности [1, с. 81]. В примерах подобного типа, по мнению Е.С. Яковлевой, темпоральные лексем подразумевают значимость и уникальность описываемого, указывая на ценность и неповторимость определенного явления или состояния [1, с. 87]: *Поймешь, быть может, на мгновенье,/ густую штору теребя,/ во тьме великое стремленье/ нести куда-нибудь себя или Бежать, бежать через дома и реки/ и все кричать – мы вместе не навеки,/ останься здесь и на плече повисни,/ на миг вдвоем посередине жизни*. Таким образом, показатели кратковременности могут обозначать особое время, время максимального проявления чувств, в течение которого с героями происходит какая-либо важная духовная перемена.

Однако примеры с использованием лексем *миг* и *мгновение* в текстах И. Бродского не всегда вписываются в рамки вышеназванной позиции; зачастую данные слова передают время протекания событий повседневной жизни, не отмеченной какими-либо исключительными и незабываемыми ситуациями: *Кресло стоит и вбирает теплый/ воздух прихожей. В стояк за каплей/ падает капля из крана. Скромно/ стрекочет будильник под лампой. Ровно/ падает свет на пустые стены/ и на цветы у окна, чьи тени/ стремятся за раму продлить квартиру./ И вместе все создает картину/ того в этот миг – и вдали, и возле –/ как было до нас. И как будет после.* Вместе с тем *миг* и *мгновение* в поэтических произведениях И. Бродского, зарождаясь в будничном и постоянном, способны создавать некий диссонанс в происходящем и нарушать обыденный ход вещей: *Не так приятны перемены,/ как наши хлопоты при них,/ знакомых круглые колени/и возникающий на миг/ короткий запах злого смысла/ твоих обыденных забот,/и стрелки крутятся не быстро,/ и время делает аборт.*

Важно отметить, что *мгновение* в творчестве И. Бродского осознается как составляющая часть более крупного временного промежутка, часть, которая поддается измерению: *Пространство и года/ (мгновений гряда),/ ответы на «когда»,/ «куда», «откуда».* В данном примере метафорический образ времени возникает за счет актуализации семы конкретного значения, так *мгновение* уподобляется чему-то вещественному и созерцаемому, тому, что может быть в большем количестве. Кроме того, следует отметить и двусмысленность содержания вышеназванного поэтического фрагмента, поскольку нельзя однозначно понять, что представляет собой сумма мгновений – только время или синтез времени и пространства, ведь *мгновение*, как и *миг*, способно описывать некую пространственно-временную сущность, быть атомарной частицей пространственно-временного бытия [1, с. 65]: *До свиданья! Прощай! Там не ты – это кто-то другая,/ до свиданья, прощай, до свиданья, моя дорогая./ Отлетай, отплывай самолетом молчанья – в пространстве мгновенья,/ кораблем забыванья – в широкое море забвенья или Но жизни остается миг/ в пространстве между двух десниц/ и в стороны от них. От них./ Однако же, стремясь вперед,/ так тяжок напряженный взор,/ так сердце сдавлено, что рот/ не пробует вдохнуть простор.*

Не только *мгновения* и *миги* измеряются в текстах И. Бродского пространством, им определяется и само Время жизни: *жизнь, в сущности, есть расстояние между сегодня и завтра.*

Несмотря на скоротечность *мига*, он в творчестве И. Бродского является довольно значимым для героев, поскольку даже за небольшой интервал времени с человеком может произойти что-то важное и непоправимое: *Еще один продлись все это миг,/ сатир бы одиночество постиг,/ ручьям свою ненужность и земле;/ но в то мгновенье мысль его ослабла.* *Миг, мгновение* для поэта также весомы, как и темпоральные промежутки большей длительности, поскольку каждая из частиц времени, даже пусть и самая малая, есть само Время, деструктивно воздействующее на все живое, а следовательно, представляющее опасность для человека: *Но переживи миг./ И переживи век./ Переживи крик./ Переживи смех.* Этой позиции соответствует осмысление всей жизненной перспективы человека, стремящегося получить всё возможное от каждого мгновения и мига: *В силу того, что конец страшит,/ каждая вещь на земле спешит/ больше вкусить от своих ковриг,/ чем позволяет миг.*

При сопоставлении функционирования лексем *миг*, *мгновение* и *момент* необходимо отметить разницу в частоте их употребления и выражения индивидуально-авторских коннотативных компонентов значения. Наиболее регулярно в текстах И. Бродского реализуются слова *миг* и *мгновение*, причем первое явно доминирует над вторым, а *момент* в поэтических произведениях встречается довольно редко. В большинстве случаев данная лексема выступает в составе конструкции *в + момент + сущ. в род. п.*, указывающей на события, которые имеют место в описываемый интервал времени: *Трамвай бежит в свой миллионный рейс,/ трезвонит громко и, в момент обгона,/ перекрывает звонкий стук подков!* В примерах подобного типа *момент* соотносится с определенной ситуацией, из этого следует, что он обладает «соотносительным масштабом» и может быть «приложим к самому широкому кругу явлений» [1, с. 76]: *А ты – лишает шанса/ столь краткий срок/ попасть в сачок,/ затрепетать в ладони,/ в момент погони/ пленить зрачок или Опуская веки, я вижу край/ ткани и локоть в момент изгиба.* Чрезвычайно значимым является и то, что «моменты описывают промежутки времени безотносительно к характеру их протекания, акцент в данном случае делается на

событийном содержании этих, как бы статичных, фрагментов» [1, с. 79]. Важно отметить, что *момент*, как и другие показатели кратковременности в текстах И. Бродского, практически не сочетается с эпитетами, характеризующими его качество. Описание временного явления осуществляется за счет использования указательных местоимений и временных придаточных, акцентирующих внимание читателей на конкретном темпоральном промежутке: *И скорей, чем турист, / готовый нажать на спуск / камеры в тот момент, / когда ландшафт волнист, / во мне говорит моллюск или Человек, дожив до того момента, когда нельзя / его больше любить, брезгуя плыть противу / бешеного течения, прячется в перспективу*. Однако в сочетании с прилагательным *определенный* временной интервал приобретает условный характер и описывает время, абстрагированное от конкретных физических единиц измерения: *Мысль выходит в определенный момент за рамки / одного из двух полушарий мозга / и сползает, как одеяло, прочь, / обнажая неведомо что, точно локоть; ночь, / безусловно, громоздка*. Кроме того, следует отметить, что лексема *момент* в порядке метонимического переноса может обозначать событие или действие, заключенное в определенные темпоральные рамки: *Любовь – воспитанница фей, / возлюбленный твой – нынешний Орфей, / и образ твой – фотографа момент, / твой голос – отдаленный дискленд*.

Таким образом, лексемы *миг*, *мгновение* и *момент* являются основными показателями кратковременности и получают в поэтических текстах И. Бродского яркое выражение за счет индивидуально-авторских интерпретаций. Однако существуют и другие темпоральные единицы, передающие значение краткого временного отрезка, к ним относятся *минута* и *секунда*. Данные слова способны передавать как объективную фиксированную длительность, так и субъективную, обозначая небольшой по продолжительности промежуток времени.

В своем прямом значении *минута* принадлежит к единицам физического времени, поэтому в текстах И. Бродского являются частотными количественные сочетания с данной лексемой, измеряющие и описывающие само Время. Использование числительных в языке поэта конкретизирует точный момент времени, определяемый по минутам: *За сигаретами вышедший постоялец / возвращается через десять минут к себе*, или обозначает количество времени, необходимого для

осуществления какого-либо действия: *И будильник так тикает в тишине, / точно дом через десять минут взорвется*.

Конкретизация темпорального интервала осуществляется и посредством указательных местоимений, выделяющих из всего времени минуту, отмеченную каким-либо явлением: *Вот в ту минуту я, клянусь вам, мог / убить его. В глазах моих стемнело, / я ощутил, как заливают мозг / горячая волна, и на мгновенье*. В примерах подобного типа *минута* уже означает небольшой по длительности промежуток времени, то есть носит относительный характер.

В конструкции *в + минуту + суц. в Род. п.* показатель кратковременности указывает на время протекания какого-либо состояния или акцентирует внимание на определенном событии: *Но, как известно, именно в минуту / отчаянья и начинает дуть / попутный ветер. И великий муж / покинул Карфаген*. Данный пример подтверждает мнение Е.С. Яковлевой, полагающей, что *минута* в русском языковом сознании не только передает «повседневные эмоции и настроения», но и тяготеет «к описанию эмоциональной сферы, внутреннего мира субъекта» [5, с. 106]; при этом, как отмечает исследователь, *минута* соотносится не с долговечными духовными состояниями, а с преходящими душевными [7, с. 60].

По мнению Е.С. Яковлевой, *минута*, обозначая бытовое время, не способна «выйти за пределы «частного существования» в силу априорной заданности своей величины», она «локализована на «оси» жизни отдельного человека» [1, с. 76] и «ограничена уровнем повседневности» [7, с. 59]. Однако в поэтическом языке И. Бродского можно обнаружить примеры, противоречащие данной позиции; так, сама категория вечности мыслится автором как временной промежуток, содержащий указание на минуты, через которые она может наступить: *А здесь все те же длятся чудеса, / здесь, как и прежде, время три часа, / а может быть – часы мои не лгут – / здесь вечность без пятнадцати минут*. А жизнь человека непосредственно соткана из этих минут, которыми поэт рекомендует дорожить, поскольку в одну из них человеческая судьба может измениться кардинальным образом: *Так научись минутой дорожить, / которую дано тебе прожить, / не успевая все пересмотреть, / в которой можно даже умереть*.

Минуты в творчестве И. Бродского, в отличие от *мигов*, *мгновений* и *моментов*, способны передавать и динамику време-

ни. Так, например, создается метафорический образ *минуты*, которая представляет собой активный субъект движения, уподобляющийся живому существу. Однако если у временных единиц большей длительности возможны различные способы передвижения (*день, ночь, время идет/бежит/летит/ползет*), то у *минуты* в языке поэта наблюдается только один способ, который сопровождает творческий процесс писателя: *Она, пока есть в горле влага,/ не без приюта./ Скрипи, перо. Черней, бумага./ Лети, минута.*

Необходимо отметить, что в поэтических произведениях И. Бродского наблюдаются особые художественные образы минут, наделенные признаками окказиональной изобразительности и своеобразного олицетворения. Так, например, *минуты* в произведениях поэта обладают собственным языком, постичь который человек способен только в состоянии влюбленности: *Умеющий любить, он, бросив кнут,/ умеет ждать, когда глаза моргнут,/ и говорить на языке минут.* Тем самым лексема *минута* в языке И. Бродского не только представлена более широко, чем в узусе, но и отмечена ярко выраженными индивидуализирующими чертами, обусловленными спецификой мировосприятия писателя.

Помимо *минут* как обозначений краткосрочности, в текстах И. Бродского функционируют и *секунды*. *Секунда* в значении основной физической единицы измерения времени в произведениях поэта практически не употребляется. Данная лексема, как правило, выступает в текстах в значении относительно короткого интервала времени, например: *«Неббиа», – произносит, зевая, диктор,/ и глаза на секунду слипаются, наподобье/ раковины, когда проплывает рыба/ (зрачок погружается ненадолго/ в свои перламутровые потемки).* Однако, несмотря на скоротечность секунды, на то, что она одна из мельчайших временных единиц, человек в творчестве И. Бродского зависим от нее и подчинен ей: *Став ничем,*

человек – вопреки/ песне хора – во всем остается./ Ты теперь на все руки мастак – / бунта листьев, падения хунты – / часть всего, заурядный тик-так;/ прощ – топливо каждой секунды.

Таким образом, *миги, мгновения, моменты* и *минуты, секунды* в поэтическом языке И. Бродского являются не только показателями кратковременности, но и обозначениями, описывающими событийную наполненность временных промежутков, их качественную дифференциацию. Данные темпоральные отрезки в произведениях поэта содержат в составе семантической структуры как основные номинативные обобщенные значения, так и индивидуализированные, сформированные авторским замыслом и генерируемые текстом. Поэтический язык И. Бродского характеризуется многообразием смысловых оттенков временных лексем и их концептуальной, психологически-оценочной трактовкой, выдающей неординарность мышления и мироощущения автора.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Яковлева Е. С. Фрагмент русской языковой картины времени // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 73–89.
- [2] Васильева К. Б., Шутова И. И. Обозначения кратковременности в русском и французском языках // Проблемы изучения и преподавания иностранных языков : сб. материалов науч.-практ. конф. «Иностранные языки и мировая культура» (11–15 апр. 2005 г.). Пермь : Перм. ун-т, 2005. 128 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/psu/files/0912/0001.pdf>.
- [3] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. 944 с.
- [4] Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Астрель ; АСТ, 2000.
- [5] Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994.
- [6] Бродский И. А. Стихотворения и поэмы (основное собрание) [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt.
- [7] Яковлева Е. С. ЧАС в русской языковой картине времени // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 54–76.

РУССКАЯ КЛАССИКА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Рассматривается русская классическая литература как необходимый компонент социализации несовершеннолетних преступников, чтение определяется как приобщение к духовным основам и подлинным ценностям.

Ключевые слова: чтение, библиомиссия, русская классическая литература, социализация, несовершеннолетние правонарушители.

За последние десятилетия в ходе экономических и социальных реформ в России произошли существенные изменения в сфере культуры, в том числе и в объеме, функциях и содержании чтения. Исторический опыт показывает, что чтение, с одной стороны, обусловлено образом жизни, культурными традициями, системой образования и в силу этого достаточно консервативно, с другой – оно связано с экономической, социальной, общественно-политической ситуацией в стране, в силу чего весьма изменчиво.

В последние 10–12 лет довольно четко и ясно обозначилось кризисное состояние в области чтения.

Революция в информатике, развитие сети Интернет на наших глазах меняют все привычные виды деятельности в области книжной культуры. Эти перемены сопровождаются отчуждением аудитории от книги, повальным увлечением современными медиа. Падение интереса к чтению, знаковой культуре вообще неизменно вызывает крушение идеалов, морально-этических устоев, многих нравственных понятий и категорий, влекущих за собой снижение культуры, духовное оскудение.

Аза Павлова, корреспондент «Литературной газеты», в статье «Чтобы думать и знать» пишет о том, что в западных странах давно поняли: кризис чтения, особенно в подростковой и молодежной среде, приводит к негативным последствиям, ибо только книга может помочь подрастающему поколению грамотно выражать свои мысли, знать историю страны, научиться чувствовать красоту поэтических образов и метафор, понимать доброту, ощущать зависимость людей друг от друга [1].

В Англии на Би-би-си полным ходом реализуется проект «Я люблю библиотеку», в котором принимают участие известные люди. Даже королева Елизавета, выступая на телевидении, рассказала о том, что чтение книг повлияло на ее становление и отношение к жизни.

Особую роль играет литература в местах лишения свободы. По мнению А.А. Реймера, директора ФСИН России, «тюрьма должна стать и центром социальной адаптации». Находясь в заключении, люди, в первую очередь несовершеннолетние, испытывают чувство оторванности от общества, ощущают дефицит общения. Важное значение в программе социализации осужденных приобретает приобщение к духовным основам и подлинным ценностям, которые можно извлечь из художественной литературы (имеется в виду подлинная, лишенная вульгарности и примитивизма литература, как классическая, так и современная). В процессе социализации несовершеннолетних прес-

тупников большую роль играет именно русская классика. Она, по мнению известного русского ученого, педагога Е.Н. Ильина, «почва, куда высаживаются юные ростки, родник, утоляющий жажду, возможно, последняя инстанция на пути поиска истины», которая, как мы понимаем, не может трактоваться в соответствии с влиянием времени или каких-либо внешних обстоятельств.

Социологическое исследование, проведенное в сентябре 2009 г. кафедрой БИД ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, имело своей целью выявить, какое место в жизни осужденных занимает книга, чтение, каковы интересы, мотивы чтения.

Как показало анкетирование, русская классическая литература вошла в списки и обязательного (образовательного) чтения, и чтения по интересам (в свободное от занятий время). Лидерами в списках стали А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.А. Булгаков. Можно предположить, что определенную роль в этом сыграли удачные экранизации их произведений как в классическом советском кинематографе, так и в современном (постсоветском) кино.

Востребованность русской классики XIX в. вполне понятна, ибо вся художественная литература этого столетия – осмысление человеческого быта и бытия и «обнаружение элементов поэзии и красоты в будничных слоях человеческой жизни» [2, с. 173].

Не случайно первым в списке чтения несовершеннолетних преступников стоит имя А.С. Пушкина. Бесспорно, читателей привлекает в первую очередь язык, «емкий, богатый и чрезвычайно выразительный, великолепный стих» [3, с. 180].

Известный ученый, философ, культуролог Б.Н. Бессонов считает, что интерес к творчеству А.С. Пушкина обусловлен современной исторической ситуацией: «Новое тысячелетие требует переосмыслить наши прежние ориентиры, социальные и духовные ценности... Страна в кризисе, экономическом, политическом, духовном. Как жить, в каком направлении идти... В этих раздумьях нам без Пушкина не обойтись» [4, с. 31].

Но этим не исчерпывается значение Пушкина для осужденных несовершеннолетних преступников. Необходимо помочь им на пути социализации найти в произведениях бессмертного классика «комплекс идей», интересующих нравственно зрелого человека: идеи противостояния личности и общества, личности и государства. Это те произведения А.С. Пушкина,

которые посвящены вопросам цели и смысла жизни, смерти, религии, положения человека в обществе: «Повести Белкина», драма «Борис Годунов», повесть «Капитанская дочка», роман «Евгений Онегин», каменноостровский цикл.

Особое место в творчестве А.С. Пушкина занимает повесть «Капитанская дочка», по сути, его духовное завещание. Здесь писатель пытается ответить на вопрос, который, бесспорно, волнует и несовершеннолетних преступников: как жить в мире, «где всюду страсти роковые и от судеб защиты нет»?

Н.В. Гоголь в свое время охарактеризовал «Капитанскую дочку» как лучшее русское произведение в повествовательном роде: «Сравнительно с “Капитанской дочкой” все наши романы и повести кажутся приторной размазней» [5, с. 237].

А.С. Пушкин был уверен, что никакие преступления не способны стереть до конца в душе человека образ Божий. Пугачев, герой повествования, виновен перед Россией, своим народом за злодейские преступления, но и он заслуживает прощения и милосердия, так как способен покаяться. А.С. Пушкин считал, что жизнь к лучшему можно изменить не кровавыми бунтами, а улучшая нравы, самосовершенствуясь: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молодцы и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полущка, да и своя шейка копейка» [6, с. 359].

Драма «Борис Годунов», написанная за месяц до восстания декабристов, сегодня актуальна как никогда. Мы стали свидетелями нескончаемых «бессмысленных и беспощадных бунтов» не только в странах третьего мира, но и в просвещенной Европе, растут протестные настроения и в России. Сюжетом трагедии, по большей части, являются разные исторические эксперименты над народом. Пушкин откровенно называет внутреннюю политику России обманом, видит причину бедствий народных в традиционном «безмолвии», которое сродни историческому преступлению. Пророчество писателя состоит прежде всего в том, что любое злодейство будет наказано, и «жалок тот, в ком совесть нечиста».

Поэзия А.С. Пушкина также востребована молодыми читателями «закрытой зоны»: как показало собеседование, проведенное в 10-м классе (12 человек) во время Международной научно-практической

кой конференции «Самосовершенствование личности подростка в условиях социальной изоляции» 3 февраля 2011 г., несмотря на кажущуюся хаотичность читательского поведения несовершеннолетних преступников, в нем можно обнаружить четко прослеживающуюся тенденцию. При несомненном преобладании (в количественном отношении) эпических жанров в чтении респондентов поэзия, особенно лирика А.С. Пушкина, оказалась востребованной. Заметим, что частое упоминание русских классиков XIX в. не всегда связано с действительным литературным выбором. По мнению В.Н. Волковой, «эти имена всегда на слуху, даже у закоренелых нечитателей, поэтому с легкостью ложатся в строку анкеты. Тем не менее, живость и животворность пушкинского чтения для человека современной России очевидны» [7, с. 193].

Известный русский философ И.А. Ильин писал: «Пушкин... нам дан для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории, чтобы сосредоточить в себе все необъятное богатство русского духа и всю вселенскую ширину и вернуть все это в глаголах бессмертной красоты...» [8, с. 22].

Приобщение к поэтическому наследию А.С. Пушкина укрепит, просветлит, очистит души заблудших, позволит, возможно, осознать собственную греховность, поможет постигнуть гармонию добра и красоты, к которой пришел Пушкин путем сомнений, страданий, отрицания.

Не случайно в числе перечитываемых авторов назван И.А. Крылов. Именно о нем писал Н.В. Гоголь: «Выбрал он себе форму басни, всеми пренебреженную, как вещь старую, негодную для употребления и почти детскую игрушку, – и в сей басне умел сделаться народным поэтом. Эта наша крепкая русская голова, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум... словом – всюду у него Русь и пахнет Русью» [9, с. 364–365].

Читая басни Крылова, можно изучать не только быт, но и нравы, обычаи, обряды, «сгиб русского ума, склад его речи». В предельно лаконичной форме он сумел выразить сам дух русского человека, его здравый практический взгляд на природу вещей. Молодым людям, лишенным возможности получать житейский опыт в нормальной, нравственно вмняемой среде, Крылов будет полезен как наставник духовности: через характеристики героев, ситуации, в которых они оказываются, можно легко обнаружить те черты, которые и сейчас являются тягчайшими по-

роками человека: самодурство, коварство, жестокость, приспособленчество, лицемерие.

Говоря о творчестве Ф.М. Достоевского, следует отметить, что обращение к его произведениям как к необходимому элементу социализации несовершеннолетних преступников вызвано в первую очередь особенностью таланта великого гуманиста: «Великий писатель учит различать в самой падшей душе “искру Божию”... он внушает сострадание к несчастным... и сострадание великое» [10, с. 186].

Ограничимся лишь обращением к роману «Преступление и наказание». Ф.М. Достоевский жестко и однозначно осудил идеи «сверхчеловеков», которые берут на себя право преступать закон, мораль, нравственные запреты, что, по сути, уже сделано несовершеннолетними заключенными. Герой романа Родион Раскольников, пройдя через муки, потерю связи с миром, с людьми, только тогда встал на путь воскрешения (возвращения к себе самому и к обществу), когда осознал, что нарушил не столько юридический (и это тоже!), сколько изначальный, нравственный закон.

Говоря о роли русской классической литературы в процессе социализации несовершеннолетних преступников, нельзя не назвать Л.Н. Толстого, поистине наставника нашей духовности. Написанное им не только монументально, но и высоко духовно. Л.Н. Толстой избирал дорогу исключительную: это путь «добра, простоты и правды». На протяжении всей своей жизни он искал основы духовной устойчивости человека.

Начало XXI в. отмечено всеобщей смятенностью духа, ожесточением, распадом прежних связей и вместе с тем поисками новых путей и прозрением новых истин, а это было характерно и для рубежа XIX–XX вв. Именно в эти годы творчество Л.Н. Толстого развивается под знаком острой, тяжелой, необратимой ломки существующего уклада и мирозерцания людей. В 1900-е гг. написаны статьи «Одумайтесь!», «Не могу молчать!», в которых Толстой выражает страстное, открытое и резкое осуждение насилия. Знакомство с публицистикой, ранее незнакомой несовершеннолетним нарушителям, безусловно, поможет осознать, что недопустимо преуспевание отдельно взятой личности, понять, что «жизнь одна во всем и каждый несет в себе только часть этой одной жизни» [11, с. 481].

Всем своим творчеством Л.Н. Толстой утверждал: жизнь невозможна без сози-

дательных, добрых сил, и человек должен строить свое существование в соответствии с ними. Писатель считал, что нравственная истина не есть нечто отвлеченное, а существует как руководство к действию. Она необходима человеку, чтобы решить, «как относиться к обществу людей, среди которых живешь, как кормиться, как жениться, как воспитывать детей. Как молиться, как учиться и многое другое» [12, с. 136–137].

Ульрика Мюллер, участница немецкого проекта «Библиотека юного правонарушителя», считает, что чтение является неотъемлемым, если не основополагающим, элементом социализации несовершеннолетних преступников. Книга, по ее мнению, – это дверь в другой мир, это друг, который говорит: «Ты не один со своими проблемами...» [13].

Российское законодательство оставляет судьям достаточное пространство для маневра при выборе наказания, особенно если речь идет о несовершеннолетних правонарушителях. Но выполняют ли наказания свою главную цель: наставить на путь истинный? В этом и заключается смысл «библиотерапии»: помочь молодому человеку разобраться в собственной си-

туации, выйти на свободу с четкими представлениями и понятиями о жизни, основанной на нравственном бытии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Павлова А. Чтобы думать и знать // Литературная газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lgz.ru/article/2414>.
- [2] Андреев Д. Л. Роза мира: метафилософия истории. М., 1991.
- [3] Там же.
- [4] Бессонов Б. Н. Литературные портреты русских писателей. М., 2003.
- [5] Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 2007.
- [6] Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1981. Т. 5.
- [7] Волкова В. Н. Книга и чтение на пересечении эпох и культур: из XIX века в век XXI: (сибирские наблюдения). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2009.
- [8] Ильин И. А. О России: три речи. М., 1934.
- [9] Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. М., 1984. Т. 7.
- [10] Андреев Д. Л. Указ. соч. С. 186.
- [11] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1937. Т. 34.
- [12] Там же. Т. 38.
- [13] См. об этом: Рахманова А. Малолетних преступников приговаривают в Германии к чтению // Культура и стиль жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5553530,00.html>.

ОМСКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГАЗЕТЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Анализируется региональная сибирская журналистика – омская газетная периодика. Рассматриваются различные типы изданий, их содержательные характеристики, структура, периодичность выхода и другие вопросы. Уделяется внимание проблемам общественно-политической и культурно-экономической жизни Омской области, представленной на страницах местных газет, функциональным особенностям омских изданий и их роли в жизни региона.

Ключевые слова: региональная пресса, сибирская печать, омская газета, направление издания, структура, рубрики, публикуемый материал, тематика и проблематика издания, либеральная печать, оппозиционное издание.

Проблемы региональной прессы сибирских регионов в их историко-функциональном развитии достаточно актуальны на сегодняшний день. Омская пресса начала XX в. в сравнении с другими региональными изданиями исследована менее всего. Изучением этой темы занимался весьма небольшой круг авторов – В.В. Воробьев [1–3], Н.Н. Ковалева [4], Н. Дмитриенко [5]. К сожалению, предоставленный этими исследователями материал является недостаточным, поскольку омские издания чаще всего рассматриваются в контексте журналистики Сибири либо в качестве отдельных примеров сибирских изданий. Вскрывая некоторые любопытные факты из истории омской прессы, исследователи, как правило, практически не обращались к подробному изучению содержания газет, культурно-социальной роли омских изданий, а также функциональных особенностей омской газетной прессы. Тем не менее такая потребность существует давно, поскольку омские печатные издания, безусловно, имеют свою яркую историю, отражая процессы развития отечественной журналистики начала XX в., а также жизнь Омского региона и его множественные проблемы в определенный исторический период. В связи с этим вполне закономерен интерес к судьбе региональной омской прессы, в частности к ее содержанию, поскольку омские газеты позволяют вплотную изучить жизнь дореволюционного города и те проблемы, которые они отражали на своих страницах. Рассматривая судьбу омских изданий самого напряженного момента в истории Российской империи (1907–1917 гг.), когда предельно обнажились ключевые общественно-политические проблемы страны, т. е. в период острого политического и экономического кризиса, мы попытались выявить, какую роль играла газета как тип издания в эти годы в Омске, на какие болевые точки обращала внимание читателей, насколько успешно решала их, какое место занимала в системе других печатных изданий города. Именно либеральная печать, в силу сложившихся цензурных послаблений, лидирует в 1907–1917 гг., неуклонно укрепляя свои позиции. В.В. Воробьев отмечает, что в этот период «в Сибири в разное время издавалось 147 общественно-политических газет и журналов. Из этого огромного количества газет и журналов лишь 18 издавалось пять и более лет. При этом подавляющее большинство этих изданий носило

либеральный характер... что не могло не тревожить официальные власти». В.В. Воробьев пишет, что в Омске в рассматриваемый период наибольшей популярностью пользовались две местные газеты – «Омский телеграф» и «Омский вестник», которые, по словам начальника Омского жандармского управления полковника Козлова, «путем тенденциозного освещения правительственных мероприятий и деятельности правительственных учреждений и должностных лиц вселяли в читающие массы чувства недовольства существующим строем» [3, с. 40–43].

Сибирская печать, как и печать центральных областей России, к началу XX в. носила достаточно разветвленную систему, представляя множественные типы изданий и их классификацию. Газеты были различными как по своим концептуальным характеристикам (краеведческие, специализированные, общественно-политические), так и по тематическим предпочтениям (тобольская газета «Сибирский листок», тюменские «Сибирская торговая газета» и «Вестник Западной Сибири»; иркутские «Голос Сибири», «Сибирская мысль», «Сибирская газета для всех»; красноярские «Вести», «Красноярская мысль»; читинская «Забайкальская новь» и др.). Достаточное количество газет функционировало и в Омске. Среди них можно назвать «Голос Сибири», «Иртыш», «Омское слово», «Степная речь» и «Степной край», «Степной пионер», «Белый цветок», «Струны» и другие издания. Все эти издания отражали как жизнь Омска и его окрестностей, так и проблемы всего региона. Публикации на экономические темы, хроника омской жизни, культурная жизнь города, новости России и зарубежья – далеко не полный перечень тем, освещаемых в омских изданиях. Так, газета **«Белый цветок»** – «периодическая газета Омского Общества борьбы с туберкулезом» – ставила вполне конкретные цели борьбы с этой болезнью, популяризируя здоровый образ жизни и ведя профилактическую работу. Издание распространялось бесплатно, имело особый логотип – на первой полосе, рядом с названием – изображения цветов.

Газета выходила несколько раз в год и была приурочена ко Дню Белого цветка, о чем говорится в обращении к читателям: «Граждане! Через неделю, 21 апреля, настает для Омска второй призывной день, день “Белого Цветка”, день борьбы с туберкулезом, день борьбы за жизнь с ее радостями. В этот день мы должны сознавать себя членами одной великой се-

мы, помогающими друг другу бороться за право быть здоровыми и радостными. День “Белого цветка” устраивается везде весною, когда природа особенно манит нас к жизни, к деятельности, к энергии и служит днем весеннего обновления, днем единения. Это есть праздник “Туберкулезного дня”, день напоминанья. Все пожертвования, полученные в этот день, обращаются только на борьбу с туберкулезом. В прошлом году население г. Омска горячо откликнулось в этот день и дало обществу борьбы с туберкулезом авансом шесть тысяч рублей, что дало возможность стать на путь борьбы со страшным врагом и выставить против него могучия силы в виде амбулатории с попечительством и убежища. Надо поддержать эти силы и двинуть еще резервы в виде детских колоний и санаторий. Хочется верить, что самосознание общества выросло до обязанности каждого принять посильное участие в борьбе с бичем человеческого рода, уносящим ежегодно миллионы человеческих жизней и миллиарды народного богатства. В единении очень велика сила и особенно, если оно создается во имя общего блага. Человек не обижен сердцем, и велика его отзывчивость» [6].

В Историческом архиве Омской области сохранилось несколько номеров этой газеты: №1 от 13 апреля 1914 г., №2 от 20 апреля 1914 г., №4 от 20 апреля 1915 г. Издание печатали в типографии «Иртыш», редактор газеты – В.Е. Клячкин.

«Голос Сибири» – «вестник политической, общественной, военной, церковной жизни, промышленности, торговли, науки и литературы». Орган объединения патриотических организаций и национальных сил в Сибири. Газета поддерживала курс правительства, пропагандировала православие. С ней сотрудничали такие корреспонденты, как И. Сибиряк, А. Ельшин и др.

В программном обращении к читателям говорится: «Вопросам Сибирской жизни газета преимущественно посвятит все свои силы, при чем местная Областная жизнь получит всестороннее, чуждое партийности освещение. Военный отдел даст полные сведения из военной жизни и краткия извлечения из статей повременной печати, посвященных армии. Не будет забыто и наше доблестное казачество» [7].

Газета выходила с 1909 г. в Омске ежедневно, кроме дней послепраздничных. Годовая подписка на издание вместе с доставкой стоила 4 руб., месячная – 35 коп.

Редактором-издателем до 1910 г. был Н.П. Домнин, с 1911 г. редактор – Иван Куминов, издатель – Омский отдел Р.Н.С.

имени Михаила Архангела, в № 7 от 13 февраля 1911 г. указано, что редактор – А. Баршев. Редакция находилась по адресу Баронская улица, д. 26. Издание печаталось в типографии К.И. Демидовой, затем в типографии Акмолинского областного правления и в типографии Штаба Омского военного округа.

В № 1 за 1910 г. опубликовано новогоднее обращение к читателям. В нем еще раз подчеркивается беспартийный характер газеты и стремление журналистов служить высшему идеалу: «Духовная потребность в патриотической ежедневной газете особенно ощущается в Сибири, нынче исключительно обслуживаемой печатью, сочувствующую социалистическим, противогосударственным идеям, которые проникли, к сожалению, не только в города, но и в деревни». Также редакция заявляет о стремлении служить «правде, истине, государству и народу».

Основные разделы – «Среди печати», «На Дальнем Востоке», «Церковно-общественный отдел», «Новые книги», «Военный мир» (в частности, в №1 от 1 января 1910 г. под этой рубрикой были опубликованы заметка о том, что офицеры примут участие в тактической игре, и сообщение, в котором опровергалась информация о том, что нижним чинам пехоты увеличат срок службы, и т. п.), «Иностранная известия», «Смесь», «Сибирская хроника», «Местная хроника», «Деревня и сельское хозяйство» (в этом разделе, к примеру, в № 2 за 1910 г. приводятся советы, как сохранить яйца свежими, в № 3 за 1910 г. размещена заметка «Как отбить у курицы охоту к насиживанию»), «Торгово-промышленный отдел».

«Иртыш» – газета политическая и общественно-литературная, которая выходила в Омске ежедневно. Цена одного номера – 3 коп. Годовая подписка – 4 руб., месячная – 40 коп. Редакция находилась по адресу угол Тобольской и Екатерининской улиц, Д. Дудолодовой, номер телефона 234. Газета печаталась в типографии «Иртыш», редактор-издатель И.А. Поваренных.

В газете, помимо основного штата сотрудников, принимали участие литераторы и политические деятели Е.В. Аничков, О.Е. Бужанский, В.И. Вернадский, А. Вергежский, И.В. Гессен, В.М. Гессен, Л.Я. Гуревич, кн. Петр Долгоруков, А.С. Изгоев, И.И. Карпов, А.М. Калюбакин, А.А. Корнилов, П.И. Милюков, В.Д. Набоков, А.И. Никольский, И.И. Петрункевич, Д. Протопопов, П.Б. Струве, М.И. Фридман, кн. Д.И. Шаховской и Б.Ф. Шершеневич и др. [8].

В газете активно обсуждаются вопросы политической жизни в стране и мире. Так, в № 18 за 1906 г. опубликована статья, в которой приводятся аргументы за создание Государственной Думы: «Россию не спасут от близкой анархии никакие кабинеты министров, пока во главе не станет авторитетное государственное учреждение, опирающееся на общественное мнение страны, т. е. избранное народное представительство, каким была, например, Государственная Дума» [8].

Политическая тематика преобладает в издании. В том же номере на с. 2 опубликован материал «Городская землемерия» о рассмотрении в «Омской Городской Думе» заявления городского землемера об увеличении получаемого им содержания до 1000 руб. в год». В рубрике «Заметки читателя» критикуется деятельность Столыпина. В статье «Зигзаги жизни» читаем: «Все обещания министерства г. Столыпина о реформах – пустые слова, а его конституционность есть не что иное, как ширма, под которой скрываются самодержавные вождедения безответственной бюрократии».

В разделе «Среди газет» приводятся цитаты из различных изданий, в которых также критикуется деятельность Столыпина и обсуждаются вопросы, связанные с Думой.

В издании также приведены сводки новостей под рубриками «По России», «Сибирская хроника», «Корреспонденции».

Омские новости приведены в рубрике «Хроника», где рассказывается о наиболее значимых событиях из жизни города. Так, в № 18 – сообщения об ограблении винной лавки, о смене учителей в городских училищах, грубом обращении с политическими заключенными в тюрьмах, а также о том, что с марта на вещевом складе Омского окружного интендантского управления производятся работы по разборке больничного и другого имущества, возвращенного из Маньчжурии.

На последней, четвертой, странице публиковались телеграммы (короткие новостные сообщения из разных городов России) и объявления. К сожалению, в городском Историческом архиве сохранилось всего четыре номера этого издания.

«Иртыш» – пример общественно-политического издания, оппозиционного власти.

Активно обсуждала вопросы политической жизни в стране и мире литературная и торгово-промышленная газета **«Омское слово»**.

В первом выпуске газеты (от 14 декабря 1908 г.) говорится о целях и зада-

чах, которых придерживается редакция: «Газета “Омское слово” будет правдиво сообщать читателю деятельность правительства и Государственной Думы и стоять за прогресс культуры, просвещения и промышленности в Степном Крае...». Газета выходила ежедневно, кроме дней послепраздничных. На титульном листе отмечалось, что это литературная и торгово-промышленная газета. Редакция была расположена по адресу: г. Омскокринский фор., Вагинская улица, дом Ладыгина. Подписная цена с доставкой и пересылкой на год – 5 руб., месяц – 50 коп., один номер стоил 5 коп. Редактором-издателем был А.Г. Сунгуров, издательницей – Е.Д. Сунгурова. Газета печаталась в скоропечатне Е.Д. Сунгуровой.

В газете представлены следующие рубрики: «Фельетон», отчеты заседаний Государственной Думы, «В столицах» (новости Москвы и Петербурга), «По России» (сводки новостей из разных городов России), «Жизнь Сибири», «Письма в редакцию», «Театр и музыка». Событиям омской жизни были посвящены две рубрики – «Хроника» и «Происшествия».

«**Степная речь**» – областная еженедельная общественная, политическая, экономическая и литературная газета. Выходила в Омске ежедневно, кроме дней послепраздничных. Редакция находилась по адресу: ул. Томская, 14, центральные номера, тел. 410. Контора – Томская, 3, Сибирская типолитогр. Н.А. Иванова, тел. 402. Газету печатали в Сибирской электропечатне и хромофотографии Н.А. Иванова. Издание появилось в 1911 г., всего было опубликовано 25 номеров. 5 мая 1911 г. выпуск газеты прекратился. Редакция была вынуждена обратиться к читателям со словами сожаления по этому поводу: «Вследствие независимых от редакции причин и неблагоприятно сложившихся обстоятельств издание газеты “Степная Речь” прекращается. Редакция и издатель очень сожалеют, что намеченная ими программа не может быть осуществлена» [9].

В газете были следующие рубрики: «Телеграммы»: «Внутренняя» (полученные по телеграфу от Санкт-Петербургского телеграфного агентства), «Иностранная»; «Последняя почта» (выдержки из газет), «Жизнь Сибири», «На Востоке» (также по материалам других изданий), «Корреспонденция».

Общественно-политическая и литературная газета «**Степной край**» выходила в Омске с 1892 г. В обращении к читателям в № 23 от 21 февраля 1899 г. говорилось, что «посвященная разработке на-

сущных вопросов Степного края, газета будет обращать особенное внимание на нужды и запросы общесловной местной жизни, городское общественное управление, на школьное и переселенческое дело, нужды инородцев и экономическое положение Степной окраины» [10].

Редакция подчеркивала в программе издания беспартийный характер газеты, высокую цель служения интересам гражданских прав и свобод: «С обнаружением основных начал гражданской свободы русская повременная печать вступила на путь, указанный союзом русских писателей в защиту интересов свободного слова от цензурных стеснений, впредь до издания закона о свободе печати. Считаюсь с этими новыми условиями, редакция “Степного Края” в наступающем году ставит себе задачей защищать начала гражданской и политической свободы, всеобщее избирательное право и отстаивать интересы местного самоуправления (городского и земского), избегая узкопартийной борьбы различных политических направлений. В области экономических интересов редакция выступает на защиту трудящихся классов населения и отводит место всестороннему освещению нужд и хозяйственного строя Сибири и Степных областей, а также и духовных запросов населения в духе манифеста 17 октября» [11].

Газета была представлена следующими разделами: «Телеграммы», «Среди газет» (статьи на различные темы, к примеру, в № 259 эссе о свободе печати), «Хроника» (события из жизни Омска). Так, в № 259 были размещены заметки о митинге социал-демократов, в котором приняли участие около 600 человек, о собрании союза учащихся г. Омска, о забастовке железнодорожников, где «в заключение была сказана речь о значении железнодорожной забастовки и о необходимости организации рабочих под красными знаменами с.д. Рабочей партии», о высочайшей благодарности от императора всем казачьим войскам за службу царю и родине). В газете также были разделы «Письма в редакцию», «Театр и музыка», «Заграничные известия» и др.

Такого же направления придерживалась ежедневная газета «**Степной пионер**», заявившая себя как общественная, политическая и литературная.

Здесь были разделы: «Русские известия» (заметки на политическую тематику по материалам других газет), «Из русской действительности» (в частности, в сохранившемся номере приводится статья не-

кого N. о том, что в России остается все меньше изданий, «смело и честно говорящих о вопросах общественно-политической жизни» [12]), «Обзор печати», «Из сибирской жизни» (новости из разных городов Сибири, выдержки из газет и сообщения от собственных корреспондентов), «Омская хроника», «Письмо в редакцию», «Телеграммы» (сводка сообщений о событиях в разных городах России)

У редакции был собственный корреспондент за границей, что довольно редко для провинциальных газет. Так, в № 53 опубликован отчет со съезда немецкой социал-демократической партии в Мангейме от собственного корреспондента.

Редакция находилась по ул. Томская, д. 51, тел. 64. Подписная цена на месяц – 60 коп., на год – 6 руб., цена одного номера – 5 коп. Печаталась в типографии газеты «Степной пионер» (п-ка Сунгурова). Редактор-издательница – Н.В. Бурдина.

Ведущими изданиями, как уже было отмечено, являлись «**Омский вестник**» и «**Омский телеграф**». Обе газеты зарекомендовали себя как издания оппозиционного характера, вызывающие нарекания местных властей и пользующиеся большой популярностью у местного читателя. В.В. Воробьев делает следующее заключение относительно этих изданий: «Обе эти омские газеты в числе других наиболее популярных либеральных сибирских газет и журналов, таких, например, как “Сибирь” (Иркутск), “Сибирская жизнь” (Томск), “Вестник Западной Сибири” (Тюмень), а также Санкт-Петербургского журнала “Сибирские вопросы”, находились под постоянным контролем Главного управления по делам печати. По распоряжению исполняющего должность начальника Управления графа Татищева, “Омский вестник” и “Омский телеграф” подлежали задержанию на почте и передаче местному губернскому начальству, если они пересылались бесплатно и без подписки волостным станичным и сельским правлениям и должностным лицам сельского самоуправления». Кроме того, департамент полиции запрашивал у местных полицейских властей сведения о составе редакций «с указанием псевдонимов и адресов сотрудников “Омского вестника” и “Омского телеграфа”». При этом сбор данных конспирировался «как сведения по квартирному налогу или чем-либо другим, чтобы назначения их для редакций оставались совершенно неизвестными» [1, с. 40–43].

«Омский вестник» более ориентирован на сибирскую действительность, в то

время как «Омский телеграф» – на общероссийскую прессу. В обращении к читателям указывалось, что, «являясь прогрессивным органом печати, “**Омский вестник**” (выделено нами. – Л.В., А.П.) особое внимание уделяет интересам и нуждам Западной Сибири и стоит за развитие местных производственных сил, за удовлетворение культурных потребностей Сибирской окраины и за предоставление этим интересам должного места в общегосударственной жизни» [13].

«Омский вестник» публиковал корреспонденции из «городов и селений Западной Сибири и Степного Края», а также наиболее полно и разнообразно отражал местную жизнь. Этому способствовали рубрики «Местная жизнь», «Наш край». В газете можно было найти обширную информацию по вопросам проведения Сибирской областной реформы, проблеме автономии Сибири, деятельности Омской городской Думы. Также печатались статьи о деятельности Н.М. Ядринцева, М.М. Сиязова, произведения А. Сорокина, Г. Вяткина, фельетоны о местной жизни и т. д. Все это сказывалось на популярности «Омского вестника», что способствовало росту тиража и стабильности издания. В 1918 г. издание было прекращено» [14].

Есть сведения, что фактическим издателем газеты был Корвин-Круковский, один из лидеров левокадетской группы Омска. Редакция «Омского вестника» всегда оказывала поддержку прибывающим в Омск нелегальным интеллигентам, предоставляя им платное сотрудничество в газете.

«**Омский телеграф**» в большей мере был ориентирован на центральную российскую прессу. Большая часть материалов была посвящена российским и зарубежным новостям, которые публиковались в рубриках «Внутренние телеграммы» и «Иностранные телеграммы». В газете также публиковались местные новости, фельетоны, выдержки из других изданий и раздел «Смесь». Первую и последнюю страницы издания занимали рекламные объявления и анонсы концертов и спектаклей. «Уже из названия ясна цель издания – краткая информация о событиях, происходящих в стране и за рубежом, а также в Омске. Соответственно, и рубрики в газете назывались: “Телеграммы: Внутренние. Иностранные”, “По России”, “За границей”, “По Сибири”, “Отклики войны” (с момента начала военных действий), “Литературная летопись”, “Научные известия”, “Последние известия”, “Библиография” и другие. Эти материалы зани-

мали значительное место в газете» [5, с. 196–202].

Дата основания газеты – 10 июня 1907 г. Газета выходила по 1917 г. ежедневно.

«Омский телеграф», как и «Омский вестник», находился под контролем Главного управления по делам печати за оппозиционную направленность. В «Обзоре Омского жандармского управления о политическом положении в Степном крае в 1909–1913 гг.» от 1 января 1915 г. высказываются опасения по поводу негативного влияния на жителей города «Омского вестника» и «Омского телеграфа». Это связано с оппозиционностью изданий. В обзоре идет апелляция к вере читателей в печатное слово. Это доказывает, насколько сильны были опасения перед «четвертой властью». Ниже приведена цитата из указанного обзора: «Пресса... была в последние годы представлена газетами “Омский вестник” и “Омский телеграф” (в Омске) и “Приишимье” (в г. Петропавловске), время от времени появлялись и другие органы, но быстро прекращали свое существование, не будучи обеспечены денежными средствами для дальнейшего издания и, вследствие своей бессодержательности, не приобретая сколько-нибудь сносного тиража».

Итак, мы видим, что дореволюционная омская пресса начала прошлого века представлена достаточно широким спектром изданий, среди которых можно выделить как узкоспециализированные (такие, как «Белый цветок»), так и массовые общественно-политического и культурно-просветительского характера («Омское слово», «Степной край» и др.), информационные («Омский телеграф»). Газеты можно разделить на поддерживавшие курс преобразований, проводимый властями, патриотические издания (такие, как «Голос Сибири») и оппозиционные (например «Иртыш»). Структура дореволюционных омских изданий сходна, что опять-таки отражает общую тенденцию общероссийской прессы начала XX в.

Большая часть площади газет отводилась под мировые, общероссийские новости, отчеты с заседаний Государственной Думы. Все рассматриваемые издания публиковали на своих страницах материалы из других газет и журналов. Популярностью пользовались фельетоны, письма читателей и литературные произведения местных авторов. Сводкам новостей, посвященных омской жизни, отводилось незначительное пространство. Газеты имели свою аудиторию, опыт работы с ней. Омская пресса в основном имела оппозиционный характер, отличалась смелостью и независимостью суждений, публикации заставляли прислушиваться к мнению газеты как читателя, так и представителей местных властей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воробьев В. В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.) : учебное пособие. Омск: Ом. гос. ун-т, 2003. 124 с.
- [2] Воробьев В. В. Политика Сибирской администрации в отношении либерально-буржуазной печати края в 1907–1914 гг. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тез. докл. и сообщ. Второй регион. науч.-метод. конф. / под ред. А. П. Толочко. Омск, 1995. 180 с.
- [3] Воробьев В. В. Либеральная периодическая печать Сибири в 1907–1914 гг. // Вестн. Ом. ун-та. 1998. № 3(9). С. 40–43.
- [4] Ковалева Н. Н. Периодическая печать Западной Сибири в 1910–1914 гг. / отв. ред. А. В. Якуб // Исторический ежегодник. Омск : ОмГУ, 2000. С. 32–39.
- [5] Дмитриенко Н. Перелистывая старые газеты // Омская старина. Вып. 3. Омск, 1995. С. 196–202.
- [6] Белый цветок. 1914. № 1. 13 апр. С. 2.
- [7] Голос Сибири. 1910. № 1. 1 янв. С. 1.
- [8] Иртыш. 1906. № 18. 8 авг. С. 1.
- [9] Степная речь. 1911. № 25. 5 мая. С. 1.
- [10] Степной край. 1899. № 23. 21 февр. С. 1.
- [11] Там же. 1905. № 259. 10 дек. С. 1.
- [12] Степной пионер. 1906. № 53. 29 сент. С. 2.
- [13] Омский вестник. 1909. № 181. 11 нояб. С. 1.
- [14] Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья. Омск, 1999. С. 27–29.

«МИНУС-ПРИЕМ» В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БИТОВА

Анализируется особая манера письма известного современного российского писателя Андрея Георгиевича Битова, которую он сам определяет как «неписьмо». Данный творческий метод рассматривается на материале книг Битова «Неизбежность ненаписанного» и «Кавказский пленник», также в качестве аргументов приводятся примеры из докладов участников Международного форума, посвященного 50-летию творческой деятельности и 70-летию А. Битова (г. Санкт-Петербург, 2007 г.).

Ключевые слова: Андрей Битов, современная русская литература, поэтика.

Безусловно, много докладов прочитано и множество статей опубликовано о том, КАК пишет Андрей Битов. Интересно рассмотреть вопрос, как он не пишет и о чем он не пишет.

В одном из недавних интервью он произнес фразу: «Текст растет каждый час, а я беру и не пишу» [1]. Что стоит за этим высказыванием? Первое, что приходит мне, как обитателю (или квартиранту) его мира в голову, сформулировано им же однажды: усталость паровоза. И действительно, на протяжении долгих лет тащить на себе свои и чужие (наши) проблемы? Но это слишком простое решение такой сложной задачи. У А. Битова на все случаи жизни несколько мотиваций, этим он и интересен.

«Ускользающий Битов» – так называет писателя критик Д. Бавильский. С ним-то и обсуждает Битов интересующую нас проблему. Андрей Георгиевич объясняет, что при первой же возможности он старается не писать. Он говорит: «Сколько черновиков скомкано в компьютере головы – этого никто не скажет» [2].

Меня поражает тот факт, насколько заразительна эта идея НЕ ПИСАТЬ. От А. Битова она переходит и к критикам. По-прежнему нет больших монографических исследований. Многие говорят о том, что писать о нем невозможно: кому нужны размышления по поводу битовских умозаключений. Это казус. Но в то же время необходимо подчеркнуть, что во время Международного форума, посвященного 70-летию А. Битова, каждый докладчик выступил с оригинальным сообщением о том, какие мысли пришли к нему в голову после прочтения текстов А.Б. Выступающие уловили в книгах Битова невербальные формы передачи содержания. Каждый докладчик предложил свою версию понимания того или иного теста писателя. И вот что получилось в результате.

Борис Аверин говорил о том, что человек сам себе не интересен, ему кажется, что все у него плохо, он сам себе не нравится. Но вот когда ему удастся придумать что-то оригинальное, необычное – тогда и просыпается интерес к самому себе. Именно это послание Битова он вычитал между строк.

Игорь П. Смирнов подчеркнул, что проза Андрея Битова всегда моложе автора. В его прозе нет дураков. Глупость отсутствует в его художественном мире. Его тексты лишены штампов, а ведь общество при помощи штампов убирает разницу между людьми!

Марина фон Хирш – переводчик, литературовед (США) – выявила своего рода «химический состав» отношений, которые складываются между героями Андрея Битова. Притяжение, отталкивание, взаимо-

действие. Внутреннее взаимодействие, а не внешнее влияние. Со-творение мира.

Андрей Арьев считает: Битов рассказывает историю о том, как люди неправильно проживают свою жизнь, как они мучаются от этого, как страдают от того, что ничего нельзя исправить.

Елена Хворостьянова, доцент филологического факультета СПбГУ, тонко заметила, что в работах литературоведов тексты Битова становятся призрачными и ускользают. Что самое интересное, в своих поисках «ускользающей материи» битовских текстов она набрела на ... произведения самого автора, Андрея Битова.

Профессор СПбГУ Игорь Сухих в своем докладе обратился к филологической прозе А. Битова и предположил, что пятым измерением писателя является филологическая составляющая. Главным жанром филологической прозы становится аналитический панегирик. Процесс мысли Битова непрерывен, как завод, а потом уже членится на части. Текст – как следование мысли.

В докладе Татьяны Шеметовой, доцента Бурятского госуниверситета, прозвучала интересная мысль о том, что для идеального читателя прозы А. Битова характерно соединение познания и действия.

Таким образом, тексты Андрея Битова становятся провокацией для читателя. Автор специально оставляет лакуны для нас, мы спокойно размещаемся в этих пустотах и начинаем беседовать с автором. Наверное, в этом смысл неписьма А. Битова.

Еще в 1962 г. он старательно рассуждает о своем неписании, описывая при этом свое дачное место – Токсово:

«Мне казалось: я хожу по рассказам, ими вымощен мир. В любой, мол, момент их под рукой тыщи – возьми любой... И вдруг какое чудо, что мне не пишется! Теперь-то у меня даже опыт в НЕПИСЬМЕ есть. А тогда это меня прямо ошеломило. Я кис, кис – и вдруг обрадовался: ведь я же могу написать рассказ о том, как мне не пишется». Далее идут пространные рассуждения... И наконец, итог: «Рассказа я этого не написал, Хотя кто меня подлеца знает...» [3].

И действительно, прошло много лет, и вот написано что-то подобное.

Текст посвящен Гранту Матевосяну, армянскому писателю, другу А. Битова: «Вот какой рассказ я еще не написал» [4]. И далее следует полноценный, вполне законченный текст, который завершается фразой: такой рассказ мог бы написать Грант Матевосян.

В эссе о Матевосяне Битов пишет о своем армянском друге: «Так мы и прове-

ли эти 15 лет... Он еще что-то написал... я еще что-то понял... и вот мы снова за столом. Он мне говорит о том, что еще напишет, а я ему о том, чего не написал» [5]. Колоссальная разница, дьявольская.

Битов любит писать о том, чего нет. Любимая тема. Создавая рассказ, который мог бы написать Матевосян, он описывает ситуацию, когда сельчане вдруг обнаружили, что пропал столб, на котором висел колокол. Далее цитирую текст Битова: «...туда-сюда, старика нет, козы нет, борова и того нет, буйволицы нет, собаки даже мертвой нет, лошади нет, только коршун летает, ищет куру, которой тоже нет» [6]. Опустошенное место. Да что там ненаписанный Грантом Матевосяном рассказ, когда в готовых произведениях Андрея Битова главная особенность (и на этом строится весь сюжет) в том, что отсутствует главное: чаще всего героиня, в которую влюблен наш герой. Текст МИНУС возлюбленная. Ее нет дома, когда он приходит, она не подходит к телефону, когда он звонит, или зеркальная ситуация: когда она ему звонит, к телефону подходит его матушка. Герои не встречаются. А если встречаются, то Ася подходит к ДРУГОМУ и с ним шепчется, что-то обсуждает, это-то и означает, что ее нет. Тотальное ИСЧЕЗНОВЕНИЕ. Иногда думаешь, а есть ли она вообще или это только воображаемый объект любви и страсти, по крайней мере, недостижимый. Девушка-горизонт. Ведь его тоже нет. В рассказе «Дачная местность» героиня уезжает вместе с одноклассником героя, уходит на станцию. Девушка-мираж. Неважно, что потом она возвращается, на завтра она уже уезжает навсегда. Дачная местность МИНУС девушка.

Итак, ПУСТОТА, которая отлично рифмуется со словом СУЕТА. Об этом Битов тоже написал. Но это не относится к нашей теме

В книге «Неизбежность ненаписанного» приводится скорбный список крупных произведений, так и не созданных нашим уважаемым автором. Перечень достаточного приличной:

«Итак, я не написал свой “московский” роман – ни Японию, ни “Азарт”. Ненаписанной с самого начала оказалась и “Провинция”. Великая трилогия “Империя” не состоялась. Каких только романов я еще не написал!» – автор восклицает то ли радостно, то ли недоуменно [7]. Роман «Гласность» в 1970-м. Романы «Солдаты империи» и «Корейско-грузинский лайнер» в 1983 г.

Но сам автор объясняет, что в 1991 г. он перестал писать художественную прозу. Только завершал начатые ранее худо-

жественные произведения. В частности, завершил цикл «Преподаватель симметрии». Из нового написаны РАССКАЗИКИ. Так он обозначил эти миниатюры, буквально наброски, эскизы. Однако журнал «Новый мир» напечатал их с обозначением «рассказы», что безмерно огорчило автора. Кроме того, в последнее время он довольно часто дает интервью. Битов называет их полуписьменными текстами.

Как устроен Битов? У него можно найти материал для любой темы. Все, что ни откроешь, так или иначе имеет отношение... Читаем стихотворение 1998 г. «Первое воспоминание». Битов-младенец. Младенец минус вся будущая жизнь:

Ни боли, ни водки ни грамма,
 Ни первой, ни третьей вины...
 Одна бесконечная мама –
 В тридцатых еще, до войны [8].

В заключение уточним: Битов не пишет иногда потому, что должны думать и писать МЫ. Полное доверие к читателям. Битов не ставит, а значит, и не отвечает на два главных русских вопроса: Кто виноват и Что делать? Отвечаем мы. Никто не виноват, а что делать? – Нужно думать.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ускользящий Битов. Роман-пунктир (Андрей Битов отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского). URL: <http://www.topos.ru/article/1749>.
- [2] Там же.
- [3] Битов А. Неизбежность ненаписанного. М., 1998. С. 42.
- [4] Битов А. Кавказский пленник // Империя в четырех измерениях. Харьков ; М., 1996. С. 320.
- [5] Там же. С. 334.
- [6] Там же. С. 332.
- [7] Битов А. Неизбежность ненаписанного. С. 565.
- [8] Там же. С. 590.

**«РОДИТЕЛЬНИЦА СТЕПЬ»
ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА И ИЛЬЯСА ДЖАНСУГУРОВА**

Рассматривается история создания стихотворения П. Васильева «Родительница степь», являющегося на самом деле оригинальным переводом вступления в поэму «Степь» И. Джансугурова; приводится подстрочный перевод с казахского языка этого вступления, сделанный автором статьи, и полный текст произведения П. Васильева, обнаруженного в архивах.

Ключевые слова: традиционный, самобытный, символика, семантика, художественное наследие, олицетворение, лейтмотив.

Стихотворение П. Васильева «Родительница степь», по определению П. Косенко, «в полной мере отражает сущность и своеобразие его творчества» [1]. В этом смысле чрезвычайно символична запись в архиве С. Черныха – одного из первых васильеведов: «Особо хочется остановиться на известном стихотворении П. Васильева «Родительница степь». Опубликовано впервые в 1956 г. в «Дне поэзии», оно с тех пор входит почти во все книги поэта, неоднократно переведено на казахский язык. Но как выяснилось, оно само является переводом с казахского! Автограф, хранящийся в ЦГАЛИ СССР, имеет конкретную помету: «Перевод стихотворения председателя казахского оргкомитета Джансугурова Ильяса»... Удивляет, как могло случиться, что перевод Джансугурова более тридцати лет считался оригинальным произведением П. Васильева и был вновь переведён на казахский язык!» [2, с. 63–64].

Но на самом деле П. Васильев перевёл не стихотворение И. Джансугурова, а посвящение к поэме «Степь», созданной к десятилетию образования Казахской автономной республики. В то время юбилейным датам или значительным событиям в истории молодого государства часто посвящались произведения литературы и искусства. Мог ли остаться в стороне коммунист И. Джансугуров?! В этой поэме он ставит и решает задачи, характерные для казахской литературы того времени, а именно создание произведений, отражающих социально-исторические перемены, происшедшие в жизни кочевых народов, развивает идею непримиримой классовой борьбы в степи. Поэма, рассказывающая о прошлом и настоящем казахского народа, охватывает несколько исторических периодов. Сквозным образом поэмы, ее лейтмотивом является олицетворение степи с матерью. Степь – мать народа. История ее жизни – это столетия печальных событий, бесконечной борьбы, распрей, смуты и бедствий, которые терзали ее вплоть до Октябрьской революции, подарившей народу свободу и равенство. В посвящении автор обращается к матери-степи за благословением, чтобы начать толгау о прошлом своего народа. Каждая глава «Степи», повествующая об определённом событии, является самостоятельной, но их объединяет общий замысел – показать историю казахского народа. Такой замысел приводил к широким обобщениям и предполагал как раз форму толгау – стихотворения, представляющего собой философское размышление, имеющего определённое строение строфы и ритмическую основу. Но поэма выходит за рамки традиционного толгау. Автор соединяет эту форму с новейшими достижениями русской поэзии.

Он даёт вначале описание событий, а затем оценивает их и с точки зрения лирического героя, участника событий, которым является старик-аксакал, и с позиции сегодняшнего времени.

«Стихи Джансугурова предельно искренни и точно передают чувства, бушующие в его груди. И эта предельная искренность делала его стихи до бесконечности эмоциональными, доходчивыми, впечатляющими» [3, с. 371].

«Уместное употребление многих казахских слов и имён, безусловно, придаёт густую и яркую национальную окраску всей поэзии П. Васильева, дышавшего воздухом родной степи и народной жизни Казахстана... Прикосновение к художественному наследию Павла Васильева, который рано ушёл из жизни и был лишён возможности полного проявления своего огромного творческого потенциала, убеждает в исключительности его самобытного дарования, прочно связанного с отчей казахстанской землёй» [5, с. 53–54]. Оба эти высказывания казахского критика М. Каратаева о поэтах в полной мере применимы к каж-

дому из них. Лирический герой П. Васильева отождествлял себя с казахом: «Я по душе киргиз с раскосыми глазами» и самого поэта при жизни называли «русским азиатом». Необходимо также отметить, что у них и общая трагическая судьба. Оба они были расстреляны как «враги народа»: П. Васильев – в 1937-м, И. Джансугуров – в 1938-м г. Долгое время их произведения были запрещены к изданию, а творчество Джансугурова до сих пор является малоизученным.

Вступление к своей поэме «Степь» И. Джансугуров написал предельно лаконично. Свою любовь он выражает очень скупой, как настоящий степняк-кочевник, закалённый тяжелой жизнью в степи, не привыкший говорить громких фраз и вслух восхищаться ее суровой красотой. В посвящении почти нет эпитетов, придающих эмоциональность образу степи. Поэт называет ее лишь широкой и просторной, но всё стихотворение пронизано сыновней любовью к матери-степи, и это хорошо чувствуется в подстрочном переводе.

Жүрегім, жырым,
сенікі,
Кеңесті далам,
кең далам.
Тудым өстім,
есейдім,
Ен далам - анам,
мен балаң.
Туған, өскен,
есейген
Еңбек тулы ел -
балаң
Бұрынғы өткен
күнінді
Берейін жырлап
елге, анам.
Көргенінді бүгінгі
Жаз, жаз қалам
тер, қалам.
Жүрегім жырым,
сенікі,
Кеңесті далам,
кең далам.
Ен далам - анам,
мен балаң.
Ендеше қалам
бер маған!
[4, с. 411].

Сердце моё, песня моя
принадлежат тебе,
Просторная моя степь,
широкая степь.
Здесь я родился,
рос, мужал,
Широкая степь – моя мать,
я твой сын.
Родившаяся, выросшая,
возмужавшая
Трудолюбивая страна,
я – твой сын.
О прошлых
днях,
Воспою я на всю страну,
мать.
О том, что видел сегодня,
Пиши, пиши перо,
моё перо.
Сердце моё, песня моя
принадлежат тебе.
Просторная моя степь,
широкая степь.
Широкая степь – моя мать,
я твой сын.
Если это так,
то вручи мне перо!

Своё оригинальное произведение «Родительница степь» П. Васильев создал в апреле 1935 г., очень тяжёлого для поэта. Следствием открытого письма А. М. Горького «О литературных забавах» на стра-

ницах центральных газет, в котором был вынесен суровый приговор П. Васильеву, стало исключение его в январе из Союза писателей. Совсем скоро, уже в мае, «Правда» опубликует письмо 20-ти лите-

раторов, в котором «братья по перу» открыто призывают к расправе над самобытным поэтом, и среди подписавших будут не только «идейные» противники, но и его друзья. «Логическим» завершением этой травли станет арест, и «за бесчисленные хулиганства и дебоши», как гласит приговор, он будет осуждён к полутора годам лишения свободы в ИТЛ. Эту череду роковых событий поэт не мог не предчувствовать.

Некоторые исследователи (А. Михайлов, П. Выходцев) считают «Родительницу степь» программным стихотворением в творчестве П. Васильева. Действительно, здесь сконцентрированы все основные жизненные и творческие принципы поэта: **«Степь – моя прародительница. Она научила меня: полная внутренняя свобода – это лад со своей совестью»** [5, с. 257]. И если И. Джансугурова волнуют в первую очередь социальные проблемы, то у П. Васильева философски осмысливается влияние степи как культурно-исторической среды на духовное развитие, на формирование свободной личности. **«Литература – моя плоть и кровь...», «Стихи должны отрываться от сердца с кровью»** – *«Прими мою, окрашенную сердца жаркой кровью, степную песнь!»* И он, никогда не терявший связи с родной землёй, всегда черпавший в ней силы и вдохновение, снова обращается к ней в трагический период своей жизни, просит благословения на дальнейшее творчество, и перо, которое она ему вручает – «кривое, ястребиное», т. е. свободное, вольное. *«По указке неть не буду сроду!.. Пусть свободней будет без пера!»* [6, с. 68] – своему поэтическому кредо, сформулированному еще в 1927 г., П. Васильев останется верен до конца.

Образ ястреба у П. Васильева – один из любимых и встречается во многих произведениях: *«На повозках кричат его ястреба»* («Джуг», «Соляной бунт»); *«В щурах глаз, / Ястребиных, карих / Сладковатый полынный дым»* («Соляной бунт»); *«Купецкий город, город ястребиный»* («Глафира»); *«Мой Павлодар, мой город ястребиный»* («Павлодар»); *«А парень шёл среди двора / То сизым голубем, / То вдруг / Чертя, что ястреб, полный круг»* («Христоролюбовские ситцы»). Да и самого П. Васильева павлодарский фотограф, приятель его отца, Д.П. Багаев называл в детстве «ястребком». И причиной этому явно был непоседливый, стремительный, дерзкий, порой строптивый характер «вроглого» паренька. Багаев «видел, с каким любопытством и подолгу босоногий

мальчик наблюдал за степными ястребками, вившими «верёвочку» над иртышскими лугами...», слышал, с каким «упоением читал стихи безвестного ссыльно-го...: *«И ястреб сторожко и тихо кружит, и сонной земли тишину сторожит»* [5, с. 254].

П. Васильев воспитывался на русском и казахском фольклоре. Дедушка Корнила Ильич и бабушка обладали редким даром сочинять и рассказывать сказки, исполнять старинные песни. Также в детстве он слышал напевы, легенды и поверья казахов. Кроме того, охота с ловчими птицами была древним искусством кочевников, и у них немало тотемов, связанных с соколами, орлами, ястребами. Многие из услышанного и увиденного впоследствии отразилось в произведениях П. Васильева.

Но в устном народном творчестве образ ястреба встречается редко, он объединён в общей символике хищной птицы с коршуном и ассоциируется в первую очередь со стремительной атакой на противника, а образ коршуна – с коварством, готовностью беспощадно уничтожить свою жертву, используя любые средства для достижения своей цели.

В «Задонщине» – Слове Софония-рязанца соколы, кречеты, ястребы олицетворяют ратников Дмитрия Донского: *«Уже бо те соколи и кречати, белозерския ястреби за Дон борзо перелетели и ударилися на многие стада на гусиные и на лебединые»* [7, с. 112].

Во второй половине XVII в. в русской литературе стала широко распространяться повествовательная проза – небольшие повести, истории, сказания. Она еще не обрела четкие жанровые рамки, и авторы этих произведений чаще всего обращались непосредственно к народному творчеству, сказке, лирической и обрядовой песне, заимствовали у них образы, темы и сюжеты. Примером этому может служить «Повесть о Горе-Злосчастии», в которой также встречается образ ястреба:

*Полетел Молодец ясным соколом,
А Горе за ним белым кречетом.
Молодец полетел сизым голубем,
А Горе за ним серым ястребом* [7, с. 200].

И возможно, благодаря фольклору, впечатлениям детства, образ ястреба – небольшой птицы, серо-палевого цвета, стремительной и зоркой, вошёл в поэзию Павла Васильева. И если «по народным поверьям, образы этих птиц были воплощением смерти, в произведениях Васильева семантика данных орнитологических

образов связана не со смертью, а с такими понятиями, как «простор», «воля», «сила» [8, с. 55].

Перевод П. Васильева произведения И. Джансугурова не стал простым механическим переложением стихотворения. Как справедливо отмечает С. Куняев, «каждая строка несла на себе «васильевское тавро... По непонятным причинам это стихотворение всё время печаталось без второй строфы» [9, с. 258]. Полный текст стихотворения звучит так:

*Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
За поручни саней! И вслед за нами
Несметный гул несётся, осмелев.
Боярышня с черкесскими глазами,
Черкешенка с губами нараспев.
К невучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо!* [6, с. 376].

Таким образом, исходя из вышесказанного, «символичной представляется... ошибка с авторством этого стихотворения. Символичной потому, что эти вдох-

новенные и искренние строки совершенно органичны как для одного, так и для другого поэта. Степь – их общая родительница-мать...» [2, с. 64].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Косенко П. «Попрощайтесь, попрощайтесь со мной, – я еду собирать тяжёлые слёзы страны» // Учитель Казахстана. 1990. 18 янв.
- [2] Поминов П. Д. Родительница степь в судьбе и творчестве Павла Васильева // Васильевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск : ВКГУ, 2002.
- [3] Самоцвет // Каратаев М. Вершины. Современная литература Казахстана : статьи. М. : Советский писатель, 1977.
- [4] Жансүгіров Ілияс. Құлагер. Поэмалар мен өлеңдер. Құрастырған Б. Сахариев. Алматы : Жазушы, 1974.
- [5] Воспоминания о Павле Васильеве / сост. С. Е. Черных, Г. А. Тюрин. Алма-Ата : Жазушы, 1989.
- [6] Васильев П. Н. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 1. Стихотворения. С. 67–69, 376.
- [7] «Задонщина» // Русская литература XI–XVIII вв. / сост., вступит. статья, примеч. Л. Дмитриева и Н. Кочетковой. М. : Худож. лит., 1988.
- [8] Хомяков В. И. Художественная картина мира в поэзии Павла Васильева : монография. Омск : Омск. гос. ун-т, 2006.
- [9] Куняев С. С. Русский беркут. М. : Наш современник, 2001.

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 1830–1840-Х ГГ. В БОРЬБЕ ЗА «ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ УМОВ»

Политический порядок, характер и формы власти, как и общественная парадигма, гражданские идеалы и духовные ценности лишь отчасти являются результатом сознательной и целенаправленной интеллектуальной деятельности. Национальная картина мира всецело обусловлена языковой ментальностью и историческим опытом народа. Традиция, обеспечивающая устойчивое развитие этноса и социума, иррациональна по природе своей (романтическая теория «почвы и крови» близка искомой истине). Эпохальные «проекты» вроде знаменитой доктрины «официального патриотизма» середины XIX в. или же «социализма с человеческим лицом» конца XX в. были вполне обоснованы идеологически и даже экономически, но потерпели провал, потому что недооценивали феноменологию «национального духа». Каковы условия продуктивности коммуникационного процесса, регулирующего взаимоотношения власти и гражданского общества и формирующего «господствующее направление умов»? Роль журналистики, часто именуемой «четвертой властью», в этом деле трудно переоценить, тем более у нас в России.

Ключевые слова: русская журналистика, российская власть, гражданское общество, общественное мнение, самобытные основы отечественного бытия.

Общество в целом представляют как одну большую ассоциацию, определяющую себя через посредничество права и политической власти. Современные проекты игнорируют влияние традиций, возможности органического роста. Навязываемые нам «общеευропейские» ценности раздражают многих в России. Определяющая проблема нескончаемых отечественных споров – «особый путь» развития России. «Политический порядок» не может быть сконструирован: общественные институты и моральные нормы, язык и право вовлекаются в сложный и непредсказуемый процесс общественного дискурса. Определяющие факторы успешной деятельности политической общественности – коммуникативное формирование легитимной власти (в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций), а также обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть управляет политическими коммуникациями. Феномен дискурсивного, спонтанного формирования мнений скорее иррационален. Литература у нас – «трибуна общественной мысли», писатель и журналист претендуют на роль «властителей дум», «инженеров человеческих душ» (в духе сталинского определения). Эти же обстоятельства порождают недоверие к интеллектуалам; влияние интеллигенции конденсируется именно в коммуникативной сфере. Общественные дискурсы приобретают должный резонанс при условии широкого, активного участия масс; требуется определенная политическая культура. Однако в нашей ситуации (характерной и для других стран и обществ на постсоветском пространстве) спор партий в рамках политической системы и общественности придает акту общественного договора форму «легальной перманентной революции». Многообразие интересов надо выровнять, плюрализм мнений необходимо преобразовать в некий консенсус большинства. Снова актуален опыт предшествующих «реформенных» эпох российской истории.

Любой коммуникационный проект в России всегда рассматривался исключительно исходя из нужд власти и государства, а не общественного и экономического развития. Подчинение коммуникаций целям государственной модернизации сформировало специфическую роль, которая изначально закреплялась за медиа как «агентами государства». Европейская традиция – развитие института согласования интересов власти и общества, формирование «общественной сферы», представленной преимущественно прессой. Наследие советской системы – патерналистский характер власти по отношению к СМИ, восприятие их как инструмента модернизации, а не института гражданского общества. Современные отечественные медиа встроены во властную вертикаль и делят между собой привилегии (еще недавно СМИ сами по себе были привилегиями, обмениваемыми на лояльность «олигархов»). Всякий «высокопоставленный» трезвомыслящий журналист, затевающий собственный долгосрочный проект, должен осознавать, что конечный продукт такого предприятия как бы заранее определен в своем содержании и формах властными покровителями журналиста. Потому И.В. Кириевский с горькой иронией замечал: «Для хорошей репутации у нас лучше совсем не действовать, чем иногда ошибаться» [3, с. 461].

Отсутствие «живого современного движения» А.С. Пушкин напрямую связывал с досадным отсутствием журнальной деятельности. «Журнальная литература – эта живая, говорливая, чуткая литература, так же необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочает вкусом толпы, обращает и пускает в ход все выходящее наружу в книжном мире, и которое без того было бы в обоих смыслах мертвым капиталом. Она быстрый, свое нравный размен всеобщих мнений, живой разговор всего тесного типографскими станками; ее голос есть верный представитель мнений целой эпохи и века, мнений, без нее бы исчезнувших безгласно. Сколько есть людей, которые судят, говорят и толкуют потому, что все суждения поднесены им почти готовые» [6, с. 42]. Опыт «Литературной газеты» привел самого Пушкина к выводу о невозможности широкого влияния на общественное мнение чисто литературного журнала.

Отражение жизни и духа народа видели в *народности*. Романтическая тео-

рия трактовала этот вопрос в социологическом ключе, диалектическом по своей методологии: история человечества есть процесс, осуществляющийся в форме развития отдельных народов. Каждый народ направляет к самопознанию все свои нравственные усилия, ознаменованные печатью особого характера. Фундаментальную ценность «оригинальности» немецкая мысль доказала на уровне регулятивной идеи (пафос единственности и оригинальности в принципе каждого индивида прямо проистекает из индивидуальной свободы) и в форме метафизической концепции (своеобразии индивидуума и нации признается самоценным жизненно-духовным состоянием, неким *началом*). Существование индивидуальности состоит в непрерывном выборе и требует высшего обоснования: освобождаясь от диктата тотального *всеобщего*, реализоваться в формах *своего*, индивидуального и особенного всеобщего. Односторонность индивидуальности возмещается общением с другими в пространстве «идеального целого» – человеческого «*единства живущего*». «У всех народов самостоятельных просвещение развилось из начала отечественного: их произведения, достигая даже некоторой степени совершенства и входя в состав всемирных приобретений ума, не теряли отличительного характера. Россия все получила извне; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дар не удивление, но раболепство; отсюда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности. Как пробудить ее от пагубного сна?» [5, с. 201]. Задавая такие «вопросы, на которые едва ли можно ожидать ответа», Д.В. Веневитинов обвинял отечественные журналы: обыкновенно они бывают «плодом учености» и признаком общей образованности, у нас же они «служат пищею нашему невежеству». «Заставить более думать» – вот настоящая ближайшая, первостепенная цель прогрессивных русских журналов (качественных изданий, как сказали бы сегодня).

Поисками «*отечественных начал*» озаменовался новый период российской истории. В предыдущее столетие Россия беспрестанно «училась», «роднилась» с Европой дорогой ценой: насаждением заимствований, уступками иноземцам, искоренением русских черт характера и уничтожением истинно национальных особенностей русского быта. При «благословенном» императоре Александре I Россия в схватке с Наполеоном отстояла свою независи-

мость; при императоре Николае I вошла в число ведущих мировых держав, стала «жандармом» Европы. Отечественная война 1812 г. существенным образом изменила умонастроения русского общества; «народ русский впервые ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости» (А.А. Бестужев-Марлинский). Новая общественная парадигма не могла не быть патриотической; официальная доктрина – «Православие. Самодержавие. Народность» – вырабатывалась в русле этих настроений всеобщего воодушевления. Это была, по словам кн. В.Ф. Одоевского, «эпоха слияния народности с общею образованностью» [6, с. 92]. Однако «луч надежды» скоро стал гаснуть. «Философический» период становления национального и гражданского самосознания был недолгим. Европейская ориентация прежней российской дипломатии сменилась «изоляционистской» политикой самодержавия. Трагические события 14 декабря 1825 г. (по саркастическому замечанию А.С. Грибоедова, возмущение «*ста пылких прапорищиков*») потрясли высшее общество и закономерно вызвали жесточайшую реакцию как политического толка, так и литературно-«охранительного» смысла. «Политическая буря» (общественный подъем, вызванный нашествием врага и многообразно выразивший себя в литературе и журналистике) утихла, наступило «совершенное оцепенение словесности». Так критически оценивал ситуацию А.А. Бестужев-Марлинский на страницах «Полярной звезды» почти за год до декабристского восстания; он предостерегал: русский ум, «не занятый политикой», неизбежно размывается на мелочи, «хватается за все, что попадется», кидается «в пересуды». Подобное направление (возглавляемое Ф.В. Булгариным) приняла русская массовая журналистика 1820–1830-х гг.

Среди множества обзоров текущей словесности, появившихся в журналах и альманахах конца 1820-х гг., заинтересованные читатели (подобно молодому А.И. Герцену) обратили внимание на «статью о Новикове» И.В. Кириевского, открывавшуюся смелым заявлением о значении свободы печатного слова для гражданского общества. Высокая оценка книгоиздательской деятельности знаменитого (опального!) просветителя ушедшего времени основывалась на весьма важной тезисе: Новиков более, чем кто-либо другой в российской истории, способствовал «рождению общего мнения». Он сам, едва вступивший в самостоятельную жизнь еще молодой человек, предпринял первую

и далеко не последнюю в своей биографии попытку «дать литературе свое направление», страстно мечтая «содействовать просвещению народа».

Всесильному генералу А.Х. Бенкендорфу доносили, что в Москве составила партия «отчаянных юношей» (кн. П.А. Вяземский, кн. В.Ф. Одоевский, С.П. Шевырев, братья Кириевские), собиравшихся издавать газету или журнал политической направленности. В дело вынужден был вмешаться сенатор Д.В. Дашков, написавший по этому поводу для властей обширную записку. Очевидно, что потребовались помощь и заступничество В.А. Жуковского (приходившегося дядей Авдотье Петровне, матери Кириевских) как воспитателя престолонаследника; не последним человеком при дворе был и отчим А.А. Елагин (между прочим, друг и сослуживец декабриста Г.С. Батенькова). Официальное разрешение издавать журнал «Европеец» было получено позже – в сентябре 1831 г. (в июне того же года прекратила существование пушкинская «Литературная газета»). В появлении нового Цензурного устава 1828 г. И. Кириевский усмотрел «самое важное событие для блага России в течение многих лет и важнее наших блистательных побед за Дунаем и Араратом» (только что закончилась война с Турцией). Движение «к действительности» он считал весьма показательной приметой времени.

В программной статье, которой открывался первый номер журнала, с характерным заглавием «Девятнадцатый век» автор и издатель, стремясь постигнуть «дух своего времени», задавался простым вопросом: «В чем же состоит эта особенность текущей минуты?». Господствующее направление умов – *европеизм* – с учетом всех изменений, последовавших непосредственно за французской революцией, вернее было бы, по его мнению, определить как «безусловно разрушительное». «Науки, жизнь, общество, литература, даже самые искусства изящные – все обнаруживало одно стремление: ниспровергнуть старое. <...> Под свободой понимали единственно отсутствие прежних стеснений; под *человечеством* разумели единственно материальное большинство людей; царством *разума* называли отсутствие предрассудков или того, что почитали предрассудками – и что не предрассудок пред судом толпы непросвещенной? Религия пала вместе с злоупотреблениями оной, и ее место заступило легкомысленное неверие. В науках признавалось истинным одно ощутитель-

но испытанное, и все сверхчувственное отвергалось не только как недоказанное, но даже невозможное. Изящные искусства от подражания классическим образцам обратились к подражанию внешней неодушевленной природе. Тон общества от изысканной искусственности перешел к необразованной естественности. В философии господствовал грубый, чувственный материализм. Правила нравственности сведены были к расчетам непросветленной корысти. Одним словом, все здание прежнего образа мыслей разрушилось в своем основании; вся совокупность нравственного быта распадалась на составные части, на азбучные, материальные начала бытия» [3, с. 10].

Столь критическая оценка революционной парадигмы произнесена одним из деятельных участников кружка, отличавшегося «вольнлюбивым духом», молодым человеком, сочувствующим заговорщикам и не приемлющим «глупый либерализм». Был ли это пересмотр *любомудрами* наследия декабристов? Спор старый и теперь уже неактуальный. Ясно одно: путем борьбы и революции журнал «Европеец» противопоставлял путь личного самосовершенствования, религиозного просветления и мирного строительства культуры. Страстный поборник европейской просвещенности И. Кириевский считал себя обязанным «действовать для блага своего отечества». Затеявая свой журнал, он хотел видеть его «лучшим», «достойным», весьма серьезно подходил к выработке плана и портфеля издания (взяв за основу план «Московского телеграфа», он выбросил популярные тогда новости мод). Даже финансовые просчеты, подорвавшие издание, были не результатом дилетантизма, невнимания к «прибытку», а упором на «барыш нравственный». Он весь отдался работе, привлек к сотрудничеству друзей-единомышленников, лучших поэтов, первоклассных переводчиков – и сразу столкнулся с многочисленными серьезными трудностями. Вскоре случилось то, что можно было предполагать: государь император, «изволивший обратить особое свое внимание» на упомянутую статью, вычитал в материалах «Европейца» «политику в духе самом неблагонамеренном» и воспретил журнал. Это был жестокий удар по всей русской журналистике, на будущее время «не были дозволены» никакие новые журналы. Современники были ошеломлены, по словам профессора Н.М. Погодина, «горевали и толковали». Цензор А.В. Никитенко записал в дневнике: «Да что же мы, наконец,

будем делать на Руси? Пить и буяннить? И тяжко, и стыдно, и грустно!» [4, с. 114]. Проиграла, несомненно, и российская власть. Уже никто в обществе не судил об «усовершенствовании правлений».

«Кандидат в журналисты», полагали в цензурном Комитете, не имел права высказывать никаких политических суждений, тем более скрывать политические идеи под литературной оболочкой (исключение делалось для Булгарина и Греча, «удостоившихся доверия от власти предрержащей»). Словарь Академии Российской (1822) толковал само слово «политика» так: «Наука, преподающая управляющим народами правила к достижению предполагаемых намерений». Иначе говоря, политическая деятельность объявлялась привилегией самодержавного правителя и круга избранных им лиц. Но издатель журнала «Европеец» и не мыслил иного развития России, как под эгидой просвещенного монарха. Другое дело, что журналист осмеливался рассуждать о потребности для общества «естественного равновесия», основанного на учете разных мнений, настаивал на том, что каждый имеет право по-своему оценивать происходящее и даже «обязан произносить свой приговор». «Ибо направление практическое тогда только может быть венцом просвещения, когда частная жизнь составляет одно с жизнью общественной; когда жизнь действительная, образованная общим мнением, устроена вместе по законам разума и природы. В противном случае – то есть когда просвещение общего мнения в разногласии с основными мнениями людей просвещенных – жизнь идет по одной дороге, а успехи ума по другой, и даже в людях необыкновенных, составляющих исключение из своего времени, эти две дороги сходятся редко и только в некоторых точках. И может ли один человек образовать себе жизнь особую посреди общества, образованного иначе?» [3, с. 19]. Равнодушие ко всему свидетельствует о недостатке «гражданственности». Однако собственная деятельность И.В. Кириевского была грубо приостановлена (слава Богу, что его не объявили сумасшедшим, как до того П.Я. Чаадаева), его обширные журналистские планы потерпели крах.

И все же ему суждено будет вернуться в большую журналистику в 1845 г., когда он на непродолжительное время возглавит редакцию журнала «Москвитянин», перешедшего к славянофильской «партии». Интрига заключалась в том, что и московские западники, не одобрявшие

«крайности» общественной позиции В.Г. Белинского как ведущего критика «Отечественных записок», на сей раз консолидировались со своими идейными противниками. Стоит заметить, что М.П. Погодин, едва почувствовав падение популярности прежнего «Москвитянина», принял верное менеджерское решение: оставив издание за собой, передать руководство журналом славянофилам. Сложившееся в литературных и общественных кругах реноме И.В. Кириевского позволяло всем надеяться, что он в качестве редактора сумеет нейтрализовать и «сектантство» А.С. Хомякова, и «эксцентрические» мнения Т.Н. Грановского. Сам он искренне надеялся сделать «Москвитянина» журналом, «сочувствующим всему, что у нас есть благородного, чистого и хорошего». Это была еще одна его попытка «пересоздать всего русского человека». Он отстаивал «начало, которое лежит в основании мира православно-словенского», неудовлетворенный итогами духовной жизни прошедших десятилетий, обличал «начало европейской образованности». Его «энергический рассказ» о современ-

ном состоянии умов в Европе и России не оценил эмигрант А.И. Герцен, назвав «странным»; В.Г. Белинский также счел выводы его «произвольными». «Западные системы», по справедливому мнению И.В. Кириевского, неприменимы для решения наболевших вопросов самобытной русской жизни. «Самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений» [3, с. 475]. «Русский дух» своеобразен, «живительному русскому мнению» необходима для правильного здорового развития своя журналистика, органичная его почве. Верная мысль, достойное суждение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. М., 1995.
- [2] Декабристы: эстетика и критика. М., 1991.
- [3] Европеец: Журнал И. В. Кириевского. 1832. М., 1989.
- [4] Никитенко А.В. Дневник. М., 1955.
- [5] Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т.2.
- [6] Современник: Литературный журнал А.С. Пушкина. 1836–1837. М., 1988.
- [7] Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989.

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА В ПРОЗЕ Г. ПЕТРОВА

Исследуется развитие житийного жанра в отечественной прозе XX–XXI вв., что дает возможность проследить традиции древнерусской литературы в современном литературном процессе.

Ключевые слова: православие, праведность, житие, святость.

Агиографический образ юродивого достаточно широко представлен в древнерусской литературе, в частности, в летописях, житиях и других памятниках письменности. Обращались к нему и русские писатели XIX в. – от А.С. Пушкина до Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского. Особое значение тема юродства приобретает в литературе XX в. и в новейшей прозе. Исследователи, затрагивающие тему юродства, отмечают такие черты феномена, как одиночество героя, странничество, маргинальность, сочетание высокой и низкой культуры, путь юродства как христианского подвига.

Работая в русле малой прозы, Г. Петров создает рассказы, легко прочитываемые в контексте житийной традиции, поскольку именно древнерусское житие как литературная форма позволяет ему максимально приблизиться к осуществлению замысла. Наложение житийного плана повествования на современную действительность обеспечивает произведению поистине универсальное онтологическое звучание. Авторский замысел, заключающийся в воссоздании типа современного героя-праведника, реализуется посредством аллюзий и реминисценций, имеющих явную отсылку к Священному Писанию и памятникам древнерусской словесности. Главным образом, эта художественная задача решается за счет введения в сюжет героев-маргиналов – убогих и Христа ради юродивых, столь характерных для агиографических произведений и относящихся к наиболее распространенному чину святых. Г.П. Федотов, исследуя феноменологию святости, отмечает обилие блаженных в святцах русской церкви и высокое народное почитание юродства, что, по его мнению, говорит об особой роли этой формы христианского подвижничества, отражающей особенности национального русского характера [1].

В рассказах Г. Петрова перед читателем предстает галерея героев-маргиналов: незлобивый Арсений («Терпеливый Арсений»), бездомный Гашка, побирушки Прося и Палаша («Страстная седмица»), блаженный Коля Барон («Крестный ход»), юродивая Устинька-монастырская («Житие мирянки Миронии»), привокзальные бомжи («Люди одиннадцатого часа») и др. Используя прием антитезы, автор придает образам убогих духовное содержание в противовес всем «остальным» – бездуховным – героям, составляющим своего рода некую оппозицию.

Так, в рассказе «Терпеливый Арсений» главному герою, кроткому безропотному Арсению, противопоставляется жена-тиран. Немногочисленные, но явные детали (безработица, финансовый кризис, ночная торговля, спекуляция и т. п.) позволяют предположительно определить время повествования – Россия начала 90-х. Действие разворачивается вокруг рядовой бывшей советской семьи, вынужденной как-то выживать в непростых экономических условиях. Арсений, уво-

ленный с мебельной фабрики, уже с месяц сидит на шее у жены, которая не скупится на эпитеты непредприимчивому супругу (бездельник, голодранец, дармоед, босяк, голь перекатная), на что тот реагирует смиренно и кротко, с добродушной улыбкой, чем вызывает еще больший ее гнев. Он выполняет всю женскую работу по дому, и в глазах Васены Власьевны и гостей, входящих в дом, выглядит блаженным. Жена, не стесняясь, зовет его чучелом, дураком и простофилей, шутком гороховым, заставляя забавлять соседей. Окружающие обращают внимание на непохожесть Арсения на других, отмечая его особую непричастность миру земному:

– Вот какой у тебя муж, Васена... Прямо Божий человек.

– Божий-то Божий, – отвечает Васена Власьевна. – Только вот нищий и босой. Дома-то ни копейки! Вон Зинюхины живут! Вертятся круглый год! То шапки к зиме шьют, то игрушки детские. Перед Пасхой всегда веночки могильные мастерят. А этому всё нипочем, всем доволен, и всё ему хорошо! [2].

Многочисленные попытки жены пристроить Арсения к работе, которая приносила бы хоть какой-то заработок, не увенчались успехом, и в конце концов она выгоняет его из дома, а через некоторое время узнает о его гибели. Кульминацией становится сцена в Храме Всех Скорбящих, где Васене Власьевне чудятся призраки у гроба Арсения. Вложенная в уста одного из них фраза «Терпение и есть путь любви. И у апостола Павла: любовь все переносит и долготерпит» [2] раскрывает суть подвижнического подвига Арсения, отсылая читателя к Первому посланию к Коринфянам Святого Апостола Павла: «Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не

ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине: вся любит [покрывает], всему веру емлет, вся уповае, вся терпит» (13: 4–7) [3].

Подчеркнутое смирение, кротость и незлобивость главного героя, с одной стороны, роднит его первыми русскими мучениками – безвинно убиенными святыми князьями Борисом и Глебом. Вместе с тем неумение приспособиться к современной действительности приводит его к статусу блаженного, отверженного миром, по современным меркам – маргинала, и в этом плане история терпеливого Арсения имеет явные параллели к юродческим житиям. Являясь носителем некоего идеального начала, которое, однако, окружающие инстинктивно в нем чувствуют, он не находит ни в ком участия и поддержки, вызывая острое неприятие своей отрешенностью от дел земных, суетных, что и приводит к одиночеству и физической гибели героя. Трагический финал призван воплотить главную идею рассказа о вселенском зле, невозможности гармонии и изначальной обреченности героя как носителя высоких нравственных ценностей. С одной стороны, жизнь и житие Арсения, в соответствии с агиографическим каноном, призваны возвеличить подвиг святого подвижника, а с другой стороны, являются приговором миру, погрязшему в бездуховности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1991. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/svyatye/13.html>
- [2] Петров Г. Рассказы [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/4565p1.html>. (Электронная библиотека RIN.RU.)
- [3] Первое послание Коринфянам Апостола Павла [Электронный ресурс]. URL: <http://slav-biblia.narod.ru/64.htm>.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ В 2000-Х ГГ.

Описаны наиболее интересные произведения русского филолога-классика Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: культура переходного времени, герменевтика, философская проза, религиозное сознание.

Чудо Достоевского заключается не столько даже в самом явлении его гения, сколько в том **откланке, какой вызвало его творчество в человечестве.**

П.Е. Фокин

...порой, сквозь сумрак горя и одиночества, бесконечно и трогательно, по-детски наивно и нежно проливается некий свет, некое предчувствие смысла, уверенность в спасении. Такие места я нахожу у Достоевского.

Г. Гессе

Российское достоевскоеведение существует более ста тридцати лет и справедливо считается во всем мире наряду с пушкинистикой наиболее сильным направлением исследований литературоведов, изучающих историю отечественной классики. В последней трети XX в. литературоведы, занимающиеся творчеством Ф.М. Достоевского, представляют собой многочисленную и внутренне единую группу единомышленников. Это единство стимулируется отчасти тем, что долгое время при советской власти Достоевского считали идеологически «опасным» классиком. Восхождение исследовательского интереса к творчеству писателя начиналось с первого «дозволенного» властями юбилея 1971 г. То, что заниматься Достоевским в застойные годы было сложно и не престижно, вызвало естественный качественный отбор среди литературоведов. Творчеством этого писателя занимались преимущественно те ученые, кто был склонен к осмыслению глобальных теоретических проблем русской культуры, философии, литературы, а также те, кого остро интересовали пограничные (гибридные) формы прозы на грани художественного, философского, публицистического начал.

Высокий методологический уровень российского достоевскоеведения был задан работами М.М. Бахтина и ученых его круга – С.Г. Бочаровым, В.В. Кожиновым, Г.Д. Гачевым. Сложность прозы писателя с ее синтетической природой и универсальностью неизбежно требовала интеграции ученых разных специальностей. Научным центром российского достоевскоеведения всегда был Санкт-Петербург. Группа Достоевского в Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме) под руководством академика Г.М. Фридендера с 1972 по 1990-е гг. осуществила издание уникального по своим текстологическим принципам академического полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах

(а точнее в 33 томах) [1]. В наше время им пользуются ученые всего мира. Тогда же возникла в достоевковедении традиция многолетних периодических сборников-спутников академического собрания «Достоевский. Материалы и исследования», куда входили архивно-текстологические находки авторов «группы Достоевского» ИРЛИ и достоевковедов из других регионов. С начала 1990-х гг. там печаталось всё больше статей зарубежных ученых. С 1993 г. выходит периодический альманах Международного общества Достоевского под названием «Достоевский и мировая культура», сегодня вышло двадцать пять номеров этого альманаха (в конце многих номеров помещается сводный библиографический указатель всего ранее опубликованного).

С 1985 г. выходит ежегодный сборник материалов теперь уже ставшей международной конференции в г. Старая Русса «Достоевский и современность».

Что нового появилось в достоевковедении в «нулевые» годы? Что мы утратили, что приобрели? Как изменился угол зрения на наследие Достоевского в последнее десятилетие?

Впервые появилась установка изучать всё наследие писателя – и письма, и незавершенные произведения, и публицистику, и критику, и «non-fiction» «Дневника писателя». По крайней мере, обилие словарей-справочников, энциклопедий, информационных сводов, библиографий указывает на обозначившуюся тенденцию.

Вернулись и вновь стали актуальными многие темы, характерные для начала XX в. Изучение наследия Ф.М. Достоевского в истории культуры во многом повторяет путь осмысления Данте, Шекспира, Гете: первоначально обсуждается проблематика, идеи, дух творчества, потом наступает период текстологического изучения, комментирования, анализа художественных произведений, интереса к поэтике данного автора и, наконец, время феноменолого-герменевтического подхода, включения творчества писателя в разнообразные культурные контексты, понимание культурных моделей, им созданных, и их судеб в истории мировой культуры. В последнее десятилетие всё чаще имя Достоевского связывается с особым типом рубежной, переходной культуры на грани нового и новейшего времени. Писатель предчувствует ее, пытается подготовить читателя ко времени «всеобщего обособления», преодолеть соблазны и опасности нового состояния мира.

Г.К. Щенников в предисловии к своему словарю-справочнику «Достоевский:

сочинения, письма, документы» (СПб., 2008) справедливо отмечает, что вновь актуальной стала проблема творческого метода писателя, но уже не в собственно литературном аспекте, а в общекультурном. Ф.М. Достоевский сегодня осмысливается современными исследователями как мастер культурного синтеза, создатель новых культурных моделей на основе религиозной онтологии.

Крен в эту сторону можно понять после десятилетий умолчаний и запретов советского официоза, но вот беда – механическая оппозиция атеизму в яростном утверждении религиозной доминанты творчества писателя оказалась столь же однобокой и узкой. В Достоевском, кроме его представления о божественной основе бытия в целом и человека в частности, есть много всего другого, и новаторство писателя не исчерпывается только библейскими аллюзиями и параллелями.

Всё чаще современные исследователи Достоевского декларируют свою основную задачу как изучение влияния творчества писателя на культуру в целом. Так, в двухтомнике ИМЛИ РАН «Достоевский и XX век» справедливо утверждается, что наследие Достоевского повлияло «на искусство, литературу, философию, науку о литературе, более того, на картину мира человека XX века и на сам тип европейского человека XX века».

В этом итоговом издании разрабатываются следующие направления:

- Ф.М. Достоевский и русский рубеж веков;
- Идеи Достоевского в XX веке;
- Художественные открытия Достоевского в XX веке;
- Достоевский в судьбах людей XX века;
- История изданий Достоевского в России в XX веке;
- Ф.М. Достоевский в национальных культурах и «национальных литературоведениях»;
- Телевизионные и театральные постановки произведений Достоевского;
- Интерпретация биографии и творчества писателя в школьных и вузовских учебниках советского и постсоветского периода.

Хочу на примере изменения названия сборников, альманахов общества Достоевского показать явно обозначившуюся тенденцию.

Если раньше в центре внимания были тексты Достоевского, биография писателя (словом, он сам) /«Достоевский – художник и мыслитель», «Достоевский. Мате-

риалы и исследования», «Достоевский и современность»/, то сегодня масштаб укрупнился и акцент перенесен на влияние писателя на культуру XX в. (25 альманахов общества Достоевского называются «Достоевский и мировая культура», материалы Международной конференции в Коломне «Ф.М. Достоевский в диалоге культур»). Две лучшие наиболее серьезные монографии последнего десятилетия тоже рассматривают процесс постижения писателя, диалога с ним современности, иначе говоря, широчайший культурный контекст. Речь идет о явно недооцененной глубокой монографии Б.Н. Тарасова «Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (христианская мысль и современное сознание)». М., 1999. Само название глав второй части («Своеобразие личности и метафизика исторической памяти в творчестве Достоевского», «Неслышанный Достоевский (душа и богатство в свете Нагорной проповеди)», «Роковой вопрос и современный мир», «Достоевский о науке и прогрессе») говорит о том, что автор через Достоевского ищет ответы на большие вопросы современности во спасение. Впрочем, многие из присутствующих здесь могли из первых рук услышать авторское осмысление этих проблем в 2004 г. на спецкурсе Б.Н. Тарасова.

Книга Анастасии Георгиевны Гачевой названа вполне традиционно «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется... (Достоевский и Тютчев)», но речь в ней идет не просто о рецепции тютчевских раздумий о судьбах России и мира Достоевским, но и о глубочайших онтологических проблемах современности, увиденных через диалог поэта и прозаика. В отличие от многих поверхностно компаративистских работ эти две наиболее значительные монографии, ставшие событием в достоевистике, осуществляют реальный философско-феноменологический подход к наследию Достоевского. В двух частях – «Скрещенья художественных миров» и «Философия истории» – масштабно, глубоко и с завидной методологической новизной анализируется высший смысл жизни в переключках художественных открытий двух писателей. Надо ли говорить о том, что автор книги в совершенстве владеет навыками анализа слова названных писателей.

Здесь налицо столь часто провозглашаемая на словах многими современными исследователями культурологическая доминанта, но, к сожалению, осуществляется она на деле немногими учеными.

Творческая суть текстов Достоевского постигается только тогда, когда исследователь умеет выявить интеллектуальную и духовную направленность слова писателя на самоизменение субъекта культуры, когда раскрывается «всемирность особенно» (Л. Баткин). Сквозная умонастроенность и жизнестроительная направленность произведений Достоевского реализуется только через взаимодействующее с другими авторами, культурами СЛОВО.

Достоевский как мастер переключения текста из одного культурного синтаксиса в другой (на переходе от искусства к философии) сегодня открывается не всем, ибо уровень филологического анализа резко снизился или вовсе исчез и часто подменяется поверхностной имитацией.

Увы, ушло из жизни поколение известных достоевсковедов второй половины XX в., у которых мы учились, не стало Г.М. Фридендера, В.А. Туниманова, В.А. Свительского, Г.К. Щенникова, создателя международного общества Ф.М. Достоевского Надин Натовой В.П. Владимирцева, Р.Я. Клейман. Потери эти на фоне разрушения литературного образования невосполнимы, потому что подавляющее большинство молодых достоевсковедов нового поколения не умеют анализировать текст, страдают мелкотемьем, методологически несамостоятельны, находятся в плену чужих штампов.

На этом фоне появление работ ярких, серьезных, основательных, внешне традиционных, но действительно открывающих новое в Достоевском становится большой редкостью и удачей. Чаще всего подобные явления возникают в провинциальных вузах, где сохранилась своя академическая школа – в Томске, Саратове, Петрозаводске, Екатеринбурге, Коломне. Так, в 2003 г. в Коломне под редакцией профессора В.А. Викторovichа вышел первый долгожданный сборник «Роман Ф.М. Достоевского “Подросток”: возможности прочтения» (Коломна, 2003. – 262 с.). Значение этой первой работы по практически неизученному роману писателя трудно переоценить. 10 статей в сборнике принадлежат отечественным достоевсковедам, причем 5 статей дают новое прочтение романа, а 8 публикаций – это лучшие работы зарубежных исследователей. Собрать под одной обложкой наиболее серьезные и значительные публикации разных авторов помогла увлеченность и эрудиция редактора-составителя и сама культурная ситуация открытого научного диалога, которую порой так трудно осуществить провинциальным ву-

зам. Этот знаковый сборник вошел в серию Коломенского пединститута «Педагогический потенциал русской литературы», в том же 2003 г. в данной серии вышел сборник «Педагогика Достоевского».

Сегодня профессор В.А. Викторovich руководит работами по созданию музея детства писателя в Даровом. В прошлом году вышли очень интересные материалы Международной конференции 25–29 августа 2009 г. «Ф.М. Достоевский в диалоге культур» (Коломна – Зарайск-Даровое), а также чрезвычайно удачный новаторский светлый фильм «Достоевский. Дорога детства».

Хотелось бы отметить итоговый сборник статей Томского университета «Достоевский и время» (Томск, 2004). При всей традиционности структуры сборника, в котором есть история изучения творчества Достоевского в ТГУ, библиография, методические и собственно научные материалы, в частности, уникальные по теме «Жуковский и Достоевский». По-настоящему украшают сборник яркие концептуально инновационные публикации Е.Г. Новиковой, Э.М. Жилияковой, О.В. Седелниковой, А.А. Казакова.

И наконец, хотелось бы сказать о научном подвиге создателя первого энциклопедического словаря-справочника, второй том которого «Достоевский: сочинения, письма, документы» вышел в Санкт-Петербурге в 2008 г., уральского профессора Гурия Константиновича Щенникова. И хотя ждавший своей публикации 11 лет он вышел под эгидой Пушкинского Дома и его существованию обогатили публикации Б.Н. Тихомирова о незавершенных замыслах писателя, заслуга осуществления этого колоссального проекта целиком принадлежит Г.К. Щенникову.

Главной заслугой научного редактора-составителя является строгое следование петербургской академической традиции, ориентированной на изучение текстов Ф.М. Достоевского, а не на модные рассуждения о религиозном контексте творчества писателя.

Вместе с тем анализ произведений Достоевского в словаре Г.К. Щенникова осуществляется на основе вполне современной методологии философско-феноменологического дискурса, последовательного герменевтического подхода.

Наряду с полнотой, основательностью систематизатора научный редактор Г.К. Щенников щедро дает при необходимости альтернативные статьи разных исследователей к одному произведению, большинство из них отличаются по-настоящему

новой современной интерпретацией текста Достоевского.

Наиболее удачны статьи о великих романах Достоевского – анализ Г.К. Щенникова «Братьев Карамазовых» и «Подростка», блестящий разбор «Подростка» В.А. Викторovichа, две яркие статьи о самом спорном романе «Идиот» принадлежат Г.Г. Ермиловой и В.А. Свительскому, статьи петербуржцев о «Преступлении и наказании» Б.Н. Тихомирова и о «Бесах» Н.Ф. Будановой вполне традиционны, что вовсе не умаляет их достоинств.

Г.К. Щенников воспитал множество разных и интересных или же оправданно привлек к работе над словарем серьезных историков литературы. Так, интересна и убедительна интерпретация «Записок из подполья» профессора УрГУ Е.К. Созиной, а также повестей «Неточка Незванова», «Слабое сердце» и многих других профессора Челябинского университета М.К. Загидуллиной. Впервые так скрупулезно изучены и представлены многие малоизвестные произведения писателя. Очень интересно и инновационно проанализированы публицистические статьи Достоевского омской исследовательницей А.Г. Пономаревой (особенно удачен разбор «Статьи о России»).

Симптоматично, что задуманная академиком Г.М. Фридендером серия словарей была осуществлена двумя уральскими литературоведами супругами Г.К. и Л.П. Щенниковыми в трудные годы с небольшими средствами, что внушает нам всем надежду на славное будущее российского достоевсковедения.

В конце 1999 г. при Омском государственном университете возник научно-исследовательский региональный Центр изучения творчества Достоевского. Продолжая и развивая традиции Уральской «группы Достоевского», с которой оно генетически связано, новое научное сообщество видит свою задачу в широкой интеграции ученых разных специальностей (как гуманитарных, так и естественных) для проведения комплексных исследований проблемы «Достоевский и рубеж веков». Литературоведов же этого Центра будет прежде всего интересовать изучение нероманной прозы писателя («Записки из Мертвого дома», «Дневник писателя»), а также влияния творчества писателя на рубежные переходные явления культуры России в целом и Сибири в частности.

По материалам исследований ученых Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф.М. Достоевского вышел первый сбор-

ник статей «Ф.М. Достоевский и душа Омска» (Омск, 2001). Хочется надеяться, что Омский центр обретет достойное место среди достоевсковедов России. Омские ученые приглашают своих коллег к диалогу и сотрудничеству как по актуальной проблематике исследований Центра, так и по первоначальному сбору информации из истории отечественного достоевсковедения. Омский региональный научно-исследовательский Центр изучения творчества Ф.М. Достоевского при ОмГУ (ЦИДО) занят комплексом культурологических проблем творчества великого писателя в Сибири, а именно:

– своеобразие поэтики произведений Достоевского (повествование, стилистика, художественное время-пространство, жанр);
– влияние его творчества на культуру провинциального Омска и шире – на культуру Сибири, России рубежа XIX–XX вв.

Особое внимание в работе Центра уделяется изучению философской романной прозы («Дневник писателя», «Записки из Мертвого дома») Достоевского, а также культурологическим исследованиям о связи культурного пространства Омска, «души города», легенд и преданий Западной Сибири с творчеством Достоевского. Давно назрела необходимость дать сжатый и полный свод сведений о двух великих и малоизученных произведениях Ф.М. Достоевского, оба они связаны с нашим городом – это очерковая повесть «Записки из Мертвого дома» и итоговая книга философской прозы «Дневник пи-

сателя» (1876–1880 гг.). Изучение их и популяризация позволили бы увидеть неизвестного многим «светлого» Достоевского.

Будущее достоевсковедения видится в совместных усилиях постижения жизненностроительного пафоса творчества писателя, универсальной синтезирующей природы его произведений, уникальной судьбы наследия «светлого, жизнерадостного Достоевского» в мировой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. 470 с. (Достоевский и русская культура / сост. Г.К. Щенников).
- [2] Достоевский и XX век / под ред. Т. А. Касаткиной : в 2 т. М. : ИМЛИ РАН, 2007.
- [3] Тарасов Б. Н. Непрочитанный Чаадаев, неупышанный Достоевский (христианская мысль и современное сознание). М. : Academia, 1999. 288 с.
- [4] Гачева А.Г. «Нам не дано предугадать, Как наше слово отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М. : ИМЛИ РАН, 2004. 640 с.
- [5] Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения : сб. ст. Коломна : КГПИ, 2003. 262 с. (Педагогический потенциал русской литературы).
- [6] Достоевский и время : сб. ст. / под ред. Е. Г. Новикова, А. А. Казакова. Томск : Изд-во Томского университета, 2004. 158 с.
- [7] Ф.М. Достоевский в диалоге культур : материалы Международной конференции 25–29 августа 2009 / сост. В. А. Викторovich. Коломна : КГПУ, 2009. 255 с.
- [8] Ф.М. Достоевский и «душа Омска». К 70-летию М. В. Яковлевой. Омск, 2001. 266 с.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ЖАНРОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

Дано лингвистическое описание одного важного рукописного документа XIX в. – статейного списка писателя Ф.М. Достоевского и поэта-петрашевца С.Ф. Дурова. Выделены основные макро- и микрокомпоненты всей системы описания данного объекта портретирования, сделаны выводы о региональной обусловленности данной модели.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, розыскные документы XIX в., словесный портрет.

В современной лингвистике интерес учёных-текстологов к рукописным фондам региональных архивов, несомненно, возрастает. Актуальность проводимых ими исследований прежде всего объясняется неразработанностью проблемы функционирования местного делопроизводства XVIII–XIX вв. как органа управления всем документооборотом Сибири, что помогает решению многих кардинальных вопросов развития русского делового общения [1; 3–5; 10–12]. Такой подход предполагает расширение источниковедческой базы за счёт обращения к неизданным текстам деловой письменности, которые позволяют нам декодировать содержащуюся в них ту или иную информацию, «обрисовать» социальный и культурный ареал и впоследствии представить языковую картину мира на анализируемом микроучастке текста. Перспектива нашего исследования проявляется в качественном и количественном диагностировании омских розыскных текстов, которые еще не подлежали полному языковому описанию.

Памятники региональной деловой письменности не только отражают различные общественные отношения (духовно-интеллектуальные, социальные, экономические), но и представляют собой «особый тип текстов, изначально ориентированных на живой русский язык и традиционно противопоставляемых книжно-литературным (книжно-славянским, книжным, литературным) памятникам, характеризующимся церковнославянской языковой основой» [10, с. 2]. Направленность на «живой русский язык» свидетельствует о существовании особой речевой рефлексии, которая отражается в тексте: любые изменения в деловом языке (т. е. в языке юридических памятников того или иного периода) непосредственно фиксируются в деловых документах эпохи. Это говорит о прямой зависимости деловой письменности от постоянно меняющихся норм языка эпохи и, наоборот, об отражательной способности юридических текстов (язык – норма – источник).

Расширение сферы употребления деловой письменности при утрате церковно-славянским языком целого ряда функций, на наш взгляд, определило ту важную роль, которую деловой язык сыграл в сложных процессах формирования русского литературного языка нового типа, а именно роль кодификатора норм (письменных и устных). «Живые» разговорные явления различных уровней языка первоначально существовали особой (*обособленной*) системой, которая рас-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта 11-14-55004а/Т РГНФ.

полагалась на периферии всего «поля» языка (в центре нее – церковнославянский язык). Постепенно происходило «диффузное» перемещение (*перемешивание*) элементов этой многофункциональной и многоступенчатой системы, которое определило впоследствии смену языковых доминант.

Формирование собственно русского литературного языка в течение всего XVIII в. предопределило упорядочивание элементов разговорного, делового и высокого стилей. Всё это привело к изменениям в функционировании русского литературного языка. Он стал пригоден для выражения всё более и более широкого круга понятий, в то время как сфера употребления церковнославянского языка постепенно сужалась (в настоящее время церковнославянский язык используется как служебный). Поскольку роль делового языка начинала меняться, в этот период доля разножанровых деловых документов заметно возросла. Разветвлённое делопроизводство допетровской Руси требовало появления единых принципов его оформления и обработки документов. Сама система документооборота становится строго регламентированной, и процесс унификации (точнее, стандартизации) языка документов, начавшийся еще в Киевской Руси, получает, таким образом, своё дальнейшее развитие в XIX в. Следует помнить, что восстановить реальную картину правовых отношений и систему языковых средств выражения письменной речи юридических текстов, особенно на периферии государства, в настоящее время возможно только в результате всестороннего изучения архивных документов судебного делопроизводства [6, с. 237].

Именно поэтому в настоящей статье своеобразному лингвистико-источниковедческому анализу подвергся ценный для истории, культуры и языка документ, оригинал которого хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве, а копия – в Омском государственном литературном музее им. Ф.М. Достоевского. Это – *«Статейный список о государственныхъ и политическихъ преступникахъ находящихся в Омской крепости в каторжной работе 2-го разряда отъ 19 июня 1850 г.»*. Он был составлен только на двух ссыльных в Сибирь: петрашевца С.Ф. Дурова и писателя Ф.М. Достоевского. Обращение к этому деловому тексту вполне оправдано прежде всего не только некоторыми прагматическими установками (в 2011 г. исполнилось 190 лет со дня рождения писателя

Ф.М. Достоевского), но и вполне объяснимо с точки зрения жанровых и коммуникативных законов построения деловых текстов рассматриваемого периода, что, на наш взгляд, лингвистически существеннее.

Языковые особенности статейных списков в целом в региональном делопроизводстве чаще всего определялись общими синтаксическими и стилистическими нормами рассматриваемого периода: отказ от приказной традиции повлёк за собой постепенный поиск новых средств для обозначения общей модели портретирования всех ссыльнокаторжных в Сибирь. Омское деловое письмо в этот период уже представляло собой композиционно и содержательно сложившуюся, чётко осознаваемую пишущим структуру, которую необходимо было соблюдать. Данное определение, на наш взгляд, обнажает противоречивую природу формуляра омских деловых документов XIX в. Соотнесенность текста с той или иной эпохой не играет доминирующей роли, и потому принцип его временного ориентирования сразу же может быть имплицирован исследователем. Наоборот, наличие определённого шаблона предполагает зависимость пишущего от внутренней и внешней структуры документа. Делопроизводители старались следовать за фиксированной «программой» заполнения лакун языковыми средствами выражения методики портретирования (данная «программа» определялась общими принципами построения делового текста в центральных канцеляриях). Это исключило проявление авторского начала в анализируемом деловом источнике.

Омские розыскные документы рассматриваемого нами периода – это прежде всего памятники эпохи освободительного движения в России в целом. С точки зрения исторического содержания они представляют собой богатый материал для изучения всей политической и социально-экономической ситуации: например, истории высылки представителей различных сословий в Сибирь, обусловленной ростом антифеодальной борьбы во второй половине XIX в. В условиях кризиса самодержавно-крепостнического строя в этот период резко усиливается охранительная функция всего государственного аппарата Российской империи и особенно его полицейско-тюремной системы, причём особое место в ней занимает именно ссылка в Сибирь. Интерес исследователей к этой проблеме в последнее время явно возрос [7; 9; 14].

Текстовое сознание всех вышеобозначенных лингвокультурологических предподсылок, на наш взгляд, и предопределило появление, формирование и активное функционирование в омской деловой

письменности XIX в. особого типа документов – статейных списков на ссыльно-каторжных в Сибирь. Далее приведём текст исследуемого документа:

Статейный список о государственных и политических преступниках, находящихся в Омской крепости в каторжной работе 2-го разряда от 19 июня 1850 г. [19]

№ по порядку	Имя и прозвание ср. полагавшие имени отъ ро- ду.	Наруш- ения при- емных и недо- статки ка.	Какой тюремной работы	Въ ка- кой катор- ной ра- боте и какого магистра- ты.	Въ чем осу- жденъ въ ра- боту.
1.	Сергей Дуровъ 35 летъ.	много стол, во- лосы кур- налы, вы- за тали- нахире, ноги и руки обвыно- вены.	много стол, во- лосы кур- налы, вы- за тали- нахире, ноги и руки обвыно- вены.	Мѣст. 1850 стол- ная кат- торная р. 2В. Всесо- род.	За участие въ преступныхъ за- мыслахъ, угрожае- щихъ у себя въ квар- тиру собрания для этой цели и по- кушение къ распро- странению соинте- рий противъ Пре- виртиса въ посред- ствомъ домашней литературы.
2.	Федоръ Досталевскій 30 летъ.	много стол, во- лосы кур- налы, вы- за тали- нахире, ноги и руки обвыно- вены.	много стол, во- лосы кур- налы, вы- за тали- нахире, ноги и руки обвыно- вены.	Мѣст. 1850 стол- ная кат- торная р. 2В. Всесо- род.	За участие въ преступ- ныхъ замыслахъ, ра- спространение пис- ма литературы въ иногда наinten- номъ Державинъ въ ра- оссийскихъ противъ правительственной Церкви и верховной власти и покушение въ прогнати къ распу- странению соинте- рий противъ Пре- виртиса въ посред- ствомъ домашней литературы.

Нормальной подписанъ Омской Каторжной Тюремной
Тюрьмы Омскаго Магистратскаго Канцелярскяго
Секретаря Александръ Гусевъ.
Съ доверенности Сироты

Подобные деловые документы имели широкое применение в функционировании региональных канцелярий в XIX в.: в этот период частыми были ссылки в Сибирь различных категорий заключённых. Обязательным условием их «перемещения» было составление на каждого из них особых сопроводительных документов – статейных списков, всегда составляемых по определённому трафарету. Для диагностирования общей методики описания

«*оных государственных и политических преступников*» и выявления самой модели портретирования приведём иные тексты, хранящиеся в Государственном архиве Омской области (это позволит нам сделать выводы о пропорциональной зависимости модели описания ссылочнокаторжных в определённых типах деловых документов XIX в.) [8]:

**Статейный списокъ,
составленный въ Омской Градской Полициі, марта 22 дня 1841 года,
о бѣгломъ Иванѣ Моколовѣ**

22 марта 1841 г.

1. Имя, прозваніе.
2. Изъ какого званія.
3. Лѣтъ.
4. Примѣты.
5. Гдѣ судился.
6. Родъ приговора и наказанія.
7. Чемъ при правленіи снабженъ.
8. Какого вероисповеданія.
9. Семейство преступника.

1. Иванъ Моколовъ.
2. Роста 2 арш., 4 верш., лицемъ смуглъ, волосы на головѣ, усахъ русые, бороду брееть, глаза каріе, на правомъ боку на поясицѣ бородавка въ голубѣ яйцо, имеетъ грыжу.
3. 35.
4. Изъ бродягъ.
5. Въ Тобольскомъ Губернскомъ Судѣ.
6. По приговору Тобольскаго Губернскаго Суда за бродяжничество наказанъ при полициі черезъ служителя оной плетью двадцатью ударами и вывезенъ къ ссылкѣ далѣ Въ Сибирь на поименіе.
7. Снабженъ при отправленіи Въ Омскъ казенною нужною одеждою.
8. Вѣры Грѣкороссійской.
9. Не имѣетъ.

(ГУ «ГА в г. Омске», Ф. 14. Оп. 1. Д. 56. Л.29)

(2)

**Статейный списокъ,
составленный въ Омской Градской Полициі, марта 22 дня 1841 г.,
о бѣгломъ Василѣ Игнатовѣ**

22 марта 1841 г.

1. Имя, прозваніе.
2. Изъ какого званія.
3. Лѣтъ.
4. Примѣты.
5. Гдѣ судился.
6. Родъ приговора и наказанія.
7. Чемъ при правленіи снабженъ.
8. Какого вероисповеданія.
9. Семейство преступника.

1. Василий Игнатовъ.
2. Ростомъ 2 арш., 4 верш., лицомъ чистъ, волосы на головѣ, бородѣ и усахъ темно-русые съ проседью малою, носъ продолговатъ, налѣвои рукѣ малый палець не разгиба-етца, глаза серокари.
3. 55.
4. Изъ бродягъ.
5. Въ Тобольскомъ Губернскомъ Судѣ.
6. По приговору Тобольскаго Губернскаго Суда за бродяжничество и ложное о про-шломъ своемъ показаніе наказанъ при полицій чрезъ служилыхъ Ея плетьюми двадца-тью ударами и следуетъ къ ссылкѣ далѣе Въ Сибирь на посѣленіе.
7. Снабженъ при отправлении Въ Омскъ казенною нужною одеждою.
8. Вѣры Грѣкороссийской.
9. Не имѣетъ.

(ГУ «ГА в г. Омске», Ф. 14. Оп. 1. Д. 56. Л. 44–45)

Сопоставление документов показало, что в основе омских статейных списков XIX в. лежал единый трафарет оформления. Как отмечает О.В. Трофимова, «лексико-грамматическая структура текста «родилась» в стенах комендантской канцелярии» [18]. К таковым, скорее всего, относятся Московский судный приказ и Приказ сыскных дел, которые через распорядительные (в этом значении – эталонные) документы представляли общий шаблон не только портретирования беглых ссыльнокаторжных, но и весь принцип документооборота в Сибири. Описание по «статьям» в документах имело классифицирующий характер, было достаточно формализовано и привело к минимизации языкового разнообразия в анализируемых нами деловых текстах. Речевая ситуация была предопределена функциональной направленностью омских статейных списков XIX в.: кратко, подробно и точно охарактеризовать ссыльнокаторжных (отправляемых в места ссылки, или только что прибывших в ссылку, или по тем или иным причинам покинувших ее).

Методика портретирования ссыльнокаторжных С.Ф. Дурова и Ф.М. Достоевского полностью соблюдается с той лишь разницей, что коммуникативные интенции этих документов скорее смежные и сонаправленные, нежели идентичные. Ранее уже было отмечено, что «*Статейный список <...> от 19 июня 1850 г.*» был составлен на ссыльных, только пересылаемых в Сибирь по политическим причинам: «*За принятіе участія въ преступныхъ замыслахъ, распространіе письма литератора Бѣлинскаго наполненаго дерзкимъ выраженіемъ противъ православной церкви и верховной власти и покушеніе вмѣстѣ съ прочими къ распро-страненію сочиненій противъ правитель-*

ства посредствомъ домашней литографии». Привлечённый по делу петрашевцев Ф.М. Достоевский в 1849 г. был приговорён к смертной казни, которую перед самым расстрелом заменили четырёхлетней каторгой с последующим определением в рядовые [2]. Таким образом, обращает на себя внимание локализация в документе их особого статуса – «политические ссыльнокаторжные». В «*Статейных списках <...> от 1841 г.*» обнаруживаем несколько иную картину: речь идёт о беглых ссыльнокаторжных, по тем или иным причинам покинувших места своего заключения (чаще всего – социокультурным и географическим).

Такая культурная ситуация говорит об эффективности исполнения поручений вышестоящих организаций нижестоящими сибирскими делопроизводителями и в то же время о лингвистических особенностях функционирования документооборота в Сибири. В отличие от центральных приказов, быстро перестраивающихся на новый принцип составления документа, сибирским канцеляриям требовалось около 50 лет (а в некоторых случаях и более 100 лет) для реорганизации своей документоведческой работы. Постепенные качественные изменения, проходившие с периодичностью один-два раза за одно столетие в конечном счёте предопределили функционирование деловых документов разной жанровой и временной направленности в пределах парадигмальной установки, т. е. в XIX в. мы можем говорить уже о появлении такого параметра характеристики языка деловой письменности, как его шаблонность. В анализируемом юридическом документе XIX в. это проявилось в особом стандартизированном оформлении его начальных реквизитов:

– наличие реквизита «даты»: «*статейный список <...> от 19 июня 1850 г.*»;

– номинация адресата в перифразном значении: *«статейный список о государственных и политических преступниках, находящихся в Омской крепости в каторжной работе 2-го разряда»;*

– номинация адресанта в прямом значении: *«подлинный подписалъ Омскій Комендантъ Покрепости Омской Плацъ-Маіоръ Капитанъ Григоревъ».*

Исследуемый нами документ содержит описание двух арестантов, заданное в форме таблицы. При этом параметры характеристики строго определены и эксплицированы в связи с активными коммуникативными установками того времени в канцелярском делопроизводстве: чётко, лаконично описать каждого ссыльнокаторжного в Сибирь. *«Статейный списокъ <...> от 19 июня 1850 г.»* фиксирует имя и прозвание *«съ показаниемъ летъ от роду»*, наружные приметы и недостатки, описывается фигура арестанта, указывается *«изъ какой губернии родомъ и кому принадлежали»*, *«когда поступили в работу»* и *«за что осуждены въ работу»*. Данные параметры портретирования носят обобщённый характер. Это было связано с тем, что формирование и активное функционирование языка статейных списков было сонаправленным от документа к документу и частично включало проявление авторского начала. Следует обратить внимание на факт смежности параметров характеристики с особенностями моделирования внешности в *«Статейныхъ спискахъ <...> от 1841 г.»*:

1. Имя, прозваніе.
2. Изъ какого званія.
3. Лѣтъ.
4. Примѣты.
5. Гдѣ судился.
6. Родъ приговора и наказанія
7. Чемъ при правленіи снабженъ.
8. Какого вероисповеданія.
9. Семейство преступника.

В качестве дополнительных в модели портретирования ссыльнокаторжных выступают нулевые функциональные параметры, под которыми мы понимаем характеристики разыскиваемого объекта с точки зрения определения его политического статуса (это пункты с №5 по №7): *гдѣ судился, родъ приговора и наказанія, чемъ при правленіи снабженъ*. Также вводятся параметры, которые носят скорее статистический характер (пункты № 8 и № 9). Указание на *«вероисповеданіе»* и на *«семейство преступника»* в портрете беглых ссыльнокаторжных хотя и выступало как основной компонент, но было

нацелено только на уточнение словесного портрета беглых ссыльнокаторжных, и основная функциональная направленность всего делового документа была сведена в них к минимуму.

Моделирование внешности Ф.М. Достоевского и С.Ф. Дурова качественно не отличалось от уже существующей методики портретирования, носило частично-индивидуализированный характер и было регламентировано законами речевой экономии языковых средств при оформлении статейных списков XIX в.: *«Сергей Дуровъ, 35 лѣтъ – лицо чистое, волосы черные, глаза темнокаріе, носъ и ротъ обыкновенные, телосложенія крѣпкого»* и *«Федоръ Достоевскій, 30 лѣтъ – лицо чистое, блѣлое, глаза сѣрые, носъ обыкновенный, волосы свѣтлорусые, на лбу надъ бровью небольшой рубецъ»*. При описании цвета волос и глаз, формы лица и телосложения составителем анализируемого нами статейного списка использовались только полные формы прилагательных, что говорит о качественной синтаксической перестройке форм делового языка, начавшейся еще в середине XVIII в. (сравним, *лицомъ чистъ* и *лицо чистое*, *волосомъ черенъ* и *волосы черные*).

Доминантная роль в *«Статейном списке <...> от 19 июня 1850 г.»* отводилась именно 'особым приметам' в портрете ссыльнокаторжных в Сибирь как «помощника» индивидуализации внешности человека. 'Примета' (или 'особые приметы') в исторических словарях определяется как 'отличительный признак, по которому могли узнать кого-л., что-л.' [17]. Оно отсутствует в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, отличается довольно поздним появлением в русском литературном языке. В деловых документах прежде всего данный параметр выступает в составе формулы, определяющей установки проведения осмотра внешности человека: *«И про таких в холпьемъ приказе сыскивати и осматривати спорныхъ людей в рожеи и в приметь»* [13], но постепенно начинает выполнять роль обобщающего слова при описании внешности человека. Функция компиляции всех индивидуализирующих примет внешности ссыльнокаторжного указывает на большую степень объективации и успешной идентификации человека.

Подтвердим наши рассуждения единственным примером из текста: *на лбу надъ бровью небольшой рубецъ*. Прагматическая нагруженность 'особых примет' в деловом тексте определялась коммуни-

кативными интенциями составителя словесного портрета в целом и особенностями идентифицирующих систем в розыскных деловых текстах, поскольку возникали случаи неверной и нулевой идентификаций (второй случай идентификации был более частотным), а результатом общения должно было выступить уже не само описание, а эксплицированный ответ на вопрос: доставлен ли до места назначения ссыльнокаторжный в Сибирь («Статейный список <...> от 19 июня 1850 г.») и пойман ли беглый ссыльнокаторжный («Статейные списки <...> от 1841 г.»).

Данные коммуникативные интенции находятся в тесном взаимодействии друг с другом и носят сонаправленный характер, предопределяя соответствующую коммуникативную рефлексию. В возникающей ситуации опознавания человека происходит переход от «познания» к очному знакомству с разыскиваемым беглым ссыльнокаторжным (т. е. к его поимке). Несмотря на то что словесный портрет в омских статейных списках чаще всего представляет данные о разыскиваемом субъекте только частично, на основании имеющейся информации мы так или иначе должны «распознать» искомый объект. Но, к сожалению, идентификация в рамках лингвистического моделирования словесного портрета ссыльнокаторжных в Сибирь не всегда оказывается прагматически оправданной. Как результат – довольно низкий процент региональных деловых текстов уже с более структурно-осложнёнными интенциями – «поиска» по имеющемуся шаблону описания внешности.

Таким образом, теоретическая и практическая значимость изучения проанализированных омских статейных списков XIX в. (главным образом Статейного списка Ф.М. Достоевского) определяется прежде всего их актуальностью в региональном историческом контексте (обращает на себя внимание факт их содержательной и языковой погружённости в ситуацию политической ссылки в Сибирь в XIX в.), новизной вводимого в научный оборот материала, позволяющего ставить и решать культурологические и лингвистические проблемы описательного и сопоставительного характера. Наблюдения над коммуникативно-прагматическими особенностями омских рукописных документов XIX в. позволяют сделать выводы о соотношении шаблона портретирования и составляемого по нему словесного образа разыскиваемого субъекта.

Высокая степень обработанности (шаблонности) делового языка в омских статейных списках XIX в. ограничивала проникновение в него синтаксических структур разговорного стиля, проявление индивидуально-авторского начала составителей деловых документов в региональных канцеляриях (это объяснялось тем, что в анализируемых нами памятниках не всегда предполагалась запись самой ситуации устной речи).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Баракова О. В. Деловая письменность XVIII в.: концептосфера, субтекстовый состав: (на материале таможенных книг Московского государства) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 40 с.
- [2] Вилбе П. П., Михеев А. П., Пугачёва Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М. : Отечество, 1994. С. 75.
- [3] Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства : монография. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.
- [4] Волков С. С. Стилевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века: (На материале челобитных) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981. 36 с.
- [5] Волков С. С. Стилевые средства деловой письменности XVII века: на материале челобитных : монография. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 341 с.
- [6] Голованова О. И. Лингвистический анализ жанра «освидетельствование» в судебном производстве 2-й половины XVIII в. // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации (30 сентября – 2 октября 2010 года) : труды и материалы второй Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. / РОПРЯЛ ; ТюмГУ ; Союз журналистов Тюменской области ; под ред. О.В. Трофимовой. Тюмень : Мандр и Ка, 2010. Часть 1 : разделы I–VII. С. 241–263.
- [7] Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981.
- [8] История русского литературного языка: региональный аспект : хрестоматия / под ред. проф. Т. П. Рогожниковой. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 186 с.
- [9] Кодан С. В. Политическая ссылка и система карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980.
- [10] Колосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М. : МПУ, 2000. 287 с.
- [11] Кортова Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 49 с.
- [12] Осипов Б. И., Гейгер Р. М., Рогожникова Т. П. Язык русских деловых памятников XV–XVIII вв.: Фонетический, орфографический и стилистический аспекты. Омск : Изд-во ОмГУ, 1993. 95 с.
- [13] Отечественное законодательство XI–XX вв. : пособие для семинаров в 2-х частях. Ч. 1. XI–

- XIX вв.; Ч. 2. XX в. / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юристъ, 1999. 352 с.
- [14] Подосенов О. П. Расправа самодержавия со ссылными декабристами // Советское государство и право. 1975. № 12.
- [15] Романенко А. П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 20 с.
- [16] Рудозуб Е. Н. Стилеобразующие средства жанров делового и бытового общения в русском языке XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 21 с.
- [17] Словарь русского языка XVIII в. : проект. Л. : Наука, 1977. Вып. 19. С. 217–218.
- [18] Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность 1762–1796 гг. в контексте этнолингвистической ситуации региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Воронеж, 2004. № 2. С. 96–105.
- [19] «Статейный список о государственныхъ и политическихъ преступникахъ находящихся в Омской крепости в каторжной работе 2-го разряда» отъ 19 июня 1850 г. // ЦГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1597. Л. 3; Д. 1815. Л. 2.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ
И ТЕКСТ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ,
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА**

Современная культура представляет собой совокупность разнообразных насыщенных смыслами текстов. В условиях художественной интерпретации эти тексты переводятся на другие языки культуры, отличающиеся от языка оригинала не только структурно, но и онтологически. Специфику полифонического романа Ф.М. Достоевского практически невозможно воссоздать средствами кинодискурса, в результате чего мы имеем дело с некоей культурной игрой, оперированием сюжетом, персонажами, цитатами, идеями и образами – но при этом отсутствием характерного концептуального формо- и смыслообразующего стержня.

Ключевые слова: текст, кинотекст, язык, полифонический роман, интерпретация.

Современная культура являет собой конгломерат текстов – на первый взгляд разнородных, но при ближайшем рассмотрении подчиняющихся некоторым общим для всех текстов правилам и традициям. Разумеется, в разных национально-этнических и социальных культурах набор подобных текстов различается, однако общим остается то, что современный человек окружен текстами той или иной степени сложности, насыщенности и актуальности.

Таким образом, потребители культуры – не столь уж важно на данный момент, массовой или элитарной, и совершенно не важно, о какой из областей культуры идет речь – являются своеобразными «чтецами» данных текстов. Во многом способность прочтения того или иного текста зависит от специфики собственно области, к которой принадлежит текст, ее «открытости» массовому потребителю, возможности ее освоения человеком, не являющимся в ней специалистом. При этом номинальная, «техническая» принадлежность к одной области совершенно не свидетельствует о том, что два разных текста из нее будут восприниматься так же сходно (например, «технически» принадлежащие к области «театр» авангардный театр и театр юного зрителя говорят на разных языках, оперируют разными понятиями и обращаются прежде всего к разному зрителю).

Сейчас двумя наиболее популярными и ориентирующимися в равной мере как на массового, так и на элитарного потребителя, т. е. оперирующими понятиями, схемами, языками обеих типов культур, областями являются литература и кинематограф. И неудивительно, что именно эти две области наиболее тесно «сотрудничают», породив альянс в виде феномена экранизаций литературных произведений.

Проблема экранизации литературных произведений является не только интересной с точки зрения позитивистского любопытства, но и весьма важной для изучения самой культуры, для рассмотрения ее состояний и особенностей в те или иные исторические периоды, ведь экранизации литературных первоисточников с неизбежностью несут на себе отпечаток не только личности автора-интерпретатора, но и той

эпохи, в которой они были созданы. Это касается не только разнообразных «злободневных» вкраплений эпизодов и актуальных на данный момент точек зрения на морально-этические вопросы, поднимаемые в первоисточнике, но и набора самих текстов, выбираемых на роль экранизируемых.

Прежде всего нужно отметить тот момент, что рассмотрение пьес в качестве источников для интерпретаций в нашем случае не совсем корректно, так как они находятся в несколько ином положении, нежели обычные романские/повестные тексты. Пьесы изначально ориентированы на интерпретацию – на театральную сцену, – и поэтому их язык, схема развития действия и особенности хронотопа учитывают технические возможности театра и апеллируют к театральной условности. В это же самое время повести и романы не ограничены никакими сдерживающими факторами. Автор имеет полную свободу действия – будь то «переключение» между разными точками зрения, свободное обращение с хронологией событий или же даже характерное для своей манеры письма формирование облика текста.

Да, конечно, до появления кинематографа романы и повести переносились на сцены театров – в особенности театров оперных, но при этом между текстовым оригиналом и театральной интерпретацией стояло самостоятельное явление партитуры/либретто/пьесы. При этом надо учитывать то, что сценарий, стоящий между фильмом и текстовым оригиналом, не может выступать подобным самостоятельным звеном – он представляет собой всего лишь техническое переложение для конкретного экранного воплощения; он, в отличие от пьесы по мотивам романа, которая, может быть, в свою очередь многократно интерпретирована в театральных и даже экранных вариациях – не предполагает интерпретации иначе как здесь и сейчас, в конкретном фильме. Это разовое явление, своеобразный инструмент, промежуточный – технический – этап при переносе литературного произведения на экран. И несмотря на то, что именно в нем текстово зафиксированы все изменения сюжета и манеры повествования, сценарий нельзя считать полноценным текстовым интерпретационным аналогом литературного первоисточника.

Обычно, рассуждая об интерпретации литературного произведения, говорят о технической стороне данного процесса – об основных принципах изменения и трактовки сюжета, обращения с хроно-

пом, степени соотнесенности с оригиналом и т. д. Однако кроме данного технического аспекта, который лежит на поверхности познания и с достаточной легкостью подвергается анализу и оценке, существует и другой, более трудноуловимый – но при этом не менее, а то и более важный с точки зрения соответствия интерпретации оригиналу. Это аспект сохранения авторских особенностей оригинала, охватывающий – в отличие от технического, объективного – всё, что относится к субъективной составляющей первоисточника. Обычно сюда включают такие позиции, как «авторская точка зрения», «то, что хотел сказать автор», – и с помощью этих, достаточно размытых формулировок, а также именно по этим позициям, в зависимости от степени соответствия, и дается оценка экранизации как адекватно/неадекватно воспроизводящей первоисточник.

Ж. Бодрийяр отмечал, что «нужно остерегаться интерпретировать это гигантское производство артефактов, компенсаций, псевдообъектов, псевдособытий, которые завладевают нашим повседневным существованием, как искажение или фальсификацию подлинного “содержания”» [1]. С этим можно согласиться, если здесь термин «искажение» подразумевает оценочную коннотацию. При художественной интерпретации искажение происходит неизбежно. Прежде всего речь идет, разумеется, о некоем «техническом» искажении первоисточника – потере эпизодов, сюжетных линий, персонажей, а также и добавление эпизодов, сюжетных линий, персонажей (первое обычно характерно для экранизаций крупной прозы, а второе – малой). В результате происходит искажение причинно-следственной связи сюжета, и как следствие – потеря доли смысла.

Если же рассматривать «искажение» как искажение сути, то необходимо оговориться. Даже при самой детальной и дотошной передаче первоисточника невозможно полностью передать авторский замысел, поскольку тот так и остается зафиксированным исключительно в литературном тексте и при этом неразрывно связан с ним так, что искусственно вычленив его не представляется возможным. Однако даже в этом случае негативная оценка подобного процесса с использованием термина «искажение» является некорректной. В этом случае более правильно говорить только о режиссерском видении авторского замысла. Негативная оценка, которая часто подразумевается

при использовании термина «искажение», здесь неуместна, потому что, чтобы говорить об искажении в оценочном смысле, необходимо иметь четко определенный эталон «правильности». В данном случае его просто не существует, как не существует подетального, по пунктам, перечня авторских мыслей и идей, заложенных в тот или иной эпизод, вложенных в то или иное слово. Возможность трактовать текст в ту или иную сторону говорит прежде всего о потенциале такой трактовки, заложенной в текст – отвечает это воле автора или нет. Поэтому термин «искажение» имеет право на употребление в данных случаях, но с оговоркой, что он подразумевает технический, объективный аспект искажений, который может быть обнаружен независимыми анализаторами и не зависеть от их субъективных точек зрения на литературный первоисточник.

Но экранизация литературного произведения – как частный случай художественной интерпретации вообще – это не только оперирование заложенным в первоисточнике набором сюжетных линий, персонажей, эпизодов, вычленение некоего авторского замысла и попытка передать его в пересобранной заново интерпретации с той или иной долей вольности и эксперимента. Это еще и перевод литературного текста в дискурсивное поле текста совершенно иного, с иной традицией, правилами, структурами. И поэтому в первую очередь изменениям, искажениям – а то и потерям – подвергается основной формирующий первоисточник, скелет, авторская особенность моделирования текста.

Для того чтобы рассмотреть эту проблему, необходимо выбрать литературный текст, характерные особенности которого лежат не только в плоскостях сюжета/темы/языка, но и самого конструирования текста.

Конечно, самым простым шагом было бы обращение к эпистолярным романам, дневниковым повествованиям или поэтическим текстам. Однако здесь мы бы стали заложником слежения за повторением внешней формы, и в первую очередь отметив тот факт, что она как целое исчезает при переложении первоисточника на язык кино, анализировали бы ее частичные проявления (самый частный пример – так называемый «закадровый текст», призванный, в зависимости от сюжета и контекста, выражать мысли конкретных персонажей, автора или просто отстраненного рассказчика). И таким образом мы бы очень скоро перешли к упомянуто-

му выше объективному, «техническому» аспекту, остановившись на визуализированных и проговариваемых элементах кинотекста.

Именно поэтому, чтобы избежать этой ошибки, нам необходимо в данном исследовании обратиться к автору, в текстах которого единение формы и содержания является концептуально важным.

Одним из таких авторов и является Ф.М. Достоевский.

М. Бахтин отмечал: «Достоевский – творец *полифонического романа* (выделение авторское. – Е.Г.). Он создал существенно новый романский жанр. Поэтому его творчество не укладывается ни в какие рамки, не подчиняется ни одной из тех историко-литературных схем, какие мы привыкли прилагать к явлениям европейского романа» [2].

Произведения Достоевского не раз экранизировались, причем не только советскими и российскими режиссерами, но и режиссерами Японии, Франции, США и других стран. Разумеется, что при таком разнообразии точек зрения, обусловленных не только личностной индивидуальностью авторов, но также и историческими и социокультурными условиями, в которых создавались данные фильмы, совершенно естественно говорить о многообразии и разнородности тем, смыслов и идей, присутствующих в данных экранизациях, а также о неизбежном техническом искажении литературного первоисточника.

Но существует ли адекватная с точки зрения специфики этих текстов – полифонический роман – кинематографическая интерпретация? Вообще, возможно ли в условиях специфики собственно кинематографического дискурса воссоздать на экране полифонический роман? Что произойдет с таким литературным явлением, как полифонический роман, при переводе его на язык кинематографа?

Это всего лишь небольшой набросок вопросов, которые описывают частный случай актуальной для интерпретаций проблемы – проблемы перехода литературного текста в кинотекст.

Кино само по себе, по своей сути, жанр полифонический – в нем происходит единение визуального, аудиального, сюжетного пластов, которые в свою очередь дробятся на более мелкие подпласты (аудиальный субтекст в кинематографе представлен как музыкальным сопровождением кадра, так и интонацией диалогов (данный «диаложный» аспект стал возможным только с приходом звукового ки-

но, до этого аудиальный субтекст был составлен исключительно звуковым сопровождением)). Но как эта кинополифония будет коррелировать с полифонизмом текста Достоевского? Иными словами, сохранится ли данная особенность оригинального литературного текста, или же она затеряется в кинодискурсе? Или же ее вообще невозможно выразить киноязыком?

«С точки зрения последовательно-монологического видения и понимания изображаемого мира и монологического канона построения романа мир Достоевского может представляться хаосом, а построение его романов – каким-то конгломератом чужеродных материалов и несовместимых принципов оформления» [3]. Однако это противоречит самой сути массового кинематографа. Так называемый кинематограф элитарный, кинематограф авангарда оперирует хаосом и сочетанием на первый взгляд несочетаемого, – но кинематограф массовый не может себе позволить. В тексте массовой культуры – любом тексте – не должно быть несовместимых элементов, чужеродных компонентов или хаоса. Сама суть массовой культуры – в использовании понятных массовому потребителю образов и структур, более того, образов и структур ожидаемых, то, что также называют «штампами».

Своеобразной ожидаемой структурой тут является собственно сюжет экранизируемого оригинала, то, **что** представляется зрителю – однако полной неожиданностью является то, **как** это самое **что** предстанет перед зрителем. Экранизация вступает со зрителем – особенно со зрителем, знакомым с первоисточником, – в своеобразную интеллектуальную игру. Игру, основанную на ожидании/узнавании/неожиданности – и вместо очков в этой игре наличествует «приятие» и «неприятие» того или хода-находки авторов фильма. Это игра, основой, смыслом и результатом которой является сам процесс игры. В данном случае – процесс попытки передать через упорядоченность структуры кинофильма внешний хаос текстов Достоевского и одновременно их внутреннюю логику, т. е. попытка перевести на киноязык в принципе непередаваемые термины языка первоисточника.

«Мир Достоевского глубоко персоналистичен. Всякую мысль он воспринимает и изображает как позицию личности» [4]. Однако в кинематографе не существует персоналистичности героя. Есть только персонализм зрителя. Ни один из героев не находится в более выигрышной пози-

ции – только по принципу отведенного ему экранного времени.

«...роман Достоевского диалогичен. Он строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействия нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого; это взаимодействие не дает созерцающему опоры для объективации всего события по обычному монологическому типу (сюжетно, лирически или познавателью), делает, следовательно, и созерцающего участником. Роман не только не дает никакой устойчивой опоры вне диалогического разрыва для третьего, монологически объемлющего сознания, – наоборот, всё в нем строится так, чтобы сделать диалогическое противостояние безысходным. С точки зрения безучастного «третьего» не строится ни один элемент произведения. В самом романе этот безучастный «третий» никак не представлен. Для него нет ни композиционного, ни смыслового места. В этом не слабость автора, а его величайшая сила. Этим завоевывается новая авторская позиция, лежащая выше монологической позиции» [5], однако зритель как раз и должен являться этим самым третьим. Как раз он и должен быть тем самым объединяющим сознанием. Именно зритель, исходя из самой сути кинематографа как явления, должен находиться одновременно как в кинематографическом тексте, так и вовне его – «в», для переживания ситуации, а «вовне» – для восприятия всех аспектов этой ситуации. В результате кинематограф вынужденно вводит в киноинтерпретацию несуществующего в оригинале у Достоевского персонажа – «третьего». Наличие этого «третьего» обусловлено самим фактом существования кинофильма; да даже если обратиться к другим областям искусства, то там мы тоже не найдем возможности избежать появления «третьего». Более того, «третий»-зритель – всего лишь отголосок, своеобразное отражение «третьего»-режиссера, который уже взял на себя труд объективировать всё происходящее в первоисточнике и выстроить кинотекст с точки зрения – и для передачи этой точки зрения – своего именно монологически объемлющего сознания. «Новая авторская позиция» Достоевского исчезает, поглощенная беспомощностью киноязыка в этом аспекте.

«В его произведениях появляется герой, голос которого построен так, как строится голос самого автора в романе обычного типа. Слово героя о себе самом

и о мире так же полновесно, как обычное авторское слово; оно не подчинено объективному образу героя как одна из его характеристик, но и не служит рупором авторского голоса. Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев... Таким образом, все элементы романной структуры у Достоевского глубоко своеобразны; все они определяются тем новым художественным заданием, которое только он сумел поставить и разрешить во всей его широте и глубине: заданием построить полифонический мир и разрушить сложившиеся формы европейского, в основном *монологического* (гомофонического) романа» [6]. Однако в экранизациях любого произведения голос автора исчезает. То, что именуется в титрах как «голос автора», на самом деле введение всего лишь еще одного персонажа, при этом онтологически никак не связанного с автором. В кинофильме «автора» нет. Есть рассказчик, есть главный герой, есть голос за кадром, – но ни один из них (даже обозначенный в сценарии и титрах как Автор) не может сравниться с автором, присутствующим в литературном тексте. Ничто не звучит рядом с авторским словом – просто потому, что такого слова нет. В кинофильме – как в истинно постмодернистском тексте – автор исчезает, умирает, растворяется в дотошно визуализирующих реальность образах и отдается на откуп зрителю. Зритель сам становится автором, минуя таким образом не только автора литературного первоисточника, но и автора киноинтерпретации.

«Принципом чисто художественной ориентировки героя в окружающем является та или иная форма его *идеологического отношения к миру*. Подобно тому как доминантой художественного изображения героя служит комплекс идей-сил, над ним господствующих, точно так же доминантой при изображении окружающей действительности является та точка зрения, с которой взирает на этот мир герой. Каждому герою мир дан в особом аспекте, соответственно которому и конструируется его изображение. У Достоевского нельзя найти так называемого объективного описания внешнего мира; в его романе, строго говоря, нет ни быта, ни городской или деревенской жизни, ни природы, но есть то среда, то почва, то земля, в зависимости от того, в каком плане созерцается всё это действующими

лицами. Благодаря этому возникает та многопланность действительности в художественном произведении, которая у преемников Достоевского зачастую приводит к своеобразному распаду бытия, так что действие романа протекает одновременно или последовательно в совершенно различных онтологических сферах» [7]. Однако действие любого фильма разворачивается во внешнем мире. Если театральная интерпретация может апеллировать к скудным и сюрреалистическим декорациям, то в современном массовом кинематографе это невозможно. Для фильма необходим объективный внешний мир.

Ю. Лотман отмечал: «Кинематограф похож на видимый нами мир. Увеличение этого сходства – один из постоянных факторов эволюции кино как искусства» [8], «Всякое искусство в той или иной мере обращается к чувству реальности у аудитории. Кино – в наибольшей мере» [9]. Зритель ожидает реальных событий, вписанных в реальный – или максимально похожий на реальный – мир. Любое отступление от этого правила маркируется как уклон в сторону маргинального кино, а всё изображаемое начинает трактоваться с точки зрения режиссерского субъективного видения и следования своим личным принципам или принципам актуального на тот момент стиля в кинематографе. В этом случае характерен пример фильма «Раскольников» (Р. Вине, 1923, Германия) – представитель направления немецкого киноэкспрессионизма, во многом, даже в декорациях, напоминающий знаковую ленту Вине и всего немецкого киноэкспрессионизма – «Кабинет доктора Калигари» (1919 г.). Данная экранизация не только визуально отвечала стилю выбранного направления – она и тематически повторяла путь исканий режиссеров-экспрессионистов, их погружения в человеческую психику для исследования снов, видений и безумия.

Более того, нередко этот самый внешний мир, его наличие и «качественность» этого наличия и является принципом одного из типа интерпретаций – хронотопического искажения первоисточника. Такими интерпретациями являются «Идиот» (А. Куросава, 1951 г., Япония, действие происходит в послевоенной Японии), «Белые ночи» (Л. Висконти, 1957 г., Италия, место и время действия – послевоенная Италия), «Белые ночи» (Л. Квинихидзе, 1992 г., Россия, события разворачиваются в современном Ленинграде), «Преступление и наказание» (Ж.

Лампен, 1956 г., Франция, история перенесена во Францию 1940-х гг.) и т. д.

Однако было бы ошибкой утверждать, что киноязык в рассматриваемой нами ситуации существенно обедняет литературный первоисточник, искажая его до примитивности, т. е. является совершенно бессильным в отображении авторских особенностей и авторского формо- и стилообразующего замыслов своими языковыми средствами. «Своеобразие Достоевского не в том, что он монологически провозглашал ценность личности (это делали до него и другие), а в том, что он умел ее объективно-художественно увидеть и показать как другую, чужую личность, не делая ее лирической, не сливая с ней своего голоса и в то же время не низводя ее до опредмеченной психической действительности» [10]. Именно кинематограф способен абсолютно вычленив отдельную личность в повествовании, рассмотреть ее со всех сторон и во всех аспектах (с помощью своей, характерной полифоничностью и апелляцией к различным типам человеческого восприятия), избегая сливания авторского голоса с голосом ее, потому что авторского голоса, как мы помним, в киноинтерпретации уже не существует.

Невозможность охватить в экранизации весь текст – будь то невозможность объективная, связанная с техническими проблемами, или же невозможность субъективная, проистекающая из режиссерского восприятия текста, – приводит к тому, что нередко вместо всего целостного произведения режиссеры используют для экранизации лишь часть, эпизод, главу. Примерами такого подхода могут быть такие фильмы, как «Мальчики» (Р. Григорьева, 1990, СССР, экранизация сюжетно завершенного одноименного эпизода романа «Братья Карамазовы»), «Идиот» (И. Пырьев, 1958, СССР, снят по первой части одноименного романа), «Вечный муж» (Е. Марковский, 1990, СССР, экранизированы главы: «Вельчиных», «Лиза», «На кладбище», «Павел Павлович женится», «Высшие причины») и т. д. Необходимо учитывать, что любой, даже сюжетно завершенный, эпизод не может являть собой что-то, что может дать представление обо всем произведении. Разумеется, в случае того, если бы мы имели дело с собственно литературным текстом, мы бы могли ознакомиться хотя бы с манерой авторского письма (хотя это не гарантия, ведь по авторской задумке конкретный эпизод может и выделяться из общего стилистического ряда), – в случае

же кинематографической интерпретации, которая нивелирует все авторские стилистические особенности, мы наблюдаем экранизацию эпизода, часть, которая равным счетом ничего не говорит о целом.

Да, глава «Мальчики» необходима для всего текста «Братья Карамазовы», однако в виде полноценной экранизации она превращается в самостоятельное произведение, теряя как свою функцию, так и свои корни. В данном переходе искажаются не только упомянутые ранее как объективные, так и субъективные моменты – но также и моменты функциональные. Все «ниточки» в данном эпизоде, которые в первоисточнике были призваны связывать эту главу со всем текстом и далее связывать другие элементы в романе, здесь потеряли свою функцию. По сути дела, теряется и сама принадлежность данной главы к романному творчеству Достоевского, вырванная из контекста, она всего лишь рассказ, повествование псевдо-часть произведения большего, – но имеет к нему только номинальное, а не онтологическое отношение.

Таким образом мы еще раз возвращаемся к уже упомянутому нами моменту культурной игры. Литературный текст становится объектом и предметом своеобразной постмодернистской забавы. Происходит некая «игра в Достоевского» – без особенностей Достоевского. Фильм-экранизация превращается в самостоятельный текст, набор цитат из Достоевского, знаковых персонажей и колоритных эпизодов. Автор утрачивает свою автономию в качестве уникального личностного творца текста – и текст-первоисточник утрачивает в сознании массового зрителя себя как единство формы, содержания, смыслов, схем, языка. Первоисточник распадается на те самые детали, кусочки мозаики, из которых спонтанно, в зависимости от собственной позиции, точки зрения или же требований эпохи режиссер складывает свой вариант экранизации.

Эта игра – игра-подражание, своеобразный ритуал. Игра с содержанием и ценностями современной на момент игры – и архаичной на этот же самый момент – культур. Воспроизведение первоисточника равносильно религиозному воспроизведению акта перводействия. Текст превращается в повествование – повествование превращается в происходящее. При экранизации безвозвратно теряется глубинная особенность, новая специфика, концептуальная характерность полифонических романов Достоевского – неиз-

бежная потеря, обусловленная особенно-стью киноязыка, невозможностью перевода на него литературного дискурса. Субъектно-объективное бытие героев романов превращается в объективную визуализацию их перемещений, озвучивание их мыслей – максимальное отождествление зрителя с происходящим, которое является сутью кинематографического искусства и одновременно максимальным обособлением зрителя от каждого из персонажей экранизации, и прежде всего от автора, который теряет себя как мыслящую, оценивающую, сопереживающую и со-переживающую единицу действия, превращаясь лишь в факт о создателе истории.

Таким образом, мы видим, что проблема экранизации как частного случая интерпретации литературного произведения гораздо глубже, нежели подсчет количества использованных эпизодов и сличения совпадения диалогов. При подобном переходе от литературного дискурса к дискурсу кинематографическому происходят глубинные изменения не только объективной реальности текста, но и его субъективного содержания, а сам переход

становится культурным актом творения-искажения-игры, актом, изучение и исследование которого может много сказать о бытии текстов в культуре и роли человека в их существовании.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464/3470> (дата обращения: 29.04.10).
- [2] *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с. С. 7.
- [3] Там же. С. 8.
- [4] Там же. С. 10.
- [5] Там же. С. 21.
- [6] Там же. С. 7.
- [7] *Энгельгардт Б.* Идеологический роман Достоевского // Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. С. 27.
- [8] *Лотман Ю.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 29.11.11).
- [9] Там же.
- [10] *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия, 1979. С. 14.

БИОГРАФИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Освещается один из наиболее актуальных вопросов – воссоздание истории жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Рассматриваются особенности жанра биографии, кратко характеризуется его история. Анализируются различные представления современных зрителей и читателей, а также два жизнеописания Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, биография, жанр, автор, читатель, герой, образ.

Жанр биографии, несмотря на почтенный возраст и славную историю, до сих пор остается недостаточно изученным и привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых. По сей день ведутся споры о том, какой должна быть биография, существуют ли образцы, достойные подражания, и необходимо ли это подражание.

Вопрос о том, следует ли обращаться к жизнеописаниям знаменитых людей, задавать бессмысленно, так как ответ на него заведомо очевиден. Поэтому вопрос необходимо переформулировать: зачем следует обращаться к жизнеописаниям? Во имя чего предпринимается биографическое исследование и с какой целью читатель открывает книгу? Следовательно, наличие двух участников коммуникативного акта (автора и потенциального читателя) изначально предполагает совпадение/несовпадение целей и ожиданий, влияя на результат этой коммуникации.

В преддверии юбилея Ф.М. Достоевского возник повышенный интерес к жизни и творчеству писателя. В ряду множества запланированных мероприятий оказалось и создание биографического сериала «Достоевский», показанного на телеэкранах в мае 2011 г. Не только ученые и деятели культуры, но и далекие от сферы науки и искусства люди с интересом ждали его появления. Свидетельство тому – развернувшаяся вскоре после показа полемика. Наше внимание привлекли не только и не столько отзывы исследователей творчества Достоевского, сколько высказывания «обычных» телезрителей, пожелавших на сайтах Интернета выразить свое отношение к увиденному.

Как и следовало ожидать, мнения оказались диаметрально противоположными. Положительные отзывы доминируют над отрицательными: «фильм не только интересный, но и познавательный»¹; «сериал достойный»; «шикарнейшее кино», «подарок для киномана», «это фильм – наслаждение»; «прекрасный сериал»; «добротю сделанный сериал»; «фильм очень хороший – замечательный!!!»; «картина очень драматургична, смотрится замечательно»; «на фоне всей остальной шняги, идущей по ящику, этот сериал, как глоток свежего воздуха»; «хотелось видеть ЧЕЛОВЕКА. И я его увидела. Человека глазами авторов, ну а как же иначе?»; «сам дух Достоевского и его эпохи передан верно»; «огромная благодарность всем создателям фильма за доставленное эстетическое удовольствие» [1]. Эти и подобные высказывания позволяют заметить, что эмоциональность практически полностью подменяет собой аналитику.

Симптоматично то, что лишь четыре человека из данной группы написали: «очень хочется теперь прочитать все те его произведения, которые до этого не читала»; «очень захотелось почитать еще непочитанное из Достоевского»; «лично мне после просмотра захотелось взять книги Достоевского Ф.М. и прочесть их снова»; «мне захотелось почи-

тать Достоевского, а такого желания у меня еще никогда не было» [1]. В то время как выводы иных зрителей (из этой же группы, оставивших свои положительные отзывы) кажутся неожиданными лишь на первый взгляд: «Кино <...> о простой человеческой жизни писателя, а вовсе не о формировании его убеждений и политических взглядов. Вот и не нужно было нарушать единство жанра, мешать все подряд»; «Я многое узнала нового о Достоевском. Несколько раз меняла свое мнение о нем. И всё же он был подлецом! <...> Больше бы таких фильмов!»; «мне очень понравился фильм. Я в шоке был, когда увидел человека, на которого нашему поколению вбивали – равняться» [1]². Эти и подобные высказывания оказываются вполне предсказуемыми, если принять во внимание форму подачи биографического материала в «Достоевском». Именно эта форма и вызвала ряд негативных оценок разочарованных сериалом зрителей: «сценарий не выдерживает никакой критики»; «сценарий сырой», «аллегии на уровне самодетальности»; «не понравился сценарий – много разврата»; «очень разочаровал, столько ляпов»; «режиссер имеет право на авторскую трактовку <...> в том случае, если эта трактовка не есть искажение <...>. На вранье не имеет права» [1].

В отличие от авторов восторженных отзывов, по большей части ограничившихся лаконичным «прекрасный сериал», некоторые их оппоненты поясняли, в чем видят обман своих ожиданий: «не раскрыт здесь мир Достоевского ничуть»; «хотелось увидеть духовные искания, муки творчества, взаимоотношения с другими литераторами (всё это было, но мельком), а не подглядывать в замочную скважину»; «такое ощущение, что Достоевский только гулял и играл, больше ничего не делал»; «может сложиться впечатление, что Достоевский всю жизнь бегал за юбками, играл в азартные игры, а в перерывах, между делом, пописывал свои великие произведения». Наряду с эмоциональными высказываниями («слава богу, что Достоевский этого никогда не увидит»; «за Федора Михайловича больно до слез») встречаются и иные, аккумулирующие зрительские пожелания: «Какой бы он ни был порочный человек, оттого, что всё же – гений, надо было фильм снять образно атмосфере его произведений» [1].

Итак, сериал не остался незамеченным. Жизнь и судьба Достоевского продолжают привлекать внимание потомков. Просмотр киноверсий по-прежнему не заменяет чтения художественной и документальной литературы. Не вызывает сомнения и то, что интересен Федор Михай-

лович прежде всего как писатель, а затем уже как личность³. Всё это подводит нас к тому, с чего мы начали свои размышления: каким должно быть жизнеописание знаменитого человека? Что требуется современному читателю? Как можно рассказать о выдающемся человеке прошлого, чтобы его жизнь и деятельность заинтересовали тех, кому выпало жить в России в начале XXI в.? Нельзя ответить на эти вопросы, не обратившись к истории жанра биографии.

Интерес к жизнеописаниям возник уже в античности, однако долгое время биографии воспринимались как исторический труд и критерии их оценки были иными, чем современные. Лишь с XVII столетия биография в Европе получает статус самоценного жанра литературы. Расцвет биографии приходится на XX в. – время, когда возникают новые разновидности жизнеописаний, обусловленные новыми требованиями. Двадцатый век уделяет пристальное внимание человеку, рассматривая его в разных проявлениях, анализируя его социальную роль и одновременно (в связи с активным развитием психологии и психоанализа) исследуя внутренний мир индивидуальности, ее сложность и глубину, мотивы поступков и действий. Уже на рубеже XIX–XX вв. к созданию биографий обращаются не только историки, но и писатели.

В ряду причин, вызывающих интерес к жизнеописаниям, отмечают следующие: биографические книги – книги о выдающихся людях, познавательные и поучительные. Биография, с нашей точки зрения, интересна еще и потому, что порой помогает читателю приблизиться к пониманию самого себя, определению своего места в мире, влияет на выбор жизненного пути. Размышление об успехах и неудачах выдающейся личности, сильных и слабых сторонах ее натуры позволяет больше узнать не только о ней, но и о ее окружении, об эпохе, в которую ей довелось жить. Интерес к жизни знаменитости может быть вызван и стремлением читателя приобщиться к новому для него, манящему, но недоступному по ряду причин миру. Сами биографы справедливо утверждают, что история жизни реальных людей не менее важна и интересна, чем повествование о вымышленных персонажах.

Ф.М. Достоевский, как известно, принадлежит к числу тех выдающихся мыслителей и писателей, чье творчество оказало и продолжает оказывать влияние на развитие мировой литературы. Об особенностях этого влияния писала в начале XX столетия В. Вулф, обращая внимание англичан на «простоту и гуманность» рус-

ской литературы, оговариваясь при этом, что «понятие гуманности и простоты <...> в высшей степени сложно» [2, с. 283]. Достоинство русской литературы и творчества Достоевского, в частности, Вулф видит в том, что на первый план выходит душа, оказывающаяся «одним из главных действующих лиц». «Романы Достоевского – бурлящие водовороты, самумы, водяные смерчи, свистящие, кипящие, засасывающие нас. Душа – вот то вещество, из которого они целиком и полностью состоят. Против нашей воли мы втянуты, заверчены, задушены, ослеплены – и в то же время исполнены головокружительного восторга. Если не считать Шекспира, нет другого более волнующего чтения. <...> Важна только душа, ее страсть, ее смятение, ее удивительное сплетение красоты и порока. <...> Для души нет преград. Она перехлестывает через край, разливается, смешивается с другими душами. <...> Ничто не остается за пределами мира Достоевского <...>. И обрушивается на нас – раскаленная, жгучая, противоречивая, великолепная, ужасная, гнетущая – человеческая душа» [2, с. 285–287].

Читатели романов Достоевского именно эту душу и ищут в книгах о писателе. Литературоведческие статьи и монографии в основном привлекают специалистов, так как имеют своим предметом изучение различных аспектов творческого наследия писателя. Однако если мы ведем речь о его судьбе, об истории жизни и творчества, то прежде всего необходимо назвать следующие тексты: «Достоевский» А.П. Гроссмана и «Достоевский» Ю.И. Селезнева⁴.

В 2011 г. в серии ЖЗЛ вышла в свет биография с таким же названием, принадлежащая перу современного исследователя творчества Достоевского – Л.И. Сараскиной⁵. Одно из отличий своего варианта жизнеописания знаменитого человека от созданного Ю.И. Селезевым Л.И. Сараскина видит в том, что «Юрий Селезнев не имел тех источников, без которых сегодня невозможна ни одна работа о Достоевском. Это прежде всего трехтомная «Летопись жизни и творчества»⁶ писателя, вышедшая в Санкт-Петербурге в 1993–1995 гг. Да и Академическое собрание сочинений Достоевского в 30 томах к началу восьмидесятых было осуществлено только наполовину» [3]. Однако нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что биографы в Советском Союзе столкнулись с ситуацией, напоминающей ту, в которой оказались в XIX столетии авторы викторианских биографий: необходимо было соблюдать ряд непреложных правил. По цензурным соображениям герой жизне-

описания должен был быть представлен практически идеальным человеком, его ошибки и заблуждения – обойдены вниманием либо истолкованы в его пользу.

В Англии эта традиция возникла благодаря стремлению королевы Виктории увековечить память принца Альберта и изобразить его едва ли не ангелом, спустившимся на грешную землю⁷. Целый ряд викторианских биографий создавался под строгим контролем родственников героя жизнеописания либо ими самими. Исправление тех или иных документальных свидетельств, включение второстепенных деталей, кажущихся важными заказчиком, непрофессионально написанный текст – всё это порождало не только не достоверные, но и малохудожественные произведения. Думающий читатель понимал, что его в очередной раз обманывают.

Англичане нарушили традицию в начале XX в., когда были опубликованы «Знаменитые викторианцы» Л. Стрэчи, а вслед за ними – ряд биографий, авторы которых стремились к яркому и правдивому рассказу об избранном ими герое. Повествование оказывалось подчас непочтительным, но подбор ярких фактов, удачная компоновка материала, увлекательное повествование позволяли мыслящим читателям самим составить мнение об интересующей их личности. Так называемые «биографии развенчания» своему появлению на свет обязаны полемике с викторианской традицией, желанию биографов рассмотреть жизнь знаменитого человека с разных точек зрения.

В Советском Союзе ситуация была не столь критичной в силу того, что созданием жизнеописаний знаменитых личностей занимались профессионалы – ученые, мастера слова. Подчинение цензурным требованиям серьезно сковывало творческие силы, но не уничтожало мастерство изложения. Поэтому и полемика в годы ослабления цензуры была не столь острой, как в Англии. Примером этого могут служить жизнеописания Достоевского, принадлежащие перу А.П. Гроссмана и Ю.И. Селезнева. На первый взгляд эти биографии схожи: одинаковые заглавия, деление повествования на части, главы и подглавки, использование иллюстративного материала, вынесенные в приложение «Основные даты жизни и творчества Достоевского» и библиография. Однако на этом сходство заканчивается.

А.П. Гроссман выстраивает повествование о Достоевском в соответствии с хронологией, свидетельство тому – заглавия частей («Юность Достоевского», «В литературном мире», «Общество пропаганды», «Годы изгнания», «Шестидесятые

годы», «На повороте», «Новая жизнь», «Последнее десятилетие», «Эпилог Достоевского»). Рассказ ведется в соответствии с планом: о родителях, роде, а затем уже и о самом Федоре Михайловиче. Жизнеописание оканчивается не просто рассказом о смерти писателя и проходах его в последний путь: биограф считает нужным подвести итоги, прямо заявляя об этом. Составленный в духе времени и традиции советской риторики текст служит любопытным примером «оправдания» писателя, к которому долгое время весьма настороженно относились власть предержащие: «Сложным и противоречивым был творческий путь Достоевского. В его романах подчас находят образное выражение реакционные положения, но обычно они преодолеваются глубоким сочувствием художника человеческому страданию. Исключительное дарование помогло ему преодолеть многие спорные течения его философской и политической мысли. Своим замечательным искусством Достоевский сумел создать бессмертные типы, в ряду которых выдающееся место занимают раздавленные жертвы того режима, который под конец жизни отстаивал писатель: <...> затравленные и отверженные беспощадным ходом развития капиталистического государства. <...> Как Шекспир, как Вольтер, как Гете и Бальзак, Достоевский преодолевал утопизм, консерватизм и метафизичность своего мышления могучим размахом творческого гения...» [4, с. 591].

Создавая свой вариант жизнеописания Достоевского, Ю.И. Селезнев не просто учитывал написанное Л.П. Гроссманом: сопоставление текстов позволяет говорить о полемичном использовании опыта предшественника. Биография, принадлежащая перу Селезнева, делится на три части: «Судьба человека», «Житие великого грешника», «Мгновения, которые стоят всей жизни»⁸. Открывая книгу, прочтя слова «часть первая», мы немедленно обращаем внимание на два эпиграфа: из Лермонтова («История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно... когда она писана без тщеславного желания возбудить участие и удивление») и из самого Достоевского («Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком») [5, с. 5]. Так задается тема и направление исследования.

Первая глава – «Голгофа» – открывается подглавкой «Истоки», название которой настраивает на рассказ о детстве будуще-

го писателя и предположительно об истории его рода, однако уже во втором абзаце читаем: «Вот и грянул последний день его недолгой вечности, и он на пороге перед воротами неведомого» [5, с. 6]. Читатель вместе с героем биографии оказывается на Семеновском плацу, отсчитывая минуты в ожидании казни. И лишь вопрос, на который нет и не может быть подлинного ответа («Что увиделось, что вспомнилось ему тогда, в эти несколько мгновений?» [5, с. 9]), переводит повествование в иную плоскость. Биограф начинает рассказ о роде и предках Достоевского.

Повествуя о судьбе своего героя, его успехах и неудачах, друзьях и недругах, прозрениях и ошибках, Ю.И. Селезнев опирается на многочисленные документы, однако явные и скрытые цитаты, сливаясь с авторским текстом, служат созданию художественной биографии. Читатель слышит голос самого Федора Михайловича, на многое смотрит именно его глазами – так возникает необходимое автору и многим читателям сопереживание.

В этом же ключе ведется рассказ и о последних минутах жизни Достоевского, завершающийся фразой, словно одновременно принадлежащей биографу и герою биографии: «В восемь часов тридцать восемь минут он был уже за чертой неведомого» [5, с. 538]. Немногословное повествование о похоронах Достоевского оканчивается не панегириком, не определением места писателя в истории русской и мировой культуры. Лаконичное сообщение и краткий диалог позволяют подвести итоги, несут надежду на то, что душа человека, выполнив свое предназначение на земле, отправилась в иной – более добрый и справедливый мир: «Его похоронили на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Рядом с могилами Карамзина и Жуковского оказалось свободное место. <...> Похороны вылились едва ли не во всенародное шествие. Особенно много было молодежи. Какая-то старушка спросила, крестясь:

– Никак генерала хоронят?

– Не генерала, а писателя, учителя...

– То-то, я вижу, столько молодежи-то.

Значит, большой и хороший был учитель. Царство ему небесное» [5, с. 538].

Итак, смещение акцента в сторону духовных исканий писателя, его религиозных убеждений, несобственно-прямая речь, эмоциональность повествования позволяют Ю.И. Селезневу приблизить героя биографии к читателям, делают его живым. В то же время повествование требует от читателя интеллектуальных усилий, предполагает его собственную духовную работу, внутренний рост. И в этом смысле биографии, созданные Ю.И. Селезневым

и Л.П. Гроссманом, вновь оказываются схожими, выполняя одну и ту же важную задачу.

Возвращаясь к началу наших размышлений, попытаемся предположить, биография какого типа требуется современному читателю, каким может быть современное жизнеописание художника XIX столетия. Отталкиваясь от процитированных нами мнений телезрителей, можно уверенно утверждать, что и требования читателей не могут полностью совпасть: разный культурный уровень, степень информированности и доверчивости, вкусовые предпочтения – это и многое другое необходимо учитывать современному биографу, если его сочинение предназначено для широкой аудитории. Временная дистанция, смена типа культуры и мировосприятия создают еще одну степень сложности.

Универсальная, охватывающая все документы и события биография в принципе не может быть создана уже в силу того, что любой писатель, историк – прежде всего человек. Но если нет смысла говорить о всеведении, можно ожидать от ученого добросовестности, отсутствия стремления исказить истину, подгоняя ее под свою концепцию. Помимо хорошего владения материалом требуется умение преподнести его так, чтобы читатель не изнывал от скуки, пробираясь сквозь дебри фактов и документальных свидетельств. Ставя цель понять и показать, как происходил духовный рост героя жизнеописания, как возникал и осуществлялся замысел художественных произведений, биограф должен выстроить повествование так, чтобы у читателя не оставалось сомнений: перед ним сложный, многогранный человек, чье творчество оказывается созвучным современности, также имеет своим предметом не только злободневные, но и вечные вопросы – те, что заставляют людей размышлять о мире и о себе. Читатель должен осознать, что человеческие слабости не затмевают гениальные прозрения выдающейся личности⁹. Все эти требования не исключают, а, наоборот, предполагают наличие и возникновение самых разных форм жизнеописаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее цитаты приводятся согласно авторской лексике, орфографии и пунктуации.
- ² Высказывания такого типа заставляют вспомнить слова А.С. Пушкина из письма к П.А. Вяземскому: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в вос-

хищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 13. М., 1996. С. 243–244.

- ³ В автобиографическом очерке «Я сам» В.В. Маяковский вполне справедливо сказал: «Я – поэт. Этим и интересен» // Маяковский В.В. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 1. М., 1978. С. 43.
- ⁴ Оба исследования вышли в серии ЖЗЛ : *Гроссман Л. П.* Достоевский. М. : Молодая гвардия, 1962. 473, [3] с., ил. (Жизнь замечательных людей: ЖЗЛ: сер. биогр.: осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким; вып. 302); *Селезнев Ю. М.* Достоевский. М. : Мол. гвардия, 1981. 541 с., ил. (Жизнь замечательных людей: ЖЗЛ: сер. биогр.: осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким; вып. 621).
- ⁵ К сожалению, текст данной биографии на сегодняшний день еще недоступен читателям, живущим в провинции (в том числе и омичам).
- ⁶ Речь идет о «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского», вышедшей в 1993–1995 гг. под редакцией Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридендера.
- ⁷ В результате неукоснительного следования требованиям королевы биографы представили читателям «безупречную восковую куклу», и, «когда публика увидела выставленную на всеобщее восхищение фигуру, напоминающую скорее слащавого героя поучительных рассказов, нежели реального человека из плоти и крови, она отвернулась с недоумением, улыбкой и легкомысленными восклицаниями. <...> в действительности Альберт был куда более интересным персонажем» // Стрэчи Л. Королева Виктория. Ростов н/Д, 1991. С.262–263.
- ⁸ Таким образом, уже названия частей настраивают читателя на игру со смыслами, на неоднородность текста, создавая определенный ассоциативный ряд.
- ⁹ Вспомним пушкинское «Пока не требует поэта / к священной жертве Аполлон...».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Отзывы телезрителей [Электронный ресурс]. URL: <http://films.imhonet.ru/element/1133217/opinions/?page=1>; <http://www.kinomania.ru/movies/d/Dostoevskiy/rev.shtml>; <http://www.rg.ru/2011/05/27/dostoevskiy.html>, свободный (дата обращения: 11.10.11).
- [2] *Вулф В.* Русская точка зрения // Писатели Англии о литературе XIX–XX веков : сб. ст.: пер. с англ. / ред. М. П. Тугушева. М., 1981. С. 282–288.
- [3] *Басинский П.* Время «Бесов»: Уроки Федора Достоевского от автора новой биографии великого писателя Людмилы Сараскиной [Электронный ресурс] // Российская газета. 2011. 7 сент. URL: <http://www.rg.ru/gazeta/rg/2011/09/07.html>, свободный.
- [4] *Гроссман Л.П.* Достоевский. М., 1965. 473, [3] с., ил. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 4 (357)).
- [5] *Селезнев Ю. И.* Достоевский. М., 1985. 543 с., ил. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 1 (621)).

ТРАДИЦИИ МАЛЫХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ РУССКОЙ ПРОЗЫ XVIII В. В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Рассматривается традиция риторических форм русской публицистики XVIII в. в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. Осмысляются основные типы прозаического слова, повествовательные «маски», сложившиеся в период конца XVIII – начала XIX в. в отечественной литературе и оказавшие воздействие на генезис философской прозы XIX в.

Ключевые слова: русская проза, традиции эпохи Просвещения, «невывымышленная» проза, «первичные» и «вторичные» речевые жанры.

Проблема «Творчество Ф.М. Достоевского и русская просветительская проза XVIII в.» была поставлена еще несколько десятков лет назад Г.М. Фридендером [1]. Однако вопрос о трансформации малых жанров прозы XVIII в. в публицистике писателя не рассматривался. Чаще исследователи обращались к содержательным сопоставлениям позиции Достоевского и авторов XVII–XVIII вв. Так, например, назовем работы М. Чеслава, Н.Г. Михновец [2]. В последнее десятилетие появились исследования О.О. Рогинской, С.А. Шульца, Н.В. Шевцовой, рассматривающие жанровые традиции творчества писателя в свете исторической поэтики [3]. Проблема жанра актуализируется и в работах, посвященных «Дневнику писателя», например, в исследовании А.Р. Бакировой [4]. Вместе с тем аналитический материал, позволяющий изучать определенные закономерности историко-литературной традиции XVIII в. и ее отражения в публицистике Достоевского, еще не собран. В нашей статье мы наметим основные направления возможного исследования этой темы.

Комментаторы полного собрания сочинений Достоевского (в 30 т.) отмечали, что «отдаленными предшественниками» формы «Дневника писателя» были «единоличные журналы» XVIII в., противопоставляя образу автора, созданному Достоевским, «разрозненные» заметки морально-дидактического характера в публицистике XVII–XVIII вв. [5; 6]. Обращаясь к «дневнику», Достоевский учитывает уже сложившуюся в конце XIX в. эпистолярную традицию в ее различных модификациях. Русские просветители вынуждены были создавать определенные жанровые модели, формы общения автора и читателя. Однако сближают Достоевского с Н.И. Новиковым, Д.И. Фонвизиным, И.А. Крыловым не только темы, сближает их стремление создать действенную форму диалога с читателем, живого разговора, побуждающего обратиться и к размышлениям, и к чувствам, и к переоценке мироотношения – к внутренней работе души.

Интересно, что М.М. Бахтин, анализируя жанровую природу произведений Достоевского, обращал внимание в первую очередь на западную традицию: «Сочетание авантюристичности с острой проблемностью, диалогичностью, исповедью, житием и проповедью вовсе не является чем-то абсолютно новым и никогда раньше не бывшим. Новым было только полифоническое использование и осмысление этого жан-

рового сочетания Достоевским» [7]. Раскрывая генезис серьезно-смеховых форм, ученый говорит об их истоках, вполне проявившихся в эллинистическую эпоху. Вместе с тем уместно вспомнить, что европейская литература воздействовала на писателя не только прямо, но и опосредованно. Русские произведения XVIII в. и жанровые эксперименты русских авторов были ему известны. К тому же основные типы прозаического слова в русской литературе начали складываться в конце XVIII в. – это монологическое и пародийное слово. Так, Бахтин, разграничивая «прямое» и «условное» типы слова, приходит к выводу: «Если есть в распоряжении данной эпохи сколько-нибудь авторитетная и отстоявшаяся среда преломления, то будет господствовать условное слово <...>. Если же такой среды нет, то будет господствовать разнонаправленное двуголосое слово, то есть пародийное слово во всех его разновидностях, или особый тип полусловного полуиронического слова» [8].

Проблема типов риторического слова по отношению к «Дневнику писателя» осмыслялась в известной работе В.В. Виноградова «О языке художественной прозы». Ученый считал, что автор противопоставляет «фальшь» риторики непосредственно, наивному сознанию [9]. Однако, по нашему мнению, так называемое «наивное» у Достоевского – это «маска», речевая традиция, отводящая к экспериментам Новикова со словом и жанровой традицией.

Риторический дискурс в «Дневнике писателя» представлен различными формами. Приведем «жанровые» определения, данные самим автором: «нечто личное», «полюсьма “одного лица”», «маленькие картинки», «заметки редактора», «одно слово по поводу моей биографии», «мой парадокс», «запоздавшее нравоучение», «злоба дня», «pro et contra», «Вопросы и ответы» и т. д. Подобные «вторичные» (по определению Бахтина) жанры начали осмысляться в русской прозаической традиции последних десятилетий XVIII в. Литераторы века Просвещения искали различные формы общения с читателями. В этом отношении русская публицистика начиная с конца 1760–1770-х гг. не только опиралась на иностранный опыт, но и вырабатывала наиболее действенные тенденции риторической прозы. В творческую лабораторию входили и «первичные», и «вторичные» жанровые модели: обращение к читателю, переписка, пародийные переработки указов, описей, отписок и других канцелярских бумаг, лечебников, словарей, заговоров и т. д. Од-

нако все указанные формы объединялись на единой основе. Это была ориентация на устную речь, ее стилизация. Прагматическая функция стала ведущей и проявилась в стремлении просветителей «подтолкнуть» читателя к собственным размышлениям и выводам, выработке собственного взгляда на живую действительность.

Серьезное и смешное смешалось в этой игре стилями, приемами, жанровыми традициями. Рождалось и несколько образов рассказчиков, корреспондентов, слушателей-читателей. Одним из них стал опрошенный, но в то же время плутоватый голос, условное «я», образ собеседника, не столь начитанного, сколько интересующегося всем в жизни. Ему противостоял образ мудреца, философа, имеющего обо всем сложившееся мнение, Стародума, живущего среди читателей, или волшебника Маликульмулька, наблюдающего драмы человеческой жизни со стороны. Впоследствии, в том числе в «Дневнике писателя», две эти маски парадоксально столкнутся в образе повествователя-литератора. В этом смысле заслуживает внимания работа Ф.А. Ермошина [10], где подробно проанализированы образы читателя и «статусы» автора в прозе писателя указанного времени. К сожалению, традиции публицистики XVIII в. здесь также остались за границами исследования.

Сопоставим:

«Мне вовсе не надо ума, если б даже и был; напротив того, несравненно благоднее, если его и нет вовсе. У нас говорить с другими – наука, то есть с первого взгляда, пожалуй, так же, как и в Китае; как и там, есть несколько очень упрощенных и чисто научных приемов. Прежде, например, слова “я ничего не понимаю” означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и гордостью: “Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве” – и вы тотчас ставите себя на отменную высоту» («Дневник писателя» за 1873 г.) [11].

«К чему ж потребен я в обществе? Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю, сказал славный российский стихотворец. Сие взяв в рассуждение, долго помышляя, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны.

Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам. Итак, вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение, под заглавием Трутня, что согласно с моим пороком и намерением, ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало, а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы в прозе и в стихах, а особливо сатирические, критические и прочие ко исправлению нравов служащие, ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу, а сие то и есть мое намерение. <...> Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию лень. Дай бог, чтобы она хотя одиножды принесла пользу. Прощайте, г. читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал» («Труть», 1769 г. Лист I. 2 мая) [12].

Оба фрагмента, определяющие предмет высказывания, сближают прием самоуничтожения условного повествователя, апелляцию к фактам, игру со словом (благонадежнее быть глупым или ленивым, нежели умным и деятельным: сравнительная степень слова «благонадежный» в тексте приобретает обратную оценку), обнажение внутренней диалогичности слова, конфликт серьезного – смешного (польза – увеселение).

Риторические жанры «тянут» свой шлейф многолетней традиции, сгущающей мимолетное, частное в повторяющееся, общее, любому случаю из человеческой жизни отводя свою «рубрику». Так, Крылов в «Почте духов» всё происходящее разделил на четыре сферы: 1) то, что случается на земле, 2) то, что случается в воздухе, 3) то, что происходит под землей, 4) то, что происходит в воде. Духи стихий подносили свои наблюдения секретарю-писарю. Это был один из путей каталогизирования жизненного материала. В XIX в. такие четкие схемы будут уже не пригодны. «Речи на случай», «по поводу» и без повода (например, замечания о выставке художников в «Дневнике писателя») смещают акцент с того, о чем говорится, на то, как и почему говорится. Перипетии человеческой жизни и движение мысли-рассуждения, наблюдение как толчок к внутреннему осознанию себя и мира в себе – эти черты философской прозы найдут отражение в «Дневнике писателя». По существу, всё это – «опыты», «эссе». Диалоги в разных состояниях бытия: утопические проекты, письма, сновидения, суеверные

рассказы, анекдоты, жалобы и т. д. – фрагменты, выхваченные взглядом писателя, смесь (satura). Всё, из чего постепенно вырастут идеи и поражающие силой обобщения художественные образы позднего творчества Достоевского.

По отношению к «Дневнику писателя» на сегодняшний момент сложилось несколько позиций, позволяющих осмыслить стилевые поиски автора. Е.А. Акелькина называет подобный тип повествования «философской прозой» [13], Е.А. Муртузалиева говорит о «критической прозе» [14], пишут об эпистолярной традиции в «Дневнике писателя», наконец, публицистику Достоевского относят к эссеистике [15].

Принцип свободного повествования вовсе не означает стихийности в выборе тех или иных форм. За каждым высказыванием писателя стоит продуманное обращение к литературной традиции, ее творческое преломление. Обратимся, например, к форме, столь популярной в просветительской публицистике, – нраво-описательному словарю – «сословнику», как назовет его Фонвизин.

Сопоставим:

«Слово “стриюцкий, стрюцкие” есть слово простонародное, употребляющееся единственно в простом народе и, кажется, только в Петербурге. Так что это слово, кажется, и изобретено в Петербурге. <...> Означает же оно, по неоднократным расспросам моим у народа, и сколько я понял, следующее: “Стрюцкий” – есть человек пустой, дрянной и ничтожный. В большинстве случаев, а может быть и всегда, – пьяница-пропойца, потерянный человек. Кажется, впрочем, стрюцким мог бы быть назван, в иных случаях, и не пьяница. Но главные свойства этого пустого и дрянного пьянчужки, заслужившие ему особое наименование, выдумку целого нового слова, – это, во-первых, пустоголовость, особого рода вздорность, безмозглость, неосновательность. Это крикливая ничтожность. <...> Второй существенный признак пьяницы-пропойцы, называемого “стриюцким”, кроме вздорности и неосновательности его, – есть недостаточно определенное положение его в обществе. <...> Итак, “стриюцкий” – это ничего не стоящий, не могущий нигде ужиться и установиться, неосновательный и себя не понимающий человек, в пьяном виде часто рисующийся фанфарон, крикун, часто обиженный и всего чаще потому, что сам любит быть обиженным, призыватель городского, караула, властей – и всё вместе пустяк, вздор, мыльный пузырь, возбуждающий презрительный смех: “Э, пустое,

«Стрюцкий»» (Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» за 1877 г.) [16].

«СУМАСБРОД, ШАЛЬ, НЕВЕЖДА, ГЛУПЕЦ, ДУРАК.

Сумасброд никогда не следует рассудку, с которого сбред, а руководствуется во всех своих делах одним воображением. *Шаль* притворяется обыкновенно глупее, нежели он есть, для того что без сего притворства не стало бы природного ума его возбудить на себя внимания. *Невежда* называется человек без просвещения. *Глупец* тот, которого ум весьма ограничен. *Дурак*, который ума вовсе не имеет.

Сумасброд весьма опасен, когда в силе. *Шаль* часто дурачеством досаждают. *Невежда* обыкновенно в своих мнениях упрям. *Глупцы* смешны в знати. *Дураку* закон не писан» (Фонвизин Д.И. Опыт Российского сословника) [17].

Представленные описания напоминают сатиру третью из книги первой Горация («Общий порок у певцов, что в приятельской доброй беседе...»):

...Не был он ровен ни в чем. – Иногда он так скоро, бывало,

Ходит, как будто бежит от врага; иногда выступает

Важно, как будто несет он священную утварь Юноны.

То вдруг двести рабов у него; то не больше десятка.

То о царях говорит и тетрархах высокие речи;

То вдруг скажет: «Довольно с меня, был бы стол, хоть треногий,

Соли простая солонка, от холода грубая тога!»

Дай сестерций ему миллион, столь довольному малым,

И в пять дней в кошельке ничего! – Ночь гуляет до утра;

Целый день прохрапит! – Не согласен ни в чем сам с собою!

(перевод М. Дмитриева).

В основе всех представленных текстов лежит традиция одного из самых известных и популярных жанров античности – «характера», созданного Теофрастом. С конца XVIII в. эта форма была переработана в биографических, автобиографических текстах, мемуарах в связи с актуальной для того времени идеей высокого героя, противопоставленного всему низменному [18]. Известно, что произведения Теофраста высоко ценил Плутарх, переосмысливший традицию нравоописательного портрета в «Параллельных жизнеописаниях». В европейской литературе этот жанр наиболее отчетливо обозначится в

«Характерах» Лабрюйера, книге, привлечшей внимание многих русских писателей, в том числе Фонвизина и Достоевского. Русские переводы произведений Плутарха появились в середине 1750-х гг., Лабрюйера – в конце 1780–1790-х гг. [19].

Риторическая традиция дает о себе знать и в других формах, к которым обращается Достоевский в «Дневнике писателя»: комментировании, парадоксах, сновидениях, путешествиях, анекдотах и т. д. Как видим, те процессы, которые происходили в русской публицистике XVIII в., отражали поиск наиболее необходимых форм общения с читателем. Это коснулось не только журнальной прозы, но и других областей литературного творчества, связанных с выработкой специфического прозаического мышления: автобиографических, биографических, мемуарных текстов, книг о путешествиях, записок, сборников. В последние десятилетия XVIII в. было «испробовано» множество различных приемов и способов повествовательного развертывания текста. Правда, в отличие от эпохи второй половины XIX в., здесь уместнее говорить о жанровом синкретизме и контаминации. Во времена Достоевского проявляется другой уровень жанрового мышления – синтез, диффузность традиций. Вместе с тем прозаические эксперименты конца XIX столетия невозможно оторвать от опыта русских авторов второй половины XVIII – начала XIX в. В этом смысле «Дневник писателя» стал закономерным итогом столетней рефлексии о феномене прозаического начала. Думаем, именно поэтому Достоевский начинает издавать свой «моножурнал» с явной апелляцией к публицистической традиции XVIII столетия, вводя элементы литературной игры, ассоциативные образы и сходные темы (об особенностях русских, о бездумном подражании всему иностранному, о нравах и влиянии социальной среды на поведение человека). Особенно интересно, как выражается авторская рефлексия относительно формы повествования. Читатель вводится в этот эксперимент не только как сторонний наблюдатель, но и как мыслящий, владеющий устным и письменным словом культурный собеседник.

Сравним:

«Правда и то: если никто не хочет задумываться, то, казалось бы, тем легче русскому литератору. Да, легче действительно; и горе тому литератору и издателю, который в наше время задумывается. Еще горше тому, кто сам захотел бы учиться и понимать; но еще горше тому,

который объявит об этом искренно; а если заявит, что уже капельку понял и желает высказать свою мысль, то немедленно всеми оставляется. Ему остается лишь подыскать какого-нибудь одного подходящего человечка, или даже нанять его, и только с ним одним и разговаривать; может быть, для него одного и журнал издавать. Положение омерзительное, ибо это всё равно, что говорить самому с собой и издавать журнал для собственного удовольствия. Я сильно подозреваю, что "Гражданину" еще долго придется говорить самому с собой для собственного удовольствия. Взять уж то, что по медицине разговор с собой обозначает предрасположение к помешательству. "Гражданин" должен непременно говорить с гражданами, и вот в том вся беда его!

Итак, вот к какому изданию я приобщил себя. Положение мое в высшей степени неопределенное. Но буду и я говорить сам с собой и для собственного удовольствия, в форме этого дневника, а там что бы ни вышло. Об чем говорить? Обо всем, что поразит меня или заставит задуматься. Если же я найду читателя и, боже сохрани, оппонента, то понимаю, что надо уметь разговаривать и знать с кем и как говорить. Этому постараюсь выучиться, потому что у нас это всего труднее, то есть в литературе. К тому же и оппоненты бывают различные: не со всяким можно начать разговор» (Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» за 1873 г.) [20].

«Тысяча желаний, набившиеся в мою голову, затмевают рассудок, так что я не знаю, которое прежде удовольствоваться и чем начать: вот какво в первый раз сделаться автором! Пустого писать не хочется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мне и самому несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором. Пишут все, что ни попадет; спорят, критикуют, решают и, запутавшись в мыслях, изъясняются весьма неясно: тут следуют у них сухие шутки, будто оставляют темные места на догадку читателя <...> с первой строки приведи читателей своих в удивление и, не дав им опомниться, пользуйся их смятением, повелевай ими по своему желанию, приказывай им бегать вослед за парящим твоим разумом: пусть будут они гоняться по всем местам за летучими твоими мыслями. <...> Самое негодное дело быть автором ежемесячных или еженедельных сочинений. <...> С начала моего издания думал и я так, как многие господа сочинители, что ничего легче нет, как сочинять, но в продолжение узнал, что ниче-

го труднее нет, как писать с рассуждением» («Пустомеля») [21].

Более очевидна ориентация Достоевского на журнал Крылова «Почта духов». Как известно, мудрец Маликульмульк нанимает секретаря для переписки. Достоевский такую возможность спрятаться за выдуманного писца отвергает. К прозе Крылова отсылает и начальный фрагмент предисловия «Дневника писателя», где речь идет о том, как хорошо было бы издавать журнал в Китае. Перенесение действия в экзотическую восточную страну – излюбленный прием моралистов XVIII в. Существовал также обратный прием: рассказчиками становились жители восточной державы, путешествующие по Европе (Монтескье). Это ироническое вольтеровское остранение прижилось и в публицистике, и в утопии, и в моралистической прозе, и даже в записках (например, Екатерины II). Так что переосмысление традиций XVIII в. связано у Достоевского не только с содержательными моментами (интерес к деятельности Петра и вообще русской истории), но и с формальными (жанровыми и стилистическими).

Ориентация на устную речь, смена интонаций и модальностей (от трагической и героической до иронической и комической), атмосфера беседы, разнообразие тематики, экспериментирование с различными типами высказываний («первичные» и «вторичные» речевые жанры), повествовательные «маски», подвижное слово, изборающее как вещный мир, так и мир идей, игра с дистанцированием автора – повествователя – читателя (фамильярное – культурное, условное), система точек зрения, сочетание очерковости и аналитики – все эти общие тенденции прозаических экспериментов писателей XVIII в. в новом качестве переосмысляются и синтезируются в «Дневнике писателя».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фридлендер Г. М. Достоевский и Фонвизин // XVIII век. Сборник 10. Л., 1975. С. 92–97.
- [2] Чеслав М. Достоевский и Сведенборг [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/lib_sec/13_m/mil/osh_01.htm (дата обращения: 14.10.11); Михновец Н. Г. Прецедентные произведения и прецедентные темы, их место и роль в творчестве Достоевского : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006.
- [3] Рогинская О. О. Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002; Шульц С. А. «Игрок» Достоевского и «Манон Леско» Прево (Аспект исторической поэтики) // Русская литература. 2004. № 3; Шевцова Н. В. Эпистолярный жанр в наследии Достоевского : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.

- [4] Бакирова Л. Р. Малая проза в «Дневнике писателя» Достоевского: особенности жанровой природы и речевой организации : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010.
- [5] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 372–373.
- [6] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 22. Л., 1981. С. 264–265.
- [7] Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 177–178.
- [8] Там же. С. 347.
- [9] Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 146–147.
- [10] Ермошин Ф. А. Автор и читатель в публицистике Достоевского 70-х гг. XIX в. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- [11] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 21. С. 6.
- [12] Новиков Н. И. и его современники. М., 1961. С. 16.
- [13] Акелькина Е. А. В поисках цельности духа, Бога и вечности. Пути развития русской философской прозы конца XIX века. Омск, 1998. 222 с.
- [14] Муртузалиева Е. А. Критическая проза Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя». Махачкала, 2003. 203 с.
- [15] Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX вв. М., 1988. 414 с.
- [16] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 63–64.
- [17] Фонвизин Д. И. Сочинения. М., 1981. С. 195.
- [18] Коптева Э. И. Традиции риторической биографии в «греческой повести» Д.И. Фонвизина «Каллисфен» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1(118). С. 307–312.
- [19] История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век: в 2 т. / Д. М. Буланин, С.И. Николаев, Р. Ю. Данилевский [и др.]; под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1995. Т. I. Проза. С. 105, 223.
- [20] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 21. С. 5–6.
- [21] Новиков Н. И. и его современники. С. 86.

**РАССКАЗ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ»
В КОНТЕКСТЕ ПРАЗДНИЧНОЙ ТРАДИЦИИ
СЕРЕДИНЫ XIX В.
И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ АВТОРА**

Рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» рассматривается в контексте праздничной традиции середины XIX в. и педагогических воззрений автора, размышлений о причинах возникновения «случайных семейств» и путях преодоления детского одиночества.

Ключевые слова: рождественский рассказ, педагогика Достоевского, семья, дом.

Календарные праздники становятся предметом изображения во многих произведениях писателей середины XIX в., создаваемых на материале городской и деревенской жизни, с описанием специфических для определенной среды святочных обычаев и обрядов. Концепция праздника представлена в рассказе Д.В. Григоровича «Прохожий», повести Ф.Д. Нефедова «На Новый год», романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и других. В этот исторический период в рассказах «зимнего календарного цикла», как пишет Е.В. Душечкина, «появляется тема Рождества», основоположником которой в европейской литературе стал Ч. Диккенс [1, с. 143]. Его «Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Сверчок на печи», опубликованные в 1840-х гг., вызвали огромный неподдельный интерес не только у себя на родине, в Англии, но и в России. Журналы «Москвитянин», «Отечественные записки» активно публикуют переводы текстов Диккенса. Е.В. Душечкина объясняет чрезвычайную популярность рождественских историй стремлением городского человека к уюту, защищенности, домашнему теплу и семейной близости. «С помощью привычных бытовых деталей он (Диккенс. – А.Л.) создает гармоничный частный мир, отгороженный от враждебного внешнего мира стенами маленького, но защищающего домика. Вот этот мир душевного и физического тепла, дающего человеку уверенность в полной защищенности, и был “открыт” Диккенсом в его святочных повестях» [1, с. 145].

Тема Рождества, введенная в русскую литературу Ч. Диккенсом, вносила в освоенный жанр новые мотивы – «искупительной жертвы», «всепрощения», «примирения», «раскаяния» и, наряду с этим, – мотивы евангельских притч и заповедей, как, например, мотив «возвращения блудного сына», частый в рассказах этого типа [1, с. 146].

Во многих сюжетах утверждается христианская добродетель, события трактуются в возвышенном тоне, потому что рождественские праздники становились, по выражению Достоевского, «днями семейного сбора», днями милосердия, примирения и всеобщей любви. Задача авторов – поселить в домах читателей праздничную атмосферу, оторвав от суетных забот, напомнить о необходимости милости и любви. Поэтому и рассказы, приуроченные к празднику, стали выстраиваться по определенному канону. Актуализировался счастливый финал (встречались после долгой разлуки любящие, выздоравливали смертельно больные (чаще всего – дети), примирялись враги, преоб-

ражались безнравственные люди, забывались обиды); чудо связывалось не только с рождением Спасителя рода человеческого и заступника, но и с обыкновенной удачей и обретением героями человеческого счастья, чаще семейного.

В рождественских (святочных) историях значительное место отводилось образу ребенка. Именно дети так искренне радуются подаркам и доверчиво ожидают чудо, помогают преобразиться взрослым. Не случайно Рождество считают праздником детей.

Рассказы имели и ярко выраженную дидактическую направленность, так как учили преодолевать зло и верить в торжество христианских добродетелей.

Ф.М. Достоевский не раз в своем творчестве обращался к календарным праздникам, высказывая мысль о благотворности для русского человека приобщения к народной традиции. Так, в «Записках из Мертвого дома» целая глава посвящена описанию празднования на каторге дня Рождества Христова, описанию переживаний каторжан, втайне ожидающих чуда. Достоевский праздничное настроение людей еще связывает и с целым комплексом приятных воспоминаний, чаще идущих от самого детства. «Дни великих праздников резко отпечатываются в памяти простолюдинов, начиная с самого детства. Это дни отдохновения от тяжелых работ <...>, соприкосновения с миром» [2, с. 141]. Особенно интересовала писателя детская тема, так как в этом возрасте особо остро и интенсивно переживается праздник.

Однако, как известно, русская литература частично переосмыслила диккенсовскую традицию. Не всегда фабульное «действие на Рождество» в произведениях отечественных классиков завершалось победой света и добра, милосердия и сострадания, как того требовали каноны жанра. Вспомним рассказ А.П. Чехова «Ванька» о несостоявшейся «встрече с дедушкой», «Рождественскую сказку» М.Е. Салтыкова-Щедрина о смерти на Рождество мальчика Сережи Русланцева, рассказ Л.Н. Андреева «Ангелочек» о недолговечности мальчишеского счастья, рассказ А.И. Куприна «Бедный принц» о мире взрослых как угрозе детской дружбе, рассказ Ф. Сологуба «Рождественский мальчик» о расстреле мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г. и др.

Рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» стоит первым в этом ряду и изучается литературоведами в разных аспектах: и в контексте европейской и

русской праздничной традиции, и в контексте «детской» темы в художественной прозе и публицистике Достоевского, и в контексте поэтики «Дневника писателя» (Е.А. Акелькина, Е.В. Душечкина, И.А. Есаулов, Г.М. Фридендер, С.С. Шаулов и др.).

Нам представляется актуальным рассмотреть «рождественский» рассказ «Мальчик у Христа на елке» не только в контексте праздничной традиции, но в большей степени в контексте педагогических воззрений Достоевского, размышлений о судьбах детей, о причинах возникновения «случайных семейств», представленных в его художественном и публицистическом творчестве глубоко и многосторонне.

В 1860–1870-е гг., в период бурного развития капитализма, когда человек не ощущал прочной связи с тем, что было до него, и с тем, что будет после, когда разрушалась привычная система ценностей и человек чувствовал себя «заблудившимся в мире», семья уже не спасала от нравственных потрясений и одиночества. «Наши юные люди, развитые в семьях своих, в которых всего чаще встречается теперь недовольство, грубость, нетерпение, невежество и где почти повсеместно настоящее образование заменяется лишь нахальным отрицанием с чужого голоса; где материальные побуждения господствуют над всякой высшей идеей; где дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу... Из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность, направления своих шагов в жизни?» [3].

В «Дневнике писателя» за июль–август 1877 г. автор сетует на то, что родители не знают никаких традиций, что «никогда семейство русское не было столь расшатано, разложено и не оформлено, как теперь... Современное русское семейство становится все более случайным» (3, т. XXV, с. 173). Семья утрачивает статус патриархальной, православной, где дом – храм, очаг-алтарь, семейный уклад – благочестие, идеал – любовь к Богу и ближнему; дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами.

В статьях и художественных произведениях «Дневника писателя» Достоевский дает емкую и всестороннюю характеристику семьи, утратившей прежние свойства и идеалы.

Во-первых, это семейство, потерявшее веру в Бога, семейство «без опреде-

ленности и ясности», без опоры на патриархальные отношения, в которых главными ценностями являлись бережное отношение к памяти предшествующих поколений, понимание родовой связи предков и потомков как основы достоинства и самостоянья человека: «Старый облик свой она потеряла, а новый... в силах ли она будет создать себе новый, желанный и удовлетворяющий *русское сердце?*». Наблюдая за детским весельем на елке в клубе художников, писатель отмечает развязное поведение как детей, так и их родителей, акцентирует внимание на излишней привязанности взрослых к европейской моде, подчеркнутой подражательности.

Во-вторых, это семейство, в котором современные отцы не исполняют своего долга перед детьми, утрачивают «всякую общую идею в отношении к своим семействам», «утрачивают великую мысль» (3, т. XXV, с. 178), предстают самодовольными, самолюбивыми и завистливыми (3, т. XXII, с. 12–13). Общеизвестно, что отец на Руси был не только кормильцем и защитником, но и показателем духовного состояния семьи. Вспомним эпиграф к первой главе повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» из Княжнина: «— *Был бы гвардии он завтра капитан. — Того не надобно; пусть в армии послужит. — Изрядно сказано! Пускай его потужит... Да кто его отец?*» (выделено мной. — А.Л.). Задача отца — учить детей книжному разуму, воспитывать — в духе заповедей Божьих, в благонаравии, правде и любви, ни яростью, ни гневом, ни жестокостью, а снисходительно и кротко, чтобы в детскую душу не западали страх и уныние. Особенно в переходные, кризисные периоды возрастает ответственность отца за нравственную атмосферу в семье, за передачу ценностей от поколения к поколению и сохранение семьи в ее культурном предназначении.

В-третьих, Достоевский видит причины формирования «случайного семейства» в появлении так называемого типа «ленивых отцов», которые не исполняют повседневный родительский долг, эгоистично относятся к делу: надеются на «авось», намереваются откупиться от своих чад, относятся к ним «строго, даже жестоко, истязают, избивают розгами», относятся как «к своей собственности». «Очень немногие в такие эпохи могут ясно видеть перед собою и не сбиваться с дороги», — справедливо замечает писатель (3, т. XXV, с. 189–190).

В-четвертых, появление образа не только страдающего, оскорбленного, от-

верженного, но и озлобленного, ожесточенного и даже развращенного ребенка. Дети из случайного семейства, наблюдая за недостойным поведением отцов своих, уносят в жизнь «не одну лишь грязь воспоминаний, а и саму грязь, <...> карманы полные набьют себе этой грязью, чтоб употребить ее потом в дело <...> с легким сердцем» (3, т. XXV, с. 180). Описывая судьбу несчастных сирот, двух мальчиков 12 и 9 лет, мать которых была убита сожителем, приходит к грустному выводу: «Вот опять “случайное семейство”, опять дети с мрачным впечатлением в юной душе. Мрачная картина останется в их душах навеки и может болезненно надорвать юную гордость» (3, т. XXII, с. 8). В очерке «Мальчик с ручкой» автор рассуждает о судьбе мальчиков, вынужденных не по своей воле выпрашивать милостыню и приносить ее в подвал пьяным халатникам, постепенно превращающихся в преступников. «Они бродяжат по городу и знают такие места в разных подвалах, в которые можно пролезть и где можно переночевать незаметно» (3, т. XXII, с. 14). Преступное равнодушие взрослых становится причиной преступления детей из «случайных семейств».

Рассказ «Мальчик у Христа на елке», как и описание бала в клубе художников, очерк «Мальчик с ручкой», описание колонии для малолетних преступников, расположенной на окраине Петербурга, которую Достоевский посетил 27 декабря 1875 г. с известным юристом А.Ф. Кони, включен в январский номер «Дневника писателя» за 1876 г. и окружен «рождественским» ореолом, что усиливает его гуманистический потенциал, так как задача подобных текстов — пробудить в людях чувство милосердия и сострадания.

В первоначальном замысле фрагмент «Мальчик с ручкой» следовал за рассказом «Мальчик у Христа на елке». Структурные изменения дают возможность иного решения детской судьбы: возвращение ребенка в лоно семьи и встреча с Христом на его праздничной елке. В реальности мальчик замерзает на улице во время святочной недели, но, согретый любовью Спасителя, воскресает на небе.

Рассказ «Мальчик у Христа на елке» начинается с описания жизни шестилетнего ребенка, замерзающего в холодном и сыром подвале рядом с телом умершей матери. Мотив холода — традиционный для петербургского пространства (хотя город не называется, но без труда угадывается) — усиливает эсхатологическую проблематику петербургского текста русской литературы

и знаменует кризис современного общества. Зимний холод (*«мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале», «дрожал», «дыхание вылетало белым паром», «холодное лицо матери, как стена»*) ассоциируется со смертью не только физической, но и духовной. Город, «возникший из тьмы лесов, из топи блат», оказывается чужим и равнодушным к человеку. Городское пространство рассказа создано в традиции Н.В. Гоголя. Вот как описан Петербург в повести «Ночь перед Рождеством»: *«стук, гром, блеск, <...>дома росли, снег свистел, <...> пешеходы жались и теснились под домами»*. У Ф.М. Достоевского читаем: *«И какой здесь стук в гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз! Мерзлый пар валит от загнанных лошадей, из жарко дышащих морд их; сквозь рыхлый снег звенят об камни подковы, и все так толкаются, и, господа, так хочется поест, хоть бы кусочек какой-нибудь, и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика»*. Таким образом, городское пространство – это пространство, враждебное человеку, пространство, пугающее своей призрачностью и дисгармоничностью. Здесь, по мнению Е.В. Душечкиной, трансформируется традиционно святочный мотив встречи героя с нечистой силой. В данных текстах inferнальность связана с «живыми» людьми (будь то дворник, блюститель закона или барыня, вытолкнувшая мальчика на улицу) [1, с. 191]. Общеизвестно, что в богатых семьях на Рождество принято приглашать в дом детей из бедных семей и угощать их сладостями. Мальчик видит праздничный стол за стеклом, где тепло, нарядные дети, пироги, елка с огоньками, музыка, но нет места сироте. Это «ложный» мир, в котором не все чувствуют себя счастливыми. Рождество считается светлым и добрым праздником, потому что его уют, его тепло создают особое переживание близости людей, собравшихся вокруг светящейся елки, но этот праздник не приносит радости ребенку.

Реальности противопоставляется другой, сохранившийся в воспоминаниях мальчика мир, где «было так тепло и ему давали кушать», но который уже недостижим.

Конечно, Достоевский не мог оставить мальчика в одиночестве, без ощущения праздника. В рассказе сохраняется особое рождественское мировосприятие: мечта о милосердном отношении друг к другу, об истинной семье.

Финал произведения трактуется исследователями по-разному. «Есть рассказы, в которых герой умирает, – пишет Д.В. Макаров, – но смерть его осознаётся как спасение или исход из этого холодного и несправедливого мира в мир Божьей любви и высшей справедливости. Сюда относятся такие рассказы, как «Девочка со спичками» Г.Х. Андерсена, «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского... У Достоевского мальчика встречает Сам Христос. Конечно, вне христианского контекста, вне религиозного мировоззрения эти рассказы вызовут только сожаление о социальной несправедливости, царящей в мире. Но если их читать с верой в вечную жизнь, то останется совсем другое впечатление. Да, социальные вопросы неразрешимы на земле, но всё разрешимо у Бога, у Него высшая справедливость, и Он, как сказано в Апокалипсисе, отрёт «всякую слезу с очей их» [4, с. 40–41].

И. А. Есаулов усматривает в рождественском рассказе имплицитный пасхальный смысл. «Рассказ, к тому же помещённый в очевидно “рождественский” контекст, неожиданно обнаруживает свой пасхальный смысл: замёрзший на земле “на чужом дворе” мальчик воскресает, это Воскресение описывается автором как действительная, хотя и нездешняя реальность <...>. “Реалист в высшем смысле” Достоевский – в отличие от Ф. Рюккертга, чьё рождественское стихотворение “Ёлка сироты” он использует в качестве литературного источника собственного рассказа, – показывает пасхальное преодоление смерти» [5, с. 57–63].

Доверяя уже сложившимся мнениям, мы рассматриваем возвращение мальчика на елку Христа в контексте не только праздничной традиции, но и в контексте педагогических взглядов автора на проблему Дома, взаимоотношения в семье. Достоевский напоминает современникам, что «маленькие детские души требуют непрерывного и неустанного соприкосновения с вашими родительскими душами, требуют, чтоб вы были для них, так сказать, всегда духовно на горе, как предмет любви, великого нелицемерного уважения и прекрасного подражания» (3, т. XIV, с. 223). В этом контексте убедительной кажется сцена, когда ребенок, «покинув» занесенный снегами и метелями и освещенный тусклым фонарем город, попадает в райский уголок, светлый мир Христа, мир любви, понимания и заботы, очень напоминающая библейский сюжет о Христе, благословляющем детей. «...Иисус сказал: пустите детей и не пре-

пятствуйте им приходите ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда» (Мф., 19: 13–15). Возвращение мальчика в лоно счастливой семьи и Дома может рассматриваться и как рождественское чудо, и как смысл домашнего очага, а значит, и как идея преодоления «случайности».

Завершает «рождественский» цикл фрагмент «Колония для малолетних преступников...», в котором автор прописывает концепцию данного учреждения. Колония, по мнению писателя, должна приготовить воссоздание семьи во главе с воспитателями, перед которыми стоит весьма важная и ответственная задача: быть не гувернерами детей, а *отцами* их, войти в борьбу с ужасными детскими впечатлениями, дабы искоренить их и насадить новые (З, т. XXII, с. 19). Как публицист, писатель, педагог, гражданин, Достоевский осознает великую роль отцов, наставников, учителей и воспитателей в духовном оздоровлении нации. «Вы

отцы, они ваши дети, вы современная Россия, они будущая; что же будет с Россией, если русские отцы будут уклоняться от своего гражданского долга и станут искать уединения, или, лучше сказать, отъединения, ленивого и цинического, от общества, народа своего и самых первейших к ним обязанностей... Ищите же любви и копите любовь в сердцах ваших. Любовь столь всесильна, что перерождает и нас самих» [З, т. XXV, с. 192–193].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995.
- [2] Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. М., 1983.
- [3] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1991. Т. XXI. С. 131–132.
- [4] Макаров Д. В. Духовная литература в программе «В мире литературы...» // Духовная литература и святочные рассказы: Книга для учителя : сб. ст. Пермь, 2005.
- [5] Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М., 2005.

**ОБРАЗ «ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ»
В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЕ:
БИОГРАФИИ ДОСТОЕВСКОГО КОНЦА XIX В.**

Освещается анализ биографий Достоевского, которые были написаны в конце XIX в., принадлежат к неклассической биографической традиции и стали основой для формирования биографического образа «великого писателя».

Ключевые слова: биография, морально-риторическая культура, неклассическая культура, образ биографического героя.

Биография – это жанр литературы и «жанр самой культуры» [1]. Культурологический анализ показывает, что развитие биографии не одномерно, работая с биографией в разные эпохи, мы имеем дело с разными формами культуры. «Под культурой мы <...> понимаем не что иное, как совокупность всего того, что человеческое сознание в силу присущей ему разумности вырабатывает из данного ему материала» [2]. Культурная форма – это институализированное содержание, выработанное сознанием в результате его разумного отношения к миру. По мере движения от классического идеала рациональности к неклассическому варианту культурных форм становится всё больше. Сознание включает в сферу культуры, культурного отношения всё большее число своих проявлений. Степень осознанности разных элементов существования возрастает. В русской культуре XVIII век становится эпохой, когда в число культурных форм входит личная жизнь как сознательно направленная организация форм социального и бытового взаимодействия. XIX век осознал, что описание и постижение личной жизни, формы которой усложнились, не может быть подчинено кодифицированным морально-риторическим формулам, характерным для традиции жизнеописаний. Биография усложняется как жанр литературы. «Этот переход знаменует качественно новый этап становления биографической литературы – этап, на котором изображение героя уже не определяется использованием риторических схем, а предполагает создание образа» [3].

С точки зрения культурологии можно сказать, что происходит смена биографического сознания, отделяющая многовековую традицию жизнеописаний, в которой герой описывался «с точки зрения отвлечённого, гипостазированного идеала» [4], от нового понимания биографического письма, нацеленного на постижение внутреннего мира личности – героя биографии, мира, которого в жизнеописании не существовало. Этот процесс происходил в русской культуре не односторонне, существовала мощная традиция противостояния новациям. Именно эта традиция породила форму «нормативной» [5], или «традиционной биографии», которая строилась как классическое фактографическое повествование о жизни. «Нормативная биография», как правило, тяготеет к рубрицированной регламентации социальной и личной жизни биографического героя. Но эта рубрикация уже не носит морально-риторический характер, как это было в античной

биографии и житийной традиции; она основана на понимании героя как образа, идеала. Таким образом, есть идеал врача, идеал государственного деятеля, идеал первопроходца и т. д.; для каждого образа-идеала есть определенный набор топосов, «общих мест», соответствующих представлениям об идеале творческого человека/ученого/т. д., которые помогают выстроить биографическое повествование.

В биографической серии Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей» указание на систему топосов задано еще в названии: «N (Достоевский, Лаплас, Пирогов, Линкольн и т. д.): его жизнь и литературная/государственная/научная и т. д. деятельность». Большая часть биографий этой серии соответствует нормативным идеалам. Однако в серии появляются биографии нового типа, в которых автор предпринимает попытку выстраивания образа героя, что предполагает наличие индивидуальной авторской позиции по отношению к герою и неоднозначность оценок поступков героя.

Выстраивание героя как образа, личности, а не как системы топосов в конце XIX столетия предпринималось на основании новой для этого времени науки психологии с ее особенным интересом к отклонениям (а творческий человек – это почти идеальный вариант для исследования психических отклонений, и даже если их нет в герое биографии, автор так или иначе находит какие-либо проблемы у него. Поэт – это совершенно особая картина личности и жизни, с трудом описываемая в категориях обыденного опыта, отсюда следует потребность понять поэта исходя из новейших научных изысканий с точки зрения религиозной практики и лишь иногда – с позиции самой поэзии).

Е.А. Соловьев, автор биографических очерков о Д.И. Писареве, И.С. Тургеневе, А.И. Герцене, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском (1891), Карамзине, Гегеле, Кромвеле, Сенковском, Ротшильдах и Иване Грозном в серии Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей», не раз ссылается на Н.К. Михайловского, увлекавшегося психологией и в связи с этим предложившим радикально новый подход к великим людям, заключающийся в исследовании их со стороны психических отклонений. Так родилась формула «Достоевский – жестокий талант»: «Жестокость и мучительство всегда занимали Достоевского и именно со стороны их привлекательности, со стороны как бы заключающегося в мучительстве сладострастия» [6]. Е.А. Соловьев, процитировав Н.К. Михайловского, добавляет: «У

Достоевского были ярко выражены признаки мнительности и истеричности характера» [7]. Однако биограф не отказывается, в отличие от критика, писателю ни в духовной основе его художественных интересов: «Жизнь <...> представлялась Достоевскому как религиозная проблема, прежде всего» [8], ни в счастливом детстве: «<...> детство Достоевского – самая счастливая пора его жизни. Строгость отца умерялась ласками матери, однообразие городской жизни скрашивалось летними деревенскими впечатлениями, неровный, обидчивый характер мальчика не встречал в семье сурового и жесткого отпора» [9].

В сущности, читая эту биографическую работу, мы присутствуем при возникновении совершенно особого для русской биографии культурного кода – образа «великого писателя». С этих пор в русской биографии образ «великого писателя», как правило, связан с жертвенностью, страданиями, лишениями. Недаром появились такие строки:

«Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит
гордый дух гражданства,
кому уют нет, покоя нет» [10].

Эта невозможность найти «покой и уют» становится поводом для идеализации, для выстраивания образа «великого писателя», «поэта». Плюсом к этому становится ранняя смерть Пушкина и Лермонтова, лишения, преследовавшие Достоевского всю жизнь, – всё, что заставляло страдать писателей, становится основанием для создания своеобразной эстетики «святого поэта».

И эта установка на «мучение» в судьбе Достоевского становится центром образа Достоевского как «великого писателя». Послушаем самого Е.А. Соловьева:

«Болезненное недоверие к себе и другим делает мучительной жизнь среди людей» [11];

«Вечное безденежье – его хроническая мука» [12];

О мнительности Достоевского: «Это была болезнь не тела, а духа: Достоевский был не столько болен в действительности, сколько воображал себя больным. Он постоянно лечился. То ему казалось, что он сходит с ума, то полагал в себе чуть ли не чахотку» [13];

«О жизни в остроге: «Достоевскому предстояло одиночество, убийственная по своему однообразию каторжная жизнь, полная материальных неудобств и тяжелых мыслей» [14];

«Но напрасно Достоевский, а за ним и другие полагали, что каторга исцелила его от душевной болезни. Достоевский остался таким же нетерпеливым, мнительным, истеричным, неуверенным в себе, как и до ссылки» [15].

И вся эта сложная мучительная жизнь вела к апофеозу последних лет жизни великого писателя и апофеозу его похорон:

«Похороны Достоевского представляли явление, которое всех поразило. Такого огромного стечения народа, таких изъявлений уважения и сожаления не могли ожидать самые горячие поклонники покойного писателя. Можно смело сказать, что до того времени еще не бывало на Руси таких похорон» [16].

«Великий писатель» особенно велик после его смерти.

Несколько иной способ выстраивания образа «великого писателя» предпринял В.В. Розанов в критико-биографическом очерке к собранию сочинений, изданному в приложении к журналу «Нива» (1893), главным концептом которого выступило понятие «гений». Сущность гения состоит «ни в чем другом, как в обширности духовного опыта, которым он превосходит других людей, зная то, что порознь рассеяно в тысячах их, что иногда скрывается в самых темных, невысказывающихся характерах, знает, наконец, и многое такое, что никогда еще не было пережито человеком, и только им, в необъятно богатой его внутренней жизни было уже испытано, измерено и оценено. <...> миры созданий проходят через его сердце <...>» [17]. Это дает Розанову основание для воссоздания образа его биографического героя через образы героев произведений Достоевского: «Биографические черты, чрезвычайно значащие для объяснения склада самого Достоевского, мы находим в четырех его произведениях – в “Игроке”, в “Униженных и оскорбленных”, (и его прототипе “Белых ночах”), “Идиоте” и в “Записках из подполья”. Можно сказать, что повсюду в письмах, воспоминаниях, в самом художественном творчестве он является с чертами которого-нибудь из главных выведенных здесь лиц» [18].

Таким образом, гениальный синтезм Достоевского – это и часть образа «великого писателя», и ключик для интерпретаторов его жизни и творчества.

Другой, не менее значащий в реконструкции личности писателя концепт, также связанный с образом «великого писателя», – это концепт учительства. Писатель в идеале – это учитель и пророк (см. у Пушкина): «Помоги мне разобраться в мо-

ей жизни, освети, научи» – вот самая серьезная мысль, с какою может читатель обратиться к писателю; думаем даже, что это есть единственно серьезная мысль, на которой может истинно скрепиться их общение» [19].

Все перечисленные концепты – «мучение», «учительство», «гениальность» – столь глубоко вошли в биографический образ Достоевского, что сформировался своеобразный миф о «великом писателе» Ф.М. Достоевском, задавший новую систему нормативной риторической биографии – биографии советского периода, ярким образцом которой является работа Л. Гроссмана о Достоевском в серии ЖЗЛ [20].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX вв. М., 1989. С. 380.
- [2] Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995. С. 12.
- [3] Калугин Д. Искусство биографии: изображение личности и ее оправдание в русских жизнеописаниях XIX века // Новое лит. обозрение. Теория литературы, критика и библиография. 2008. № 91.
- [4] Винокур Г. О. Биография и культура. М., 2007.
- [5] Калугин Д. М. Искусство биографии: Изображение личности и ее оправдание в русских жизнеописаниях середины XIX века // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы, критика и библиография. 2008. № 91. С. 88.
- [6] Михайловский Н. К. Жестокий талант // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М., 1990. С. 62.
- [7] Достоевский: Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк Е.А. Соловьёва. СПб., 1891. С. 11.
- [8] Там же. С. 10.
- [9] Там же. С. 12.
- [10] Евгений Евтушенко. Молитва перед поэмой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/evtushenko/poet-v-rossii.html>.
- [11] Достоевский: Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк Е. А. Соловьёва. С. 13.
- [12] Там же. С. 16.
- [13] Достоевский: Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк Е.А. Соловьёва. С. 20.
- [14] Там же. С. 36.
- [15] Там же. С. 51.
- [16] Там же. С. 94.
- [17] Розанов В. В. Ф.М. Достоевский (Критико-биографический очерк) // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1894. С. VII.
- [18] Там же. С. VIII.
- [19] Там же. С. II.
- [20] Гроссман Л. П. Достоевский. М. : Молодая гвардия, 1962. 473, [3] с., ил. (Жизнь замечательных людей: ЖЗЛ: сер. биогр.: осн. в 1890 г. Ф.Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким; вып. 302).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФАУСТА. РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Освещаются рецепции идей Ф.М. Достоевского в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Сопоставление романов Достоевского с романом Булгакова выявляет сквозной метасюжет с эволюционирующим собирательным героем Фаустом Гете, Достоевского, Булгакова.

Ключевые слова: Михаил Булгаков, романы Достоевского, рецепция идей, эволюция героя, метасюжет.

Творчество Ф.М. Достоевского является тем освещающим контекстом, погружение в который помогает проникнуть в глубинный смысл романа М.А. Булгакова.

Путь от интуитивных, субъективных и во многом случайных сопоставительных наблюдений к «системе концептов», связующих два художественных мира, идет в нашем случае через «Дневник писателя», где в очерке «Пушкин» Достоевский сам дает нам «подсказ» – указывает на идеи, самые значительные для формирования «правильного самосознания нашего». Одна из них – «способность к всемирной отзывчивости», к «полнейшему перевоплощению в гении чужих наций». При этом высказывается вера в «нашу русскую самостоятельность» и во «всеевропейское и всемирное назначение русского человека», пока еще бездомного скитальца, в котором много «лакейства духовного». Тут же упоминается Достоевским и вдохновлявший Пушкина «Фауст».

Слышит ли «подсказ» Достоевского Булгаков? Распознает ли указанные смыслы? Его роман предваряется эпиграфом из «Фауста». Бесы у входа в МАССОЛИТ славят бессмертный гений автора романа «Бесы», а из всех окон, из всех дверей, из всех подворотен, с крыш и чердаков вырывается «хриплый рев полонеза» из оперы «Евгений Онегин». Сам же Пушкин, которого Михаил Булгаков шутливо называл «наш командор», как пример «настоящей удачливости» вызывает в душе своего далекого «потомка» поэта Рюхина лишь ядовитую зависть. В данном случае важна не столько искаженная интерпретация как сигнал о духовном уродстве этого падшего мира, сколько сам факт встречного движения Булгакова, принимающего эстафету у минувшего века и соединяющего разорванную цепь национальной культуры.

В художественном мире Булгакова обильно взросло слово-зерно Достоевского, на что указывали многочисленные критики-булгаковеды, которым, однако, не удалось показать, насколько серьезно идеи Достоевского повлияли на кристаллизацию нравственно-философской концепции романа «Мастер и Маргарита». Задача описать и понять механизм «сцепления», соприкосновения художественного мира Булгакова с художественным миром Достоевского даже не ставилась. Обращение к образу Фауста в контексте литературной преемственности Гете – Пушкин – Достоевский позволяет увидеть процесс органичного усвоения «наследником» значимых для него идей предшественника, обнаружить «смысловое ядро» романа «Мастер и Маргарита», понять загадочную судьбу его главных героев. Путеводной нитью в

этом сопоставительном исследовании стал образ Фауста.

Этому герою культура обеспечила вечную жизнь, вновь и вновь возрождая его своей магической силой, «клонировав» ему многочисленных двойников. Фауст, образ многозначный, символический, отражен системе персонажей Достоевского и Булгакова, о чем уже много писали исследователи их творчества. Система же сама не была разгадана, не было показано, как образ этот утверждается в качестве структурообразующей художественной идеи, как завязываются на этом «смысловом ядре», тянутся к нему и из него рождаются линии-мотивы, т. е. как вокруг него «кристаллизуется» комплекс идей в «органическое» целое романного мира.

Благодатную почву европейская фаустиана находит прежде всего в сознании героев Достоевского. Стоит припомнить спектакль о наказании грешника, заложившего душу черту из «Записок из Мертвого дома», где народный взгляд на проблему ясен, категоричен и прост. Справедливо и по заслугам получает не только хозяин, но и радующийся чужой беде слуга, которого за его бессовестность тоже отправляют в ад. Герой «Записок из подполья» болезненно переживает идеи Гете и полемизирует с ним.

Степан Трофимович Верховенский начинает с подражания «Фаусту». Он пишет аллегорическую поэму, еще в Берлине, в самой первой своей молодости: «Сцена открывается хором женщин, потом хором мужчин, потом каких-то сил, и в конце всего хором душ, еще не живших, но которым очень бы хотелось пожить, Все эти хоры поют о чем-то очень неопределенном, большею частью о чем-то проклятии, но с оттенком высшего юмора...» [10, с. 9]. Ироничное отношение к этому главному герою романа «Бесы» – традиция русской литературы, восходящая к Пушкину, который «первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (т. е. свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего» [26, с. 129].

«Я буду полезен и на большой дороге» [10, с. 491], – уверяет нас «несчастный скиталец в родной земле», «исторический русский страдалец». «Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей Русской земле поселившийся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнут» [26, с. 137]. Степан Трофимович по доброй воле превратился в пародию, в комическую фигуру приживальщика и «лакея мысли», так и не успевшего духовно повзрослеть.

Критики, в частности К.В. Мочульский, ставят в центр романа «Бесы» Николая Ставрогина, заявляя, что «личность героя является осью композиции», и говорят о его вине и ответственности, о его фаустианских исканиях. Его воспитателем и учителем традиционно отводится более скромная, второстепенная роль. А ведь Достоевский начинает роман «Бесы» главой «Вместо введения: несколько подробностей из биографии Степана Трофимовича Верховенского» и заканчивает главой «Последнее странствование Степана Трофимовича». Вина за детей лежит прежде всего на нем, но ему не хватает мужества и мудрости принять на себя эту ответственность. Иначе судит автор. «Если будете писать о нигилистах русских, то, ради бога, не столько браните их, сколько отцов их. Эту мысль проводите, ибо корень нигилизма не только в отцах, но отцы-то еще пуще нигилисты, чем дети. У злодеев наших подпольных есть хоть какой-то гнусный жар, а в отцах – те же чувства, но цинизм и индифферентизм, что еще подлее», – писал Достоевский В.Ф. Пуциковичу 3 мая 1879 г. из Старой Руссы [30/1, с. 62].

Образ Степана Трофимовича – один из самых значительных и даже символических в национальной культуре: в нем – диагноз ее болезни, глубоко осознанной протоиереем Георгием Флоровским, утверждавшим, что «издавна русская душа живет и пребывает во многих веках и возрастах сразу. Не потому, что торжествует и возвышается над временем. Напротив, расплывается во временах. Несомнимые и разновременные душевные формации как-то совмещаются и срастаются между собой. Но сrostок не есть синтез. Именно синтез и не удавался... Эта сложность души – от слабости, от чрезмерной впечатлительности. <...> Этот дар «всемирной отзывчивости», во всяком случае, роковой и двусмысленный дар. Повышенная чуткость и отзывчивость очень затрудняют творческое собирание души. В

этих странствиях по временам и культурам всегда угрожает опасность не найти самого себя. Душа теряется, сама себя теряет в этих переливах исторических впечатлений и переживаний. Точно не поспевает сама к себе возвращаться, слишком многое привлекает ее и развлекает, удерживает в инобытии. И создается в душе какая-то кочевая привычка – привычка жить на развалинах или в походных шатрах. Русская душа плохо помнит родство. И всего настойчивее в отрицаниях и отречениях. <...> Душа двоится и змеится в своих привязанностях. И позже всего просыпается в русской душе логическая совесть – искренность и ответственность в познании» [5, с. 490–491]. Эта идея тоже обрела свою плоть. Перед нами еще один «духовный сын» или двойник Степана Трофимовича – философ, политик и сочинитель Иван Федорович Карамазов.

Критики и литературоведы давно и прочно связали образ Ивана Карамазова Фаустом. С.Н. Булгаков в своей киевской лекции 1901 г. заявил: «Мировое значение образа Карамазова станет для нас яснее, когда мы сопоставим его с другим мировым образом – Фаустом. Может быть, кому-нибудь кажется смелым это сопоставление бессмертного творения Гете, этой, по выражению Гейне, светской библии немцев, да и всего культурного мира, и нашего Ивана Карамазова, – мы так не привыкли полной мерою ценить свое национальное достояние по сравнению с западным. Но я обдуманно делаю это сопоставление и считаю его вполне законным. <...> Фауст и Карамазов находятся в несомненной генетической связи, один выражает собой сомнения XVIII, другой XIX века, один подвергает критике теоретический, другой – практический разум» [2, с. 39]. Идея была подхвачена и развита Н.С. Мишеевым. В своей глубокой и интересной монографии «Русский Фауст» он не только выявил основной художественный тип героя в творчестве Достоевского и соотнес его с фаустианой, но и сумел выявить своеобразие русского национального типа, обогатившего мировую культуру. Михаил Булгаков, без сомнения, был знаком с этой монографией Мишеева, а лекцию С.Н. Булгакова мог даже слышать лично.

Работая над романом «Мастер и Маргарита», продолжая мировую фаустиану, Михаил Булгаков соотносит своего Мастера и своего поэта и философа Ивана Бездомного-Поньрева с героем Достоевского Иваном Карамазовым. При этом соотнесении по-новому расставляются акценты и выявляются некие духовные реалии, до поры не привлекавшие пристального взора

критики. Особое значение в этой связи имеют два эпизода – две встречи: Фауста-Мастера с Воландом и Фауста-Ивана с чертом. Достоевский и Булгаков раскрывают таким образом тайну героя, глубины его духовного подполья, его личный «секрет».

Трудно не заметить, что все большие идеи Ивана Карамазова берут свой исток в мире Гете, и герой Достоевского не в силах разорвать их противоречивого сцепления. В главе «Чорт. Кошмар Ивана Федоровича» диалог Ивана с «приживальщиком» дан автором как продолжающийся, нескончаемый, насильственно навязываемый герою спор, втягивающий его в мистическое пространство гетевской поэмы, где нет Христа с его искупительной жертвой, нет Святого Духа, где Сетана еще не спал с небес и нагло спорит с бутафорским театральным богом, в которого сам Гете не верит. Заявление Ивана, что «человек выдумал бога», вполне в духе Гете, о религиозных взглядах которого Эккерман писал так: «Противники часто обвиняли Гете в отсутствии веры. Но он только их веры не имел, слишком она была мелка для него. Если бы он открыл им свою, они были бы поражены, однако уразуметь ее все равно бы не сумели». При этом приводятся слова самого Гете: «Христос исповедовал единого бога и наделил его всеми свойствами, которые в себе самом воспринимал как свойства совершенные. Этот бог был сущностью его прекрасной души, был благодетель и любвеобилен, добрые люди могли доверчиво ему предаться, восприняв самую идею такого бога как сладостную связь с небом <...> хорошо, что различные религии даны нам не самим господом богом, но являются творением выдающихся людей, сумевших приспособить их к потребностям и восприятию широких масс» [7, с. 411, 410].

Идеи эти были не новы. То-то Иванов «пошлый черт» явился к нему в поношенном немодном платье и несвежем белье. «Я вот думал давеча, собираясь к тебе, – сказал он Ивану, – для шутки предстать в виде отставного действительного статского советника, служившего на Кавказе, со звездой Льва и Солнца на фраке, но решительно побоялся, потому ты избил бы меня только за то, как я смел прицепить на фрак Льва и Солнце, а не прицепил по крайней мере Полярную звезду али Сириуса» [15, с. 81–82]. Намеки черта прозрачны, символика расшифровывается легко при знании масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской философии.

Солнце, поднимающееся из-за спины льва, было символом власти. В астрологии

Солнце – это жизнь, живучесть, сердце и его устремления. Есть у этого образа и другое значение. У христиан Солнце – символ Бога Отца и Сына Иисуса Христа – «Солнца праведности», атрибут персонифицированной Истины, поскольку в его свете всё становится ясным. Лев в средние века был символом воскресения, атрибутом святых. Какое из значений могло не понравиться Ивану? Почему ему ближе пятилучевая Полярная звезда, которая «не знает захода», или почитаемый в Египте Сириус, связанный с культом Тота?

Ивану Карамазову, как и черту его, не дает покоя «секрет», ради раскрытия которого они готовы пройти квадриллион верст. Секрет как умышленная, спрятанная правда. Не тайна Божия, перед которой смирился Иов. Не тайна, которая перед всеми, но открывается святым. «Ведь я знаю, тут есть секрет, но секрет мне ни за что не хотят открыть, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись в чем дело, рявкну “осанну”, и исчезнет необходимый минус и начнется во всем мире благоразумие, а с ним, разумеется, и конец всему, даже газетам и журналам, потому что кто же на них тогда станет подписываться, – рассуждает черт-приживальщик. – И вот единственно по долгу службы и по социальному моему положению я принужден был задавить в себе хороший момент и остаться при пакостях» [15, с. 82]. Черт помнит свою литературную прописку у Гете и договор с «богом», согласно которому бесу определена общественно полезная роль побуждать человека к делу. «Фауст» разрывает сознание Ивана, манит его Европа: «дорогие там лежат покойники». А за Европой – Америка. Видимо, верным оказывается предположение Митеньки, что брат его – масон.

Не на пустом месте и не внутри христианского сознания вырастают Ивановы поэмы «Геологический переворот», «Великий инквизитор» и провокационная статья о церковном суде. Именно противоречивость и ложность идей, образующих духовную почву, на которой произрастают ядовитые «цветы зла», делает проблемы, вставшие перед Иваном, неразрешимыми. Особенно болезненной была проблема личного бессмертия и связанная с ней проблема утраты безрелигиозным сознанием нравственных основ. Зосима уделяет Ивану внимание, видя, какой мукой он мучится, и зная, что гордыня его ума «от людей не исцельна». Старец верит в сердце Ивана, «способное такую мукой мучиться», ведь до шести лет его растила верующая мать. Для Ивана в этой встрече важны не столько слова, сколько сам ду-

ховный пример стояния в правде, ясность и просветленность сознания Зосимы, его твердая уверенность в Истине.

«Мы перенесли татарское нашествие, потом двухвековое рабство. Теперь надо свободу перенести. Сумеет ли, не споткнемся ли?» – задавал себе вопрос Достоевский [16, с. 37]. Иван Карамазов переживает трагедию «вольного греха», трагедию «ослепшей свободы». «Нынче именно такое время и настроение в умах, что любят сложное, извилистое, проселочное и себе в каждом пункте противоречащее. Аксиома, вроде дважды два – четыре, покажется парадоксом, а извилистое и противоречивое – истиной», – это из письма к И.С. Аксакову [30/1, с. 232]. А вот ранее Достоевский – Н.Н. Страхову: «...разве ученость есть образование в том смысле, как мы привыкли понимать это слово?» [28/ 2, с. 27]. Многие истины были открыты Достоевскому в юные годы. Например, он писал своему брату Михаилу в августе 1838 г.: «Ужасно видеть человека, у которого во власти непостижимое, человека, который не знает, что делать ему, играет с игрушкой, которая есть – бог!» [28/1, с. 51].

Трагедия героя народной легенды о докторе Фаусте, трагедия героя Гете, Степана Трофимовича, Николая Ставрогина и Ивана Карамазова у Достоевского, как и трагедия Мастера в романе Булгакова, это трагедия богоотступничества. Когда Христос оказывается «вне истины», а «истина – вне Христа».

Булгаковский Мастер, знающий пять языков кроме родного и изучивший всю мировую литературу о Понтии Пилате, тем не менее не знает Христа. Он ищет свои истоки в книге, которую сжигает, чтобы ее тайны не были открыты. Он мечтает о встрече с сатаной, в реальное существование которого ему «приходится верить». Мастеру знакомо имя Воланд, возможно, не только благодаря Гете. Этот герой творит в русле той же духовной традиции, которую условно можно назвать масонской. Мастер в своем романе наделяет Пилата тайными магическими знаниями, якобы полученным по наследству от отца – короля-звездочета Ата. От Пилата ведет он традицию тайных политических убийств, когда ученики мстят за гибель учителя, а предателя закалывают ножом. Мастер образно «расшифровывает» древнюю «рукопись», и работу его принимает Воланд-заказчик. «Секрет», так мучавший Ивана, раскрывается в романе Булгакова: Мастера не берут в свет, он не заслужил света.

«Тот, кого так жаждет видеть выдуманный вами герой, которого вы сами

только что отпустили, прочел ваш роман» [1, с. 798]. Какой может крыться подвох за этой судьбоносной формулой? Кто распорядится посмертной участью Мастера? Тот? Бог мудрости и письма египетской мифологии? «Владыка времени», лунный бог, создатель священных книг и хранитель архивов, великий заклинатель и врач, взвешивающий сердца на суде Осириса и погребаящий усопших?

Расставаясь с земной жизнью, Мастер должен «передать духа», оставить после себя ученика. Двусмысленно звучит его высокомерное, ироничное замечание: «Ну вы, конечно, человек девственный», – тут гость опять извинился <...> [1, с. 551]. В инициации Ивана Поньрева-Бездомного участвует ставшая ведьмой Маргарита:

– Какая красивая, – без зависти, но с грустью и с каким-то тихим умилением проговорил Иван, – вишь ты, как у вас всё хорошо вышло. А вот у меня не так, – тут он подумал и задумчиво прибавил: – А впрочем, может быть, и так...

– Так, так, – прошептала Маргарита и совсем склонилась к лежащему, – вот я вас поцелую в лоб, и всё у вас будет так, как надо... в этом вы уж мне поверьте, я всё уже видела, всё знаю.

Лежащий юноша охватил ее шею руками, и она поцеловала его.

– Прощай, ученик, – чуть слышно сказал мастер и стал таять в воздухе. Он исчез, с ним вместе исчезла и Маргарита. Балконная решетка закрылась.

Иванушка впал в беспамятство. Он сел на постели, оглянулся тревожно, даже простонал, заговорил сам с собой, поднялся [1, с. 790]. Так от Иоганна Фауста, через Ивана Карамазова Мастера эстафета перешла к Ивану Бездомному, «излечившемуся» от шизофрении, но не освободившемуся от мучительных «галлюцинаций».

Булгаков подхватывает и смело обнажает прием, вводя фантастическое предположение и облекая мистическую реальность культурно-исторической «реинкарнации» Фауста, Маргариты и Мефистофеля в сказочное пространство прямого дописывания, продолжения фаустианы в московской действительности XX века. Поступая откровенно и сознательно, Булгаков актуализирует, проявляет более ярко и выпукло фаустиану Достоевского, завершая ее «изумляющей полнотой перевоплощения», «перевоплощения почти совершенного». В результате развитие этого собирательного «героя» образует сквозной метатекстовый сюжет его грехопадения, поисков, проб и ошибок, встреч со своей Маргаритой, бесед со своим спутником: Мефистофелем, чертом, Воландом. Эта

многоактная драма пробуждающегося самосознания и попыток свободного самоопределения всякий раз завершается возвращением героя.

Удивительно проницаемыми оказываются миры Гете, Достоевского, Булгакова. Герой-предшественник пытается прозреть судьбу своего «потомка», оставляет ему в наследство и свои неразрешенные вопросы, и груз совершенных ошибок. «Наследник» внимает каждому будто лично к нему обращенному слову и подхватывает на полуслове прерванный разговор.

Фауст Гете, по верному замечанию С.Н. Булгакова, завещал Ивану Карамазову идею прогресса, но «чем кончает одно поколение, тем начинается другое. И то, что для одного поколения представляет кровью добытый результат, для другого, с этого пункта начинающего, образует проблему; таким образом, завещание Фауста является проблемой для Карамазова» именно «в смысле нравственного мирозерцания» [2, с. 41]. Кричать «осанна!» Иван не желает, он не может сердцем своим принять связанное с идеей прогресса «это чертово добро и зло». Мастер у Булгакова – свидетель крупномасштабного социального эксперимента. Эксперимента, когда дело и мысль не опираются на Слово, но враждуют с Ним.

Дьявол не способен ни «творить добро», ни «делать добро». Это смутно чувствует Иван и хорошо понимают Достоевский и Михаил Булгаков. Сын профессора богословия самостоятельно переводит слова Мефистофеля, не удовлетворяясь переводами Холодковского и Пастернака. «...Так кто ж ты наконец?» – «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Понимание «блага» всегда субъективно и зависит от личности, от ее свободного выбора и ценностных предпочтений. Мефистофель соблазняет Фауста призрачными материальными дарами и утехами плоти. Материальное благо дается Фаусту лишь в обмен на бессмертную душу, но прежде – девальвация духовных ценностей, до ницшеанского: «Бог умер».

Фауст начинает с ревизии евангельского свидетельства и заменяет «в начале было Слово» на «в начале было дело», «в начале была мысль». Гете в «Прологе на небесах» возвращает нас в дохристианские времена, что вносит путаницу в сознание впечатлительного читателя, принимающего шутку «Великого Гете» за новое откровение о Боге и мире. И Степан Трофимович, и Иван Карамазов, похоже, приняли фантазии Гете слишком всерьез, не обратив внимания на ироничный «Пролог в театре».

Здесь будет уместно вернуться к очерку «Пушкин», где «уродливостям внешне усвоенных идей и форм», героям-пародиям противопоставлены «типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей». Такова пушкинская Татьяна, «уберегшая себя от наносной лжи». Не таковы, добавим от себя, Степан Трофимович и его ученик Николай Ставрогин, превратившиеся в фигуры трагикомические.

Воображение Ивана, вероятно, было потрясено аморализмом героя Гете. В тылу у Фауста убитая дочь-младенец, обманутая, сошедшая с ума, но всё простившая и прощенная мать и убийца этого ребенка, готовая вновь обнять своего преступно легкомысленного любовника. Прогресс оплачен жизнями стариков, кровью обманутых и ограбленных жертв. Не эта ли цена за «входной билет» Ивану представляется слишком высокой? Не поэтому ли чьи-то детские слезы так мучают Ивана Карамазова? Какого ребеночка оплакивает Мария Трофимовна Лебядкина? Вячеслав Иванов сравнивает этот образ с гетевской Гретхен. Кому готов «вернуть билет» Иван Карамазов? Чьего мира он не принимает? Он не хочет, чтобы «страдали больше». Иван хочет видеть здесь, на земле, «своими глазами» торжество любви. Это качество его сердца высоко оценил старец Зосима. Вглядываясь в историческую перспективу, Иван расщепляется в рефлексии: с кем дальше? С Богом или с дьяволом?

Ивану, как теоретику и идеологу, Достоевский отводит особую роль, не случайно он как бы соединяет в себе Фауста и Мефистофеля, вырастает до образа масштабного и символического и знаменует собой критический этап в становлении самосознания русского человека. Иван не бросается с крыла храма в надежде, что ангелы подхватят его. Это путь черно книжника Фауста и Николая Ставрогина. Однако мысль, что «все позволено», делает его причастным к уголовному преступлению. Путь этот может привести к растлению сердца и к полной невозможности покаяния и возрождения, что и случилось со Свидригайловым и Ставрогиным. Последняя ступень падения – маркиз де Сад, растление детей, антропофагия. Фагот в романе Булгакова – имя не родственное ли греческому слову «phagos» – «пожирающий»?

Занимают Ивана Карамазова иные проблемы: искушение хлебами и властью. В поэме Ивана народ отрекается от Христа и свободы ради материальных благ, а Инквизитор предаёт Бога ради своей политической и духовной власти над народом. Те

же проблемы будет решать булгаковский Мастер, осмысливая трагедию реальных исторических лиц. Каифа и Пилат, подобно Великому Инквизитору, избирают власть. В романе «Мастер и Маргарита» Берлиоз прямо подражает Инквизитору, воплощая пророчество Ивана Карамазова в своем МАССОЛИТе. Персонажи булгаковского романа перешагнули через кровь, которая по пророчеству «подпольного» героя «рекою льется, да ещё развеселым таким образом, точно шампанское». Рюхины и Бездомные отреклись от Христа. Их место в психиатрической больнице. Шизофрения, как и было сказано.

Мастер продолжает линию не только Ивана Карамазова, но и Степана Трофимовича Верховенского, прославлявшего на смертном одре «вечную Великую Мысль» и мечтавшего проповедовать Евангелие, исправляя в устном изложении «ошибки этой замечательной книги». Берлиоз, Иван Бездомный, Мастер и сам Воланд займутся в романе Булгакова исполнением воли покойного Степана Трофимовича. Умирая, этот инфантильный ребенок, духовный младенец, Гомункул, колба которого оказывается разбитой, находит в себе мужество и мудрость избрать большую дорогу, предпочесть ее спокойной сытости и самодовольной лжи, призрачным материальным благам, погоня за которыми превращает людей в свиное стадо.

Достоевский и Булгаков в этом «интеркультурном», «интерконфессиональном диалоге» с Гете – единомышленники. Основной постулат их веры: Бог есть Истина, Добро и Любовь. Напрасно Мефистофель и Воланд выворачивают наизнанку идею Блаженного Августина о соотношении добра и зла. Ни Достоевский, ни Булгаков не смешивали понятий и не путались в них. Но читатели вместе с героями их романов должны пройти «сквозь горнило сомнений», их вера должна быть испытана. И если даже им будут доказывать математически, что «истина вне Христа», они любовью своего сердца выберут Его, что и сделал Мастер.

«Не как мальчик» веровал Достоевский. Достаточно сослаться на суждения митрополита Антония (Храповицкого) и Иоанна Шаховского, показавших в своих работах глубину выстраданных им богословских идей. Молодым героям предстоит повзрослеть. «Раннему человеколюбцу» Алеше Карамазову много пострадать и много перенести прежде, чем он вновь вернется в монастырь. Ивану Бездомному – обрести свое имя, дом, верную спутницу жизни, стать профессором. Мастеру-Фаусту вновь повстречать свою Маргариту,

которой он в поэме Гете клялся в верности «навечно без конца».

Эта «третья жизнь» Фауста, «трижды романтического Мастера», завершается в пасхальную ночь возвращением его в родительский дом на кровать своих предков. О том, что этот финал не слишком оптимистичен, говорит Андрей Кураев: покой без света – это могила, а вечность с женой-ведьмой – наказание. Вспоминается свидригайловская баня с пауками, скалы и ущелья кантона Ури, «самоликвидация» загнавших себя в угол героев. Вспоминаются горькие и страшные в своей безысходности слова Степана Трофимовича Верховенского: «...и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам и дорога, потому что нас только на это ведь и хватит» [10, с. 499]. Фауста-Ставрогина хватило на большее. Он пишет покаянное письмо, делает попытку объясниться со старцем Тихоном, избежать неотвратимой расплаты, наконец, избирает самоубийство как «меньшее из зол». Смерть для него становится единственным надежным укрытием от сетей Петра Верховенского. В заслугу Николаю Ставрогину можно поставить его отказ сознательно служить злу. Неучастие как акт сопротивления активному злу характеризует и нравственную позицию Мастера в романе Булгакова.

Воланд в романе Булгакова – это уже не золотушный бесенок из неудавшихся, не приживальщик, но Хозяин, вышвыривающий из дома неприятных ему жильцов. Иван Карамазов перепирался с чертом, уличая его в плагиате. Мастер даже не пытается этого делать, хотя при встрече с Сатаной секрет «соавторства» с духом лжи и зла мог ему открыться. За эту встречу с Сатаной Мастер отдал последнее, чем он обладал, – ключи – возможность общения и свободы. Зачем искал этой встречи Мастер? Что открылось ему при встрече? Он решительно отказывается от продолжения своего писательского дела. В контексте фаустианы его решительный отказ может быть истолкован как разрыв контракта с силами зла и нежелание сотрудничать с Сатаной, т. е. как моральная победа. Даже духовно незрелая любовь Мастера ко Христу, воплотившаяся в романе о Пилате, способна, как оказалось, приносить «сюрпризы» «пострадавшему за веру».

На латыни «faustus» означает «счастье, благополучие, благоденствие». Наш герой Мастер в своих перевоплощениях утратил христианское имя Иоанн, для Маргариты он был Генрихом, Ивану Бездомному заявил, что у него больше нет имени и ему

некуда идти. Его судьба – закончить свою жизнь в психолечебнице. Но Маргарита не оставила своего любовника, которому нечего предъявить, кроме связки ключей. Когда-то Генрих с подобной связкой ключей отпирал тюремные двери, пытаясь освободить возлюбленную. Гретхен осталась тверда, она среди «кающихся», и надежда умирающего Фауста связана именно с ней. В романах Достоевского последняя надежда погибающих Фаустов – женская любовь. Свидригайлова могла возродить к жизни только Дуня, Раскольников спасает любовь Сонечки, Ставрогин умоляет не оставлять его Лизу, Степан Трофимович оживает душой, согретый участием женщин и их христианской любовью.

Эмансипированная Маргарита Николаевна легкомысленна, по ее собственному признанию, но решительна и сильна. Это, согласно типологии характеров у Достоевского, «хищный тип – женский». Жертвует она собою или «ищет своего»? Она наслаждается полетом, радуется возвращенной молодости, наконец говорит Мастеру: «Тебе слишком много пришлось думать, и теперь буду думать я за тебя!» [с. 781]. В поэме Гете Мефистофель принимал женский облик, Гейне изображал сатану в балетном либретто в женском облике – в образе Мефистофеля. У Булгакова Маргарита – Фауст, Фаустиана. Она оплачивает «все счета» и становится путешественницей к «вечному дому». По ее требованию «всё стало, как было». Разоблачены ли все обманы? Закрыты ли все счета? Стало ли, как было? Бесспорно одно: в романе Булгакова звучит гимн вечной и верной любви.

Мастер и Маргарита – вот булгаковская формула счастья, их самоотверженная любовь – залог спасения. Фаустиана-Маргарита служит Воланду и в награду требует, «чтобы всё стало, как было». Время обращается вспять к мгновению их встречи под цветущими вишнями. В уставшем и больном Мастере воскресает сокровенный Иоанн Фауст – историческая личность, еще не утратившая свои онтологические корни, не продавшая душу дьяволу, «истины лучом» озаренная. Знакомый незнакомец, осознавший великую ответственность человека за судьбы мира. Не эта ли идея вдохновляла автора романа о Пилате? Не эта ли идея воплощена в «Сне смешного человека»? Мысль особенно дорогая Зосиме и имеющая только исповедальный вариант: я за всех и за всё виноват. Думается, именно в этом контексте обретают заложенный автором смысл два прощения: Маргаритой – Фриды, а Мастером – Пилата.

Ответственность личности за судьбы мира – мысль общая для Достоевского и Булгакова, мысль христианская. Умирающий Степан Трофимович Верховенский не смог дорасти до нее и выразить ее в полноте. Попытка самооправдания мешает раскаянию перерасти в покаяние: «О, простим, простим, прежде всего простим всем и всегда... Будем надеяться, что и нам простят. Да, потому что все и каждый один перед другим виноваты. Все виноваты!» [10, с. 491]. Под другой идеей, более совершенной и удачно высказанной этим героем, могли бы подписаться как Достоевский, так и Булгаков: «И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил его и обрадовался любви моей – возможно ли, чтобы он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть бог, то и я бессмертен!» [10, с. 505].

«Достоевский совершает в области религиозной метафизики человека подлинное открытие: он находит, что достоинство человека и благоговейное отношение к человеческой личности, как образу Божию, определяется непосредственно совсем не умственным или нравственным его совершенством (как бы важно оно ни было), а именно самой глубинностью, онтологической значительностью его существования. Достоевский открывает в человеке некий первозданный пласт, некую первооснову, которая лежит глубже всего различия между добром и злом, и проповедует почитание именно этой первоосновы, в которой и состоит существо личности. Всякое зло у Достоевского имеет духовное происхождение, есть искаженное и из-

вращенное выражение потребности человека защитить достоинство и права своего существа. Поэтому и самый закоренелый негодяй всё же есть человек и в этом своем качестве заслуживает уважения. И вместе с тем это отношение ни в малейшей мере не колеблет понятия нравственной вины», – так писал в 1931 г. С.Л. Франк [6, с. 359, 360]. Его юбилейная статья, опубликованная в Париже, могла быть известна Михаилу Булгакову. В ней духовно-нравственная проблематика романов Достоевского актуализирована современным культурно-политическим контекстом. Франк помогает нам услышать булгаковскую мысль, как-то объяснить ту сложность и неоднозначность оценки автором своих героев. «Милосердия! Милосердия!» – к преступившим и падшим, обманутым и страдающим, опустошенным и уставшим, слепым и несчастным – блудным детям, возвращающимся в родительский дом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Булгаков М. А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита : романы. Л., 1978.
- [2] Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1993.
- [3] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. В скобках указываются том и страницы.
- [4] Мишеев Н. И. Русский Фауст: Опыт сравнительного выяснения основного художественного типа в произведениях Достоевского // Рус. филол. вестн. 1905. № 2, 3; 1906. № 3–4; 1907. № 1.
- [5] Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Минск, 2006.
- [6] Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
- [7] Эккерман И. П. Разговоры с Гете. М., 1981.

«ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» И «СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ОСНОВА РУССКОЙ ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКИ*

Анализ текстов Ф.М. Достоевского, в которых отражена жизнь Омского острога с его потребностями и взаимоотношениями, позволяет автору статьи показать лингвистическую составляющую криминальной субкультуры в середине XIX в.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, криминальная субкультура, условный язык, Омский острог, каторга, «закрытая мужская культура», речь города.

Термин *лингвокриминалистика* имеет три значения: 1) раздел науки о языке, изучающий текст в юридических целях, 2) раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз, 3) раздел науки о языке, изучающий социолингвистические аспекты криминальной субкультуры. В данной работе основной упор делается на последнее понимание.

Данное направление начинает складываться еще в XIX в. Одним из первых, кто обратился к криминальной сфере, был Ф.М. Достоевский: в своих работах «Записки из Мертвого дома» (начало публикации 1860 г.) и «Сибирская тетрадь» отразил быт омских каторжников.

«Записки» были приняты читателями и критикой восторженно. Это было связано с тем, что о каторге ходили до того времени лишь темные слухи. «Сибирская тетрадь» – одна из дошедших записных книжек писателя периода каторги, своеобразным конспектом увиденного. А в «Записках из Мертвого дома» отражаются «непосредственное наблюдение», «видение изнутри» пространства острога. Можно говорить о «достоверности» описания преступлений периода сибирской ссылки писателем. Так, в Статейных списках арестантов, сосланных в Омскую крепость, численность которых колебалась от 148 до 171, имеется ряд лиц, фигурирующих у Ф.М. Достоевского под теми же именами, прототипы других персонажей «Записок» раскрываются с достаточной степенью очевидности по характеру преступлений, национальности, вероисповеданию [1].

Автор писал об «особом мире» каторжных заключенных середины XIX в.: он был *«ни на что не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи...»* [2]. При этом *«против внутренних уставов и принятых обычаев острога никто не смел восставать; все подчинялись, в острог приходили такие, которые уж слишком зарвались... но у нас их тотчас осаживали...»* [3].

Тема преступления важна для автора «Записок»: в них Ф.М. Достоевский пытается осмыслить причины преступлений, показывает человека в наказании. При этом автор «Записок» сделал наблюдение о том, что *«попробуй кто же из каторжных упрекнуть арестанта его преступлением... – ругательством не будет конца»* [4], *«преступник знает притом и не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда... его окончательно не осудит, а большею частью совсем оправдает, лишь бы грех его не был*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта № 11-14-55004а/Т РГНФ.

против своих... Совесть его спокойна...» [5], т. е. отражается «внутренняя мера» преступления.

Автор «Записок» неоднократно отмечает, что «*подавание религиозно делится арестантами поровну*» [6], что говорит об обостренном чувстве справедливости. Однако «*всякий каторжник чувствует, что он не у себя дома, а как будто в гостях*» [7]. При этом отмечается, что «*арестанты большие мечтатели*» [8]. В случае выражения протеста в стенах острога его причина Ф.М. Достоевским определяется, как «*тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе, желание заявить себя*» [9], что показывает наличие чувства собственного достоинства у осужденных.

Важное место для заключенных занимает понимание собственной роли в окружающем мире. Главная оппозиция в сознании обитателей мертвого дома: *острог – внешний (вольный) мир, свободный человек – несвободный человек* (заключенный, каторжный). Затем можно говорить о наличии оппозиции *свой – чужой*: по совершенному преступлению (*уголовный-политический*), по вероисповеданию (*православный – старообрядец, католик и т. п.*), по социальному положению (*баре – простолюдины*), по национальности (*русский – сибиряк солёные уши, хохлы, полячок, калмыки, цыган*) и т. п. В тексте проявляется оппозиция сильный – слабый (*большой вор – (совр. «вор в законе») – неполноценный, шестерка, атаман разбойников – разбойники* и т. п.). Также в ряде ситуаций удается проследить расслоение заключенных, например, при кутеже, кураже и т. п. Для арестанта самой главной целью была свобода или мечта о ней. На основе прочитанных текстов нельзя утверждать, что проявляется гендерная оппозиция, т. е. мировосприятие является женофобным (что просматривается и в современном воровском мире (М.А. Грачев)) [10]: женщины занимают мало места (это «причины» преступлений, а также *калашницы, суфлеры* («потаскуха, арестантская любовь» [11])). Вероятно, это связано с отношением к женщине в XIX в., превалированием «мужской культуры» в обществе и подчиненном положении женщины. Можно говорить, что в целом описывается «мужское» замкнутое пространство.

Основной обязанностью заключенных была каторжная работа как вид наказания, предусматривающий использование труда заключенных (с 1715 г.). При этом «*на работу смотрели с ненавистью*

...арестант отработывал свой урок или отбывал законные часы работы и шел в острог» [12]. Ее трудность заключалась в том, что она – «*принужденная, обязательная, из-под палки*» [13]. Однако для себя все трудились, быстро обучаясь тому или иному ремеслу. Кто не мог трудиться, тот находил себе какое-либо занятие. Это могла быть контрабанда вина, воровство и т. п. (*Вообще все воровали друг у друга ужасно* [14]). Это было связано с добычей денег, которые имели в остроге «*страшное значение*», «*к деньгам арестант жаден до судорог, омрачения рассудка*», с ними он «*может накутить, набуянить, разобидеть кого-нибудь в прах и доказать ему, что он всё может*» [15]. Вероятно, их наличие можно было воспринимать как частичку свободы. В тексте также упоминаются и острожные развлечения: это карточные игры (*майдан, бостон, горка, три листа* и т. п.), винопитие, кутеж, табакокурение, сквернословие и т. п.

Текст «Записок» из Мертвого дома не пересыпан *воровскими словами*, что говорит о том, что воровское мировоззрение не является довлеющим. В нем имеют отражение единицы как из официальных документов, так и «острожного» лексикона. Так, встречаются такие виды сибирской ссылок, как «*отдаленнейшие места*» (Восточная Сибирь) и «*места, не столь отдаленные*» (Сибирь и Закавказье) (Устав о ссыльных 1822 г.), *ссылнокаторжный первого или второго разряда*. Преступники *гражданского ведомства* подразделялись на «*срочных*», *всегдашних* и «*бродяг*», *заключенные военного ведомства* – также на «*срочных*», «*всегдашних*» и «*особого отделения*», последние были «*особым разрядом самых страшных преступников*». Были здесь «*убийцы невзначай и убийцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойников. Были просто мазурики и бродяги – промышленники по находным деньгам или по столовской части*» [16], «*все они собрались сюда не по своей воле*» [17]. Причины попадания в острог у «непрофессиональных заключенных» были различные, чаще всего преступление оставалось «внутри» каждого.

Анализ употребляемых языковых единиц в «Записках» показал, что речь обитателей острога представлена сухо: описываются большей частью бытовые реалии: баня (*каторжная, публичная (номерная, простонародная)* и т. п.), одежда (*платье и белье, чулки, панталоны, туфли, малахай, тулуп* и т. п.), «казенная» и «своя» еда (*провиант*) (*сбитень 'горячий напиток, из подожденного меда с пряностями'*

[18], блины, ватрушки, калачи, сдобные печения, пряженники, хлеб, шаньги, зажаренный поросенок или гусь, каша, каша просяная, масло, рыба, сметана, сыр, щи, чай с сахаром и т. п.), предметы быта (ведро с водой, ковш, корзинка, латка (с рыбой) 'глиняная сковорода, поддон' [19], нож, острый английский нож, складной туюфячок, стакан, ушат, чайник, чашка вина, мыло и мочалка, шайка, трубочка и кисет с табаком, занавесь, суконное одеяло и т. п.), профессии (баשמачник, доктор, золотильщик, инженерный нижний чин, инженерный офицер, кашевар, кондуктор, лекарь, маляр, повар, сапожник, столяр, фельдшер, часовщик, ювелир и т. п.) и т. п. При описании поляка М-цкого (Александра Мирецкого) в «Записках» отмечается, что он был особенно нелюбим плац-майором, который постоянно назначал его *парашиником* (это «был один арестант, выбранный артелью, для прислуги в казарме... он не ходил на работу... его занятие состояло в наблюдении за чистотой казармы, в мытье и скоблении нар и полов, в приносе и выносе ночного ушата и в доставлении свежей воды в два ведра...» [20]). (Ср. современное *параша* 'посудина для испражнений в камере, помойное ведро').

Народная разговорная речь остается за границами «Записок из Мертвого дома». При этом отмечается, что «*ругались они утонченно, художественно, ругательство возведено было у них в науку*» [21] и т. п. В свою очередь, «Сибирская тетрадь» является едва ли не первой подлинной фиксацией народного слова в тюрьме. Точность фольклорно-языкового материала не подлежит сомнению. Само по себе появление острожного жаргона представляло одну из форм защиты арестантами своей внутренней жизни и своих интересов от приставников, смотрителей и надзирателей. По мнению специалистов, некоторые из записанных Ф.М. Достоевским выражений и слов острожного жаргона явились первой и единственной их фиксацией и были использованы впоследствии авторами словарей тюремного жаргона. Можно назвать такие единицы, как *варнак* ~ *сильнокаторжный* 'каторжанин (ссылнокаторжный)' (См. также Словарь В.И. Даля. 1863–1866. Т. 1. С. 168), *жулик* 'нож' (См. также: [29, с. 34]), *мазурики* 'воры, нечистые на руку люди' (отмечено в «блатной музыке» В.И. Даля), *огорошить* 'удивить', *мешок* 'здание, предназначенное для содержания лиц, лишенных свободы' (См. также: [29, с. 40]), *околпачить* 'обмануть', *по*

находным деньгам, по столовской части 'кража со взломом', *четушка* 'любая печатать', *поставить, четушку* (См. также: [29, с. 65]), числа *полняк, пятитка, третка, чеква* (в других словарях нет) и т. п. Также в «Сибирской тетради» отмечены единицы, отражающие тюремный быт: *пошел служить генералу Кукушкину, махни – драло сделал, переменить участь* 'совершить побег', *крыночная блудница* 'прозвище тех, кто попал в Сибирь за пустяковую вину', *железные носы* 'политические преступники из дворян' (иначе: *железюкюи*), *язевый лоб* 'клейменный' (по Уложению 1845 г., сосланным в каторжные работы, за исключением лиц из привилегированных сословий, ставили клейма на лбу и на щеках), *В брюхе у них Иван таскун да Марья Еготишина* 'арестантская болезнь, зависящая от дурной и преимущественно сухой, без приправы, пищи', *Иван Таскун* 'желудочная болезнь с более сильными и острыми припадками' и т. п. [22].

Описание криминального мира «изнутри» повлияло на восприятие обществом вопроса о каторжных тюрьмах. В результате сами «Записки» и отклики на книгу сыграли положительную роль в подготовке судебной реформы 1864 г., а также во многом определили «новое отношение» к народу и условиям его существования. Появление в печати «Записок» также вызвало появление как художественных произведений (Крестовский В. «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных». Т. I–IV. 1867), так и ряда документальных, очерковых, этнографических произведений, посвященных царской каторге второй половины XIX в. Так, Н.М. Ядринцев, проведший два года в омском остроге, опубликовал работу «Русская община в тюрьме и ссылке» (СПб., 1872), П.Ф. Якубович «В мире отверженных» (Т. I–II, 1894), А.П. Чехов «Остров Сахалин» (1895) и др.

«Записки» имели отклик и среди криминалистов. Так, А.Ф. Кони в 1881 г. высоко оценил труд Ф.М. Достоевского как писателя-криминалиста, глубокого знатока преступной души. П.И. Ковалевский в работе «Психология преступника по русской литературе о каторге» (1900), В. Чиж в статье «Достоевский как криминолог» (1901), взяв за основу «Записки», пытались обосновать свои выводы о прирожденной преступности.

В результате активной разработки темы преступного мира появился интерес к его речи, хотя первая фиксация арготизмов наблюдается в «Сравнительном слова-

ре» П.С. Палласа (1787–1789 гг. (1-е изд.), 1790–1791 гг. (2-е изд., 280 слов)), а также в книге «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов, сочиненных М[атвеем] К[омаровым] в Москве 1775 года» (СПб., 1779). В «Толковом словаре живого великорусского языка» представлено около трехсот единиц из криминальной сферы. Однако активизация изучения речи преступников наблюдается после выхода «Записок из Мертвого дома».

В результате конец XIX – начало XX в. характеризуется выходом серии различных словарей: «Словарь жаргона преступников, составленный начальником Петербургской сыскной полиции И.Д. Путиным и опубликованный для внутреннего пользования в 1897 г.» («Условный язык Петербургских мошенников, известный под именем «Музыки» или «Байкового языка» (1897)), С.В. Максимов «Сибирь и каторга» (СПб., 1871), И.А. Авдеев (Ванька Бец) «Босяцкий словарь. Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босяками. Сост. по разным источникам» (Одесса, 1903), В.Ф. Трахтенберг «Блатная музыка (Жаргон тюрьмы)» (СПб., 1908), В. Лебедев «Словарь воровского языка» (Вестник полиции. 1909. №12–14), В.М. Попов «Словарь воровского и арестантского языка» (Киев, 1912) и др. Определенный интерес представляют тетради «Исследование жаргона» П.П. Ильина, хранящиеся в библиотеке АН России (г. Санкт-Петербург), в которых отражены арготизмы, сказки, блатные песни и поговорки преступного мира (1906–1912 гг., Александровская каторжная тюрьма Иркутской губернии).

В литературе отмечается, что сложившаяся еще во второй половине XIX в. четкая иерархическая система уголовников претерпела сильные изменения после 1917 г. В конце 20-х – начале 30-х гг. происходит реорганизация преступного мира по ряду причин. В это же время оформляется свод правил «воров в законе» [24] (хотя понятие «большой вор» отмечено в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского).

В первой половине XX в. Д.С. Лихачевым написана работа на основе материала, собранного «изнутри» на строительстве советскими заключенными Беломоро-Балтийского канала (Беломорстрой): «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [23]. Основным является определение среды воров-профессиона-

лов. Выделяется мировоззренческая оппозиция половинок мира: «своя» (воровская) – «злая» («фраерская»). Здесь сделана попытка выделить общую картину воровской речи, дать ее типологическую характеристику. Слова также делятся на «свои» и «не свои». При анализе речевого материала учитываются и тип мышления, и особенности коммуникации, и лингвистические показатели единиц «блатной музыки» («акцента»), а также отмечается специфика мужской и женской речи в данной речевой среде и т. п.

Затем (начиная с 30-х гг. и кончая 60-ми гг.) криминальная сфера и ее речь практически не изучалась по ряду причин. Затем на волне интереса в разговорной речи в последней трети XX в. М.А. Грачев изучает криминальную сферу с исторической точки зрения, а также рассматривает ее современное состояние. Он выделяет и характеризует такие понятия, как «менталитет арготирующей личности», «представления об окружающей действительности», «философская сторона арга», «философия арга», «мораль уголовного мира» и т. п. [24; 25].

Значительное место в изучении криминальной сферы в XX в. занимает вопрос о возникновении данной субкультуры и ее языковой реализации – «условного языка» («воровского арга»). Вероятно, преступная речь как обособленный социальный тип возникает одновременно с появлением преступности в России и развивается параллельно с ее ростом (Б.А. Ларин) [26].

В литературе существуют различные точки зрения на происхождение криминальной сферы и ее речи. Отмечается, что существовало русское арга еще в IX–X вв. В это время по свидетельству историка В.Соловьева появляются хорошо организованные шайки лесных разбойников, конокрадов. Лингвист Е.М. Галкина-Федорук писала, что тайный язык появился в конце XVI – начале XVII в. в результате формирования в бассейне рек Волга и Дон поселений беглых крестьян. Это были места обитания волжских разбойников, лесных грабителей (1954) [27]. Отмечается, что наблюдается определенная их специализация: это *речные* (в т. ч. волжские) разбойники (пираты), *лесные грабители*, *городские воры* и *скупщики краденого*. При этом в каждой местности, в каждом территориальном диалекте существовало свое арга [28], т. е. можно говорить об определенной географической вариативности речи преступников. В литературе также отмечается, что существовало несколько центров русской преступ-

ности: у волжских разбойников – в Поволжье, у ушкуйников – в Новгороде Великом, у воровских казаков – в бассейнах рек Яика (Урала), Дона и т. п. По мнению исследователей, наиболее полно сохранилось аргó волжских разбойников. Автор словаря «Блатная музыка (Жаргон тюрьмы)» (1908), В.Ф. Трахтенберг, считал, что воровское аргó произошло от офенских условных обозначений, которые были обнаружены им в рукописях XVII в. [29] и принадлежали офеням – бродячим торговцам.

Согласно другой точке зрения, социально ограниченная речь возникает в торговых городах. Так, Р.Шор предполагала, что речь преступного мира начинает складываться в период накопления денежного и торгового капитала: в России это XVIII в. (1921) [30]. М.А. Грачев отмечает, что профессиональная преступность возникает вместе с ростом городов, которые стали прибежищем воров и преступников. В них также появляются различные цеха ремесленников, организации торговых людей и прочие объединения, а преступное братство также имело свои цеха [31]. Существующие объединения должны были иметь свою языковую реализацию. Это связывалось с появлением регулярной государственной полиции (с 1703 г.), а также с качественными и количественными изменениями в структуре деклассированного населения. В это же время начинают формироваться воровские «законы». Также в научной литературе отмечается, что в России воровское аргó складывается во второй половине XIX в., так как после реформы 1861 г. качественно изменяется структура преступного мира. Его речь впитывала в себя элементы распадающихся «старших» профессиональных и социальных языков (диалектов, говоров).

Со временем, по мнению ученых, сложился т. н. «универсальный условный язык» преступников, а также получили развитие и его различные виды (аргó той или иной преступной «масти»). Необходимо помнить, что в различных регионах одной страны условный язык в зависимости от ряда показателей (целей, условий, носителей и т. п.) может называться по-разному. Со временем возникла определенная типология русской воровской речи: *жаргон нищих, картников (картежников), карманных воров, домушников, воров антиквариата* и т. п. Можно назвать также такое образование, как «*кантюжный язык*» – плутовской жаргон уличных торговцев, перекупщиков. Отме-

чается еще одна разновидность речи преступников: *воровское аргó в местах ссылок* (Л.И. Скворцов). У этих типов преступной речи разная история существования. В столице он утвердился под именем «блатной музыки» или «фени». Так, В.И. Даль писал, что «*блатная музыка*» была разработана преимущественно столичными *мазуриками, жуликами, ворами, карманниками*. Со временем наблюдаются изменения в функционировании криминальной речи. При этом М.А. Грачев отмечает, что «современные преступники различают... «старую и новую феню» [32]. При этом подчеркивается, что «основной костяк арготизмов довольно устойчив. Вот факты: из 3 000 арготизмов XVI–XIX вв. около пятисот имеются в современном аргó. Причем есть такие слова, которые пришли из аргó волжских разбойников XVI–XVIII вв. Любопытно, что аргó воров-карманников почти не изменилось от начала XX в. до 1993 г.» [33].

На основе собранного материала создан ряд словарей: «Словарь блатного жаргона в СССР» (Нью-Йорк, 1982), «Собрание русских воровских словарей»: в 4 т. (Нью-Йорк, 1983), «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)» (1992), М.А. Грачев «Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь арготизмов» (1992), В.И. Полубинский «Блатяки и феня: словарь преступного жаргона» (1997), М.А. Грачев «Толковый словарь русского жаргона» (2006) и др. Существует энциклопедия преступного мира: Лев Мильяненко «По ту сторону закона» (1992).

В современных условиях пытаются собирать и описывать как юристы, так и лингвисты, которые приходят к выводу о том, что наблюдается «сохранение» самого «преступного мира» и (как результат) различных видов воровского аргó, а также происходит формирование подтипов речи новых криминогенных групп (например, катал, кидал, «отжимальщиков» сотовых телефонов, угонщиков автомобилей и т. п.).

Одним из аспектов данной темы является изучение единиц из воровского аргó, проникших в разговорную речь жителей города (в т. ч. Омска). Однако существуют противоположные подходы при рассмотрении данного вопроса. Так, М.А. Грачев отмечает, что аргó не могло «рассекретиться», так как оно никогда не было секретным. С другой стороны, специфика условных языков исключает возможность проникновения криминальных элементов в обиходно-бытовую речь. Однако анализ собранного материала пока-

зал, что отдельные элементы воровской речи получают широкое распространение. Причины этого различны. Одним из путей их вхождения в общерусский язык может быть проникновение через диалекты, те или иные профессиональные жаргоны, речь низших слоев города, что не может не отразиться в словарях различного типа. Так, работа над словарем «Язык современного города» (2003) позволила найти единицы в речи жителей современного г. Омска, упоминаемые в «Сибирской тетради» и «Записках» и имеющиеся в их «Комментариях» с пометами «тюремная», «тюремный жаргон», «тюремно-арестантский жаргон», «воровской жаргон» и т. п. Это *варнак*, *варнацкий сын* 'непослушный ребенок, хулиган', *жулик* 'вор', *косушка* 'маленькая бутылка водки', *мазурики* 'воры, нечистые на руку люди', *огорошить* 'удивить', *околпачить* 'обмануть', *пузырь* 'бутылка водки', *фарм* 'удача', *фармит* 'иметь удачу при исполнении того или иного дела' (→ *подфармить*). Из словаря В.И. Даля начала XIX в. употребляются такие единицы, как: *бабки* 'деньги', *клевый* 'хороший', *тырить* 'воровать' и т. п. [34]. Дореволюционные арготизмы могут как сохранять свой «фонетический облик» (*академия* 'тюрьма', *амба* 'безвыходное положение', *базарить* 'разговаривать', *гон-стоп* 'ограбление', *дело* 'преступление', *мокрушник* 'убийца' и т. п.), так и изменить его (*бусой* → *бухой* 'пьяный', *кемать*, *кимарить* → *химать* 'дремать, спать', *клюка* → *крюка* 'церковь' (ср. *клюквенник* 'ворующий иконы', *лопатошник* → *лопатник* 'бумажник' и т. п.). Также могло происходить семантическое изменение значения (*мент* 'тюремный надзиратель' → 'милиционер', *фраер* 'жертва преступления' → 'любой человек, не принадлежащий к преступникам-профессионалам' и т. п.). Из «советских» арготизмов можно назвать такие, как *балабас* 'сало' (→ 'мясо', 'колбаса'), *вор в законе*, *доходчик*, *доходяга* 'истощенный человек в местах лишения свободы', *жир* 'жена изменника родины', *каин законный* 'скупщик краденого', *работать* 'воровать', *шалман* 'притон', *шпана* 'мелкие преступники', *беспредел* 'нарушение законов, принятых правил', *погоняло*, *погремуха*, *рота* 'кличка' и т. п.

Перечисленные единицы расширили сферу своего употребления и используются в обиходно-разговорной сфере в качестве равноправных, неограниченных сферой арга. Можно говорить об определенной сохранности подобных единиц в речи жителей мегаполиса. Подтверждает-

ся положение ученых о том, что из социально обусловленных жаргонов современного русского языка выделяется по числу носителей и по функциональной активности тюремно-лагерный жаргон, «сохраняющий» в себе элементы дореволюционного воровского арга, офенского «языка», территориальных диалектов, иноязычные заимствования и т. п.

Итак, можно говорить, что определенную роль в раскрытии «темы тюрьмы, каторги» в XIX в. сыграл Ф.М. Достоевский, отражая ее «изнутри». Его работы «Сибирская тетрадь» и «Записки из Мертвого дома» (наряду с уже существующими трудами) способствовали усилению интереса к изучению криминальной (в т. ч. тюремной, острожной и т. п.) сферы и ее речи.

Проводя промежуточные итоги, можно отметить, что тема «Криминальный мир», с одной стороны, всё еще остается не до конца раскрытой, хотя она имеет традицию представления, что связано с его постоянным видоизменением. С другой стороны, его речь расширяет сферу своего употребления: его элементы через стадию интержаргона проникают в повседневную речь и там нивелируются, приобретая обиходно-разговорный статус, а также используются в текстах художественных произведений, различных сериалов и т. п. Причины и механизмы подобного перехода до конца не выявлены, что позволяет говорить о том, что данная тема требует своего дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] ЦГВИА. Ф. 312. Оп. 2. №1280, 1815, 1980.
- [2] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 4. С. 9.
- [3] Там же. С. 13.
- [4] Там же.
- [5] Там же. С. 147.
- [6] Там же. С. 19.
- [7] Там же. С. 79.
- [8] Там же. С. 65.
- [9] Там же. С. 67.
- [10] Грачев М. А. Арга и менталитет русских деклассированных элементов // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики : тез. докл. Екатеринбург, 1995. С. 40–41.
- [11] Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 1–3. 3-е изд. СПб., 1900. С. 161; Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка (Жаргон тюрьмы) / под ред. и с предисл. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб. : Тип. А. Г. Розена, 1908. С. 6.
- [12] Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 16.
- [13] Там же. С. 20.
- [14] Там же. С. 18.
- [15] Там же. С. 65, 66.
- [16] Там же. С. 12.
- [17] Там же. С. 13.

- [18] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4. С. 141.
- [19] Там же. Т. 2. С. 240.
- [20] *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. С. 12.
- [21] Там же. С. 22–23.
- [22] *Достоевский Ф. М.* Указ. соч.
- [23] *Лихачев Д. С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.; Л., 1935. Т. 3–4.
- [24] *Грачев М. А.* Аргó и менталитет русских деклассированных элементов // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики : тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995. С. 40–41.
- [25] *Грачев М. А.* Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009.
- [26] *Ларин Б. А.* Западноевропейские элементы русского воровского аргó // Язык и литература. Л., 1931. Т. VII. С. 113–130.
- [27] *Галкина-Федорук Е. М.* Современный русский язык. Лексика : курс лекций. М., 1954.
- [28] *Грачев М. А.* От Ваньки Каина до мафии. СПб., 2005. С. 35.
- [29] *Трахтенберг В. Ф.* Блатная музыка (Жаргон тюрьмы).
- [30] *Шор Р.* Язык и общество. М., 1921.
- [31] *Грачев М. А.* От Ваньки Каина до мафии. СПб., 2005.
- [32] *Грачев М. А.* Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009. С. 171.
- [33] *Грачев М. А.* О конспиративной функции аргó // Речь города : тез. докл. Всерос. межвуз. конф. Омск, 1995. Ч. 2. С. 33–36.
- [34] *Даль В. И.* Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // ВЯ. 1990. № 1. С. 134–137.

«ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ» ПТИЦЫ В КУЛЬТУРЕ ПАЛЕОЛИТА (на примерах материалов Северной Азии)

Освещается поиск стратегии интерпретации орнитоморфного символа палеолитической эпохи. Исследование построено на анализе североазиатского археологического материала с привлечением методической тактики интертекстуализма. Орнитоморфный символ рассматривается в качестве конструкта, порожденного особенностями взаимоотношений между человеком и птицей в контексте повседневности.

Ключевые слова: культура повседневности палеолитической эпохи, интерпретация изобразительного символа, палеолитическое искусство.

Птица – одно из интереснейших существ, без которого сложно представить символосферу культуры. Уже в палеолите данный образ обозначил свое присутствие в пещерных композициях и мобильной пластике. Не одно поколение ученых пытается ответить на вопрос о его содержательности. Чаще всего интерпретация орнитообраза велась через анализ сверхъестественных способностей птицы, которых человек был лишен, к которым стремился приблизиться и приобщиться. Безусловно, они сыграли свою роль в формировании символа, но хотелось бы рассмотреть и те факторы, возможно, более «приземленные», которые также могли (и должны были) участвовать в процессе осимволизации орнитоморфа. С их следами часто встречается археолог, поэтому исследование «повседневного статуса» птицы нужно вести через анализ археологического материала, сопряженного с данной темой. Сразу отметим степень сложности подобной работы. Во-первых, тафономическая потеря тонкой кости орнитоморфов, как и соприродных ей материалов (перо, когти, скорлупа яиц), высока. Упоминания об их полуистлевших фрагментах появляются в отчетах экспедиции благодаря сознательности камеральных сотрудников; на полевых планиграфических картах находок они часто не обозначены. Во-вторых, археолога интересуют остатки именно культуры, а не представителей био- и зоотопов. Но судить о степени «культурности» тафономически неустойчивого материала не всегда оказывается возможным. Вызывающие «подозрение» экземпляры собираются для дополнительных исследований, заключения по ним звучат много позже. В-третьих, велика роль сопутствующих изучению памятника обстоятельств. Не везде работы осуществляются комплексной экспедицией, включающей специалистов-остеологов. Передача собранного остеоматериала в руки соответствующего профиля исследователям по возвращении из экспедиции нередко затягивается. Часто материал оказывается испорченным или исчезает в силу различных причин, уже попав в фонды музеев и институтов [1].

Тенденции обозначенной ситуации меняются медленно. Сообщения последних десятилетий об изделиях из кости палеоорнитофауны, как и о ее присутствии в собранном материале, приобрели регулярный характер, но презентации не всегда сопровождаются подробностями (кость какого именно вида птицы обнаружена, заметны ли следы термического и механического воздействия на нее, топоособенности обнаружения и проч.), на основании которых возможна интерпре-

тация и реконструкция роли птицы в повседневности человека.

Источники, цель и методический характер исследования. Очевидные источники по данной теме – изотексты палеолита – содержательно связаны с магией, мифологией и сакрального плана сюжетами. Не будем с этим спорить, в нашем исследовании они не будут играть заметной роли. Для нас интересны следы «профанного» контакта с птицей. В центр исследования поместим тексты¹ второго плана (то, что нам известно о них из публикаций) – орудия, изделия из кости птицы и скорлупы яиц, материальные фрагменты деятельности палеочеловека, в той или иной мере связанные с птицей. Предложенный источник маневр обеспечит условия для реконструкции искомого нами «поля повседневности», в котором птица могла раскрыть себя с неожиданных для интерпретатора сторон. В различных секторах данного поля: технологическом, тактическом, обрядово-ритуальном (он в равной мере с остальными перечисленными принадлежит повседневности, если речь идет об эпохе первобытности), попытаемся обнаружить птицу в качестве «текстов». Сопоставив их, выделим те, специфика отношений в которых между человеком и птицей оказала очевидное влияние на формирование семантики палеообраза.

Исходя из поставленной цели, особенностей источников и уже звучащей терминологии, необходимо отметить методический характер исследования. Постмодернистская традиция «межтекстовых пересечений» в рамках археологии и ее материала может быть воплощена, на мой взгляд, не иначе как методическая «метафора» или же слабовыраженная аналогия. Археологом-интерпретатором осознается необходимость комплексного подхода к проблеме и понимания контекста, в рамках которого рождается «сообщение». Но культурный и временной разрыв «цитат», природа «реплик», степень закрытости палеотекста для интерпретатора, который может лишь констатировать (и реже анализировать) палимпсестность исследуемого им текста, не позволяют организацию уверенной методической кальки. В данной работе заимствован тезаурус интертекстуализма (в некоторых случаях облегчающий выражение мысли) и разделяется убежденности в апликативности предмета исследования – символ как результат пересечения информационных потоков различных сфер культуры.

Обозначенные особенности исследования предупреждают получение универсальных выводов; предложение новых ва-

риантов видения изобразительного материала также весьма сомнительно. Но вероятность обнаружения общих тенденций в региональном варианте палеокультуры, берущих свои начала в сферах повседневности и формирующих восприятие птицы человеком, полагаю, достаточно высока.

Анализ материалов.

Особенности использования кости орнитоморфов. Разнообразные варианты нехудожественного включения птицы в культуру предлагают коллекции Западной Европы. Например, гравированная композиция из Торро удивляет специалистов не меньше, чем энциклопедически известная гравировка «плывущих оленей» на кости из Ложери-Бас. В самой композиции образ птицы не задействован. Кость птицы стала «полотном» многофигурной гравировки. Безусловно, мастер располагал достаточным их количеством, но было выбрано наименее удобное – величина в диаметре меньше сантиметра [2, s. 31–32]. Кость орла с абстрактной знаковой композицией на поверхности, найденная в долине реки Шаранта, и кость птицы из Вильдшойхоле не отличаются сложностью сюжета, но также привлекают внимание малыми размерами [3, s. 51. Abb. 57; 4, s. 67. Abb. 8]. Возникает ощущение, что в палеолите для западноевропейских мастеров-художников существовало специфическое испытание мастерства «мелкой костью», часто предоставляемой птицей.

Нельзя не вспомнить и о мельчайшем бисере, в большом количестве найденном на различных поселениях, и о флейтах-свирелях, звучавших уже в эпоху мустье, нередко выполненных из кости птицы [5, s. 19–20; 6, p. 474–476; 7, p. 50; 8, s. 137; 9, p. 147; 10; см. также: 11, с. 124, 127–129]. Эстетико-практическое восприятие представителей орнитофауны было настолько развито, что в качестве украшений, амулетов, изделий, необходимых, возможно, в культовой практике, употреблялись и другие, соприродные кости материалы, например, когти и перья [12, p. 129; 13, s. 91; 14, p. 70; 15, p. 967].

Кость птицы находила себе применение и в различных сферах хозяйственной деятельности человека палеолита. Её использовали для создания мельчайших орудий труда – иголок и игольниц [16, s. 178–180; 17, p. 149. Fig. 122].

«Проникновение» пернатых в палеокультуру Северной Азии обладает определенной спецификой, пока исключающей проведение каких бы то ни было параллелей в западном направлении.

Остатки авифауны зафиксированы на большом количестве стоянок региона (таб.).

**Орнитоморфные образы, остеологические материалы и изделия из кости птиц
на палеолитических памятниках Северной Азии**

Памятники	Объекты				Датировка памятника (если известна)	Регион
	Образы	Украшения из кости и скорлупы; предметы «неутилитарного» назначения	Индустрия	Кость		
Ст. Талицкого			+		18 700±200 (IGN 1907)	Урал
Игнatieвская пещера				+	10 400±465 (SOAN 2468) 13 335±192 (IEMEZ 365) 14 240±150 (SOAN 2209)	
Медвежья пещера				белая куропатка		
Каменное кольцо				+		
Ключевая пещера				белая куропатка, тундряная куропатка, сорока, ворона, ласточка, орел, пустельга, кулик		
Бурановская пещера				тетерев-косач, глухарь, сорока, ворона, орел, пустельга, кулик, воробьиные		
Смирновская пещера				куропатка белая, куропатка тундряная, утка, гусь		
Гребневая пещера				«какой-то вид из семейства куриных», пустельга		
Усть-Катавская II пещера				тетерев-косач, пустельга, голубь, кулик		
Пещера Кочкари I				куропатка тундряная, куропатка белая, тетерев, глухарь, орел, ястреб, кулик		
Орловский навес				куропатка тундряная, куропатка белая, тетерев-косач, глухарь, сова, пустельга		
Смеловская II пещера				+		
Денисова пещера: 9 слой 11 слой		пронизки «тонкостенное колечко» из крупной кости; плоская бусина-колечко из скорлупы яйца страуса; пронизки?		«представители открытых ландшафтов... луговых биотопов»: сибирский вьюрок, пуночка, рогатый жаворонок...		
7 слой привходовой площадки				«представители альпийской группы»: белая куропатка, алтайский улар, клушица...	29 200 ± 360 (AA-35321) > 37 235 (COAN 2504)	

Продолжение табл.

Памятники	Объекты				Датировка памятника (если известна)	Регион
	Образы	Украшения из кости и скорлупы; предметы «неутилитарного» назначения	Индустрия	Кость		
Усть-Канская				+		
Малая Сья	композиционные, микрорельефные изображения птиц				20370±340 (СОАН-1124) 33500±450 (СОАН-1286) 34420±360 (СОАН-1287)	Кузнецкое Алатау
Мальта	крупная водоплавающая птица; «хищная птица» – подвеска ожерелья; куропатка			дикий гусь, чайка; +	14 680±100 (ГИН-9511) 16510±150 (7709-ГИН) 19600±300 (10931-ГИН) 21600±200 (7708-ГИН) 22900±240 (8888-ГИН)	р. Ангара
Красный Яр				белая куропатка		
Усть-Кова	«птица, сидящая на гнезде»?				23920±310 (КРИЛ-381) 28050±670 (СОАН-1875)	
Федяево				+		
Иркутский госпиталь				+	29700±500 (ГИН-4440)	
Лиственка			заостренная трубчатая косточка (?)	белая куропатка	13200±110 (СОАН-5083) 16 300±600 (ГИН-6093)	р. Енисей
Большая Слизнева				+		
Сабаниха				белая куропатка	22 930±350 (ЛЕ-3611) 25 950±500 (ЛЕ-3747)	
Кокорево I				+	12940±270 (ЛЕ-540) 13300±50 (ГИН-91)	
Кокорево II		пронизки		+	13 330±100 (ГИН-90)	
Кокорево III				+		
Кокорево IV				+	15 460±330 (ЛЕ-540)	
Каштанка				глухарь	21 800±2000 (ИГАН- 1049) 24 805±425 (СОАН-2853)	
Афонтова гора I, II, V	«подвески в виде птичек»	пронизки (?)		белая куропатка, тундровая куропатка, гусь гуменник, кречет, ворон, галка	12740±160 (7671-ГИН) 13950±80 (ГИН-7541)	
Майнинская ст.				+	11700±100 (ЛЕ-3019) 13 050±90 (ЛЕ 1101) 16540±170 (ЛЕ-2145)	
Таштык				+		

Окончание табл.

Памятники	Объекты				Датировка памятника (если известна)	Регион
	Образы	Украшения из кости и скорлупы; предметы «неутилитарного» назначения	Индустрия	Кость		
Шестаково				+	20800±450 (СОАН 3606) 22500±280 (СОАН 4177)	р. Кия
Ачинская ст.				куропатка		р. Чулым
Хотык		фрагмент флейты		лебедь ?	28770±245 (СОАН-5082) 38200±2800 (АА-60267)	Забайкалье
Подзвонкая		подвески из скорлупы яиц страуса			> 41200 (СОАН-6427) 22 675±265 (СОАН 3350) 38 900±3 300 (АА 26741)	
Каменка А		пронизки			30 220±270 (СОАН 3354) 31 060±530 (СОАН 3052) 35 845±695 (СОАН 2904) 40 500±3 800 (АА 26743)	
Ага, 7 слой				скорлупа яиц страуса		
Дюктайская пещера				+	12 100±120 (ЛЕ 907) 13 110±90 (ЛЕ 908)	р. Алдан
Большой Эльгахчан II	птица породы ласточковых					р. Омолон
Ушки I, слой VII				утиные кости; +	14 300±200 (МАГ 550) 13 800±250 (ГИН 167)	Камчатка
Устиновка I	+ (?)					Приморье
Устиновка IV	+ (?)					

Примечание. «+» указывает на наличие костей или изделий в материалах памятника, но без точного определения (видового, типологического или же функционального); «?» – сомнительное присутствие или неточное определение.

Естественная индустриальная логика, учитывающая тонкость и гибкость кости птицы, подсказывала направления поисков интересующих нас изделий. Но знакомство с материалами не подкрепило фактами тезис о присутствии индустриального интереса к ее кости. Нет логически предполагаемых игл, они чаще изготавливались из рога и кости крупных животных, не заметна специфика сырья в производстве бисера. Ожидаемые формы изделий североазиатские мастера вытачивали из бивня, эмали зубов животных, их костей и даже камней. Не сохранились и подвески, украшения из когтей и перьев. Косвенное отношение к рассматриваемой теме может иметь краткое сооб-

щение М.М. Герасимова, упомянувшего об обнаружении в глубине мальтинского жилища у стены черепа и костей крыльев какой-то крупной птицы: «видимо, древний человек голову и крылья ее сохранял с какой-то неизвестной нам целью» [18, с. 47]². Это единственное замечание о необычном отношении к останкам птицы. Чуть лучше обстоит ситуация с изделиями из скорлупы яиц страуса, которые характеризуют облик культур эпохи камня в Прибайкалье и Забайкалье. Об этом будет сказано ниже. В силу различных причин, либо из-за невнимания археологов к данной проблеме, либо в связи с объективным отсутствием интереса у мастеров палеолита Сибири к кости птицы, рассу-

дения по данной теме остаются краткими. Приведем наиболее известные из них.

Одно из первых относится к 1940-м гг. В ходе работ на стоянке Островская (ст. Талицкого) был найден обренок кости птицы. Особенность его в том, что на сохранившемся сегменте заметны девять неглубоких поперечных нарезок [20, s. 12]. Следуя традиции объяснения подобных находок, можно предположить, что кость была использована для изготовления мелкого бисера или бусин-пронизок. Диаметр бусины в этом случае не превышал бы 7–8 мм. Сохранившиеся следы-царапины на поверхности костяного обренок, вероятно, подсказывали мастеру порядок срезов и наглядно обозначали параметры запланированных бусин. Если со вниманием отнестись к сохранившемуся количеству знаковых элементов (надрезов), то нельзя исключать варианта, при котором данная кость не имела отношения к производству «палеобижутерии», а была связана с изотекстами календарного характера.

В середине 1970-х гг. состоялась следующая презентация во многом аналогичного материала, обнаруженного уже на берегах Енисея. В коллекции костяной индустрии поселения Кокорево II были выделены семь пронизок, «...изготовленных из тонких трубчатых костей, видимо птичьих...» [21, с. 10].

Среди предметов неутилитарного назначения забайкальского памятника Каменка-А указана группа «украшений», представленная девятью предметами – пронизками и их фрагментами, выполненными из костей птиц [22, с. 24; 23, с. 59].

На алтайском памятнике Денисова пещера собрана интересная коллекция изделий из обработанной кости птицы – традиционные бусины-пронизки цилиндрической формы с поперечными и кольцевыми нарезками дополнены тонкостенным колечком из трубчатой кости крупной птицы [24, с. 49–50; 25, с. 132, 174–177; 26, с. 23].

Дальнейшее перечисление типологически идентичных находок не было бы продолжительным. Всё же избегая его, можно заключить, что подобный тип изделий, выполнявшийся из кости мелкой дичи: птицы и грызунов, был известен на территории Евразии в эпоху камня. Под вопросом остается семиотическая характеристика найденных предметов, для чего они были созданы и как использовались – неизвестно. Но для нас интересен другой аспект обнаруженных «микротекстов» – была ли в контексте данного творчества

важна природа сырья, из которого выполнены изделия? Использование исключительно кости птицы в этих целях констатировать невозможно.

Открытие последних лет с несколькими иными, но по-прежнему неутилитарных позиций позволяет взглянуть на индустриальный потенциал кости орнитоморфов. В ходе исследования специфически оформленного фрагмента кости птицы (возможно, лебедя), обнаруженного на забайкальском комплексе Хотык, была выявлена его идентичность «флейтам» европейского ориньяка [11].

Присутствие «музыки» заметно уже в мустьерских культурах. Флейты неандертальцев часто изготовлены из кости птицы. Неизвестно, существовало ли символическое осмысление данной взаимосвязи «музыка-птица», но человек современного физического облика, многое заимствовав, занялся поиском и развитием иных звуковых гармоний, и флейты из кости птицы растворились в большом количестве музыкальных инструментов («свистков», «трещеток», «ударных», «щипковых»), выполненных из кости животного происхождения [27].

Если птица и была связана со сферой неутилитарного творчества культуры палеолита, представленной подвесками, музыкальными инструментами, то материальных подтверждений этому на территории Северной Азии осталось чрезвычайно мало, интерес к пернатому «поставщику» остеоматериала здесь едва заметен. Он берет свое начало в ранние времена позднего палеолита и поддерживается в указанной интенсивности на всем протяжении данного периода. Его нельзя назвать устойчивым, индустриально понятным, продиктованным утилитарными нуждами. Это придает некоторую «специфичность» образу птицы, вернее, костной его компоненте. От кости в некотором роде нельзя требовать иного. Костная составляющая любого существа в эпоху палеолита уже могла быть осмыслена человеком в качестве нетленной константы живого организма – «вечной» его сути и, возможно, символического заместителя живого существа. Таким образом, некоторая часть птицы в малых количествах типологически специфичных изделий была представлена в повседневности палеочеловека. Контекст данного контакта установить сложно, но однозначно настораживает отсутствие в нем «сырьевого регламента» – кость птицы могла быть заменена на любую другую подходящего формата.

Сложно реконструировать значимость птицы не только относительно традиции

использования ее кости, но и других материалов, «автором» которых она являлась.

Использование скорлупы яиц. Специфика «кальцитового сырья» заключается в его естественной хрупкости. Под давлением времени и обстоятельств смогли устоять лишь небольших размеров и толстостенные экземпляры, выполненные из скорлупы страусовых яиц. Наиболее известен находками изделий из уникального материала памятник Подзвонкая (восток Кяхтинского района Бурятии, р. Тамир), относящийся к группе переходных от мустье к верхнему палеолиту. Здесь была собрана самая большая (в пределах России)³ из известных на сегодняшний день коллекция изделий из скорлупы страусового яйца. В основном это подвески или же их фрагменты. В 2002 г. коллекция пополнилась морфологически яркими, целыми изделиями, благодаря чему удалось представить не только форму палеолитических подвесок из скорлупы, но и технологию их получения [29, с. 159]. Поселенцы Подзвонкой отдавали предпочтение изделиям миндалевидных, каплевидных, листовидных контуров, округлым и округло-овальным, с мелкими, но чаще крупными отверстиями посередине. Внутренние и внешние края изделий дополнительно обрабатывались. Учитывая хрупкость материала, сложно представить их в качестве подвесок, наподобие известных нам, костяных или же каменных, несмотря на присутствие у большинства из них подходящих для этого дополнительных мелких отверстий.

В отличие от костяных подвесок, рассуждения о выполненных из скорлупы могут быть детальнее организованы – известен топографический контекст их обнаружения, особенности формы (включая технологическую специфику ее получения).

Начнем с формы изделий. Она редка, но не уникальна. Аналогично можно подобрать в материалах другого забайкальского памятника, близость которого поселению Подзвонкая уже отмечена [23, с. 125–126; 30, с. 44]. Один из фрагментов подвески с поселения Хотык по общим своим очертаниям удивительно похож на анализируемые изделия с Подзвонкой [30, с. 44–45, рис. 22]. Заслуживает внимания фрагмент каплевидной подвески, сохранившей заостренный кончик, и границы крупного округлого отверстия, ранее находившегося в центре. Остается неизвестным его материал – скорлупа или кость? Об обработанной скорлупе с памятника Хотык информации пока нет.

Идентичность форм предметов не утилитарного назначения с двух местонахож-

дений схожестью развития технического сознания их поселенцев объяснена быть не может. Речь идет о более тесных, «не индустриальных» контактах. Универсалии, спровоцировавшие подобное знаково-символическое единство в деталях своих, нам останутся неизвестны. Нечто глобальное, жизненно важное, всеобъясняющее (именно это лежит в основе любого символа) палеолитическим человеком могло быть воспринято как из природы – лист каконобуйды дерева, произрастающего в указанных регионах, так и из сферы «сакральной» – специфика формы некоторых изделий может продолжить тему важности знаков женского пола в изобразительной культуре палеолита (сообщение В.И. Ташака, из личной переписки от 27.02.05).

Значимость сырья необычных изделий с Подзвонкой вряд ли может быть в настоящий момент верно оценена. Скорлупа страусовых яиц как поделочный материал была известна уже в эпоху ашеля [31, р. 29] и позднее востребована в различных сферах культуры. Простейшие плоские бусинки, на изготовление которых требовалось не так уж много времени и усилий, представлены и на нашей территории: в материалах памятников Алтая, Забайкалья и Прибайкалья – южных рубежах Северной Азии. В регионах, расположенных севернее, этот материал столь широко не известен. Станным кажется тот факт, что на упомянутых территориях обнаружена именно скорлупа яиц страуса, а не его останки. Можно было бы предположить «импортный» вариант его появления здесь, но, согласно заключению специалистов, этот регион в эпоху палеолита (возможно, и позже) входил в зону обитания азиатского страуса, являясь северной ее границей [32].

Таким образом, страус и сопутствующие ему материалы не воспринимались экзотической ценностью на юге Сибири. Существовавшую же на поселении практику вторичной обработки нарушенных изделий и повторного введения их в употребление [29, с. 162], вероятно, стоит отнести на счет семантики формы, некогда актуальной в пределах обширного региона.

Безусловно, прагматика подобных изделий обусловлена их знаковостью. Выше прозвучали сомнения относительно их повседневного ношения – физического воздействия на хрупкий материал, сопряженный с содержанием символа, очевидно, избегали, стремясь сохранить форму от повреждений. Это касается тех предметов, «массивность» пропорций которых достигает 3–4 см. Мелкие же буси-

ны, наподобие найденных в Денисовой пещере или на стоянке Красный Яр [24, с. 49–50; 33, с. 340], могли быть включены и в контекст повседневности. Форма их проста (в случае нарушения не подрабатывалась), специфической локализацией в пространстве стоянок они не обладают.

Именно топографический фактор обнаружения некоторых «подвесок» с Подзвонкой дополнительно обращает на них внимание.

Тезис о значимости топоконтекста в понимании символа разделяется многими исследователями, но не так часто можно встретить внимание к нему в отечественных археологических трудах. Относительно анализируемых изделий озвучена следующая контекстуальная особенность: «...треть из них найдена в зоне очагов» [30, с. 45]. Очаг и приочаговое пространство – символически емкие локации, на что неоднократно указывал автор раскопок В.И. Ташак [34; 35]. Они воспринимались не просто бытовой зоной, но сферой, требовавшей к себе особого внимания и в полной мере его получавшей. Отношения с очагами выстраивались как с живыми существами, «жизненный путь» которых конечен и обрядово оформлен. Треть изделий из скорлупы тяготеет к данному пространству и, кажется, включена в его структуру в качестве символических элементов. Если учитывать каплевидность их форм, появляется ощущение присутствия определенного характера взаимосвязи между двумя «осимволизованными» субстанциями – огнем и водой. Но это впечатление иллюзорно (мало фактов в его поддержку) – две трети всех подвесок обнаружены вне очаговых пространств.

Таким образом, можно отметить лишь знаковость формы изделий из скорлупы со стоянки Подзвонкая. В материалах других стоянок «сложные» изделия из аналогичного материала редки, их топоконтекст невыразителен.

Относительно ключевой темы исследования анализ использования скорлупы на территории Северной Азии мало что добавляет к уже сказанному. В изделиях ведущим смыслообразующим компонентом материал, очевидно, не являлся. Поэтому нет возможности утверждать, что птица в эпоху палеолита принималась аналогично промысловым представителям палеофауны и ее «природа» рачительно использовалась. Она не заявила о себе ни в сфере технологий, ни в сырьевой сфере. Едва заметна ее роль и в пищевой сфере.

«Гастрономический» интерес к птице. Достаточно часто птица добывалась с це-

лью потребления мяса. Отлавливалась любая – и крупная (утка, куропатка, тетерев), и мелкая (сойки, дрозды – их вес не превышает 100 граммов), и «мирная», и хищная [19, р. 123, 127–128]. Нередко перед употреблением мясо проходило термическую обработку⁴ – обжаривание на открытом огне или углях; следы данной процедуры иногда заметны на поверхности сохранившегося материала. Предпочтение отдавалось мясу грудины, кости именно этой части тушки чаще остальных встречаемы на стоянках. Подобный интерес нужно предположить и в отношении мяса с бедер, но соответствующий остеоматериал в пропорциональном отношении к анатомически ожидаемому более малочисленен в сборах (что тоже нашло себе вероятное объяснение) [19, р. 123–126; 37, р. 1454]. Можно отметить, что реконструкция практики употребления мяса птицы охотниками-собирающими в эпоху камня в общих чертах не вызывает вопросов; дискуссии касаются лишь частностей.

Интересны приемы добычи мяса пернатых. Видовое разнообразие птиц, употреблявшихся человеком, поражает и убеждает исследователей в существовании отработанных многочисленных приемов ловли подвижной дичи: мелких птиц и некрупных грызунов. Летающая дичь (в первую очередь, мигрирующая) в течение года переживает несколько периодов, когда она лишена преимуществ быстрого передвижения или же может стать довольно легкой добычей по другим причинам. В конце весны и ранним летом птица откладывает яйца и заботится о выводке; в середине-конце лета она линяет, а ее выводок, набирая вес, предпринимает неуклюжие попытки «встать на крыло»; ранней осенью (как и ранней весной) начинаются миграции, что связано с появлением-скоплением в одном месте большого количества птицы⁵ [19, р. 133; 39, с. 313–314, 375]. В эти периоды ее можно добывать без специальных, усложненных приспособлений (луков, пращи, дротиков и т. д.), образно выражаясь, «голыми руками», или же используя примитивные сети и силки – плетение сетей, вязание узлов в верхнем палеолите было известно [40; 41, с. 48–49]. Если рассматривать именно охоту на птиц, а не вариант собирательства линяющей птицы, яиц и молодняка, то необходимо учитывать ряд факторов, влиявших на интенсивность этого вида деятельности в интересующий нас период. Так, например, птица, непуганная человеком, учитывает присутствие

на территории гнездовой «естественных» хищников и организует места кладки в непроходимых для них местах, выбирая заболоченные и покрытые плотным кустарником участки. Места гнездовой в зависимости от климатических колебаний или же эпизодических ситуаций (связанных с уничтожением кладок), как и места остановок в период миграций, могли меняться. Поэтому добыча птицы в круглогодичном режиме была мало прогнозируема. А с учетом того, что весь объем усилий гарантировал лишь несколько килограммов биомассы, интерес к птице в эпоху палеолита (богатого дичью более крупных размеров) возникал лишь в тех случаях, когда основные источники мяса оказывались для человека малодоступными. Вероятно, данные ситуации были редки и не вызывали специализации отдельных групп к охоте на мелкую дичь; в материалах материковых стоянок Европы в рассматриваемый период данный факт не зафиксирован.

Ситуация заметно меняется в конце палеолита и начале мезолита. Интенсивность эксплуатации ранее эпизодически привлекаемых ресурсов значительно повышается. «Заметными» в орудийных комплексах стоянок становятся наборы, позволявшие вести охоту на мелкую дичь (птицу, зайцев) и рыбу [42, р. 528; 43, р. 22–27].

Поддержать рассмотрение обозначенной подтемы с привлечением североазиатских материалов чрезвычайно сложно. Источники – кость со следами от разделки тушек, возможные орудия и приспособления для ловли птиц малоизвестны.

О наличии специфических форм в орудийных наборах Мальты сообщил М.М. Герасимов. На территории жилого комплекса под плитой известняка обнаружены фрагменты изящного орудия из бивня. Это был «...тонкий и длинный стержень, равномерно утончающийся к концам и заостренный с обеих сторон... Орудие покрыто тонким орнаментом в виде спиральной линии, опоясывающей стержень по всей длине» [44, с. 79]. После сравнений с этнографическим материалом автор пришел к заключению, что этот предмет мог являться частью орудия охоты на птиц и крупных рыб; в качестве дротика им могли поражать водоплавающую птицу [44, с. 80].

К данной теме в отечественной науке сложилось неоднозначное отношение, аргументы и контраргументы были выдвинуты в качестве гипотез, проверка которых пока не проведена. Так, С.Н. Замят-

нин сомневался в широком распространении в палеолите приспособлений «удобных» (праща, бола) для охоты на мелкую дичь, но использование силков, петель, примитивных капканов, которые не имели шансов сохраниться, не отрицал [45, с. 91, 95, 102, 108]. С.А. Семенов предполагал изготовление для этих целей бумеранга, наподобие найденного в Костенках I, дротиков и копьеметалок, обнаруженных на стоянках Центральной Азии, металлической палицы [46, с. 287, 290, 293]. Но о приемах охоты, известных уже в эпоху палеолита, заключений не дал, осторожно упомянув о возможном палеолитическом возрасте некоторых тактик, известных в традиционных обществах [46, с. 295]. А.А. Формозов скептически относился к присутствию серьезного охотничьего интереса к птице даже в эпоху мезолита, что, по его мнению, было обусловлено неразвитостью соответствующей стороны технической базы ранних эпох [47, с. 12].

Одной из интересных находок, подерживающих развитие темы использования специфических приспособлений для отлова птиц, является «манок», найденный в Малой Сые. Он изготовлен из округлого кусочка железной руды и ранее обладал некоторыми деталями (ныне утраченными), которые обеспечивали его звучание. Идентифицировать предмет помог старый охотник, пояснивший условия звучания и возможное назначение изделия – его могли использовать для подманивания рябчиков и тетеревов [48, с. 168]. Исследователь памятника В.Е. Ларичев с данной интерпретацией согласен и некоторым образом расширил ее, обозначив важность звуковых эффектов не только в повседневной практике охотника, но и в празднично-обрядовой сфере культуры [48, с. 169].

Охота и потребление, факты, раскрывающие некоторые подробности этих процессов, безусловно, отображают внимание, с которым палеочеловек относился к птице. Если говорить об общих тенденциях, выстроенных на видовых и количественных корреляциях остеоматериалов и остеоиндустрий стоянок, то отметим (отчасти повторим) следующее. Охота на птицу и последующее пассивное использование ее кости в палеолите североазиатского региона практиковались на протяжении всей поры верхнего, вероятно, и среднего палеолита. Птица добывалась и употреблялась в пищу [49]. Наиболее привлекательным для охотников продуктом была куропатка. Из крупных пернатых внимание привлекали тетерев, глухарь,

реже гусь и утка. Интерес к остальным представителям: мелкие пернатые хищники, ворона, галка, воробьиные, вероятно, обусловлен второстепенными, относительно их продовольственного потенциала, качествами. Яркость оперения, крепкие когти и другие способности-характеристики: ориентация в темноте, специфика сигнальной системы, маневренность и быстрота передвижения, тактика охоты, обеспечивали их включенность в знаковую сферу культуры⁶.

Несмотря на то, что в сфере потребления интерес к птице более заметен, чем в остальных, археологически выявляемых, она всё же являлась фигурой *non grata* в повседневном меню палеочеловека – на стоянках и поселениях животная кость представлена в неизмеримо больших количествах.

Обсуждение результатов. Согласно обозначенным условиям исследования и озвученному материалу мы попытались уточнить повседневный статус птицы в культуре палеолита Северной Азии. В отличие от европейской традиции, где эксплуатация кости и образности орнитоморфов «материально» более заметна и вариативна, в североазиатских культурах можно констатировать отсутствие к ней индустриального и сдержанность неутилитарного интереса. Единственная тема, в которой ее эксплуатация очевидна – экстренные источники питания. Сложно судить, как данная особенность (и она ли одна) влияла на аксиологию орнитообраза, но его «экстрастатусность» благодаря данному аспекту может получить некоторое объяснение.

Общий прагматизм палеокультуры, засвидетельствованный археологами, дает основания предположениям о рациональной продуманности реальности, созданной человеком. Художественно-символическое же ее пространство чаще связывают с иррациональными истоками, намечая тем самым основы противопоставления орудия и изображения, профанного и сакрального, материи и метафизики текста-предмета. Взятый в кавычки ключевой термин названия данной статьи определяет моё отношение к этим антиномным парам, относительно первобытности их существование малообоснованно. «Птица-сырьё», «птица-продукт» и «птица-изображение» – возможны ли контакты/влияния между данными текстами?

Выявленные факты обозначили очевидную вытесненность птицы в сферы, не связанные с повседневными заботами человека. Но не была она и исключена из них.

Объяснение данной ситуации, как мне кажется, необходимо вести исходя из понятия «нормы» в культуре⁷, часто употребляемого в качестве синонима повседневному жизненному ритму палеочеловека.

Для палеолитического человека-охотника нормальное состояние жизнедеятельности было связано с животными, контакт с которыми зависел от его желания и способностей. Охота на стадных млекопитающих покрывала потребности в мясе, вырабатывая некоторые правила во взаимоотношениях «человек – животное». Их многое связывало (совместные миграции, общие противники, сходные потребности) и роднило. В сфере символической реальности они могли заменять друг друга [55; 56]. Птица была «известна» человеку, но общение с ней обусловлено не нормой, а «сбоем» в привычной ритмике повседневности – неудачная охота, продолжительные периоды голода. Согласно исследованиям этнологов, подобные ситуации редки в традиционных обществах, но восприимчивы чрезвычайно эмоционально [57, с. 386–388]⁸. В сознании человека, в метатексте культуры в подобные периоды обостряется противостояние двух символически емких пространств – жизни и смерти. Именно в подобном контексте восприятия реальности птица могла дать толчок к организации специфического символа, выражающего надежду на возвращение к привычному жизненному порядку – птица давала малое количество продукта, но достаточное, чтобы пережить неудачную охоту; так регулярно, насколько было необходимо; без особого риска для жизни. Осознанность ее в качестве медиатора между жизнью и смертью прослеживается и во многих других текстах палеокультуры [58; 59]. Данное обстоятельство могло способствовать раннему обособлению орнитоморфных образов от зооперсонажей и их «подвидовому» разделению по функциям-значениям: на мирных и агрессивных, «продовольственно привлекательных» и «типичных трикстеров», поддерживающих жизнь человека или враждебно к ней настроенных. Представители всех «направлений» известны как в изобразительных комплексах палеолита Северной Азии и Европы, так и в остеоколлекциях археологических материалов. Если во втором случае их исключительность может найти себе рациональное объяснение (тафономические потери), то редкость включения образа птицы в изосферу культуры связана со специфическими правилами рождения/бытования изобразительного символа.

Многие из ныне живущих обществ к процедурам «воспроизведения» относятся чрезвычайно осторожно⁹. Данное действие, по их мнению, приводит к изменению привычного состояния реальности, дополняя ее содержательной и контекстуальной спецификой того, что изображено. В условиях, когда причина явления легко подменяется следствием (произошло, потому что было нарисовано), воспроизведение некоторых символов нежелательно. Изображения птиц в палеолите редки (относительно количества зоо- и антропоморфных изотекстов) и регионально специфичны несмотря на то, что поводов к восхищению сверхъестественными способностями они дают достаточно в любые времена и в пределах любых территорий. Редкая актуализация этого символа могла быть обусловлена лишь необходимостью получения информации о специфичном состоянии реальности. Видовой колорит персонажей в этом случае является культурно обусловленным кодом природы и характера данных изменений, подсказкой стратегии их преодоления для возвращения к нормальному жизненному ритму.

Коннотат любого символа с течением времени меняется, остается лишь едва уловимое, «архетипичное». На мой взгляд, образ птицы сопровождает три взаимообусловленные смысловые величины: «перемены», «тревога» (переживания, волнения) и «надежда», заложенные в нас палеолитической практикой обращения к нему. Если процесс воспроизведения действительно меняет реальность (в какой-то мере с этим сложно спорить), то исключительность образа птицы в текстах древних эпох становится понятной. Благодаря его медиативному характеру – он всегда где-то между мирами-сферами-текстами – и в последующие эпохи человек сохранял к нему особый интерес, обращаясь в зависимости от ситуации к тем или иным знаковым особенностям. Но «маркером» эпохи или же отдельно взятой культуры орнитоморфный персонаж становился чрезвычайно редко. Признавая необходимость и неизбежность перемен, символом которых и являлась птица, культура всё же предпочитает периоды спокойного состояния и прогнозируемого развития. Именно эти тенденции поддержаны в палеокультуре «текстуально» – обилие зооморфных и антропоморфных кодов, при незначительном участии вспомогательных – орнитоморфных, ихтиоморфных, растительных.

Надежды на преодоление «феноменальности» птицы в символической сфере эпохи раннего камня, на мой взгляд, нет.

Проблема заключается не только в естественных характеристиках, присущих ее природе (экстремальная подвижность, или особенности тафономии кости и т. д.), но и в ее особой «метафизике», сформировавшейся в рамках трагического для палеобщества контекста¹⁰. Привкус этой «трагедии» образ воспринял и частично сохранил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее понятие «текст» используется согласно семиотической традиции – любой предмет или комплекс действий, обладающие информационным полем и подвергаемые интерпретации.

² М.М. Герасимов отрицал возможность интерпретировать контекст находки «кухонными остатками» [18, с. 47]. Нечто похожее зафиксировано на польском многослойном памятнике Дудки Витольдом Гумински. Обнаружение черепа птицы действительно большая редкость, считает исследователь. Голова принадлежит к несъедобным частям тела, от них избавлялись в первую очередь. Поселенцы польской стоянки выбрасывали их в воду [19, р. 124]. На Мальте кости черепа и крыльев обнаружены внутри жилища, что не позволяет рассматривать их в качестве пищевых отходов.

³ Можно привести большое количество сообщений о разрозненных находках изделий из скорлупы, датируемых палеолитом, с различных памятников мира. В большом количестве данный материал представлен в культурах Африки – в верхнепалеолитической иберийско-мавританской (Магриб), и в капсийской культуре (Тунис и Алжир), датируемой финалом палеолита, началом мезолита. Здесь скорлупа страусового яйца использовалась не только в эстетических, но и в индустриальных целях. Скорлупу яйца использовали в качестве сосуда, нередко украшая ее художественной гравировкой [см., напр.: 28, с. 218–219]. Но обнаружение этого материала в Африке ожидаемо, в отличие от североазиатского региона.

⁴ Данное замечание не стоит принимать как иллюстрацию общей или широко распространенной практики. Северные народы до сих пор предпочитают сырое мясу обработанному, так как в нем больше питательных веществ, помогающих иммунной системе человека переносить суровые климатические условия. К примеру, эскимосы Исландии определенные части птицы употребляли в сыром виде, некоторое количество птичьего мяса сушили на зиму [36]. Поэтому ожидания присутствия следов огня на кости не всегда оправданы.

⁵ Представленная картина, манящая охотника, скрывает ряд нюансов. Например, останки птиц в период перелетов не отличаются постоянством мест для отдыха и продолжительностью. Обнаружение такого места – дело случая, поэтому обозначенный аспект «возможностей» является скорее теоретическим фактом и в качестве реальной, устойчивой практики вряд ли его стоит учитывать. Показательно замечание В.Г. Богораза, наблюдавшего жизненный уклад юкагиров Нижней Колымы начала XX в. Он от-

- мечает, что специализированная охота на дикого оленя и линялую птицу «...выходит из практики, потому что требует слишком большого напряжения сил» [38, с.20]. Вероятно, данная практика могла всё же существовать на уровне более организованном, чем эпизодическая охота. Но когда она сложилась и благодаря чему сохранялась столь продолжительное время – вопросы для специального исследования.
- ⁶ Существуют «танцы птиц», воспроизводимые во многих традиционных культурах, где важны и поведенческо-звуковые аспекты различных видов орнитоморфов, и их знаковая атрибутика. Известны сложные мифологические (и часто древние) комплексы, сюжеты которых выстраиваются на специфической активности непромысловой птицы [50, с. 172; 51]. Способы гадания-предсказания, магическая обрядность, связанная с птицей различных видов, также популярны в различных культурах с древних времен [52; 53].
- ⁷ Для различных исследователей основополагающим элементом культуры являются различные институты и социальные явления. В данном случае понятие «норма» соответствует понятию «порядок» Клиффорда Гирца [54, с. 106].
- ⁸ Порог культурной возбудимости в традиционных обществах более низок, чем в культурах индустриальных. Для большинства из них необходимость *нормы*, что связано с устоявшимся ходом событий повседневности, является важнейшим условием жизни. Малейшее отступление от принятого режима воспринимается кризисом, который необходимо немедленно устранить, пока он не приобрел губительных масштабов и последствий.
- ⁹ В данном случае под «воспроизведением» понимается любое обращение к персонажу или его составляющим – могли рисовать птиц, танцевать как птицы, украшать себя частями их тел и т. д.
- ¹⁰ Нужно отметить, что данный тезис срабатывает как на микроуровне – отдельно взятое общество, так и на макроуровне – смена эпох, например, переход от верхнего палеолита к мезолиту, когда образ птицы был повсеместно актуализирован.
- [9] *Marshak A.* The roots of civilization. N. Y. : Mc. Graw-Hill, 1972. 413 p.
- [10] *Moreno-Gareia M.* Argneozoologia cultural: o aerofone de Conimbriga // Revista portuguesa de Argueologia. 2004. № 2. Vol. 7. P. 407–425.
- [11] *Лбова Л. В., Волков П. В., Кожевникова Д. В.* Свидетельства древнейших музыкальных традиций в археологии Сибири (начальная стадия верхнего палеолита) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5. С. 124–131.
- [12] *Clark J.G.D.* Fowling in Prehistoric Europe // Antiquity. 1948. Vol. 87. P. 116–130.
- [13] *Bosinski G.* Gönnersdorf – Eiszeitjäger am Mittelrhein. Koblenz : Rhenania-Fachverlag, 1981. 132 s.
- [14] *Jonsson L.* The vertebrate faunal remains from the Late Atlantic settlement Skateholm in Scania, South Sweden // The Skateholm Project I. Man and Environment. Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 1988. P. 56–88.
- [15] *Bovy K. M.* Differential avian skeletal part distribution: Explaining the abundance of wings // Journal of Archaeological Science. 2002. Vol. 29(9). P. 965–978.
- [16] *Peters E., Toepfer V.* Der Abschluß der Grabungen am Petersfels bei Engen im badischen Hegau // Prähistorische Zeitschrift. 1932. Bd. XXIII. S. 155–199.
- [17] *Berenguer M.* Prehistoric cave art in Northern Spain Asturias. Ciudad de Mexico: Frente de Afiración Hispanista A.C., 1988. 286 p.
- [18] *Герасимов М. М.* Палеолитическая стоянка Мальта (Раскопки 1956–1957) // СЭ. 1958. № 3. – С. 28–53.
- [19] *Gumiński W.* Bird for dinner. Stone Age hunters of Dudka and Szczepanki, Masurian Lakeland, NE-Poland // Acta Archaeologica. 2005. Vol. 76. P. 111–148.
- [20] *Sčelinskij V., Sirokov V.* Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka die altsteinzeitlichen Bilderholer im Südlichen Ural. Sigmaringen : Thorbecke, 1999. 171 s.
- [21] *Абрамова З. А., Ермолова Н. М., Леевковская Г. М.* Палеолитическое поселение Кокорево II на Енисее // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 5–22.
- [22] *Касаткина Е. М., Лбова Л. В., Штейникова А. А.* Планиграфические особенности распространения изделий из кости местонахождения Каменка-А // 275 лет сибирской археологии : материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск : Изд-во КГПУ, 1997. С. 24–25.
- [23] *Лбова Л. В.* Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.
- [24] Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / отв. ред. А. П. Деревянко, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников и др. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 176 с.
- [25] Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян и др. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 448 с.
- [26] *Деревянко А. П., Шуньков М. В.* Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3(19). С. 12–40.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Макаров Н., Кренке Н., Чернов С.* Археология: Открытия или утраты? // Знание – сила. 1990. № 5. С. 10–15.
- [2] *Altuna J.* Ekain und Altxerri bei San Sebastian: zwei altsteinzeitliche Bilderhöhlen im spanischen Baskenland. Sigmaringen : Thorbecke, 1996. 200 s.
- [3] *Ries J.* Ursprung der Religion. Augsburg : Pattloch Verlag, 1993. 159 s.
- [4] *Probst E.* Deutschland in der Steinzeit. Jäger, Fischer und Bauern zwischen Nordseeküste und Alpenraum. München : C. Bertelsmann Verlag GmbH, 1991. 620 s.
- [5] *Seewald O.* Beiträge zur Kenntniss der steinzeitlichen Musikinstrumente Europas. Wien : Anton Schroll & Co Verlag, 1934. 156 s.
- [6] *Passemerd E.* Une flûte aurignacienne d'Isturitz // Association Française pour l'Avancement des Sciences (46-e session, Montpellier, 1922). 1923. P. 474–476.
- [7] *Passemerd E.* La caverne d'Isturitz en Pays Basque // Prehistorie. 1944. № 9. P. 1–95.
- [8] *Horusitzky Z.* Eine Knochenflöte aus der Höhle von Istállóckö // Acta Archaeologica. 1955. Vol. 1–2. S. 133–140.

- [27] *Otte M.* Regards sur la musique paléolithique // Studien zur Musikarchäologie I: Saiteninstrumente im archäologischen Kontext (Vorträge des 8. Symposiums der Study Group on Music Archaeology (ICTM), Limassol, 26–30. August 1996 und andere Beiträge). Rahden; Westf. : Leidorf, 2000. S. 97–102.
- [28] История человечества / под ред. З. Я. Де Лаата. М. : Магистр-Пресс, 2003. Т. 1. Доисторические времена и начала цивилизации. 682 с.
- [29] *Ташак В. И.* Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура Востока Азии : материалы Международной научной конференции (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). Новосибирск : ИАЭТ СОРАН, 2002. Т. II. С. 159–164.
- [30] *Деревянко А. П., Рыбин Е. П.* Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3(15). С. 27–51.
- [31] *Bednarik R. G.* The role of Pleistocene beads in documenting hominid cognition // Rock Art Research. 1997. № 14. P. 27–41.
- [32] *Kurochkin E. N., Kuzmin Y. V., Antoshchenko-Olenev I. V., Zabelin V. I., Krivonogov S. K., Nohrina T. I., Lbova L. V., Burr G. S., Cruz R. J.* The timing of ostrich existence in Central Asia: AMS C 14 age of eggshells from Mongolia and southern Siberia (a pilot study) // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. 2010. В. 268. P. 1091–1093.
- [33] Археология СССР. Палеолит СССР / отв. ред. П. И. Борисковский. М. : Наука, 1984. 391 с.
- [34] *Ташак В. И.* Очаги палеолитического поселения Подзвонка как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 70–78.
- [35] *Ташак В. И.* Очаг как объект культовой деятельности в эпоху палеолита (по археологическим данным) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Алматы ; Омск : Изд. дом «Наука», 2004. С. 265–267.
- [36] *Hoffman B. W.* Bird netting, Cliff-hanging, and Egg gathering: Traditional Procurement Strategies on Nunivak Island // Arctic Anthropology. 1990. № 27(1). P. 66–74.
- [37] *Higgins J.* Tünel: A case study of avian zooarchaeology and taphonomy // Journal of Archaeological Science. 1999. Vol. 26 (12). P. 1449–1457.
- [38] *Богораз В. Г.* Чукчи. Л. : Изд-во института народов севера ЦИК СССР, 1934. Ч. 1. 192 с.
- [39] *Головнев А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 606 с.
- [40] *Soffer O., Adovasio J. M., Hyland D. C., Klima B., Svoboda J.* Perishable Technologies and the Genesis of the Eastern Gravettian // Anthropologie. 1998. Vol. 36. № 1/2. P. 43–68.
- [41] *Адовазио Дж. М., Соффер О., Хиланд Д. С., Иллингворт Дж. С., Клима Б., Свобода И.* Производство изделий из недолговечных материалов в Долни Вестонице I: новый взгляд на природу и происхождение граветта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 2 (6). С. 48–65.
- [42] *Andersen S. H.* A survey of the Late Palaeolithic of Denmark and Southern Sweden // De la Loire à l'Oder. Les civilisations du Paléolithique final dans le nord-ouest européen. British archaeology report. International Series 444. 1988. P. 523–566.
- [43] *Street M., Baales M.* Pleistocene/Holocene changes in the Rhineland fauna in a northwest European context // The Holocene History of the European Vertebrate Fauna. Modern Aspects of Research. Archäologie in Eurasien 6. 1999. P. 9–38.
- [44] *Герасимов М. М.* Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. 1941. № 2. С. 65–85.
- [45] *Замятнин С. Н.* Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Проблемы истории первобытного общества. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 54. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. С. 80–108.
- [46] *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л. : Наука, 1968. 362 с.
- [47] *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М. : Наука, 1980. 136 с.
- [48] *Ларичев В. Е.* Звездные боги. Новосибирск : Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН; Изд-во Новосибирского университета. 1999. 356 с.
- [49] *Тугаринов А. Я.* К характеристике четвертичной орнитофауны Сибири // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. 1932. Т. 1. С. 115–134.
- [50] *Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский эпос о Вороне // Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 170–191.
- [51] *Леви-Строс К.* Мифологии. М. ; СПб. : Университетская книга, 1999. Т. 1. Сырое и приготовленное. 406 с.
- [52] *Зеленин Д. К.* Пережитки древних воззрений о демонических птицах у народов Кавказа // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954. М. : Индрик, 2004а. С. 222–237.
- [53] *Зеленин Д. К.* Увекоченный А.С. Пушкиным русский народный обычай выпускать весною на волю птиц // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954. М. : Индрик, 2004б. С. 237–242.
- [54] *Гирц К.* Интерпретация культур. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- [55] *Rahpael M.* Prehistoric Cave Paintings. Bollingen Series. N. Y. : Bollingen Found, 1945. 160 p.
- [56] *Leroi-Gurhan A.* Hand und Wort: die Evolution von Technik, Sprache und Kunst. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 532 S.
- [57] *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-пресс, 1994. 608 с.
- [58] *Шмидт И. В.* Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1(33). 2008. С. 109–114.
- [59] *Шмидт И. В.* Особенности «мальтинского реализма». К практике интерпретации антропоморфных изображений палеолита Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии № 3 (43). 2010. С. 50–57.

«ВСЁ» И «НИЧТО»: ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ТВОРЧЕСТВА К.С. МАЛЕВИЧА

Проект К.С. Малевича по «очищению» искусства от элементов религии и идеологии рассматривается в статье как интермедиальная стратегия творчества данного художника.

Ключевые слова: К.С. Малевич, интермедиальность, беспредметность, текстовые стратегии, супрематизм.

Творческое и теоретическое наследие К.С. Малевича представляет собой богатый материал для изучения проблем интермедиальности, в частности, проблемы интермедиальности как авторской стратегии.

Термин «интермедиальность» появился в середине 1980-х гг. для обозначения системы взаимодействий разных видов искусства на уровне структуры и образного строя художественного текста [1]. С течением времени понятие претерпевало изменения. В последнее время сформировалось понимание интермедиальности как пространства конкуренции разных медиа за представление того или иного объекта действительности [2–4].

Интермедиальность была осознана в европейской художественной культуре на рубеже XIX–XX вв. Повсеместно возникали попытки реализации тем и приемов, традиционных для одних видов искусства, в произведениях других видов искусства; создавались произведения-отклики на произведения других видов искусства; появлялись проекты «многоканальной» поэзии, «скульпто-живописи», «цвето-музыки», театра «людей, шумов и запахов» – осуществлялось всё то, что В.С. Турчин удачно назвал «полиморфностью решений» [5, с. 23].

Автор комбинировал и совмещал несколько разных художественных кодов, каждый из которых претендовал на самостоятельность решения. Совмещение решений приводило к возникновению многоканальности художественного образа. Представая в двух (и более) параллельных художественных системах, он формировался в результате их конкуренции, а не содействия. Интермедиальность стала одной из авторских стратегий, характерных для европейского искусства рубежа XIX–XX вв.

На фоне многообразных синтетических опытов современников (в том числе единомышленников¹) К.С. Малевич, почти не выходящий за пределы живописи до периода создания «архитектонов»², кажется «белой вороной». Однако при ближайшем рассмотрении творчества этого художника в контексте его теоретических взглядов оказывается, что он не только не был чужд интермедиальной проблематике, но и представил один из ярких образцов ее художественно-эстетического осмысления. Интермедиальная стратегия К.С. Малевича тесно связана с его представлениями о культуре и искусстве.

Итак, интермедиальность – ситуация взаимодействия разных дискурсов (видов искусства, а также искусства как такового с «не-искусством»), а интермедиальная стратегия – это авторское стремление к реализации подобной ситуации в творчестве. Главным условием существования интермедиальной стратегии в творчестве того или

иною автора является идеал единства и понимание автором дифференциации дискурсов.

Осознание распада единства (будь то отпадение человека от природы, раскол в обществе или несоответствие действительности идеалу) и стремление к единству приводят автора художественного произведения к осуществлению интермедиальной авторской стратегии.

Для мировоззрения К.С. Малевича характерны оба момента – и идеал единства, и ощущение дифференциации. Подтверждением этому служит его программное стихотворение «Я начало всего» (1913) [7]. Здесь автор говорит о современном обществе, что «теперь мы уже распылены во множестве знаков вселенной». И далее в том же тексте он высказывает мысль, что состояние распыления является этапом на пути к всеединству или даже тождественно всеединству: «Необходимо распылить себя в мировых знаках, т. е. воплотиться опять во всей вселенной, насытить собою все»³.

Парадоксальное отождествление состояний дифференциации и интеграции является ключевым моментом, характеризующим мировоззренческую и эстетическую позицию К.С. Малевича и его интермедиальную стратегию в том числе. Этой же концепцией объясняется, почему в своем творчестве он редко демонстрировал стремление к синтетическим проектам.

Это отождествление пронизывает всё мировоззрение Малевича и начинается в самой основе – в противопоставлении мира осмысленного («мир как факт суждения») и мира вне определения, беспредметного («мир как факт вне суждения»). Мир вне суждения, по убеждению художника, состоит из единства «возбуждений» – не имеющих предметного выражения, неосознанных, необъяснимых и неописываемых проявлений человека и вселенной. Единицей мира как факта суждения является «мысль» – «процесс или состояние возбуждения, представляющееся в виде реального и натурального действия» [9, с. 1]. Поскольку «мысль – это только известное состояние возбуждения» [9, с. 29], она и осмысленный мир являются вторичными по отношению к миру неосознаваемому.

Вторичность осмысленного мира, по убеждению К.С. Малевича, объясняется тем, что любая интерпретация «возбуждения» заведомо меньше его самого, охватывает только его часть и, как следствие, является условностью. Познание «возбуждения», попытка описать его целостность

вынуждает человека делить ее на объекты. Поскольку это деление условно, то и знание, полученное таким образом, не может быть адекватным «возбуждению».

В самой дифференциации, по мнению К.С. Малевича, находит выражение онтологическая несостоятельность состояния дифференциации: факт дробления, «распыления» вещей парадоксальным образом означает реальность всеединства. Дифференциация происходит, когда человек вычленяет из единства некие единицы: «разбивая бесконечную вереницу бессмысленного строя цифр на отдельные суммы, общая сумма которой не может быть известна, общезнание радуется, что оно прочло сумму, и, следовательно, она ясна, понятна» [9, с. 9]. Но когда выясняется, что и их можно разделить, то число единиц начинает стремиться к бесконечности. Она не может быть просчитана и воспринимается снова как единство. В конечном счете «исследование докажет, что вещей не существует, и в то же время существует их бесконечность, "ничто" и в то же время "что"» [9, с. 8]. На этом основании художник приходит к выводу, что чем сильнее уровень дифференциации, тем более хрупким оказывается фундамент для ее существования.

Таким образом, отождествление дифференциации и интеграции определяет теорию познания К.С. Малевича. Так же обстоит дело с его представлениями о культуре.

Импульс дифференциации, заложенный в природе мысли («раз-мыслие»), привел, по мнению К.С. Малевича, к коренному разделению систем интерпретации мира на хозяйственно-экономическую («фабрика», «харчевая система»), религиозную («церковь») и художественную («Искусство»). Каждая из этих систем преследует цель систематизировать целостность мира, поставив во главу угла свой собственный аспект миропонимания – материальный, духовный и эстетический соответственно.

К.С. Малевич обращает внимание на то, что каждая из систем интерпретации ведет человечество в одном и том же направлении, но разными путями. Осмысление целостности (в любой из систем интерпретации) необходимо, чтобы организовать и освоить ее полностью, а также устранить причину, побуждающую к развитию каждой из систем. Развитие «харчевой системы» имеет задачу полностью устранить нужду трудиться, поскольку в «новом механическом царстве» все за человека будут делать машины. Развитие духа в «религиозной системе» должно за-

вершиться устранением необходимости в дальнейшем духовном совершенствовании, поскольку совершенство будет уже достигнуто. Развитие искусства тоже должно привести к завершению этого проекта, поскольку будет постигнута «гармония, ритм, красота» возбуждений мира. Признаком совершенства, достигнутого той или иной системой, К.С. Малевич называет ситуацию, когда «всякая единица, получая свободное движение, испытывая давления, все-таки не может выйти за пределы системы» [9, с. 14].

Таким образом, вектор развития каждой из трех систем интерпретации мира – самоуничтожение. Каждая из них посредством мысли, т. е. дифференциации, ведет человека к совершенству – к единению с абсолютным, к всеединству. «К абсолютной мысли движется человечество через свои производства (хотя видит в нем простые предметы потребления)» [9, с. 12]. Выход к «абсолютной мысли» позволит, по мнению К.С. Малевича, освободиться от груза вещей, постигнув их все и отказавшись от выделения их из ткани единого, т. е. выйти в беспредметность.

Несмотря на то что все системы интерпретации имеют дело с одним и тем же миром, каждая из них автономна и противопоставлена другим: люди «вместо единого построили три единства спорящих между собою истин» [9, с. 34]. Это произошло, поскольку человеку свойственно всерьез воспринимать условность каждой из этих систем. Как следствие, он верит в истинное существование отдельных друг от друга материи, духа, красоты – вещей, на самом деле порожденных мыслью, а не «возбуждением» мира.

К.С. Малевич, убежденный в тождественности дифференциации и интеграции, рассматривает Фабрику, Церковь и Искусство как «строй» культуры, необходимый человечеству («общежитию») для гармоничного развития. Слово «строй» (как связанное с числительным «три») художник выбирает, чтобы подчеркнуть равенство данных трех систем интерпретации в их важности для «общежития». Самобытность является гарантией развития каждой из этих систем, поскольку отвечает потребности мысли дифференцировать объекты.

Действительно, и Фабрика, и Церковь, будучи достаточно автономными, способны эффективно обслуживать общежитие, расширять его влияние в разных сферах. Но если Церковь и Фабрика уже достаточно хорошо обособлены друг от друга, то Искусство, по мнению К.С. Малевича, находится в зависимости от первых двух.

Поэтому в качестве своей главной задачи К.С. Малевич называет «изгнание природы из предметов искусства, уничтожение любви и искренности в искусстве» [Цит. по: 10, с. 54]. Это как раз и означает вывод из искусства элементов других систем интерпретации мира – «харчевой» (изгнание природы – устранение материального начала) и «религиозной» (изгнание любви и искренности – устранение духовного начала).

«Наиглавнейшею основою Искусства есть его полная независимость от двух факторов – религии и материально-экономического и политического строя государства» [11, с. 364], – говорил К.С. Малевич. Посредством подобного рода дифференциации Искусства он рассчитывал добиться, чтобы «Искусство, бывшее до сих пор на услугах оформления религиозных идей и государственных, сможет выстроить мир Искусства как мир ощущений и оформить свое производство в тех отношениях, которые будут проистекать из его мироощущения» [11, с. 347].

Таким образом, интермедиа́льная стратегия К.С. Малевича (как и всё его мировоззрение) парадоксальна. По его убеждению, условием восстановления целостности, выхода человека к миру вне различий и дифференциаций является бескомпромиссное отделение дискурсов друг от друга. Особенно это касается Искусства, на том основании, что «художество – это только последняя вершина разумной деятельности, после которой вступает в беспредметность или заумь, вне относительно сферы познания, знания эстетики». Способность художника воспринимать и передавать в своем творчестве объем, ритм, цвет, движение как таковые, в отрыве от объектов, означала для К.С. Малевича наибольшую приближенность художественного образа (по сравнению с идеями «Фабрики» и «Церкви») к возбуждениям «мира как факта вне суждения». Как раз благодаря этому искусство может быть выше различий идеологической борьбы и религиозных систем и, следовательно, лучше, чем они, приближать человека к миру без порожденных мыслью предметов. Таким образом, очищенному Искусству – искусству будущего – Малевич определяет важнейшую историческую роль: «на беспредметной пустыне Искусства воздвигнется новый мир ощущений, мир Искусства». И именно новое, отделенное от Фабрики и Церкви Искусство должно было стать тем элементом строя, в котором мир воспринимался бы вне различий и дифференциаций.

В своем творчестве К.С. Малевич планомерно, в три этапа, реализовывал стратегию по очищению искусства и устранению различий из художественного мира своих произведений. Первый этап прошел в русле примитивизма и заключался в деиндивидуализации образа; второй – выразился в кубизме и состоял в алогизации сюжета и композиции; а третий – в супрематизме, в котором формулировались базовые принципы обновленного художественного творчества и исследовались выразительные возможности чистых цвета, формы и объема.

На первом этапе (1910–1912) Малевич в своих произведениях редуцировал различия между персонажами, а также стирал границы между персонажами и окружающей их средой. Люди на его полотнах этого времени предстают похожими друг на друга, как бы «вылепленными из одного теста», и сделанными из одной материи с миром, в целом. Таким образом, устранялись границы между отдельными людьми и между человеком и средой.

В качестве примера можно привести картину «Сестры» (1910). Две неспешно прогуливающиеся в саду женщины получают удовольствие от прогулки и, судя по тому, что хорошо одеты, ни в чем не нуждаются. В их облике есть один момент, который сразу же привлекает к себе внимание: обе они безлики, поскольку их глаза в прямом смысле не прописаны художником – только намечены. Благодаря этому материальная состоятельность сестер обособляется от их душевных переживаний, характера, индивидуальных особенностей – и как бы живет на холсте своей собственной жизнью. Без индивидуальности лиц основной акцент переносится на внешние сходства – одежду, аксессуары, позу, а не на различия (овал лица, рост, фигура). Таким образом, духовные различия, индивидуальные переживания, нюансы отношений оказываются выведенными из художественного мира картины «Сестры». Остается только родовая близость, подчеркнутая в названии: обе женщины, обе сестры.

Аналогичного эффекта деиндивидуализации образа Малевич добивается прямо противоположными средствами в картине «Крестьянки в церкви» (1912). Глаза становятся главным сходством между персонажами этого произведения. Цвет платья, поза, расположение каждого из девяти персонажей этой картины разные. И только глаза одинаковые. Крестьянки, заполняя всё пространство холста, предстают своего рода живой массой, и только глаза

придают единство ее пестроте. Духовное единение верующих – совершенно разных людей – запечатлено в этих образах.

В картине «Лесоруб» (1912) сконцентрировано представление Малевича о деятельности человека по освоению мира. Лесоруб рассекает лес на бревна, превращая целостность живого леса в совокупность единиц леса как стройматериала. Но что еще важнее, каждое из бревен визуально ничем не отличается от рук, ног, туловища, головы самого лесоруба. Всё представленное на холсте выполнено в четырех цветах: черном, белом, желтом и красном. Все четыре цвета сочетаются и переходят один в другой в каждом объекте – бревне или теле лесоруба. При этом все объекты имеют правильную геометрическую форму: бревна – цилиндрическую, части тела лесоруба – усеченную коническую. Так подчеркивается единство лесоруба и окружающего его мира.

Уже на первом этапе «очищения» искусства Малевич покусается на одну из центральных логических дифференциаций – разграничение субъекта и объекта. Представляя то материальное («Сестры»), то духовное («Крестьянки в церкви») единство людей, то неразрывность человека и природы («Лесоруб»), Малевич к своему кубистскому этапу готовится дать бой логике как таковой. И этот бой разворачивается на поле сюжета и композиции.

Их наличие в произведении, с одной стороны, позволяет автору задать сценарий интерпретации образов, а с другой – побуждает зрителя занять конкретную позицию в ряде возможных. Различные интерпретации ведут к социально, религиозно, политически, экономически ангажированной критике, т. е. к тому, от чего, по убеждению К.С. Малевича, искусство должно освободиться.

Задаче алогизации сюжета и композиции служат два приема – совмещение несовместимых элементов и перетасовка разных элементов, взятых из одного контекста. Первый прием используется в произведении «Корова и скрипка» (1913). Здесь кубистская проекция скрипки совмещена с ее реалистическим изображением, которое, в свою очередь, служит фоном для миниатюрного реалистического изображения коровы. В этом произведении выражено двойственное отношение К.С. Малевича к кубизму: считая заслугой этого стиля отчуждение вещей от их контекста и обнаружение в их форме пластических законов, художник критиковал кубистов за зависимость от предметов. Возможность узнать знакомый

предмет в кубистской картине приводила к тому, что зритель отвлекался именно от художественной проблематики и воспринимал изображение как головоломку, решив которую из разрозненных частей можно воссоздать предмет.

В произведении «Корова и скрипка» (1913) Малевич идет навстречу этому желанию зрителя и услужливо «воссоздает» скрипку из кубистской проекции. И тут же изображает еще один предмет – корову. Благодаря этому становится очевидным, что образ коровы настолько же бесполезен для восприятия картины, как и образ скрипки, восстановленной из ее предварительно разрозненных аналитическим усилием художника элементов. Кроме того, рассогласованность масштаба реалистичного изображения коровы и скрипки способствует еще большей алогизации этой композиции.

Прием перетасовки разных элементов задействован, например, в картине «Дама на остановке трамвая» (1914). На полотне хаотически нагромождены разные предметы, которые, возможно, окружали ту самую даму на той самой остановке. Здесь мы видим табличку с номерами трамвайных маршрутов, лицо мужчины в шляпке-котелке, фрагменты кирпичной кладки, мостовой брусчатки, какие-то железные листы с вентиляционными отверстиями и без них, а также массу других предметов, характер и назначение которых трудно понять. Наличие этих вещей не ориентирует в сюжете, а только сбивает с толку. В результате, устав от попыток ухватить сюжет, зритель оказывается просто вынужденным рассматривать цветовые контрасты и динамику плоскостей.

Если два первых этапа реализации интермедиаальной стратегии К.С. Малевича заключались в деконструкции прежнего искусства, то третий был посвящен конструированию нового, освобожденного от религии и идеологии Искусства – искусства супрематизма. Центральным для этого этапа и самым известным произведением художника стал «Черный квадрат». Этой картине и сам художник придавал большое значение, применяя в позднем творчестве изображение черного квадрата в качестве автографа.

Парадоксальность интермедиаальной стратегии К.С. Малевича в полной мере воплотилась в «Черном квадрате». Искусство, с одной стороны, освободилось от объективности, ушло от изображения вещей в пользу изображения цвета, формы, движения как таковых. Иными словами, «Черный квадрат» не означает ничего,

кроме того, что доступно взгляду. С другой стороны, «Черный квадрат» представил основные элементы, которые присутствуют в любой картине, когда-либо созданной: фон, форму и их контраст. «Супрематизм сжимает всю живопись в черный квадрат на белом холсте» [12, с. 30], – писал об этом художник.

«Черный квадрат» представляет одновременно всю живопись и ничто. Он является «нулем форм», поскольку содержит одну-единственную – базовую – форму, из которой путем вращения можно получить круг, а путем смещения – прямоугольник и крест. Он одновременно объединяет цвета (черный цвет получается в результате их смешивания) и превращает их в черный цвет (с точки зрения оптики – отсутствие цвета). Иными словами, черный квадрат является идеальной иллюстрацией убеждения К.С. Малевича в тождественности дифференциации и всеединства, «всего» и «ничего».

Косвенным подтверждением успеха интермедиаальной стратегии К.С. Малевича является огромное количество многообразных и не прекращающихся попыток раскрытия «тайны» «Черного квадрата» с точки зрения идеологии и религии, т. е. тех самых сущностей, от которых и освобождал картину ее автор. Не осталось в стороне и искусство: известно большое количество попыток возвращения квадрата из пространства беспредметности и алогизма в пространство мысли и предметов. Чаще всего используются следующие приемы: в пространство квадрата вводят реалистические изображения предметов; либо заменяют белый пустой фон на заполненный предметами и способный мотивировать расположение и функцию квадрата как предмета; либо представляют квадрат рамкой, ограничивающей некий фрагмент большего изображения. Наиболее интересные из этих проектов были объединены на выставке «Приключения черного квадрата» (Русский музей, 2007) и представлены в ее каталоге [13]. Таким образом, интермедиаальная стратегия К.С. Малевича, в основе которой лежало отождествление дифференциации с интеграцией и «всего» с «ничем» в настоящее время доказывает свою состоятельность. «Ничто» «Черного квадрата» становится «Всем» для многих зрителей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О «пересечении и взаимодействии поэтических и живописных течений» в искусстве русских футуристов см.: [6, с. 7–84].

- ² Если не считать его стихотворения и участие в двух постановках (петербургской и витебской) оперы «Победа над Солнцем».
- ³ Об этой установке К.С. Малевича в контексте архаических мифологических элементов его творчества см.: [8, с. 34].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Hansen-Löve A.* Intermedialität und Intertextualität Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst – am Beispiel der russischen Moderne // Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 11. Wien, 1983. S. 291–360.
- [2] *Brillenburg Wurth K.* Multimediality, Intermediality, and Medially Complex Digital Poetry // Ri.L.Un.E. 07/2006. № 5. P. 1–18.
- [3] *Oosterling H.* Sens(a)ble Intermediality and Interesse. Towards an Ontology of the In-Between // Intermédialités. № 1. Paris : Printemps, 2003.
- [4] *Poel J., van de.* Opening Up Worlds: Intermediality Reinterpreted. 2005.
- [5] *Турчин В. С.* По лабиринтам авангарда. М. : МГУ, 1993.
- [6] *Харджиев Н. И.* Поэзия и живопись (Ранний Маяковский) // Харджиев Н.И. К истории русского авангарда. Stockholm : Hylara Prints, 1976. С. 7–84.
- [7] *Малевич К. С.* Я начало всего. URL: <http://kazimirmalevich.ru/bsp314/>
- [8] *Злыднева Н. В.* Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М. : Индрик, 2008.
- [9] *Малевич К. С.* Бог не скинут: Искусство, церковь, фабрика. Витебск : Показательная типография проф.-тех. школы, 1922.
- [10] *Горячева Т.* Малевич и метафизическая живопись // Вопросы искусствознания. 1993. № 1. С. 54.
- [11] *Малевич К. С.* Супрематизм // Каземир Малевич: Живопись; Теория / Д. В. Сарабьянов, А. С. Шатских. М. : Искусство, 1993. С. 364.
- [12] *Малевич К. С.* Наше время является эпохой анализа // Собр. соч. в 5 т. Т. 2. М. : Гилея, 1998.
- [13] Приключения Черного квадрата. СПб. : Palace Editions, 2007. 155 с.

СИБИРСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ИСТОЧНИКАХ МЕМУАРНОГО ХАРАКТЕРА XIX В.

Актуализируется интерес современных исследователей к источникам мемуарного характера, позволяющим увидеть специфику времени, места через призму социокультурных особенностей жителей Сибири. Освещается анализ ценностных доминант сибиряков. Дается краткая характеристика мемуарам как источникам личного происхождения, позволяющим создать представление о тенденциях в истории Сибири, которые послужили формированию специфичного пласта региональной культуры.

Ключевые слова: источники мемуарного характера, ценностные доминанты сибиряков, культура Сибири.

Современный всплеск интереса к мемуарной литературе обусловлен фактором внимания к тенденциям и ценностным приоритетам, которые определяют динамику жизни. Стремление к сохранению специфики региональной культуры становится тенденцией времени, что связано с желанием выделить уникальность своего, локального жизненного устройства. Мемуаристика, по мысли А.Г. Тартаковского, «представляет интерес и самим фактом своего... существования в качестве длительно бытующей культурно-исторической традиции. Создание, а еще более обнаружение мемуаров тоже есть событие в истории культуры, поступок, акт деятельности исторически мыслящего человека» [1]. Сказанное в полной мере относится к сибирякам, отразившим события XIX в. в источниках мемуарного характера, воссоздающим ценностные ориентиры представителей разных сословий. Мемуары направлены на передачу эпохального колорита, являются следствием социально-психологической среды, которая породила желание зафиксировать события времени, дать им оценку. Не случайно мемуары можно рассматривать как произведения, отражающие и специфику эпохи в целом, и ценностные приоритеты авторов.

Современная историография дает несколько подходов к пониманию сущности источников мемуарного характера: 1) мемуары как «воспоминание о жизненном пути их автора», целиком посвященные описанию только тех событий, в которых автор участвовал» [2]; 2) мемуары как источник, отражающий социальную психологию группы, к которой относился ее автор и тот, о ком он писал [3]; 3) мемуары как автобиографии, мемуары-истории [4]. Формулировка «источники мемуарного характера» наиболее всеохватывающая – это воспоминания, автобиографии, путевые записки и дневники; они являются «описаниями событий и переживаний, которые основаны главным образом на памяти» [5]. Специфика сибирских мемуаров заключается в том, что они создаются постоянными жителями или уроженцами Сибири, а также временными обитателями Сибири и отражают ценностные доминанты данного региона. Произведения разнохарактерны по своему содержанию в силу имущественного, сословного, этнического разделения авторов. Однако в записях наблюдается тематическая цельность излагаемого материала в силу пребывания мемуаристов в единых природно-территориальных и близких экономических условиях. Отметим лишь некоторые события, исторически определяющие специфику Сибири как осваиваемую территорию в составе Российской империи в девятнадцатом столетии.

В первой половине XIX в. военно-оборонительные мероприятия русских властей на юге Западной Сибири продемонстрировали способность России противостоять цинскому Китаю и естественно развивать русско-казахские и русско-киргизские отношения. Следствием этого стало усиление торговых связей с казахами, а оседлость переселенцев из южных губерний Европейской России, широко занимающихся сельским хозяйством, привела к дешевизне продуктов питания [6]. Присутствие в Сибири ссыльных поляков, захваченных в ходе Отечественной войны 1812 г., ссыльных декабристов и петрашевцев, пребывание чиновников дворянского происхождения значительно повлияло на формирование интеллектуальной, духовной культуры местного населения. Так, в Омске в 1813 г. Семеном Богдановичем Броневским организуется из военнопленных духовой оркестр, о котором он, будучи атаманом Сибирского линейного казачьего войска, позже напишет: «Вдруг явилась в Омске музыка, какой там от сложения мира не слыхивали. Богемцы, немцы и поляки удивляли своею игрой. Главные: Ганн, Долек, Квятковский, Радольский, Гиденский, Голомбетский и другие, имели замечательные таланты, играя на многих инструментах» [7].

В.И. Вагин, уроженец Иркутска, впоследствии – российский литератор, публицист, общественный деятель, являясь сыном чиновника и внуком солдата, в детские и юношеские годы побывал во многих городах Восточной и Западной Сибири. В своих мемуарах «Мои воспоминания» автор делится впечатлением о полковом казачьем оркестре, в котором были исключительно одни поляки. Они играли «знаменитый марш» на парадах и тщательно скрывали особенности его исполнения от пехотных музыкантов. Однако это не помешало участникам пехотного оркестра вслушаться в звучание марша, положить его на ноты для оркестра и исполнить на очередном параде, что вызвало «удивление поляков» и восторг зрителей [8].

Описывая будни губернских и уездных городов, наполненных повседневными заботами, когда летом «бабы белили холсты... и зеленеющие летом улицы с разостланными на них холстами были гораздо более по сердцу, чем вечно серые и пыльные улицы больших городов» – о летнем Омске 1832 г.; когда в почтовых ведомствах выполняли «неприглядные поручения – распечатывать письма и доносить на тех, которые почему-нибудь заслуживали внимания», за это назначалось

«какое-то жалование» – о работе почтового ведомства в Иркутске; когда военная обстановка сибирских городов производила настолько огромное влияние, что в сознании «надолго оставалась страсть к мундирам, эполетам и другим финтифлюшкам, а также мечты о войнах, победах и тому подобное» [9], мемуаристы немалое место в воспоминаниях отводят роли музыки и театра, описаниям народных праздников.

Так, особое внимание уделялось теме любительского и городского театра, который был неразрывно связан с «провинциальной интеллигенцией». Именно так всё чаще во второй половине XIX в. называют часть общества, сформированную в различных регионах России из числа местной общественности [10]. В губернских городах Сибири на этот процесс оказывали влияние земства, научные общества, органы городского самоуправления. Основной состав провинциальной интеллигенции был представлен дворянами, духовенством, важный вклад внесло учительство, в числе которого к концу XIX в. были выходцы из крестьян, получивших образование в училищах и семинариях сибирских губерний или центральной части России. К примеру, в «Воспоминаниях» В.С. Кропоткиной отмечается, что нередко в Иркутске молодые люди с университетским образованием, полученным в Центральной России, устраивали любительские спектакли, а пьеса Островского «Бедность не порок», свидетельницей постановки которой была Вера Себостьяновна, стала судьбоносной: на просмотре произошла встреча с будущим супругом – А.А. Кропоткиным. Кропоткина отмечает, что несмотря на удаленность от столиц («мы жили в Иркутске») прогрессивная молодежь Сибири «нисколько не отстала от современного... течения мысли», поскольку была в окружении молодых людей, обучающихся в Иркутской гимназии. Они «доставляли “Русское слово”, где помещались статьи Писарева, роман Чернышевского “Что делать” и разные публицистические статьи» [11].

По мысли современного исследователя сибирской мемуаристики Н.П. Матхановой, для источников мемуарного характера XIX в., преимущественно дворянских, переломным моментом стала середина 1850-х гг., что связано с такими событиями, как амнистия декабристов, начало присоединения Амура, осуществление реформ. Кроме того, развитие мемуаристики в Сибири в целом было подготовлено общим ростом образовательного и культурного уровня. В числе основных

мотивов женского пласта сибирских мемуаров можно выделить мотивы знакомства, дружеских или родственных отношений с выдающимися людьми, свидетельства важных исторических событий, описания сибирской экзотики [12]. Они определили ценностные доминанты жизнеустройства не только круга сибирской интеллигенции, но и представителей других слоев населения. Мемуаристы осознавали историчность происходящих событий, что неоднократно подчеркивается в содержании воспоминаний. В частности, Ю.Г. Завойко – жена губернатора Камчатской области – стала свидетельницей обороны Петропавловска-Камчатского в 1854 г. от англо-французской засады. Факты военных действий: описание боя, предшествовавшие и последовавшие события – занимают половину объема записок. В последних строках своих воспоминаний Завойко пишет: «...я рискнула... собрать мои отрывочные записки и поделиться воспоминаниями об этой тяжелой, но вместе с тем и славной нашей русской жизни» [13].

В записках Е.А. Авдеевой-Полевой, супруги иркутского купца, побывавшей с мужем во многих сибирских городах, дается описание Иркутска и ближних к нему территорий. В «Записках и замечаниях о Сибири» автором отмечается такая трудность в изучении места, как его разнообразие: «...каждая из сибирских губерний представляет разницу в произведениях, климате, жителях и их образе жизни». При этом высказывается надежда на то, чтобы «трудолюбивая рука просвещенного писателя составила описание Сибири в историческом, географическом и статистическом отношении» [14]. Мемуары Авдеевой-Полевой содержат описание свадебных и траурных обрядов, обряд рождения младенца и различные способы гадания, которые, по мысли автора, способны не только показать разные стороны жизни сибиряков, но и объединить их на основе общего уклада духовной жизни, которую формируют особенности народной культуры.

Мемуаристика сибиряков второй половины XIX в. включает в себя изображение знаковых для Сибири событий, в числе которых строительство Великого Сибирского пути – Транссибирской железнодорожной магистрали – и посещение Восточных территорий Российской империи Цесаревичем Николаем Александровичем. Например, станичный атаман, урожденный сибиряк Р.К. Богданов называет 1891 г. «счастливейшим для России, в особенности Восточной Сибири и

Амура, в нем ожидается посещение Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, Августейшего Атамана...». Свидетельство «Воспоминания Амурского казака», прописанное далеким от среды чиновников и политических ссыльных человеком, педантично рисует картину встречи автора с наследником престола: описывается не только внешний вид Цесаревича, но и ощущения рассказчика. Мемуарист подчеркивает осознание абсолютной важности события для Сибири и желание его запечатлеть для потомков в мельчайших деталях [15].

Сегодня можно выделить несколько групп источников мемуарного характера XIX в., отражающих специфику сибирской действительности. Мемуары сибирского духовенства содержат ценнейшие сведения о религиозной деятельности представителей православной церкви, об их отношениях с населением, светскими властями (А.И. Сулоцкий, архимандрит Макарий (Глухарев), епископ Никодим (Н.И. Казанцев)). Женская мемуаристика интересна как источник, дающий материал по истории семьи (Е.А. Авдеева, С.Н. Бибикина, Е.О. Дубровина, Е.И. Капустина, Е.Ф. Непряхина). Мемуары купечества насыщены бытовым содержанием и позволяют изучать внутренний мир сословия. Вместе с тем обращение к мемуарам не только погружает в историко-культурный контекст места, но и дает представление современному человеку о тех тенденциях в истории Сибири, которые послужили формированию характерного социокультурного пласта, создаваемого напластованием культуры аборигенов, спецификой проживания старожильческого населения, самобытными формами существования переселенцев. Пограничное положение сибирских регионов постепенно оказало влияние на возрастание значимости межкультурных отношений, которые и сегодня определяют уникальность местной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 3.
- [2] *Черноморский М. Н.* Мемуары как исторический источник : учеб. пособие / отв. ред. И. К. Додонов. М., 1959. С. 8–11.
- [3] *Миц С. С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 55–70.
- [4] *Григорьев А. А.* Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как исторический источник [Электронный ресурс]. URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/grigorev1.htm>.

- [5] *Деревнина Л. И.* О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. № 4. С. 34.
- [6] *Якименко Н. А.* Документы центрального и областных архивов УССР о переселении крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 38–45.
- [7] *Миненко Н. А., Рыженко В. Г.* Военные и штатские // Миненко Н.А., Рыженко В.Г. Из века XVIII – в век XXI: История Омска. СПб., 2006. С. 99–121.
- [8] *Вагин В. И.* Мои воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX век. Новосибирск, 2003. С. 8.
- [9] Там же. С. 22.
- [10] *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 5.
- [11] *Кропоткина В. С.* Воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX век. Новосибирск, 2003. С. 95.
- [12] Например: *Матханова Н. П.* Сибирская женская мемуаристика XIX века // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. : сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 45; *Матханова Н. П.* К вопросу о сибирской мемуаристике первой половины XIX века // Шестые Макушинские чтения : тез. докл. науч. конф., 22–23 мая 2003 г., Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 14–87; *Ее же.* Предисловие // Мемуары сибиряков. XIX век. Новосибирск, 2003. С. 3.
- [13] *Завойко Ю. Г.* Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854–1855) // Русский вестник. 1876. Т. 123. № 6. С. 442–504.
- [14] *Авдеева Е. А.* Записки и замечания о Сибири. // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 97.
- [15] *Богданов Р. К.* Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год // Мемуары сибиряков. XIX век. Новосибирск, 2003. С. 237–238.

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Исследуется погребально-поминальная обрядность русских Тоболо-Иртышского междуречья в контексте принципа локальности. Применяется типология локусов, разработанная с целью разностороннего рассмотрения традиций. На основании архивных, полевых материалов и научной литературы производится сравнение обычаев и ритуалов, связанных со смертью, характерных для Европейской России и Западной Сибири. Выявлено значение южнорусского и севернорусского компонентов погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского региона.

Ключевые слова: Тоболо-Иртышское междуречье, погребально-поминальная обрядность, локальность, традиционная культура русских XVIII–XX вв.

Для современной науки характерно постепенное признание тезиса о том, что традиционная культура существует только в локальных формах. Это свойство традиционной культуры начинает рассматриваться в научных публикациях различного рода [1]. Погребально-поминальная обрядность, являясь одной из важнейших компонент традиционной духовной культуры, закономерно также подвержена принципу привязки к месту. В рамках данной работы предполагается исследовать локальность как базовую характеристику погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского междуречья. Источниками работы послужили материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (МЭЭ ОмГУ), собранные в 2009–2010 гг. в Викуловском и Сорочкинском районах Тюменской области и Муромцевском районе Омской области, а также материалы рукописного фонда Государственного учреждения Курганский областной центр народного творчества (РФ ГУ КОЦНТ) 1981–2005 гг., архива Музея археологии и этнографии ОмГУ (МАЭ ОмГУ), Государственного архива Курганской области (ГАКО), а также научная литература по теме исследования.

Для определения самого понятия локальности рассмотрим следующее замечание А. Г. Селезнева: «Самым существенным свойством традиционной культуры является ее социальная и территориальная замкнутость, самодостаточность, локальность. <...> Родовые и общинные связи в рамках традиционной культуры являются наиболее актуальными и значимыми. <...>. Коллективы людей, существующих в рамках традиционной культуры, могут занимать значительные ареалы, но в любом случае они будут локальными, замкнутыми сами на себя» [2]. Для современной культуры русских следует несколько расширить понятие локальности, исключив абсолютную замкнутость. Локальность в данном исследовании будет рассматриваться как динамическое явление, поскольку даже при включении локуса в более крупную систему определенная степень самобытности сохраняется, а нововведения имеют свойство трансформироваться сообразно текущей культуре места. Изолят в современной русской культуре – явление исключительно редкое, но представляется возможным рассматривать как локальные любые сельские культурные ареалы, характеризующиеся

спецификой места, поскольку, как отмечал Н.И. Толстой, «вся народная культура диалектна <...> все ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и внутридиалектных вариантов с неравной степенью различия» [3]. Таким образом, можно рассмотреть локальную культуру в динамике.

Погребально-поминальная обрядность русских в основе сложилась на территории Европейской России и была привезена переселенцами в Сибирь, где в XVIII–XX вв. приобрела самобытные черты. Традиционно обычаи и ритуалы, связанные со смертью, нормировались не столько религиозными догматами, сколько социальными стереотипами поведения, характерными для русских и, как правило, отражающими специфику места. Особенность духовной культуры Западной Сибири состоит в контаминации северорусских, центральнорусских и южнорусских культурных традиций. Кроме того, в разнообразных с точки зрения географии, сроков и этапов заселения, мест выхода переселенцев в Сибирь и т. п. сформировались локальные особенности обрядов в отдельных населенных пунктах. Таким образом, погребально-поминальная обрядность русских Тоболо-Иртышского междуречья, с одной стороны, сохраняет черты традиций Европейской России, воспроизводя отдельные ее элементы с неизменной точностью, с другой стороны, в данном регионе она сложилась как результат контактов старожилов с переселенцами, старообрядцев с мирскими, белорусов с русскими и т. д.

У русских Тоболо-Иртышского междуречья наибольшую сохранность традиционные погребальные и поминальные обряды имеют в сельской местности. В настоящее время для них характерна довольно сложная структура. В структуре обряда можно найти и архаические элементы дохристианских славянских традиций, и некоторые локальные особенности, возникшие во второй половине XX в. и характерные для отдельных сел и деревень рассматриваемого региона. Сегодня погребально-поминальная обрядность русских Тоболо-Иртышского междуречья продолжает развиваться, испытывая на себе влияние роста информации, глобализационных процессов, утраты символических смыслов одних элементов обряда и обретение новых и т. д. Чтобы дать полную характеристику локальных вариантов погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского междуречья, необходимо составить типологию локусов.

Данная типология необходима в исследовании для возможности объединения и обобщенного описания некоторых аспектов различных погребальных и поминальных обрядов. В рамках этнографии выработан ряд оппозиций в типологизации локусов. На сегодня нет единого принципа классификации локусов. В действительности для данного исследования имеют значение различные параметры, которые могут служить основанием для классификации. Таким образом, локусы будут не классифицированы по единому основанию, а типологизированы по различным принципам с целью наиболее комплексного и разностороннего рассмотрения.

Выделяют несколько основных принципов деления:

- 1) хронологический
 - а) старожильческие локусы (преобладание потомков переселенцев XVI – первой половины XIX вв.);
 - б) переселенческие – зоны позднего (вторая половина XIX в.) и позднейшего (XX в.) заселения;
- 2) топографический
 - а) прибрежные (приречные);
 - б) приозерные;
 - в) притрактовые;
- 3) по местам выхода – основанные представителями северорусской и южнорусской культурной традиции.

Данные типы могут сочетаться в различных ситуациях: очевидно, что локус может одновременно являться зоной с преобладанием старожильческого населения и одновременно располагаться у реки. Более того, В. А. Липинская отмечает, что «тракты обычно следовали вдоль рек, поэтому притрактовые селения по большей части находились одновременно и у дороги, и у естественных водоемов» [4].

Характеризуем погребально-поминальную обрядность русских в каждом из типов локусов.

1. Старожильческие поселения.

В д. Корюкина Белозерского района Курганской области сохранились традиционные представления об одежде, в которой хоронят покойного: «Погребальную одежду шили еще при жизни и хранили отдельно от другой одежды. «Смертной» одеждой могла быть венчальная /рубаша, платье. Смертную одежду шили, а при раскрое ее не разрезали ножницами. Эта одежда не дошивалась и не подрубалась» [5]. В с. Сорокино Сорокинского района Тюменской области по словам Н. Н. Гетмана было много кержаков, просивших сделать могилу «с подкопом» [подбоем], а также «бабка», которая «помирала трое

суток, на стенке ползала пока не открыли печку и вьюшку там, чтобы вылетела» [6]. В с. Бергамак Муромцевского района Омской области в 1995 г. был зафиксирован обычай качать гроб с покойным трижды в створе ворот кладбища [7].

2. Новосельческие локусы.

В д. Пищальную (ныне село Пищальное Половинского района Курганской области) в 1870-е гг. производились активные переселения крестьян из Европейской России [8]. Погребально-поминальная обрядность этих мест неоднородна: с одной стороны, здесь «подают курицу через гроб», что характерно для южнорусской и малорусской культурной традиции, с другой – принято замывать след за гробом, что в основном фиксируется в северных областях Европейской России. Именно в новосельских локусах мы можем наблюдать наибольшую степень контаминации разнокультурных образцов в одном обряде. Кроме того, в новосельских локусах более заметна динамика погребально-поминальной обрядности. Так, в д. Борки Викуловского района Тюменской области зафиксировано противопоставление: «когда ставят памятники выходцы из Викулова, оставляют старые кресты, здесь – выкидывают» [9], т. е. старожильческая традиция оставлять деревянный крест даже при установке нового памятника здесь не поддерживается. По материалам 1994 г. в д. Игоревка Муромцевского района известно, что могильные ямы здесь копают «прямые», без уступов [10], при условии, что обычным для переселенцев из Белоруссии является делать могилы с полатыми.

3. Локусы, основанные на естественных водоемах.

Между приречными и приозерными локусами в плане погребально-поминальной обрядности сложно установить какие-либо отличия, с другой стороны, имеет смысл сравнение приречных и приозерных локусов с притрактовыми. Поселения, изначально основанные по принципу близости водоемов, в значительном количестве старожильческие, в отличие от тех, что построены благодаря строительству трактов и железной дороги. Приречные и приозерные села и деревни в случае удаленности от основных трактов, кроме того, еще и обладают меньшей степенью динамики. В них происходит меньший приток переселенцев и медленнее материально-техническое развитие (за счет чего дольше сохраняются традиционные способы изготовления материальных компонентов обряда). Старожильческая

д. Полой Могилевской волости Курганского округа в 1895 г. находилась в стороне от крупных трактов, зато на берегу пруда Полой и вблизи озера Обухово [11]. Уроженка с. Полой Мокроусовского района Курганской области В. Д. Быстрыкина демонстрирует знание архаических защитных ритуалов, связанных с приготовлением «смертного»: «<...> шили от себя, чтобы отворотить смерть от остальных домашних» и традиционных поминальных плачей [12] (текст почти полностью совпадает с плачем, бытующим на территории Европейской России, приводимым в книге А. Н. Соболева 1913 г. [13]). В пришимском старожильческом с. Готопутово Сорокинского района Тюменской области в 2009 г. А. П. Козлова сообщила, что «<...> два года назад маму хоронила. <...> Гроб не покупали, были куплены заранее доски, мама сама еще до болезни их купила. Есть у нас в селе мужик, мастер на все руки, он гроб и сделал» [14]. То есть в 2007 г. сохраняется традиция предварительной заготовки материала для гроба и самостоятельного изготовления гроба при условии, что в Викуловском и Сорокинском районе осознание важности этой традиции утрачено почти повсеместно и налажено массовое производство, которым и пользуется население. Кроме того, близость к таким рекам с опасным течением и дном (например, Тара) создает комплекс представлений о русалках [15].

4. Притрактовые поселения.

Этот тип обладает высокой степенью динамики погребально-поминальной обрядности. Значительная часть из них – новосельские, остальные испытывали постоянный приток новоселов из разных частей страны. Кроме того, притрактовые локусы в первую очередь становились местом ссылки. И. Я. Трофимов при описании с. Боровлянского Брылинской волости Курганского округа Тобольской губернии отмечает, что оно «некогда было местом ссылки каторжных на стеклянно-литейный казенный завод <...>. Все жители села – потомки бывших каторжных ссыльных и лет 8 тому назад умер последний представитель ссыльно-каторжный с прорванными ноздрями» [16]. В с. Балакуль Лебяжьевского района Курганской области «гроб оббивают красной тканью и черной оборкой, внутри белого цвета», «кладут пух в подушку» (хотя традиционно она набивается стружкой, травой или волосами умершего); тем, кто копал могилу, могут подарить не только платки или полотенца, но и носки; зеркала открывают на второй

день («когда одну ночь побудет на кладбище») [17]. На кладбище с. Озерное Викуловского района Тюменской области (общее для нескольких соседних населенных пунктов) зафиксирован специфический способ расположения могил в пределах одной оградки: ряд образуют длинные стороны могил [18]. Причем местные жители полагают такой принцип организации обычным и традиционным, говорят, что так было всегда. Д. Дурново Муромцевского района Омской области расположена невдалеке от тракта на проселочной петле. По словам местной жительницы Д. М. Кожемякиной (1904 г.р.), «в деревне были и ссыльные» и в целом. «В основном деревню населяли переселенцы (до 1914 г.), потом деревня разрослась, и притом очень сильно» [19]. Здесь фиксируется определенная небрежность: «стружки, оставшиеся после изготовления гроба, не жгли, а увозили и сваливали где-то», «обычно подушку набивали вениками, но могли набивать и пером», «на кладбище пили вино сразу после похорон» (почти повсеместно господствует мнение, что пить на кладбище было нельзя) [20].

5. Локусы с преобладанием северорусской культурной традиции. В плане деления локусов по преобладанию того или иного населения по месту выхода говорить что-либо однозначное еще сложнее. В действительности повсеместно происходит смешение различных групп населения и контаминация разнолокальных традиций. Тем не менее попробуем в общих чертах описать традиции, пришедшие в Сибирь с Русского Севера. Известно, что в 1846 г. 3 000 душ из Псковской и 1 000 душ из Смоленской губерний подлежали водворению в Ялымскую и Нижнее-Алабугскую волости Тобольской губернии [21]. В современных с. Глядянское и Ялым зафиксированы плачи, сходные с записанными Е. В. Барсовым в северных областях Европейской России (например):

Уж вы дуньте, ветры буйные, ветры-вихори,
Да ты ударь-ка, громава стрела,
Расколися, мать сыра земля,
Вы откройтеся, тонки саваны.
(с. Глядянское) [22]

Уж повийте, ветры буйные,
Раскатите белы камешки
Разступись-ко, мать сыра земля,
Покажись, бела колодушка,
Пораспейтесь, белы саваны.
(Олонецкая губерния) [23].

Исследование М. А. Бережновой и И. Н. Назарова [24] приводит к мысли о том, что такие элементы, как заливание пути, прикосновения к покойнику от страха, посадка на табурет или скамью, чтоб не тосковать, имеют северорусские корни. Выходец с. Большое Сорокино Сорокинского района (изначально заселяемого выходцами из северорусских областей) Н. Н. Гетман говорит о том, что «обязательно пола надо мыть, чтоб смыть всё, чтоб чисто после него [покойника] было» и «я по себе как тоже боялся, а потом мне сказали: “Ты мертвеца возьми за большой палец”» [25], притом что ни одного элемента, связывающего с южнорусскими традициями, он не называет. В д. Качесово Муромцевского района зафиксирован причет, сходный с причетом из северной части России:

Разродная ты моя желанная мамонька,
Куда ты, моя родима, собралася?
Да на кого же ты меня оставила
Да горькою ты меня сиротою,
Да молодым ты меня молодешеньку.
Да теперь я тебя не увижу,
Да голосочка твоего не услышу.
Да наглядитесь мои очи ясные,
Да на свою-то родиму мамоньку,
Да во-послушайте-ка разочек.
Больше я тебя не увижу, не услышу [26].

Ты скажи, родитель-батюшко,
Мне изведай, красно солнышко,
Уж ты куды да снаряжаешься,
Уж ты куды да сокручаешься,
<...>
Оставляешь ты нас бедных,
Покидаешь нас, безчастных,
<...>
Иду ради повиданьица,
<...>
Не пробаешь – не проговоришь
Одного слова – единого [27].

6. Поселения, в которых доминируют южнорусские традиции. Уроженец с. Васильевка Н. М. Дудин (1942 г.р.) сообщил, что село было основано переселенцем из Тамбовской губернии В. Дудиным около 1883 г. Он же рассказал, что «вынесенный гроб ставят на табуретки в ограде для прощания. Дается курица через гроб для того, чтобы хозяйство осталось во дворе, женщине, входящей в ограду» [28]. В с. Сартам и Озерное Викуловского района Тюменской области кладбище часто называют «могилки» [29], что явно связывает эти локусы с южнорусской традицией (в северорусской кладбище именован-

лось «буево»/«буевка», а могила – «погребом» [30]). «Могилками» называет кладбище и М. А. Жучкова, живущая в части с. Бергамак Муромцевского района Омской области, именуемой «Пензой», поскольку этот «край населяли переселенцы из Пензенской губернии» [31]. В д. Окунево записано свидетельство, согласно которому «остался обычай хоронить выкидышей в подполе», а не нести их на кладбище [32], аналогии которому находят преимущественно в южнорусских губерниях Европейской России [33].

Собственно локусы русских Тоболо-Иртышского междуречья исторически формировались в различных природно-климатических, экономических и социальных условиях. Всё это отразилось в культуре, в том числе в погребально-поминальной обрядности населения исследуемого региона. Так, старожильческие локусы обладают более высокой способностью консервировать отдельные элементы обряда (так, например в с. Бергамак Муромцевского района Омской области до сих пор хорошо сохранилась традиция вешать на надмогильные конструкции березовые венки на Троицу). Переселенческие (особенно позднейшего заселения) локусы характеризуются большей динамикой, в них активней формируются новые традиции (например, традиция сигнализировать автомобильными гудками, когда везут покойного в с. Сартам и д. Борки Викуловского района Тюменской области). В приречных и приозерных зонах зачастую фиксируются специфические народные верования (так, в с. Бергамак Муромцевского района Омской области широко распространены рассказы о русалках, причем образы русалок сильно расходятся с описанными в литературе). Притрактовые локусы характеризуются большим количеством ссыльных и спецификой экономического уклада. Как писал Н. Рубакин: «<...> по большому Сибирскому тракту народ особый: эти говорят: “не пашня нас кормит, а большая дорога”. Кто здесь позажиточнее, тот занимается дворничеством, содержит почтовую, этапную, земскую гоньбу, возит проезжающих» [34]. Такая социально-экономическая специфика притрактовых локусов в совокупности с тем, что по тракту происходит оживленная торговля, способствует ускоренной динамике традиционной культуры и некоторых аспектов погребально-поминальной обрядности этих локусов.

Таким образом, следует отметить, что для понимания важнейших аспектов духовной жизни русских Тоболо-Иртыш-

ского междуречья большое значение имеет принцип локальности, принятие того факта, что от социально-экономического положения конкретного села или деревни, его этнической истории, взаимодействия с соседними локусами зависит не только материальная, но и духовная компонента культуры, в том числе традиции, связанные со смертью. Кроме того, проведенное исследование показывает, что погребально-поминальная обрядность сама по себе может служить ценным источником по истории локусов от масштабов деревни до региона.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Локальные традиции народной культуры в конце XX века : материалы регион. науч.-практ. конф. Курган, 2002. 121 с.; *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгайбаев Е. А.* Мир таежных культур Юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск, 2006. 259 с.; *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 512 с. и др.
- [2] *Селезнев А. Г.* Или-или: проблема соотношения традиционной и этнической культуры // История и культура Сибири : материалы юбилейной научной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. Омск, 2001. С. 144–145.
- [3] *Толстой Н. И.* Указ. соч. С. 20.
- [4] *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987. С. 44.
- [5] РФ ГУ КОЦНТ. Папка 11. Л. 144.
- [6] МЭЭ ОмГУ 2009. Полевая опись (П.о.) 11. Л. 14, 15.
- [7] МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Оп. 93-2. Д. V. Л. 69.
- [8] ГАКО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 603. Л. 2 Об.–3.
- [9] МЭЭ ОмГУ 2009. П.о. 11. Л. 4 Об.
- [10] *Бережнова М. Л.* Особенности погребального обряда белорусов Омского Прииртышья (о возможности реконструкции традиций погребального обряда прошлого) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск ; Омск, 2006. С. 43.
- [11] Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895. С. 130.
- [12] РФ ГУ КОЦНТ. Папка 11. Л. 7 Об.
- [13] *Соболев А. Н.* Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям. СПб., 1999. С. 187.
- [14] МЭЭ ОмГУ 2009. П.о. 13. Л. 10 Об.–11.
- [15] МЭЭ ОмГУ 2010. П.о. 3. Л. 3, 5 Об.; Бергамак – село на берегу реки (рассказы сельчан о родном селе) [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1338> (дата обращения: 5.07.11).
- [16] Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии... С. 19.
- [17] РФ ГУ КОЦНТ. Папка 11. Л. 108, 110.
- [18] МЭЭ ОмГУ 2009. П.о. 11. Л. 18.

- [19] МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Оп. 93-2. Д. I. Л. 10.
- [20] Там же. Д. V. Л. 55; 57.
- [21] ГАКО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 585. Л. 50.
- [22] РФ ГУ КОЦНТ. Папка 11. Л. 42.
- [23] Барсов Е. В. Причитания Северного края. М., 1872. Ч. I. С. 70.
- [24] Бережнова М. Л., Назаров И. И. Восточнославянские элементы в погребальном обряде русских сибиряков // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса ; Омск, 2007. С. 266–270.
- [25] МЭЭ ОмГУ 2009. П.о. 11. Л. 14 Об.–15.
- [26] Жижунова М. А. О погребальном обряде русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 54.
- [27] Барсов Е. В. Указ. соч. С. 45–51.
- [28] РФ ГУ КОЦНТ. Папка 11. Л. 20.
- [29] МЭЭ ОмГУ 2009. П.о. 11. Л. 10 Об.
- [30] Барсов Е. В. Указ. соч. С. 332, 342.
- [31] МЭЭ ОмГУ 2009. П.о. 3. Л. 4 Об.
- [32] МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Оп. 92-3. Д. VI. Л. 123.
- [33] Бережнова М. Л., Назаров И. И. Указ. соч. С. 267.
- [34] Рубакин Н. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М., 1915. С. 72.

О СИМВОЛИКЕ МЕЧА В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЕРМАНЦЕВ

Рассматривается символика меча в культуре германских земель. Показана трансформация представлений о роли меча на протяжении веков. Меч представлен как предмет, наделённый личностными качествами и особыми магическими свойствами.

Ключевые слова: меч, средневековая Европа, культура, сакральность, магия.

В европейском средневековье символ становится одним из общекультурных принципов, важной составляющей картины мира, центральной идеей которой для средневекового человека была идея бога. В средневековом мировосприятии «идея была столь же реальна, как и предметный мир, поэтому конкретное и абстрактное почти не разграничивались. <...> В любом событии человек мог видеть знамение свыше и сам создавал символы с целью влияния на исход событий» [1].

Средневековая символика находила разнообразные способы выражения: и в слове и в предмете, в различных формах их отображения. Среди используемых предметных символов значимое место занимает оружие, и прежде всего **меч**.

Принципиальное отличие меча от любого другого оружия в европейской истории заключается в многозначности (полисемантической) его как символа. Меч всегда служил символом воинственности, героического начала, силы, правосудия. Меч – атрибут римского бога Марса, выступающего в качестве охранителя мирного труда.

Подобно другим видам оружия, меч символизирует власть. Наделённый особой силой, соединяющей дух с материей, меч становится символом завершенности и долга: меч короля Франции, посвящавший рыцарей, символизировал вертикальную ось, связывающую небо и землю, и указывал монарху на его долг быть воистину справедливым; выполнение последнего позволяло ему поддерживать вечный порядок вещей [2].

История европейского меча начинается примерно с эпохи Меровингов, т. е. с середины VI в. н.э. Однако первые упоминания о появлении меча у германцев относятся к III в. н.э. Это был тяжёлый однолезвийный, как правило двуручный, меч под названием Скрамсакс. Выглядел он как очень большой нож, так как создан был в результате развития древнего оружия германцев – ножа Сакс. Но прямой обоюдоострый меч Спата, меч в современном понимании, появился у германцев в V веке н. э. [3].

В то время и в тех условиях такой меч был трудоёмким в изготовлении и потому дорогим оружием, доступным лишь избранным. Именно в эпоху Меровингов, когда произошло классовое расслоение в германских племенах, меч становится достоянием высшего сословия. Простолюдинам же под угрозой суровой кары запрещалось владеть мечом. Как атрибут исключительно высшего сословия меч становится символом состоятельности и «благородного» происхождения.

У многих народов древности меч служил не только оружием, но и символом личной свободы (например, представленные Тацитом описания мужских инициаций германцев) и сильнейшим оберегом и предметом, который при необходимости мог стать магическим инструментом.

Меч в сознании людей наделялся магическими свойствами. Сам материал, из которого изготовлялся меч или нож, обладал определенной магией. Дополнительные магические свойства придавала оружию и сама его форма: как посох, меч или нож использовались для направления магической энергии, свободно «стекающей» по клинку. В сакральной традиции оружие часто украшалось магическими символами, как о том говорит, например, Скирнир в одной из песен «Старшей Эдды» о мече бога Фрейра [4]:

Видишь ты меч
В ладони моей,
Изукрашенный знаками?..

(Поездка Скирнира, 23)

На многих мечах и наконечниках копий, датированных началом – серединой прошлого тысячелетия, мы можем видеть разнообразные магические символы, в том числе руны. Очень часто вместе с магическими изображениями мы находим на клинках начертанные рунами имена самого оружия. Среди имен оружия встречаются такие: Ranja – «Нападатель» или «Пронзающий» (Германия, III век), Gaois – «Лаятель» (т. е. «тот, кто лает»), «Dorih» – «Могучий-в-Храбрости» и т. д. Известны также предметы, на которых одна надпись соединяет заклинание и собственное имя предмета. Так, на клинке одного из раннесредневековых мечей можно видеть руническую надпись, гласящую: «Да не щадит никого Марр», здесь Марр также является именем меча [5].

Во множестве легенд и сказаний Германии, Англии, Франции, начиная примерно с IX в., также упоминается о мечах, имеющих собственное имя и свои, подчас уникальные, свойства. Таковы, например, меч Роланда, выкованный кузнецом Мадельгером из Регенсбурга, называвшийся «Дюрандаль», меч Карла Великого – «Жуайоз», меч короля Артура – «Эскалибур» и т. д.

Создалось весьма своеобразное, исключительное отношение к мечу – не только как к предмету, оружию, а как к артефакту, способному наделять своего владельца определёнными качествами.

Меч для его владельца зачастую являлся амулетом. И так же как амулет, германский меч (в отличие от римского) нередко покрывался узорами, имевшими, как минимум, двойное значение. С одной стороны, богатство украшения меча свидетельствовало о богатстве и знатности его владельца, а с другой – узоры имели сакральное значение. До XIII в. богатыми узорами и украшениями покрывались да-

леко не все мечи. Зачастую великолепно изготовленный клинок снабжался довольно грубым эфесом.

О мечах раннего периода (V–VI вв.) в Германии сохранилось очень мало сведений. По всей видимости, мечи, если и украшались, то исключительно германской религиозной символикой. Исключением могли быть лишь мечи, изготовленные на Востоке по заказу германских правителей. В связи с христианизацией германских племён в декоративных узорах постепенно стала появляться христианская символика, зачастую перемешанная с языческой [6].

Во многих традициях меч наделялся способностью защищать от злых духов. Аналогичным образом в христианстве нечестивость и ересь изводилась не только огнем, но и мечом.

Почтенное отношение к мечу переносилось и на его создателя. Кузнец был человеком, которого уважали, почитали и нередко считали обладателем магической силы. К примеру, всем мечам, изготовленным в одном из крупнейших оружейных центров – городе Пассау, приписывались магические свойства. Общеизвестным было мнение, что кузнецы-оружейники Пассау являются магами, и, если на клинке меча выбито клеймо в виде Волка, считалось, что этот меч способен убить врага с одного удара, никогда не промахивается, защищает хозяина от любой опасности и т. п. Оружейники Пассау поддерживали свою магическую репутацию. На клинке ставили клеймо с изображением Волка, помещенного и на гербе города. Это подчеркивало своего рода магическую близость создателей меча [7].

В ранних легендах сохранились упоминания о могущественных мифических кузнецах. Например, в Сказании о Дитрихе Бернском есть эпизод, когда Дитрих – сын короля Дитмара, на охоте поймал карлика-цверга, оказавшегося искуснейшим кузнецом. В качестве выкупа карлик посулил собственноручно выковать магический меч под названием Нагельринг. В другом эпизоде этого же сказания Витеге – сын легендарного кузнеца Виланда (в скандинавских легендах известного как Вёлунд), решил сразиться с Дитрихом. Получив от отца выкованный им меч, названный Мимунг, Витеге чуть не сразил этим мечом Дитриха (спасло его лишь вмешательство Хильдебранта) [8].

О дохристианских влияниях на сакральный образ меча известно крайне мало, но то, что они имели место, – несомненно. В легендах VI–IX вв. повсеместно

упоминаются мифические существа – великаны, нибелунги, маги и т. п. Важно отметить, что языческая и полужыгическая вера в магию, в то, что в мече живёт своего рода демон со своей собственной душой, прекрасно уживалась с христианским вероисповеданием самих рыцарей.

Во времена крестовых походов на клинках мечей выбивались изображения креста и отрывки из молитв. К примеру, известный немецкий историк оружия В. Бехайм приводит высказывание монаха из Сен-Галлена: «Надлежит мечу быть, во-первых в ножнах из дерева, во-вторых, обёрнутым в кожу, в-третьих – в белейшее, светлым воском навощённое полотно, так, чтобы он, с блистающим посередине крестиком, надолго был сохранён для уничтожения язычников» [9].

С поверьями относительно магических свойств меча был связан еще один интересный момент. Владелец меча чрезвычайно гордился тем, что его меч изготовлен сверхъестественными существами – магами, великанами, гномами, а не простым человеком. В этом, по-видимому, кроется одна из причин того, что вплоть до XII в. почти неизвестны имена реально существующих мастеров, но известно множество мифических.

Другая причина отсутствия имён мастеров – в особенностях средневекового христианского мировоззрения: всё, что исполнено руками человека, на самом деле создано Богом посредством мастера, и поэтому роль человека незначительна и недостойна упоминания. Мастера предпочитали в качестве марки ставить вымышленные или полувывмышленные имена, нежели собственные.

Только с эпохи Возрождения, когда возросла роль человеческой личности, стали появляться имена мастеров. В качестве примера можно привести знаменитую мануфактуру в Рейнской области Германии, в которой в IX–XII вв. изготавливали мечи с клеймом ULFBERHT. Мастера этой мануфактуры из поколения в поколение ставили на клинках это клеймо, обозначавшее, возможно, имя основателя предприятия [10]. Однако за всё время существования этой гигантской и знаменитейшей мануфактуры неизвестно ни одного имени мастера.

Существует идея, согласно которой меч в сознании средневекового человека является олицетворением креста. Надо заметить, что крест является древнейшим знаком и встречается у всех без исключения народов мира. И так же как в христианстве, у многих народов крест был

атрибутом богов. Так было в Ассирии, Персии, Индии. В качестве примера можно привести молот Тора, который изображался как Т-образный крест [11]. Пожалуй, только к XII в. рыцарский меч приобрёл ярко выраженную крестообразную форму, благодаря усилению и увеличению поперечной перекадины – гарды. Дело в том, что с V по VII вв. мечом наносились исключительно рубящие удары и острие клинка было закруглено, а гарда практически отсутствовала. Лишь к XII в., благодаря опыту Крестовых походов и появлению фехтовальных школ, стал применяться колющий удар и клинки начали обретать отчётливо заострённую форму. Одновременно с этим стало уделяться внимание защите руки – появилась выраженная гарда и соответственно символическая крестообразная форма меча.

К мечу относились как к живому существу, как к товарищу, другу, на которого можно рассчитывать в минуту опасности. Вот как описывает это датская баллада «Меч-мститель»:

Педер стоит в углу двора
Ему с мечом говорить пора.
Меч мой, славу свою обнови
Хочешь ли ты искупаться в крови?
Ты за меня, мой меч, постой,
Нет у меня родни другой [12].

Знаменательно существование так называемого «Меча правосудия» (нем. Richtswert), наиболее ранний из которых датируется XIII в. Он значительно шире традиционного меча и закруглен у острия. На Мече правосудия нередко можно увидеть надписи и символы, сообщавшие о его назначении. На клинках изображались виселица, машина для четвертования, распятие, страдающая Богоматерь и прочее. Иногда указывалось имя палача и дата. Нередко среди надписей на клинке помещались строки из Библии или нравоучительные стихи. Однако как орудие правосудия меч к середине XVII в. обычно исполнял символическую роль.

Меч являлся также атрибутом ритуальности. Подтверждением тому служит знаменитый обряд посвящения в рыцари, когда правитель дотрагивается клинком меча до плеча коленопреклоненного вассала. Этот ритуал может отождествляться с обрядом крещения, тем более что в легендах этот ритуал соотносится во времени с Крестовыми походами.

Таким образом, можно выделить следующие элементы сакральности, связанные с символикой меча: его чудесное, чаще всего божественное, происхождение – сам бог вручает его герою; меч имеет лич-

ностную характеристику, что подчеркивается наречением его именем собственным; меч «испытывает потребности», «выдвигает претензии», даже «навязывает свою волю», т. е. самовыражается как своего рода личность; меч свят и настолько священен, что на нем приносят присягу.

Примерно с XV в. рыцари уже реже участвуют в сражениях. Всё чаще на поле боя выступают наёмные войска. Постепенно снижается роль меча как оружия, он всё больше становится символом рыцарства. Более того, с конца XV столетия ландскнехты – наёмная пехота, простолюдины, стали носить особые короткие мечи, так называемые «меч ландскнехта», а также знаменитые, в рост человека, двуручные мечи, которые назывались «Videnhander» (нем.). Такие мечи зачастую богато украшались и стоили очень дорого.

К XVII столетию рыцарский меч вытесняется шпагой. Становясь всё легче и удобней, шпага как непременный атрибут дворянства с середины XVII в. является уже гражданским оружием и применяется лишь для защиты чести. Вслед за тем шпага превратилась в костюмную принадлежность, а потом и вовсе исчезла из обихода (в конце XIX в.). С тех пор восприятие меча-шпаги не связывается с ре-

альным оружием, но воспринимается как атрибут ушедшей эпохи или как символ определенных духовных устремлений и личностных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
- [2] Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск : Урал Ltd, 1999. С. 248–249.
- [3] Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб. : Оркестр, 1995. С. 133–136.
- [4] Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. СПб. : Наука, 2006. С. 43.
- [5] Вебер Э. Руническое искусство. СПб. : Евразия, 2002. С. 109–111.
- [6] Блюм М. Клейма свидетельствуют // Оружие. 1998. Апрель. С. 14–16.
- [7] Кулинский А. Н. Немецкое холодное оружие: в 2 т. Т. 1. СПб. : Атлант, 2007. С. 216–397.
- [8] Дитрих Бернский // Мифы и легенды народов мира. Т. 2. Средневековая Европа. М., 2000. С. 534.
- [9] Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб. : Оркестр, 1995. С. 182.
- [10] Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков: метод. рекоменд. / ВИМАИВиВС. СПб., 2007.
- [11] Лайбле Т. Меч. Большая иллюстрированная энциклопедия. М. : Омега, 2008. С. 12.
- [12] Скандинавская баллада. Л. : Наука, 1978. 272 с.

ХАРАКТЕР УЧАСТИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Дается характеристика участия студенческой молодёжи в политической жизни, определяются его причины на основе исследования «Участие студенческой молодёжи Омской области в политической жизни», проведенного в апреле–мае 2011 г.

Ключевые слова: политическое участие, политическая активность, студенческая молодёжь.

Одной из важнейших характеристик политической системы является характер участия граждан в политическом процессе. Изучая сегодня политическое участие, можно увидеть влияние данного феномена на развитие демократии и гражданского общества в России, оценить заинтересованность населения в политической сфере, степень вовлечённости их в политический процесс, определить факторы, стимулирующие и дистанцирующие от участия в политической жизни страны, проследить влияние форм политического участия на политическую систему современной России.

В изучении проблемы политического участия немалая доля внимания в отечественном научном сообществе уделяется политической активности молодёжи, что, по нашему мнению, оправдано, поскольку во многом именно те, кто сегодня относится к данной социальной группе, являются потенциалом, от характера которого зависит способность молодого поколения не только повлиять на ход событий политики, но и определить будущее страны. Молодёжь, в различные времена неоднократно выступавшая как активная социокультурная группа, носитель и распространитель протестных идей, в современной России характеризуется пассивностью, низким политическим участием [1]. Внимание исследователей к вопросу политического участия молодёжи в России достаточно высоко, но, к сожалению, проблема низкой политической активности молодёжи не решается.

По нашему мнению, одним из важных условий усиления того потенциала молодёжи, о котором шла речь выше, является расширение и углубление интеллектуальной базы их теоретических и практических навыков. Сегодня в России большинство молодых людей после окончания школы стремятся получить дополнительное образование, становятся студентами различных вузов и сузов. Именно в студенчестве молодёжь в большей степени развивает навыки и опыт, формирующие впоследствии политико-культурные установки личности. К тому же мы полагаем, что именно образованная молодёжь способна с большей степенью понимания, осознанности и ответственности влиять на политическую жизнь страны. Это обусловило проведение нами в апреле–мае 2011 г. исследования «Участие студенческой молодёжи Омской области в политической жизни».

Полученные в ходе анкетного опроса данные показали, что в целом интерес к политике в студенческой молодёжной среде Омской области находится на достаточно высоком уровне (64 % респондентов заявили, что интересуются сферой политики), что немногим выше общероссийских показателей, зафиксированных в социологическом

исследовании «Студент-2009», где данный показатель фиксировался на уровне 60 % [2]. Однако сами представители студенческой молодёжи Омской области (72 %) считают, что интерес к политической жизни у студенчества в регионе не высокий.

Несмотря на заявления различных исследователей о том, что политическое участие молодёжи сегодня, как правило, приобретает сетевую форму, суть которой заключается в том, что главными элементами модели политического участия молодёжи в новую эпоху должны стать: обмен информацией, максимальное расширение форм производства информации, доступ к информации, распределение информации и механизм обратной связи [3, с. 51], как правило, посредством Интернета, главным источником информации о политике у студенческой молодёжи со значительным преимуществом оказывается телевидение (57 %), а уже потом Интернет (30 %), для 7 % главный носитель информации – газеты и журналы, 6 % студенческой молодёжи региона привыкли узнавать о событиях мира политического от родственников, друзей, знакомых.

В настроениях молодого студенчества Омской области прослеживается следующая тенденция: значительное большинство (80 %) считают, что участие студенческой молодёжи в политической жизни страны, региона, города необходимо, кроме того, 41 % респондентов из этого числа уверены, что молодёжь в целом сама по себе способна повлиять на различного рода общественно-политические ситуации. Но из тех, кто заявил о необходимости подобного участия, лишь 68 % в той или иной степени принимают участие в политической деятельности вообще. А 35 % из общего числа опрошенных отметили, что не принимают участия в политической деятельности, поскольку не уверены, что личное участие может на что-то повлиять, не доверяют конкретным политикам, партиям, властным институтам, считают, что политикой должны заниматься только профессионалы, не хватает времени для занятия политической деятельностью, не интересна сфера политики как таковая, не всегда осведомлены о предстоящих мероприятиях и др.

В ходе исследования мы попытались разобраться в характере политического участия студенческой молодёжи Омской области и в итоге определили его как пассивный. Так, вопрос, оценивающий электоральную активность студентов нашего региона, раскрыл низкий уровень активности – в целом 64 % респондентов до-

вольно редко либо никогда не принимали участия в выборах. Большинство респондентов (58 %) заявили, что откажутся принимать участие в митингах, демонстрациях, пикетах, акциях протеста, если таковые пройдут в ближайшее воскресенье в городе, против 14 %, заявивших о своём согласии. Только 3 % респондентов заявили о своём членстве в молодёжных политических организациях, среди которых – «Молодая Гвардия», «Справедливая Россия», «Яблоко», «Союз коммунистической молодёжи», а 52 % опрошенных не являются и не желают становиться членами какой-либо молодёжной политической партии, общественной организации.

Оценка факторов, способных стать стимулом для того, чтобы студенческая молодёжь Омской области принимала участие в мероприятиях, касающихся политической жизни, позволяет сделать вывод, что по большей части стимулом для участия может стать критическая ситуация в стране (среди ответов к которой относятся государственный переворот, революция, война), причём отмечается в данном случае высший (общегосударственный) уровень происхождения. Неуверенность в результатах собственного участия говорит о том, что только в том случае, когда такого рода уверенность появится, возможно будет повышение уровня политического участия среди как студенческой молодёжи, так и всех граждан страны в целом. И надежду здесь, вероятно, следует возлагать на рост уровня образования и, как следствие, понимания происхождения. Наиболее актуальными стимулами участия в эпоху индивидуализма и рыночных отношений являются заинтересованность в разрешении личных жизненных проблем (25 %) и материальное поощрение (13 %), в то время как о своей готовности принимать участие в защите ущемленных прав человека заявили лишь 4 % опрошенных.

Итак, говоря о студенческой молодёжи Омской области, можем сказать, что данную социокультурную группу общества нельзя обвинять в полной апатии к сфере политического. Внутри этой группы присутствует интерес к политике, и интерес этот значительный, судя по полученным результатам исследования, но вот участие в политической жизни (в том числе и в таких его формах, как выборы разных уровней, участие в различных митингах, пикетах, акциях протеста, членство в политических партиях и организациях и др.) характеризуется низкой активностью. Причинами низкого полити-

ческого участия студенческой молодёжи выступают как особенности характера личности, так и неудачный опыт проявления подобной активности, качество информированности, проводимая государственная политика.

Несмотря на зафиксированный Конституцией РФ статус демократического федеративного правового государства и формальной направленности политики нашего государства на демократические ценности и несмотря на то, что более 50 % молодых респондентов считают предпочтительной для России демократическую форму власти [4, с. 83], одни пользоваться демократическими свободами, судя по степени политической активности не желают, другие не стремятся эту активность усиливать. Следовательно, ставится под вопрос вообще необходимость и искренность деклараций построения демократической системы, гражданского общества в России, исходящие со стороны власти, и то, нужны ли демократические ценности самому обществу.

Низкий уровень политического участия студенческой молодёжи в политической жизни, по нашему мнению, является

проблемой для общества не потому, что молодёжь кому-то и что-то должна (на примере декларируемой необходимости построения гражданского общества, демократического государства), а просто потому, что в эпоху наступившего индивидуализма пора отказаться от имеющегося в нашем сознании конформизма и научиться представлять и защищать самостоятельно собственные интересы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пресс-релиз от 14.04.2010 г. «Поколение Y»: социальный портрет современной молодёжи 18-25 лет, составленный по свежим данным Фонда Общественное Мнение [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf>.
- [2] Трынов Д. В. Аполитичность молодёжи – миф или реальность? / Центр «Геликс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.irena.org.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2111&Itemid=472.
- [3] Чирун С. Н. Политическая активность и политическое участие молодёжи: проблемы и возможности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 50–54.
- [4] Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М., 2010. 592 с.

УДК 327.2

Е.Л. Левашова

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Проведенное исследование по молодежной проблематике фиксирует противоречивое состояние сознания молодежи. В его структуре, с одной стороны, отчетливо выражены позитивные установки на общение со сверстниками, личное участие в каких-либо ассоциациях по интересам, с другой стороны, молодые люди демонстрируют крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации.

Ключевые слова: молодежь, анализ деятельности, экстремизм, общество, мобильность, жизненный успех.

Рассматривая проблемы молодых людей в нашей стране, необходимо отметить, что «молодёжь» как понятие имеет ряд особенностей, вытекающих прежде всего из самой ее объективной сущности. Социальные особенности молодёжи определяются специфической позицией, которую она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, а также способностью не только наследовать, но и преобразовывать сложившиеся общественные отношения. Противоречия, возникающие внутри этого процесса, лежат в основе целого комплекса специфических молодёжных проблем. С одной стороны, молодежь является самой мобильной частью общества, среди этой социальной группы наиболее быстрыми темпами происходит подъем профессионального уровня и служебной карьеры. С другой стороны, трудности переходного периода особенно сильно ударили по положению молодых людей: лишь небольшая часть сумела найти свое место в рыночной системе, основной же массе пока не удастся адаптироваться к изменившейся ситуации. И у этой части наблюдается понижение социального статуса, сужаются возможности доступа к образованию и культурным ценностям, зато расширяется преступность и девиантное поведение, безработица и социальное неравенство.

Молодежь как социально-демографическая группа характеризуется и общими (психологическими, социальными, возрастными) и специфическими чертами. При этом социальные и психологические характеристики претерпевают изменения в зависимости от возраста, условий жизнедеятельности молодежных групп, что связано главным образом с их местом и ролью в социальной структуре общества.

Перспективы развития молодежи в значительной степени зависят от регулирования со стороны государства, от его молодежной политики. Будущее зависит от того, какой будет молодежь сегодня. Необходимо определиться, какой она должна быть. Это во многом зависит от проводимой политики государства, от того, как оно воспитывает подрастающее поколение. И надо начинать с решения многочисленных проблем молодежи.

Вот некоторые из них. «Прежде всего, постепенно уменьшается удельный вес молодежи в связи с деформацией естественного движения населения. Подавляющая часть молодежи ориентирована на рождение в семье не более одного ребенка. Возрастает и количество разводов в молодых семьях (до 500 на 1 тыс. браков), что говорит о кризисе молодой семьи, в то время как смертность значительно превы-

шает рождаемость в 70 субъектах РФ, где проживает около 93 % населения страны» [1, с. 10–11]. То есть в будущем можно ожидать значительное уменьшение трудоспособного населения страны.

Важной является и проблема здоровья молодых россиян. «Число нездоровых детей превышает 90 %. Растет число детей-инвалидов. Резко снижается готовность призывников к службе в армии. Расширяется география и интенсивность заболеваний молодежи наиболее опасными болезнями (туберкулез, СПИД, половые инфекции). Ситуация усугубляется ростом более чем в два раза токсикомании, наркомании, алкоголизма, правонарушений среди подростков и молодежи. <...> Вне рамок системы образования остается всё больше детей, возрастает неравенство доступа сельской молодежи, детей из малообеспеченных семей к качественному образованию, обостряется проблема выпускников образовательных учреждений» [1]. В итоге происходит расширение слоя молодежи, которому недоступно высшее и среднее специальное образование, а иногда и среднее общее. Для многих коммерческое образование становится за пределами возможностей. Без образования довольно сложно устроиться на хорошо оплачиваемую работу. И как следствие, возникает проблема трудовой занятости.

Активной жизненной позиции молодого населения должна способствовать государственная молодежная политика, основное отличие которой состоит в том, что она предполагает активное участие молодежи в жизни общества, создает условия для предоставления молодежи прав и возможностей в решении ее собственных проблем, возлагает на молодых людей и их объединения реальную ответственность, вовлекает молодежь в созидательные процессы, в активную общепользную деятельность» [1]. То есть главное – это создание условий, чтобы молодежь активно и достойно включалась в жизнь общества.

От позиции молодежи в общественно-политической жизни, стабильности и активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований, именно молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам. Однако результаты исследований показывают, что молодежь в целом довольно аполитична. В выборах даже федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, в ходе последнего исследования лишь 33 % молодых респондентов (до 35 лет) заявили, что интере-

суются политикой, тогда как среди граждан среднего возраста – 40 %, а среди тех, кто старше, – 55–45 %. Только 2,7 % молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций.

В условиях глобализации и вынужденного притока мигрантов молодежь призвана выступить проводником идеологии толерантности, развития российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений. Однако в настоящий момент российская молодежь демонстрирует противоречивое отношение к этой роли. Согласно опросу 35 % молодых людей в возрасте 18–30 лет испытывает раздражение или неприязнь к представителям иной национальности, 51 % одобрил бы решение о выселении за пределы региона некоторых национальных групп.

В Российской Федерации высок уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 15–24 года (6,4 %). Продолжается уход молодежи в сферу «теневой» экономики [2, с. 65].

Проведенное исследование по молодежной проблематике фиксирует противоречивое состояние сознания молодежи. В его структуре, с одной стороны, отчетливо выражены позитивные установки на общение со сверстниками, личное участие в каких-либо ассоциациях по интересам, с другой стороны, молодые люди демонстрируют крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации.

Проведенное исследование показало, что главными факторами реализации своих жизненных целей большинство молодежи считает преимущественно личные качества – целеустремленность, работоспособность и т. п., не задумываясь о необходимости сотрудничества и объединения. Большинство молодых людей на ценностном уровне демонстрирует «веру в самого себя» (58 % респондентов).

Анализ деятельности молодежных организаций показал: участие молодых людей в организациях с позитивной программой деятельности (политических, волонтерских, профсоюзах и др.) носит преимущественно мобилизованный характер, т. е. иницируется «сверху» руководством учебных заведений, государственными структурами, «взрослыми» общественными организациями, либо же основано на сугубо карьерных соображениях – рассматривается исключительно как социальный лифт (44 %).

Наше исследование показало, что в жизненных планах молодых людей доминируют семейное счастье, карьера, богат-

ство. Так, семейного счастья хотят 65 % опрошенных. Две пятых (41 %) настроены на карьеру. Третья часть (33 %) респондентов жаждет богатства. Значительное количество (27 %) считают одним из основных приоритетов реализацию таланта и способностей. Почти столько же (26,6 %) полагают для себя важным достижение свободы и независимости в решениях и поступках. Обращает на себя внимание, что карьерные устремления лишь отчасти связываются со стремлением стать профессионалом в своем деле. Если сделать карьеру хотят 41 %, то стать квалифицированным специалистом – 18 %. Возможно, карьера в глазах значительной части молодежи – это уже терминальная ценность, тогда как профессионализм – инструментальная. Десятая часть опрошенных стремится к власти; столько же хотят принести пользу «человечеству и своей стране»; примерно столько же желают прославиться. Незначительная доля респондентов (6 %), к которым, пожалуй, следует прибавить тех, кто не смог дать определенный ответ (2,6 %), т. е. в целом таких молодых людей может быть много, не определили какие-либо позитивные цели и хотят лишь того, чтобы их оставили в покое.

Таким образом, семейное счастье в ценностных диспозициях молодежи обладает безусловным приоритетом. Значительный интерес представляют суждения молодежи о том, что нужно в наше время для достижения успеха и от чего зависит достижение конкретно ими своих жизненных целей. Ответы респондентов на вопрос о факторах жизненного успеха выявили наиболее приоритетные из них в сознании молодежи: 1) практически ориентированные знания, 2) целеустремленность, 3) связи.

«Наличие знакомств и связей» заняло первое место в перечне факторов, которые, по мнению молодежи, позволяют добиться успеха в современном мире. Его отметили 49 % респондентов – все остальные характеристики (в том числе ум, деньги, общественная активность, положение родителей), с точки зрения, вторичны. Так, общая культура, ум не могут сравниться со знаниями, образованием (их противопоставление можно, на наш взгляд, интерпретировать так, что имеется в виду именно прикладное образование, практические знания). Причем образование не рассматривается исключительно как сугубо формальное – тех, кто считает, что нужен только диплом, «корочка», относительно немного – 12,6 %. Молодые люди не согласны, что для дос-

тижения успеха нужно постоянно подчиняться требованиям окружения (противоположное мнение высказали менее процента респондентов).

Таким образом, понимание средств и факторов жизненного успеха молодежью достаточно реалистично и неоригинально в том смысле, что вполне соответствует шаблону, сформировавшемуся в последние 10–15 лет.

Рассчитывая осуществить свои планы, подавляющее большинство респондентов (77 %) надеется прежде всего на собственные силы. Треть (34 %) рассчитывает на помощь родителей, родственников; четвертая часть – на удачу. Довольно многие, видимо, те, кто не совсем уверен в том, что реализует свои планы, надеются на случай, стечение обстоятельств (16 %) и божью помощь (13 %). На помощь государства, местной власти, как на значимый фактор, указывают 11 % опрошенных, 45 % удовлетворены состоянием социума, но более четверти (29 %) не удовлетворяет общество, в котором они живут. Казалось бы, выявленная неудовлетворенность представляет собой необходимую предпосылку для социального действия и связанной с ним самоорганизации.

Самоорганизация, формирование молодежных организаций, движений не рассматриваются молодыми респондентами как эффективный способ защиты своих прав, реализации интересов. Из перечня предложенных вариантов оценки значимости различных способов гражданского участия его выбрали лишь 12,6 % опрошенных. Правда, традиционные способы пользуются еще меньшей поддержкой: участие в политических партиях – 5 %, обращение в органы государственной власти – 6 %, обращение в средства массовой информации – 7 %. 15 % респондентов вообще ответили, что не видят таких способов. Но большая часть (40 %) выбрала в качестве наиболее эффективного способа индивидуальную активность, использование личных и семейных ресурсов.

Следовательно, имеются веские основания утверждать, что саморефлексия современной молодежи носит в большинстве случаев неполный, «одномерный» характер.

Мотивы участия молодежи в различных движениях весьма многообразны. Здесь и желание «потусоваться» (28,8), и романтика (14,7 %), и стремление к объединению (21,4 %), и возможность заработать (5,9 %). Подобная экспрессивная мотивация направлена на реализацию те-

кущих, зачастую спонтанно возникающих проблем, не связанных с идейной стороной деятельности движений.

Значительное место в мотивах участников молодежных движений занимают возможности самореализации – стремление поучаствовать в конкретных делах (89,1%), приобщиться к общественной деятельности, приобрести необходимые навыки для политической карьеры (2,4%).

Это свидетельствует, что самоорганизация молодежи в рассмотренных формах носит вполне осознанный характер.

Однако важно выяснить, насколько осознанно молодые люди готовы к совершению экстремистских поступков по идейным соображениям. О степени осознанности идейной мотивации экстремизма можно судить по тому, знают ли молодые люди, что такое экстремизм. Иначе говоря, способны ли они адекватно оценивать совершаемые поступки. Как показали результаты исследования, в группе с высоким уровнем экстремистских настроений лишь менее половины (41,2%) уверенно ответили, что знают, что такое экстремизм. Каждый второй (47,1%) проявил неуверенность в том, что правильно понимает смысл этого явления. И каждый десятый (11,8%) признался, что не знает, что это такое. Это означает, что две трети молодых людей, выражая в активной форме готовность к экстремистской деятельности, фактически не понимают ее смысла.

Выявленное противоречие связано с лабильностью молодежного сознания. Оно отражает преимущественно спонтанно возникающие взгляды, эмоциональную реакцию, подвержено влиянию внешних факторов и зачастую неспособно адекватно рефлексировать экстремистскую направленность своего поведения. Поэтому неадекватное отражение экстремизма в сознании молодежи не только не снижает общественной опасности подобных проявлений, но, наоборот, придает им непредсказуемый, а значит, общественно неуправляемый характер.

Ответы на вопрос «Какие проблемы современной России требуют, на ваш взгляд, скорейшего разрешения?» показали, что молодежь опасается в первую очередь безработицы (44%), потом преступности (23%), достойной оплаты труда (16%), затрудняются ответить (10%).

Экстремистские настроения участников молодежных движений наиболее активно проявляются в тендерных группах – среди юношей; по возрасту – в младших возрастных группах до 21 года; по формам занятости – среди работающей моло-

дежи; по сферам производства – среди занятых в материальном производстве; по категориям учащихся – среди студентов вузов. При этом существенных различий внутри этих групп по формам экстремистских проявлений не отмечается. Они колеблются в пределах 5–10%. Это значит, что экстремистское сознание формируется в среде участников молодежных движений в общем виде в форме установок на использование крайних мер.

В ориентациях юношей более заметны национально-этнические, религиозные и политические экстремистские проявления; девушки скорее склонны к социально-протестным формам экстремистских проявлений. С возрастом уровень экстремистских настроений значительно снижается, меняется и их направленность. Ни одна из рассмотренных групп в целом не является источником воспроизводства того или иного вида экстремизма.

Практически ничего не знают о государственной молодежной политике 70% опрошенных. В различных сферах молодежь информирована по-разному, но в целом информированность очень низкая – 30%. Об этом свидетельствуют данные, полученные при подсчете ответов. На вопрос о том, хорошо ли опрашиваемые информированы в области ГМП – 30% ответили, что нет; 70% – средне. 88,5% не знают о существовании специализированных служб информации для молодежи в ЯНАО, 10,5% – знают. О существовании различных программ знает лишь 10%, 30% слышали пару раз, остальные 60% вообще никогда не слышали. 40,5% хорошо знают свои права, 59,5% – частично. Действительно, 80% опрошенных получают информацию из СМИ, 20% – из Интернета: о своих правах молодежь узнает преимущественно из учебной литературы – 70%, потом уже от родителей – 20% и через СМИ – 10%. О программе «Обеспечение молодых семей жильем» из 30%: 15% узнали через СМИ и 15% через Интернет.

Больше всего молодежь боится сегодня остаться без материальных средств существования, опасается разгула преступности, боится остаться без друзей, потерять работу и диктатуру власти, которая может привести к ограничению свободы ее действий.

Мы задали вопрос: «Чего бы Вам больше всего хотелось добиться в жизни?»

Преимущественно молодое поколение желает обрести семейное счастье, этот ответ набрал большее число процентов, так ответило 81,25% опрошенных. Второй по популярности ответ среди молодежи

– «найти настоящую любовь». Также исследуемая молодежь хочет в будущем стать квалифицированными специалистами, быть свободными и независимыми. В число своих заветных желаний молодежь также включает богатство, так ответило 28,75 % респондентов.

Отношение к молодежным организациям и движениям следующее. Лишь 18 % что-то знают или слышали о деятельности молодежных организаций и движений, в то время как более половины опрошенных (51 %) ничего о них не знают, а еще 30 % затруднились с ответом.

Молодежь планирует многого добиться в жизни, при этом она рассчитывает на свои силы, так как в основном полагает, что материальное положение человека зависит прежде всего от него самого: в этом убеждены 70 % россиян в возрасте от 17 до 26 лет, в то время как половина старшего населения (50 %) считают, что их жизнь зависит в первую очередь от экономической ситуации в стране.

По своим жизненным устремлениям в российской молодежи можно выделить условно различные социальные типы. Чаще всего встречаются «предприимчивые», которые планируют добиться успехов в бизнесе и богатстве, «максималисты», которые уверены, что добьются успехов практически во всех сферах жизни, «труженики», которые рассчитывают на хорошую работу, «семейные», основное устремление которых – создание прочной семьи, «гедонисты», рассчитывающие на жизнь, полную удовольствий, и «карьеристы», которые считают, что добьются всего, но только ценой таких усилий, которые не позволят им иметь много свободного времени. При этом на формирование этих моделей жизненных устремлений оказывают влияние характеристики социальной среды, в которой формируется молодежь [3, с. 23].

Доля молодых людей, непосредственно участвующих в политической деятельности, варьируется в пределах 1–2 %. Примерно на том же уровне, что и ранее, остается доля молодежи, активно интере-

сующейся политикой (14 %). Однако сравнительно с периодом десятилетней давности на 20 % сократилась доля молодых людей, которые что называется «факультативно» (от случая к случаю) следят за политическим процессом, а главное – с трети до половины возросла доля молодого поколения, которое перестало интересоваться политикой.

Как показывает анализ результатов настоящего исследования, в России сформировалось поколение молодежи, которое на власть особо не рассчитывает, а действует что называется в автономном режиме.

Важным итогом недоверия к власти является распространение уверенности молодых россиян в том, что можно полагаться только на собственные силы.

Конечно, в России есть концепция государственной молодежной политики, всероссийская программа «Молодежь России», система органов, с помощью которых она реализуется, выделяются определенные бюджетные средства, переподготавливаются кадры. Но это всего лишь форма, содержание которой должно быть гораздо важнее. Если политика проводится, то необходим результат, видимый для всех, а не существующий лишь в отчетах. Когда молодежь не видит того, что она нужна обществу, не чувствует своей значимости, в этом случае молодое поколение начинает искать альтернативные пути для реализации своего потенциала.

Любое проявление невнимания к молодежным проблемам способно, подобно эффекту бумеранга, создать еще большие проблемы для настоящего и будущего общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Динес В., Третьяк В. Государственная молодежная политика: современное состояние и перспективы // Власть. 2005. № 8.
- [2] Черниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). СПб., 2009.
- [3] Ентелис Г. С., Щипанова Д. Г. Протестный потенциал российской молодежи. М., 2009.

УДК 1:001

И.С. Лукьянов

О ГОСУДАРСТВЕ

Поскольку справедливое государственное устройство, основанное на базисе общественной собственности, – не саморегулируемая система, постольку базис (общественную собственность) такого государства необходимо «организовывать», «обихаживать» и охранять. Поэтому государство как таковое не отменяется и не умирает, но сохраняется, по крайней мере, для охраны своего базиса, т. е. самого себя.

Ключевые слова: государство, базис, собственность, отношения, справедливость, равенство, общество.

Справедливость как норма бытия будоражила человеческое сознание на протяжении тысячелетий, начиная буквально с момента становления человека общественного. Именно вокруг нее кипели раньше и продолжают кипеть сегодня страсти социальных отношений в своем диалектическом развитии, проявляясь в форме восстаний, революций, а порой и войн мирового масштаба, олицетворяя ту самую «историю борьбы классов», о которой говорили классики.

И началось всё это на уровне сугубо бытийного понимания справедливости задолго до научного осмысливания происходящих социальных процессов. Это потом, через многие тысячи лет, «бытийная справедливость» приобрела статус «научной категории» и «научной истины». А уж когда она («справедливость») приобрела этот самый статус, то и толковать ее начали в интересах правящего класса, ибо статус – это прежде всего правовое положение! Вот здесь-то у правящего класса и появилось желание решить эту проблему раз и навсегда, придав ей («справедливости») статус «вечной истины», «вечной справедливости», закрепляющей навечно интересы этого самого правящего класса.

А если «кто еще продолжает задавать вопросы, ожидая ответа, – как говорил Ф. Энгельс в «Дополнениях к третьему тому “Капитала” по другому вопросу, но кстати, – тот дурак!».

Тысячи лет цивилизация развивалась в постоянных противоречиях, ибо «всякое благо (справедливость. – И.Л.), для одних необходимо является злом (несправедливостью. – И.Л.), для других всякое новое освобождение одного... – новым угнетением для другого» [1, с. 198–199].

Менялись социально-экономические формации, но сущность государственного устройства сохранялась: «Право» как таковое переписывалось под новых хозяев, претерпевая несущественные, не базисные, но всего лишь надстроечные изменения, каждый раз сохраняя не только свою сущность, но и сущность подчиненной «Праву» «справедливости».

Напомним, что «право» «пишет» правящий класс! И не более того! Здесь уместно вспомнить классика: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [2, с. 19].

Проблема справедливости и равенства приобрела особо острый характер при наступлении цивилизационного периода (по Л.Г. Моргану) – образование государственности, и классика это отметила. «Справедливость, – говорил Аристотель, – понятие относительное... справедливость, как кажется, есть равенство и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справед-

ливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных» [3, с. 113].

А поскольку, как справедливо утверждал великий немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, «справедливость требует, чтобы каждый человек имел собственность» [4, с. 108], и «лишь в собственности лицо выступает как разум» [4, с. 101] и, следовательно, «в-несобственности» лицо выступает всегда и продолжает выступать сегодня как «не-разум», постольку «жизненные миры» собственника, несобственника и социума как целостности имеют свои принципиальные особенности, предопределяемые «этой самой собственностью», точнее, отношениями собственности и ничем другим, кроме отношений собственности. Ибо только собственник, т. е. владетель, пользователь и распорядитель собственности (материальной и идеальной) и прежде всего средствами производства и окружающей природы может «выступать как разум» в создании не только своего «жизненного мира», но и «жизненного мира» всего социума, предопределив насильственным путем, по сути дела, «жизненный мир» «лица-несобственника» как всецело от него зависящего. Только «разум» может конструировать и строить «жизненный мир», «не-разум» ни конструировать, ни строить ничего не может.

Поэтому-то В.Ф. Гегель приходит к пониманию, что «...государственные функции и власти не могут быть частной собственностью» [4, с. 317].

Памятуя, что «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [5, т. 4, с. 424] и совершенствования «Жизненного процесса» социума [6], обратим внимание читателя на поучительный пример: сегодня «Доля государственной собственности стран Запада с наивысшим уровнем макроэкономической централизации» (Бельгия, Франция, Германия, Италия, Япония, Нидерланды, Великобритания...) приближается к 50 % (пятидесяти) и более процентов, сохраняя устойчивую тенденцию роста на протяжении последних ста лет [7, с. 115; 8].

Таким образом, «жизненный процесс» общества всё более реализуется в «модели» «законного владения несобственника» – «управляющего» в лице «государства» собственностью народа, представляющей сумму долей собственности, принадлежащих персонально каждому члену общества, объединенных в рамках единого интереса в нечто целостное, представляющее так называемую обобществленную

или общественную собственность. При этом субъектом-собственником остается персонально каждый индивид – член общества.

Следовательно, в идеале при государственном образовании, построенном на базе равных долей обобщественной или так называемой общественной собственности, находящейся в оперативном управлении «управляющего» – «государства», каждый член общества получает равные со всеми правомочия и дивиденды. Дивидендами являются: бесплатное предоставление жилья, медицинское обслуживание, образование всех уровней, предоставляемые по символическим ценам жилищно-коммунальные услуги, услуги транспорта всех видов, связи и т. д.

В связи с изложенным уточним, что под обобщественной или так называемой «общественной собственностью» понимается совокупная собственность, представляющая сумму равных долей собственности, принадлежащих каждому члену общества (равная доля собственности закреплена конституционно за каждым членом общества пожизненно), объединенных в целостную сущность в рамках единого хозяйственного механизма. Для ведения единого хозяйства совокупная собственность передается в оперативное управление «управляющему» в лице «государства». «Общество – это мы», отдельные индивиды, обладающие нервной системой, способные владеть и пользоваться, потребляя блага, извлекая выгоду для себя. Только в таком понимании категория «общественная собственность» имеет смысл и соответственно имеет «право» на существование.

Между тем, создав огромное государство, обобществив все средства производства, природные богатства и т. п. и построив огромный «народно-хозяйственный комплекс», предназначенный для функционирования в условиях общественных отношений обобществленной собственности, приходим к пониманию, что: во-первых, необходимо обеспечить научно обоснованную систему управления этим комплексом и его охрану; во-вторых, общественное образование, базирующееся на фундаменте обобщественной собственности, не может существовать без «государства» как такового, которое является его имманентной сущностью на онтологическом уровне.

Памятуя, что народно-хозяйственный механизм, созданный на основе обобщественной собственности всех членов общества (государства), представляет огромную и вместе с тем единую систему

организованной сложности, в которой все ее элементы взаимосвязаны и функционируют как нечто целостное в полном соответствии с принципом причинно-следственных связей между отдельными элементами, естественно понять, что стратегическое научное плановое ведение такого народного хозяйства должно осуществляться из одного, главного центра [9, с. 415], т. е. централизованно. Хозяйство одно, единое целостное, хозяин (собственник) один – все члены общества данного государства, имеющие равную долю собственности в его основе, их заинтересованность в результатах работы народнохозяйственного комплекса – одна, потому и главный центр, предопределяющий стратегию его деятельности, – один, поэтому он и «главный».

При частной собственности объективно существуют сотни и тысячи «частных хозяйств», в которых каждый хозяин-собственник руководствуется своими личными интересами – получение прибыли любыми путями. У каждого хозяина свои, выгодные только ему методы управления своей фирмой, продиктованные его личными интересами. Естественно, хозяйства разных фирм разные, собственники – разные, интересы хозяев-собственников разных фирм не просто разные, но порой антагонистически противоположные и т. п., поэтому в каждой фирме свои тайны, интересы, «планы», свои методы управления. Примечательно, что по мере монополизации капитала и создания транснациональных корпораций их хозяева каждый раз насаждают свои централизованные методы управления, естественно, в пределах своих корпораций из единого центра, и это ни у кого не вызывает удивления.

Следует помнить, что единый народно-хозяйственный механизм, созданный в государственном образовании, построенном на базисе обобществленной собственности, – это завоевание развившегося интеллекта человека, познавшего сущность построения общества (государства) справедливых отношений. Сама же общественная собственность – это искусственное создание. И поскольку общественная собственность и, соответственно, общественные отношения общественной собственности – это не самоорганизующиеся и не саморегулирующиеся системы и даже наоборот, их надо «организовывать», ими надо «управлять», и более того, их надо «охранять», постольку все эти функции и будет выполнять «государство», учредителем которого является весь народ.

«Управление вещами и руководство производственными процессами» – это уже акт насилия, и для их осуществления всегда нужна будет «публичная власть» – главный атрибут «государства» как такового. Что же касается «первой фазы коммунистического общества», в которой сохраняется «равное право» или «буржуазное право», предполагающее «применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу и поэтому “равное право” есть нарушение равенства и несправедливость» [2, с. 9–32; 10, с. 93], то в данном случае ни у кого не возникает сомнения в том, что «остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта» [10, с. 95].

Однако возникает вопрос: «отомрет» ли вообще государство как таковое «на высшей фазе коммунистического общества», когда наступит так называемый «полный коммунизм»? [10, с. 95–102]. Конечно, нет.

Во-первых, «высшая фаза коммунистического общества», или так называемый «полный коммунизм», никогда не наступит и прежде всего потому, что никто до конца не знает сегодня и не узнает в будущем, что это такое. Ни одна, даже самая смелая реконструированная в уме модель «полного коммунизма» на базе общих результатов исследования сегодняшнего мира (это и есть идеология) не в состоянии представить этот самый «полный коммунизм» с учетом присущих ему общественных отношений общественной собственности как целостности, включающих общественные отношения производительных сил, всю совокупность производственных отношений, опосредованные через производство отношения человека с природой, а также вообще всю совокупность отношений в обществе. Человеческое общество в своем диалектическом развитии может сколь угодно (асимптотически) приближаться к тому общественно-экономическому устройству, которое человек может в идеале называть «высшей фазой коммунистического общества», или «полным коммунизмом», но приближаясь к этому «идеалу», он каждый раз будет убеждаться (исходя из общих результатов исследования мира на основе новейших последних исходных данных) в диалектическом смысле, что это еще не «полный коммунизм» и что человек достоин большего.

С учетом сказанного коммунизм мыслится как социально-экономическая фор-

мация (общественные отношения), построенная на базисе общественных отношений обобществленной собственности; это не состояние, но диалектический процесс непрерывного совершенствования общественных отношений и бытия социума [5, т. 3, с. 34]. Из изложенного ясно, что конструирование даже в уме модели «полного коммунизма» принципиально невозможно.

Во-вторых, государство как таковое не отомрет вообще, потому что «управление вещами и руководство производственными процессами» как акт насилия и, соответственно, элемент «публичной власти», а следовательно, атрибут государства всегда будет иметь место в любом обществе. Поэтому «на место старого буржуазного общества...» приходит не просто «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», но приходит новое «государство», в котором останется и «управление лицами», и «управление вещами, и руководство производственными процессами» [11, с. 265]. Соответственно «государство» не только не «отменяется», но и не «отмирает». И если «государство» возникло при частной собственности как аппарат насилия [1, с. 190], то при обобществленной (общественной) собственности «государство» сохранится для «организации, управления и охраны» породившей его этой самой общественной собственности и базирующегося на ней всего народно-хозяйственного комплекса. Государство сохранится по крайней мере для охраны своего базиса, т. е. для охраны обобществленной (общественной) собственности и соответственно самого себя.

Работникам-собственникам «государство» необходимо прежде всего для организации общественного производства, которое немислимо без подчинения всех участников единой воле, а также для регулирования других взаимоотношений людей, связанных с жизнью в обществе [12]. «Государство» трансформируется из аппарата «насилия» в аппарат «организации, управления и охраны» общественной собственности.

Обратим внимание на весьма существенную деталь: поскольку «государство» как таковое возникло в результате антагонистических отношений и борьбы проти-

воборствующих классов, постольку «государство» как аппарат насилия, образно говоря, «приватизируется» «самым могущественным экономически господствующим классом», который, в свою очередь, уже при помощи самого государства захватывает и политическую власть, становясь, кроме всего прочего, еще и «политически господствующим классом» [1, с. 192].

Экономически господствующий класс захватывает и экономическую, и политическую власть в государстве, утверждая себя тем самым единственным и полновластным его хозяином. «Государство» становится «собственностью» господствующего класса со всеми вытекающими из этого последствиями – «отношений владения», «отношений пользования», «отношений распоряжения» и «отношений наследования». Но прежде экономически господствующий класс согласно «отношениям присвоения» уже осуществил акт присвоения его в собственное «владение» и «пользование».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : Политиздат, 1976. 240 с.
- [2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М. : Политиздат, 1961. 670 с.
- [3] Антология мировой политической мысли. Т. 1. М. : Мысль, 1997. 831 с.
- [4] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 526 с.
- [5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 3. 629 с.; Т. 4. 615 с.
- [6] Лукьянов И. С. Экономические основы идеологических отношений жизненного процесса общества. Собственность. Идеология. Право. Власть. «Жизненные миры» общества и проживающих в нем индивидов. Владивосток : Дальнаука, 2003. 548 с.
- [7] Белоусов А. А. Защитим нашу победу (Россия и ее современное состояние). Научное издание. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2010. 273 с.
- [8] Скурлягин А. Великие экономисты у нас есть!!! Экономические стратегии. Вып. 3. М., 2003. С. 72–77.
- [9] Вахания В. Личная секретная служба И.В. Сталина : сборник документов. М. : Сварогъ, 2004. 416 с.
- [10] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. М. : Политиздат, 1981. 433 с.
- [11] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М. : Политиздат, 1957. 375 с.
- [12] БЭС. 3-е изд. Т. 5. М. : Сов. энциклопедия, 1971. 640 с.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В основе анализа процесса эскалации политического насилия в современном российском обществе лежит исследование его детерминант. Их можно классифицировать по двум основаниям: по сфере возникновения и географическому (пространственному) признаку. Наличие политического насилия в России определяется целым комплексом обстоятельств, препятствующих формированию демократической политической системы.

Ключевые слова: политическая система, политическое насилие, детерминанты, демократизация, конфликты.

В конце XX – начале XXI в. Россия переживает период модернизации всех сфер общественной жизни. С распадом СССР глубокие изменения произошли в области политики. Динамичный процесс демократизации политических структур России сопровождался массовыми акциями недовольства и насилия. Источником насилия стала борьба за новый политический курс страны, процесс суверенизации бывших советских республик и возникшие на этой почве конфликты. Разнородные многочисленные конфликты в современной России стали одним из основных источников политического насилия и нестабильности.

Проявившись еще в рамках союзных структур, межэтнические конфликты отнюдь не исчезли с распадом страны, а, наоборот, возросли, характеризуясь своей интенсивностью, и в настоящее время представляют серьезную угрозу мировому процессу трансформации общественной системы от тоталитаризма к демократии [1]. Возникновение большого количества локальных конфликтов, тем не менее, является результатом всеобъемлющей демократизации общества, в связи с чем локальные этнические конфликты стали способом приобретения национальной государственно-территориальной независимости. Расширение могущества достигается субъектами международных отношений за счет экономического роста. Стало возможным получить согласие крупных держав на использование силы только в соответствии с нормами международного права. Сила как одно из средств решения конфликта всё чаще подвергается критике за неконституционность и разрушения, которые она способна причинить [2]. Однако для государства, переживающего период становления нового политического курса, насилие стало неотъемлемой частью политического процесса России.

Предпринимая попытку систематизации обстоятельств (детерминант), обуславливающих существование политического насилия в современном российском обществе, представляется рациональным классифицировать их по двум основаниям: по сфере возникновения и географическому (пространственному) принципу. Классификация насилия по сферам возникновения содержит политические, социальные, культурно-географические, экономические и психологические детерминанты; тогда как классификация по географическому принципу выделяет международные, российские и региональные детерминанты насилия.

Комплекс социальных явлений (детерминантов), совместное действие которых порождает существование политического насилия в сов-

ременной России, состоит из конфликтогенных факторов, причин и условий их протекания. Сущность конфликтогенных факторов состоит в провоцировании социальных групп на обострение уже существующего противоречия, а также трансляции агрессивного поведения и вскрытия конфликта. В совокупности посредством наложения причины насилия и конфликтогенные факторы создают условия для его осуществления.

Рассмотрим первую классификацию детерминант политического насилия.

Политическая детерминанта насилия проецирована в определенных видах политических режимов, их политики в отношении общества, позиции политических элит, характеристики политических систем и др. Главными источниками массового недовольства и агрессии может выступать длительный период недовольства властью, отсутствие политических прав и свобод, способствующих углублению существующего противоречия, трансформировавшегося в открытый конфликт.

Второй вид – **социальная** детерминанта политического насилия. Совокупность социальных различий в обществе: статусное неравенство, неудовлетворенность собственным социальным положением, наличие или отсутствие социальных льгот определяют степень готовности населения бороться за свои социальные права. Деление общества на обособленные социальные группы способно в ситуации конфликта трансформироваться в инертный источник насилия. Социальное неравенство и неудовлетворенность населения своим положением становятся источником насилия в отношении государственной власти и его институтов.

Третьей является **культурно-географическая** детерминанта политического насилия. К ней необходимо относить традиции, обычаи, деление людей на основе этнических и национальных особенностей, религиозной и другой принадлежности. Данную группу необходимо рассматривать как наиболее динамичную, интенсивную, так как с ней связан процесс формирования стереотипизированного социального мышления. Случайное или умышленное использование культурных ценностей способно не только резко обострить конфликт, но и быстро привести его к точке бифуркации. Умышленное использование культурных отличий является наиболее опасным с точки зрения невозможности прогнозирования результата.

К четвертой группе детерминант политического насилия относится совокуп-

ность **экономических** условий, включая экономическое неравенство, традиционно рассматривающееся как одно из главных оснований социальных волнений и политических потрясений в обществе [3]. Активное стимулирование конфликта может осуществлять факт неравного распределения благ и средств производства, обеспечивающих неравное распределение социальных ролей. Любая власть лишена оснований, если она не соответствует экономическим интересам страны, не обусловлена социально-экономическими реальностями. Общественное и взаимообусловленное производство, индивидуальное потребление, разделенный труд содержат в себе противоречия интересов личности и группы, борьбу властвующих и подвластных, конфликт социальных групп, богатой элиты и бедных масс.

Психологическая детерминанта определяется характеристиками, типами мышления и ментальными чертами. Важное место в инициировании конфликта занимают психологические характеристики социальных общностей и групп, способных по-разному реагировать на наличие условного раздражителя.

Кроме основных детерминант политического насилия, можно выделить ряд сопутствующих, способных углублять конфликт. Полный перечень детерминант насилия велик, а определить степень их влияния на общество и конфликт достаточно сложно.

Вторая классификация детерминант политического насилия является более общей и рассматривает совокупность существующих проблем в обществе в комплексе.

К первой группе относятся **международные детерминанты** политического насилия.

Слабость новообразованных демократических институтов, доминирование авторитарных и олигархических тенденций в государственно-политических структурах Кавказа создают неблагоприятные условия для стабильного развития региона. В первую очередь это касается полиэтничных Азербайджана и Грузии, где власть принадлежит исключительно представителям титульных этнических групп. Государственно-политический этноцентризм серьезно сказывается на взаимоотношении власти и территорий, населенных представителями этнонациональных меньшинств, создавая угрозу территориальной целостности государств.

Аморфность государственно-политических систем в Закавказье усугубляется

наличием серьезных проблем в социально-экономической сфере. Частью постсоветского системного кризиса, в котором оказались три закавказские республики, является глубокий социально-экономический упадок [4]. Речь прежде всего идет о существенном отставании уровня развития экономики и социальной сферы, низком уровне жизни, неумеще положении широких слоев населения и т. д. Насущные экономические проблемы генерируют социальную напряженность в обществе, наиболее остро в полинациональных регионах, которые в большей степени обделены вниманием со стороны центральных республиканских властей.

С комплексом внутривнутриполитических и социально-экономических проблем Кавказа тесно переплетаются региональные геополитические процессы, конфликтотенный потенциал которых, по нашему мнению, достаточно велик. Геополитические процессы в регионе обусловлены комплексом ключевых факторов: общая этнополитическая нестабильность в регионе; геостратегическое положение Кавказа как буферной зоны между Западом и Востоком; наличие углеводородных ресурсов в Южном Каспии; использование транспортно-сервисного ресурса региона и т. д. Противоречивые геополитические процессы на Кавказе оказывают негативное воздействие на стабильность в регионе. Противоборство в нем мировых и региональных держав создает реальную основу для деструктивных процессов [5].

Ко второй группе относятся **российские детерминанты** политического насилия.

Многочисленные политические конфликты – реальность современного российского общества и основной источник политического насилия. Их причины не только в становлении и развитии новых социально-экономических и политических структур, но и в недавнем прошлом. После распада СССР конфликтотенность страны значительно увеличилась в связи с начавшейся в конце 1991 – начале 1992 гг. быстрой, крайне болезненной и насильственной трансформацией общества в постсоциалистическое, а затем и в постсоветское. За несколько лет россияне оказались в абсолютно ином политико-географическом и государственном пространстве с иной социально-экономической и политической системой. Резкая дифференциация в социально-политической стратификации и структуре общества, падение жизненного уровня большей части населения сопутствовали и частично вызывались радикаль-

ным перераспределением собственности и власти. Глубоким изменениям подверглись практически все стороны жизни человека и общества. Крайне болезненным для старшего и среднего поколений стало радикальное отрицание всего прошлого. И если для одних это оказалась долгожданной и желанной революцией, то для других – контрреволюцией, унижением страны.

Идейно-политическая поляризация общества осложнялась такими особенностями российской политической культуры, как ее идеологическая дихотомичность и отсутствие традиции политического компромисса. Эта специфика политической культуры наложила отпечаток и на выборы 1993, 1995 и 1996 гг., нивелируя одну из их основных функций – достижение консенсуса в обществе. Избиратели были почти лишены возможности разобраться в состоянии общества, его экономики и культуры, причинах кризисов и конфликтов. Вместо поиска реальных путей выхода из кризиса и нахождения согласия лидеры и партии соревновались в поисках компроматов и обвинений.

Одной из основных причин политического насилия в современной России стала стратегия и тактика перераспределения государственной собственности и власти, что определяет их остроту и ведет к социально-экономической и политической нестабильности и напряженности во всех сферах общества. Социально-психологический климат, на котором возникают и протекают конфликты, характеризуется такими факторами:

- 1) деформация системы ценностей, распространение образцов западной культуры, культ силы, индивидуализма и т. п.;
- 2) глубокие изменения в социальной структуре общества, выражающиеся в резкой дифференциации населения по уровню доходов и идеологической ориентации;
- 3) эскалация социально-этнической напряженности на основе конституционных, территориальных и межнациональных противоречий;
- 4) отсутствие опыта мирного урегулирования конфликтов, нетерпимость, радикализм сознания;
- 5) массовое, систематическое нарушение заложенных в Конституции прав и свобод, прежде всего социально-экономических, а также не получение правдивой информации о деятельности власти;
- 6) политизация армии, возможность превращения ее в самостоятельную политическую силу с целью наведения порядка или изменения политического режима.

К основным видам конфликтов, приводящих к политическому насилию и как следствие утрате легитимности власти в России, относятся: конфликты между законодательной и исполнительной ветвями власти в процессе становления института президентства; внутрипарламентские конфликты; конфликты между партиями; внутри государственно-административного аппарата; между элитами финансово-промышленных групп.

Перечисленные конфликты возникают из-за соперничества и борьбы социально-профессиональных, конфессиональных, этнических и иных групп, слоев, общностей и индивидов в процессе приобретения, перераспределения и реализации политико-государственной власти, овладения и использования ее материально-финансовых и позиционно-ролевых ресурсов, выработки и реализации программ достижения тех или иных целей.

В современной России дополнительные сложности в поисках политического компромисса и согласия создает сочетание политических конфликтов с политизацией экономических, трудовых, социальных, этнических и иных конфликтов. Особо опасна этнизация политических конфликтов и политизация этнических конфликтов, приводящие к их наиболее опасным – насильственным формам. Такими являются вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе, Таджикистане, в Чечне. К детерминантам такого насилия относятся ошибки национальной политики в Советском Союзе, последствия его развала, эксплуатация региональными элитами национальных чувств в борьбе за власть и собственность в своих регионах и с Москвой, обострения противоречий между стремлением каждого народа к самоопределению, возрождению культурной самобытности и объективными процессами интеграции, укрепления исторически сложившейся духовной общности народов России, а также наличие беженцев и переселенцев, ухудшение экологической обстановки, экономический кризис и социально-экономическое неравенство между отдельными регионами, наличие взаимных территориальных и иных претензий в ряде регионов (особенно Северного Кавказа), пробелы и несовершенство регулирующего межнациональные отношения законодательства, рост преступности с этнической окраской и т. п.

Важной детерминантой политических конфликтов в России является ускоренная модернизация сверху, порожденные ею кризисы, в совокупности подорвав-

шие в сознании части населения легитимность государственно-правовых институтов и самой политической системы. Это подтверждает низкий престиж органов всех трех ветвей власти, подавляющего большинства политических лидеров и государственных деятелей.

Третью группу представляют **региональные детерминанты** политического насилия.

Каждый отдельный случай массового нарушения прав человека и дискриминации по религиозному, этническому и другим признакам является глубоко индивидуальным в силу своеобразного комплекса причин, вызвавших его. Так, рассматривая Северокавказский регион, мы можем выделить ряд проблем, занимающих первостепенное значение в каждом субъекте Российской Федерации [6]. Для Ростовской области первое место занимает проблема экономической и социальной стабильности, в Краснодарском крае – проблема ограничения миграционных потоков, ужесточения пограничного режима, в Ставропольском крае центральное место занимает вопрос статуса пограничных с Чеченской Республикой территорий и создание системы защиты населения от бандитских формирований, для Республики Ингушетия и Северная Осетия-Алания – устранение последствий осетино-ингушского конфликта, практическое исполнение «Закона о реабилитации репрессированных народов», для Республики Дагестан – угроза распространения ваххабизма и его политизация, в Карачаево-Черкесии – сохранение стабильной межнациональной ситуации. Кроме основных проблем в роли детерминант политического насилия выступают слабо регулируемые миграционные потоки, активизировавшаяся идеология ислама, неурегулированность политической ситуации в Чеченской республике Ичкерия и вокруг нее, размывание единого правового пространства страны, принятие субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству и др. Всё перечисленное способствует углублению дестабилизации обстановки в регионе, распространению и эскалации насилия на национально-этнической почве в крайних его формах и проявлениях. Кроме того, ситуацию на Северном Кавказе осложняет комплекс проблем, порожденных общим историческим прошлым с момента включения Кавказа и Средней Азии в состав Российской империи. Важ-

ным фактором, способствующим обострению ситуации на Северном Кавказе, является коллективная память, которая при определенных обстоятельствах может служить мощным средством как разжигания, так и уменьшения насилия.

Таким образом, становится очевидным, что политические конфликты на Кавказе носят многоуровневый характер и прошли несколько этапов развития – от политико-конституционного противостояния, характеризующегося периодом латентного накопления конфликтного потенциала до открытой фазы противоборства, вооруженного кровопролитного столкновения, сопровождающегося этническими чистками и появлением огромного числа беженцев.

После распада СССР Кавказский регион находится под пристальным вниманием геополитических и экономических интересов многих стран, остро соперничающих за доминирующее влияние в регионе, что в определенной степени влияет на динамику и процесс управления насилия на Кавказе [7].

Следует отметить еще одну особенность сложившейся ситуации на Северном Кавказе – отсутствие продуманной политической стратегии, ее стихийный и бессистемный характер. У политического руководства России отсутствовала продуманная стратегия и тактика урегулирования спорных проблем, что привело к затяжному кризису и попыткам использования силовых методов урегулирования вопросов. Важной задачей дальнейшего ограничения насилия на Кавказе в современных условиях является поиск новых, более эффективных механизмов и путей урегулирования политических противоречий [8]. Становится очевидным, что окончательное разрешение политических конфликтов в регионе возможно лишь на политическом пути, при достижении более высокого уровня демократического развития и построения гражданских обществ на Кавказе.

Учитывая многомерность проблем, существующих на современном этапе развития региона, автор счел необходимым проанализировать комплекс предпосылок и противоречий, которые могут привести к повторной дестабилизации уже существующих и генезису новых политических конфликтов.

При изучении системы детерминант политического насилия на Кавказе ключевое значение приобретает проблема их систематизации в рамках существующих теоретических моделей. С учетом их многомерной взаимозависимости, перманентного

изменения параметров, иерархичности возникает необходимость применения методики ситуационно-факторного анализа. Основу методики составляет выявление основных факторов, направляющих развитие тех или иных процессов в регионе и силу их воздействия на эти процессы. Методика ситуационно-факторного анализа представляется недостаточной для выявления и систематизации всего комплекса существующих проблем, поскольку необходимо принимать во внимание процессы, происходящие в рамках отдельных сфер жизнедеятельности общества: политической, социальной, этнической, социокультурной и др. Для более качественной оценки мы будем использовать и методику системного анализа, позволяющую дать комплексную оценку основных конфликтогенных детерминант.

Ситуационно-факторный анализ позволил выявить три ключевых вектора конфликтогенности на Кавказе: **российский, региональный и этнический**.

Российский вектор формируется с начала 1990-х гг. и связывается с таким политическим явлением, как «парад суверенитетов». При этом специалисты отмечают, что национальные лидеры в начальный период становления новой России по-разному оценивали этот призыв, а каждый из национальных политиков, претендовавший на власть, пытался его реализовать в соответствии со своими представлениями. В Чечне это выразилось в стремлении к полной суверенизации, ее лидеры сразу провозгласили курс на независимость от России. Поэтому происходившее в Чечне некоторые исследователи квалифицируют как «чеченскую этническую революцию» [9]. С другой стороны, абсурдно отрицать очевидный факт – политические силы внутри России и за ее пределами, заинтересованные в сохранении общей нестабильности в регионе, будут стремиться сохранить Чечню в качестве своеобразного центра идеологической, организационной и вооруженной поддержки всевозможных попыток сепаратизма и ослабления федеральной власти в России [10].

Региональный вектор политических конфликтов на Кавказе проявляется в нескольких факторах: традиционность сепаратизма как идеологии этнической общности, социокультурные факторы (родовой строй, этническая общность) и др. Конфликтогенная ситуация в регионе осложняется наличием взаимных территориальных, экономических, исторических и иных претензий со стороны различных этнических групп друг к другу.

Устойчивая зависимость региональной конфликтности от объективных и субъективных условий развития региона не означает изолированности процесса от влияния внешних факторов. Внутренние и внешние факторы регионального развития и конфликтности переплетаются теснейшим образом, что особенно наглядно проявляется в современных условиях глобализации и борьбы за новый передел мира.

Исследование Кавказского региона позволяет выделить группы внешних и внутренних факторов, влияющих на эскалацию насилия в самом крайнем своем проявлении – геноциде. К группе внутренних факторов относятся: социально-экономические, политические, демографо-миграционные и этно-конфессиональные.

Социально-экономические факторы выражаются прежде всего в кризисном состоянии экономического сектора, которое охватило большинство территорий, входящих в состав Кавказского региона. Так, по большинству социально-экономических показателей субъекты Южного федерального округа (особенно республики Северного Кавказа) занимают последние места по России. Свыше 80 % суммарного валового регионального продукта округа дают пять территорий степного Предкавказья – Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области [11]. Депрессивное состояние экономики имеет неизбежным следствием высокий уровень безработицы, который на Кавказе заметно выше среднероссийских показателей.

Дополнительными социально-экономическими факторами становятся коррупция в органах политической власти, в том числе в системе правоохранительных органов, нарушение экономических и политических прав некоренных и нетитульных национальностей. Эти нарушения приводят к массовому оттоку русского и других нетитульных народов из северокавказских республик, образованию моноэтнических республик (Чеченская и Ингушская Республики), обострению межэтнических отношений, деградации социально-экономической сферы, в том числе системы образования и здравоохранения [12].

К политическим факторам, влияющим на разрастание форм насилия в регионе, относятся следующие. Во-первых, значительное влияние на общество традиционных социальных институтов (советы родов (тейпов, тукхумов и др.), старейшины, религиозные братства (вирды).

Во-вторых, сохранение исторической памяти о Кавказской войне (1818–1864) и

депортации ряда горских народов (балкарцы, ингуши, карачаевцы, чеченцы и др.) в годы Второй мировой войны, а также негативный опыт произвольного изменения административно-территориальных границ в 20–50-е гг. и государственных границ в начале 90-х гг. XX в., следствием чего стали многочисленные несовпадения ареалов проживания народов и границ административно-территориальных образований, появление «разделенных народов» (ингуши, чеченцы, ногайцы, лезгины и др.).

В-третьих, постсоветский кризис идентичности и незавершенность процесса формирования современной государственной (региональной) идентичности. Основным критерием самоидентификации остается признак этнической принадлежности, что в условиях социально-экономической нестабильности и межэтнической напряженности способствует распространению национализма в его различных формах: от спекуляций на тему духовного возрождения народов до политико-культурного изоляционизма и этноцентризма [13].

В-четвертых, недостатки реализации реформы местного самоуправления. В условиях низкого уровня политической культуры населения, неразвитости институтов гражданского общества социально-экономические и политические ресурсы нередко используются в узкокорпоративных интересах отдельных этнических элит [14]. Возникающая при этом борьба за перераспределение властных и экономических ресурсов в ходе формирования новых муниципальных образований (например, в Кабардино-Балкарской Республике) и органов местного самоуправления (Республика Дагестан) неизбежно обостряет отношения между коренными народами.

В-пятых, этноэтатизм и попытки идеологического обоснования национальной исключительности, сепаратизма и автономизма. Практически во всех северокавказских республиках сложились этноклановые режимы, контролируемые политические и экономические рычаги власти. Одновременно властные элиты предпринимают попытки идеологически обосновать исключительность представляемых ими этносов и шире – представителей «коренных» национальностей. Такая форма «скрытой», «респектабельной» подпитки экстремистских настроений осуществляется при помощи «псевдонаучных исследований» и конференций, доказывающих превосходство одного этноса над другими, а также посвященных «различ-

ным аспектам борьбы горцев за независимость» [15].

В-шестых, рост активности национальных общественных объединений, связанных с зарубежными неправительственными организациями и фондами. Например, адыгские национальные общественные организации «Адыгэ Хасэ», «Черкесский Конгресс» добиваются признания и возмещения «ущерба» со стороны Российской Федерации за факт «геноцида адыгского народа», якобы имевший место во время Кавказской войны XIX в. С требованиями территориальной реабилитации выступают также радикально настроенные члены ингушского отделения правозащитного общества «Мемориал», Балкарской молодежной организации «Ант» (Кабардино-Балкарская Республика). Представители радикального крыла кумыкского общественного движения «Тенглик» (Республика Дагестан) требуют создания самостоятельного национально-административного образования в Северном Дагестане. В Южном Дагестане аналогичные требования выдвигают бывшие активисты лезгинского движения «Садвал». В Ставропольском крае активизировалась ногайская общественная организация «Бирлик», требующая образования Ногайского района на востоке края [16].

В-седьмых, деятельность на территории Кавказского региона зарубежных неправительственных организаций, западных и прозападных фондов и мониторинговых сетей. По данным правоохранительных органов, на территории Южного федерального округа действуют более 100 западных неправительственных организаций, фондов и мониторинговых сетей. Среди таких НПО можно назвать Организацию непризнанных народов и наций, Международный институт стратегических исследований (Лондон) и др. Среди фондов: американские – Сороса, Карнеги, Маккартуров; немецкие – Ф. Эберта (СДПГ), К. Аденауэра (ХДС), В. Белля («Зеленые») и др. Среди западных и прозападных мониторинговых сетей и фондов наиболее известны Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) и Фонд «Новая Евразия» [17].

Отдельную группу факторов, содействующих формированию условий для расширения сферы насилия, образуют демографические и миграционные факторы. Для региона характерна высокая плотность населения в целом и высокая дисперсия этого показателя на фоне ограниченности территориального жизненного пространства и стагнирующей экономи-

ки. Ситуация значительно осложняется в местах резкой полиэтничности региона, где тесно проживает автохтонное и пришлое население в границах одного федерального округа.

Миграционные процессы характеризуются оттоком русского населения, что привело к снижению качества трудовых ресурсов. Так, депрессивное состояние экономик республик Северного Кавказа усилило вынужденную трудовую миграцию населения в края и области Юга России. Трудовая миграция позволила несколько снизить уровень социальной напряженности в самих республиках, но привела к образованию крупных этнических общин народов Северного Кавказа, зачастую ведущих анклавный образ жизни, практически во всех краях и областях Юга, усилила здесь конкуренцию в сфере отношений собственности, на рынке труда [18].

Самостоятельное значение имеет группа этно-конфессиональных факторов. Многонациональный характер региона усложняет процесс примирения и нахождения консенсуса в случае конфликта различных этнических групп. Межрелигиозные противоречия в регионе носят скрытый, латентный характер и практически не оказывают влияния на рост экстремистских настроений. Внутриконтинентальное же противостояние (прежде всего в исламской среде между сторонниками традиционного направления в исламе и исламскими радикалами) является одним из главных факторов экстремистских проявлений. Особенно острые формы это противостояние приняло в Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках [19]. Действие устойчивых внутренних конфликтогенных факторов усиливается геополитическим положением Кавказа и внешними влияниями со стороны США и их союзников в Европе.

Существенно обостряет ситуацию на Кавказе деятельность международных экстремистских групп, нацеленная на выведение отдельных регионов из-под юрисдикции России с целью получения доступа к природным ресурсам и транспортным коридорам [20]. Разжигание межнациональных конфликтов и поддержка сепаратистских движений – инструмент реализации геополитических и геоэкономических устремлений многих субъектов мировой и региональной политики.

Выделенные конфликтогенные факторы формируют зону постоянной напряженности на Юге России. В данном параграфе приведен комплекс проблем,

образующих непреодолимое на современном этапе препятствие на пути стабилизации политического процесса в России. Большинство современных политических проблем на Кавказе имеют затяжной характер и глубокие корни, следовательно, имеют сложную многоуровневую структуру, одновременно являясь детерминантами политического насилия в современной России. Длительный период напряженности способствовал разрастанию не только зоны действующих конфликтов, но и форм противостояния, насилия, применяемых в них. Сегодня насилие находится в латентном состоянии, но способно активизироваться с любым изменением ситуации в стране. Лидеры, правительства конфликтующих стран предпочитают использование новых методов ведения войны, приводящих к физическому уничтожению противника.

Конфликтогенные факторы представляют собой факторы, способствующие развитию и вскрытию политического насилия, провоцирующие людей на обострение (эскалацию) противоречий. Использование ситуационно-факторного и системного анализа позволило выявить ключевые факторы, способствующие возникновению и расширению зоны политического насилия на Кавказе. Принимая во внимание многоуровневый и сложноструктурный характер последних, используется комплексная модель, учитывающая влияние как внешних, так и внутренних факторов. К числу наиболее значимых конфликтогенных факторов Кавказского региона следует отнести: социально-экономические, политические, демографо-миграционные и этно-конфессиональные. При этом последние составляют основу внешнеполитических и внутренних процессов, обеспечивающих трансформацию политического конфликта в геноцид. Сложная структура политического насилия на Юге России, многоуровневая система конфликтогенных факторов при отсутствии четкой стратегии урегулирования противоречий являются главными условиями, определяющими применение геноцида и других производных форм насилия, выступающими наиболее простым методом решения проблем. Система конфликтогенных факторов Кавказского региона обуславливает наличие опасности использования различных известных форм насилия в политическом процессе, а также возникновение новых неизвестных форм геноцидального характера.

Таким образом, детерминантами политического насилия в современной Рос-

сии можно классифицировать по двум основаниям: видовому и географическому. Классификация насилия по видам содержит политические, социальные, культурно-географические, экономические и психологические детерминанты; тогда как классификация по географическому принципу выделяет международные, российские и региональные детерминанты насилия.

Политическая детерминанта насилия проецирована в определенных видах политических режимов, их политики в отношении общества, позиции политических элит, характеристики политических систем и др. Главными источниками массового недовольства и агрессии может выступать длительный период недовольства властью, отсутствие политических прав и свобод, способствующих углублению существующего противоречия, трансформировавшегося в открытый конфликт. Второй вид – **социальная** детерминанта политического насилия. Совокупность социальных различий в обществе: статусное неравенство, неудовлетворенность собственным социальным положением, наличие или отсутствие социальных льгот определяют степень готовности населения бороться за свои социальные права.

Третьей является **культурно-географическая** детерминанта политического насилия. К ней необходимо относить традиции, обычаи, деление людей на основе этнических и национальных особенностей, религиозной и другой принадлежности.

К четвертой группе детерминант политического насилия относится совокупность **экономических** условий, включая экономическое неравенство, традиционно рассматривающееся как одно из главных оснований социальных волнений и политических потрясений в обществе. **Психологическая** детерминанта определяется характеристиками, типами мышления и ментальными чертами. Важное место в иницировании конфликта занимают психологические характеристики социальных общностей и групп, способных по-разному реагировать на наличие условного раздражителя.

Вторая классификация детерминант политического насилия является более общей и рассматривает совокупность существующих проблем в обществе в комплексе.

К первой группе относятся **международные детерминанты** политического насилия. Слабость новообразованных демократических институтов, доминирование авторитарных и олигархических тенденций в государственно-политических

структурах Кавказа создают неблагоприятные условия для стабильного развития региона. В первую очередь это касается полиэтничных Азербайджана и Грузии, где власть принадлежит исключительно представителям титульных этнических групп. Государственно-политический этноцентризм серьезно сказывается на взаимоотношении власти и территорий, населенных представителями этнонациональных меньшинств, создавая угрозу территориальной целостности государств.

Ко второй группе относятся **российские детерминанты** политического насилия. Многочисленные политические конфликты – реальность современного российского общества и основной источник политического насилия. Их причины не только в становлении и развитии новых социально-экономических и политических структур, но и в недавнем прошлом. После распада СССР конфликтность страны значительно увеличилась в связи с начавшейся в конце 1991 – начале 1992 гг. быстрой, крайне болезненной и насильственной трансформацией общества в постсоциалистическое, а затем и в постсоветское.

Третью группу представляют **региональные детерминанты** политического насилия. Каждый отдельный случай массового нарушения прав человека и дискриминации по религиозному, этническому и другим признакам является глубоко индивидуальным в силу своеобразного комплекса причин, вызвавших его.

Ситуационно-факторный анализ позволил выявить три ключевых вектора конфликтности на Кавказе: **российский, региональный и этнический**.

Современное российское общество и политика характеризуется, по нашему мнению, прежде всего наличием насилия. Насилие осуществляется не только сверху, но и снизу. Применение политического насилия в качестве средства политики для наведения порядка и обеспечения законности себя не оправдало. Политическое насилие, осуществляемое властью, обращается ответным политически насильем общества. Если насилие и может использоваться как политическое средство по поддержанию правопорядка, то не во всех ситуациях. Для современного российского общества насилие уже не может иметь положительных последствий, так как давно исчерпало свой управленческий потенциал, теперь оно способно привести Россию только к хаосу и анархии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Мукомель В., Паин Э., Попов А. Союз распался – межнациональные конфликты остались // Независимая газета. 1992. 10 янв.
- [2] Котанджян Г. С. Этнопсихология консенсуса-конфликта. М., 1992. С. 70.
- [3] Долматов И. Северный Кавказ: факторы расползания конфликтов [Электронный ресурс]. URL: www.fondsk.ru/article.php?id=984 (дата обращения: 01.10.07).
- [4] Султыгов А. А. Урегулирование этнополитических конфликтов в современных условиях (зарубежный опыт и Россия) : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006. С. 102.
- [5] Там же. С. 200.
- [6] Беджанов М. Б. Россия и Северный Кавказ: межнациональные отношения на пороге XXI века. Майкоп : ГУРИПП «Адыгея», 2002. С. 91–92.
- [7] Гаджиев К. Геополитические перспективы Кавказа в стратегии России // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 20–37.
- [8] Стрелецкий В. Н. Этнотерриториальные конфликты в постсоветском пространстве: сущность, генезис, типы. Доклад, представленный в Московском Центре Карнеги. М., 1996. С. 23.
- [9] Хопёрская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. М. : Смена, 2008. С. 75.
- [10] Запрудский Ю. Г. Региональные конфликты на Северном Кавказе. М., 2007. С. 57.
- [11] Стрелецкий В. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы / Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М. : Московский Центр Карнеги, 2007. С. 23.
- [12] Хопёрская Л. Л. Локальные межэтнические конфликты на юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д, 2005. С. 29.
- [13] Запрудский Ю. Г. Региональные конфликты: понятие и специфика Северного Кавказа // Этнические конфликты и их урегулирование : сб. науч. ст. М. ; Ставрополье, 2002. С. 56–58.
- [14] Волох О. В., Безвиконная Е. В. Самоуправление в системе публичного управления России: синергетический подход. М. : Логос, 2010. С. 164.
- [15] Белозеров В. С. Геополитическое положение Северного Кавказа и этнодемографические процессы в регионе // Проблемы геополитики и Северном Кавказе : сб. науч. тр. / под ред. Н.П. Мервезева. Ставрополь, 2001. С. 169.
- [16] Диагностика социальной напряжённости в обществе: региональный аспект. Ставрополь, 2002. С. 190.
- [17] Авксентьев В. А. Ставрополье: этноконфликтологический портрет. Ставрополь, 2002. С. 287.
- [18] Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования. Ростов н/Д, 2008. С. 290.
- [19] Лубский А. В. Конфликтогенные факторы на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2005. С. 187.
- [20] Магарамов Э. М. Современная геополитическая ситуация на Северном Кавказе: проблемы региональной геостратегии. Ростов н/Д, 2007. С. 256.

УДК 32.001

С.Г. Сизов, Д.В. Малов

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО СУДАНА**

Исследуются историко-культурные предпосылки и политические факторы межэтнических отношений на территории Северного и Южного Судана. Рассматривается процесс трансформации идентификации и самоидентификации населения Северного и Южного Судана. Анализируются процессы нациостроительства на территории Судана, а также роль великих держав в данных процессах.

Ключевые слова: гражданская война, нациостроительство, нация, самоопределение, Судан, трансформация, Южный Судан.

В настоящее время в период трансформации системы международных отношений существует тенденция резкого увеличения количества внутригосударственных конфликтов. В основном причинами возникновения указанных конфликтов являются либо этно-религиозные противоречия, либо категорическое неприятие существующей политической элиты населением, по преимуществу западноориентированным, данных стран. Зачастую конфликты двух указанных выше типов одновременно наблюдаются на территории государств, расположенных в стратегически важных с геополитической точки зрения районах.

Примером государства, где этнорелигиозные противоречия вкупе с кризисом легитимности центральной власти фактически привели к его распаду, является Республика Судан. Образование 9 июля 2011 г. независимого от Хартума¹ государства Южный Судан явилось результатом инициированного рядом стран и международных организаций процесса урегулирования гражданской войны в Судане 1983–2005 гг.

Южный Судан – второе (после Эритреи) признанное мировым сообществом независимое государство на африканском континенте, возникшее после распада биполярной системы международных отношений. Признанию независимости нового государства предшествовали две гражданские войны в Судане (1955–1972 гг. и 1983–2005 гг.), которые, в свою очередь, завершили процесс институционализации надэтнических общностей, сформировавшихся в результате многовекового противостояния населения северных и южных территорий Судана.

Специфика взаимоотношений населения северных и южных территорий Судана обусловлена в первую очередь географическими и историко-культурными факторами, имевшими место еще в период зарождения государственности Судана. Географически Судан – крупнейшее государство африканского континента, северная часть которого – Ливийская и Нубийская пустыни, разделенные долиной Нила шириной около двух километров, а южная – тропические и экваториальные леса с обилием плодородных земель. На Севере Судана издревле проживали семито-хамитские и кушитские племена, родственные древним египтянам. Заселение Юга Судана связано с миграцией народов Центральной Африки: около X в. – нилотов, а в XVI в. – народа занде. Благоприятные для земледелия и скотоводства ресурсы южных территорий ограничили движение негроидных народов на Север Су-

дана. В то же время географическая отдаленность и труднодоступность тропических лесов Судана не позволяла населению северных территорий обосноваться на юге.

Указанные природно-географические факторы обусловили, во-первых, характер процесса развития населения северных и южных территорий Судана, а во-вторых, оказали существенное влияние на специфику взаимоотношений между ними. Изолированное от внешнего мира население южного Судана вплоть до XIX в. не имело собственной государственности, было организовано по родоплеменному принципу, отличалось наличием натурального типа хозяйствования. Консервативный образ жизни южан способствовал сохранению среди большинства населения язычества вплоть до XX в., когда Великобритания инициировала процесс «добровольной» христианизации Юга Судана.

В то же самое время Север Судана находился в непрерывном взаимодействии с соседними государствами. В силу специфики природно-климатических условий богатые золотом, медью и слоновой костью территории были мало приспособлены для ведения сельского хозяйства, что обусловило потребность северян вступать в интенсивные торговые сношения с Египтом и странами аравийского полуострова. Торговля, добыча полезных ископаемых, а также политика стран-завоевателей способствовали процессу постепенного проникновения и ассимиляции арабского населения на территории северного Судана [1].

Следует отметить, что экспансионистская политика стран-завоевателей распространялась лишь на северные территории Судана, в то время как юг был недоступен для захватчиков. Однако существовала опосредованная связь южных земель с внешним миром – жители северных территорий на протяжении тысячелетий совершали регулярные набеги с целью отбора воинов и рабов для последующей их продажи в соседние страны. Специфика работорговли заключалась в том, что жертвами набегов становились самые выносливые и приспособленные к ведению хозяйства южане. В результате население Юга Судана было лишено необходимых ресурсов для развития экономической и социальной систем, а в сознании южан четко закрепилось представление об арабах, жителях Севера Судана, как о главных врагах своего народа. Таким образом, была заложена основа межэтнического конфликта на территории Судана,

на процесс развития которого впоследствии повлияли политика насильственной исламизации населения Судана, политика государств-метрополий, позиции великих держав.

В VII в. н.э. противостояние населения северных и южных территорий Судана приобретает религиозную окраску: в 642 г. на территорию северного Судана вторглась армия арабов-завоевателей, успевших к этому времени принять ислам. Ученые полагают, что именно с этого момента началась активная исламизация Судана. Однако, как было сказано выше, предпосылки для проникновения исламской культуры на территорию северного Судана были сформированы значительно раньше. Арабы-кочевники бродили по Африке в поисках пастбищ, арабы-горнорабочие – в поисках месторождений металлов, арабы-торговцы – в поисках металла, слоновой кости, покупателей специй, рабов. Миграции сопровождались ассимиляцией арабов с коренным населением, что впоследствии облегчило продвижение ислама вглубь африканского континента.

Вплоть до XIX в., когда Судан стал колонией Египта, характер взаимоотношений между населением северных и южных территорий существенно не менялся. Однако специфика исламизации Судана (широкое распространение ислама на Севере и незначительное – на Юге) обусловила трансформацию идентификации и самоидентификации населения Судана, которую схематично можно изобразить следующим образом:

«племена южан vs. племена северян»

«племена южан vs. арабы»

«племена южан vs. мусульмане»

Очередной этап развития отношений населения северных и южных территорий приходится на период колониальной зависимости Судана 1821–1955 гг. В 1860–1870-х гг., во времена «Египетского Судана» были предприняты первые шаги по освоению южно-суданских территорий: образованы провинции Верхний Нил, Бахр-эль-Газаль и Экватория. Посредством создания формальных институтов управления и расширения сети гарнизонов египетские власти стремились оградить территорию южного Судана от всё более возрастающей неформальной власти обосновавшихся здесь арабов-торговцев.

Во время существования Англо-Египетского кондоминиума Судан был разделен на две независимые колонии: арабо-мусульманский Северный Судан и нероидно-анимистский Южный Судан. Инициатором выделения южных провинций Судана в отдельную колонию выступила Великобритания, стремившаяся воспрепятствовать объединению всей территории Судана под властью арабо-мусульманского Египта. Для этих целей в 1920-х гг. управление Южным Суданом было передано отдельной администрации, а в целях недопущения распространения на территории Южного Судана исламской культуры метрополия объявила о проведении политики «закрытых дверей». На территории Южного Судана была проведена массовая паспортизация населения, были выселены на север арабы-торговцы, введены ограничения на передвижение населения между двумя новообразованными колониями [2].

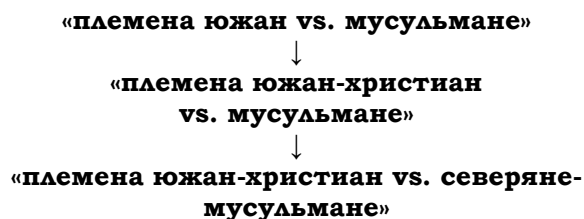
Осознавая слабую степень устойчивости традиционных языческих верований нилотов и занде перед современными религиями, власти Великобритании избрали политику стимулирования и поощрения деятельности христианских миссионеров на территории Южного Судана. При христианских организациях создавались центры медицинской и гуманитарной помощи, образовательные и просветительские учреждения, центры по изучению английского языка [3]. В итоге английский язык стал языком межплеменного общения, а негативные следствия крайней неразвитости Южного Судана были существенно лимитированы гуманитарной деятельностью миссионерских организаций.

Процесс тотального вытеснения арабо-мусульманской культуры с территории Южного Судана не встретил широкого противодействия населения, так как был подкреплен введением конкретных привилегий для южносуданцев, получавших образование по европейскому образцу. Английский язык вкупе с признанием европейских ценностей стал пропуском в органы управления Южного Судана для коренного населения. Необходимо отметить, что политика деисламизации и христианизации Южного Судана рассматривалась английской метрополией в контексте возможного присоединения южных территорий Судана к Британским владениям в Восточной Африке.

Совокупность действий англо-египетской метрополии, впоследствии получивших название «южной политики», резко контрастировала с политикой в отношении Северного, арабо-мусульманского Су-

дана. Существенную роль в управлении данной территорией играл Египет, по образцу которого в Северном Судане реформировались системы образования, правосудия, религиозного воспитания. В свою очередь, Великобритания уделяла значительное внимание развитию инфраструктуры Северного Судана: в период существования кондоминиума были построены железная дорога и телеграфная сеть, открыт Порт-Судан, введены в эксплуатацию крупные ирригационные системы. Всё это способствовало экономическому, социокультурному и политическому развитию населения Северного Судана.

В целом политика раздельного управления Суданом в период англо-египетского кондоминиума привела к еще более острому противоречию между населением северных и южных территорий. Политика «закрытых дверей» не только усугубила ситуацию с отставанием уровня социально-экономического развития Южного Судана², но и привела к исчезновению последних межкультурных каналов взаимодействия населения двух территорий: торговли и связанной с ней миграции. С другой стороны, политика метрополии обусловила очередную трансформацию идентификации и самоидентификации населения Судана, которую можно изобразить следующим образом:

В отличие от ситуации с Северным Суданом, политика христианизации и англизации Южного Судана не привела к формированию единой надэтнической общности на указанной территории. Культурная, этническая неоднородность племен, кочевой образ жизни, перманентная борьба за ресурсы и сферы влияния, – всё это осложняло процесс межплеменной интеграции на территории Южного Судана [4].

Активизация процесса нациостроительства на территории Южного Судана приходится на период независимости Судана³. После 1952 г., когда новый правитель Египта Гамаль Абдель Насер признал право суданского народа на самоопределение, в Судане началась широкая дискуссия относительно принципов организации нового независимого государства. В итоге была достигнута договоренность о

федеративном устройстве независимого Судана, в рамках которого южные провинции получают широкую культурную и религиозную автономию, участвуют в управлении единым государством, обладают суверенитетом на своей территории.

Однако ключевым моментом переговорного процесса стала договоренность об утверждении столицы независимого Судана – Хартума и официального языка республики – арабского. В итоге сформированные в переходный период органы государственной власти Судана оказались под контролем арабо-мусульманского населения северных территорий, отказавшегося от предоставления Южному Судану определенной ранее степени автономии. Правительство независимого Судана взяло курс на исламизацию государства, правовая система была приведена в соответствие с нормами шариата, несогласные с политикой Хартума жестоко подавлялись [5]. В результате в 1955 г., после вывода английских и египетских войск, на территории Судана началась Первая гражданская война (1955–1972 гг.), представлявшая собой вооруженное противостояние правительственных войск Хартума и повстанцев Южного Судана, требующих предоставления независимости для своей территории.

Первая гражданская война в Судане – важный этап в процессе нациостроительства на юге республики. Во время гражданской войны произошел процесс институционализации южан-повстанцев путем создания в 1971 г. Освободительного Движения Южного Судана⁴ под руководством Джозефа Лагу. В то же время семнадцатилетнее вооруженное противостояние завершилось подписанием в 1972 г. Аддис-Абебского мирного соглашения, согласно которому три южные провинции (Экватория, Бахр эль Газал и Верхний Нил) получили реальную политическую и культурную автономию. В результате ценой более чем 500 тыс. погибших с обеих сторон произошла очередная трансформация идентификации и самоидентификации населения Южного Судана, связанная с возросшей степенью интеграции южносуданских племён:

**«племена южан-христиан
vs. северяне-мусульмане»**

**«южане-христиане
vs. северяне-мусульмане»**

Установленные Аддис-Абебским мирным соглашением принципы автономного

существования Южного Судана разрешили накопившиеся за более чем тысячелетнюю историю государства противоречия во взаимоотношениях населения северных и южных территорий. В то же время необходимо учитывать, что процесс мирного урегулирования Первой гражданской войны в Судане проходил, во-первых, в условиях слабой институционализации сторон конфликта, во-вторых, в условиях их экономической, политической и военной неразвитости, в-третьих, при посредничестве членов международного сообщества, не способных продолжительное время выступать гарантом исполнения установленных принципов. В итоге подписанное мирное соглашение оказалось неустойчивым к постоянно меняющимся условиям сосуществования сторон урегулированного конфликта.

Важнейшим фактором, определившим дальнейшую специфику межэтнических отношений, стало обнаружение в 1978–1983 гг. на границе Северного и Южного Судана⁵ крупных месторождений нефти. С целью недопущения правительства Южного Судана до процесса распределения найденных углеводородов президент Судана Джафар Нимейри 8 сентября 1983 г. объявил курс на построение в Судане исламского государства, обнародовал декрет о введении шариатского права и отменил автономию Южного Судана. Действия президента Судана вызвали широкую волну протеста на юге республики: повстанцы во главе с Джоном Гарангом объединились в Народно-освободительную армию Судана⁶, ознаменовав тем самым начало Второй гражданской войны в Судане, длившейся с 1983 г. по 2005 г.

Вторая гражданская война в Судане – вооруженный конфликт двух национально-формирований за право обладания стратегически важными ресурсами [6], необходимыми для обеспечения независимого существования собственных государственных образований. Благодаря «нефтяному» фактору внутрисуданский конфликт стал конфликтом международного значения. Религиозный характер конфликта, а также существующая корреляция между наличием на территории определенного государства нефтяных месторождений и возникающими у него в связи с этим экономическими потенциальными позволяет понять причину озабоченности великих держав относительно статуса обнаруженных на территории Судана месторождений. Активизация участия великих держав в процессе урегули-

рования Второй гражданской войны в Судане приходится на 1990–2000 гг. – период первых двух десятилетий после распада биполярной системы международных отношений.

В конфликте между арабо-мусульманским Северным Суданом и христианским Южным Суданом западные державы (США, Великобритания, Норвегия, Европейский Союз и др.) выступили в защиту последнего. Например, после 1990 г. США начали активно поддерживать Народно-освободительную армию (впоследствии переименованную в движение) Судана, курировать процесс демократизации управления, предоставлять Южному Судану гуманитарную, экономическую помощь, занимаются обучением управленческих кадров [7]. В это же время в отношении Северного Судана США проводили последовательную политику ослабления Хартума: в 1993 г. Государственный Департамент США включил Судан в список стран-спонсоров терроризма, в 1997 г. объявил о введении «экономической блокады» Судана, в июле 1999 г. Палата представителей Конгресса США одобрила резолюцию, осуждающую Хартум за геноцид в Южном Судане. Более того, США не ограничились чисто юридическими процедурами: по территории Судана наносились многочисленные авиаудары с целью уничтожения потенциальных террористических баз и фабрик по изготовлению оружия⁷.

Очевидно, что государства, исторически играющие роль оппозиции западному миру, Китай и СССР (а после 1991 г. – Россия), вплоть до начала 2000-х гг. поддерживавшие позицию официального Хартума путем оказания экономической помощи и посредством поставок вооружения, не имели достаточных ресурсов и инструментов для противостояния объединенным силам западных держав. Более того, после распада СССР, позиции государств – сторонников единого Судана резко ослабли, а в процессе урегулирования Суданского конфликта на первый план выступили интересы и деятельность стран евро-атлантического региона, а priori выступающих против акторов исламской ориентации.

В результате во время Второй гражданской войны в Судане при непосредственном участии великих держав было завершено формирование нации, которую можно дефинировать как «народ Южного Судана». Народ Южного Судана – надэтническая общность племен африканских народов, проживающих на территории

Южного Судана, объединенных единым, на основе христианства, самосознанием и использующих английский язык в качестве языка повседневного общения.

Заключенное в июле 2005 г. Всеобъемлющее мирное соглашение между правительством Республики Судан и Народно-освободительным движением (армией) Судана юридически закрепило право народа Южного Судана на самоопределение [8]. По результатам предусмотренного Соглашением референдума, состоявшегося в январе 2011 г., Южный Судан был признан международным сообществом как независимое государство, суверенитет которого распространяется на всю его территорию и ресурсы, расположенные на ней. В итоге во время Второй гражданской войны в Судане, а также процесса ее урегулирования произошла очередная трансформация идентификации и самоидентификации населения Судана, и что более важно, юридическое закрепление итогового состояния идентификации и самоидентификации в соответствии с нормами международного права:

**«южане-христиане
vs. северяне-мусульмане»**

**«народ Южного Судана
vs. народ Судана»**

**«граждане Южного Судана
vs. граждане Судана»**

После рассмотрения процесса развития межэтнических отношений на территории Северного и Южного Судана представляется возможным выделить следующие историко-культурные предпосылки противостояния населения северных и южных территорий:

- особенности заселения территории Судана различными этническими группами;
- особенности торговых сношений с Египтом и странами Аравийского полуострова.

С другой стороны, на процесс формирования надэтнических общностей Севера и Юга Судана, а также на характер и степень их взаимоотношений существенное влияние оказали следующие политические факторы:

- политика исламизации населения северных и южных территорий Судана;
- преходящий все разумные пределы объем и характер работорговли;
- недалководидная изоляционистская политика Великобритании в начале XIX в.;

- политика христианизации населения Южного Судана;
- интересы и политика великих держав в условиях однополярной системы международных отношений.

В эпоху глобализации проблема межэтнических отношений находится в фокусе политологических исследований. В контексте борьбы за энергоресурсы и сферы влияния великие державы под предлогом борьбы с международным терроризмом, гуманитарными катастрофами и нарушениями прав человека непосредственно и через международные организации стремятся получить контроль над стратегически важными для них территориями. В результате фактически происходит вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Однако современная система международного права позволяет легитимировать подобное вмешательство, используя гарантированное ООН право наций на самоопределение [9]. В связи с этим при анализе трансформации межэтнических отношений на территории определенного государства необходимо уделять особое внимание роли великих держав в данном процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Столица Республики Судан.
- ² Отсутствие инфраструктуры свело на нет все попытки метрополии по превращению Южного Судана в самодостаточную территорию за счет развития сельского хозяйства и животноводства.
- ³ Судан получил независимость 1 января 1956 г.

- ⁴ South Sudan Liberation Movement (SSLM).
- ⁵ Нефтяные месторождения были обнаружены на территории шести вилайатов: Адар, Бенту, Верхний Нил, Хеглиг, Эль-Вахда, Южный Кордофан.
- ⁶ Sudan People's Liberation Army (SPLA).
- ⁷ Например, бомбовые удары по фармацевтическим фабрикам в августе 1998 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Васильев Л. С.* История Востока. Т. 1. М., 1998. С. 273.
- [2] *Collins R. O.* A history of modern Sudan. Cambridge university press, 2008. С. 41.
- [3] *Fadlalla M. H.* Short History of Sudan. Iuniverse, 2004. С. 31.
- [4] *Ткаченко А. А.* Перспективы урегулирования внутрисуданских конфликтов // Ближний Восток и современность. Вып. 30. М., 2007. С. 257.
- [5] *Поляков К. И.* Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000. С. 39.
- [6] *Быстров А. А.* Влияние нефтяного фактора на перспективы дарфурского урегулирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/03-01-11b.htm> (дата обращения: 13.10.11).
- [7] *Тихомиров Н. К.* Судан: страновой, региональный и глобальный аспекты // Ближний Восток и современность. Вып. 16. М., 2001. С. 359.
- [8] Всеобъемлющее мирное соглашение между правительством Республики Судан и Народно-освободительным движением (армией) Судана. Подписано 9 января 2005 г. в г. Найроби (Кения) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2005/78> (дата обращения: 13.10.11).
- [9] Устав Организации Объединенных Наций. Подписан 26.06.1945 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> (дата обращения: 13.10.11).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Анализируются исторические и военно-политические факторы, обуславливающие необходимость военного присутствия России в Центральной Азии. Особенно значимым в данном направлении выглядит сотрудничество с Таджикистаном, играющим важную геополитическую, сырьевую и транзитную роль в Центральной Азии.

Ключевые слова: лимитроф, государственная мощь, геополитическое присутствие.

Любая мощная держава в зависимости от объема и структуры ее совокупной мощи стремится всемерно увеличить свое геополитическое пространство для получения новых ресурсов собственного развития и дополнительных гарантий своей безопасности. В результате образуется лимитроф, т. е. совокупность государств, где данная держава доминирует и реализует свои интересы. В геополитическом пространстве стран-сателлитов в рамках лимитрофа используются значительно меньшие объемы ресурсов борьбы с геополитическими противниками, чем в случае, если бы таковая борьба происходила непосредственно в геополитическом пространстве державы-«хозяина» [1].

Современная Россия также выстраивает свой лимитроф – преимущественно в постсоветском пространстве. Особую роль здесь играют страны Центральной Азии, образующие в совокупности с Казахстаном, Пакистаном и Афганистаном так называемый Большой Средний Восток (термин Ю.В. Крупнова) – регион, богатый ресурсами и включающий систему коммуникаций, имеющих стратегическое значение.

Для закрепления в центрально-азиатском лимитрофе Россия использует различные формы сотрудничества с составляющими его государствами.

Не последнюю роль играет военно-техническое сотрудничество России и стран Центральной Азии. Особенно значимо, на наш взгляд, военно-техническое сотрудничество России с Республикой Таджикистан – страной, граничащей с Афганистаном, имеющей богатые природные ресурсы (в частности, запасы урановой руды). Сотрудничество такого рода реализуется прежде всего структурами Центрального военного округа Вооруженных сил Российской Федерации.

Правовой основой для осуществления Центральным военным округом военно-технического сотрудничества с Министерством обороны Республики Таджикистан является «Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан» (подписан 16 апреля 1999 г., г. Москва). Ратифицированный Федеральным собранием (Федеральный закон от 24 марта 2001 г. № 29-ФЗ) Договор вступил в силу 16 октября 2004 г.

Настоящий Договор действует в течение 10 лет и автоматически продлевается на последующий пятилетний срок, если ни одна из Сторон не уведомит письменно не менее чем за один год до истечения

очередного срока действия Договора другую сторону о своем намерении прекратить его (статья 25). Договором определен термин «движимое имущество» – находящееся в пользовании российской военной базы имущество, включая все виды вооружения и военной техники, а также другие материальные средства.

Согласно Договору движимое имущество и недвижимое имущество (объекты недвижимости), находившиеся в местах дислокации воинских формирований до 25 мая 1993 г., являются собственностью Республики Таджикистан; движимое имущество российской военной базы, приобретенное после 25 мая 1993 г., является собственностью Российской Стороны; порядок передачи Российской Стороне указанного имущества во временное пользование на безвозмездной основе в соответствии с организационно-штатной структурой российской военной базы осуществляется по отдельному соглашению.

16 октября 2004 г. в г. Душанбе между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан заключено Соглашение о передаче движимого имущества, находившегося в местах дислокации воинских формирований до 25 мая 1993 г., во временное пользование российской военной базе.

Присутствие российских военных на территории Таджикистана является прочным звеном в единой системе коллективной безопасности в Центральной Азии.

201-я российская военная база в Республике Таджикистан выполняет поставленные задачи по созданию условий для нейтрализации террористических и экстремистских вылазок в регионе. Присутствие российских войск в Таджикистане, с учетом общественно-политической обстановки в соседних Кыргызстане и Афганистане, является сдерживающим фактором для третьих сил, ведущих борьбу за дестабилизацию обстановки в регионе. Стремление афганских контрабандистов совместно с бывшими боевиками таджикской оппозиции расширить свое влияние на юге Республики Таджикистан, например, в Шуробадском направлении, сдерживается присутствием там Кулябского гарнизона и проводимыми в этом районе регулярными совместными учениями военных России и Таджикистана.

Совместные действия Российской базы и подразделений Министерства обороны Республики Таджикистан и других силовых структур Таджикистана становятся гарантом мира и стабильности в регионе, препятствием распространению между-

народного терроризма и исламского фундаментализма в Центрально-Азиатском регионе. Это стало приобретать еще более значимую роль на фоне вытеснения Коалиционными силами НАТО части афганских боевиков на север страны, к южным рубежам Таджикистана.

Отношение местных жителей к российским военнослужащим и к присутствию самой базы в Республике Таджикистан в значительной мере положительное. В памяти таджикистанцев свежи события недавней гражданской войны, когда в период с 1992–1997 гг. 201-я российская дивизия, выполняя миротворческие функции в условиях внутринационального конфликта, обеспечивала охрану важнейших военных и государственных объектов, участвовала в охране общественного порядка, пресечении переходов государственной границы бандформированиями. В 1997–2002 гг. дивизия осуществляла эшелонированное прикрытие таджикско-афганской границы.

Взаимодействие с местными властями, готовность военнослужащих базы прийти в любое время на помощь дружественному народу осуществляется и сегодня. Известно активное участие военных Кулябского гарнизона в спасении людей во время разгула стихии в мае 2010 г., а также действия команды противопожарной защиты данного военного соединения, которая за последние 10 лет более 150 раз участвовала в тушении различных пожаров и более 200 раз – в аварийно-спасательных работах.

Присутствие российской базы в Таджикистане обусловлено и экономическими выгодами для бюджета республики.

Во-первых, играет роль высокая покупательная способность самой базы и ее военнослужащих. 201-я база приобретает электроэнергию, GSM, услуги коммунальные и другие, почти полностью приобретаются на таджикском рынке продовольствие для военнослужащих и промтовары. Оплачивается аренда земли, производятся другие отчисления, предусмотренные межгосударственными соглашениями.

Во-вторых, работающие на базе 1200 человек гражданского персонала получают в среднем зарплату в 13 500 рублей (2 070 сомони) при средней заработной плате в Республике Таджикистан 345 сомони, причем в Хатлоне, где находятся два гарнизона, средняя зарплата составляет 226 сомони. По соглашению, подписанному между командованием базы и местными налоговыми органами, соединение отчисляет все виды налогов в мест-

ный бюджет, предусмотренных законодательствами Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Присутствие российской базы в Республике Таджикистан приобретает еще большее значение на фоне заявления российского руководства о готовности участвовать в реализации энергетического проекта САЗА-1000 и вложить в этот проект 500 миллионов долларов. По завершении проекта Таджикистан сможет экспортировать электроэнергию в Афганистан, Пакистан и Иран. Участие России в модернизации ГЭС «Наглу» и в создании объектов малой энергетики в горных районах Исламской Республики Афганистан позволит привлечь в качестве специалистов-переводчиков и квалифицированной рабочей силы граждан Таджикистана.

В данном случае российская база становится гарантом стабильной работы граждан этих стран и поступления инвестиций России и Таджикистана в экономику Афганистана.

Таким образом, Центральный военный округ Вооруженных сил Российской Федерации вносит значительный вклад в обеспечение не только собственно военной, но также экономической и политической безопасности стран Центральной Азии, закрепляя тем самым геополитическое присутствие России в этом стратегически важном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Комлева Н. А.* Лимитроф как геополитическая технология // Известия УрГУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3 (78).

УДК 316

И.А. Левенских

РОЛЕВЫЕ ПОЗИЦИИ ОТЦА В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

На основе данных социологического исследования представлен анализ роли отца в современной семье. Выявлены особенности распределения семейных обязанностей между супругами в зависимости от модели семьи. Сравнивается специфика отцовской роли в традиционной и эгалитарной семье, а также делается акцент на «новом» образе отцовства. Рассматриваются факторы, влияющие на изменение роли отца в условиях трансформации общества.

Ключевые слова: отцовская роль, материнская роль, новый образ отцовства, эгалитарная и патриархальная модель семьи, феминизация, маскулинизация, глава семьи.

Происходящие в российском обществе изменения затронули не только разные сферы общественной жизни, они также активно повлияли на приватную сторону жизни людей, в частности на супружеские и родительские роли. Переход от патриархальных семейных устоев к эгалитарным, демократическим отразился в равноправии семейных отношений. Ломка традиционного гендерного порядка привела к сближению мужских и женских ролей их статусных позиций в обществе и в семье. Общая тенденция повышения ценности личности начала проявляться в активизации процесса индивидуализации, который ведет к росту автономии индивидуального поведения относительно сложившихся норм.

В современной общественной системе мужчины и женщины демонстрируют новые типы и модели отношений друг с другом, в соответствии с которыми принцип доминирования и главенства в супружеских отношениях сменяется ориентациями на партнерство. Такие отечественные социологи, как Е. Здравомыслова и А. Темкина, заключают, что предписания обществом «мужского» и «женского» всё более сливаются, гендерные роли взаимозаменяются, классический базовый гендерный контракт постепенно вытесняется контрактом «равного статуса», в соответствии с которым на смену иерархии патриархата приходит выравнивание положения прав и возможностей мужчин и женщин как в публичной сфере (политика, образование, профессии, культурная жизнь), так и в приватной (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и т. д.) [1, с. 149]. По мнению И.С. Кона, «...ломка традиционного гендерного порядка закономерна и необратима. Ее причиной является не феминизм, а новые технологии, которые делают природные половые различия менее значимыми, чем раньше» [2, с. 38].

В условиях традиционного патриархального устройства общества главенство мужчины в семье было обусловлено безоговорочным подчинением ему жены и детей. Мужья не могли проявлять внимание и любовь к детям, так как это расценивалось мужской слабостью, поэтому данная роль выполнялась женщинами. Мужской родительский вклад был значительно меньше женского. Традиционный нормативный канон отцовства подразумевал не столько физический уход и заботу о детях, сколько реализацию властных полномочий в семье и социуме. Социальное расстояние между отцом и детьми нередко поддерживалось с помощью специальных ритуалов, правил избегания, передачи детей на воспитание в чужие семьи и т. д. «Содержание

и соотношение социально-педагогических функций отца – персонификация власти, кормилец, дисциплинатор, пример для подражания и непосредственный наставник сыновей в общественно-трудовой деятельности» [3]. Отцовская позиция и ролевое поведение выступали как противоположные материнскому.

Классики научной мысли во многом имели схожие взгляды относительно положения и роли мужчины в семейных отношениях. В представлениях Аристотеля мужчина занимал доминирующее положение: «по своей природе сильнее, женщина – слабее, и вот мужчина властвует, а женщина находится в подчинении» [4, с. 13]. В концепции О. Конта женщина духовно возвышалась над мужчиной, однако она должна была находиться в материальной зависимости от мужа («женщина морально стоит выше мужчины, но ее роль в обществе должна сводиться только к сохранению добрых нравов и возвышенных идеалов, ее следует держать вдали от общественной жизни и профессионального труда» [5, с. 208]). У Г. Спенсера и И. Канта женщине отводится роль матери: «сохранение и размножение – это единственное, на что женщины пригодны», у Гегеля «женщина – пассивное и субъективное начало, имеющее свое предназначение только в семье» [6, с. 198], у З. Фрейда «судьбу женщины определила природа» [7, с. 27], у Ч. Ломброзо «женщина во всех отношениях, в том числе и психическом уступает мужчине» [8, с. 6]. Все эти классические представления отражали доминирующее положение мужчины.

Однако в современных условиях эталоны маскулинности, влияющие на поведение мужчин в роли отца, стали менее жесткими и однозначными. Трансформации в сфере гендерных отношений, происходящие в последние десятилетия, поспособствовали формированию новых образов отцовства, включающих черты модернизированной мужественности. Новая модель поведения не такая четкая, как традиционная, в ней больше вариаций и индивидуального своеобразия. Главная отличительная ее черта заключается в том, что она в равной степени ориентирует мужчин на самореализацию в профессиональной и семейной сферах. И.С. Кон подчеркивает: «Настоящий мужчина» сегодня – не только «силовик», но и ученый, инженер, художник, поэт-лирик и просто ласковый отец, а разные виды деятельности предполагают неодинаковые психологические свойства» [9, с. 14].

В новых образах роли отцов отмечается присутствие женских (фемининных) черт. Мужское доминирование и главенство уступает место эгалитарным тенденциям в поведении. Особенно ярко это проявляется в сфере детско-родительских отношений. Если в рамках традиционной патриархальной модели семьи в отношении с детьми отец демонстрировал эмоциональную дистанцированность, не включенность в повседневные дела детей, властность, строгость и суровость в оценке их поступков и поведения, то современный мужчина становится более близким к детям. Стремление проявить заботу, установить доверительные и дружеские отношения, находиться в постоянном контакте с ребенком – одна из ярких тенденций перехода семьи к эгалитарной модели, в которой проявляется уважение другой личности и отцовское сознание мужчины. Всё большее число отцов вовлекаются в процесс ведения домашнего хозяйства, ориентируясь на равенство в распределении семейных обязанностей. Одним из факторов данного процесса является частичный, а иногда и полный выход женщины из семьи и включенность ее в социально-экономические отношения, стремление к самореализации во внешней сфере.

Исследований, посвященных изучению новых образов отцовства, немного, ведь основное внимание, как правило, уделяется проблемам матерей. Изменение роли отца отражается на воспитании потомства, на благополучии семейных отношений в целом. «Рассмотрение феномена семьи в контексте общественной жизни показывает, что новое время принесло с собой значительные перемены в ценностных ориентациях. Прежде всего, это коснулось процесса воспитания детей, который многие исследователи склонны приписывать отцу, чьи позиции в качестве защитника и кормильца пошатнулись. Сторонники этой идеи считают, что как социальный фактор институт отцовства в современном мире не ослабевает, а укрепляется за счет освоения новых функций, которые раньше входили исключительно в обязанности матерей» [10, с. 191]. В современном обществе в результате трансформации образа отца мужчина выполняет те функции, которые традиционно выполняли только женщины. Некоторые исследователи считают, что данные изменения сопровождаются процессом демаскулинизации мужчин и маскулинизации женщин.

Под демаскулинизацией подразумевается «процесс, в ходе которого под влиянием социокультурных стереотипов женщины предъявляют новые требования к поведению мужчин (быть нежным, ласковым, заботливым и т. д.). В результате чего мужчины осваивают традиционно женские обязанности» [11, с. 53]. Существование данного процесса подтверждается результатами социологического исследования, представленного ниже.

В ходе пилотажного исследования, проведенного под руководством профессора, доктора социологических наук М.М. Акулич в 2010 г. на территории города Тюмени, направленного на выявление представлений населения о специфике роли современного отца в семье, было опрошено 250 человек от 18 лет (из них 146 женщин и 104 мужчины).

Измеряя общественное мнение относительно особенностей отцовской роли в представлениях населения города Тюмени, были выявлены по степени важности три основные задачи мужчины в семье: проявление внимания, заботы, нежности и любви к детям, воспитание детей и материальная составляющая (табл. 1). Наименее значимыми оказались функции, заключающиеся в обеспечении детей социальной защитой, в поддержании и передаче семейных традиций, а также в ведении домашнего хозяйства. Если последняя функция традиционно на протяжении многих веков приписывалась женщине, то и сегодня здесь мало что изменилось. Так, по данным исследования выявлено, что женщины (50 %) больше, чем мужчины (38 %), склонны считать функцию ведения домашнего хозяйства менее значимой для отцов. Однако первостепенная задача мужчины в семье, по мнению большинства женщин (44 %), заключается в проявлении заботы и внимания к детям, а по мнению мужчин (36 %) – в воспитании потомства.

Таблица 1
Распределение позиций среди отцовских функций по степени важности

Среди мужчин		Функции	Среди женщин	
% отв.	Ранг		Ранг	% отв.
36	1	Воспитание детей	2	32
27	2	Материальное обеспечение семьи	3	31
29	3	Проявление заботы, нежности и внимания к детям	1	44
22	4	Обеспечение возможности образования, выбора профессии	4	45
33	5	Поддержание и передача семейных традиций	5	43
38	6	Ведение домашнего хозяйства	6	50

В представлениях населения о распределении семейных обязанностей между супругами была выявлена ориентация на равноправие как среди женщин, так и среди мужчин. Даже ведение домашнего хозяйства (57 %) и уход за детьми (72 %) большинство мужчин и женщин относят к совместно выполняемым обязательствам (табл. 2).

Выбирать метод воспитания ребенка большинству респондентов (91 %) представляется вместе, а принимать совместно ответственные решения больше хотят женщины (81 %), чем мужчины (64 %).

Экономическое обеспечение и ремонт в доме всё же более возлагается на мужчин (но не совместно), а женщинам приписывается проявлять себя в формировании благоприятного психологического климата в семье, в уходе за ребенком и в ведении домашнего хозяйства.

В ходе анализа эмпирических данных было выявлено в представлениях большинства опрошенных (49 %), что главой в семье должен являться отец, а не мать (табл. 3). Это указывает на преобладание традиционных ориентиров семейных отношений (патриархальная модель). Хотя чуть меньшая доля опрошенных (45 %) предпочитает эгалитарную модель уст-

Таблица 2
Представления населения о распределении семейных обязанностей между супругами, %

Обязанности в семье	Отец		Мать		Вместе		Отец	Мать	Вместе
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			
Организация семейного досуга	5	3,4	6,3	9,2	89,1	87,4	4	8	88
Уход за ребенком	–	–	30,2	27	70	73,3	–	28	72
Принятие ответственных решений	35	19	2	–	64	81	24,5	0,5	75
Формирование благоприятного психологического климата в семье	3,1	–	22	22,5	75	77,5	1	22	77
Распределение бюджета семьи	17,2	7	12,5	23,3	70,3	70	10	20	70
Материальное обеспечение	61	52,5	–	–	39,1	47	56	–	44
Ведение домашнего хозяйства	–	2	44	41	56,3	57,5	1	42	57
Ремонт по дому	72	53,3	–	1	28,1	46	60	–	40
Выбор метода воспитания детей	3,2	–	6,3	8,3	90,5	92	1	8	91
Покупка предметов длительного пользования	14	4,2	5	5	81,3	91	8	5	87

ройства семьи, где супруги делают все обязанности поровну. Здесь мужчина, так же как и женщина, ухаживает за ребенком, ведет домашнее хозяйство, а жена, как и муж, занимается экономическим обеспечением семьи, совместно принимаются ответственные решения и т. д. Также выделим, что женщины стремятся эгалитарности отношений в большей степени, чем мужчины.

Исследование подтвердило наличие демократической модели устройства семейных отношений у 44 % респондентов. Однако традиционные типы семьи отмечены только у 22 % опрошенных. Таким образом, каждый второй респондент, где преобладают мужчины (63 %), предпочитает видеть главой семейства отца, а фактически данную позицию мужчина занимает только в семьях каждого четвертого опрошенного. Интересным является то, что женщины меньше стремятся видеть в мужчине главу семьи, отдавая предпочтение равенству. Хотя фактически они чаще называют главой себя – 25 %, чем мужчин – 18 %, среди которых каждый второй, напротив, видит свои семейные отношения как демократические.

Далее в ходе интерпретации данных были выявлены особенности представлений населения о сущности патриархальной и эгалитарной модели семьи. Из анализа табл. 4 видно, что современную патриархальную модель отличает в основном большее самостоятельное стремление мужчин экономически обеспечить семью, освободив тем самым женщину от этой

обязанности, но оставив ей больше времени для ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми. Считая себя главой семьи, мужчины всё же стремятся распределять семейный бюджет и принимать ответственные решения совместно с женой. Выполнение остальных функций, так же как и в семье с эгалитарным типом устройства, осуществляется сообща.

Таким образом, можно предположить, что ориентация на мужское главенство больше связана с экономическим обоснованием, хотя, как показало исследование, значительная часть респондентов – 44 % предпочитают совместно зарабатывать деньги. Поэтому представление о главенстве отца в семье сохранилось больше как морально-этическое явление, связанное с традицией.

Если мужчины в большинстве своем сохраняют традиционные представления: «жена – красивая женщина, мать их детей, хозяйка дома», то женщины, как правило, ориентируются на две достаточно противоречивые модели взаимодействия в семье. Для одной характерны традиционные установки: «мягкая, романтическая женщина занимает пассивную, подчиненную позицию в семье, отдает себя материнству. Муж – материальная, моральная опора семьи, яркий лидер, волевой и независимый». Вторая модель сформировалась в условиях современного социума: «женщина – самостоятельная, активная, социально смелая личность, имеющая собственные интересы, стремящаяся к активной роли в обществе.

Таблица 3
Глава семьи в представлениях населения и фактическое распределение главенства, %

Вопрос	Отец		Мать		Равенство		Все опрошенные		
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			
Кто должен быть главой в семье	63	40	–	2,5	35	51	49	1,5	45
Кто в Вашей семье является главой	31	18	12	25	50	41	22	21	44

Примечание. Сумма ответов может быть не равна 100 %, так как в таблице не представлены другие варианты ответов.

Таблица 4
Распределение семейных обязанностей между супругами в зависимости от модели семьи, %

Обязанности в семье	Патриархальная модель			Эгалитарная модель		
	Отец	Мать	Вместе	Отец	Мать	Вместе
Организация семейного досуга	6	7	87	2	10	88
Уход за ребенком	–	34	66	–	25	75
Принятие ответственных решений	3	–	67	17	1	82
Формирование благоприятного психологического климата в семье	2	24	74	–	22	78
Распределение бюджета семьи	15	21	64	7	19	74
Материальное обеспечение	72	–	28	44	1	55
Ведение домашнего хозяйства	–	56	44	2,4	32,5	65,1
Ремонт по дому	67	–	33	56	1	43
Выбор метода воспитания детей	2	8	90	–	8,5	91,5
Покупка предметов длительного пользования	13	5	82	4	6	90

Примечание. Сумма ответов может быть не равна 100 %, так как в таблице не представлены другие варианты ответов.

Воспитание детей и ведение домашнего хозяйства осуществляется совместно с мужем. Супруг – мягкий, терпеливый, выполняющий в семье роль эмоционально-психологического лидера». Причины существования столь противоречивых представлений женщин о ролевом взаимодействии в семье, по мнению В.Т. Лисовского, очевидно, кроются в требованиях социальной системы – активное участие женщины в общественной жизни и выполнение ей традиционных функций матери, хозяйки дома, жены [12, с. 368].

Итак, анализ эмпирического материала показал, что в представлениях населения мужчина в семье – это в первую очередь нежный, внимательный, заботливый, ответственный отец и воспитатель, способный не только материально обеспечивать, но и разделять труд по уходу за ребенком. Главенство в семье приписывается чаще мужчине и в большинстве своем носит условный характер в качестве сохранившегося традиционного стереотипа. Такие ролевые позиции, как экономическое обеспечение, хозяйствование, родительство и главенство, в равной степени занимают и мужчина и женщина, что указывает на высокую распространенность демократического (эгалитарного) типа семей в обществе.

«Идеалы мужественности и женственности сегодня, как никогда, противоречивы: традиционные черты в них переплетаются с современными, они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций. Общая тенденция развития в этой области заключается в ослаблении былой поляризации половых ролей и связанных с ними социокультурных стереотипов. В этих условиях социальные роли мужчины и женщины перестают казаться полярными, взаимоисключающими, открывается возможность разнообразных индивидуальных сочетаний, в том числе и в плане родительских функций» [13, с. 95].

Таким образом, современная эпоха характеризуется изменением идеалов полов и стиранием границ между мужским и женским. Остаются актуальными традиционные патриархальные устои, мужчина также должен материально обеспечивать семью и выполнять другие ответственные задачи, а женщина требует от мужчины проявления ярких феминных качеств: нежность, сострадание, заботливость, внимательность, отзывчивость и т. п., в связи с чем провоцируется процесс демаскулинизации мужской части населения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. СПб. : Алетейя, 2001. С. 147–173.
- [2] *Кон И.С.* Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения. 2008. № 2 (94). С. 37–43.
- [3] *Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
- [4] *Политика Аристотеля.* М., 1911.
- [5] *Кант И.* Приложения к «Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного». Соч. в 6 т. Т. 2. М., 1964.
- [6] *Гегель Г.* Философия права. Соч. Т. 7. М., 1934.
- [7] *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности // «Я» и «Она» Труды разных лет. Тбилиси, 1991.
- [8] *Ломброзо Ч.* Женщина – преступница и проститутка. Харьков ; Киев, 1897.
- [9] *Кон И. С.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не) здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. Научно-теоретический журнал. 2008. № 4. С. 5–16.
- [10] *Остроух И. Г.* Трансформация института отцовства в постиндустриальном обществе на примере ФРГ // Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001.
- [11] *Акулич М. М.* Консенсусология. Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007.
- [12] *Лисовский В. Т.* Молодежь: любовь, брак, семья (Социологические исследования). СПб. : Наука, 2003.
- [13] *Рамих В. А.* Материнство и культура (философско-культурологический анализ). Ростов на/Д, 1997.

МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Рассматриваются теоретические модели профессиональной культуры муниципальных служащих. Анализируются и раскрываются состояния профессиональной культуры. Делается вывод о современной модели профессиональной культуры муниципальных служащих.

Ключевые слова: профессиональная культура, модель, муниципальная служба.

Традиционно в муниципальной службе выделяют две идеальных модели профессиональной культуры: бюрократическую и «государственного менеджмента». Необходимо учитывать, что модели профессиональной культуры меняются исторически в зависимости от требований общества к месту и роли профессиональной группы, ее специфики.

Основы бюрократической модели профессиональной культуры сформированы еще М. Вебером. Он представлял бюрократию как некую нормативную модель, идеал работы, или, говоря современным языком, модель профессиональной культуры, к достижению которой должны стремиться служащие. «Основные постулаты бюрократической модели, по Веберу, сводятся к следующему: рациональность, профессионализм и аполитичность. Бюрократ не должен быть прислужником начальства и обязан работать, руководствуясь интересами дела, независимо от смены власти. Всё это должно быть обеспечено целым рядом факторов и специальных процедур. Среди них: рекрутирование на основе открытых конкурсов, продвижение по иерархической лестнице на основании меритократических критериев, деполитизация карьеры и функциональных обязанностей, профессионализация деятельности, конкурентоспособное вознаграждение и определенные социальные гарантии» [1].

По мнению ряда отечественных и зарубежных ученых, в России на сегодняшний момент преобладает бюрократическая модель профессиональной культуры муниципальных служащих. Эти выводы прежде всего возникают из-за высокой по современным меркам формализации деятельности муниципальных служащих, а также имеющего место негативных проявлений данной модели: например, неконтролируемый рост служащих и медленное выполнение ими своих обязанностей.

В целом бюрократическая модель профессиональной культуры имеет положительные стороны, среди которых – четкая структура организации, прописанные права и обязанности, закрепленный уровень ответственности, продвижение по карьерной лестнице наиболее достойных, отсутствие патернализма. При этом среди ее негативных сторон можно назвать, например: неконтролируемый рост организации, медленное выполнение профессиональных задач служащими, снижение инновационного потенциала.

Потребности современного управления, и прежде всего в инициативности, гибкости, прозрачности, большей ориентации муниципаль-

ных служащих на результат и оперативность, привели к формированию новой модели профессиональной культуры в муниципальной службе. В результате появились неоклассические школы государственно-административного управления, которые делают основной упор на организационно-технологических компонентах управления и социокультурных началах. На их основе возникла в профессиональной культуре муниципальных служащих модель «государственного менеджмента». Суть модели профессиональной культуры «государственный менеджмент» направлена на инновации, на улучшение уже достигнутого результата. Главным в ней выступает культурное измерение, ориентация чиновников на запросы населения. В основу деятельности положена не формализация и внутренняя субординация, основанная исключительно на должностной инструкции или уставных документах, а прежде всего разработка и реализация конкретного социально-управленческого проекта, направленного на решение социальных потребностей тех или иных групп населения территории, региона [2]. Данная модель еще находится в России в стадии формирования.

Модель государственного менеджмента характеризуется: ориентацией результатов деятельности служащих на население; прозрачным, открытым характером работы. Предполагается, что вся информация о деятельности чиновников должна быть открытой, освещаться в СМИ и Интернете; постоянным пополнением уровня знаний и повышением своей квалификации служащими; инициативностью, от муниципальных служащих начинают не просто требовать исполнения обязанностей, но и ждать различного рода инновационных предложений, будь то усовершенствование технологий работы или предложения по решению общественных проблем; четко закрепленным уровнем ответственности; вознаграждение определяется реальным объемом работ служащего. Зависит от уровня жизни населения и от ряда качественных критериев профессиональной деятельности; ориентацией чиновников как на вертикальное, так и горизонтальное продвижение; следование в работе этическому кодексу.

Переход от одной модели к другой неминуемо будет сопровождаться социокультурными противоречиями в этой профессиональной общности. Так, могут возникнуть такие противоречия, как несогласованность требований к профессии со стороны общества и установками са-

мых служащих, которые привыкли действовать «по-старому».

В условиях неустойчивого развития профессии возможно возникновение еще одной модели профессиональной культуры – «патримониальной». Эта модель впервые выделена М. Вебером, и ее он противопоставляет бюрократической модели. В условиях, когда старые нормы профессиональной деятельности не работают, а новые еще не созданы, муниципальные служащие в стремлении сохранить устойчивость своего должностного положения и получить уверенность в будущем дне начинают ориентироваться не на потребности населения или свою должностную инструкцию, а на своего непосредственного руководителя, его субъективные цели.

При патримониальной модели у чиновников нет потребности в инновационной деятельности, высоко развита кастовость, социальная и правовая незащищенность, профессиональные ценности иррациональны по содержанию и форме проявления. При этом установки на карьерное продвижение явно не выражены, карьерные притязания замкнуты на служебном продвижении патрона.

В целом патримониальная модель профессиональной культуры противоположна интересам и потребностям общества. В значительной мере именно этот факт вызывает недовольство работой муниципальных служащих со стороны общества и в целом свидетельствует о недостаточном уровне ее развития как вида деятельности. Как указал Г.П. Зинченко, «в культуре наших чиновников сложились устойчивые аномалии, унаследованные из прошлого, которые создают помехи для эффективного функционирования» [3]. Современные темпы общественного развития и высокая значимость деятельности муниципальных служащих делают патриархальную модель наименее желательной в муниципальной службе.

В связи с тем, что в XXI в. к качеству управления стали уделять больше требований, в социологии культуры проблема муниципальной службы стала чрезвычайно актуальной. На наших глазах предпринимается попытка сформировать у чиновников новую модель профессиональной культуры. Модель «государственного менеджмента» уже начинает прослеживаться в муниципальной службе. Об этом, например, говорят проводимые реформы в оплате труда муниципальных служащих, переход на проектную деятельность, публикации в СМИ и Интерне-

те доходов ряда высокопоставленных служащих. Предпринимаемые меры направлены на формирование имиджа муниципальных служащих в глазах населения и самих служащих. Но меры, направленные на формирование модели «государственный менеджмент», насаждаются сверху, а не формируются в процессе развития самой муниципальной службы.

Для выявления модели профессиональной культуры муниципальных служащих в 2010 г. было проведено количественное социологическое исследование среди муниципальных служащих в Свердловской области, объем выборки составил 300 человек. В ходе исследования в первую очередь выявлялось отношение профессиональной общности к процессу и результатам своего труда через анализ трудовой мотивации. Именно изучение мотивации, которая основана на системе ценностей и ценностных ориентаций, позволяет выявить реальный уровень профессиональной культуры. Мотивация трудовой деятельности является той движущей силой, которая определяет характер принимаемых индивидом решений среди имеющихся альтернатив. Человек принимает те решения, которые в большей степени способны удовлетворить его потребности. Попадая в сферу влияния ценностей и норм социально-профессиональной группы, мотивы человека или вступают с ней в конфликт (если индивидуальные ценности и нормы противоречат групповым), или способствуют более эффективной профессиональной деятельности.

В ходе исследования мы задали муниципальным служащим вопрос «Что Вас более всего привлекает в Вашей работе?». Результаты ответов сгруппировали по типам мотивации. В итоге среди муниципальных служащих было выявлено три доминирующих типа мотивации профессиональной деятельности.

Первый тип мотивации, который присущ муниципальным служащим, – инструментальный. При инструментальной мотивации работникам важно знать, что за свой труд они получают вознаграждение (как правило, определенную сумму денег) или карьерное продвижение. Так, для 30 % служащих ведущим мотивом является именно оплата труда и для 21,5 % – карьерное продвижение. Следовательно, для 51,5 % респондентов в их профессиональной деятельности характерна инструментальная мотивация. Для таких служащих демотивирующими факторами могут быть медленное карьерное продвижение и непродуманная система оплаты

труда. Например, система окладов будет демотивирующим фактором, если вне зависимости от результатов труда работники получают одинаковое вознаграждение. В подтверждение этому среди факторов, которые не устраивают респондентов в их профессии, 33 % назвали недостаточную заработную плату и 23 % – медленный карьерный рост.

Интересен тот факт, что возраст служащих и такой мотив, как карьерный рост, находятся в обратной зависимости. Так, преимущественно к карьере стремится 23 % служащих в возрасте 20–29 лет и всего 7 % в возрасте 60 и более лет.

Профессиональная культура является отражением общей культуры общества, поэтому стремление к материальному благосостоянию и карьерному продвижению представляется вполне объяснимым, исходя из ценностей, доминирующих в современном обществе. Именно для общества потребления характерно стремление к материальным благам, как правило, в ущерб духовным.

Второй тип мотивации, выявленный у муниципальных служащих, – недостижимый. При недостижимой мотивации работник не нацелен на содержательные мотивы труда: ответственность, трудовые достижения, общественную полезность, большой заработок, а работает просто, потому что на данном месте он имеет низкий уровень ответственности, небольшой, но гарантированный заработок, малые трудовые усилия, или работает просто по привычке. Такая мотивация характерна почти для 27 % респондентов.

Недостижимая мотивация нежелательна для любой профессии, так как работник не нацелен на саморазвитие или оптимизацию своей профессиональной деятельности. Его усилия связаны с формальным выполнением возложенных обязанностей или страхом наказания (осуждения, выговора, увольнения и т. д.). При этом внешне работники с таким видом мотивации могут создавать вид крайней заинтересованности своими обязанностями, но за этой маской скрывается полное отсутствие интереса к своей профессии. Работники с недостижимой мотивацией негативно влияют на содержание и уровень своей профессиональной культуры.

И третий тип мотивации, выявленный у служащих, – это профессиональная мотивация. Этот тип мотивации присущ всего 21,5 % респондентов – служащих. При профессиональной мотивации работник стремится к профессиональному са-

мосовершенствованию. Для таких служащих характерно стремление лучше реализовать себя в профессиональной сфере, желание пополнять свои знания и оптимизировать имеющиеся умения и навыки работы. Для них демотивирующим фактором будет отсутствие возможности в полной мере реализовать себя в любимой профессии. Такую проблему для себя отметили всего 14 % участников опроса среди муниципальных служащих. Служащих с данным типом мотивации также интересует престиж и значимость их профессии в обществе.

В целом инструментальная и недостижимая мотивация как побудительная основа профессиональной деятельности выходят на первый план у муниципальных служащих. Это говорит о недостаточно высокой оценке муниципальными служащими значимости своей профессии и непосредственных результатов труда. Кроме того, в соответствии с формальной нормой служащие должны при осуществлении профессиональной деятельности исходить «из приоритета прав и свобод человека и гражданина», а не руководствоваться приоритетом личных интересов.

Ценности трудовой деятельности предполагают, что муниципальные служащие должны любить свою профессию, быть заинтересованными в ее оптимизации и своем профессиональном развитии. Только в таком случае можно будет говорить об эффективном выполнении служащими своих обязанностей. В настоящее же время доля тех, чье призвание – муниципальная служба, несравнимо мала. Большая часть служащих не ощущают свою профессию в качестве призвания, а рассматривают ее прежде всего как источник стабильного и гарантированного дохода. В результате такого подхода служащих к обязанностям возникает волокита и формальное отношение к делу.

Формальное отношение к делу является признаком бюрократической системы. «Формализм представляет собой одновременно и преимущество, и недостаток бюрократии. С одной стороны, он предопределяет жесткую регламентацию управленческого процесса, требуя неукоснительного соблюдения установленных правил, сводит к минимуму властный произвол. С другой стороны, приводит к тому, что в процессе управления смысл нередко приносится в жертву букве инструкции, а цель – подчиняется средствам ее достижения» [4]. Многочисленные отчеты сегодня, по мнению самих служащих, не

предназначены для повышения эффективности работы, а выполняются зачастую в качестве формальной нормы, для снятия или перекалывания ответственности.

Для анализа тенденций развития профессиональной культуры российских муниципальных служащих мы попробовали выявить черты той модели профессиональной культуры, которая имеет место сегодня в муниципальной службе.

Критерием для установления модели профессиональной культуры мы определили ожидания служащих от непосредственного руководителя. Например, склонность служащих давать и получать совет по выполнению проектного задания характерна для менеджерской модели профессиональной культуры. Контроль над выполнением должностных обязанностей характеризует рационально-бюрократическую профессиональную культуру, а формулировка четких указаний «сверху» присуща патримониальной бюрократии.

Было установлено, что для подавляющего большинства муниципальных служащих (55 %) характерны патримониальные ожидания, именно они являются доминирующими в муниципальной службе. Этот факт дает частичные объяснения ряду негативных норм, которые были выявлены в ходе исследования, в профессиональной культуре муниципальных служащих, например, таких как ориентирование на руководителя и его интересы или фаворитизм при назначении и продвижении.

Ожидания в русле бюрократической модели характерны для 26 % респондентов. И только ожидания 19 % опрошенных служащих могут быть признаны как соответствующие менеджерской модели. Можно сказать, что тенденция к переходу на менеджерский тип управления только наметилась у муниципальных служащих, и в настоящее время роль ожиданий, характерных для менеджерской модели, незначительна. Но при этом следует отметить, что ожидания служащих г. Екатеринбурга и области отличаются весьма ощутимо. В г. Екатеринбурге у муниципальных служащих доминирующая профессиональная культура не столь ярко выражена. У областных муниципалов явно доминирует патримониальная модель профессиональной культуры, о чем свидетельствует несменяемость (либо очень редкая сменяемость) руководителей на своих постах, ориентация служащих на выполнение воли своего патрона и преобладающие в связи с этим личные, а не

деловые отношения между руководителем и подчиненными.

Если проследить изменение модели профессиональной культуры служащих в динамике, то, воспользовавшись результатами исследований, проводившихся в 2002–2003 гг. [5], можно констатировать, что у муниципальных служащих происходит некоторое ослабление проявлений рационально-бюрократической модели и усиление патримониальной модели. Изменения же, характерные для менеджерской модели, происходят очень медленно.

Патримониальные ожидания доминируют у всех возрастных групп. Но все-таки чем моложе служащий, тем более предпочтительными для него являются менеджерские ожидания. И напротив, чем он старше, тем в большей мере (на втором месте после патримониальных ожиданий) начинают доминировать рационально-бюрократические ожидания. Но эти ожидания лишь отчасти характеризуют модель профессиональной культуры муниципальных служащих. Ее будут также обуславливать установки (через формальные и неформальные нормы и ценности), которыми руководствуются служащие в работе. Для выявления этих установок мы спросили у служащих: «Чем Вы руководствуетесь при выполнении обязанностей?». Данный вопрос имел полузакрытый характер, служащим предлагалось выбрать или предложить свой вариант ответов.

В варианты предлагаемых ответов были заложены характеристики разных моделей профессиональной культуры. Среди предложенных вариантов ответов к менеджерской модели можно отнести: «личную ответственность за порученное дело» и «приоритет интересов общества», к рационально-бюрократической – «руководство преимущественно должностной инструкцией в работе», а к патримониальной – «руководство в работе преимущественно указаниями начальства» и «стремлением угодить руководству». В ходе анализа

данных был выявлен ряд противоречий в ответах респондентов. Так, у чиновников с патримониальной установкой поведение должно соответственно определять и патримониальные ожидания от руководителя, но это не всегда верно.

Итак, в ходе исследования было выявлено, что в целом в каждой группе служащих (по модели профессиональной культуры) в значительной мере присутствуют или даже доминируют несвойственные ей ожидания. В чистом виде ни одна из моделей профессиональной культуры сегодня не представлена.

Эти данные подтверждают, что в муниципальной службе происходит смена модели профессиональной культуры, в результате чего формальные и неформальные нормы, а также ценности нередко противоречат друг другу. Как следствие, модель профессиональной культуры муниципальных служащих в современной России можно охарактеризовать как эклектичную. Именно для эклектичной модели характерно сочетание в себе не только различных, но даже противоречащих друг другу элементов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гимельсон В. Е. Найм и карьера молодых чиновников: идеи М. Вебера и российская реальность, постановка проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fom.ru/reports/frames/ra0016.html> (дата обращения: 12.01.11).
- [2] Хохряков Б. С. Профессиональная культура муниципального чиновника в условиях становления местного самоуправления в России : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2003. 180 с.
- [3] Зинченко Г. П. Государственная служба: дисфункции и девиация // Чиновник. 2002. №1. С. 24.
- [4] Бабицев В. А., Захаров В. В. Стратегия развития кадров // Служба кадров и персонала. 2006. № 6. С. 28.
- [5] Попов В. Г., Чертенко А. Л. Формирование социальной компетентности муниципальных служащих в современной России: социологический анализ. Екатеринбург, 2006. С. 71–73.

УДК 336

А.С. Грисько

КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КАПИТАЛА БРЕНДА

Проводится сравнительный анализ основных методов к оценке капитала бренда, оцениваются их преимущества и недостатки. Также обосновывается необходимость комплексного подхода к оценке бренда.

Ключевые слова: бренд, оценка стоимости бренда, капитал бренда.

На сегодня самой большой популярностью пользуются экспертные методы оценки капитала бренда, в частности, *комплексный экономический метод оценки бренда*, который включает в себя исследования потребителей и анализ конкурирующих брендов по показателю будущих предполагаемых доходов [1]. Такая оценка учитывает экономическую ценность бренда для его владельца при его нынешнем использовании. Иными словами, она учитывает реальную отдачу, получаемую владельцем от обладания брендом, – чистую прибыль от бренда для компании сейчас и в будущем [2].

Используя метод дисконтированных денежных потоков, оценщик бренда дисконтирует предполагаемые будущие прибыли бренда по соответствующей учетной ставке и получает чистую приведенную стоимость – стоимость бренда. Такая оценка бренда обычно состоит из четырех этапов [3].

1. *Общее моделирование рынка* для определения рыночного спроса и положения отдельного бренда с учетом других участников рынка. Обычно модель сегментируется, чтобы отразить конкурентную структуру, внутри которой функционирует бренд.

2. *Финансовое прогнозирование производства марочных товаров* для определения его общих прибылей. На данном этапе происходит расчет денежных средств, поступающих от нематериальных активов.

3. *Добавленная стоимость бренда (Brand Value Added – BVA)* [4] – метод для определения доли остаточной экономической прибыли, относящейся к бренду.

Данный анализ позволяет понять, как бренды способны изменять структуру спроса на рынке и, следовательно, увеличивать будущие денежные потоки и ускорять их поступление. Этот анализ основан на всесторонней оценке данных маркетинговых исследований, доступных организации.

Определение BVA происходит следующим образом:

- выявляются главные движущие силы спроса в результате изучения причин, заставляющих потребителей покупать продукт или услугу в товарной категории;
- определяется значение всех движущих сил спроса применительно к предпочтению либо использованию продукта или услуги;
- рассматривается вклад бренда в результаты эффективности каждой движущей силы в соответствии со степенью его влияния на восприятие потребителя;
- с помощью BVA производится расчет вклада бренда в результаты эффективности каждой движущей силы спроса, а затем он учитывается в доходах от нематериальных активов для прогнозирования доходов бренда.

4. *Определение риска*, связанного с будущими прибылями [5]. На данном этапе оценивается степень вероятности оправдания прогноза предполагаемых доходов, или конкурентоспособность бренда на рынке. Чем сильнее бренд и устойчивее рынок, тем ниже риск и выше вероятность того, что прогноз предполагаемых доходов оправдается. Процесс определения риска известен как анализ *BrandBeta*.

Анализ *BrandBeta* основан на сравнительной оценке главных брендов по девяти ключевым параметрам силы и результативности [6]:

- осведомленность о бренде;
- дистрибуция;
- имидж;
- ценовая премия;
- доля рынка;
- затраты на СМИ;
- увеличение объемов продаж;
- потребительские предпочтения;
- срок присутствия на рынке.

Данные параметры могут изменяться для каждого бизнеса.

Таким образом, баллы по *BrandBeta* используются для определения дисконтной ставки для оценки бренда. Их применяют к средней премии за риск на капитал для анализируемого сектора, чтобы определить премию за риск на капитал для данного бренда на данном рынке [7].

На сегодня наиболее надежным признается экспертный *метод компании «Interbrand»*, который развивает подход Д. Аакера и привязывает методику к стандартным требованиям бухгалтерского учета в Великобритании и других странах мира, где бренды становятся активами, которые учитываются в балансовых отчетах деятельности фирм [8].

Следует отметить, что специфика метода оценки является коммерческой тайной, но оценки и рейтинги, присваиваемые *Interbrand*, признаны наиболее адекватными практически во всем цивилизованном мире, методика рейтинга сертифицирована всеми ведущими аудиторскими компаниями [9].

В соответствии с данной методикой стоимость бренда рассчитывается как чистая прибыль, которую способен в будущем принести бренд компании, т. е. так называемая ценовая премия производителю. Модель состоит из четырех ключевых элементов (см. рис.) [10].

Финансовое прогнозирование делается на основе данных *Citigroup*, а также на основе других исследований брендов, касающихся финансовых прогнозов по каждому бренду. Прогнозирование начина-

ется с расчета прибыли, которую способен принести в будущем бренд. При определении чистой брендовой прибыли (добавочной стоимости бренда) принимается, что годовой прирост составит 2 %, возврат вложенного капитала должен быть не менее 8 % в год, а налог на брендовую прибыль – 35 % [11]. Затем из прогнозируемой прибыли вычитается весь капитал, задействованный для проведения брендинговой политики, оборотный капитал и налоги. В результате определяется ценовая премия производителю за продажу товаров-брендов.

Алгоритм метода компании *Interbrand*

Алгоритм метода расчета стоимости бренда, применяемого компанией *Interbrand*

Определение роли бренда помогает с максимальной точностью установить процент так называемой *Intangible Earnings* [10] (дословно «неосязаемой прибыли» или прибыли, полученной за счет брендинга или каких-либо маркетинговых усилий). На этом этапе выявляется уровень спроса на товар-бренд, а также приверженность потребителя к бренду.

Определение силы и устойчивости бренда представляет собой анализ бренда на предмет устойчивости на рынке и подверженности рынка. Эксперты считают, что главной находкой *Interbrand* является формула для вычисления некоторой величины, которая, будучи умножена на усредненную по трем последним годам прибыль фирмы, и дает цену ее бренда. Строго засекреченный множитель представляет собой так называемую «силу бренда» (*brand strength*) [12].

«Сила бренда» рассчитывается по семи критериям [13]:

- лидерство бренда в товарной категории (25 %);
- стабильность объемов продаж (15 %);
- доля на основных рынках (10 %);
- охват международных рынков (25 %);
- требования моды (10 %);
- маркетинговая поддержка (10 %);
- правовая защита (5 %).

Всё это определяет положение бренда на рынке по отношению к другим брендам и используется для составления прогноза относительно прибыли, которая будет получена благодаря бренду.

На этапе подсчета стоимости бренда анализируются показатели, полученные на предыдущих трех этапах, и делается окончательный вывод относительно прибыли, которую принес бренд.

Однако следует отметить, что самым большим недостатком методики, предлагаемой Interbrand, является игнорирование показателя осведомленности потребителей о бренде, а также отношение потребителя к бренду. Это уменьшает стоимость бренда, который в настоящий момент не продвигается, но по-прежнему имеет хорошую репутацию у потребителей [10].

Следует также отметить, что метод Interbrand основан на использовании субъективных оценок, и достоверность результатов зависит от точности исходных данных [14].

Таким образом, хотя оценка бренда методом компании Interbrand носит комплексный характер, итоговые результаты оценки бренда могут быть необъективными, так как в процессе расчета используется субъективный фактор.

Можно отметить, что к настоящему времени специалисты по маркетингу еще не разработали универсального способа оценки капитала бренда. Поскольку сила бренда проявляется в комплексе взаимоотношений с потребителем, а они весьма многогранны, можно лишь оценивать позиции марок по разным измерениям, сравнивая их между собой. Введение какого-то «интегрального» показателя, со-

единяющего воедино всё многообразие этих взаимоотношений, означало бы чрезмерное упрощение реальности.

В связи с вышеизложенным является необходимой разработка методики комплексной оценки капитала бренда, более адаптированной к российским условиям.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Джоунс Ф.* Роль рекламы в создании сильных брендов. М. : Вильямс, 2005. С. 156.
- [2] *Ванифатова М. М.* Феномен торговой марки в современном маркетинге: проблемы оценки стоимости марки // *Маркетинг и маркетинговые исследования.* 2005. №1. С. 77.
- [3] *Джоунс Ф.* Роль рекламы в создании сильных брендов. М. : Вильямс, 2005. С.159.
- [4] Современная практика определения стоимости бренда // *Бренд-менеджмент.* 2006. № 6. С. 346.
- [5] *Джоунс Ф.* Роль рекламы в создании сильных брендов. М. : Вильямс, 2005. С.159.
- [6] Современная практика определения стоимости бренда // *Бренд-менеджмент.* 2006. № 6. С. 348.
- [7] *Джоунс Ф.* Роль рекламы в создании сильных брендов. М. : Вильямс, 2005. С.164.
- [8] *Эллвуд А.* Основы брендинга: 100 приемов повышения ценности товарной марки. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002. С. 122.
- [9] *Важенина И.* Ценность и цена бренда // *Маркетинг.* 2007. № 3. С. 25.
- [10] *Шарков Ф. И.* Магия бренда: брендинг как маркетинговая коммуникация: учебное пособие. М. : Альфа-Пресс, 2006. С. 139.
- [11] *Анн Х., Багиев Г. Л., Тарасевич В. М.* Маркетинг : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2005. С. 547.
- [12] *Ламбен Ж.-Ж.* Менеджмент, ориентированный на рынок. СПб. : ПИТЕР, 2005. С. 259.
- [13] *Анн Х., Багиев Г. Л., Тарасевич В. М.* Маркетинг : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2005. С. 549.
- [14] *Макашев М. О.* Бренд : учебное пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 181.

УДК 336

Е.В. Исаева, В.А. Ковалев

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПОДДЕРЖКИ КОММУНИКАЦИЙ СЕТЕВЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР

Рассматривается принципиальная схема построения и развития сетевых маркетинговых информационных систем предпринимательских сетей, направленных на создание и поддержание интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Ключевые слова: маркетинговые информационные системы, предпринимательские сети, интегрированные маркетинговые коммуникации.

Любая интеграция между компаниями – горизонтальная, вертикальная или функциональная – невозможна без эффективных коммуникаций между сотрудниками, подразделениями и предприятиями. Поэтому вторым важным условием реализации данной концепции является объединенная (сетевая, партнерская) информационная система, которая включала бы в себя все коммуникации (формальные и неформальные) между сотрудниками компаний, менеджерами, потоки информации из медиасреды и документооборот партнерской сети. Организационная интеграция существует лишь в той мере, в которой удастся обеспечить непрерывный обмен информацией.

Б. Гейтс свою книгу «Бизнес со скоростью мысли» целиком посвятил вопросам организации и эффективного использования информационных потоков в организации. По мнению Б. Гейтса, ключевая концепция первого десятилетия XXI в. – скорость. Это просматривается в скорости изменения характера бизнеса, в оперативности управления бизнес-процессами, в динамике изменения образа жизни потребителей и их запросов под влиянием всё большей доступности информации. «Основа этих изменений, – пишет Б. Гейтс, – поразительно проста: это поток цифровой информации» [1, с. 12], который нуждается в адекватной скорости его обработки.

Управление информационными потоками в современной организации становится отправной точкой управления бизнесом, «оно должно гарантировать, что нужные известия достигнут нужных людей в нужное время, чтобы эти люди могли своевременно предпринимать необходимые действия. <...> Конечная цель состоит в повышении интеллектуального потенциала организации», который должен быть очень высоким, чтобы организация преуспела на современных динамичных рынках. Интеллектуальный потенциал (или корпоративный коэффициент интеллекта) является «мерой того, насколько свободно в компании распространяется информация и насколько успешно сотрудники могут пользоваться идеями друг друга» [1, с. 248]. Развитие интеллектуального потенциала партнерства и входящих в него предприятий начинается с обмена накопленными и текущими знаниями, также свой вклад вносит как индивидуальное обучение сотрудников, так и их «перекрестное опыление» идеями друг друга.

Партнерства, где информационная система эффективно организована, все ключевые участники любого проекта оказываются хорошо информированы и могут действовать энергично. В конечном итоге такая группа компаний и их сотрудников может совместно вырабатывать и воплощать их в жизнь эффективно и целенаправленно.

Сетевая (партнерская) информационная система в процессе реализации взаимоотношений может принести существенную пользу в следующих областях: в процессе планирования, в процессе обслуживания клиентов, в сборе маркетинговой информации, при обучении персонала и сотрудничестве в рамках конкретного проекта, а также для коммуникаций менеджмента фирмы и ее сотрудников. Побочным положительным эффектом хорошо организованной системы информационных потоков является повышение эффективности партнерских взаимоотношений в целом.

Таким образом, объединенная система информационных потоков является тем инструментом маркетинга взаимоотношений, который непосредственно обеспечивает координацию деятельности всех сотрудников и структурных подразделений организаций – членов партнерской сети в рамках заданной системы целей, поставленных задач и возникающих проблем. Кроме того, нельзя переоценивать вклад такой объединенной информационной системы в реализацию принципа интеграции информации, что влечет максимальную координацию между целенаправленными (запланированными) и непреднамеренными (незапланированными) внешними коммуникациями.

Кроме того, любые компании, формирующие партнерские отношения, имеют собственные «уникальные» характеристики, такие как принятый стиль руководства, стратегия, организационную структу-

ру и культуру, которые непосредственно реализуются через персонал, технологии, знания и бизнес-процессы (рис. 1). В процессе отношений, особенно если компании планируют реализовывать долгосрочные стратегические партнерства, будет происходить некоторое «наложение» этих характеристик, что, безусловно, должно приводить к некоторым изменениям в базовых процессах (управлении персоналом, технологиях и пр.). Более того, эти базовые процессы в рамках одного малого предприятия должны не просто меняться, они должны в значительной степени интегрироваться с такими же процессами предприятия-партнера.

Естественно, в процессе совместной деятельности будут время от времени возникать «помехи», основной из которых будет информационная.

Суть этого состоит в следующем. Обобщая результаты исследования группы малых предприятий в г. Омске в 2009–2010 гг., было выявлено, что самые большие трудности при реализации партнерских программ у предприятий возникли в связи с:

- слабой информированностью руководства и сотрудников компаний о процессе реализации проекта (соблюдается ли последовательность выполнения поставленных задач, кто и что выполняет в каждый конкретный момент времени, на каком уровне выполнены предыдущие этапы, как контролируется качество работы сотрудников компаний на разных этапах и пр.);

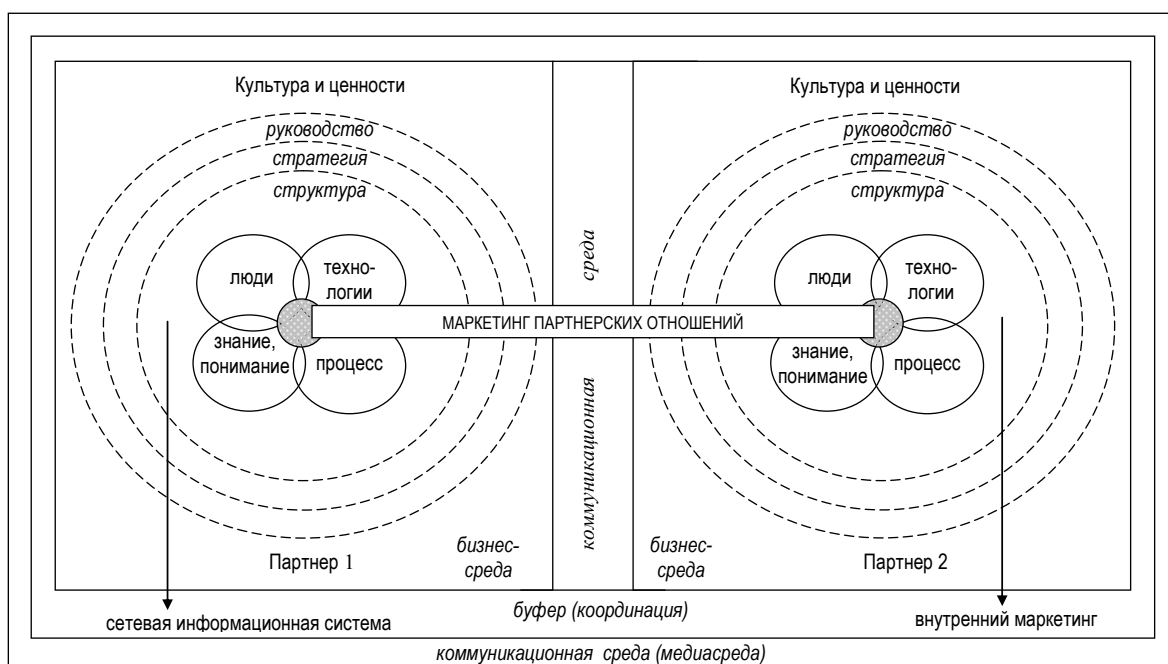

Рис. 1. Составляющие системы маркетинга партнерских взаимоотношений

– неконтролируемыми коммуникациями внутри предприятий-партнеров, и прежде всего между отдельными сотрудниками;

– неинтегрированными и слабоконтролируемыми внешними коммуникациями (часто в СМИ проскакивала противоречивая, а иногда и прямо противоположная информация).

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что главным интегратором партнерских взаимоотношений могут и должны выступать информационные системы, поскольку именно они могут объединить и систематизировать информацию по всем процессам: технологическим, управленческим, кадровым, интеллектуальным и др.

По мнению автора, для целей управления партнерскими отношениями должны создаваться сетевые информационные системы (СИС) (рис. 2), которые и будут обеспечивать полное информационное сопровождение процесса реализации совместной деятельности малых предприятий. Такие сетевые информационные системы должны быть построены на основе процессного подхода, т. е. все управленческие задачи (постановка целей, ресурсное обеспечение, финансирование,

промежуточный и итоговый контроль) должны быть «привязаны» к конкретным процессам и сотрудникам, которые участвуют в их реализации и ответственны за достижение заданных результатов.

Особенностью СИС может быть включение в эту систему не только внутреннего информационного блока, о котором фактически и шла речь выше и который обеспечивал бы информационное сопровождение деятельности по реализации совместных проектов для предприятий-членов партнерства. Эта система может также содержать информацию о предприятиях – членах партнерского объединения, т. е. фактически выступать дополнительным средством продвижения партнерских программ и предприятий, участвующих в них (например, посредством создания сайта в сети Internet). Условно это могут быть внутренние и внешние информационные блоки. Учитывая, что значительная часть малых предприятий (порядка 80–85 %), особенно в регионах, фактически не используют внешние ресурсы для своего продвижения ввиду трудностей по их созданию и регулярному сопровождению, это для них может быть весьма интересно.

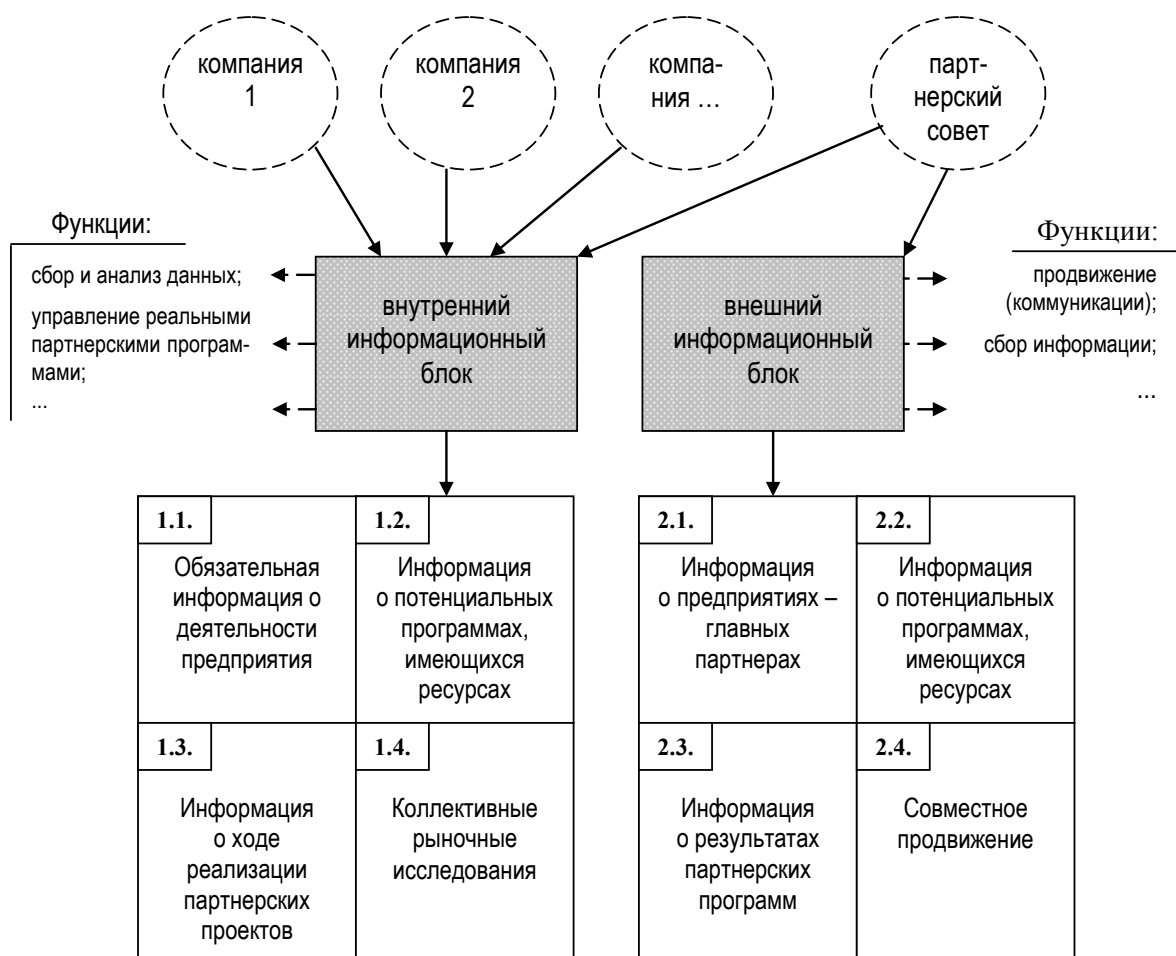

Рис. 2. Сетевая маркетинговая информационная система партнерских взаимоотношений

Создание таких СИС несет целый ряд преимуществ для малых предприятий-участников:

- обеспечение контроля за реализацией партнерских программ и деятельностью предприятий – участников партнерства;

- снижение рисков, связанных с невыполнением или ненадлежащим выполнением своих функций партнерами;

- возможность оперативной корректировки программы или ее направлений;

- координация и повышение эффективности коммуникаций отдельной компании и партнерского объединения;

- повышение интенсивности коммуникационного воздействия и, как следствие, повышение известности компании, улучшение имиджа и пр.;

- повышение эффективности всей хозяйственной деятельности.

Естественно, что создание такой сетевой информационной системы – дело не сиюминутное, и оно, конечно, потребует первоначальных временных и финансовых затрат, но это абсолютно необходимое условие для эффективной реализации концепции партнерских отношений в малом бизнесе. И это подтверждает опыт крупных компаний, которые давно и активно включились в процесс создания стратегических партнерств и извлекают из этого дополнительные конкурентные преимущества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ МАРКЕТИНГА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Освещаются актуальные вопросы маркетинга высшего образования в современных условиях. Проанализированы основные тенденции развития высшего образования в условиях модернизации; выделены факторы, определяющие основные направления развития маркетинга высшего образования; обоснована необходимость изменения парадигмы маркетинга высшего образования. Сформулированы основные задачи в области маркетинга высшего образования в современных условиях.

Ключевые слова: парадигма маркетинга высшего образования, модернизация системы высшего образования, региональное образовательное пространство, качество высшего образования, предпринимательский маркетинг, коммуникационная концепция маркетинга высшего образования.

Маркетинг высшего образования является предметной областью образовательного маркетинга, ставшего в последнее десятилетие неотъемлемым атрибутом любого образовательного учреждения. К особенностям маркетинга высшего образования на современном этапе О.В. Сагинова относит:

- необходимость одновременного учета порой противоречивых потребностей и ожиданий разных целевых аудиторий (студенты, абитуриенты и средние школы, родители, преподаватели, компании и организации – работодатели, общество, чаще всего представленное государством, устанавливающее свои требования и стандарты, поставщики (издательства, производители учебной мебели, канцелярских товаров и пр.), СМИ и др.);
- сложность дифференциации вузом своих образовательных программ с учетом конкурентных преимуществ при одновременном соблюдении установленных национальных образовательных стандартов;
- необходимость сочетания преподавательского и исследовательского компонента в образовательных программах вузов;
- усиление роли межкультурного компонента образовательных программ в условиях глобализации и интернационализации высшего образования [1].

Модернизация системы высшего образования, развитие инновационного образования расширяет задачи в области маркетинга образования в целом и маркетинга высшего образования в частности. В качестве ключевых тем рассматриваются: совершенствование качества и повышение креативности университетов; усиление ориентации выпускников вузов на рынки труда; развитие институциональной культуры качества; изменение миссии университетов, повышение их роли в современном мире образования в течение всей жизни, предпринимательства и социального развития. Представленное многообразие обсуждаемых тем обусловило необходимость полипроблемного взгляда на изменение парадигмы маркетинга высшего образования. Из всего спектра факторов влияния на процессы изменения достаточно условно можно выделить следующие группы:

- организационно-управленческие (трансформация вузов и системы высшего образования; изменение моделей приема; управление

академической мобильностью в рамках трансграничного высшего образования; выработка четких механизмов учета и контроля (эффективности и ответственности) за оказываемые образовательные услуги и т. д.);

- социально-экономические (глобализация социально-экономического окружения; разрастание частного сектора и приватизация вузов; крупномасштабная коммерциализация вузов, регионализация образования; развитие отношений «университет – промышленность», многостороннего партнерства между государственными и частными секторами, включая малые и средние предприятия; ориентация студентов на модель «учеба – работа», смена парадигмы «обучение на всю жизнь» на «обучение в течение всей жизни» и т. д.);

- кадровые (диверсификация студенческого контингента; бюрократизация профессорского состава; рост числа преподавателей, работающих в нескольких вузах; привлечение к преподаванию в вузах специалистов-практиков; профессионализация управления и руководства системой высшего образования и т. д.);

- содержательно-образовательные (обеспечение качества в соответствии с новыми требованиями к высшему образованию; переход на новые учебные программы; подходы к обучению студентов на базе результатов образования; распространение информационных и коммуникационных технологий обучения; тенденции в области организации фундаментальных исследований и НИОКР и т. д.).

Относительность такого тематического деления объясняется взаимообусловленностью большинства перечисленных факторов. Так, обеспечение качества в соответствии с новыми требованиями к высшему образованию невозможно без решения кадрового вопроса, а регионализация образования предполагает изменение подходов к обучению, ориентацию на требования регионального рынка труда и т. д.

Таким образом, сегодня оправдано рассматривать роль вуза (и высшего образования в целом) с учетом трех взаимосвязанных аспектов: общества знания и образования; связи предпринимательства и высшего образования; общественного развития и высшей школы. На основе анализа проблем и тенденций развития высшего образования выделим цели и задачи маркетинга высшего образования в условиях модернизации. Целью является разработка концепции, стратегии, комплекса инструментов (средств) маркетин-

га и организационно-управленческих мер по его реализации в условиях реформирования и модернизации высшего образования. В соответствии с этой целью представляется необходимым решить следующие задачи.

1. *Формирование регионального образовательного пространства на основе маркетинга партнерских отношений в вузе.* Ориентация образовательной политики на социокультурные и региональные особенности определила приоритеты развития образования в субъектах Российской Федерации. Именно регионализация выступила доминирующей идеей обновления образовательного процесса в учебных заведениях различного уровня и различной направленности, основой формирования и развития регионального образовательного пространства. Сам термин «региональное образовательное пространство» не является новым: «По сути – образовательное пространство – это все физические и юридические лица региона, весь регион, только взятый в определенном аспекте – отношении к образованию» [2, с.115]. Однако в процессе происходящих социально-экономических преобразований в обществе данный термин приобретает иной характер и направленность. Актуальным становится не просто прямое или косвенное участие названных субъектов в реализации образовательных программ, а их интеграция – совместная деятельность по обеспечению потребностей региона в высококвалифицированном персонале, в качественных образовательных услугах с использованием ресурсов образовательных учреждений, научных организаций, предприятий, бизнес-структур и иных организаций. Это позволяет трактовать нам региональное образовательное пространство как совокупность научных, образовательных, культурных и просветительских, экономических институтов (государственных и негосударственных, официальных и неофициальных), средств массовой информации, формирующих образовательную политику и обеспечивающих удовлетворение потребностей региона в высококвалифицированном персонале на основе интеграции интеллектуальных, материальных, информационных и иных ресурсов. Формирование регионального образовательного пространства возможно на основе маркетинга партнерских отношений. Партнерские отношения власти и бизнеса становятся определяющими для дальнейшего развития сферы образовательных услуг. Более четко представляющий реальные

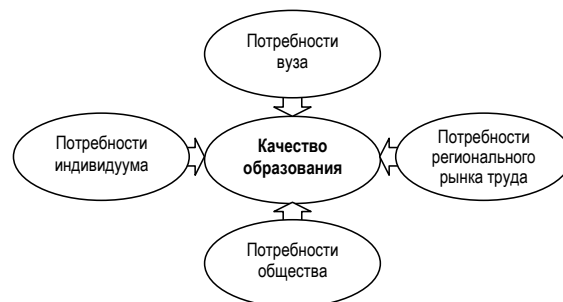
потребности в тех или иных профессиях, бизнес должен больше влиять на систему профессионального образования в регионе, активно создавая в этой сфере формы государственно-частного партнерства.

2. *Развитие предпринимательского маркетинга (маркетинга интрапренерства).* Центральным звеном, обеспечивающим развитие региона, в конечном итоге выступают высшие учебные заведения как конгломерат образовательного, научного, кадрового потенциала в целом. Кроме того, для того чтобы добиться престижа, современному вузу необходимо быть инновационным, активным и внимательным к потребностям различных групп заинтересованных лиц. Это означает, что помимо преподавания и исследования вуз непосредственно участвует в социальном и экономическом развитии региона и страны, построении наукоемкой экономики, т. е. становится образовательным и научно-исследовательским предприятием – предпринимательским вузом. Развитие духа предпринимательства и его реализация внутри вуза, так называемое внутреннее предпринимательство, предполагает интеграцию предпринимательских возможностей студентов, преподавателей и вуза.

3. *Изменение концепции маркетинга персонала.* Необходимость данных изменений обусловлена не только смещением акцентов в системе высшей школы с позиции фундаментализма к прагматической практике и, как следствие, новыми требованиями к профессорско-преподавательскому составу. По оценкам специалистов, существуют негативные тенденции в отношении к самой профессии не только в России, но и в мире: «Профессия преподавателя испытывает сильнейшее напряжение; необходимость реагировать на вызовы массификации привела к снижению нормального уровня квалификации профессорско-преподавательского состава во многих странах; академический рынок труда носит все более глобальный характер; преподаватели государственных университетов нередко помогают укомплектовывать штаты в растущем частном секторе высшего образования путем совместительства; недавнее изучение зарплат профессорско-преподавательского состава в 15 странах показывает, что преподаватели, работающие полный день, могут прожить на свою зарплату, но едва ли их заработок намного больший, чем средний по стране; с точки зрения подотчетности и оценивания профессура во многом утратила свою авто-

номию; маятник полномочий в сфере высшего образования качнулся от ученых к менеджерам и чиновникам, что оказало существенное влияние на университеты» [3, с. 8]. В связи с этим актуальным является переход от «стратегии выживания» персонала, от его восприятия как «кадрового обеспечения учебного процесса» к «стратегии развития». Основными ценностными ориентациями должны стать: способность к творческому самовыражению через профессию, поскольку деятельность в системе высшего образования по своей сути носит творческий характер; стремление к постоянному самосовершенствованию, реализуемое в рамках концепции «образование в течение всей жизни»; чувство ответственности за качество образования.

4. *Применение маркетинговых инструментов обеспечения качества высшего образования.* Очевидно, что в новых условиях проблема качества образования перестала быть объектом исключительного внимания образовательных учреждений. Не оспаривая ведущей роли вузов в обеспечении качества образования, следует обозначить круг субъектов, оказывающих непосредственное влияние на формирование концепции «качество образования» и ее реализацию (рис.).

Факторы влияния на качество высшего образования

Такая многофакторность обуславливает необходимость поиска новых маркетинговых инструментов обеспечения и повышения качества образования.

5. *Развитие коммуникационной концепции маркетинга высшего образования.* Роль коммуникаций в маркетинге высшего образования предопределена отчасти вышеназванными тенденциями. Так, маркетинг партнерских отношений требует построения системы эффективных коммуникаций, маркетинг персонала предполагает формирование внутренних коммуникационных связей. Помимо этого, существуют объективные причины возросшей роли коммуникаций: распространение информационных и коммуникационных технологий, благодаря кото-

рым коммуникации становятся базовой инфраструктурой маркетинга. При этом коммуникации выходят на качественно новый уровень, расширяя возможности не только по повышению качества образования за счет открытого доступа к научной литературе, использования спектра интерактивных методов обучения, обмена результатами научных исследований, внедрения полноценного дистанционного обучения и т. д. Современные информационные технологии и коммуникационные возможности Интернета обладают огромным потенциалом для согласования спроса и предложения; продвижения образовательных продуктов, а также формирования имиджа вуза.

Другим фактором в пользу развития коммуникационной концепции является интернационализация высшего образования. Развитие мобильности студентов и персонала является ключевым принципом интеграции России в Европейское образовательное пространство: «Мобильность имеет важное значение для развития личности и для трудоустраиваемости, формирует уважение к многообразию и способность понимать другие культуры. Она побуждает к языковому плюрализму, закладывая тем самым основу для многоязычной традиции Европейского пространства высшего образования, и расширяет сотрудничество и конкуренцию между высшими учебными заведениями» [4]. Неотъемлемым условием реализации мобильности является развитие межкультурных коммуникаций и формирование межкультурной компетентности.

В основу реализации коммуникационной концепции маркетинга вуза должна быть положена единая коммуникаци-

онная стратегия, предусматривающая комплексный подход к использованию всех коммуникационных ресурсов организации. В этом случае коммуникации не ограничиваются функцией одного из элементов комплекса маркетинга, а приобретают системообразующие возможности.

Таким образом, необходимость поиска новых подходов в маркетинге высшего образования очевидна в условиях модернизации и реформирования сферы образования, усиления конкуренции на рынке образовательных услуг, развития новых форм взаимодействия и партнерства, регионализации и интернационализации российского высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Сагинова О. И.* Маркетинг высшего образования: основные понятия, новые тенденции и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.marketologi.ru/lib/saginova/high_edu.html.
- [2] *Новиков А. М.* Российское образование в новой эпохе // Парадоксы наследия, векторов развития. М. : Эгвес, 2000. 272 с.
- [3] Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и болонские измерения / под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора В. И. Байденко. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. 352 с.
- [4] Болонский процесс 2020 – Европейское пространство высшего образования в новом десятилетии. Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование [Электронный ресурс] /Левен/Лувен-ла-Нев, 28–29 апреля 2009 года. URL: http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/conference/documents/Leuven_Louvain-la-Nouve_Communique_April_2009.pdf.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ ПО ДОГОВОРАМ НА ОКАЗАНИЕ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННЫХ УСЛУГ

Проведен анализ использования различных видов перевозок в рамках исполнения договоров купли-продажи товаров. Представлены особенности организации расчетов и техники проведения транспортно-экспедиционных услуг. Даны рекомендации по составлению договоров на оказание услуг перевозки, которые позволят участникам расчетов избежать некоторых сложностей с банком при оплате за транспортные услуги.

Ключевые слова: международные транспортные перевозки, внешнеторговая сделка, международные расчеты.

Экспортно-импортные операции участников внешнеторговой деятельности тесно связаны с международными транспортными перевозками. По своей сути международные перевозки начинают и завершают процесс реализации внешнеторговой сделки и тем самым обеспечивают практическую реализацию сделки купли-продажи товаров.

Е.В. Хамаза под международными перевозками понимает перевозку грузов и пассажиров с территории (акватории) одной страны на территорию (акваторию) другой [1]. Примерно также трактуется понятие «международная перевозка» Г.И. Бухало – это перевозки между двумя и более странами, с пересечением национальных границ [2]. Особый интерес представляет определение «внешнеторговой транспортной операции» Н.П. Терешина, А.В. Шобанова. По их мнению, внешнеторговые транспортные операции – комплекс экономических и финансовых воздействий, технических и технологических мер и юридических действий, связанных с перемещением товара с территории страны продавца на территорию страны покупателя [3]. Таким образом, международные перевозки можно определить как перевозки грузов из одной страны в другую на согласованных и принятых на международном уровне экономических и правовых условиях.

Доля различных видов транспорта в осуществлении международных грузовых перевозок различна. В России на долю железнодорожного транспорта приходится более 70 % общего объема перевозок грузов страны. В 2009 г. грузооборот железнодорожным транспортом составил 2 400 000 млн т/км. Для сравнения грузооборот авиатранспортом составил 2 399,593 млн т/км, автомобильным 199 000 млн т/км [1].

Морской транспорт играет важную роль в доставке грузов в международной торговле России. Среди грузов, перевозимых российским морским флотом, преобладают нефть и нефтепродукты (80 % этих грузов во внешней торговле России перевозится морским транспортом), уголь, руда, металлы, лес, зерно.

Кроме того, в последнее время все большее значение приобретают смешанные перевозки, выполняемые двумя и более видами транспорта.

При анализе внешнеторговых контрактов на оказание услуг по перевозке грузов между Россией и другими странами было выявлено, что большинство грузов перевозится по железной дороге в комбинации с морским, речным или автомобильным транспортом. Общая тенденция использования различных видов перевозок представлена на рис. 1.

Доля перевозок из стран Европейского Союза в 2010 г. составила 41,4 %. Снижение на 3 % по сравнению с 2009 г. связано как с процессом переориентации импорта на Китай, так и переносом Европейского производства в страны Юго-Восточной Азии, о чем свидетельствует рост отгрузок в Россию из стран-участниц АТЭС. Доля стран СНГ по объему ввозимого груза составляет 13,83 % (рис. 2).

Лидером по числу осуществляемых Россией отгрузок являются страны ЕС. Тесные связи российских предприятий с ведущими промышленными предприятиями Китая, Южной Кореи и стран Юго-Восточной Азии обусловили рост грузовых транспортных потоков в страны АТЭС. Доля стран СНГ по числу осуществляемых отгрузок составляет 13,74 % (рис. 3).

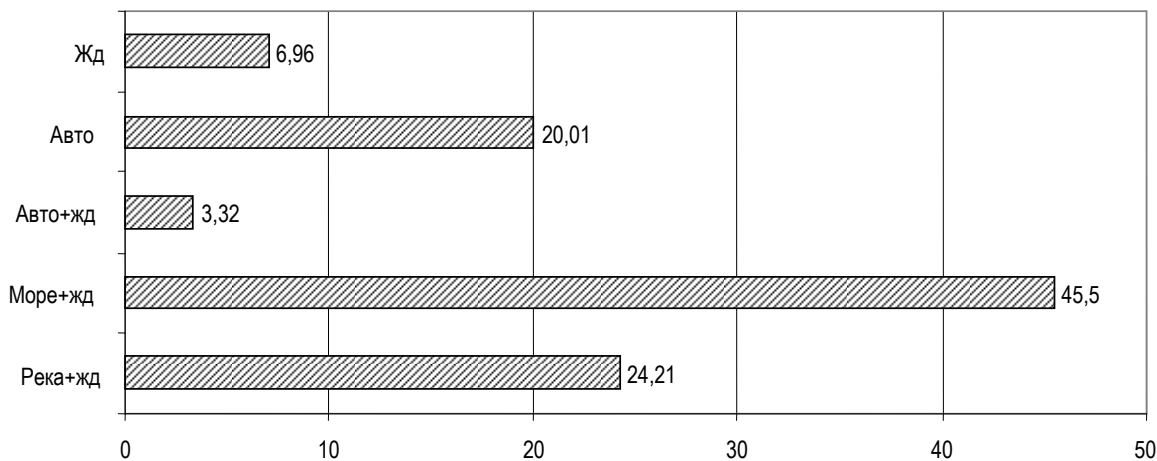

Рис. 1. Виды транспорта, участвующие в международных перевозках, %¹

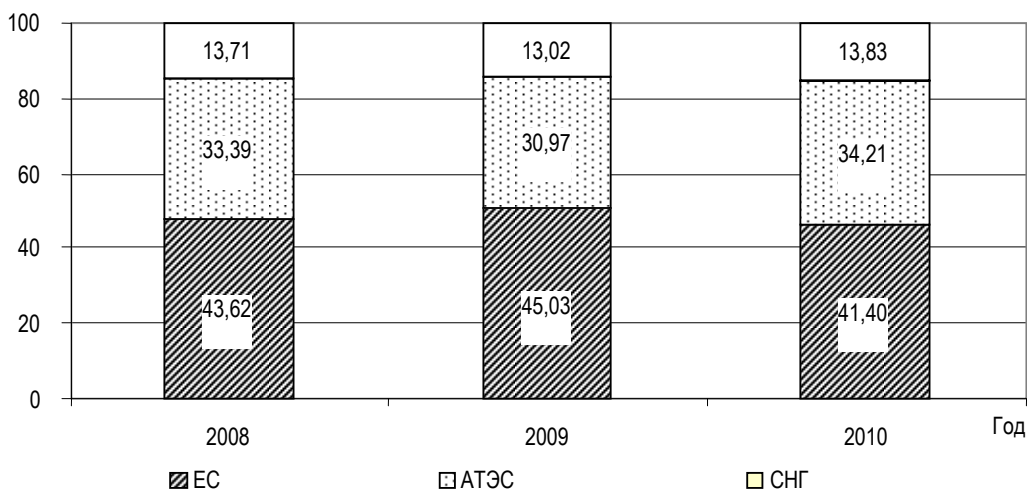

Рис. 2. Импортируемые грузы, %²

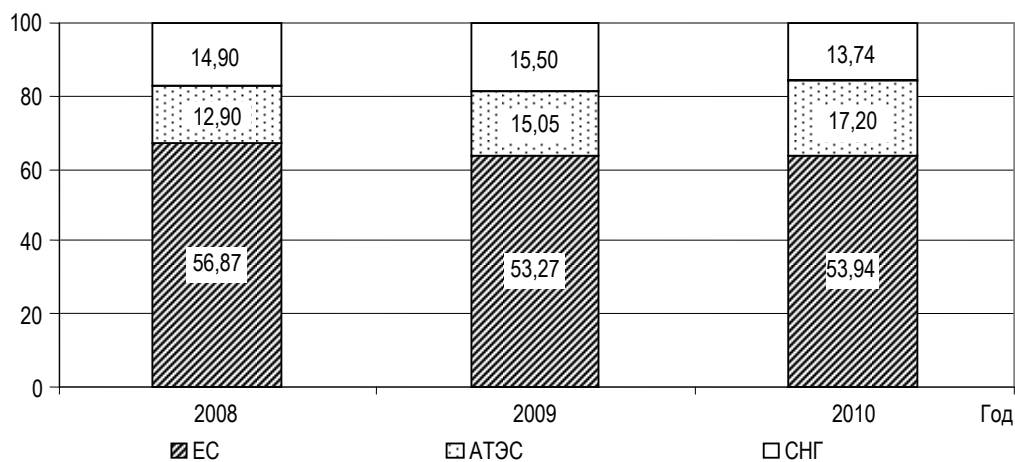

Рис. 3. Экспортируемые грузы, %

Соотношение импортных и экспортных отгрузок по-прежнему складывается не в пользу последних. Одна из важнейших причин – общая тенденция развития экономики России по импортозамещающему принципу, тогда как отрасли, ориентированные на экспорт, остаются сырьевыми. Исключения составляют отгрузки внутри СНГ, но они пока не являются ключевыми.

В процессе внешнеэкономической деятельности необходимо осуществить сложный и специфический комплекс транспортных операций, связанный с перемещением огромных масс разнообразных товаров на значительные расстояния из сферы производства в сферу потребления. При этом производители продукции, продавцы, покупатели товара, перевозчики груза вступают в определенные взаимоотношения, требующие их регламентации на основе соответствующих договоров, соглашений, других нормативных материалов, основанных на национальных и международных правовых нормах. Поэтому транспортные операции в международном товародвижении следует рассматривать в их взаимной связи и логичной последовательности в системе «производство – внешняя торговля – транспорт – потребление». При этом произведенный продукт на определенных стадиях превращается в товар, затем в груз, затем снова в товар, который реализуется заказчиком [4]. Таким образом, транспортные операции являются неотъемлемой частью внешнеэкономических отношений, в связи с чем в договорах международной купли-продажи, помимо общих условий поставки товаров, предусматриваются и транспортные условия, которые определяют обязанности сторон, риски и расходы по доставке товаров от продавца (грузоотправителя) до покупателя (грузополучателя). Эти транспортные условия возлагают обязанности на продавца или покупателя в зависимости от принятых в договоре купли-продажи базисных условий поставки товара.

Базисные условия поставки товара представляют собой термины Incoterms, разработанные Международной торговой палатой, являющиеся ключевыми элементами международных торговых контрактов. Термины Incoterms регулируют обязанности сторон по вопросам транспортировки товаров, выполнению погрузочно-разгрузочных работ, страхованию товара, выполнению обязанностей по таможенной очистке товара и представляют собой стандартные условия договора международной купли-продажи, которые определены в документе, признанном на международном уровне. Эти условия рег-

ламентируют момент передачи права собственности на товар и, следовательно, ответственность за испортившийся в пути товар, а также неправильное оформление документов на груз и т. п. Международная торговая палата разработала новые Правила Incoterms 2010, вступившие в действие с 1 января 2011 г.

Различают контракты отгрузки и контракты доставки. В первом случае продавец передает товар покупателю в обусловленном пункте страны отправления. Во втором случае продавец передает товар покупателю в согласованном порту или пункте страны назначения. До этого он несет риски порчи или утраты товара. Контракты отгрузки, как правило, отвечают интересам обоих участников сделки. Продавцу они позволяют получить контрактную цену товара задолго до того, как он будет доставлен в пункт назначения. Покупатель получает право выполнять финансовые операции (продать, заложить) с момента получения товарораспорядительного документа, это особенно важно, если получателем является не потребитель, а торговая фирма [5].

Содержание транспортных условий зависит от вида транспорта общего пользования, участвующего в доставке груза, характера товара и внешнеторговой сделки (экспорт, импорт), действия международных договоров, соглашений, конвенций, обычаев страны, регионов, портов.

Собственно перевозка проданных или купленных товаров осуществляется на основе отдельного договора – договора перевозки и подтверждается в зависимости от использования видов транспорта накладной, чартером или коносаментом. Таким образом, заключая договор перевозки, продавец и покупатель товара переносят в него все транспортные условия договора купли-продажи, согласованные с партнером.

Международная перевозка оформляется договором на оказание транспортно-экспедиционных услуг, заключенным между грузовладельцем и перевозчиком, согласно которому перевозчик обязуется доставить груз в указанное место и вовремя за указанное вознаграждение, а грузовладелец – предоставить груз и произвести соответствующие расчеты за перевозку товара и другие услуги. Договор перевозки должен быть заключен непосредственно ради самого процесса перевозки [6].

Расчеты за международные перевозки носят документальный характер, т. е. осуществляются на основе коммерческих документов, перечень и характеристика которых определяются прежде всего условиями договора перевозки.

Выбор конкретных условий расчетов между экспортером и импортером достигается в процессе согласования и с учетом обеспечения гарантий для каждой из сторон и фиксируется в контракте. Особенно важным для обоих участников внешнеэкономической деятельности (экспортера и импортера) является правильно выбрать и оговорить в контракте валютно-финансовые и платежные условия расчетов. От выбранных форм и условий расчетов зависят скорость и гарантия получения платежа, сумма расходов, связанных с проведением операций через банки.

При составлении валютно-финансовых и платежных условий контрактов обычно проявляется противоположность интересов экспортера, который стремится получить максимальную сумму валюты в кратчайший срок, и импортера, заинтересованного в выплате наименьшей суммы валюты, ускорении получения товара и отсрочки платежа до момента его конечной реализации.

Принципиальным отличием международных расчетов от внутренних является то, что они связаны с обменом национальных валют через валютные операции. Поскольку национальная валюта, являясь платежным средством внутри страны, утрачивает эти функции за ее пределами, при заключении внешнеторговых сделок между контрагентами возникает необходимость согласовать вопрос о выборе валюты, в которой будет производиться платеж.

Как показывает практика, российские фирмы предпочитают рассчитываться за международные перевозки в иностранной валюте, преимущественно в евро или долларах. По данным «ЗАО Райффайзенбанка», международные расчеты с европейскими странами выражены преимущественно в евро. В расчетах с Китаем доминирующую роль занимает долл. США. Российский рубль тоже используется в расчетах, но значительно реже, с контрагентами из стран Финляндии и Кипра. Во внешнеторговом обороте между экономически развитыми странами и развивающимися государствами преобладают валюты развитых или третьих стран. Даже если контрагентом по договору не являются ни США, ни европейские страны, всё равно валютой третьей страны становится доллар или евро. Они выступают валютными посредниками, поскольку прямых котировок между национальными валютами стран с формирующимся рынком не существует. Доля российского рубля в международных расчетах с перевозчиками из стран СНГ занимает значительную долю

(64,6 %). Чаще всего российский рубль используется в расчетах с такими странами, как Узбекистан, Армения, Казахстан.

Рассмотрим на конкретном примере процесс взаимодействия участника внешнеэкономической деятельности с коммерческим банком по осуществлению платежей за выполнение транспортно-экспедиторских услуг. Схема организации транспортно-экспедиторских услуг, представленная на рис. 4, разработана на базе реальной сделки между компанией ЗАО «Нефтетранссервис» (экспедитор), являющейся оператором железнодорожных перевозок грузов, и фирмой «КазОйлГрупп-2009» (клиент), зарегистрированной в Республике Казахстан. По договору Экспедитор обязуется по заявке клиента выполнить и/или организовать выполнение транспортно-экспедиторских услуг, связанных с перевозкой грузов клиента железнодорожным транспортом.

Схема включает в себя следующие операции:

1) ЗАО «Нефтетранссервис» и фирма «КазОйлГрупп-2009» провели переговоры и заключили контракт на организацию транспортно-экспедиторских услуг железнодорожным транспортом. Перевозка груза осуществляется в вагонах общего парка ОАО «РЖД» или в собственных, арендованных, привлеченных, а также принадлежащих Экспедитору на законном основании вагонах;

2) ЗАО «Нефтетранссервис» оформляет паспорт экспортной сделки и регистрирует его в ЗАО «Райффайзенбанк»;

3) Фирма «КазОйлГрупп-2009» направляет заявку на выполнение/организацию услуг в пользу ЗАО «Нефтетранссервис», в которой указывается номенклатура перевозимых грузов, станции отправления и назначения груза;

4) ЗАО «Нефтетранссервис» выставляет счет на оплату, с указанием стоимости услуг определяется путем умножения ставки экспедитора на объем груза, планируемый к перевозке;

5) Оплата услуг экспедитора осуществляется фирмой «КазОйлГрупп-2009» по 100 %-й предоплате;

6) После получения предоплаты ЗАО «Нефтетранссервис» обеспечивает погрузку вагонов на станции отправления в течение 48 часов;

7) По прибытии товара в пункт назначения фирма «КазОйлГрупп-2009» разгружает вагоны на станции назначения в течение 48 часов, которые отсчитываются, начиная с 00 часов 00 минут дня, следующего за днем прибытия цистерн на станцию назначения по ж/д накладной.

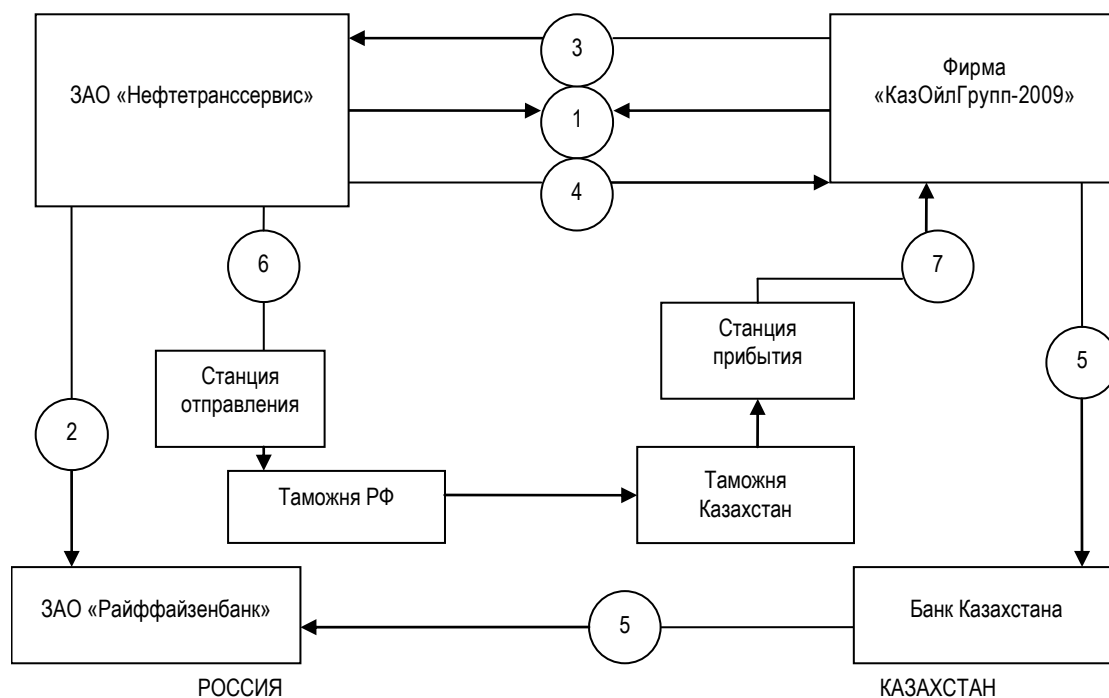

Рис. 4. Схема организации транспортно-экспедиторских услуг

Среди особенностей организации и техники проведения транспортно-экспедиционных услуг можно выделить:

1) договор на оказание транспортно-экспедиторских услуг не имеет никакого отношения к договору поставки товара, а лишь раскрывает суть транспортных условий договора купли-продажи товара;

2) для оформления сделок на оказание транспортно-экспедиторских услуг в большинстве случаев заключаются договора на длительный срок (от двух до пяти лет), что связано с желанием компании-заказчика транспортных услуг иметь надежно-го партнера – компанию-перевозчика в течение всего срока работы с иностранным партнером в рамках договора купли-продажи товара;

3) контракты на оказание транспортно-экспедиторских услуг составляются без указания определенной суммы договора, так как заказчик заранее не имеет возможности точно определить, сколько товара ему понадобится перевезти в рамках договоров купли-продажи из конкретной страны поставщика;

4) оплата по договорам на оказание услуг транспортировки в большинстве случаев осуществляется авансовым платежом против выставления счета, в котором либо точно определена стоимость перевозки, либо указывается ориентировочная стоимость, подлежащая корректировке уже по факту осуществления перевозки путем подписания акта сверки между контрагентами.

Для оплаты авансом за услуги перевозки выставление счета не является обязательным, так как международной практикой выставление счетов не принято, а основанием для платежа является либо сам договор, либо иногда и устная договоренность между контрагентами, основанная на долгосрочных трудовых отношениях, в связи с чем требование по предоставлению счета при переводе денежных средств за услуги не является правом-мерным со стороны банка.

Оплата по договорам на оказание транспортных услуг осуществляется в форме банковского перевода. Практика показала, что часто участники международных расчетов, занимающиеся международной транспортировкой грузов, забывают прописывать в договорах перевозки, кто именно будет нести банковские расходы за перевод денежных средств. Потому как если в контракте не прописано, кто несет расходы, связанные с переводом денежных средств, а выручка поступит на счет перевозчика – российской компании не в полном объеме предусмотренным договором или стоимостью отдельной перевозки (за минусом банковской комиссии), это будет являться недопоступлением экспортной выручки в Россию. Банк как агент валютного контроля в соответствии с валютным законодательством России будет обязан сообщить в Центральный банк РФ о нарушении валютного законодательства в части нарушения ст. 19. Закона от 10 декабря

2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». В этой связи рекомендуем не забывать участникам сделки подробно прописывать не только условия, касающиеся непосредственно перевозки, но и финансовые условия, составляющие взаимоотношения российской фирмы с банком.

Выполнения указанных выше условий помогут участникам расчетов за международные перевозки избежать противоречий между торговыми партнерами, а также возникающих коллизий в валютно-финансовой сфере с банком.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Составлено автором по данным ЗАО «Райффайзенбанк».

² Диаграммы на рис. 2 и 3 составлены автором по данным Федеральной таможенной службы. URL: <http://www.customs.ru/ru/stats/arhiv-stats-new/popup.php?id286=714>.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] World Development Indicators & Global Development Finance. URL: http://databank.worldbank.org/ddp/home.do?Step=2&id=4&hActiveDimensionId=WDI_Series.
- [2] Бухало Г. И. Международные перевозки и организация работы таможни : учебное пособие. М. : МИИТ, 2009. 112 с.
- [3] Терешина Н. П., Шобанов А. В. Транспортное обеспечение внешнеэкономической деятельности : учебное пособие. М. : МИИТ, 2002. 134 с.
- [4] Хамаза Е. В. Транспорт во внешнеэкономической деятельности : учебное пособие. Владивосток : Дальрыбвтуз, 2006. 23 с.
- [5] Лимонов Э. Л. Внешнеторговые операции морского транспорта и мультимодальные перевозки : учебник для высших учебных заведений по специальности «Организация перевозок и управление на транспорте». СПб. : Модуль, 2009.
- [6] Международная унифицированная транспортная документация. URL: <http://www.aviaplace.ru/aviauslugi/mezhdunarodnaya-unifitsirovannaya-transportnaya-dokumentatsiya.html>.

УДК 336

А.В. Тимофеев

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается инфраструктура предпринимательской деятельности через смысловое и функциональное назначение самого предпринимательства. Именно через понимание и уточнение целей, задач и предназначение предпринимательства.

Ключевые слова: инфраструктура, предпринимательство, функции предпринимательства, составные элементы инфраструктуры.

Современная рыночная инфраструктура, являясь неотъемлемой и составной частью рынка, определяет результативность функционирования всех его элементов. Благодаря институтам своей инфраструктуры, рынок стал цивилизованной и организованной формой отношений между людьми и субъектами хозяйствования. Возникновение институтов инфраструктуры побуждено самими деловыми отношениями, а не навязано структурами из внешней среды.

Для нормального функционирования рынка формируется его инфраструктура – система институтов, призванных содействовать рыночным отношениям. Инфраструктура предпринимательства занимает особое место в экономической системе, поскольку исторически и логически возникает в процессе труда на основе разделения функций на основные и вспомогательные, а в дальнейшем приобретает более широкие масштабы, вплоть до возникновения инфраструктурных отраслей.

Чтобы определить, какие функции выполняет и какие задачи решает инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности, необходимо уточнить понятие предпринимательства и прояснить, какие функции выполняет непосредственно предпринимательская деятельность. Это позволит сформировать впечатление о сфере, на которую направлена поддержка институтов предпринимательской инфраструктуры.

Существует множество подходов к определению предпринимательской деятельности. Авторы М.А. Сажина и Г.Г. Чибриков [1] считают, что предпринимательство – это хозяйственная деятельность с использованием новизны, риска, изобретательства с целью получения доходов. Р.М. Нуреев [2] в своих работах писал, что предпринимательская деятельность – это способность рационально и наиболее эффективно сочетать (использовать) ресурсы для производства экономических благ. Но в широком смысле это предприимчивость, инициативность, активность в сфере экономики. В узком смысле это экономическая деятельность собственника или хозяйствующего субъекта. А.В. Бусыгин [3] определяет предпринимательство как искусство ведения деловой активности, т. е. прежде всего это интеллектуальный процесс. В частности, предпринимательство представляет собой силу креативного разрушения, действующую на рынках и в производстве, одновременно создавая новые продукты и модели бизнеса [4]. В профессиональном смысле это умение организовать собственный бизнес и достаточно успешно осуществлять функции, связанные с ведением собственного дела.

Предпринимательство, выполняя системообразующую роль, оказывает воздействие на весь экономический строй, межотраслевые, отраслевые, межрегиональные и региональные комплексы. Инфраструктура предпринимательства занимает особое место в экономической системе [5], потому что исторически и логически возникает в процессе труда на основе разделения функций на основные и вспомогательные, а в дальнейшем приобретает более широкие масштабы, вплоть до возникновения инфраструктурных отраслей.

Предпринимательская инфраструктура – система общих критериев воспроизводства предпринимательского типа, выступающая в роли системы технико-технологических, организационно-экономических и социальных взаимосвязей тех элементов инфраструктуры, которые обеспечивают поддержание процесса предпринимательства на уровне макро-, мезо- и микроэкономики. Инфраструктура поддержки предпринимательства представляет собой совместные действия государственных, общественных и коммерческих организаций, обеспечивающих эффективное развитие предпринимательства в образовательной, консалтинговой, информационной, научно-технической, производственной, маркетинговой, финансовой сферах [6].

Предпринимательская инфраструктура как система общих условий воспроизводства предпринимательского типа представляет собой совокупность технико-технологических, организационно-экономических и социальных взаимосвязей тех элементов инфраструктуры, которые обеспечивают обслуживание процесса предпринимательства на уровне макро-, мезо- и микроэкономики.

Инфраструктура поддержки предпринимательства представляет собой совместные действия государственных, общественных и коммерческих организаций, обеспечивающих эффективное развитие предпринимательства в образовательной, консалтинговой, информационной, научно-технической, производственной, маркетинговой, финансовой сферах.

Основными принципами формирования и развития системы инфраструктуры предпринимательства являются научность и системность в формировании и развитии предпринимательства и его инфраструктуры, а также постепенность и многообразие моделей инфраструктурного обеспечения предпринимательства [7]. Необходимы также взаимосвязь и взаимопроникновение элементов предпринимательского и инфраструктурного действия, эффективность, программно-целевой подход, мотивационное обеспечение.

В связи с тем, что функции инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности не могут быть не связаны и функциями самого предпринимательства, Т.Г. Деликов [8] выделил следующие функции предпринимательства:

1. Общеэкономическая – поступательное развитие предпринимательства является одним из определяющих условий экономического роста, увеличения объемов ВВП и национального дохода, а этот фактор также выступает как проявление в системе хозяйственных отношений общеэкономической функции;

2. Ресурсная – развитие предпринимательства предполагает эффективное использование как воспроизводимых, так и ограниченных ресурсов, под которыми понимаются все материальные и нематериальные условия и факторы производства;

3. Социальная – инфраструктура осуществляет наиболее полное удовлетворение потребностей и всестороннее развитие общества;

4. Системообразующая – установление рациональных технико-технологических, информационных, организационно-экономических взаимосвязей в процессе воспроизводства;

5. Творчески-поисковая – инновационная, связанная не только с использованием в процессе предпринимательской деятельности новых идей, но и с выработкой новых средств и факторов для достижения поставленных целей;

6. Организаторская – принятие предпринимателями самостоятельного решения об организации собственного дела, его диверсификации, во внедрении внутрифирменного предпринимательства, в изменении стратегии и т. д.

Отталкиваясь от функций предпринимательства, можно отметить и функции его инфраструктурного обеспечения. Экономическое содержание инфраструктуры предпринимательства проявляется в системе функций [9]:

1. Обеспечение общих благоприятных условий для фирм и компаний;

2. Обеспечение общих условий эффективности предпринимательской деятельности, создание общих условий для инновационной и рискованной составляющих предпринимательства;

3. Поддержание благоприятной среды для устойчивой конкурентоспособности предпринимательских структур;

4. Системообразующая функция – обеспечение единства всех моментов предпринимательства в рамках народнохозяйственного и регионального комплексов, корпорациях и малых предприятиях.

Целью формирования инфраструктуры предпринимательства является создание благоприятных условий для его развития путем обеспечения комплексной и адресной поддержки малых предприятий в различных направлениях: информационном, консультационном, обучающем, прогнозно-аналитическом, научно-техническом, технологическом, финансовом, имущественном, а также оказывая предпринимателям широкий спектр деловых услуг [10]. Через объекты инфраструктуры происходит налаживание деловых контактов и кооперации предпринимателей, что способствует самоорганизации предпринимательства. Таким образом, основной целью инфраструктурного пространства в предпринимательстве является создание благоприятных условий для его развития путем обеспечения комплексной и направленной поддержки предприятий. Существует три основных направления [11]:

1. Кадровое (сеть государственных и негосударственных кадровых агентств);
2. Имущественное (развитие лизинга, технопарков, бизнес-инкубаторов);
3. Информационно-консультативное (совокупность информационных каналов, прогнозно-аналитические, научно-технические и финансовые центры).

Отечественная же практика отражает недостаточное развитие и соответственно неэффективное функционирование предпринимательской инфраструктуры, многообразие которой требует системного подхода в рамках исследования ее проблематики. Сегодня предпринимательство фактически оказалось без конкретной поддержки как государственных, так и негосударственных структур, а поскольку в дальнейшем именно на него возлагаются основные надежды по выводу российской экономики из кризиса, в первую очередь необходимо разработать на основе комплексного подхода меры по активизации работы основных и дополнительных звеньев предпринимательской инфраструктуры, ориентируясь на создание благоприятной среды обитания для хозяйствующих субъектов.

Исходя из рассмотренных выше функций предпринимательства, а также из анализа проблем, существующих в развитии предпринимательской деятельности в современной России, следует выделить несколько основных задач инфраструктуры предпринимательства:

1. Обеспечение условий не только для функционирования системы малых предприятий, действующих на базе различных форм собственности, но и для их эффективного и устойчивого развития;

2. Адекватная уровню развития соответствующих предприятий и потребностям предпринимательских структур реакция. С учетом их отраслевой и функциональной специализации, пропускной способности;

3. Обеспечение координации и мониторинга деятельности элементов инфраструктуры в регионе и на различных уровнях управления (информирование о реальных возможностях, доступ к информационным сетям, решение кадровых проблем, финансовое и налоговое консультирование).

Полноценная инфраструктура предпринимательской деятельности позволяет обеспечивать непрерывность инновационного процесса, модифицируя свои соответствующие традиционные элементы, а также создавать новые актуальные составляющие по обслуживанию всех функций предпринимательства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Экономическая теория : учебник / М. А. Сажина, Г. Г. Чибриков. М. : Норма, 2007. С. 190.
- [2] Нуреев Р. М. Курс микроэкономики : учебник. М. : Норма, 2005. С. 4.
- [3] Бусыгин А. В. Предпринимательство. М. : Дело, 2000. С. 170.
- [4] Шумпетер Й. А. История экономического анализа. М. : Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 98.
- [5] Ибрагимов Л. А. Инфраструктура товарного рынка. М. : Юнити, 2002. С. 12.
- [6] Сиземов И. Г. Совершенствование инфраструктуры финансовой поддержки малого бизнеса в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2006. № 9. С. 32–36.
- [7] Говорин А. А. Инфраструктура современного предпринимательства: проблемы, теории и практики. М. : Финстатинформ, 1999. С. 47–91.
- [8] Деликов Т. Г. Формирование и развитие системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности. Элиста, 2005. С. 19.
- [9] Половинкин П. Д. Концептуальные основы инфраструктурного обеспечения современного предпринимательства // Организационно-экономический механизм стабилизации и повышения эффективности функционирования АПК. Воронеж, 2001. С. 11–15.
- [10] Муныев О. С. Государственная политика развития малых предприятий промышленности на мезоуровне. М., 2008. С. 134–136.
- [11] Там же.

УДК 342

А.И. Казанник

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
НА ИСКОННУЮ СРЕДУ ОБИТАНИЯ И ЕГО
СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Конституция РФ признает право коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания. Рассматриваются актуальные проблемы его защиты в судебном порядке.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера; исконная среда обитания; судебная защита.

Север охватывает территорию почти в 11 млн кв. км, что составляет 64 % площади России. В его пределах проживают тридцать пять коренных малочисленных народов, общая численность которых не превышает 200 тыс. человек [1].

Федеральный закон от 19 июня 1996 г. №76-ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» определяет коренные малочисленные народы Севера как народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [2].

Коренные народы Российского Севера являются потомками тех этносов, которые населяли его территорию до прихода туда людей с другой материальной и духовной культурой, другого этнического и расового происхождения. Они отличаются от остальной части населения Севера своими обычаями и традициями, языком и религией, формами ведения экстенсивного хозяйства на базе возобновимых природных ресурсов. В местах традиционного проживания для них характерна высокая интеграция в исконную среду обитания, что выражается в духовной, экономической и физиологической зависимости от природы. Сами коренные малочисленные народы Севера сознательно считают себя не только самостоятельными этническими общностями, но и неотъемлемой частью природной среды [3].

Сложившийся в индивидуальном и общественном сознании коренных малочисленных народов Севера стереотип о неразрывной связи человека с природой имеет под собой веские основания. В районах Севера преобладают суровые природные условия с низкими среднегодовыми температурами воздуха, переувлажненными и заболоченными почвами, повсеместным распространением вечной мерзлоты. Они обуславливают короткий вегетационный период, значительно замедляют биологические процессы, обедняют видовое разнообразие животного и растительного мира. Поэтому здесь сформировались исключительно хрупкие, легкоуязвимые экосистемы. Они довольно быстро реагируют на вмешательство человека появлением термокарстово-эрозионных оврагов и озер, гибелью древесно-кустарниковой растительности, мхов и лишайников, устойчивым загрязнением атмосферы и водоемов, исчезновением диких животных [4].

Коренные малочисленные народы Севера испокон веков занимались традиционным природопользованием, применяя только историче-

ски сложившиеся способы освоения тундровых и таежных богатств России. Оно осуществлялось на основе долговременного, экологически сбалансированного пользования возобновляемыми природными ресурсами без подрыва их способности к устойчивому воспроизводству и уменьшению видового разнообразия. По существу это не истощительное природопользование, которое объективно вписано в экологические системы Севера как естественный элемент, полностью подчинено природным циклам.

Под воздействием суровых погодных условий и традиционного природопользования сформировалась исконная среда обитания коренных малочисленных народов Севера. Антропогенные изменения в этой среде неизбежно приведут к вымиранию коренных малочисленных народов Севера в силу их генетической адаптированности к уникальным экосистемам [5]. Вот почему защита государством права коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания является одновременно и защитой их права на жизнь.

Согласно ст. 69 Конституции РФ государство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Наряду с общей нормой о гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера в Конституции РФ сформулирована и специальная норма, имеющая непосредственное отношение к защите их права на исконную среду обитания. По смыслу этой нормы в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (п. «м» ст. 72 Конституции РФ).

Легальное определение понятия «исконная среда обитания» дано в ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». По закону исконная среда обитания представляет собой «исторически сложившийся ареал, в пределах которого малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни» [6].

Такое определение исконной среды обитания коренных малочисленных народов России является слишком лаконичным. В нем не схвачены даже самые существенные черты столь многогранного

явления, что на практике затрудняет судебную защиту права этнических общностей на исконную среду обитания и традиционный образ жизни. В отличие от законодателя специалисты по этнографии и юридической антропологии определяют интересующее нас понятие как «природную и историко-культурную среду, которая сложилась на территориях исторического расселения коренных малочисленных этнических общностей и является основой их традиционного образа жизни» [7].

Исконная среда обитания коренных малочисленных народов Севера включает совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных природных и антропогенных объектов. К их числу относятся:

- земли национальных поселений, которые обеспечивают кровнородственные, социальные и этнокультурные связи с соотечественниками, предками и будущими поколениями как возможность осуществления процессов генетической и культурной преемственности во всей их полноте;

- земли, где захоронены предки и где рассчитывают быть похороненными ныне живущие поколения людей;

- культовые объекты природы каждого из коренных малочисленных народов Севера (священные роци, озера и участки рек, водопады, одиночные деревья, скалы, горные пещеры, перевалы и др.);

- охотничьи угодья, рыбопромысловые и зверобойные участки, олени пастбища, орехопромысловые зоны, площади собирательства.

Исконная среда обитания коренных малочисленных народов Севера служит материальной первоосновой развития их традиционных отраслей хозяйства и промыслов, сохранения историко-культурного и духовного наследия, уникальных трудовых навыков. Благоприятная среда дает возможность им вести традиционный образ жизни, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, социальной организации проживания, на самобытной культуре и обычаях, религиозных верованиях.

В Российской Федерации обеспечивается судебная защита конституционного права коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания. В ст. 14 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» предусмотрено, что все лица, относящиеся к малочисленным народам и их объединениям, имеют право на судебную защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хо-

зяйствования и промыслов, осуществляемую в порядке, установленном федеральными законами.

При рассмотрении в судах дел, в которых лица, относящиеся к коренным малочисленным народам, выступают в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов, не противоречащие федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации.

В целях эффективной судебной защиты прав коренных малочисленных народов Севера допускается участие в судебной защите их уполномоченных представителей.

Судебная защита конституционного права коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания обеспечивается в процессе рассмотрения административных, уголовных и гражданских дел, связанных с нарушением правовых норм об охране природных и антропогенных объектов, находящихся на территориях исторического расселения этих народов. Такие нормы закреплены в Градостроительном кодексе РФ и практически во всех федеральных законах о рациональном природопользовании и охране окружающей среды [8].

Судебная практика по защите конституционного права коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания начинает только формироваться. Тем не менее уже теперь можно проследить основные тенденции в становлении практики, выявить определенные противоречия, внести научно обоснованные предложения по ее совершенствованию.

Наиболее важной формой обеспечения охраны исконной среды обитания коренных малочисленных народов Севера служит создание территорий традиционного природопользования. По своему статусу они являются особо охраняемыми природными территориями, образованными для ведения коренными малочисленными народами Севера традиционного природопользования и традиционного образа жизни, сохранения и защиты исконной среды обитания и биологического разнообразия, сохранения и развития самобытной культуры этих народов.

В Федеральном законе от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» определен порядок образования таких тер-

риторий [9]. В нем четко зафиксировано, что инициатива создания территорий традиционного природопользования федерального, регионального и местного значения исходит от лиц и общин коренных малочисленных народов. Она реализуется путем их обращения соответственно в Правительство Российской Федерации, исполнительный орган общей компетенции субъекта РФ, органы местного самоуправления (ст. 6–8).

На основании закона в Правительство РФ были направлены от имени общин и представителей коренных малочисленных народов Севера десятки обращений об образовании территорий традиционного природопользования федерального значения.

Однако вместо положительного решения вопроса заявители получили отписки из Министерства экономического развития и торговли РФ, в которых говорилось о противоречиях, якобы имеющих в российском законодательстве о территориях традиционного природопользования, о необходимости внесения изменений в действующие законы, разработки и принятия новых законов и подзаконных нормативных правовых актов.

Отказ общинам и представителям коренных малочисленных народов Севера в реализации их основополагающего права на ведение традиционного образа жизни и защиту исконной среды обитания является незаконным и необоснованным. Правительство РФ, защищая интересы крупнейшей сырьедобывающей компании страны, грубо нарушило положения Конституции РФ (ст. 2, 6, 9, 15, 69, 72) и Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ст. 4, 8), а также Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ст. 6).

Представители и общины коренных малочисленных народов Корякского и Эвенкийского автономных округов, Катангского района Иркутской области обратились с исковыми заявлениями в Пресненский суд г. Москвы с требованиями обязать Правительство РФ прекратить незаконное бездействие по вопросам образования территорий традиционного природопользования федерального значения.

Суд расценил письма Министерства экономического развития и торговли РФ, направленные в ответ на обращения представителей и общин коренных мало-

численных народов Севера, не как факт бездействия Правительства РФ, а как его реальный отказ в образовании территорий традиционного природопользования, оставив при этом иски без удовлетворения.

Кассационные жалобы на решения Пресненского суда рассматривались в Московском городском суде. Он оставил все решения суда первой инстанции без изменений, а жалобы – без удовлетворения. Причем в мотивировочной части каждого своего определения Московский городской суд использовал юридически ничтожные доказательства, приведенные в ответах Министерства экономического развития и торговли РФ на обращения представителей и общин коренных малочисленных народов Севера в Правительство РФ [10].

Бездействие Правительства РФ, делающего всё возможное, чтобы отложить на неопределенное время образование территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера федерального значения, и принятие судами в угоду исполнительной власти чисто политических решений грубо нарушают конституционное право народов на исконную среду обитания и фактически ставят их перед угрозой исчезновения [11].

В отличие от Правительства РФ исполнительные органы государственной власти северных субъектов Российской Федерации проявляют заботу о сохранении исконной среды обитания коренных малочисленных народов. Так, например, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре образовано 523 территории традиционного природопользования регионального значения общей площадью 14 832 408 га, в границах которых коренные малочисленные народы Севера ведут традиционный образ жизни и занимаются привычными для себя видами хозяйствования.

В строгом соответствии с законом действуют и судебные органы северных регионов России при защите конституционного права коренных малочисленных народов на исконную среду обитания. Обобщение судебной практики показывает, что представители и общины коренных малочисленных народов Севера обращаются с исковыми заявлениями в основном по двум категориям дел. Во-первых, о признании незаконными правовых актов исполнительных органов местного самоуправления, нарушающих право коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания. Во-

вторых, о возмещении собственникам материального вреда, причиненного в результате уничтожения или порчи природных либо антропогенных объектов исконной среды обитания.

Суды практически всех северных субъектов Российской Федерации отменяют по искам представителей и общин коренных малочисленных народов постановления исполнительных органов местного самоуправления об отводе земельных участков для строительства производственных зданий и сооружений в национальных поселках, если это создает реальную угрозу деградации исконной среды обитания коренного населения. На стадии подготовки дела к слушанию суды тщательно проверяют проекты планировки и застройки национальных поселков, проектно-сметную документацию, заключение государственной и общественной экологических экспертиз на предмет их соответствия требованиям Градостроительного кодекса РФ о сохранении исконной среды обитания коренных малочисленных народов Севера. Под влиянием судебной практики в национальных поселках Севера строятся лишь предприятия по переработке продукции традиционных отраслей хозяйства и промыслов местного населения [12].

Отмена в судебном порядке незаконных постановлений исполнительных органов местного самоуправления об отводе земельных участков для нужд капитального строительства в национальных поселках Севера дает возможность предотвратить повторение трагедии 50–80-х гг. прошлого столетия, когда в результате насильственного перевода коренных малочисленных народов на оседлый образ жизни были разрушены их традиционные схемы расселения. В чуждых для аборигенов природных и жилищно-бытовых условиях общая заболеваемость их увеличилась почти в два раза, а психические расстройства возросли более чем в пять раз.

Типичными для второй категории дел являются дела о возмещении вреда, причиненного общинам коренных малочисленных народов Севера в результате повреждения или уничтожения отдельных объектов исконной среды обитания незаконной деятельностью хозяйствующих субъектов, независимо от их форм собственности. Так, Арбитражный суд Хабаровского края своим решением от 29 июля 2002 г. полностью удовлетворил иски требования общины «Национальное кооперативное хозяйство» к лесозаготовительному предприятию – ОАО «Чистовод-

ное» о возмещении вреда, причиненного неблагоприятными изменениями в исконной среде обитания коренных малочисленных народов региона, внесенными незаконной заготовкой древесины. В решении суд указал, что община «Национальное кооперативное хозяйство» является объединением коренных малочисленных народов Севера, включенных в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. №255. Община ведет охотничье хозяйство на землях, входящих в состав территории традиционного проживания коренных малочисленных народов. На этих землях лесозаготовительное предприятие – ОАО «Чистоводное» осуществляло рубки главного пользования на основании лесорубочных билетов. При выдаче этих документов вопрос о ведении рубок главного пользования на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера не был согласован с общиной «Национальное кооперативное хозяйство», что противоречит нормам ст.121 Лесного кодекса РФ. Заготовкой древесины были ухудшены условия обитания ценных промысловых животных, которые являются объектами традиционной охоты коренных малочисленных народов Севера. Тем самым был причинен материальный вред охотничьему хозяйству национальной общины, который был взыскан с ответчика по решению суда в полном объеме [13].

Аналогичные решения Арбитражный суд Хабаровского края выносил по искам общин коренных малочисленных народов Севера к лесозаготовительным организациям – ООО «Вега» и «Водолей», причинивших своей производственной деятельностью материальный вред охотничьему хозяйству этих общин [14].

Примером успешной судебной защиты права коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания и ведения традиционного образа жизни может служить решение Арбитражного суда Республики Коми от 5 мая 2010 г. по иску производственного сельскохозяйственного кооператива «Колхоз Ижимский оленевод» к ООО «Печоранефть» о возмещении материального вреда, причиненного оленям пастбищам. В судебном заседании было установлено, что в результате незаконных действий ответчика в летний период и в межсезонье был уничтожен гусеничной техникой почвенный покров, на площади более 300 га с произрастающим на нем ягелем – основной кормовой базой север-

ных оленей. С учетом заключения экспертизы по оценке площади поврежденных пастбищ и определению суммы ущерба суд удовлетворил исковое требование оленеводов в полном объеме [15].

Весьма противоречивой является судебная практика по защите прав коренных малочисленных народов Севера и их общин на традиционное природопользование. В частности, судебная коллегия по гражданским делам Таймырского окружного суда своим определением от 25 октября 2005 г. правильно, на наш взгляд, признала за коренными малочисленными народами Севера право на приоритетное пользование животным миром в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности, независимо от образования территорий традиционного природопользования. Такой же подход к защите прав коренных малочисленных народов Севера прослеживается и в практике правоприменительной деятельности Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа.

Вместе с тем Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа своим постановлением от 19 сентября 2003 г. увязал право коренных малочисленных народов на возмещение материального вреда, причиненного незаконными действиями предприятий и организаций природным объектам исконной среды обитания, с наличием у них реального права на земли, оформленного в установленном законом порядке. Как уже отмечалось в юридической литературе, это, мягко говоря, несколько субъективная интерпретация действующего законодательства о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и традиционное природопользование [16]. Получается, что только народы, получившие в собственность земельные участки, могут пользоваться важнейшими конституционными правами, защищать в суде свои законные интересы.

Представители коренных малочисленных народов Севера часто подают исковые заявления в суды с требованиями о прекращении хозяйственной и рекреационной деятельности в местах нахождения культовых объектов, входящих в состав исконной среды обитания этих народов. Но суды отказывают в приеме их к рассмотрению по мотивам, что культовые объекты не значатся в перечне заповедников, заказников, национальных природных парков и памятников природы.

По нашему мнению, это как раз тот случай, когда суды должны принимать во внимание традиции и обычаи коренных малочисленных народов Севера, поскольку они не противоречат федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях и объектах. Культовые места, с одной стороны, являются для того или иного народа Севера настоящими святынями, основной формой воплощения религиозных верований людей, а с другой – особо охраняемыми природными комплексами. Для верующих главными объектами культовых мест, безусловно, служат рукотворные сооружения и предметы: святилище в виде сруба, амбарчик на высоких сваях, антропоморфные фигуры, столбики для привязывания жертвенных животных, места для кострищ и т. п. Тем не менее в границах культового места, как свидетельствует религиозная практика коренных малочисленных народов Севера, запрещены любые виды природопользования. Там нельзя собирать ветки и камушки, рвать траву, дотрагиваться рукой до деревьев и кустарников, подплывать на лодке близко к берегу и касаться веслом земли. Согласно обычаю нужно, проплывая мимо расположенного культового места, всё время черпать ладонью святую воду из реки и выпивать ее прямо в лодке [17].

Культовые места коренных малочисленных народов Севера испокон веков выполняли не только духовную, но и важную природоохранную функцию. Они являлись своеобразными резерватами для воспроизводства диких животных и растений, сохранения редких и типичных ландшафтов, поддержания экологического равновесия в тундровой и таежной зонах. И теперь культовые места остались, по сути дела, формой абсолютной охраны природы, которая осуществляется самим народом на основе религиозных верований, сложившихся обычаев [18]. В силу этих причин требуется судебная защита норм обычного права коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающих охрану их культовых мест, исконной среды обитания.

В связи с крупномасштабным хозяйственным освоением районов Севера допускается изъятие земельных участков на территориях закрепленных родовых угодий коренных малочисленных народов для нужд промышленности и капитального строительства. В этих случаях семьи и общины имеют право на компенсацию за причиненные им потери, убытки и упущенную выгоду. Государство гарантирует

ет, что после проведения необходимых мероприятий по рекультивации нарушенных земель родовых угодий семьи и общины могут возвратиться в места своего проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

Однако, как показывают простейшие подсчеты, нефтегазодобывающие компании тратят на компенсацию вреда, причиненного семьям и общинам коренных малочисленных народов Севера в результате изъятия земельных участков из состава родовых угодий, не более 0,0002 % от стоимости добытого из недр земли сырья. Традиционно сложившиеся объемы компенсаций семьям и общинам коренных малочисленных народов Севера со стороны нефтегазодобывающих компаний за пользование земельными участками родового угодья выражаются в покупке снегохода, лодочного мотора и годового запаса бензина к ним. Иногда аборигенов покупают за несколько мешков муки в год, спецодежду, простейшие стройматериалы [19].

Тем не менее представители коренных малочисленных народов Севера не обращаются в суды с исками о возмещении материального вреда, причиненного семьям и общинам в результате пользования земельными участками родовых угодий в целях, не связанных с ведением традиционного хозяйства. Главная причина отказа от судебной защиты своих прав заключается в том, что до сих пор не принята специальная методика подсчета материального вреда, причиняемого пользователям родовых угодий. Этот пробел необходимо как можно раньше устранить путем утверждения Правительством РФ специальных такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный семьям и общинам коренных малочисленных народов Севера в результате изъятия земельных участков из состава закрепленных родовых угодий для нужд промышленности и строительства.

Таким образом, судебная практика по защите конституционного права коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания отличается известной противоречивостью. Эти противоречия можно разрешить путем совершенствования действующего законодательства и укрепления законности в правоприменительной деятельности органов судебной власти.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Российский Север: проблемы социального развития / под ред. Н. А. Волгина, Ю. П. Алексеева. М., 2004. С. 150.

- [2] Собрание законодательства РФ. 1996. № 26. Ст. 3030.
- [3] Харючи С. Н. Современные проблемы коренных народов Севера. Томск, 1999. С. 7.
- [4] Крючков В. В. Север: природа и человек. М., 1979. С. 61, 310.
- [5] Современные проблемы традиционного природопользования народов Севера : материалы Международной конференции (Москва, 19–21 мая 1999 г.). М., 2000. С. 63.
- [6] Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.
- [7] Богословская Л. С., Павлов П. Н. Коренное население Российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды // Человек и право. М., 2000. С. 71.
- [8] См., например: ст. 31, 78, 82, 97 Земельного кодекса РФ; ст. 34 Водного кодекса РФ; ст. 30, 48 Лесного кодекса РФ; ст. 49 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. «О животном мире»; ст. 2 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»; ст. 15 и 24 Федерального закона от 14 марта 1995 г. «Об особо охраняемых природных территориях»; ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 1995 г. «О соглашениях о разделе продукции».
- [9] Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.
- [10] См.: <http://www.rodnikcenter.ru/ru/otchet4.shtml> (дата обращения: 01.05.11).
- [11] Транин А. А. Традиционное природопользование и соблюдение прав коренных малочисленных народов России // Гос. и право. 2010. № 5. С. 26.
- [12] Райшев А. Нет земли без народа и народа без своей земли // Российская Федерация сегодня. 2003. № 11. С. 49.
- [13] См.: <http://www.rodnikcenter.ru/ru/otchet4.shtml> (дата обращения: 01.05.11).
- [14] Там же.
- [15] Там же.
- [16] Кряжков В. А. Право на пользование землей и сопряженные с ним права коренных малочисленных народов Севера (конституционно-правовые основы) // Гос. и право. 2008. № 12. С. 86.
- [17] Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси (культурные места XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1986. С. 8–155.
- [18] Казанник А. И. Народная охрана природы Сибири. Омск, 1999. С. 70–73.
- [19] Райшев А. Указ. соч. С. 49.

ОПРАВДАНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РИСК

Исследуются субъективные и объективные критерии профессионального и хозяйственного (производственного) риска как основания исключения уголовно-правовой ответственности, критически анализируются имеющиеся в литературе подходы к решению проблемы, рассматривается соотношение оправданного профессионального риска и преступного легкомыслия.

Ключевые слова: уголовная ответственность, профессиональный риск, хозяйственный риск, технический риск, преступное легкомыслие, крайняя необходимость.

В работах, опубликованных в 1954 и 1963 гг. [1], автор уже занимался проблемой правомерного риска в уголовном праве. В то время понятие это почти не встречалось в литературе и риск как явление не был популярным и не популяризировался. Связывалось это с тем, что годы культа и первые годы после культа характеризовались скорее подавлением, нежели поощрением инициативы в любых ее видах и сферах.

Соответственно, развитие науки и техники, принятие выгодных хозяйственных и иных решений в значительной мере тормозилось в связи с правовой незащищенностью лиц, идущих на разумный риск, что в общем объяснимо. «Новое, – писал Герцен, – надобно создавать в поте лица, а старое само продолжает существовать и твердо держится на костылях привычки. Новое надобно исследовать; оно требует внутренней работы, пожертвований; старое принимается без анализа, оно готово, – великое право в глазах людей; на новое смотрят с недоверием, потому что черты его юны, а к старым чертам старого так привыкли, что они кажутся вечными» [2].

Однако, отстаивая правомерность здорового риска, нельзя не отметить, что сегодня наблюдается противоположное явление – излишняя увлеченность идеей риска и соответственно необоснованное обращение к нему. С уверенностью можно утверждать, что два явления потрясают научно-техническую сферу жизни нашего общества – техническое невежество, не говоря о других его видах, и легкомысленный, безудержный риск в рамках экономии на охранительной, страхующей функции действия. Это делает особенно важным изучение природы, сути и условий правомерного риска.

В отечественном законодательстве норма о недопустимости возложения на работника ответственности за нормальный производственный риск содержалась еще в ст. 83⁶ УК РСФСР 1922 г. Согласно ст. 41 действующего Уголовного кодекса РФ 1996 г. «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели». Соответственно неточным представляется отождествление некоторыми учеными обоснованного риска с профессиональным риском, ибо риск может быть и из предотвращения вреда. Возможны врачебный, военный риск и т. д.

Особого внимания заслуживают научно-исследовательский риск и технический риск, и в частности риск в медицине, при создании и испытании новых лекарств. Так, УК Республики Польша выделяет в

качестве самостоятельного обстоятельства, исключая уголовную ответственность, проведение эксперимента: не совершает преступления тот, кто действует с целью проведения познавательного, медицинского, технического или экономического эксперимента, если ожидаемый результат имеет существенное познавательное, медицинское или хозяйственное значение, а надежда на его достижение, целесообразность и способ проведения эксперимента обоснованы в сфере современного уровня знаний.

Постановлением Правительства РФ от 31 августа 1999 г. «Об утверждении Правил отнесения отраслей (подотраслей) экономики к классу профессионального риска» был предусмотрен порядок отнесения отраслей экономики к классу профессионального риска. Было предусмотрено 14 классов профессионального риска. Он определяется рядом показателей главным образом экономического плана. Существенно, однако, что фиксировалась и легализовалась сама категория «профессионального риска».

Поскольку риск всегда связан с возможностью неудачи, деятельность при таком профессиональном риске может быть сопряжена с причинением вреда здоровью и жизни людей, потерями в природной среде, уничтожением или повреждением имущества.

Правомерный риск самым тесным образом граничит с преступным легкомыслием. В том и другом случае лицо предвидит возможный ущерб от своей деятельности, а равно рассчитывает его предотвратить. Но если субъект легкомыслия проявляет самонадеянность, недооценивая вероятность и размер вреда от своих действий, то при правомерном риске такой «недооценки – переоценки», непродуманности и легкости нет.

Тесно сопряжен риск из предотвращения вреда и с крайней необходимостью. То и другое опосредуют предотвращение вреда. Однако при крайней необходимости причиняемый меньший вред вытесняет вред больший, обоснованный риск связан не с причинением вреда, а с созданием возможности его причинения – неизбежному ущербу противопоставляется более предпочтительный вероятный вред. В частности, Закон «О радиационной безопасности населения», принятый 5 декабря 1995 г., запретил все виды деятельности, «при которых полученная для человека и общества польза не превышает риск возможного вреда, причиненного дополнительным к естественному радиационному фону облучением».

В литературе этот момент порой иногда не учитывается. Так, обсуждая, например, действия главного агронома одного из совхозов, переплатившего значительные денежные средства привлеченным из другой области рабочим за уборку камней с посевных площадей совхоза и осужденного за это по закону о злоупотреблении служебным положением, хотя выгода от введения в оборот очищенных от камней земель составила 109 тыс. рублей, т. е. сумму в девять раз большую, С.Г. Келина видела в этом случае правомерный риск [3], хотя суть учиненных деяний состояла в вытеснении большего вреда меньшим, что присуще именно крайней необходимости.

Думается, что риск (новаторский) был в случае, если бы этот агроном напрасно потратил деньги на создание машины для устранения камней. По тем же основаниям нельзя согласиться с авторами, усматривающими риск, например, в действиях директора хозяйства, приказавшего разуконкомплектовать два трактора, чтобы получить части для работы неисправных тракторов. Таким образом, в общем и целом нельзя согласиться с распространенным в литературе мнением о том, что «не может признаваться обоснованным риск, заведомо сопряженный... с угрозой причинения имущественного вреда» [4].

Совершение определенных действий при правомерном риске может являться не только правом, но и обязанностью лица. Так, лицо, отдающее распоряжение о выезде команды спасателей на место происшествия, рискует жизнью и здоровьем своих подчиненных, которые должны будут действовать в условиях катастрофы или стихийного бедствия, однако он не вправе воздержаться от такого распоряжения, и более того, обязан это сделать согласно существующим нормативным актам. Иногда в подобных случаях авторы необоснованно констатируют крайнюю необходимость, связывая ее с отсутствием у лица права отказаться от опасной работы. Но здесь, как очевидно, будет не крайняя необходимость, не жертвование меньшим (жизнью, например, бойца пожарной команды) ради большего – спасения гибнущего в огне имущества, а риск для предотвращения вреда, способный при удачном развитии событий закончиться без каких-либо потерь.

В соответствии с ч. 2 ст. 41 действующего УК РФ «риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные

меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

По функциям могут быть выделены следующие виды риска: предпринимаемый для предотвращения вреда, новаторский (исследовательский), технический, производственный, а также хозяйственный, военный, врачебный и т. д.

Основа новаторского риска – невозможность познать новое логическим путем – на чертеже, в рисунке и т. д. Известна поговорка: «Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду», т. е. стоит при формулировании и мысленной «прокатке» явления не учесть какие-то трудно постигаемые детали и стороны его, как оно перестает подчиняться какому-то закону или группе законов, влияющих на эти стороны. Поэтому в начале творчества лежит неопределенность, и человек, по замечанию П. Л. Капицы, должен решать, как ему поступить, не имея точных инструкций [5].

Нельзя не учитывать и потери, претерпеваемые обществом от замедленного внедрения новой технологии и новой техники. Так, после пуска первой в СССР промышленной установки кислородно-конверторного производства стали, идея которого родилась именно в СССР, потребовалось 16 лет, чтобы доля этого способа составила 20 %. Япония же, пустившая такую установку на год позже, добилась того же результата за пять лет [6].

В отдельных случаях с риском связано текущее использование техники, ибо механизмы и машины на любом предприятии не являются абсолютно надежными и даже при должном их обслуживании могут быть причинами тех или иных потерь. Если подходить к проблеме шире, субъектом технического риска является любое лицо, так или иначе взаимодействующее с техникой роли, скажем, пешехода в роли водителя транспорта и т. д. В этом плане приходится говорить об уже упоминавшемся приемлемом риске. От него следует отличать случаи экстраординарного технического риска – работа на линии электропередачи без отключения электрического тока, работа верхолаза и т. п. В той же связи может быть названо возведение определенных сооружений с известным, но не абсолютным запасом прочности, поскольку движение к такому «абсолюту» могло бы сделать нерентабельной любую технику – придание, например, каждой мачте линии электропередачи прочности, равной прочности египетской пирамиды и т. д.

Видом новаторского риска является риск, связанный с испытанием новых лекарственных препаратов, манипуляций и

т. д. «Путем постоянного и непрерывного риска, – писал В.В. Вересаев, – блуждая в темноте, ошибаясь и отрекаясь от своих заблуждений, медицина и добыла большинство того, чем она теперь по праву гордится» [7].

Обязательным условием такого риска является, согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, привлечение к испытанию новых лекарственных форм лишь лиц, способных «полностью понять степень риска. Особого внимания заслуживают случаи включения в исследования детей, когда требуется получение согласия на это их родителей или опекунов». В российских СМИ получили широкую огласку эксперименты ряда исследователей, которые проиммунизировали малоизученный АДС-М анатоксина 299 детей в специализированных интернатах Москвы и Московской области, притом что достоверной статистики поствакцинных осложнений пока нет. Реактогенность препаратов оказалась в данном случае мало значительной. А если бы был другой результат? В двух других случаях эксперименты были поставлены на 820 школьниках и на 2 178 детях от двух до шести лет. Мироотстраненность людей, писала автор статьи, «леденит душу» [8].

Особого внимания заслуживает конститутивная связь любого риска с намеренным игнорированием возможных потерь, поскольку та же связь характеризует и преступное легкомыслие. В том и другом случае лицо действует, предвидя возможный вред, и вред этот наступает.

На этом приходится специально делать акцент, поскольку в житейском обиходе сложилось предубеждение о правомерности любого успешного риска по типу «победителей не судят», т. е. успех свидетельствует о правомерности риска. Если бы дела обстояли именно так, проблемы обоснованного риска не существовало бы. Успех всегда бы делал риск правомерным, а неуспех – преступным.

Тем не менее приходится с сожалением признать, что во многих случаях преобладающим критерием риска является его успех. Так, совершая посадку в аэропорту Куромыч под Куйбышевым, командир самолета ТУ-134 Клюев решил сделать это с зашторенными окнами. Итогом стала катастрофа с большим числом погибших. Клюев был осужден по ч. 1 ст. 85 УК РСФСР 1960 г. к 15 годам лишения свободы [9]. В другом случае пилот реактивного истребителя пролетел на нем под аркой моста через Обь, связывающего правобережную и левобережную части Новосибирска и чуть не врезался при

этом в другой, железнодорожный мост, связывающий Сибирь и Дальний Восток с европейской частью страны. Однако тогдашний министр обороны Р. Малиновский не только не отдал этого летчика под суд, но даже дал ему поощрительный десятидневный отпуск! [10]. Вряд ли нужно аргументировать тезис о явной несправедливости, и более того, аморальности и цинизме такого решения.

Важным условием правомерного риска является его цель. Там, где речь идет о ничтожной и даже малой цели, риск недопустим. Иными словами, чем большим является значение цели, тем большим благом субъект вправе рисковать.

Далее. Чем больше риск, чем большими потерями он грозит, тем более тщательным должен быть учет его нежелательных последствий.

Так, Самарской клинической больницей был приобретен импортный томограф. Его нельзя было пронести через двери, и было решено рискнуть поднять его на пятый этаж с помощью крана. Однако при подъеме прибор стоимостью более сотни миллионов рублей уронили, и он был разбит вдребезги. Стоимость же работ по расширению дверного проема была равна стоимости услуг крановщика. Налицо типичный случай неучета сопоставимости возможных потерь.

Еще одно условие правомерного риска – принятие всех мер по снижению возможной опасности – размеров возможного вреда и вероятности его наступления. Отступление от этого условия чревато тяжкими и порой тягчайшими потерями.

Уже отмечалось, что согласно ч. 3 ст. 41 обоснованный риск не может быть сопряжен, не говоря о другом, с угрозой для жизни многих людей. Положение это особенно актуально ввиду того, что риск такого рода порой применяется в стране.

Так, в научно-исследовательском центре «Анти-Спид» пришли к выводу о том, что если кровь, взятую у человека, облучить «сублетальной дозой рентгеновских лучей», то через некоторое время кровь приобретает новые свойства – успешно борется с попавшим в организм вирусом СПИДа. Затем были выбраны 300 добровольцев из группы риска. Их облучили и вернули взятую из тела кровь.

На вопрос журналистов, присутствовавших на соответствующем сообщении, почему для начала не были поставлены опыты на животных, был дан ответ, что «приматы дороги» и общая стоимость эксперимента на них составила бы 350 тысяч долларов. Но остался без ответа вопрос, почему еще не доказанную идею

надо было испытывать на ни в чем не повинных людях [11]. Само собой разумеется, что вопрос этот полностью снял возможность говорить о правомерности допущенного риска.

Не было обоснованного риска и в военно-химическом институте, в котором ставились эксперименты по воздействию отравляющего вещества на организм человека. Лейтенанта, над которым проводился опыт, заставили дышать парами неизвестного ему продукта без противогаза и даже респиратора. Затем эксперимент был повторен. В результате офицер стал инвалидом [12].

Недостижение лицом общественно полезной цели, к которой оно стремилось, не исключает обоснованности риска, если лицо не могло достичь цель не связанными с риском действиями, ибо при обращении к риску, и в этом состоит суть особенность этого института, успех не гарантирован.

Там, где лицо имеет возможность выбирать, предпочтение должно быть отдано, как и при крайней необходимости, меньшему риску, чреватому менее вероятными и менее тяжкими последствиями.

В определенной ситуации деятель может оказаться перед альтернативой выбирать между действиями, подпадающими под признаки крайней необходимости, и риском. Предпочтение должно отдаваться тому или другому с учетом всех обстоятельств дела.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гринберг М. С. Момент оправданного риска в производственном процессе и его уголовно-правовое значение // Сов. государство и право. 1954. № 1; Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963.
- [2] Герцен А. И. Избр. философские сочинения. М., 1940. С. 154.
- [3] Келина С. Г. Производственный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Сов. юстиция. 1988. № 22. С. 14.
- [4] Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 1. С. 22.
- [5] Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1977. С. 193.
- [6] Альгин А. П. Риск и его цель в общественной жизни. М., 1989. С. 46.
- [7] Вересаев В. В. Записки врача. Соч. 1947. Т. 1. С. 313.
- [8] Российская газета. 1994. 8 апр.
- [9] Бабичев И. и др. «Ослепление» // Сов. Россия. 1987. 19 июля.
- [10] Каманов А. Летательный исход // Комс. правда. 1990. 23 авг.
- [11] Батенева Т. Опыт ставили на людях, потому что на обезьян денег не хватило // Известия. 1998. 22 янв.
- [12] Кислов А. Подопытный лейтенант и опытные генералы // Известия. 1995. 5 авг.

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБОРОТЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ДОЛЕЙ В ПРАВЕ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК ИЗ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В свете существенных изменений законодательства об обороте земель сельскохозяйственного назначения рассматриваются полномочия органов местного самоуправления.

Ключевые слова: земельные доли, местное самоуправление, полномочия, общее собрание, участники долевой собственности.

Задача повышения эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения стоит и на современном этапе двадцатилетнего пути аграрно-земельной реформы страны. Совершенствование правового регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения осуществляется с этой целью.

Оборот земель сельскохозяйственного назначения, являясь частноправовым, всегда имел ограничения, связанные с публичными интересами. Некоторые авторы даже считают, что преимущественное право субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления на покупку земельного участка (доли) по существу провозглашает приоритет публичных начал в регулировании оборота земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения [1].

Мы согласны с Г.А. Волковым, что принцип преимущественного права на покупку доли в праве общей собственности на земельный участок позволяет субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию активно или пассивно участвовать в рынке земельных участков и тем самым контролировать этот рынок, осуществлять его мониторинг [2].

Сейчас публично-правовая составляющая в земельных отношениях нарастает, хотя и не направлена на возврат земель в государственную собственность. Изменения, внесенные 29 декабря 2010 г. в Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [3] (далее – Закон), показали нам тенденцию в развитии этих отношений, связанную с расширением полномочий органов местного самоуправления в частноправовых отношениях оборота земель сельскохозяйственного назначения.

Представляется, что такое нарастание роли органов местного самоуправления необходимо, по меньшей мере, по следующим причинам. Во-первых, процесс перераспределения земельных долей в целях поиска эффективного пользователя нединамичен, и органы местного самоуправления могут его инициировать. Во-вторых, когда вопросы формирования земельного участка и оформления прав на него не решены собранием участников долевой собственности, органы местного самоуправления могут сами провести определенные организационно-правовые процедуры на это направленные, таким образом они держат под контролем создание условий для оборота земель. В-третьих, муниципальные образования могут становиться собственниками отказных, невостребованных земельных долей и оперативно распоряжаться

ими, передавая достойным пользователям, т. е. быть активными участниками рынка земли.

Анализируя новые статьи Закона, мы выделили несколько направлений участия органов местного самоуправления поселения или городского округа по месту расположения земельного участка, находящегося в общей долевой собственности, в обороте земельных долей.

1. По предложению органа местного самоуправления поселения или городского округа по месту расположения земельного участка может проводиться общее собрание участников долевой собственности (п. 1 ст. 14.1 Закона). Органы местного самоуправления стали в один ряд с участниками долевой собственности и лицами, использующими этот земельный участок, которые и ранее могли быть инициаторами проведения общего собрания.

Действовавшая редакция ст. 14 Закона предоставляла органу местного самоуправления лишь право просить сельскохозяйственную организацию, использующую земельный участок, о созыве собрания участников долевой собственности. Сельскохозяйственная организация, не заинтересованная в уменьшении используемого ею земельного участка, могла и не пойти навстречу органу местного самоуправления. Сейчас работу общего собрания для решения очень важных вопросов по владению, пользованию и распоряжению земельным участком могут инициировать органы местного самоуправления самостоятельно.

2. Орган местного самоуправления организует проведение общего собрания участников долевой собственности на земельный участок. Из содержания п. 2 ст. 14.1 Закона следует, что о проведении общего собрания участники долевой собственности извещаются органом местного самоуправления независимо от того, чья была инициатива в проведении собрания. Однако если предложение было сделано участником долевой собственности или лицом, использующим земельный участок, то они уведомляют в письменной форме орган местного самоуправления и последний проводит определенные организационно-правовые действия.

Толкование ст. 14.1 Закона позволяет выделить следующую систему полномочий органа местного самоуправления по организации и проведению общего собрания участников долевой собственности на земельный участок:

1) опубликовать информацию о проведении общего собрания в средствах мас-

совой информации, определенных субъектом Российской Федерации, на официальном сайте в сети Интернет, на информационных щитах за сорок дней до дня проведения общего собрания;

2) обеспечить составление и хранение перечня участников долевой собственности с указанием реквизитов документов, удостоверяющих их права на земельные доли;

3) хранить предложения участников долевой собственности об изменении размеров земельных долей, выраженных единым способом в соответствии с положениями ст. 15 Закона (если ранее данные доли были выражены разными способами);

4) составлять и хранить протоколы (второй экземпляр), иные документы (например, копии утвержденного решением общего собрания проекта межевания земельных участков) общего собрания;

5) уполномоченное должностное лицо органа местного самоуправления несет ответственность за обеспечение допуска к голосованию только тех лиц, которые представили документы, удостоверяющие личность, право на земельную долю, а также подтверждающие полномочия этих лиц.

При этом участник долевой собственности может выдать другому лицу доверенность на совершение юридически значимых действий, в том числе на голосование на общем собрании участников долевой собственности, которая может быть заверена уполномоченным должностным лицом органа местного самоуправления наравне с нотариальным удостоверением;

б) участвовать в организации и проведении общего собрания через уполномоченное должностное лицо органа местного самоуправления. Невзирая на то, что уполномоченное должностное лицо органа местного самоуправления участвует в проведении собрания с совещательным голосом, оно председательствует при открытии, а иногда и ведении общего собрания, подписывает его протокол наряду с председателем собрания и секретарем.

Условием вовлечения в гражданско-правовой оборот земельных долей в праве общей собственности на земельный участок является межевание земельного участка, которое регулируется теперь новой ст. 13.1 Закона и Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [4]. Заказать кадастровому инженеру проект межевания земельного участка можно как на основе решения общего собрания, так и по желанию отдельного участника долевой собственности, решившего выделить земельный участок в счет своей земельной доли.

Порядок получения земельного участка в счет земельной доли прост по процедуре, если уже есть решение общего собрания, которым утверждены проект межевания земельных участков и перечень собственников образуемых земельных участков, а также размер их долей в праве общей собственности на образуемые земельные участки. Участнику долевой собственности достаточно обратиться с заявлением к общему собранию, и на основании его решения будет выделен сформированный земельный участок в счет земельной доли.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ «право участника долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения на выделение земельного участка в счет своей земельной доли не носит абсолютного характера, поскольку его реализация обусловлена определенными законодателем требованиями сохранения целевого назначения таких земельных участков и наличием у собственников общих интересов, выражаемых большинством» [5]. Поэтому решение общего собрания принимается из интересов большинства участников долевой собственности с целью сохранить стоимостную и потребительскую привлекательность оставшегося земельного участка.

Если же проект межевания земельного участка не был утвержден общим собранием, собственник земельной доли сам заключает договор с кадастровым инженером на проведение землеустроительных работ.

Проект межевания земельного участка подлежит обязательному согласованию с участниками долевой собственности, о чем они извещаются лично или через публикации в соответствующих средствах массовой информации. При этом о проекте межевания, подготовленном для утверждения общим собранием, о месте и порядке ознакомления с ним участники долевой собственности извещаются до его утверждения. А проект межевания земельного участка, подготовленный по инициативе участника долевой собственности, сначала утверждается им, а потом согласовывается с другими участниками долевой собственности по двум параметрам – размеру и местоположению границ земельного участка.

Проект межевания земельного участка считается согласованным, если в течение тридцати дней от участников долевой собственности не поступят возражения кадастровому инженеру и в орган кадастрового учета по месту расположения такого земельного участка. В противном случае

спор будет решаться в суде в присутствии тех участников долевой собственности, которые заявили свои возражения относительно земельного участка, выделяемого в счет земельной доли. С 1 июля 2011 г. уже не требуется проводить предварительные согласительные процедуры до обращения в суд, как это требовалось ранее. Они были лишним этапом, поскольку комиссии, их проводившие, не принимали решения по существу спора, и он всё равно выносился на рассмотрение суда.

Чтобы отдельному гражданину самому не проходить столь обременительный путь межевания земельного участка, органы местного самоуправления должны обеспечить проведение этой работы общим собранием участников долевой собственности.

Однако, если до 1 июля 2012 г. участники долевой собственности всё-таки не примут решение об утверждении проекта межевания земельного участка или не зарегистрируют свое право собственности на земельный участок, находящийся в долевой собственности, органы местного самоуправления сами должны провести организационные процедуры. Органы местного самоуправления поселения или городского округа по месту расположения данного земельного участка, а на межселенной территории – орган местного самоуправления муниципального района до 1 июля 2013 г. обязаны сами провести общее собрание участников долевой собственности, обеспечить подготовку проекта межевания земельных участков и проведение кадастровых работ (п. 3 ст. 19.1 Закона).

Таким образом, органы местного самоуправления де-юре стали не только инициаторами, но и организаторами проведения общих собраний участников долевой собственности на земельный участок, решающих важнейшие вопросы перераспределения земельных долей. И в ближайшее время работа по проведению межевания земельных участков, находящихся в долевой собственности, должна быть проведена, что создаст условия для реального прохождения процедуры выделения земельного участка в счет земельной доли.

3. Муниципальные образования приобретают на праве собственности земельные доли в праве общей собственности на земельный участок в случаях, определенных Законом, становясь активными участниками рынка земли.

1) Муниципальное образование обязано приобрести отчуждаемую земельную долю в праве общей собственности на зе-

мельный участок из земель сельскохозяйственного назначения в случаях, установленных субъектом Российской Федерации по рыночной стоимости, сложившейся в данной местности.

Это происходит, когда в силу закона земельная доля не может принадлежать данному лицу и должна быть отчуждена им в течение года со дня приобретения. Если этого не сделано, земельная доля выставляется на торги по решению суда, а при отсутствии лица, изъявившего желание ее приобрести, муниципальное образование обязано купить отчуждаемую земельную долю (п. 3 ст. 5 Закона).

Статья 18 Закон Омской области от 8 февраля 2006 г. № 731-ОЗ «О регулировании земельных отношений в Омской области» предоставляет право преимущественной покупки органам местного самоуправления, только если данный земельный участок располагается на землях, необходимых для развития населенных пунктов в соответствии с документами территориального планирования или для создания особо охраняемых природных территорий местного значения [6]. Соответственно и обязанность выкупить земельную долю возникает у органов местного самоуправления только в указанных случаях, а во всех других – это должна сделать Омская область.

2) При отказе субъекта от земельной доли право собственности на нее возникает у городского округа, городского или сельского поселения по месту расположения земельного участка либо у муниципального района, если такой земельный участок располагается на межселенной территории (п. 1.1 ст. 12 Закона).

Собственник подает заявление об отказе от земельной доли в праве общей собственности на земельный участок и прилагает к нему в необходимых случаях правоустанавливающие документы в службу государственной регистрации, кадастра и картографии. Последняя проводит государственную регистрацию прекращения права собственности на земельную долю участника долевой собственности с одновременной регистрацией права собственности на нее муниципального образования. От органа муниципального образования не требуется ни заявления, ни согласия, его лишь уведомляют о возникшем праве собственности на земельную долю в праве общей собственности на земельный участок в течение пяти дней со дня регистрации [7].

Таким образом, общие правила статьи 53 Земельного кодекса Российской Феде-

рации [8] и статьи 225 Гражданского кодекса Российской Федерации [9] о бесхозяйной вещи, от которой отказался собственник, связанные с постановкой на учет, ожиданием в течение года, а затем обращением в суд и за государственной регистрацией, не применяются при отказе от земельной доли в праве общей собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения.

Теперь, в соответствии с новой редакцией п. 2 ст. 80 ЗК РФ, в основном за счет этих «отказных» земель и невостребованных земельных долей, возможно, быстрее будет формироваться фонд перераспределения земель, что активизирует рынок земли и в результате появятся достойные собственники. Земли сельскохозяйственного назначения являются нашим общим достоянием, и от того, насколько эффективно они используются, зависит развитие сельского хозяйства и в конечном итоге наша продовольственная безопасность. Однако практика свидетельствует о том, что по собственной инициативе от земельных участков сельскохозяйственного назначения отказываются очень редко даже в том случае, если фактически их не используют. Выявлять такие земли и оказывать организационную помощь гражданам по проведению процедуры отказа от земельного участка (доли) могли бы органы местного самоуправления.

3) Орган местного самоуправления поселения или городского округа по месту расположения земельного участка, находящегося в долевой собственности, может приобрести право собственности на невостребованные земельные доли (ст. 12.1 Закона).

Само понятие невостребованных земельных долей и процедура их приобретения достаточно подробно урегулирована новой ст. 12.1 Закона. Органы местного самоуправления составляют список лиц, земельные доли которых могут быть признаны невостребованными и опубликовывают его не менее чем за три месяца до созыва общего собрания участников долевой собственности. Лица, считающие, что они необоснованно включены в этот список, подают письменные возражения в органы местного самоуправления и в последующем могут быть исключены из списка невостребованных земельных долей.

Утверждение списка общим собранием имеет юридическое значение, поскольку с этого момента доли признаются невостребованными. Поэтому, если общее собрание участников долевой собственности в тече-

ние четырех месяцев не утвердит список, это может сделать орган местного самоуправления. А затем он обращается в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на земельные доли, признанные невостребованными. Как видим, процедура приобретения в муниципальную собственность невостребованной земельной доли сложнее получения земельной доли, от которой отказались участники долевой собственности. Вероятно, это потому, что при «отказе» от земельной доли воля собственника определенно выражена и направлена на ее отчуждение.

В связи с принятыми изменениями Закона муниципальные образования Омской области активизировали работу по оформлению невостребованных земельных долей, проведению собраний участников долевой собственности. Например, в Тевризском районе в 2011 г. планируется признать невостребованными около 200 земельных долей примерной площадью 2000 гектар. Но еще в течение 2009–2010 гг. в районе был проведен мониторинг невостребованных земельных долей из земель сельскохозяйственного назначения, в результате которого выявлено 2 300 невостребованных долей общей площадью 19,2 тыс. гектар.

Однако опыт северных районов Омской области показывает, что продать земельные участки сельскохозяйственного назначения не просто. Из доклада главы Тевризского муниципального района Омской области следует, что по состоянию на 1 января 2010 г. у них есть 17,6 тыс. гектар фонда перераспределения земель, и они практически не востребованы, имеются лишь единичные случаи предоставления земельных участков для сельскохозяйственного использования. В заброшенном состоянии находится 88 % земель из фонда перераспределения [10].

4. Орган местного самоуправления обязан продать земельный участок, выделенный в счет земельных долей, и земельные доли, находящиеся в муниципальной собственности.

В соответствии с ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» органы местного самоуправления могут использовать земельные участки для целей их деятельности, а сельскохозяйственная деятельность к ней не относится [11]. Значит, включив земельные участки сельскохозяйственного назначения в фонд перераспределения земель, органы местного самоуправления должны оперативно и эффективно ими распорядиться.

1) Орган местного самоуправления вправе продать земельную долю, находящуюся в муниципальной собственности, сельскохозяйственной организации или крестьянскому (фермерскому) хозяйству, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности. Сделать это можно в течение шести месяцев со дня возникновения права муниципальной собственности на земельную долю по льготной цене, которая составляет 15 % кадастровой стоимости одного квадратного метра земельного участка. Сообщить об этих условиях продажи земельной доли нужно не позднее чем в течение одного месяца со дня возникновения права муниципальной собственности на земельную долю в средствах массовой информации (п. 4 ст. 12 Закона).

Представляется, что данное положение не соответствует ст. 250 ГК РФ, согласно которой правом преимущественной покупки доли в праве общей собственности по цене, по которой она продается, обладает участник долевой собственности (кроме случаев продажи с публичных торгов). Пункт 1 ст. 12 Закона позволяет соблюдать это правило, поскольку устанавливает, что без выделения земельного участка в счет земельной доли участник долевой собственности по своему усмотрению вправе продать или подарить ее другому участнику долевой собственности, а также сельскохозяйственной организации или гражданину – члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности.

Поэтому муниципальное образование, обладая земельной долей, должно было бы сначала предложить ее другим участникам долевой собственности, а потом уже субъектам, использующим земельный участок, в составе которого находится эта земельная доля.

Но п. 4 ст. 12 Закона среди потенциальных покупателей не называет участников долевой собственности на земельный участок. Вероятно, установленное правило преследует цель перераспределения земель в пользу субъектов сельскохозяйственного производства, минуя участников долевой собственности, не использующих данные земли.

Если же земельную долю на указанных условиях не купили сельскохозяйственная организация или крестьянское (фермерское) хозяйство, использующие земельный участок, орган местного самоуправления обязан в течение года с момента возникновения права муниципаль-

ной собственности выделить земельный участок в счет этих земельных долей и распорядиться уже им.

2) Орган местного самоуправления обязан разместить информацию в надлежащих источниках о возможности приобретения земельного участка, выделенного в счет земельных долей, не позднее чем в течение двух недель со дня возникновения на него права муниципальной собственности.

И здесь тоже правом преимущественной покупки на льготных условиях обладает сельскохозяйственная организация или крестьянское (фермерское) хозяйство, использующие земельный участок. Если в течение трех месяцев с момента государственной регистрации права муниципальной собственности на земельный участок они обратятся с заявлением о заключении договора купли-продажи или аренды, то он им передается без проведения торгов. При этом цена такого земельного участка устанавливается в размере не более 15 % его кадастровой стоимости, а арендная плата – в размере 0,3 % его кадастровой стоимости (п. 5.1 ст. 10 Закона).

Такое правовое регулирование направлено на быстрое отчуждение муниципальными органами принадлежащего им земельного участка, но не предназначенного для их нужд, субъектам, которые фактически и юридически связаны с земельным участком сельскохозяйственным использованием.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Постатейный комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» / отв. ред. Г. Е. Быстров, Б. Д. Ключин. М. : ИНФРА-М, 2002. С. 562.
- [2] Волков Г. А. Комментарий к ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 12.
- [3] СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018; 2011. № 1. Ст. 47.
- [4] СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017; 2011. № 1. Ст. 47.
- [5] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2009 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2, 3, 4 статьи 13 и абзаца второго пункта 1.1 статьи 14 Федерального закона “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения” в связи с жалобой гражданки Л. Г. Погодиной» // Российская газета. 2009. 18 февр.
- [6] Ведомости Законодательного Собрания Омской области. 2006. № 1 (46). Ч. 1. Ст. 2831.
- [7] П. 4 ст. 30.2 ФЗ от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СЗ РФ. 1977. № 30. Ст. 3594; 2011. № 1. Ст. 47.
- [8] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
- [9] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. Ч. 1. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [10] Доклад главы Тевризского муниципального района Омской области В. Г. Тарасова «Предварительные итоги социально-экономического развития Тевризского муниципального района Омской области за 2010 год». Информационный портал «Омская Губерния» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.omskportal.ru>.
- [11] СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2011. № 1. Ст. 47.

ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В ПОСТАНОВЛЕНИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 1.02.2011 Г. № 1

Анализируются рекомендации, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. [1]. Проведен анализ некоторых действующих норм современного уголовного закона и высказаны предложения по их совершенствованию, комментируется позиция Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: постановление Пленума Верховного Суда, несовершеннолетние, ювенальная юстиция, наказание.

Почти 11 лет действовало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». Многочисленные изменения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующего вопросы уголовного преследования и ответственности несовершеннолетних, пробелы в правовой базе, противоречивость нормативного регулирования названных отношений обусловили необходимость разрешения множества правоприменительных проблем. Актуальность нового постановления вызвана и показателями преступности несовершеннолетних. Так, в январе–ноябре 2010 г. почти каждое девятнадцатое (5,4%) оконченное расследованием преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии [2].

Обращает на себя внимание, что *более 2/3 (!) текста* постановления посвящено проблемам применения к несовершеннолетним уголовного наказания, что уже вызвало резонанс в средствах массовой информации [3].

1. Впервые на уровне постановления Пленума обращается внимание на необходимость учёта и применения как *общих* (например, Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.), так и *специальных* (Конвенции о правах ребенка 1989 г., Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил) 1985 г. и др.) *международных стандартов* в области осуществления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних (Преамбула и п. 2, 16, 45 Постановления);

2. Оговорено применение отдельных обстоятельств, смягчающих наказание, в частности, предусмотренных п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ: совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо иных фактов, связанных с материальной, служебной или иной зависимостью несовершеннолетнего (п. 18);

3. Разъяснены особенности применения отдельных специальных правил назначения наказания (п. 15, 19, 20);

4. Впервые на уровне постановления Пленума даны рекомендации, учитывающие особенности назначения и исполнения, включая последствия уклонения от их отбывания, почти всех видов наказания, применяемых к несовершеннолетним: штрафа (п. 21), обязательных работ (п. 22, 24), исправительных работ (п. 23–24), ограничения свободы (п. 25), лишения свободы (п. 17, 26–28).

5. Разъяснена специфика применения к несовершеннолетним условного осуждения (п. 29).

6. Детально рассмотрены вопросы применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ (п. 31-38).

В новом постановлении разъяснены отдельные проблемы, служившие предметом многочисленных дискуссий.

Так, существенное значение для обеспечения правильного применения нормативных предписаний об обстоятельствах, смягчающих наказание, имеет разъяснение, данное в п. 18 постановления. В нём подчеркнута, что «при установлении факта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления взрослыми лицами для оценки этого обстоятельства в качестве смягчающего необходимо принимать во внимание характер принуждения» (п. 18).

В очередной раз обращается внимание на то, что при назначении наказания несовершеннолетнему за совершенное им преступление, за которое в качестве наказания закон предусматривает пожизненное лишение свободы, судам при наличии соответствующих оснований надлежит руководствоваться правилами ч. 1 ст. 62 УК РФ. При этом ограничения ч. 3 ст. 62 УК РФ не применяются (п. 19).

Пленум Верховного Суда, что заслуживает особого одобрения, указал на специфику назначения наказаний, связанных с привлечением к труду. Так, Пленум обратил внимание на то, что, поскольку дифференцированная ежедневная продолжительность отбывания обязательных работ относится к порядку его исполнения, указанный вопрос не подлежит отражению в приговоре (п. 22). К числу давно ожидаемых можно отнести и разъяснение Пленума о том, что «на лиц, осужденных к наказаниям в виде исправительных работ и обязательных работ, распространяются нормы Трудового кодекса РФ об особенностях регулирования труда работников в возрасте до 18 лет» (абз. 1 п. 24, см. также абз. 3 п. 23).

Обращено внимание судов на то, что наказание в виде ограничения свободы назначается несовершеннолетним *только* в качестве основного наказания, срок которого определяется с учетом положений ч. 5 ст. 88 УК РФ (п. 25).

Реагируя на правоприменительные ошибки, Пленум в постановлении обоснованно отметил, что «положения ч. 6.1 ст. 88 УК РФ о сокращении нижнего предела наказания, предусмотренного соответствующими статьями Особенной части

Уголовного кодекса Российской Федерации, относятся к наказанию за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления в виде лишения свободы и на иные виды наказания, в том числе на обязательные работы и на исправительные работы, не распространяются» (п. 28).

Конкретизируя принцип индивидуализации наказания и экономии репрессии при применении условного осуждения к несовершеннолетним, Пленум указал, что «продолжительность испытательного срока в отношении несовершеннолетнего осужденного определяется в минимальном размере, необходимом для достижения целей наказания» (абз. 4 п. 29).

В постановлении содержится немало других разъяснений норм действующего уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, которые окажут помощь не только судьям, но и прокурорам, адвокатам, следственным органам.

Вместе с тем ряд позиций и отдельных положений анализируемого постановления Пленума Верховного Суда, как представляется, нуждается в пояснениях.

Так, не нашел своего полного и логически выдержанного разрешения вопрос об аспектах применения к несовершеннолетним наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, включая прежде всего модифицированный вид этого наказания с увеличенной до 20 лет продолжительностью. Из смысла закона следует, что это наказание может применяться к несовершеннолетним в общем порядке, однако такой вывод противоречил бы политике государства, направленной на либерализацию уголовной ответственности и наказания несовершеннолетним.

В абз. 1 п. 21 указывается: «Минимальный размер штрафа, назначенного судом несовершеннолетнему, не может быть *меньше* одной тысячи рублей либо размера заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего за период менее двух недель независимо от наличия у него самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть наложено взыскание (ч. 2 ст. 88 УК РФ)».

Подобное разъяснение представляется излишним. Оно было бы логичным, если бы Пленум указал, что *даже* при наличии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть наложено взыскание, размер штрафа не может быть *больше (превышать)* пределов, установленных ч. 2 ст. 88 УК РФ. Указание же на недопустимость назначения штрафа в меньших пределах, нежели установлено названной нормой,

могло быть уместно лишь в соотношении с правилами, влекущими исключительное смягчение наказания (ст. 64 УК РФ).

В п. 22 вместо *отбывания* несовершеннолетними наказания в виде обязательных работ говорится об *исполнении* их обязательных работ несовершеннолетними лицами.

Подобные шероховатости встречаются на протяжении всего текста постановления.

Продолжена политика Пленума ВС РФ, направленная на создание на уровне постановлений новых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных предписаний (хотя ряд рекомендаций, как представляется, заслуживает поддержки и одобрения; во многих случаях представленный подход ранее предлагался и нами – но путём внесения изменений непосредственно в Уголовный кодекс РФ).

Так, абз. 1 и 2 п. 23 гласят: «Суд, назначая несовершеннолетнему наказание в виде исправительных работ, должен... учитывать, как назначенное наказание может повлиять на учебу несовершеннолетнего, его поведение в быту, семье... Назначение наказания в виде исправительных работ в соответствии с частью 4 статьи 88 УК РФ возможно и в отношении несовершеннолетнего, проходящего обучение в общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального профессионального, среднего профессионального образования, высшего профессионального образования, кроме тех случаев, когда его исполнение может реально препятствовать продолжению обучения, например при очной форме обучения».

Несмотря на принципиальное согласие с указанным подходом, следует отметить, что подобное регулирование должно быть осуществлено на законодательном уровне путем установления прямого запрета на применение исправительных работ к этой категории несовершеннолетних. К тому же в постановлении, по сути, императивный запрет не установлен.

В абз. 2 п. 17 отмечается: «Если несовершеннолетнему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, а санкция статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой он осужден, не предусматривает иного вида наказания, подлежит назначению другой, более мягкий вид наказания с учетом положений статьи 88 УК РФ. В этом случае ссылки на статью 64 УК РФ не требуется». По сути, эта рекомендация дублирует данную ранее в абз. 3 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назна-

чения и исполнения уголовного наказания» [4]. Правильное, по сути, разъяснение, конечно, восполняет очевидный пробел уголовного закона, но вряд ли допустимо Пленуму Верховного Суда вновь присваивать функции законодателя.

В абз. 2 п. 21 указывается: «Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с законных представителей, например с родителей, усыновителей с их согласия. Такое решение может быть принято и по их ходатайству после вступления приговора в законную силу в порядке, предусмотренном статьей 399 УПК РФ... С учетом обстоятельств, предусмотренных частью 3 статьи 46 УК РФ, штраф может быть назначен с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до трех лет либо с его отсрочкой на тот же срок по основаниям, предусмотренным статьей 398 УПК РФ».

Согласно же ч. 2 ст. 398 УПК отсрочка или рассрочка уплаты штрафа может быть применена лишь к самому осужденному. Законные представители и близкие родственники лишь вправе обратиться с подобным ходатайством (ч. 3 ст. 398 УПК).

Невыполнимая рекомендация содержится в абз. 4 п. 29 постановления: перечень обязанностей, возлагаемых судом на условно осужденного несовершеннолетнего, устанавливается с учетом задач его исправления и «не должен быть связан с ограничениями его прав, не предусмотренными законом». Установление любых запретов или обязанностей предполагает ограничение правового статуса осужденного, при этом перечень такого рода ограничений, предусмотренный уголовным законом, является открытым. По этой причине утрачивается логика и смысл интерпретации закона, предложенной в постановлении Пленума.

В целом же появление нового постановления Пленума Верховного Суда РФ следует приветствовать. Очевидно, что отдельные рекомендации Пленума Верховного Суда станут предметом дискуссий и потребуют дальнейшей исследовательской работы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // БВС РФ. 2011. № 2.
- [2] URL: <http://www.mvd.ru/stats/10000479/10000742/8586>.
- [3] Куликов В. Уголовно-воспитательный процесс // Российская газета. 2011. 8 февр.
- [4] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 1.

УДК 347

Е.И. Денисова

НОВЕЛЛЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются новые положения апелляционного производства в гражданском процессе.

Ключевые слова: объекты и субъекты обжалования, срок апелляционного обжалования, состав суда, подсудность.

Федеральный закон РФ от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в ГПК РФ» [1] внес в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) изменения, которые касаются порядка проверки судебных актов, как не вступивших, так и вступивших в законную силу. ФЗ РФ № 353-ФЗ в отношении регулирования деятельности проверочных судебных инстанций в судах общей юрисдикции вступает в законную силу с 1 января 2012 г., что дает возможность заинтересованным лицам не только изучить его положения, но и высказать свое мнение.

Глава 39 ГПК РФ в редакции нового закона называется «Производство в суде апелляционной инстанции». Если не касаться детального анализа отдельных норм гл. 39 ГПК РФ в новой редакции, то можно назвать те существенные изменения, которые произойдут в судах общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел в апелляционном производстве.

Первое, на что следует обратить внимание, это объекты обжалования. Согласно ст. 320 ГПК РФ объектом апелляционного обжалования будут решения и определения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу. При этом независимо от того, суд какого уровня рассмотрел гражданское дело, оно может быть проверено в суде апелляционной инстанции. Как видим, законодатель совершенно по-другому подошел к регулированию этого вопроса и предусмотрел апелляцию для судебных актов всех судов общей юрисдикции. По действующему процессуальному законодательству в апелляционной инстанции могут быть проверены лишь судебные акты мировых судей, а решения и определения федеральных судов подлежат проверке в кассационной инстанции.

По-новому закону станет шире круг субъектов обжалования. Правом апелляционного обжалования, как и сейчас, будут обладать стороны и другие лица, участвующие в деле. И хотя прокурор относится к лицам, участвующим в деле, в новой редакции ч. 2 ст. 320 ГПК прямо предусмотрено, что прокурор, участвующий в деле, вправе принести апелляционное представление. При этом законодатель в ч. 3 ст. 320 ГПК РФ указал еще одну группу субъектов, имеющих право апелляционного обжалования, которая достаточно долго этого добивалась. Это лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом. В апелляционном судопроизводстве это новое положение, которое следует только приветствовать.

Одной из значимых новелл в апелляционном производстве является срок апелляционного обжалования. Согласно ч. 2 ст. 321 ГПК РФ срок подачи апелляционной жалобы, представления увеличится в три раза.

Апелляционную жалобу, представление можно будет подать в течение месяца со дня принятия решения в окончательной форме, если иные сроки апелляционного обжалования не установлены ГПК. Именно такой сокращенный срок предусмотрен в ч. 3 ст. 261 ГПК РФ. Так, апелляционная жалоба на решение суда, частная жалоба на определение суда по делу о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ, вынесенные в период избирательной кампании, кампании референдума, могут быть поданы в течение пяти дней со дня принятия судом указанных судебных актов.

Увеличение общего срока подачи апелляционной жалобы, представления прокурора до одного месяца, безусловно, не может не радовать субъектов обжалования. До этого в процессуальной литературе неоднократно отмечалось, что разные сроки обжалования в апелляции по действующим ГПК РФ и АПК РФ вызывают некоторую неясность в подобном временном различии [2].

В новом законе срок подачи апелляционной жалобы, апелляционного представления в судах общей юрисдикции будет унифицирован с аналогичными сроками в арбитражных судах.

ФЗ РФ № 353-ФЗ предусмотрел новые положения в отношении подсудности по рассмотрению апелляционных жалоб и представлений по гражданским делам в судах общей юрисдикции. Если в настоящее время судом апелляционной инстанции является только районный суд, то с 1 января 2012 г. ситуация кардинально изменится. В качестве апелляционной инстанции будут выступать все федеральные суды, за исключением гарнизонных военных судов, которые являются основным звеном среди военных судов и рассматривают дела в первой инстанции. При определении общего правила подсудности нужно исходить из следующего. Судом апелляционной инстанции по гражданским делам почти всегда является вышестоящий суд по отношению к суду, разрешившему дело в первой инстанции. Из этого правила есть одно исключение. Оно касается проверки решений и определений Верховного Суда РФ, постановленных им в первой инстанции. В этом случае в качестве апелляционной инстанции выступает также Верховный Суд РФ, но дело рассматривает уже другое структурное подразделение Суда.

В РФ будет установлено четыре уровня апелляционных судов. Согласно ст. 320.1 ГПК РФ в качестве суда апелляционной инстанции выступают:

– районный суд в отношении решений и определений мирового судьи;

– верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, а именно судебная коллегия по гражданским делам, в отношении решений и определений районного суда;

– Судебная коллегия по гражданским делам и Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ в отношении решений и определений верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа;

– Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ в отношении решений и определений Верховного Суда РФ.

В отличие от гражданских судов военные суды будут иметь два уровня судов апелляционной инстанции. В качестве суда апелляционной инстанции в отношении судебных актов военных судов выступают:

– окружной (флотский) военный суд в отношении решений и определений гарнизонного военного суда;

– Военная коллегия Верховного Суда РФ в отношении решений и определений окружного (флотского) военного суда.

Следующий уровень будет общим с гражданскими судами. Это Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ в отношении решений и определений Военной коллегии Верховного Суда РФ.

В отношении состава суда апелляционной инстанции позиция законодателя следующая. Согласно ч. 4 ст. 7 и ч. 2 ст. 14 ГПК РФ гражданские дела в судах апелляционной инстанции будут рассматриваться коллегиально в составе судьи-председательствующего и двух судей. Правда, из этого правила есть одно, но очень досадное исключение. Оно касается проверки судебных актов мировых судей. Так, дела по жалобам на судебные постановления мировых судей, не вступившие в законную силу, с 1 января 2012 г. будут в апелляционном порядке рассматриваться судьями соответствующих районных судов единолично (ч. 3 ст. 7 ГПК РФ). Это же положение еще раз прописано в абз. 3 ч. 1 ст. 327 ГПК, согласно которой дела в судах апелляционной инстанции, за исключением районных судов, рассматриваются коллегиально. Таким образом, законодатель в зависимости от уровня суда – федеральный суд или суд субъекта РФ, устанавливает коллегиальный и единоличный состав при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции.

В итоге получается, что в составе суда апелляционной инстанции в отношении проверки актов мирового судьи никаких принципиальных изменений не произошло. Судьи районного суда как рассматривали апелляционные жалобы и представления единолично, так и в дальнейшем будут их единолично рассматривать. Судебные акты, не вступившие в законную силу, всех иных судов общей юрисдикции в настоящее время рассматриваются в суде кассационной инстанции коллегиально, и такой же коллегиальный состав предусмотрен для суда апелляционной инстанции, которая с 1 января 2012 г. придет на смену суда кассационной инстанции.

Первоначально отказ от коллегиальной формы апелляционного судопроизводства объяснялся невозможностью в районном суде обеспечить коллегиальный состав при рассмотрении дела в апелляционном порядке, так как к моменту введения апелляционной инстанции в судах общей юрисдикции определенный процент районных судов составляли одноставные суды. В процессуальной литературе неоднократно указывалось, что проверка судебного постановления, не вступившего в законную силу, должна осуществляться судом второй инстанции именно в коллегиальном составе, а не единолично судьей.

Так, например, М.В. Боровский отмечает, что наиболее принципиальные возражения связаны с рассмотрением гражданских и уголовных дел в апелляционном порядке единолично судьей районного суда [3]. По его мнению, отказ законодателя от коллегиального пересмотра решений мирового судьи, по существу, выхолащивает саму идею апелляции. Смысл апелляционного производства вовсе не в том, чтобы просто дать сторонам возможность «переиграть» весь процесс заново.

Главное здесь повышение, если так это можно сказать, уровня рассмотрения дела, пересмотр его более квалифицированными судьями [4]. Но вот этого как раз и не происходит. Если сравнить требования, предъявляемые законодательством к кандидатам в мировые судьи и в судьи районного суда, то они ничем не отличаются друг от друга. В этом плане положение, изложенное в ФЗ РФ № 353-ФЗ, о единоличном рассмотрении апелляционной жалобы судьей районного уровня, не вызывает одобрения.

Следует признать, что закрепление единоличного состава в районных судах и коллегиального – в областном и равном ему суде, а также в Верховном Суде РФ при рассмотрении апелляционных жалоб и представлений позволяет говорить о нарушении такого конституционного принципа правосудия, как равенство граждан перед законом и судом. В нашем случае такого равенства мы как раз и не наблюдаем.

Подводя итог, можно сказать, что новые положения апелляционного производства в гражданском процессе не всегда бесспорны и привлекут к себе внимание в самое ближайшее время.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Российская газета. 2010. 13 дек.
- [2] *Разинкова М. Н.* Всероссийская научно-практическая конференция «АПК и ГПК 2002 года: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения» // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 5. С. 37 (Выступление Г. А. Жилина); *Терехова Л. А.* Исправление судебных ошибок как компонент судебной защиты. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. С. 112–114.
- [3] Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М. : Проспект, 2003. С. 408.
- [4] Там же. С. 409.

**Рецензия на монографию
Е.Г. Малышевой «Русский
спортивный дискурс: лингво-
когнитивное исследование»
(Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та,
2011. 324 с.)**

Несмотря на то что в последнее время возрос интерес к изучению спортивного дискурса (что, возможно, отчасти связано с хорошей спортивной формой российских президентов, начиная с Б.Н. Ельцина, а возможно, с Олимпиадой-2014 в Сочи), этот тип дискурса сегодня остается малоизученным, тем более нет работ, посвященных его комплексному лингвокогнитивному анализу. Между тем именно спортивный дискурс оказывается одним из наиболее важных и репрезентативных типов институционального дискурса, имеющих как собственную специфику, так и универсальные черты, что весьма убедительно доказывает монография Елены Григорьевны Малышевой.

В плодотворном развитии отечественной лингвистики последних десятилетий важную роль играют исследования, в которых находит отражение многогранность индивидуальных и коллективных форм речевой деятельности в единстве определяющих ее экстралингвистических и собственно лингвистических факторов. Смещение фокуса внимания от «лингвистики языка» к «лингвистике дискурса» привело к заметной активизации лингвокогнитивного, лингвокультурологического и лингвоперсоналогического методов исследования и появлению множества работ, посвященных различным аспектам в рамках данной проблематики. Однако очевидно и то, что «количественный» рост неизбежно сопряжен со «значительной неупорядоченностью и фрагментарностью» (А.А. Кибрик) описания объекта.

С этой точки зрения рецензируемая монография, цель которой – комплексное лингвокогнитивное исследование русского спортивного дискурсивного пространства, является актуальным исследованием, которое отличают глубина, основательность и широта охвата языкового материала. Как представляется, востребованность в русистике таких фундаментальных работ, в которых теоретическая проблематика соотносится с практическими задачами лингвистического анали-

за конкретных текстов, с одной стороны, и проблематикой смежных гуманитарных наук – с другой, безусловно, велика. Именно такой подход предложен в монографии Е.Г. Малышевой: в ней затрагиваются не только собственно лингвистические проблемы, но и проблемы культурологии, социологии, психолингвистики, когнитологии, философии, что позволяет осмыслить феномен спортивного дискурсивного пространства в контексте современного гуманитарного знания.

В диссертации разработана и реализована такая методика исследования, которая успешно «сопрягает» различные методы и виды анализа. Основным методом является *концептуальный анализ*, который осуществляется путём синтеза когнитивного, лингвокультурологического и прагматистического подходов к концептуальным доминантам спортивного дискурса. Всё это позволяет автору объективировать представление о спортивном дискурсивном пространстве как системе разнотипных когнитивных структур, репрезентирующих базовые концепты, и представить их реализацию в языковой деятельности носителей этого типа дискурса. Такая методика исследования обнаруживает высокую степень продуктивности.

Каждый из выводов (как частного, так и общего характера) основывается на тщательном лингвистическом анализе фактического языкового материала, который вкупе с интенциями интерпретатора позволяет дать выпуклую и многогранную картину исследуемого объекта (см., например, рассуждения об универсальном характере идеологии «Спорт», объединяющей советскую и постсоветскую идеологическую картину мира и консолидирующей представителей разных политических направлений, с. 61–70).

Кроме того, масштабность рецензируемой работы определяется объемом и качественным разнообразием исследуемого материала: к анализу привлекаются тексты разных стилей и жанров, разных речевых форм – устной и письменной, различные по каналу передачи информации – телевидение, Интернет, печатные СМИ.

Заметим, что еще Р.О. Якобсон обращал внимание на то, что любой синхронный анализ неизбежно опирается на ряд последовательных диахронических описаний. В полном соответствии с этим тезисом в поле зрения диссертанта включен обширный языковой материал предшест-

вующего, советского периода, что позволяет обосновать выводы о специфике описываемого объекта и о константности/вариативности когнитивных признаков базового концепта 'Спорт'. Все сказанное позволяет сделать заключение о репрезентативности языкового материала, а также о верифицируемости основных положений и выводов автора.

В содержании монографии Е.Г. Малышевой условно можно выделить две части: обоснование модели комплексного лингвокогнитивного исследования дискурса и демонстрацию эвристического потенциала модели в конкретном описании русского спортивного дискурса.

Предлагаемая соискателем модель описания включает выявление доминантных концептов дискурса ('Спорт', 'Олимпиада 2014', 'Патриотизм', 'Победа'), разноаспектный анализ когнитивных структур (концептуальных метафорических и метонимических моделей типа 'Спорт – это война', 'Спорт – это смерть' и под.), посредством которых реализуются концептуальные доминанты; наконец, исследование специфики дискурсивных языковых личностей – субъектов институционального дискурса.

Хотелось бы особо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, методологическую «прозрачность» модели лингвокогнитивного исследования институционального дискурса и ее потенциальную применимость к описанию других типов институциональных дискурсов (например, медиационного, педагогического, военного). Во-вторых, то, что предлагаемая модель позволяет ввести в матрицу описания диахронический аспект, наряду с синхронным, – через характеристику константных (универсальных) и вариативных (периферийных) признаков базовых концептов и форм их вербализации.

Автор убедительно доказывает, что концепт 'Спорт', репрезентируемый в современном журналистском дискурсе, идеологизируется, превращаясь в одну из базовых идеологем современного политико-идеологического дискурса. Доказательство построено на основе анализа когнитивных стереотипов, которые зачастую носят мифологизированный характер. Весьма показательны выделенные исследователем этнокультурные когнитивные стереотипы, связанные со спортом: *Русские в спорте – максималисты; Русские часто побеждают не благодаря обстоятельствам, а вопреки им; Спортивные победы для русских почти тождественны военным; Русских в мире спорта боятся и*

не любят/ Для победы русскому спортсмену необходимо быть наголову выше всех остальных; Победы в «большом» спорте – это высшее проявление патриотизма и под.

Выдвижение концепта 'Спорт' в ряд базовых идеологем обусловлено тем, что в концептуальное поле спорта входят когнитивные признаки борьбы, соревнования, победы. На фоне отсутствия в постсоветской действительности коллективного, объединяющего народ чувства общенационального удовлетворения на фоне объективной потребности в победе ближе всего по смысловому наполнению оказался спорт. Вспомним, как провал российской сборной на Олимпиаде в Ванкувере осмыслялся журналистами как национальное поражение. Концепт 'Спорт' продуцирует смыслы, которые принимаются всей нацией.

Е.Г. Малышева совершенно справедливо указывает на преимущество данной идеологической единицы. Идеологические приращения анализируемый концепт имел и в советское время, поскольку в советской идеологической системе за спортивной сферой закрепились идея о гармонически развитой новой социалистической личности, которая наряду с духовностью должна обладать здоровьем, хорошими физическими навыками, являться гордостью страны в мировом масштабе. Советская идеологема 'Спорт' в современном контексте также оценивается как положительная. Российское общество в период кардинальной ломки политической системы, к сожалению, утратило многие достижения, которые объективно сформировались в период советской власти и были известны всему миру. Именно поэтому наши успехи в спорте так значимы не только в собственно спортивном, но и в идеологическом плане: они, с одной стороны, актуализируют преимущество советского и постсоветского общества, с другой – консолидируют современные политические и идеологические дискурсы представителей разных политических направлений.

В последней, четвертой, главе монографии автор обращается к характеристике дискурсивной языковой личности спортивного комментатора и предлагает коммуникативную типологию дискурсивных языковых личностей спортивных комментаторов, базирующуюся на таких критериях, как общие особенности дискурса, жанровые особенности, коммуникативная интенция, ведущие коммуникативные стратегии речевого поведения и прагматистические особенности речи

дискурсивной личности. Выделяется семь основных коммуникативных типов языковых личностей спортивных комментаторов: комментатор-«репортёр»; комментатор-«аналитик»; комментатор-«знарок»; комментатор-«ироник»; комментатор-«балагур»; комментатор-«болельщик»; комментатор-«актёр». И хотя «в чистом виде» тот или иной коммуникативный тип спортивного комментатора почти не встречается, Е.Г. Малышева убедительно показывает доминирование определённых признаков, например, в репортажах Виктора Гусева, Василия Уткина, Дмитрия Губерниева и других современных и советских комментаторов.

Автор диссертационной работы демонстрирует широту научных интересов, научную эрудицию и исследовательский дар. Работа, несомненно, имеет концептуальный характер и в то же время изобилует тонкими наблюдениями, глубокими интерпретациями языкового и речевого материала, точными и остроумными замечаниями. Масштабность и глубина исследования органично сочетаются с живостью и динамизмом изложения, авторской увлечённостью материалом: читая отдельные главы, иногда забываешь, что перед нами серьёзный научный труд – настолько интересным и захватывающим кажется и сам языковой материал, и его осмысление.

Замечу, что результаты исследования Е.Г. Малышевой с высокой степенью эффективности могут применяться прежде всего при обучении студентов факультетов журналистики, филологических и исторических факультетов и, конечно, при подготовке и переподготовке практикующих спортивных журналистов.

Завершая рецензию, хочу поздравить автора с недавно успешно защищённой в ученом совете Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского докторской диссертацией.

Н.А. Кузьмина

Мифы и заблуждения истории: современные подходы в исследованиях национализма*

Исследование значения и смысла слова «национализм», его происхождения и трактовки в современном мире является одной из актуальных задач не только тех, кто занимается изучением отдельно взятой нации или народа. Традиционное

представление о национализме, нации и его происхождении уже давно связывают с основоположниками школ трех крупных направлений в истории: примордиалистов [1], конструктивистов [2] и инструменталистов [3]. Отметим, что теоретические подходы к пониманию природы этноса (нации) также разнообразны. Наиболее глубокие исторические корни имеет примордиалистский подход, который зародился в XIX в. в Германии, а в середине XX в. оформился как специфическая этнологическая школа. Все теоретические построения сторонников этой школы исходят из представления об изначальности, извечности этнических аспектов социальной жизни. В 1970-х гг. прошлого века появляется инструменталистская школа, основывающаяся на парадигме социальных интересов и этнической мобилизации. В 1970–1980 гг. оформляется еще одна школа – конструктивизм. Основная отличительная черта – этносы и связанные с ними иные субстанции рассматриваются как идеальные модели, конструкции, которые создает политическая элита для достижения каких-либо целей. Конструктивистские подходы можно обнаружить в значительно более ранних работах. До недавнего времени в отечественной науке наиболее распространенным было направление примордиализма.

Само слово «национализм» происходит от французского *nationalisme* «национализм», в латинском переводе слово «*patio*» означает «рождение, происхождение, племя, народ». Французский термин слова «национализм» появился еще в 1798 г. Термин «национализм» впервые ввели в употребление в XIX в. немецкий философ Гердер и французский аббат Баррюэль [4]. Все сложившиеся к сегодняшнему дню концепции не расходятся лишь в одном: в происхождении и времени появления данного слова.

Само направление *nationalism studies* на российской научной почве так и не развилось. Мы лишь можем предполагать, как можно было бы внедрить это направление в исследования современных историков. Хотя сегодня вполне можно утверждать, что исследования *nationalism studies* очень гармонично сочетаются с исследованиями империи в рамках уже нашедшего проекта Новой имперской истории. Редакторы журнала *Ab Imperio* в 2010 г. выпустили в свет ан-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

тологию, посвященную как раз проблеме восприятия и понимания национализма в современных исследованиях. Данный сборник включает в себя тексты исследований национализма Роджера Брубейкера, Ханса Кона, Жерара Нуареля, Билла Ашкрофта и других исследователей, работающих в лингвистическо-когнитивном ключе [5, с. 9]. Основной целью создания сборника составители ставили попытку показать пересмотр традиционных и уже давно установившихся подходов постколониализма и националистических моделей. Как отмечают составители сборника, тексты, которые вошли в антологию, имеют принципиальное значение для направления новой имперской истории [6].

Новая имперская история как единое направление зародилась совсем недавно, в конце 1990-х гг. В России Новая имперская история наиболее полно проявила себя как раз в журнале «Ab Imperio». Изначальные концепты, от которых отталкиваются исследователи Новой имперской истории, являются «империя» и «нация», которые представляют собой идеальные типы, с помощью которых приемлемо изучать практики и дискурсы в самых различных имперских ситуациях [7]. В самом общем виде это не конкретное описание той или иной империи, а набор методик и общей методологии исследования империй. Исследователи российской новой имперской истории позиционируют свою работу как научный исследовательский проект, нежели как направление в дисциплине, так как в изучении имперских ситуаций участвуют не только историки, но и политологи, социологи, философы. Имперская история как методология возникла как реакция на невозможность – в силу некорректности – изучения национальных историй без учета общего пространства наций в едином постсоветском пространстве, а также без учета гетерогенности этого общества. Если рассматривать термины «империя» и «нация», то можно обнаружить, что они содержат в себе противоположные наполнения. Империя принципиально включает в себя гетерогенное мультикультурное и полиэтничное общество, в то время как нация – кардинально отличное – гомогенное пространство. Тем не менее при общем изучении империи и нации удастся обнаружить имперскую ситуацию даже в национальном обществе. В силу этого общая основа новой имперской истории предполагает способ описания исторической реальности как баланс между этими категориями.

Так, название антологии носит название ее второй статьи – «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма». Сам текст антологии разделен на две части: «Осмысление нации в социальных науках» и «Исследования империи в свете критической теории национализма». Сборник открывает статья Ханса Кона [8], современного влиятельного теоретика национализма, чьи взгляды были оспорены Роджером Брубейкером и Уилом Кимлика. Несмотря на пересмотр предложенной им модели, авторы сочли необходимым сделать его статью некоей отправной точкой в рассмотрении «мифов» национализма. Альтернативой выступили следующие три статьи Роджера Брубейкера: «Мифы и заблуждения в исследовании национализма» [9], «Именем нации: размышления о национализме и патриотизме» [10] и написанная в дуэте с Фредериком Купером статья «За пределами идентичности» [11]. Немного смущает именно то, что предпочтения авторов в данном случае ограничивались точкой зрения данного исследователя, который видит в терминологии «национализма» лишь познавательную функцию, а также критически рассматривает использование аналитического языка в исследованиях национализма.

Текст лингвиста Билла Ашкрофта [12] завершает первую часть антологии. В своей статье Ашкрофт рассматривает колониальную языковую практику с точки зрения ситуативности, отказываясь при этом от оппозиции «власть-подчинение».

Во вторую часть антологии авторы включили статьи Андреаса Каппелера, его рефлексию восемь лет спустя после выхода книги «Россия – многонациональная империя», статью Доминика Ливена, где автор отказывается от определения империи как «центр-периферия», и пытается найти новую исследовательскую модель «империи». Логическим продолжением стало введение к книге «Империи в мировой истории: власть и политика разнообразия» Джейн Бурбанк и Фредерика Купера, где авторы типологизируют империи через оппозицию нации, с одной стороны, и национального государства, города-государства, федерации, конфедерации и королевства – с другой. Джейн Бурбанк и Фредерик, по мнению авторов, фактически написали первый учебник по истории империи, который показывает, что современная историография изучения империи наиболее удачна не в исследованиях национализма, а в рамках исследований новой имперской истории. Авторы

антологии также включили речь президента Американской ассоциации содействия славянским исследованиям Марка Бейссингера, с которой он выступил на 39-м конгрессе 17 ноября 2007 г., а также свои собственные размышления относительно исследований империи в ключе критической теории национализма.

В целом антология является логическим продолжением работы *Ab Imperio*, подбор текстов был изначально продуман как логический сюжет по исследованию национализма. Думается, за исключением авторов антологии российскому читателю хотелось бы увидеть в содержании и имена российских исследователей, но таковых читатель не найдет. Цель, которой редакторы *Ab Imperio* придерживаются, – обмен западным опытом с российским научным сообществом, здесь преследуется тоже: несколько текстов были специально переведены на русский язык. Хотя во введении составители сборника обозначают, что цель антологии – попытка предложить «некую “верную” трактовку проблемы нации или реконструировать историю ее изучения за последние полтора столетия» [5, с. 8], тем не менее последовательность включенных текстов говорит сама за себя. По крайней мере, заявка в названии на альтернативу уже устоявшимся постулатам знания о национализме очевидна.

Дискурсы, предлагаемые журналом *Ab Imperio*, не всегда находят отражение в российском контексте, всё же можно надеяться, что выход этого сборника способствует вызову некоего резонанса в российских исследовательских кругах, даже если это будут очень узкие круги. Способность рефлексировать и актуализировать предлагаемые проектом подходы в России еще не приобрели должного размаха.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Примордиалистский подход к этничности мы встречаем в работах П. ван ден Берге, Э. Смита, Ю. Бромлея, Л. Гумилева, К. Гирца, отчасти у Ф. Барта, в последних работах – у Д. Мойнихана.
- [2] Конструктивистский подход представляют работы Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и других.
- [3] Инструменталистский подход – А. Коэн, А. Эпштейн, Н. Глайзер, М. Бэнкс, Д. Хоровитц, Э. Смит, М. Бэнтон, М. Фишер, А. Коэн, К. Янг.
- [4] *Barruel A. Les Memoires pour servir a l'histoire de Jaacobinisme. Paris, 1797.*
- [5] Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М. : Новое издательство, 2010.
- [6] Там же. С. 9.

- [7] Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Новое литературное обозрение. 2007. № 58.
- [8] *Kohn H. The Idea of Nationalism. N. Y., 1994. P. 3–24, 329–334.* В данной антологии опубликована первая глава и первая часть седьмой главы.
- [9] *Brubaker R. Myths and Misconceptions in The Study of Nationalism // The State of Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / Ed. By J. Hall. Cambridge, UK, 1998. P. 278–306.*
- [10] *Brubaker R. In the Name of the Nation: Reflection on Nationalism and Patriotism // Citizen studies. Vol. 8 (2008). № 2. P. 115–127.*
- [11] *Theory and Society. 2000. № 29.*
- [12] *Ashcroft B. Post-colonial Transormation. London: Routledge, 2001. P. 56–81.*

А. Кикимбаева

Международная научная конференция «Достоевский в смене эпох и поколений»

13–15 октября 2011 г. в Омске прошла Международная научная конференция «Достоевский в смене эпох и поколений». Конференции, посвященные творчеству Ф.М. Достоевского, не новость для Омска. В городе дважды проходили всероссийские конференции (1991, 1996 гг.); к юбилейным датам (2001, 2006 гг.) Центр Достоевского проводил региональные конференции «Ф.М. Достоевский и “душа Омска”». Однако впервые научный форум был столь масштабным и всеохватным по тематике. Организаторами конференции выступили Правительство Омской области, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омский государственный педагогический университет, а также Омский государственный литературный музей им. Ф.М. Достоевского и Омская государственная областная научная библиотека им. А.С. Пушкина. Возглавили оргкомитет конференции ректор ОмГУ им. Ф.М. Достоевского профессор В.И. Струнин и министр культуры Омской области В.А. Телевной. Их эмоциональными приветствиями открылось первое пленарное заседание. Значительность события была отмечена в видеообращении к участникам конференции президента Международного общества Достоевского профессора Д. Мартинсен (США). В ходе подготовки конференции огромную работу проделали преподаватели и студенты факультета филологии и медиакоммуникаций ОмГУ во главе с деканом профессором О.С. Иссерс и заместителем декана доцен-

том С.А. Демченковым. Огромное им спасибо от всех участников конференции.

Всего, вместе с докладами в стендовой форме, на конференцию было заявлено около 90 докладов более чем из двадцати городов России, Болгарии, Казахстана, Украины. Выступили 60 докладчиков (8 на пленарных заседаниях, 52 на секционных). Заседания секций проходили в учебных корпусах ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, в ОГОНБ им. А.С. Пушкина и в литературном музее. В рамках конференции была осуществлена разнообразная культурная программа.

Так как Омский региональный научно-исследовательский Центр изучения творчества Ф.М. Достоевского при ОмГУ инициировал половину всех выступлений на конференции, хотелось бы подробнее остановиться на научном качестве представленных исследований.

Высокий научный уровень докладов, в том числе дебютных выступлений молодых ученых, отмечался практически всеми участниками и руководителями секций. Радовало разнообразие тем и актуальность проблем, обсуждаемых на конференции. Большая часть заявленных работ, несомненно, имеет богатую перспективу и очевидную для нашего региона значимость.

Наиболее ярким докладом первого дня стало блестящее по проблематике и методологии (хотя, возможно, внешне не слишком эффективное – Е.А.) выступление известного достоевковеда профессора В.А. Викторovichа (Коломна) на тему «Богооставленность человека в мире Достоевского». Перед слушателями неспешно, зримо разворачивался путь мышления ученого, убедительно аргументированный анализ произведений Достоевского. По-настоящему современной чертой этого доклада была редкая сбалансированность литературоведческого и религиозно-философского начал. Как всегда, интересным и неожиданным был доклад достоевковеда из Софии Э. Димитрова, профессора Института литературы Болгарской АН. Тема его доклада – «Онтопоэтика Достоевского». Ряд острых и спорных для специалистов выводов прозвучал в выступлении профессора Российского православного университета (Москва) И.А. Есаулова на тему «Творчество Достоевского и культурно-бессознательное России».

Завершилось пленарное заседание выступлением директора Омского регионального центра изучения творчества Достоевского при ОмГУ им. Ф.М. Достоевского профессора Е.А. Акелькиной (Омск).

В ее докладе «Ф.М. Достоевский: основные тенденции и актуальные аспекты изучения наследия писателя в 2000-х годах» был дан обзор наиболее значимых работ уральских и сибирских достоевковедов, а также тенденций, особенно актуальных для омских ученых в соответствии с их исследовательской программой. В конце выступления гости получили краткую информацию о деятельности Центра.

Заседание секции № 1 «Ф.М. Достоевский в религиозной и философской мысли» умело и интересно вел гость из Пушкинского дома профессор В.А. Котельников (Санкт-Петербург). Было заслушано 11 выступлений. Наибольший интерес вызвали доклады «Ф.М. Достоевский – журналист» (Н.Н. Мисюров, Омск), «Ф.М. Достоевский в публицистике И.С. Аксакова» (А.А. Тесля, Хабаровск), «Традиция Достоевского в современной житийной прозе» (О.В. Винская, Омск), а также выступление самого руководителя секции В.А. Котельникова с докладом «Истина у Достоевского и у М. Хайдеггера». К выступающим этой секции добавились два лингвистических доклада из секции № 5 «Язык прозы Ф.М. Достоевского». Теологов же среди докладчиков первой секции практически не было, так что рецепция творчества Достоевского в религиозной мысли почти не освещалась. Отсюда впечатление некоторой «хаотичности» проблемного поля этого заседания.

Разнообразно и результативно были представлены темы секции № 2 «Ф.М. Достоевский и его наследие в мировой и отечественной культуре». На этой секции под председательством омского профессора Е.В. Киричук было прочитано 11 докладов. Слушателям запомнился эмоциональный и содержательный доклад доцента В.М. Физикова «Трагедия князя Мышкина в судьбе и творчестве современного мыслителя и поэта О. Чертова» (Омск). Были отмечены также доклады «Ф.М. Достоевский в осмыслении Л. Мартынова» (И.П. Подгорная, Омск), «Сочинения Достоевского как источники сведений о денежной культуре XIX века» (О.А. Милищенко, Омск). Необычайно актуален для нашего региона прекрасный доклад А.М. Лосунова «Три омских священника в судьбе Достоевского». Доклад профессора Е.В. Киричук «"Над страницами" Ф.М. Достоевского...» был посвящен анализу высказываний Т. Манна, Г. Гессе, А. Камю о писателе. Радует удачный дебют двух молодых ученых из ОмГУ – Ю.В. Петровой, выступившей с докладом «Биографии Достоев-

ского XIX века», и С.А. Шламотовой «Л. Шестов о Ф.М. Достоевском».

Секция № 3 «Достоевский в искусстве» (руководитель – доцент Л.В. Чуйко) проходила в литературном музее им. Ф.М. Достоевского, в зале, где неповторимое творческое настроение создавали работы омских художников на тему «Достоевский в Сибири». Поэтому доклад научного сотрудника музея О.А. Решетниковой, который, по сути, представлял собой экскурсию по залу, хотя и несколько превысил регламент, но оказался очень созвучным атмосфере заседания. Наиболее концептуальными, отражающими два кардинальных направления работы секции, стали доклады зам. директора музея Л.П. Малахевич и выступление доцента ОмГУ И.Б. Гладковой. В первом ставился вопрос о праве режиссеров, авторов современных инсценизаций и экранизаций произведений Достоевского, на сотворчество с великим писателем. Во втором докладе – «Омские литераторы о Ф.М. Достоевском» – обозначено влияние писателя и самого факта его пребывания на омской земле на формирование и специфику омской литературной традиции (по принципу «гений места»). Именно в русле этих проблем – точность и вместе с тем свобода интерпретации произведений Достоевского, а также влияние фигуры писателя на творчество омской интеллигенции – развивались выступления и обсуждения докладов. «Достоевский и живопись» – этот аспект темы звучал в выступлениях Л.В. Чуйко (Омск), А.А. Медведева (Тюмень), А.Е. Чернявской (Омск); «Достоевский в кинематографе и музыке» – в выступлениях Е.Э. Комаровой (Омск), Е.П. Барановской (Омск) и С.Г. Войткевич (Красноярск). Кстати, доклад С.Г. Войткевич явился результатом многолетней работы группы красноярских авторов над учебным пособием на тему «Творчество Гоголя и Достоевского в музыкальных произведениях». Выступление старшего научного сотрудника музея им. Ф.М. Достоевского из г. Новокузнецка В.С. Пилипенко не только освещало диалог современного театра, а точнее уличного и музейного театров, с творчеством Ф.М. Достоевского, но и доказывало значимость творчества Федора Михайловича для современного читателя-слушателя, живучесть идей и героев его романов в практически фольклорной среде уличного театра.

Блестящие, яркие выступления «Балет Б. Эйфмана «Братья Карамазовы» (доцент Е.Э. Комарова, Омск), «Св. Цецилия в творчестве Достоевского» (доцент А.А. Медве-

дев, Тюмень), «М.В. Добужинский – иллюстратор Достоевского» (доцент Л.В. Чуйко, Омск), «Г. Малер и Достоевский» (кандидат филологических наук Е.П. Барановская, Омск) стали своеобразным открытием. Достоинно представили свои музейные коллекции сотрудники литературных музеев О.А. Решетникова (Омск) и В.С. Пилипенко (Новокузнецк).

Секцией № 4 «Поэтика прозы Достоевского» руководили профессора Е.А. Акелькина и В.А. Викторovich. Открылась работа секции интересным по методологии докладом доцента ОмГУ Н.В. Проданник «Метафизический сюжет романа Достоевского “Идиот”». Сибирским повестям Достоевского были посвящены выступления профессора ОмГПУ М.С. Штерн и недавней выпускницы ОмГПУ, молодого преподавателя Кокшетауского университета Н.А. Анищенко (это был успешный и многообещающий дебют). Физик, профессор ОмГУ К.Н. Югай убедительно и интересно рассмотрел уникальность этической проблематики писателя в докладе «Одиноким Достоевский. Опыт создания этического героя из будущего». Омская писательница Г.Б. Кудрявская не банально рассказала о роли Достоевского в ее читательском и творческом опыте. Докладом, вызвавшим бурное обсуждение, стал доклад булгаковед из Томска Т.С. Фроловой «Возвращение Фауста: рецепция идей Достоевского в романе Булгакова “Мастер и Маргарита”». Три доклада из девяти были посвящены «Дневнику писателя»: «О философском слове» (профессор Е.А. Акелькина, Омск), «Традиции малых повествовательных жанров в “Дневнике писателя”» (докторант Э.И. Коптева, Омск); «Преодоление инерции жанрового мышления в “Дневнике писателя”» (докторант А.Н. Кошечко, Томск). При обсуждении докладов было сделано предложение провести научный семинар или даже конференцию, посвященную «Дневнику писателя».

Удачным, плодотворным оказался состоявшийся 15 октября научно-методический семинар для учителей, на котором выступили участники конференции профессора В.А. Котельников и В.А. Викторovich. Семинар прекрасно подготовила доцент А.В. Ляпина.

В тот же день работу конференции завершило пленарное заседание. В нем приняли участие: профессор-лингвист А.Н. Баранов (Москва), посвятивший доклад языку произведений Ф.М. Достоевского; доктор философии Е.А. Вертлиб (Пуансе, Франция), выступивший на тему «Этический императив Достоевского»;

профессор В.А. Котельников (Санкт-Петербург) с интереснейшим докладом «Достоевский в религиозно-философской рефлексии М.М. Тареева». Все докладчики порадовали слушателей новыми и глубокими подходами.

При подготовке следующих конференций нам следует учесть некоторые организационные промахи. Оптимально планировать на секционное заседание не более восьми докладов: должно оставаться время для их обсуждения. Хорошо было бы проводить секции в разное время. К сожалению, два ведущих достоевскооведа – В.А. Викторovich и В.А. Котельников – из-за чтения лекций для студентов и учителей мало общались с молодыми учеными-коллегами, а ведь профессиональное общение – главная задача любой конференции. Время научного общения омских ученых с иногородними коллегами сократили культурно-просветительские мероприятия. Жаль, что при большой насыщенности программы этими мероприятиями гости не увидели «места Достоевского» в Омске и слишком бегло познакомились с фондами музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. К сожалению, по разным причинам в Омск не смогли приехать маститые столичные достоевскооведа (И.А. Волгин, Б.Н. Тихомиров, В.Н. Захаров, Б.Н. Тарасов, А.И. Сараскина) и многие другие докладчики, преимущественно литературоведы и искусствоведы.

В целом же конференция прошла на высоком научном уровне. Хотелось бы надеяться, что юбилейные конференции по творчеству Достоевскому станут постоянным явлением в университете, носящем имя великого писателя, а тематика исследований омских ученых будет отвечать основным направлениям научных проектов университетского Центра Достоевского. Все участники конференции надеются на скорейшую публикацию материалов. Желательно, чтобы такие сборники по итогам конференции стали периодическими.

Е.А. Акелькина

Достоевский в современной образовательной парадигме (заметки о семинаре)

Факультет филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского давно и успешно сотрудничает со многими образовательными структурами региона. Доброй традицией стала организация и проведение на факультете научно-методичес-

ких семинаров для педагогов средних учебных заведений. Вся деятельность преподавателей факультета направлена на пропаганду филологических знаний, на повышение статуса и престижа профессии учителя. 15 октября 2011 г. в рамках Международной конференции «Достоевский в смене эпох и поколений» прошел семинар «Достоевский в современной образовательной парадигме», в работе которого приняло участие 56 учителей из районов города Омска (№ 37, 19, 115, 117, 54, 140, 48, 32, 123, 119, 145) и области (Калачинский, Большереченский, Черлакский, Одесский, Павлоградский р-ны).

Семинар открылся выступлением ведущих ученых из Санкт-Петербурга и Москвы. Главный научный сотрудник Института русской литературы РАН В.А. Котельников (Санкт-Петербург) рассмотрел проблему «вечно женственного» в творчестве А.И. Гончарова. Вице-президент российского отделения Международного общества Ф.М. Достоевского В.А. Викторovich (Москва, Коломна) акцентировал внимание слушателей на «детском» периоде жизни писателя, на причинах его неоднозначного отношения к имени своих родителей – Даровому.

В диалоге о Достоевском приняли участие преподаватели кафедры русской и зарубежной литературы ОмГУ, школьные учителя, руководители методических объединений. В.В. Соломонова, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы ОмГУ, рассмотрела отношение В.Г. Белинского к раннему творчеству Достоевского. А.В. Ляпина, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, проанализировала статьи «Дневника писателя», в которых Достоевский осмысляет причины возникновения «случайных семейств», раскрывает содержание этого понятия и предлагает пути преодоления раздробленности, жестокости, эгоизма и равнодушия.

Неподдельный интерес слушателей вызвали выступления учителей-практиков (Н.А. Сулим, М.Н. Злыгостевой, А.А. Айзенберг), в которых предлагались конкретные методические разработки уроков и внеучебных мероприятий. Рассматривались вопросы отношения к произведениям писателя как современных школьников-читателей (И.Ю. Давыдова), так и пользователей Интернет-ресурсами (И.Н. Макарова).

Разговор о Достоевском получился продуманным и конструктивным. Все доклады показали слушателям интересными и содержательными, в том числе по причине актуальности самой проблемы,

заявленной организатором семинара доцентом А.В. Ляпиной. Участники семинара, подводя итоги, пришли к выводу, что только объединив знания всего педагогического сообщества – преподавателей высшей и средней школы, – мы сможем помочь ученику выстроить свое представление о писателе, не игнорируя ценнейший нравственный, исторический и культурный опыт своих предшественников. Слушатели выразили благодарность руководству факультета, организаторам и всем выступающим и высказали предложение об установлении более тесных научных контактов с педагогами высшей школы.

А.В. Ляпина

Исследования и научные трактовки в современной этнологии

IX конгресс этнографов и антропологов России работал на этот раз 4–8 июля 2011 г. в Петрозаводске – столице Карелии. По традиции он проводится раз в два года в разных городах России, и вспомним, что в 2003 г. он проходил в Сибири в Омске. Участников петрозаводского конгресса приветствовал (и не просто приветствовал, а очень эмоционально выступил с большой речью о духовных ценностях России и их значимой роли в жизни россиян) Глава Республики Карелия А. В. Нелидов. На пленарном заседании с заглавным докладом «Культурное наследие и гуманитарные технологии» выступил выпускник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а ныне член-корреспондент РАН А.В. Головнев (Екатеринбург).

Большой интерес вызвал и доклад директора Российского института культурологии (РИК) (он курирует работу находящегося в Омске Сибирского филиала РИК), известного во всем научном мире искусствоведа и культуролога профессора К. Э. Разлогова «Культурологические аспекты множественности идентичности».

Были заслушаны также доклады А.А. Манина (Петрозаводск) «Современное этнокультурное развитие народов Карелии», Сеппо Лаллука (Хельсинки) «Предпосылки формирования национального самосознания финно-угорских народов в XIX – начале XX в.», Ян Шэнминь (Пекин) «Процесс развития китайской этнологии и ее особенности», Д. Радойнчич (Белград) «Социокультурная сцена Черногории в контексте русских переселений», В.И. Хартановича, И.Г. Широкова (Санкт-Петербург) и Т.А. Пантелеевой (Вологда) «К

проблеме формирования антропологического состава населения северо-запада России (по антропологическим материалам из позднесредневековой Вологды)».

Всего в конгрессе приняли участие более 550 ученых из 59 городов России и из 20 стран ближнего и дальнего зарубежья. Прошла работа 50 секций и круглых столов. Омские этнографы руководили работой нескольких секций – директор Омского филиала Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН и РИК, заведующий кафедрой этнографии музееведения ОмГУ Н. А. Томилов был руководителем секции по историографии этнологической науки, заведующая кафедрой музеологии, экскурсоведения и туризма ОмГУ доцент Г.М. Патрушева была соручководителем (совместно с Санкт-Петербуржцами А.А. Новиком и О.М. Фишман) секции по этнокультурному наследию в музеях России, ученый секретарь Омского филиала ИАЭТ СО РАН и доцент кафедры этнографии и музееведения ОмГУ С.Н. Корусенко вместе с профессором Т.К. Щегловой (Барнаул) возглавляла секцию по устной истории.

Названный выше выпускник ОмГУ А.В. Головнев руководил работой секций «Антропология движения». Выпускница ОмГУ, а ныне ученый секретарь Сибирского филиала РИК Т. Н. Золотова возглавляла совместно с петрозаводчанкой И.Ю. Винокуровой секцию по праздничной культуре, старший научный сотрудник Омского филиала ИАЭТ, доцент кафедры музеологии, экскурсоведения и туризма ОмГУ М.А. Жигунова и москвич профессор М.Н. Губогло – секцию по культурному наследию и современной идентичности, профессор кафедры этнографии и музееведения ОмГУ, заведующая сектором культурной политики Сибирского филиала РИК Т.Б. Смирнова совместно с профессором из Москвы С.В. Соколовским – секцию «Коренные» и «пришлые»: связь с землей и идентичность». Работавшая в 1970-е гг. в ОмГУ, а ныне старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Н.И. Новикова (Москва) руководила работой секции по институту правосудия у народов России и других стран.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны доклады президента Ассоциации этнографов и антропологов России профессора И.И. Муллонен (Петрозаводск) об исторических топонимах в этнокультурном наследии Карелии и директора Института этнологии и антропологии РАН академика В. А. Тишкова

«Антропология и этнология в высшей школе».

Ниже сообщаем о работе тех секций, которыми руководили омские ученые. На секции «Историография отечественной и зарубежной этнологической науки» было представлено 17 докладов. Ее участники заслушали доклады А.А. Никишенкова (Москва) «Основные подходы в изучении истории этнологии», Бланки Соукуповой (Прага, Чехия) «Чешская антропология в поисках новых подходов (антропология после бархатной революции)», А.Ю. Котылева (Сыктывкар) «Этнологическая концепция жития Стефана Пермского», А.Е. Загребина (Ижевск) «Этнографическое финно-угроведение в России: история, теория, практика», Н.А. Томилова (Омск) «Народная культура горожан Сибири в исследованиях российских ученых второй половины XX – начала XXI века», И.А. Карапетовой (Санкт-Петербург) «А.К. Костиков – исследователь культуры гыданских ненцев», Л. Т. Соловьевой (Москва) «Этнографические материалы в научном наследии академика С.Н. Джанашиа», Т.Б. Уваровой (Москва) «Информационный фактор в современных трансформациях российской этнологии».

В работе секции «Устная история как источник и метод этнографических исследований» приняли участие свыше 20 человек. Всего было заслушано 11 докладов.

В докладе А.В. Голубева (Петрозаводск) была рассмотрена историческая реальность и мифы, которые связаны с оккупационным режимом, установленным Финляндией в годы Великой Отечественной войны в Карелии. Собранные среди татар Западной Сибири рассказы о Кучуме и Ермаке были проанализированы С.Н. Корусенко (Омск). В докладе С.Е. Никитиной (Москва) была проанализирована устная культура старообрядцев, духоборцев и молокан, которая включает тексты, посвященные основаниям поселений, многочисленным миграциям и гонениям, деяниям своих лидеров, и является основным объединительным и отличительным от других групп признаком. Анализ фольклорного материала – мордовским калядным песням в Сибири был посвящен доклад П. С. Шахова (Новосибирск). Он не просто проанализировал содержание песен и классифицировал их, но также систематизировал информацию о бытовании этих песен, отношении к ним информаторов.

Спорным и дискуссионным стал доклад Д.В. Воробьева (Москва), в котором его автор сравнил рассказы индейцев о диких оленях (карибу), отраженные в автобио-

графиях начала XX в., и современные рассказы эвенков об оленях, с которыми автор прожил некоторое время. В докладе Абилова Игбал Шахина оглы (Минск, Беларусь) были проанализированы устные фольклорные сюжеты, бытующие среди тальшского народа, история которого оказалась трагичной в связи с их расселением на территории разных стран.

Само понятие «устная история» не ограничивается сбором материала в этнографическом или любом другом поле методом опроса. Устноисторический материал предоставляют нам не только полевые записи, но и архивы, что наглядно было продемонстрировано в докладах С.С. Даутовой (Алматы, Казахстан) «История "великого переселения уйгуров (1881–1883 гг.) в песнях "усекских таранчей" (по материалам Н.Н. Пантусова)», А.П. Липатовой (Ульяновск) «Архивные дела о якобы явившихся иконах как источник этнографических исследований» и Т.И. Трошиной (Архангельск) «Информационные возможности источников, хранящихся в "партийных архивах", для изучения социокультурной истории переломной эпохи». Новый вид устноисторических источников – Интернет-сообщества социальных сетей, рассмотрен М.Л. Бережновой (Омск). В заключение работы секции выступила Т.К. Щеглова (Барнаул) с докладом «Этнография и устная история: перспективы взаимодействия», в котором представлен авторский взгляд на устную историю в России и поставлена наиболее значимая для этого направления в нашей стране проблема – методы сбора и хранения собранной информации. Самой главной рекомендацией для проведения исследований в рамках устной истории стало правильное оформление материалов, создание их коллекции для дальнейшей передачи в архивы.

В рамках Конгресса прошла работа секции «Коренные и пришлые: связь с землей и идентичность». В ее работе приняли участие 45 человек. На секции было представлено 15 докладов, в которых рассматривались различные аспекты становления статуса индигенности/аборигенности у различных групп населения и среди представителей разных этнических и региональных сообществ. В частности, были рассмотрены такие аспекты динамики идентичности коренного и пришлого населения в связи с отношениями к земле и территории, как сакрализация ландшафта и мифологизация его характеристик – в докладе Д.В. Арзютова (Санкт-Петербург), сакрализация земли и отношения

родства – в докладе С.П. Тюттенева (Москва). Такие вопросы, как приватизация земли и локальные традиции отношения к земле, топография памяти в связи с понятием родины, были затронуты в докладе Е.И. Лариной (Москва), а историческое закрепление земель и налоговые льготы в связи со статусом переселенцев – в докладе С.Н. Корусенко (Омск).

В.И. Колесов (Краснодар) посвятил свое выступление горским народам Кавказа и категориям «пришлые» и «иногородние». Самоназвания у переселенцев и проблемы идентичности в связи с процессом коренизации и включения в локальные сообщества были проанализированы в докладе Т.А. Гончаровой (Томск), региональная идентичность как проявление связи с территорией и как историческая память – в докладе А.А. Гриценко (Москва). М.П. Крыловым (Москва) были предложены такие категории, как «местные по убеждению» и «местные по рождению», как ядро населения территории. Понятия «чужбина» и «родина» на примере понтийских греков были рассмотрены в докладе Э. Харатсидиса (Греция). Дрейфу идентичности в городском пространстве и становлению местного самосознания на примере Зарядья был посвящен доклад П.С. Куприянова (Москва). Конфессиональные и светские аспекты идентификации добровольных и принудительных мигрантов были освещены в докладе И.В. Нам (Томск), процессы укоренения новых переселенческих групп – в докладе А.В. Черных (Пермь), переселенческие программы и правовой статус переселенцев в докладе Т.Б. Смирновой (Омск).

Самой многочисленной секцией конгресса, в работе которой приняли участие более 100 человек из 20 городов Венгрии, Казахстана, Китая, России, Туркмении, Украины, Финляндии, Чехии, Швеции, Японии, оказалась секция «Культурное наследие и современные идентичности». Заметно вырос удельный вес проблематики идентичности, связанной с культурным наследием народов. Одним из позитивных итогов недавней политизации идентичности явилось, как прозвучало в ряде докладов, смещение общественного интереса, а вместе с тем и общественных факторов к ментифактам, от так называемых «осязаемых» к «неосязаемым» фактам и факторам (доклады М.А. Жигуновой (Омск), Г.И. Макаровой (Казань), Е.Э. Носенко-Штейн (Москва), П. Суутари (Финляндия), И. Сампиева (Назрань), Л.П. Грот (Швеция)). В изучении форм групповой идентичности выявлен растущий интерес

к ретроисследованиям популярной в досоветские и советские времена проблематике, связанной с происхождением и этнической историей народов (доклады Н.А. Дубовой и М.Н. Губогло (Москва), Д.М. Исхакова (Казань), ролью личности в формировании и сохранении культурного наследия и достояния народов).

Особый интерес вызвали свежие идеи, аргументированно обоснованные на конкретном материале о динамичном характере идентичности (it constantly changes – С. Сасаки (Япония)), о тенденции превращения топонима «сибиряк» в этноним (М.А. Жигунова (Омск)), о маргинальном характере молодежной идентичности в полосе этнически смешанных территорий (Р.А. Григорьева (Москва)). Участники секции отметили необходимость этнологического образования в современной России, разработки и издания учебников по этнологии.

На секцию «Праздничная культура в разнообразии научных источников, методов и подходов» было заявлено 36 докладов. Ее работа получилась интересной за счет комплексного рассмотрения праздничной культуры учеными различных областей гуманитарного знания – этнографами, историками, фольклористами, музееведами, лингвистами, культурологами и даже географами. Всего в работе секции приняли участие около 30 человек и было заслушано 17 докладов. Открыли заседание доклады, посвященные анализу современных методов и источников по исследованию традиционной и современной праздничной культуры, функционирующей на протяжении конца XIX – начала XXI в. у населения России. Так, в докладе Т.Н. Золотовой (Омск) были рассмотрены особенности сбора этнографических материалов в современных условиях города и села, охарактеризованы носители информации и методика работы с ними. В докладе были также представлены новые виды источников для исследования современной праздничной обрядности – отчеты отделов культуры и образования, сценарии праздников и отчеты об их проведении студентами факультетов культуры различных вузов, данные средств массовой информации (периодических изданий, радио, телевидения, Интернета).

Доклад А.Ю. Жукова (Петрозаводск) продолжил начатую источниковедческую тему и представил широкие исследовательские возможности для историков в области изучения писцовых книг XV – первой половины XVIII вв. В докладе

А.М. Петрова (Петрозаводск) прозвучал анализ такого источника, как духовные стихи. Необычным и методологически востребованным оказался доклад географа Г.Н. Параниной (Петрозаводск), в котором на обширном и прекрасно проиллюстрированном фактическом материале была показана основополагающая роль солярной пространственно-временной ориентации в формировании календарных знаний, верований и культов в разные исторические эпохи. Лингвистом Е.А. Поповой (Воронеж) были проанализированы лексемы и фразеологические конструкции тематической группы «свадьба». Доклады петрозаводских этнографов – К.К. Логинова об основных компонентах святочной обрядности, А.П. Конки о календарных жертвоприношениях животных, И.Ю. Винокуровой о Петровом дне вепсов – были посвящены реконструкции традиционных календарных праздников народов Карелии, поискам аналогий у народов соседних регионов и выявлению семантики обрядов. Оживленный интерес вызвали выступления, посвященные новым (по отношению к традиционным), советским праздникам. В докладах петрозаводчан Е.Ю. Дубровской, Е.В. Диановой, С.Н. Филимончик была затронута важнейшая проблема начала социалистической эпохи России – соответствия праздничной культуры «духу времени».

Большой блок докладов был посвящен рассмотрению современного состояния праздничных традиций у народов северных областей Европейской России. Это доклады Н.А. Белкиной (Кугановолок) и А.С. Лызловой (Петрозаводск) о празднике уборки урожая («отжинахе») в Водлозерье в прошлом и настоящем, В.П. Мироновой (Петрозаводск) – о сохранении традиционных элементов в праздничном календаре современной карельской деревни, Е.М. Четиной (Пермь) – о редукции ритуальной составляющей в праздниках Прикамья и превращении реконструированных праздников из «переживаемого события» в демонстрируемое фольклорными ансамблями «зрелище» вследствие отсутствия коллективных обрядовых метамеханизмов. Интересные, хорошо иллюстрированные доклады по проблемам современного праздничного календаря Литвы и Германии были представлены Йонасом Мардосой (Вильнюс) – о современном ареале изготовления вильнюсских верб и Ю.В. Ивановой-Бучатской (Санкт-Петербург) – о формировании локальной идентичности в процессе полувекового празднования бамбергской «Зандкервы». За-

вершил работу секции доклад М.С. Антоновой (Санкт-Петербург) о роли празднично-обрядовых традиций бурятского этноса как социокультурного института коммуникации в современном городском пространстве.

Затем были проведены итоги работы конгресса. Решено следующий юбилейный (10-й) конгресс провести в Москве. И далее состоялось обновление состава Президиума Ассоциации этнографов и антропологов России. От Омска в него вошла Т.Б. Смирнова. В целом участники конгресса констатировали возросшее значение в России этнологических знаний в науке и в жизни россиян, осудили ксенофобию и национализм в российском обществе, выразили поддержку введения бакалавриата по антропологии и этнологии и выразили благодарность организаторам конгресса за его высокий научный уровень и хорошую организацию.

Н.А. Томилов, М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова, С.Н. Корусенко, Т.Б. Смирнова, С.В. Соколовский

II Международная научная конференция

«Речевая коммуникация в современной России»

(26–30 июня);

Международная летняя научная школа

«Коммуникативная лингвистика»

(26 июня – 5 июля)

В конце июня 2011 г. в Омске произошло масштабное событие: впервые была организована Международная летняя научная школа по коммуникативной лингвистике. Ее организатором выступил филологический факультет ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

К работе Школы была приурочена II Международная научная конференция «Речевая коммуникация в современной России», которая проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-04-14102 г).

Конференция объединила ученых из Омска, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Перми, Кемерово, Братска, Барнаула, Красноярска, Челябинска и других городов России. Международное участие обеспечили представители ближнего (Белоруссия, Украина, Казахстан) и дальнего (Австрия) зарубежья. За три дня конференции состоялось 57 докладов, в которых обсуждались актуальные пробле-

мы современной речевой деятельности, новые дискурсивные практики в современных СМИ, рекламе и связях с общественностью, результаты межъязыковых сопоставительных исследований, особенно важные для нашего приграничного региона.

Отметим, что все без исключения доклады, как пленарные, так и секционные, вызвали оживленное обсуждение, на заседаниях царил дух свободной дискуссии, присутствовала та культура речевой коммуникации, когда вопросы естественно переходят в суждения и рассуждения. В отчетах руководителей секций отмечался высокий научный, профессиональный уровень всех докладов, в частности аспирантов и студентов, которые только начинают свою деятельность.

На двух пленарных заседаниях прозвучали доклады, в которых затрагивались дискуссионные проблемы современной речевой коммуникации и предлагался круг вопросов для обсуждения.

Доклад **проф. М.А. Кронгауза** (Москва) «Изменения в языке: случайность или системность» был посвящен причинам и характеру стремительных изменений в лексической системе современного русского языка. Ученый показал, что, кроме очевидных социальных причин, как то: необходимости назвать новый предмет (*принтер, леггинсы*), выразить новый смысл (*визажист* не то же самое, что *парикмахер*, а профессия *кутюрье* не тождественна ни *портному*, ни даже *модельеру*), подчеркнуть престиж (*риэлтор* для русских, безусловно, звучит лучше, чем *маклер*), в языке действуют и собственные, системные закономерности. К ним, в частности, относится известный закон экономии языковых усилий (поэтому короткое *пиарщик* лучше, чем длинное *специалист по связям с общественностью*), необходимость дифференциации тождественных по смыслу единиц, системность заимствований и многое другое.

В докладе **проф. Эдгара Хоффмана** (Австрия, Вена) «Иностранные кухни в России: лингвокультурологический аспект» на большом материале, включающем анализ письменных источников и данные анкетирования, было рассмотрено восприятие и оценка русскими иностранных кухонь, выявлено, каковы их доминирующие черты в языковом сознании носителя русского языка (по сравнению с носителями других языков).

Проф. А.А. Чувакин (Барнаул) в докладе «Современная речевая коммуникация в теоретическом и прикладном ас-

пектах» остановился на особенностях нового федерального государственного образовательного стандарта по направлению подготовки «филология», одним из разработчиков которого он является.

Проф. Н.А. Кузьмина (Омск) в докладе «Интермедиаальность в современной художественной коммуникации» обратила внимание присутствующих на особенность современной художественной коммуникации, которая состоит во взаимодействии кодов («языков») разных искусств в отдельном поэтическом тексте, что создает его особую целостность. Докладчик продемонстрировал это явление на примере нескольких поэтических книг, которые представляют собой синтез изобразительного и вербального кодов, показав разные формы и средства выражения интермедиаальности.

Проф., д-р филос. наук Н.Н. Мисюров (Омск) в сообщении «Общественный дискурс в современной России: западные мифы и отечественная реальность» обратился к разрешению «вечного вопроса» о взаимодействии европейских и собственно русских традиций в современном обществе, трансформации западных мифов, пересаженных на русскую почву.

Проф. Б.Ю. Норман (Минск, Белоруссия) в докладе под интригующим названием «Что значит “супруги”? (О взаимодействии формы и значения в речевой деятельности)», двигаясь от единичного примера, показал, что язык, при всей своей провозглашаемой системности, изначально содержит в себе глубинные противоречия (в частности, между грамматикой и семантикой), которые по-разному преодолеваются в речевой деятельности.

Доклады и сообщения, сделанные на заседаниях четырех секций, развивали идеи, высказанные на пленарном заседании.

В секции «Новые дискурсивные практики в СМИ, рекламе, связях с общественностью / сопоставительное изучение дискурсивных практик» было сделано 10 докладов. В работе секции принял активное участие профессор Э. Хоффман (Вена, Австрия).

Во всех выступлениях обсуждалась современная коммуникативная реальность России и ее ментальные основания.

Проф. О.С. Иссерс (Омск) в докладе «Дискурсивная практика: к определению понятия» сформулировала несколько теоретических тезисов, касающихся заглавного термина. Опираясь на идеи социального конструкционизма, она акцентировала внимание на том, что дискурсивная практика – часть социальной практики,

подчеркнула значимость периферийных явлений для тех коммуникативных образований, которые сегодня чаще всего называются дискурсами. Были проанализированы примеры, демонстрирующие «способы расширения типов общения» в новых коммуникативных условиях.

Три совместных доклада с научным руководителем представили ученики омского профессора Н.А. Кузьминой. М.О. Курдюмова на материале переносных значений слов, сложившихся в систему новых концептуальных метафор, показала изменения в русской языковой картине мира. Н.О. Кушакова проанализировала SMS-общение по ряду значимых коммуникативных параметров и сделала вывод об отсутствии у SMS самостоятельного жанрового статуса. Е.В. Тулаева, исследуя гендерные аспекты анонимной интернет-коммуникации, обнаружила лингвистические признаки «мужского шовинизма» в анонимных форумах.

Проф. Н.В. Орлова (Омск) продолжила заявленную в докладе О.С. Иссерс тему переходных коммуникативных образований, показав процесс и результаты поиска жанровой формы участниками социологического интервью. Сделан вывод о значимости «жанрового аттрактора» для языковой личности и выявлены факторы, влияющие на выбор конкретного жанра.

Рассматривались разные аспекты современной рекламы. Е.Г. Соболева (Екатеринбург), рассуждая о гиперплеонастичности рекламного текста, показала, что на его стилевые черты влияют причины прагматического характера, в частности кратковременность предъявления текста реципиенту. Е.А. Савельева (Ханты-Мансийск) обратила внимание на роль когнитивных стереотипов в способе выражения смысла 'полезно, полезный'. Е.Э. Штукина (Костанай, Казахстан) продемонстрировала особенности вербального наполнения рекламного текста в поликультурном (казахско-русском) коммуникативном пространстве.

СМИ как материал анализа представлен в двух докладах томских исследователей. С.В. Фащанова обратилась к функциям языковой игры в радиодискурсе. О.В. Орлова обратила внимание на медиаконцепт 'нефть' и рассмотрела его имиджевый потенциал в СМИ нефтедобывающего региона, отметив, что для анализа концептов такого типа не подходят привычные культурологические методики.

В секции **«Лингвокогнитивные аспекты изучения современной речи»** было отмечено, что изучение современной

речевой коммуникации, ее актуального состояния и тенденций развития русского языка представляется важной и очень ответственной задачей, стоящей перед российскими и зарубежными учеными-лингвистами. Дело в том, что язык настолько многофункционален и динамичен в своей обслуживающей деятельности, что впору говорить о наступлении новой эпохи больших перемен. Новая эпоха связана еще и с новым взглядом на явления сквозь призму когнитивной науки и лингвистической прагматики. Именно этот аспект был в той или иной степени освещен в 13 докладах, которые затрагивали четыре круга проблем: русская концептуальная и языковая картина мира; литературный и деловой текст: форма и содержание; современное состояние и развитие русского языка; лингвокогнитивный аспект межъязыкового взаимодействия.

На заседаниях секции **«Политическая коммуникация и аспекты ее изучения / Коммуникативные стратегии и тактики современной русской речи»** состоялось заинтересованное обсуждение проблем неологизации фразеологических единиц в политической коммуникации современной Украины (А.М. Григораш, Киев), содержательной и стилистической организации интернет-сайтов российских политических партий (Е.М. Крыжановская, Пермь), механизмов речевого воздействия в политической коммуникации (Н.Н. Кошкарлова, Челябинск) и в речи телеведущих (Э.В. Акаева), а также коммуникативных стратегий и тактик в разных жанрах и стилях речи (Н.М. Татарникова, Братск; А.В. Алексеева, Омск).

В секции **«Современная лингвокультурная ситуация: проблемы лингвоперсонологии и лингводидактики»** состоялось 12 докладов по следующим направлениям:

– *Проблемы языковой личности и реализации ее потенциала в речевой деятельности.* Интерес вызвали сообщения М.А. Кожиной (Томск) о языковой личности Ф.М. Достоевского в контексте юридического дискурса; Е.В. Лаврентьевой (Новосибирск) о типах личностей в ситуации оправдания; О.Е. Сенюткиной (Красноярск) об особенностях идиостиля писателя С. Минаева; Н.В. Соловьевой (Пермь) о жанровом своеобразии научных текстов в аспекте речевой индивидуальности ученого.

Активное обсуждение инициировало сообщение Н.Г. Нестеровой (Томск), посвященное моделированию личности идеального радиоведущего (докладчик пред-

ставил результаты анкетирования настоящих и будущих журналистов).

Литературовед А.В. Кубасов (Екатеринбург), проанализировавший особенности речевого поведения постмодерниста В.Г. Сорокина в интернет-журнале «Сноб», убедительно показал междисциплинарность, характерную для исследований языковой личности поэта или писателя.

– *Проблемы интерпретации текстов.* Данное направление представлено докладами С.А. Максимовой (Новосибирск) и О.В. Творжинской (Кемерово), в которых анализировались особенности интерпретации художественных текстов младшими и старшими подростками. Анализ результатов проведенных исследователями экспериментов заинтересовал участников конференции в связи с активно обсуждаемыми проблемами содержания работы с текстом на ЕГЭ по русскому языку.

– *Актуальные вопросы лингводидактики.* Обсуждались проблемы обучения русскому языку младших школьников (доклад Н.В. Кулаковой, Красноярск), студентов-нефилологов (доклад Л.Г. Кыркуновой, Пермь), иностранных студентов (доклады В.С. Маркелова, Казань) и Л.Б. Никитиной (Омск). Примечательно, что выводы выступающих основывались на собственном методическом опыте, что придало выводам особую аргументированность. Активное обсуждение вызвало сообщение В.С. Маркелова, поделившегося опытом работы по формированию звуко-фонемного представления у китайских студентов. Несомненный интерес представлял доклад Л.Б. Никитиной, посвященный лингвокультурологическому аспекту речевого общения с китайскими студентами. Об актуальности данного вопроса свидетельствует развернувшаяся дискуссия о способах (стратегиях) включения китайских студентов в коммуникативное пространство России.

В целом работа секции показала, что для речевой коммуникации в современной России характерна индивидуализация речевых проявлений, стремление говорящих/пишущих максимально реализовать свой речетворческий потенциал. Участники конференции отметили, что особое значение в современных условиях приобретают проблемы межкультурной коммуникации и связанный с ними поиск эффективных путей преодоления коммуникативных барьеров.

С удовлетворением заметим, что конференция привлекла к себе внимание региональных СМИ: на всех заседаниях присутствовали корреспонденты теле-

радиокомпаний, в газетах появились информационные и аналитические материалы об этом событии. Готовится к публикации сборник научных докладов.

Одновременно с конференцией начала работу Летняя школа по коммуникативной лингвистике, собравшая около 100 слушателей из Омска и разных регионов Урала, Сибири, а также представителей Казахстана. Среди них были и доктора наук, и начинающие, молодые лингвисты.

В качестве лекторов выступили известные отечественные и зарубежные ученые.

Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, директор Института лингвистики РГГУ. Работал в издательстве «Советская энциклопедия», Институте проблем передачи информации Академии наук, а также в качестве приглашенного исследователя и профессора – в университетах Франции, Германии, Италии, Австрии, Финляндии, Эстонии. М.А. Кронгауз – автор научных монографий, учебников, статей по семантике, прагматике, семиотике, культурологии, русистике.

Темы его лекций: «Новые слова и вещи», «Куда уходят слова», «Формулы вежливости», «Обращение: традиции и тенденции». Мастер-класс проф. М.А. Кронгауза был посвящен коммуникации в Интернете: феноменам блогосферы и социальных сетей.

Борис Юстинович Норман, доктор филологических наук, профессор. Заведовал кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, работал в Германии, США, Польше, Финляндии. Заслуженный работник образования Республики Беларусь. Автор вузовских пособий «Теория языка. Вводный курс» и «Лингвистические задачи», книг «Грамматика говорящего», «Игра на гранях языка», «Лингвистика каждого дня», «Лингвистическая прагматика» и др. Автор и идеолог парадигмального «Этимологического словаря».

Темы лекций: «Взаимодействие языковых уровней в процессах речевой деятельности»; «Псевдовысказывания: природа и функции»; «Форма как элемент значения слова»; «Искусственное слово в естественном тексте»; «Нерешенная проблема грамматики: феномен неполной парадигмы». Проф. Б.Ю. Норман провел мастер-класс «Этимологический словарь и принципы языковой игры».

Вадим Викторович Дементьев, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Автор работ многочисленных работ по проблемам жанроведения, ответственный редактор сборников «Жанры речи», выпускаемых в Саратове. В.В. Дементьев выступил с лекциями на темы: «Жанр в речевой коммуникации», «Общие и частные задачи жанроведения (когнитивное и культурологическое жанроведение)», «Отдельные жанры русской речи (разговор по душам, светская беседа, флирт, анекдот семидесятых годов)», «Изучение жанров новых сфер общения».

В работе Школы приняли участие три омских ученых.

Наталья Арнольдовна Кузьмина – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и языка массовых коммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Автор научных монографий, учебных пособий и статей по проблемам семиотики. Темы ее лекций: «Коммуникативная специфика современного поэтического дискурса»; «Интертекстуальность современных СМИ: тенденции развития».

Лариса Олеговна Бутакова – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Автор научных монографий, учебных пособий, статей по семантике, прагматике, семиотике, психолингвистике. Она прочитала лекцию «Лингвокогнитивные и психолингвистические аспекты изучения современной речи» и провела мастер-класс по актуальным проблемам лингвистической экспертизы.

Оксана Сергеевна Иссерс – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Автор научных монографий, учебных пособий и статей по проблемам коммуникативной лингвистики и речевого воздействия. Она рассказала о своей работе в составе комплексной научной экспедиции по изучению языка, экономики, культуры и коммуникативного поведения староверов в Бразилии.

По результатам работы Школы слушателям выданы удостоверения о краткосрочном повышении квалификации установленного образца.

Работа конференции и Школы сопровождалась культурной программой, которая включала экскурсии по городу, по-

ездку на теплоходе по Иртышу, посещение театров и музеев нашего города.

Участники конференции и Школы выразили удовлетворение качеством организации и пожелания по поводу регулярности и проблематики будущих Школ. Успешное проведение столь значимых научных событий обеспечивалось четкой и слаженной работой оргкомитета конференции, ее председателя, декана филологического факультета проф. О.С. Иссерс и заместителя председателя оргкомитета, координатора Летней школы, д-ра филол. наук, проф. Т.П. Рогожниковой.

Н.А. Кузьмина

VI Международная научно-практическая конференция «Немцы Сибири: история и культура»

В июне 2010 г. в Омске состоялась VI Международная научно-практическая конференция «Немцы Сибири: история и культура». Эта конференция является периодической, первая конференция «Немцы Сибири» состоялась в 1993 г. Следующие конференции проходили в Омске в 1996, 1999, 2002 и 2006 гг.

В организации VI конференции приняло участие довольно большое число различных учреждений и организаций: Министерство регионального развития Российской Федерации, Правительство Омской области, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Немецкое общество технического сотрудничества (GTZ, Германия), Виннипегский университет (Канада), Университет Фрезно Пасифик (США), Немецкая национально-культурная автономия Омской области, Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Германия), Сибирский филиал Российского института культурологии, Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. В качестве соорганизаторов выступили Международный союз немецкой культуры, Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев, Омский государственный историко-краеведческий музей.

Конференция имела хорошую финансовую поддержку, которую оказали Министерство регионального развития Российской Федерации, Министерство внутренних дел Германии, Правительство Омской области, Генеральное консульство Федеративной Республики Германия в Новосибирске, Виннипегский университет (Канада), Университет Фрезно Паси-

фик (США). Благодаря спонсорам в конференции смогло принять участие большое количество как российских, так и зарубежных ученых.

Всего в работе конференции приняли участие около 200 человек, в том числе с докладами выступили 80 человек. Это участники из России (Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Новосибирск, Новоалтайск, Омск, Пермь, Саратов, Ставрополь, Славгород, Тара, Тобольск, Томск, Тюмень), Казахстана, Украины, Австрии, Германии, Нидерландов, Канады, США. Иностранцев было более 40 человек, самая большая делегация из Канады.

Открытие конференции состоялось 2 июня в конференц-зале Правительства Омской области. На открытии прозвучали традиционные приветствия участникам конференции, в том числе от Государственной думы Российской Федерации, Генерального консульства Федеративной Республики Германия в Новосибирске, Правительства Омской области, Российской академии наук, Немецкой национально-культурной автономии Омской области и руководства трех университетов – Омского, Виннипегского и Университета Фрезно.

На пленарном заседании было заслушано 6 докладов. Первым прозвучал доклад профессора А.А. Германа, доктора исторических наук, заведующего кафедрой отечественной истории в новейшее время Саратовского государственного университета, который является председателем правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, доклад назывался «Поволжские немцы в Сибири в первые месяцы после депортации (сентябрь–декабрь 1941 г.)». Далее был сделан совместный доклад профессора Виннипегского университета Р. Левена и П. Тевса, профессора университета Фрезно Пасифик (США, Калифорния), посвященный представлениям североамериканских исследователей о Сибири. Следующим выступил П.П. Вибе, директор Омского государственного историко-краеведческого музея, с докладом «Менонитские колонии в Сибири в конце XIX – первой трети XX в.». Доктор исторических наук И.В. Черказьянова из Санкт-Петербурга выступила с докладом «Вклад ученых Сибири в изучение немецких диалектов: к вопросу о формировании научных школ (к 110-летию со дня рождения А.П. Дульзона и 90-летию со дня рождения Г.Г. Едига)». Далее прозвучали выступления, посвященные современной ситуа-

ции: доклад «Поддержка российских немцев в Сибири в рамках программы МВД Германии», который сделал Д. Фрик, генеральный директор ЗАО «Общество развития Новосибирск», представляющий Немецкое общество технического сотрудничества (Германия). И завершил пленарное заседание доклад Т.Б. Смирновой, возглавляющей научно-исследовательскую лабораторию этнографии и истории немцев Сибири Омского госуниверситета, посвященный современному положению немецкого национального меньшинства в России, современному состоянию идентичности, языка и культуры российских немцев, современной миграционной ситуации, доклад назывался «Современное положение российских немцев (по данным этносоциологических опросов)».

Во второй половине дня состоялась встреча руководства Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского с делегациями иностранных и иностранных участников конференции. На этой встрече была сделана презентация Омского госуниверситета, в том числе его международной деятельности, программ интеграции науки и высшей школы, сотрудники и студенты факультета культуры и искусств представили свое творчество. Делегации обменялись подарками, из которых, конечно, наибольшую ценность для ученых представляли научные издания.

В завершение первого дня конференции состоялась экскурсия по городу Омску и посещение иностранными участниками Сибирского культурного центра. В это время члены правления Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев провели очередное заседание правления, поскольку оно собралось в Омске практически в полном составе.

3 июня проходила работа секций. В рамках конференции были организованы 4 секции: «Общие проблемы и региональные аспекты истории и современного положения российских немцев», «Этническая история и культура российских немцев», «История и культура меннонитов», «Проблемы немецкого языка и образования в Сибири».

Перечислять все доклады из-за большого их количества вряд ли целесообразно. Отметим лишь, что наиболее многочисленной была менонитская секция, в ней принимали участие зарубежные участники и все доклады сопровождалось переводом.

Вечером состоялась поездка в Азовский немецкий национальный муници-

пальный район Омской области. Участники конференции посетили районный центр с. Азово, где встретились с главой администрации В.Г. Сабельфельдом и руководством района. Для участников конференции был дан небольшой концерт местных коллективов, проведена экскурсия по социальным объектам и примечательным местам районного центра. Затем все отправились в с. Цветнополе, одно из самых красивых сел Азовского района, где местные жители устроили для участников великолепный прием, за что нужно специально поблагодарить главу сельской администрации П.Э. Эккерта и директора цветнопольской школы Е.Е. Граф.

4 июня продолжилась работа секций, во второй половине дня состоялось пленарное заседание, которое проходило в Омском научном центре. На этом заседании был сделан доклад Н.А. Томилова «Взаимодействие культур и цивилизационные процессы в Сибири» и его совместный доклад с научным сотрудником Сибирского филиала Российского института культурологии Н.Н. Везнер о фундаментальных изданиях омских научных учреждений по истории и народной культуре. Затем участники конференции познакомились с работой Омского научного центра и находящегося в составе этого центра Музея народов Сибири и посетили Омский государственный историко-краеведческий музей, где его директором П.П. Вибе была представлена деятельность музея, состоялась экскурсия и презентация новых книг по истории и культуре российских немцев (И.В. Черказнянова, А.И. Савин).

Следует отметить, что основной целью конференции, носящей научно-практический характер, являлась координация научных исследований, разработка совместных научно-исследовательских программ, привлечение к обсуждению научных проблем практических работников сферы культуры, образования, административных работников, внедрение в практику научных разработок в области национального образования и культурного развития немецкого населения. Поэтому в работе конференции приняли участие практики – преподаватели немецкого языка, сотрудники национально-культурных центров, члены общественных организаций российских немцев. 28–30 июня состоялись практические сессии конференции, которые проходили на базе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

С приветствиями к участникам конференции обратились ведущий советник

Департамента межнациональных отношений Министерства регионального развития Российской Федерации кандидат исторических наук С.В. Баах, заместитель министра образования Омской области Г.М. Лосева, председатель комитета по образованию, науке, культуре и молодежной политике Законодательного собрания Омской области профессор, доктор физико-математических наук Г.И. Геринг, начальник управления научно-исследовательских работ Омского госуниверситета П.В. Орлов и начальник управления по международному сотрудничеству Омского госуниверситета В.В. Иссерс.

На пленарном заседании были сделаны доклады доктора исторических наук Т.Б. Смирновой «О практическом значении международных конференций «Немцы Сибири: история и культура (1993–2010 гг.)» и кандидата исторических наук А.Н. Блиновой «Исследования по истории и этнографии российских немцев в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского». Далее работа конференции проходила в секционном формате «Методическое направление научных исследований по истории и культуре российских немцев и практическое внедрение результатов в сфере образования». На научно-методической сессии были сделаны доклады ведущих ученых и специалистов органов образования Сибири, посвященные реализации программ с этнокультурным компонентом (история, народные традиции российских немцев), краеведческой работе и совместным российско-германским проектам. На научно-практической сессии состоялись практические занятия с участниками конференции по внедрению инновационных технологий и научных разработок в образовательный процесс и проведение праздничных мероприятий с участием российских немцев. 30 июня состоялось заключительное пленарное заседание, на котором были заслушаны отчеты руководителей секций и подведены итоги конференции.

Т.Б. Смирнова

Современные тенденции в развитии музеев и музееведения

3–5 октября 2011 г. в Новосибирске прошла работа Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения». Организаторами этого мероприятия были названы Институт истории

Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), Музейный совет РАН, Комитет музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона, Международный совет музеев (ИКОМ) ЮНЕСКО, Научный совет по музеям СО РАН, Российский институт культурологии (РИК), Сибирский филиал РИК, Сибирский филиал Научного совета исторических и краеведческих музеев России. Конференция была посвящена 20-летию Музея СО РАН.

Понятно, что подготовку этого мероприятия осуществили новосибирцы – сотрудники Института истории СО РАН и Музея СО РАН. Возглавил оргкомитет директор вышеназванного института и председатель Научного совета по музеям СО РАН (а таких музеев в СО РАН сорок) член-корреспондент РАН В.А. Ламин, основную работу по организации выполнили О.Н. Шелегина, Н.М. Щербин, Г.М. Запорожченко и И.А. Крайнева. Сопредседателями оргкомитета стали директор Научно-исследовательского института антропологии и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, председатель Музейного совета РАН, член-корреспондент РАН А.П. Бужилова, директор РИК профессор К.Э. Разлогов, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, директор Сибирского филиала РИК, заведующий кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ), председатель Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России профессор Н.А. Томилов, заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма Алтайской государственной педагогической академии, президент Комитета музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО профессор О.Н. Труевцева.

В работе конференции участвовали специалисты из 16 городов России, а в вышедшем в свет сборнике было опубликовано более 70 статей [1]. Всего было заслушано 52 доклада.

Открыл первое пленарное заседание и выступил с большой приветственной речью В.А. Ламин. Особое внимание он уделил развитию музейной сети СО РАН, задачам по урегулированию статуса академических музеев и по созданию благоприятных условий для их функционирования. Затем участников конференции приветствовали А.П. Бужилова и заместитель директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН Ю.А. Купина.

Далее были заслушаны доклады Л.И. Скрипкиной (Москва) «Актуальные проблемы музейного дела России на современном этапе», Н.А. Томилова (Омск) «История музеев Сибири в исследованиях российских ученых», М.В. Шиловского (Новосибирск) «Музеи и развитие краеведения в Сибири во второй XIX–XX вв.», Н.М. Щербина (Новосибирск) «Музей Сибирского отделения Российской академии наук: вчера, сегодня, завтра», О.А. Сосниной (Москва) «Увидеть историю: культурное наследие в музейном проекте», В.М. Кимеева (Кемерово) «Проблемы проектирования, создания и трансляции региональной идентичности экомузеев Сибири», С.В. Бураевой (Улан-Удэ) «Фотодокументы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук: классификация, атрибуция, стратегия трансляции», О.Н. Шелегиной (Новосибирск) «От создания музеев Сибири к созданию Музея Сибири», Г.М. Запорожченко (Новосибирск) «Экспозиционно-выставочная работа Музея СО РАН, посвященная 110-летию со дня рождения академика М.А. Лаврентьева», Н.Н. Шелегина (Новосибирск) «Роль и возможности школьного музейного комплекса в формировании патриотического самосознания учащихся».

Еще один доклад на пленаре сделали омские ученые Ю.В. Герасимов и М.А. Корусенко – они рассказали о новом в Омске Музее народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и его экспозиции, часть которой составили экспонаты Музея археологии и этнографии ОмГУ.

Работа секции 1 «История создания, развития и формирования музеев в современный период» прошла под председательством М.А. Жигуновой, Е.А. Поляковой и Н.М. Щербина. В ней приняли участие около 30 человек. В итоге было заслушано 20 докладов.

Большая часть докладов была посвящена современным музеям Сибири. Роль сибирских музеев в активизации общественной инициативы в конце XIX – начале XX в. была рассмотрена в докладе Е.А. Дегальцевой (Бийск). Образовательно-воспитательный потенциал епархиальных музеев Западной Сибири был раскрыт в докладе Е.А. Поляковой (Барнаул), особенности формирования музеев на территории Томской области и их роль в социокультурном пространстве региона – в докладах И.А. Сизовой и Ю.К. Варги (Томск). В

совместном докладе Г.Г. Гурьяновой и Б.А. Конилова (Омск) были рассмотрены некоторые вопросы истории музейного дела Западной Сибири и деятельность искусствоведа и музееведа И.В. Спириной. Доклад А.П. Сорокина (Омск) был посвящен роли Омского государственного историко-краеведческого музея в формировании и трансляции региональной исторической памяти, доклад М.А. Жигуновой (Омск) – культуре русских в коллекциях Называевского историко-краеведческого музея Омской области.

Различным музеям СО РАН были посвящены доклады С.В. Бураевой (Улан-Удэ), Н.М. Щербина и Г.М. Запорожченко (Новосибирск), А.Е. Мурзинцевой (Улан-Удэ). Основные этапы развития Омского музея истории Управления внутренних дел рассмотрела в своем докладе Г.М. Патрушева (Омск). Музею истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина были посвящены доклады Д.Д. Бушмы и А.Х. Усепян (Новосибирск). В докладе В.Н. Горскиной (Новосибирск) был представлен школьный Музей боевой славы авиации Сибири им. В.В. Магро. Современные тенденции в сохранении историко-культурного наследия приграничных территорий России и Монголии были подняты в докладе В.И. Терентьева (Кемерово), а проблему интеграции российских музеев в региональное социокультурное пространство рассмотрела в своем докладе Г.И. Торопова (Рязань). Современные задачи Гельминтологического музея Центра паразитологии Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцева были доложены в совместном выступлении Л.В. Филимоновой и Н.Н. Буториной (Москва).

Работа секции «Изучение и презентация научного и историко-культурного наследия» проходила в этнографическом зале Музея истории культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН, экспозиция которого создала великолепный антураж для плодотворной работы ученых. Для участия в работе секции были заявлены 13 докладов. Обязанности модератора выполнила А.Ю. Майничева – доктор исторических наук, заместитель заведующего отделом Института археологии и этнографии СО РАН. К сожалению, не всем авторам удалось лично представить свои доклады, всего в ходе работы секции было заслушано 7 выступлений. Такой «камерный» формат заседания ни в коей мере не умалил его интенсивности – каждое из прозвучавших сообщений вызывало бурное обсуждение собравшихся. В

представленных докладах были рассмотрены проблемы методологии и методики музейной работы, затронуты вопросы организации собирательской и презентационной работы в музеях, показан потенциал музеев различного профиля и ведомственной принадлежности в информационном обеспечении актуальных научных исследований.

На секции были заслушаны доклады А.Ю. Майничевой (Новосибирск) «Экспозиция археологических памятников в Историко-архитектурном музее Института археологии и этнографии СО РАН», Ю.А. Купиной (Санкт-Петербург) «Каталог этнографической коллекции: опыт и перспективы жанра», И.Н. Белолобского, Г.Г. Боевской, Р.В. Кутыгина, М.Д. Томшина (Якутск) «Палеонтологические коллекции Геологического музея Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН», Л.А. Кравцовой (Кемерово) «Геологическая карта Кузбасса 1925 г. – транслятор истории геологических исследований Кузнецкого каменноугольного бассейна начала XX в.», Ю.В. Герасимова (Омск) «Каталогизация археологического фонда Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского», М.А. Овчаровой (Новосибирск) «Сохранность элементов мордовской традиционной культуры в фондах музеев Кемеровской области» и Э.Р. Ахуновой (Омск) «Состав этнографических коллекций по культуре и хозяйству татар Западной Сибири Омской и Тюменской областей».

На конференции работала еще одна секция под названием «Информационные технологии и социокультурные новации в музейном деле» (модераторы секции И.А. Крайнева, И.В. Сальникова). В заслушанных докладах и в дискуссии были обсуждены задачи по использованию информационных технологий в музейной практике, по освещению роли цифровых технологий в сохранении и публикации музейных предметов и документов, по актуализации коллективной памяти городских сообществ, по использованию в музейной практике информационной системы «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири» и др.

Во время работы конференции состоялись два мастер-класса по темам «Работа с Порталом музеев СО РАН» (его провели Т.Е. Алексеева и Н.Л. Панина) и «Новые формы музейной деятельности» (провел Н.Н. Покровский).

В последний день работы конференции состоялась круглый стол «Современ-

ные тенденции в развитии музеев и музееведения», работой которого руководили заведующая отделом Государственного исторического музея и ученый секретарь Научного совета исторических и краеведческих музеев России при Министерстве культуры РФ Л.И. Скрипкина, Н.А. Томилов и Н.М. Щербин. Были заслушаны доклады Л.И. Скрипкиной (Москва) «Проблемы координации деятельности музеев», И.В. Чувилевой (Москва), С.Б. Орлова (Бийск), О.Н. Шелегиной (Новосибирск) «Междисциплинарный открытый проект “Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство”», И.А. Крайневой, А.Г. Марчука, П.А. Марчука (Новосибирск) «Технологический и гуманитарный аспекты исторической фактографии».

На заключительном пленарном заседании было принято развернутое решение конференции, в которое вошли 15 предложений и рекомендаций. Приоритетным направлением в музейном деле России была признана работа с музейными фондами с использованием информационных технологий. В решение конференции омиичи предложили включить пункт о подготовке к изданию научных книг «История музеев Сибири». Оно обеспечено тем, что омские ученые уже создали несколько очерков по истории ряда музеев Енисейска, Новосибирска, Омска, Тюмени. Ученые других научных центров также имеют монографические исследования по истории музеев Сибири. Заметим, что Омск сегодня является крупным культурологическим и в том числе музееведческим научным центром России.

Во время конференции для ее участников были организованы экскурсии по Музею СО РАН, Музею истории культуры народов Сибири и Дальнего Востока, Центральному сибирскому геологическому музею и археолого-этнографическому музею под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.) / отв. ред. В. А. Ламин, Н. М. Щербин. Новосибирск : Редакционно-издательский центр Новосибирск. ун-та, 2011. 398 с.

Н.А. Томилов, Ю.В. Герасимов, М.А. Жигунова

Послесловие к конгрессу: К оценке роли, потенциала и перспектив омского Тюркологического центра

После распада СССР тюркологические исследования в России столкнулись с объективными трудностями. Образование государственных границ между бывшими союзными республиками воздело преграды для научных контактов и обмена опытом между исследователями из теперь уже разных суверенных государств, осложнило возможности изучения истории и культуры тюркских стран и народов. Одну из первых попыток преодолеть возникший «разрыв» тюркологического научного пространства предпринял коллектив омских исследователей, организовавший в 1990-е гг. несколько научных форумов, посвященных этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омские тюркологические конференции имели большой общественный и научный резонанс, поскольку они представляли собой практически единственную площадку, объединяющую сообщество ученых-тюркологов всех тюркских республик СНГ, включая, естественно, и Россию, тюркоязычное население которой по численности занимает второе место после славяноязычного. Совершенно не случайно, что особое место в консолидации усилий тюркологов стал занимать Омск, который исторически являлся форпостом Российского государства в Азиатском регионе, центром государственного и научного взаимодействия России и стран Центральной Азии.

Следует отметить, что традиция проведения в Омске научных форумов, посвященных этнографии и археологии тюркских народов Северной Евразии, была заложена в 1979 г., а основным их организатором являлся Омский государственный университет. Первые две конференции «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий» имели статус Всесоюзных и были проведены в 1979 и 1984 гг., третья конференция проходила в ранге Всероссийской и проводилась в 1992 г., а четвертая в статусе Международной состоялась в 1998 г.

Продолжателем названных конференций стал Международный научный конгресс «Этническая история и культура тюркских народов Евразии (по данным антропологии, археологии, культурологии, лингвистики, фольклористики и этнографии)», который состоялся в Омске 27–30

сентября 2011 г. Организаторами Конгресса выступили Правительство Омской области, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирский филиал Российского института культурологии. К началу работы был опубликован толстенный сборник научных трудов [1], в котором было опубликовано 160 статей ученых из России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Конгресс проходил в стенах Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. В начале пленарного заседания участникам конференции были оглашены приветствия Председателя правительства Омской области Л.К. Полежаева, консула Республики Казахстан в г. Омске Э.А. Кунаева, ректора Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского профессора В.И. Струнина (его огласил проректор по науке А.Г. Козлов), директора Института археологии и этнографии СО РАН, академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН А.П. Деревянко.

Всего было заслушано 53 доклада, 27 выступлений в прениях, докладчикам было задано 65 вопросов. На форуме выступили ученые из Казахстана, Польши, Финляндии, а также из городов России: Владивостока, Казани, Кемерово, Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Якутска.

На пленарном заседании прозвучали выступления В. Ольшевского (Польша, Торунь) «Уровни идентификации польских татар в историко-этнологическом аспекте», Г.А. Аксяновой (Россия, Москва) «Сибирские татары как объект антропологического изучения», Н.А. Томилова (Россия, Омск) «Интеграционная ориентация омских конференций по этнической истории тюркских народов», Р.Ф. Беяева (Финляндия, Хельсинки) «Татарская община Финляндии в XIX – начале XXI века», Р.Н. Мусиной и С.В. Суловой (Россия, Казань) «Тюрко-татарская этнология в Казани: этапы становления», Ю.И. Михайлова (Россия, Кемерово) «К проблеме истоков мифологической общности тюркомонгольских народов», Л.А. Чвырь (Россия, Москва) «Страна тюрков» в жизни и творчестве Галии и Балкис Кармышевых», А.П. Яркова (Россия, Тюмень) «О характере экономических отношений в Сибирской юрте».

Далее работа шла по сессиям: 1) история и методология антропологических, исторических, культурологических иссле-

дований тюркских народов; тюркское культурное наследие в материалах архивов и музеев; 2) археологические исследования этнической истории тюркских народов Евразии, актуальные вопросы этногенеза и физической антропологии; традиционная культура тюркских народов Евразии; 3) религии, государственность, современное этнополитическое развитие тюркских народов: инновационный и модернизационный потенциал; 4) интеграция археологических и этнографических исследований в изучении этнической истории тюркских народов Евразии.

Историографическая проблематика была представлена докладами омских исследователей Б.А. Коникова, Н.А. Томилова и А.Г. Селезнева, в которых были освещены вопросы становления тюркской археологии Омского Прииртышья и современное состояние исследований омских этнологов. С.В. Бураева (Улан-Удэ), Э.Р. Ахунова (Омск), В.М. Кимеев и В.И. Терентьев (Кемерово) сообщили о тюркском культурном наследии в музеях Бурятии, Тюменской области, Кузбасса и Монголии.

Обширный блок составили доклады, посвященные археологическим исследованиям этнической истории тюркских народов. В совместном выступлении А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков (Новосибирск) рассказали о развитии декоративно-прикладного искусства у древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии. В группе докладов омских ученых Ю.В. Герасимова, Е.М. Данченко, В.В. Михалева были освещены различные аспекты процесса тюркизации в Среднем Прииртышье. Сразу несколько докладов были посвящены проблеме миграций населения Сибири в эпоху средневековья. А.М. Илюшин (Кемерово) выступил с новой версией о причинах миграции носителей кыпчакской культуры на территорию Верхнего Приобья. Л.А. Чиндина (Томск) сформулировала важные выводы о хронологии переселения части эвенков на левобережье Средней Оби. Особый интерес у участников вызвал доклад А.И. Бураева (Улан-Удэ) об антропологическом изучении уникальных скульптурных изображений из кургана Шороон-Дов.

Целая группа докладов была посвящена различным аспектам традиционной культуры и этнической истории сибирских татар. Г.Т. Бакиева (Тюмень) сообщила об особенностях этнокультурных процессов у сибирских татар Тюменской области в начале XXI в., С.Н. Корусенко (Омск) – о структуре семьи тарских татар

в XVIII–XIX вв., Д.А. Мягков (Омск) – о топонимах населения татарской деревни Тайчи Омской области, М.Н. Тихомирова (Омск) – о традициях и новациях в обряде катым-куча у тобольских и заболотных татар. Кроме того, в выступлениях омичей Ш.К. Ахметовой и Б.А. Тынысова были затронуты проблемы родильной обрядности и родового состава казахов Омского Прииртышья.

Широкий хронологический диапазон был охвачен в докладах, посвященных религиозной тематике. Л.И. Егорова (Якутск) выступила с гипотезой об истоках культа неба у древних тюрков. А.М. Илюшин (Кемерово) сообщил о находках культовых предметов кочевников-кыпчаков. И.А. Селзнева (Омск) рассказала о современном статусе религиозной элиты у татар-мусульман Сибири.

Традиционно широкий интерес вызвал проводившийся в рамках Конгресса XIX научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований». Ряд докладов здесь носил историографический и методологический характер. А.В. Жук (Омск) представил совместный с Н.А. Томиловым доклад, в котором была предложена периодизация этноархеологического направления отечественной науки. В.Е. Медведев (Новосибирск) продемонстрировал возможности этноархеологического изучения средневековых памятников вблизи озера Болонь, а С.С. Тихонов (Омск) – в среднем течении реки Томи. М.П. Черная (Томск) представила интересную методику сравнительно-исторического анализа средневекового сибирского города. М.Л. Бережнова (Омск) и С.Н. Корусенко в совместном выступлении показали возможности применения письменных источников в исследовании истории и культуры населения Тарского Прииртышья.

Отдельный блок составили доклады, представляющие научные результаты конкретных работ. А.В. Матвеев (Омск) и И.Ю. Чикунова (Тюмень) сообщили о результатах исследования средневековых городищ Екатерининское V и Черепаниха 2. В докладах омских исследователей К.Н. Тихомирова и М.Н. Тихомировой на основе изучения истории нескольких татарских деревень Омской области были высказаны теоретические выводы о размещении поселений локальной группы в изучаемом микрорегионе.

В прениях обсуждались дискуссионные вопросы современной тюркологии как на общетеоретическом, так и на конкретно-эмпирическом уровнях исследо-

вания. Участники дискуссии отметили важность и полезность омских тюркологических форумов, необходимость их проведения в дальнейшем. Были высказаны и конкретные предложения: активизировать работы по исследованию истории археологической, этнографической, антропологической и филологических наук; требовать беспрепятственного допуска исследователей в крупнейшие федеральные, региональные, ведомственные архивы; призвать специалистов к усилению работ по интеграции археолого-этнографических разработок с лингвистическими и антропологическими исследованиями.

Помимо заседаний, работа Конгресса включала обширную культурную программу. Участники форума совершили экскурсии по городу Омску, в Музей археологии и этнографии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского на выставку, посвященную юбилею профессора Омского государственного университета Н.А. Томилова, и Музей народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Настоящий восторг вызвал яркий концерт творческих коллективов тюркских национальных культурных центров Омской области в Омском Доме Дружбы. Концерт завершился дегустацией национальных блюд. Ход работы форума широко освещался региональной прессой и стал событием в культурной жизни нашего региона.

Участники отметили высокий научный и организационный уровень проведения Международного научного конгресса «Этническая история и культура тюркских народов Евразии (по материалам антропологии, археологии, культурологии, лингвистики, фольклористики и этнографии)» и выразили благодарность ее организаторам.

Проведенный Конгресс в очередной раз дал повод для размышления относительно места, перспектив и потенциальных возможностей омского научного центра в отечественных тюркологических исследованиях. Следует уверенно констатировать, что Омск продолжает играть важную координирующую роль в развитии связей России с тюркологическими центрами стран Центральной Азии. Перспективы такого плодотворного взаимодействия весьма оптимистичны. Материалы прошедшего конгресса, как опубликованные, так и озвученные в выступлениях, отчетливо отражают стремление интеллектуалов разных стран к тесному сотрудничеству, причем именно омский

тюркологический центр мог бы выступить в роли потенциального лидера этих интеграционных процессов. Движение по пути создания Евразийского Союза создает объективные, так сказать, геополитические предпосылки для реализации обсуждаемых научных перспектив.

Впрочем, на самом деле проблема еще шире и глубже. Сегодня построение стратегии развития невозможно без учета обстоятельств перманентно пульсирующего глобального экономического кризиса и трагических потрясений, постигших арабо-мусульманский мир. В таком контексте вопросы взаимного сотрудничества с мусульманскими тюркскими регионами Центральной Азии приобретают особую актуальность, а формирование объективного, научно-ориентированного информационного поля – характер жизненно важного стабилизирующего фактора. Причем очевидно, что, вопреки обычной нашей практике, этот круг проблем невозможно решить из столичного далека. Роль пограничных регионов, имеющих традиционные устойчивые связи с соседями из ближнего зарубежья, исключительна велика. Исторически и географически омский регион является воротами России в Центральную Азию. Особый статус Омска в многогранном сотрудничестве со странами центрально-азиатского региона мог бы стать его отличительным фирменным знаком. Краеугольным камнем реализации этого проекта является общее научно-образовательное пространство. Правда, силами только научного сообщества его создание вряд ли возможно. Здесь требуются консолидированные усилия общества и власти. Кажется, сейчас самое время идти в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск : Издатель-полиграфист, 2011. 442 с.

А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, Д.А. Мяков

Памяти Т.А. Ивановой

13 декабря 2011 г. в Петербурге в возрасте 95 лет умерла Татьяна Аполлоновна Иванова – один из самых замечательных в стране специалистов в области изучения старославянского языка. Человек скромный, она никогда не претендовала на докторскую степень и преподавательскую карьеру завершила в звании доцента, но след, оставленный ею в своей

области науки, заметней, чем у иного профессора.

Я познакомился с Татьяной Аполлоновной в середине 70-х. В то время, не поладив с партийным начальством Алтайского края, я вынужден был перейти на работу в Шуйский пединститут Ивановской области. Но там у меня оказалась совсем новая учебная нагрузка – историко-лингвистический цикл. А в Барнауле, хотя тема кандидатской у меня была историческая, я всё современный русский язык и только один семестр читал историческую грамматику, да и то на заочном отделении. А преподаватели русского языка знают, какая это сложная вещь – «современнику» переквалифицироваться в историка языка. И при первой возможности я взял командировку в Ленинград, чтобы в тамошних библиотеках и в ходе консультаций с тамошними преподавателями хоть частично ликвидировать своё невежество.

Т.А. Иванова вела на кафедре русского языка Ленинградского университета старославянский язык. Я прочитал ее статью «О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите», опубликованную в журнале «Вопросы языкознания», прочитал книгу Н.С. Трубецкого «Die altkirchenslavische Grammatik» и пришёл на консультацию к Татьяне Аполлоновне. Мы говорили долго и обсудили множество частных и общих вопросов методики старославянского языка, в том числе, конечно, и ее статью. И книга Трубецкого мне очень понравилась, так что я спросил мнение о ней моей собеседницы, и она ответила, что находит эту работу очень интересной. (Татьяна Аполлоновна знала немецкий, а вот для тех, кто не знает этого языка, названный труд, действительно очень интересный, остаётся и сегодня недоступным: на русский он не переведён до сих пор).

После работы в 1974–1976 гг. в Шуйском пединституте мне пришлось вернуться к преподаванию старославянского языка только в 1994 г. в Омском университете, уже в сане профессора, но тот давний разговор с Татьяной Аполлоновной я и тогда вспоминал с пользой для себя.

Впоследствии мы встречались с Татьяной Аполлоновной только мельком, но сохраняли переписку. А в 1977 г. в Москве вышел ее учебник старославянского языка, который до сих пор остаётся для студентов-филологов одним из лучших пособий по этому предмету, особенно в части вопроса о славянских азбуках.

Увы, с этим учебником связана не слишком красивая, но типичная для наших дней история. В 1997 г. московское издательство «Высшая школа» решило выпустить его 2-е издание. Казалось бы, прекрасно, однако... однако автору не только не выплатили ни копейки гонорара, а и не соизволили поставить в известность о переиздании. Видимо, москвичи с чисто рыночной бойкостью решили, что создательницы учебника, которой к тому времени было уже за 80, нет в живых. Между тем Татьяна Аполлоновна в это самое время готовила переработанное издание учебника в издательстве Петербургского университета. И вскоре это издание вышло. И на его титульном листе было помечено: «Издание 2-е». Хотя на самом деле оно было 3-м. И теперь приходится разъяснять студентам этот казус.

Так или иначе, учебник Т.А. Ивановой находит и долго еще будет находить применение в преподавании одного из сложнейших и важнейших курсов славистического цикла на филологических факультетах во всех вузах страны, в том числе и в нашем университете.

К сожалению, мне не привелось побывать на лекциях Татьяны Аполлоновны, но те, кто их слушал, отзываются о ней как о совершенно блистательном лекторе.

Стоит сказать еще о том, что Татьяна Аполлоновна воспитала немало квалифицированных и благодарных учеников. Одной из ее учениц является Светлана Андреевна Аверина, которая не только читает сегодня курс старославянского языка студентам Петербургского университета, продолжая лучшие традиции своего учителя, но и сумела подготовить в университетском издательстве в 2004 г. книгу избранных трудов Татьяны Аполлоновны. В книгу вошли не только работы об истоках славянской письменности, но и разбросанные прежде по различным периодическим изданиям статьи и заметки по истории древнерусского и современного русского литературного языка, рецензии на ряд важных трудов по историческому языкознанию, воспоминания и другие материалы о русских учёных-славистах.

Неутомимая труженица науки, Т.А. Иванова заслужила долгую и благодарную память в сердцах коллег и учеников.

Б.И. Осипов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акелькина Е.А. – д-р филол. наук, профессор, директор Омского регионального центра изучения творчества Ф.М. Достоевского при ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, fmdostocentr@yandex.ru.

Бакулина С.Д. – канд. культурологии, доцент, научный сотрудник кафедры культурологии Омского государственного педагогического университета, svbakulina@yandex.ru.

Безбородов В.П. – канд. филол. наук, доцент Сибирской государственной автомобильной академии, bezborodov_vp@mail.ru.

Берсенева Т.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, taniabers@list.ru.

Быстрицкая Г.Г. – старший преподаватель кафедры современной русской литературы и журналистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, заслуженный учитель РФ, gor4iza@mail.ru.

Ваганова К.Р. – соискатель кафедры исторического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, vaganova1988@mail.ru.

Васильюк К.В. – преподаватель Нефтеюганского филиала Омского государственного технического университета, Ulkavas@mail.ru.

Ветелина Л.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры современной русской литературы и журналистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, logagerman@ Rambler.ru.

Вивчар В.М. – аспирант кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Vvivchar@yandex.ru.

Винская О.В. – соискатель кафедры современной русской литературы и журналистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, journalist-omgu@yandex.ru.

Воскресенская Л.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета, in.jaz_omgtu@mail.ru.

Гаревардт Е.В. – ассистент кафедры теории и истории мировой культуры ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, elena_omgu@mail.ru.

Герасимов Ю.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, sfrik@list.ru.

Гиль О.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы Омского государственного педагогического университета, kafedra-2006@mail.ru.

Гринберг М.С. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист РФ, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Грисько А.С. – аспирант кафедры маркетинга и рекламы ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, ev_isaeva@mail.ru.

Грязнова М.А. – аспирант кафедры иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета, solovo2006@yahoo.com.

Денисова Е.И. – почетный работник высшей школы РФ, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Довнер И.В. – студентка 4-го курса ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, politologiy@inbox.ru.

Жигунова М.А. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры музеологии, экскурсоведения и туризма, sfrik@list.ru.

Золотова Т.Н. – канд. ист. наук, ученый секретарь и старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, sfrik@list.ru.

Исаева Е.В. – д-р экон. наук, доцент кафедры маркетинга и рекламы ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, ev_isaeva@mail.ru.

Казанник А.И. – д-р юрид. наук, профессор кафедры государственного и муниципального права ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Государственный советник юстиции I класса, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Карабыков А.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института, meavox@mail.ru.

Караваева Е.В. – канд. ист. наук, старший преподаватель Куйбышевского филиала Новосибирского государственного технического университета, green_house7@mail.ru.

Кикимбаева А. – аспирант исторического факультета ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, if_dekanat@mail.ru.

Киселев А.Г. – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории Гуманитарного института Югорского университета (г. Ханты-Мансийск), A_Kiselev@ugrasu.ru.

Клюев А.И. – аспирант кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, kljuevartem@mail.ru.

Ковалев В.А. – д-р экон. наук, доцент, зам. директора по научной работе Омского филиала ВЗФЭИ, ev_isaeva@mail.ru.

Ковальчук Н.И. – канд. юрид. наук, доцент кафедры социального права ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Омской области, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Коптева Э.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы Омского государственного педагогического университета, eleonora_kopteva@mail.ru.

Коротун О.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, ovlakor@yandex.ru.

Корусенко С.Н. – канд. ист. наук, доцент, ученый секретарь и старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнографии и музееведения ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, sfrik@list.ru.

Кочетова Л.А. – канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Волгоградского государственного университета, lakvolgu@mail.ru.

Красовская Н.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, nelli.krasovskaya@yandex.ru.

Кузьмина Н.А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и языка массовых коммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, natalya_kuzmina@mail.ru.

Кутмина О.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры современной русской литературы и журналистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, journalist-omgu@yandex.ru.

Левашова Е.Л. – ст. преподаватель кафедры социальных наук Надымского филиала Московского психолого-социального института, politologiy@inbox.ru.

Левенских И.А. – аспирант кафедры социологии и социального управления Тюменского государственного университета, ialevenskih@yandex.ru.

Ледовских А.Ю. – канд. ист. наук, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета, anna_ledovskih@mail.ru.

Лукьянов И.С. – д-р техн. наук., профессор, заведующий кафедрой Дальневосточного государственного технического университета (ДВГТУ), Lisprim@mail.ru.

Ляпина А.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, a.v.liapina@mail.ru.

Максимюк Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Сибирской государственной автомобильной академии, Grechko_EV@mail.ru.

Малов Д.В. – лаборант-исследователь Лаборатории социально-политических исследований кафедры политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, dimalow@mail.ru.

Межевикин И.В. – аспирант ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, sfrik@list.ru.

Мерц З.С. – директор Дома-музея П. Васильева, Павлодар (Казахстан), journalist-omgu@yandex.ru.

Метель О.В. – аспирант кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, olgametel@yandex.ru

Мещерякова-Клабахер В.А. – аспирант кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета, verameshch@gmail.com.

Миронов В.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, vvm_512@rambler.ru.

Мисюров Н.Н. – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы и журналистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, misjurov@univer.omsk.su.

Моисеев М.В. – канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, kafedra110a@yandex.ru.

Морозова Н.А. – канд. экон. наук, Омский государственный педагогический университет, Nadegda-25@yandex.ru.

Мухина Г.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, if_dekanat@mail.ru.

Мягков Д.А. – канд. ист. наук, научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, sfrik@list.ru.

Наземцева Е.Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайской государственной педагогической академии, elenanazz@mail.ru.

Николин В.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Омского государственного педагогического университета, nvv06@mail.ru.

Николина О.И. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета, olga_nikolina@mail.ru.

Осипов Б.И. – д-р филол. наук, профессор ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, osun@rambler.ru

Парунина Л.Д. – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии и СТУ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ldp-s@mail.ru.

Пашинина А.В. – аспирант факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, PashinAn@yandex.ru.

Першин Ю.Ю. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, pershiny@mail333.com.

Петрова Н.Н. – старший преподаватель кафедры английского языка ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, petrova-natalia@list.ru.

Петрова Ю.В. – научный сотрудник Омского регионального центра изучения творчества Ф.М. Достоевского при ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, fmdostocentr@yandex.ru.

Попова Ю.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, politologiy@inbox.ru.

Порошина А.М. – аспирант кафедры философии Омского государственного педагогического университета, poumen@inbox.ru.

Пыхтеева Е.В. – старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных дисциплин Тарского филиала Омского государственного педагогического университета, pichteeva@mail.ru.

Родигина Н.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, natrodigina@list.ru.

Ромашова И.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, romashova.inna@gmail.com.

Ростовцев Е.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, rostovtsev@hotmail.ru.

Рудковский И.В. – канд. ист. наук, доцент исторического факультета Томского государственного педагогического университета, lemke2@yandex.ru.

Садчикова А.Е. – старший преподаватель кафедры иностранных языков ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, nasad@list.ru.

Селезнев А.Г. – канд. ист. наук, доцент кафедры этнографии и музееведения ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, заведующий сектором этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, sfrik@list.ru.

Селезнева И.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры этнографии и музееведения ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, заведующая сектором национальных культур и международных отношений Сибирского филиала Российского института культурологии, sfrik@list.ru.

Сизов С.Г. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, sizov-omsk@yandex.ru.

Смирнова Т.Б. – д-р ист. наук, профессор кафедры этнографии и музееведения ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, заведующая сектором Сибирского филиала Российского института культурологии, sfrik@list.ru.

Соколовский С.В. – д-р ист. наук, ведущий сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая СО РАН, sfrik@list.ru.

Соловьева А.М. – аспирант Ростовского государственного экономического университета «РИНХ», ev_isaeva@mail.ru.

Солощенко П.П. – старший преподаватель кафедры философии и теории культуры Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, p_soloschenk@mail.ru.

Степашин В.М. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Тетюев Л.И. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Педагогического института Саратовского государственного университета, tetjuewl@mail.ru.

Тимашков А.Ю. – соискатель кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, journalist-omgu@yandex.ru.

Тимофеев А.В. – директор департамента корпоративного развития НОУ ВПО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий», ev_isaeva@mail.ru.

Томилов Н.А. – д-р ист. наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии, заведующий кафедрой этнографии и музееведения ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, tomilov@hist.omsu.omskreg.ru.

Турьшева О.Н. – канд. филол. наук, доцент, докторант Уральского государственного университета им. А.М. Горького, oltur3@yandex.ru.

Фигура А.О. – аспирант кафедры философии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, anamography@mail.ru.

Фролова Т.С. – исполнительный директор Томского православного регионального благотворительного общественного фонда, tfrolova@sibmail.com.

Хомяков В.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры современной русской литературы и журналистики ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, vix50@yandex.ru.

Хряков А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории им. Ф.М. Достоевского, alexchryakov@yandex.ru.

Худяков В.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, vnh_ist@mail.ru.

Чач Е.А. – аспирант кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, lech2003@mail.ru.

Чиркин В.В. – соискатель кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского государственного университета, politology@inbox.ru.

Шевченко М.Н. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры философии с курсом истории Отечества ОмГМА, maxsh1978@yandex.ru.

Шехурин Д.Ю. – соискатель кафедры культурологии Санкт-Петербургского государственного университета, shekhurin@gmail.com.

Шмидт И.В. – канд. ист. наук, старший преподаватель ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, rebew@rambler.ru.

Штырлина Е.Г. – аспирант кафедры современного русского языка Казанского (Приволжского) федерального университета, shtyrlinaekaterina@gmail.com.

Юнаковская А.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры исторического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, istyaz@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Журнал «Вестник Омского университета» существует с 1996 г. Периодичность выхода журнала – 4 раза в год (1 раз в квартал). Журнал распространяется согласно обязательной рассылке издательств, собственному списку рассылки, а с 2004 г. является и подписным изданием, внесенным в каталоги Роспечати.

Редколлегия принимает статьи по следующим научным направлениям: *математика, физика, медицинская биофизика, химия, философия, политология, социология, теология, история, книговедение, филология, искусство и культура, экономика, юридические науки, педагогика и методика преподавания.*

К публикации в журнале принимаются научные статьи, рецензии, сообщения о научных форумах, работе диссертационных советов и т. д. Имеется литературная страница, куда принимаются небольшие рассказы, эссе, стихи.

Автор статьи обязан заключить с Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского лицензионный договор о передаче неисключительных прав на использование произведения, включенного в «Вестник Омского университета», и предоставить договор, подписанный автором, вместе со статьей в редакцию журнала. Ознакомиться с договором и методическими рекомендациями по его заполнению можно на сайте: <http://www.omsk.ru/page.php?id=1043>.

ВНИМАНИЕ! Без договора статьи к публикации приниматься редакцией не будут.

Соискатели, аспиранты, студенты обязаны получить рекомендацию к публикации научного руководителя или другого ученого, имеющего степень доктора или кандидата наук.

Статья должна быть подписана автором (а при наличии нескольких авторов – всеми соавторами) и редактором по направлению.

Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений несет ответственность автор.

Рукописи статей подвергаются редакционной обработке, при необходимости отдельные замечания редактора согласуются с автором.

Рецензирование. Каждая статья проходит обязательное рецензирование двумя специалистами той отрасли знания, по которой предложена. Редакция направляет материалы на рецензирование самостоятельно. Рецензентами являются доктора и кандидаты наук из ведущих научных центров и вузов России.

Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи.

Статьи, оформленные не в соответствии с настоящими требованиями, не принимаются к публикации не будут. Рукописи и дискеты авторам не возвращаются.

Отступления в оформлении рукописи от указанных требований и большое количество технических погрешностей и ошибок позволяют редколлегии принять решение об отклонении статьи или переносе ее публикации в следующий номер.

В случае отказа в публикации редакция направляет автору мотивированный отказ.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.

2. Правила оформления научной статьи

Требования к публикациям – актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения, без длинных введений и повторов. Сокращения слов не допускаются, кроме общепринятых. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой (например, Уголовный кодекс Российской Федерации – УК РФ).

Материалы предоставляются в печатном и электронном виде (на носителях – дискета 3,5А, CD) либо по электронной почте E-mail: vestnik@omsk.ru.

Объем статьи – до 30 000 знаков с пробелами; научного сообщения, рецензии – до 10 000 знаков с пробелами; литературных трудов – до 5 000 знаков с пробелами. Превышение объема допускается в индивидуальном порядке по решению редколлегии.

Оформление статьи: поля сверху, снизу, слева и справа – по 2,5 см. В верхнем левом углу листа ставится УДК. Ниже обычным шрифтом (11 п.) – инициалы, фамилия автора, строкой ниже – полное название организации. Далее по центру жирным шрифтом (Ж) Times New Roman Cyr размером 11 п. прописными буквами печатается название статьи. Ниже через строку помещается аннотация на русском языке (3–5 предложений 10 п.), раскрывающая основное содержание статьи. Ещё через строку помещают основной текст статьи, набранный шрифтом Times New Roman Cyr 11 п. Абзацный отступ – 0,7 см. Межстрочный

интервал одинарный. В конце статьи курсивом – краткое название статьи для колонтитула. На отдельной странице – фамилия и инициалы автора, название статьи на русском и английском языках, а также аннотация (не менее 500 знаков с пробелами) и ключевые слова (5–7 слов) на русском и английском языках, реферат статьи.

К статье прилагается информация об авторе: фамилия, полное имя и отчество, ученая степень и звание, должность, полный рабочий адрес (с указанием почтового индекса), E-mail, номер служебного, домашнего и мобильного телефона.

Рисунки должны быть четкими, фотографии – контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносится в подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной, но емкой по содержанию (10 п.).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Заголовки должны точно соответствовать содержанию граф. Все данные внутри таблицы – 10 п., головка таблицы выделяется жирным шрифтом.

Размеры рисунков и таблиц – не более 80×80 мм (на одну колонку), 170×170 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. *Рисунки и таблицы вставляются в тексте в нужное место.*

Формулы простые внутрискладочные и однострочные могут быть набраны без использования специальных редакторов – символами (допускается использование специальных символов из шрифтов Symbol, Greek Math Symbols, Math-PS Mathematica BTT). Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation 2.0, 3.0. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. В распечатанном варианте должны быть подчеркнуты простым карандашом прописные буквы двумя чертами снизу, строчные буквы – двумя чертами сверху – в случаях, когда написание строчных и прописных букв совпадает и отличается только величиной. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. Нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама такая формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в единственном числе, то нумерация не нужна. Длина формулы – не более 70 мм.

Сноски на литературу оформляются цифрами в квадратных скобках (например, [1]) и приводятся в конце статьи в разделе «Литература» в порядке их упоминания в тексте. Все библиографические данные должны быть тщательно выверены.

Примечания оформляются числами в виде верхнего индекса и должны быть последовательно пронумерованы. Тексты примечаний относят в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ и нумеруют числом в виде верхнего индекса. *Подстрочные сноски в тексте не допускаются.*

Если в статье есть и ПРИМЕЧАНИЯ, и ЛИТЕРАТУРА, то сначала идет раздел ПРИМЕЧАНИЯ.

Правильное оформление статей значительно облегчит труд редакторов и ускорит публикацию вашего материала.

После выхода очередного номера из печати каждому автору выдается 1 экземпляр бесплатно.

Адрес редакции журнала:

644077, Омск-77, пр. Мира, 55-а, I корпус ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, каб. 240.

Тел.: (3812) 64-44-92, e-mail vestnik@omsu.omskreg.ru.

Приглашаем к активному сотрудничеству с нашим журналом!